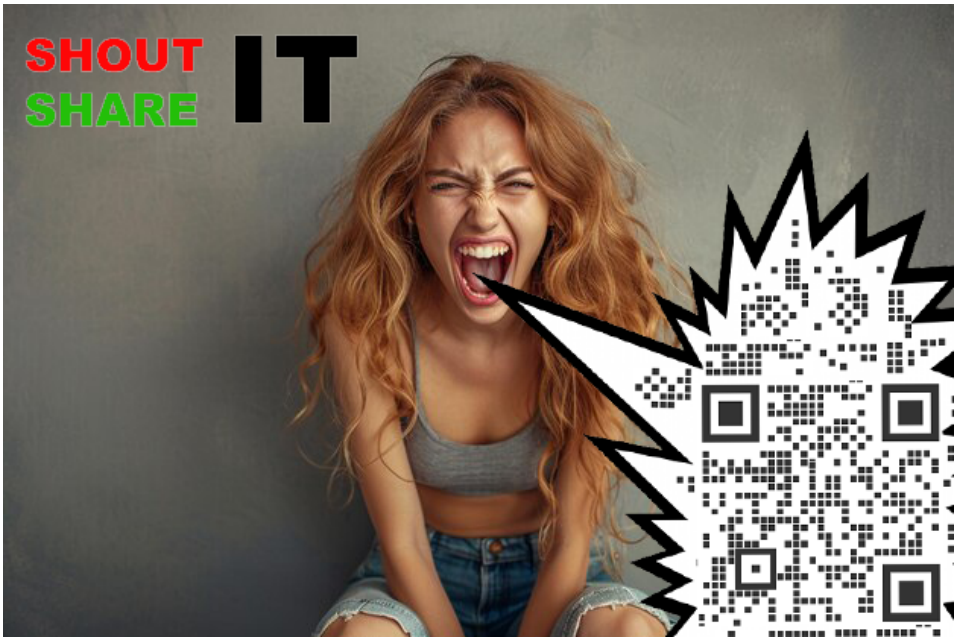
На далеких рубежах

Иван Гребенюк


SHOUT
SHARE
IT

- Гребенюк Иван

Гребенюк Иван
На далеких рубежах

Иван Гребенюк

На далеких рубежах

В книге "На далеких рубежах" И.Гребенюк показывает будни советских летчиков-истребителей, их повседневный героизм в освоении боевой техники, стойкость и мужество при защите воздушных рубежей нашей Отчизны.

Читателям особенно полюбится летчик Телюков, жизнь которого полна приключений и неожиданностей. Он верен своему долгу перед Родиной и, ни минуты не колеблясь, готов отдать за нее жизнь. Он верен любви к Нине. Встретив эту девушку при очень тяжелых для нее обстоятельствах, он полюбил ее горячо, пылко, на всю жизнь...

Иван Федорович Гребенюк родился в 1918 году в селе Човно-Федоровка Опошнянского района на Полтавщине. В 1933 году переехал в г. Харьков, где начал работать, продолжая учебу без отрыва от производства. В 1938 г. в газете "Соціалістична Харківщина" была напечатана его поэма "Два бригадира", и позже в печати, преимущественно в газетах, стали появляться его небольшие стихотворения.

В конце 1938 г. Гребенюк был призван в Советскую Армию. Служил на Дальнем Востоке рядовым бойцом. Как активного военкора его взяли в редакцию красноармейской газеты, которая издавалась в г. Владивостоке. С тех пор его жизнь связана с работой в военной печати.

Все годы Великой Отечественной войны И.Гребенюк провел на фронтах. Вначале работал в дивизионных газетах, а с ноября 1942 г. -- в редакции газеты Н-ской Воздушной армии. Будучи военным корреспондентом, он часто выступал с очерками и рассказами о героях-летчиках. Награжден двумя орденами и несколькими медалями.

Член КПСС с 1943 года.

На протяжении ряда лет И.Гребенюк работал начальником отдела редакции газеты "Слава Родины" Прикарпатского военного округа. Ныне он подполковник в отставке.

Художественные произведения пишет на родном, украинском языке.

И.Гребенюк -- член Союза писателей и Союза журналистов.

Первая часть книги "На далеких рубежах" -- "Стартуют истребители" была издана в 1958 году на украинском языке

издательством "Ряданський письменник", а до этого печаталась в журнале "Вітчизна" (орган Союза писателей Украины). В 1960 г. "Стартуют истребители" была выпущена Воениздатом, а затем переведена на румынский и чешский языки.

В 1962 году в журнале "Вітчизна" была напечатана вторая повесть И.Гребенюка "На далеких рубежах".

Книга "На далеких рубежах" сложилась из двух повестей -- "Стартуют истребители" и "На далеких рубежах", несколько переработанных и дополненных автором. В этих повестях И.Гребенюк показывает будни советских летчиков-истребителей, их повседневные дерзания в освоении боевой техники, их стойкость и горячий патриотизм, который они проявляют при защите воздушных рубежей Родины.

И.Гребенюк -- автор сборника юмористических рассказов "Солдатські усмішки", изданного в 1961 году на украинском языке Львовским книжно-журнальным издательством, повести "Проліски цвітуть узимку" и др. Произведения армейского писателя нередко печатаются в украинских журналах "Вітчизна" и "Дніпро", а также в военных газетах.

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Стартуют истребители *

Глава первая

Теплоход "Юг" уходил в свой очередной рейс.

Из репродуктора, установленного над капитанским мостиком, доносились прощальные звуки вальса. Они пролетали над гранитной набережной, волнами перекатывались через дома-великаны и постепенно затихали в улицах и переулках большого города.

На палубе, слегка опираясь локтем на фальшборт, стоял летчик в звании майора и с грустью наблюдал за толпой провожающих. У него не было здесь родных и знакомых. Никто не помахал ему с берега рукой, никто не пожелал счастливого плавания.

Майору Поддубному на вид можно было дать лет двадцать шесть -- двадцать семь. На самом деле ему исполнилось тридцать. Годы майора скрадывала стройная фигура, гладко выбритый подбородок, худощавое лицо, на которое еще не успело наложить свой бронзовый отпечаток южное солнце.

Год назад летчик окончил военно-воздушную академию. Потом служил в Заполярье, командовал эскадрильей, а теперь ехал в Н-ский авиационный истребительный полк на должность помощника командира полка по огневой и тактической подготовке.

Когда теплоход отошел от берега и развернулся, летчик спустился в свою каюту, открыл иллюминатор и в последний раз

окинул взглядом город, амфитеатром лежавший над бухтой. Правее морского вокзала, как табун жирафов, толпились портальные краны. Некоторые из них неуклюже поворачивались, еще более напоминая этим живые существа.

Это был торговый порт. За ним, насколько хватал глаз, изгибался серый берег, острым серпом врезающийся в светло-зеленый простор моря.

На горизонте сгущалась мгла. Исподволь отступала береговая черта, а затем постепенно исчез и город: казалось, он ушел куда-то под воду.

Летчику припомнилась недавняя встреча с генерал-майором авиации Щукиным.

...Открылись массивные, обитые дерматином двери. Яркая ковровая дорожка вела от порога через весь кабинет к столу, за которым сидел генерал. Его официальная и строгая фигура вынудила летчика как-то сразу подтянуться. Расправив грудь, он зашагал твердо и уверенно.

Рядом с генералом стоял начальник отдела кадров, пожилой лысый подполковник с папкой под мышкой. Генерал неторопливо перелистывал какие-то бумаги, аккуратно делая на них пометки толстым красным карандашом.

"Мое личное дело просматривает", -- догадался летчик. Остановившись, он представился.

Командующему, наверное, пришлись по душе выправка офицера, четкость в словах, скупость в движениях. Генерал приветливо протянул руку и предложил сесть.

-- Удовлетворены новым назначением? -- спросил командующий, внимательно разглядывая сквозь очки майора.

-- Вполне, товарищ генерал!

-- Отдаленность, пустыня не пугают вас?

-- Никак нет, товарищ генерал. Еду охотно.

-- Что за причина?

-- О своем будущем командире полковнике Сливе наслышан. Боевой командир.

-- Вы с ним знакомы? -- живо заинтересовался генерал.

-- Нет. Мы никогда не виделись. Но он во время войны командовал полком, который считался лучшим в дивизии. Говорят, слава о нем гремела на весь фронт. Я считаю для себя большой честью...

Летчик вдруг заметил на лице генерала неудовольствие и запнулся на полуслове. Наступило неловкое молчание.

-- Ну, ну, я вас слушаю, майор, -- сказал генерал, но тут же заговорил сам: -- У вас, однако, острый глаз. Я еще ничего не сказал, а вы уже насторожились. Собственно говоря, это неплохо.

Ну что ж, можете ехать. Документы я подписал. Желаю вам успеха. Но имейте в виду -- нелегко вам придется: там, в полку, старая слава никак не уживается с новой. Но, судя по вашим аттестациям, думаю, что вы справитесь. Откровенно говоря, это мое личное решение -- послать вас к полковнику Сливе.

Генерал проводил летчика к двери.

-- Твердо запомните правило: строгая методическая последовательность в учебном процессе летчиков и непримиримая борьба против шаблона и послаблений. Не забывайте: вы помощник командира полка. От вас будет зависеть многое. Если что -- обращайтесь ко мне непосредственно. Я даю вам такое право, товарищ майор.

-- Благодарю, товарищ генерал!

-- Всего хорошего.

Этого короткого разговора с генералом было вполне достаточно, чтобы понять: дела в полку Сливы идут неважно.

Что же произошло? Такой заслуженный, боевой командир и не справляется с боевой учебой?

...Теплоход шел уже в открытом море, оставив позади себя опаленные солнцем острова, как вдруг кто-то с силой рванул дверь каюты. На пороге встала фигура летчика с погонами старшего лейтенанта. Летчик был в белом кителе. С его моложавым лицом совершенно не вязались рыжеватые усики и бакенбарды. Небрежно швырнув на свободную верхнюю полку свой чемодан, он расстегнул воротник и только тогда увидел в каюте старшего офицера.

-- Здравия желаю, товарищ майор! -- козырнул старший лейтенант, слегка покачиваясь. Как видно, он был основательно навеселе.

-- Здравия желаю.

-- А я только что отобедал в ресторане и никак не соображу, где моя каюта. А она вон где оказалась. Вы, случайно, не в Кизыл-Калу держите курс? Так будем знакомы: старший летчик-истребитель Филипп Кондратьевич Телюков.

-- Очень приятно! -- майор протянул руку. -- Поддубный Иван Васильевич.

-- Весьма приятно. Так разрешите узнать, я угадал?

-- Угадали: еду в Кизыл-Калу.

-- Откуда?

-- В данное время из Москвы.

Телюков поглядел на майора, как на обреченного.

-- И вам, значит, не повезло, -- сказал он и покачал головой.

-- Не повезло?

-- Приедете -- сами убедитесь. Каракумы! Царство мертвых

песков! Вторая Сахара.

-- Вы ведь служите, как-нибудь и я привыкну.

-- Мы, товарищ майор, закалены, -- ответил Телюков задорно. -- С нами вы себя не сравнивайте. Вот наглотаетесь песка, этак с полпудика проглотите, тогда узнаете, как себя человек в пустыне чувствует. Да еще если скорпион или фаланга ужалит, тогда...

Телюков запнулся и нахмурился, вспомнив, вероятно, нечто еще более неприятное, чем укус фаланги.

-- Понимаете, товарищ майор... -- сказал он с кислой миной на лице. -Есть у нас такой майор Гришин. Штурман. Кроме того, он временно исполняет обязанности заместителя командира полка по летной части. Так вот этот майор вкатил мне в аттестацию, будто я, старший лейтенант Телюков, недисциплинированный летчик. А полковник Слива взял да и подмахнул аттестацию. Быть бы мне уже командиром звена истребителей, так вот аттестация ни к черту! А уж сколько он, Гришин, записал на мой счет предпосылок к летным происшествиям -- самый опытный бухгалтер и тот бы запутался! Бывало, чуть-чуть выше дозволенного выровняешь самолет на посадке -- готово: предпосылка! Низко выведешь самолет при стрельбе по наземным целям -- предпосылка к катастрофе. Эх, да что говорить! Как-то я на повышенной скорости рулил ночью по аэродрому -- хлоп -- предпосылка!

Телюков вынул сигарету, эффектно щелкнув серебряным портсигаром.

-- А знаете, товарищ майор, в чем тут заковыка? Боится Гришин. Аварий боится! Сам летает, как пуганая ворона, и другим не дает развернуться. Боится! Так и глядит, кого б из летчиков прижать. И доприжимался: полк наш -- худший во всей дивизии. Вот как! -- Он хлопнул кулаком по тумбочке. -Так я, понимаете, товарищ майор, чтобы пощекотать нервы Гришина, поставил такую "свечку" над аэродромом, что ого-го! От земли -- прямо в стратосферу! Ей-богу! Двигатель тянет, как зверь! А на сей раз пошел на бреющем. Лечу, а впереди горы, а в горах ущелье. Я -- в ущелье. Только скалы мелькают слева и справа. Оператор радиолокатора передал на КП, что я в горы врезался. Ан не! Телюков всех истребителей-перехватчиков с длинным носом оставил. Так вы думаете, меня похвалили? Черта с два! Стружку с меня сняли!

-- Не знаю, как вы там летали синим, но за "свечку" и эксперименты в ущелье я бы тоже взыскал с вас: отстранил бы от полетов, -- заметил Поддубный.

Телюков вспыхнул:

-- Меня? Меня отстранили бы?

-- Обязательно, -- подтвердил майор и раскрыл книгу, давая этим понять, что разговор окончен.

Телюков, однако, не унимался.

-- Меня? Меня, говорите? -- Он вытянул шею и стал похож на раздраженного гусака.

-- Именно вас!

-- Ого-го! А известно ли вам, товарищ майор, что лучше меня никто во всей дивизии не летает? Я летаю днем и ночью, в облаках и за облаками, в тропосфере и в стратосфере!

-- Постойте, постойте! Почему же у вас на кителе знак летчика второго класса?

Телюков заметно смутился, покраснел.

-- Да потому, что никто не принимает на первый. А я сдал бы зачеты. Ей-богу, сдал бы! Хоть сейчас! Обидно только, что аттестация плохая. Говорят, и капитана не дадут, стань я даже сверхклассным. А летаю, как комета! Я летчик-истребитель! Понимаете, товарищ майор? Давай мне скорость, чтобы консоли крыла трещали. Практический и даже динамический потолок давай! Тучи подавай. На десятом небе настигну вражеский самолет и не отстану, пока не вгоню его в землю, в пески. От меня, товарищ майор, сам черт не удерет -это я вам говорю от чистого сердца.

Поддубному наконец наскучило бахвальство летчика, к тому же он не очень трезвого.

-- Я вам советую лечь и выспаться, -- сухо сказал он.

-- Вы, наверное, думаете, что я все это сочиняю? -- с обидой в голосе спросил Телюков. -- Хвастаюсь? О нет! Вы сами увидите. Я полагаю так: летчик, да еще истребитель, должен быть во! -- он показал большой палец.

-- Скромностью, говоря откровенно, вы не отличаетесь.

Телюков обидчиво пробормотал что-то себе под нос и начал расстегивать китель.

-- Спать так спать. Признаться, я нагулялся по городу в ожидании, пока это корыто отправится в свой очередной рейс.

За ночь теплоход пересек море, вошел в узкий, видимо, неглубокий залив. Справа лежал серый холмистый берег, слева тянулась голая, желто-белая песчаная коса. На горизонте виднелся порт и железнодорожная станция Кара-Агач. Горсточка домишек лепилась к черным скалистым горам.

Вода в заливе стояла на диво белая, будто ее разбавили молоком. Казалось, теплоход не плывет, а скользит по зеркальному льду. Это впечатление еще больше усилилось оттого, что было свежо; море дышало утренней прохладой.

Стоя на палубе после душной каюты, майор Поддубный

полной грудью вдыхал свежий воздух. Немного погодя он спустился вниз и разбудил своего спутника.

-- На горизонте появился Кара-Агач. Вставайте, позавтракаем.

Телюков сладко потянулся и мгновенно соскочил с полки. Сказалась привычка военного человека, который не разминается долго после сна. Минута -- и он уже фыркал, расплескивая воду над белым умывальником; мускулы так и играли под шелковой сеткой-тенниской, обнажавшей упругие загорелые плечи. Вытершись полотенцем, он тщательно пригладил бакенбарды, причесался, надел китель.

-- Тяпнем по сто? -- подмигнул он, когда они уселись в ресторане за стол.

Майор отрицательно покачал головой.

Телюков пожал плечами: "Мол, воля ваша, а я опохмелюсь". Но, поразмыслив, водки не заказал. Кто его знает... Майор... Значок академии... Летчик первого класса. Такой, безусловно, может быть начальником в полку. Да и не маленьким.

-- Вы к нам на постоянно или, быть может, на практику? -- как будто между прочим спросил Телюков.

-- Помощником командира по огневой и тактической подготовке.

Так и есть, начальник!

Телюков с опаской стал припоминать свой вчерашний разговор. Все, о чем он говорил, -- сущая правда. Вот только насчет лучшего летчика в дивизии сболтнул лишнее. Через край взял... И дернула же его нелегкая! Сам на себя возвел поклеп. И сколько раз давал зарок... Хорошо еще, если майор смолчит, а то не успеешь опомниться -- разнесет пьяную болтовню на смех людям, и начнут потешаться в полку: "А ну-ка, Филипп Кондратьевич, ведь ты -- первый ас в дивизии..."

Стыдно, хоть сквозь землю провались! Поразмыслив, Телюков сделал вид, что решительно ничего не помнит. Выпил лишнего, вот и ляпнул... С кем такого не бывает?..

Пока офицеры завтракали, теплоход пришвартовался к деревянному причалу. Спустили трап. На палубу поднялся врач -- проверить, нет ли больных. Таковых, очевидно, не оказалось. Пассажиры хлынули на берег. Там их ожидали грузовые и легковые автомобили, ишаки, верблюды. Среди столь разнообразного транспорта сновали люди в европейских и азиатских костюмах; там и тут маячили островерхие шапки казахов, тюбетейки туркмен и туркменок, среди пестрой одежды которых преобладала красная расцветка.

Телюков слегка коснулся локтя майора:

-- Вон впереди нас дочь командира полка. В соломенной

шляпке, видите? Учится в институте иностранных языков на английском факультете. Едет, наверное, в гости. Вот хорошо! Полковник, значит, вышлет на станцию "Победу", и мы доберемся в полк с комфортом.

В соломенных шляпках ехало много девушек. Поддубный так и не разобрался, которая из них дочь командира полка.

Телюков, ловко лавируя между пассажирами, которые устремились на берег с чемоданами, корзинами, свертками, с детьми на руках и за спиной, пробился вперед и сразу затерялся в людском потоке. Поддубный увидел его уже на берегу, в обществе обладательницы соломенной шляпки. Обрадованный встречей, он увивался возле студентки, очевидно предлагая ей свои услуги. А она, стройная, с горделивой осанкой, стояла несколько смущенная, держа в руках небольшой чемодан и, как видно, не собиралась передавать свою легкую ношу офицеру.

-- Сюда, товарищ майор! -- окликнул Телюков.

Поддубный приблизился к ним.

-- Познакомьтесь, товарищ майор. Дочь нашего командира полка.

-- Очень приятно, -- поздоровался Поддубный, назвав себя.

-- Лиля, -- сказала девушка и, вскинув ресницы, поглядела на офицера веселым взглядом.

"Ишь какую дочь вырастил полковник", -- подумал Поддубный.

-- Вот так бывает, -- с досадой сказал Телюков. -- Плыли на одном теплоходе и не видели друг друга... Правда, я почти все время спал. Набегался по городу, устал...

"Да и водка затуманила глаза", -- внутренне усмехнулся майор.

Втроем они направились к железнодорожной станции, находившейся у подножия обрывистой высокой скалистой горы.

Оказалось, что поезд в Кизыл-Калу будет нескоро. Чтобы сократить время, вещи пришлось сдать в камеру хранения и пойти осматривать город.

А он оказался вовсе не таким уж маленьким, как выглядел издалека. Между горами лежало широкое ущелье, и по нему тянулась асфальтовая улица с домами европейского типа. Попадались дома трех- и четырехэтажные. Магазины с красивыми вывесками, фонари с электрическими плафонами, чугунные ограды, легковые автомобили -- все подчеркивало, что это город, а не только порт и железнодорожная станция. У подножия горы стоял довольно большой дом с вывеской "Гостиница".

Они вышли на базарную площадь. Торговля шла преимущественно морской продукцией. На столах грудами

лежали раки, шевеля клешнями. Поражала дешевизна: ведро раков -- один рубль. По вашему желанию их здесь же на базаре сварят, бросив в кипящий котел, под которым все время поддерживается огонь. Сизый дым вился над чайной. В ней русские, казахи, туркмены пили чай. Одни сидели за столами, а другие -- на коврах, скрестив ноги.

Телюкову отлично был знаком этот приморский городок, и он взял на себя роль экскурсовода. Водил своих спутников по улицам и переулкам, пока они не очутились перед рестораном.

-- Зайдемте, ведь вы, Лиля, не завтракали?

-- Да нет, что вы! -- смутилась студентка.

-- Идемте, Лиля! -- настаивал Телюков.

Лиля нерешительно взглянула на майора, как будто спрашивала его согласия.

-- Зайдемте, Лиля, если уж нас так настойчиво приглашают.

За стойкой, заставленной батареями бутылок, стоял молодой армянин-буфетчик. Увидев офицеров с девушкой, он поспешил к ним, подвел к столу и взялся сам обслуживать клиентов.

-- У нас есть все, што душа угодно, товарищи офицеры, -- с апломбом заявил буфетчик. -- Кавказ был? Шашлык ел? Ест шашлык. Люля-кераб ел? Ест люля-кераб. Коньяк -- да? Вотка -- да? Сухое вино -- да?

-- А чай или кофе есть? -- спросил Поддубный.

Буфетчик разочарованно развел руками.

Телюков, слушая названия блюд и напитков, чувствовал себя, как на именинах. К сожалению, за столом сидел старший, поэтому приходилось сдерживаться.

-- Три порции люля-кебаб, бутылку портвейна, пирожные, -- заказал Поддубный.

-- Зелень -- да? -- холодно спросил буфетчик.

-- И зелень, -- уныло подтвердил Телюков, видя, что с майором не очень-то разгуляешься.

Заказанного ожидали недолго. Люля-кебаб оказался вкусно приготовленным, его ели с аппетитом. От выпитого вина у Лили раскраснелись щеки, глаза заблестели -- голубые, чистые, как летнее небо после дождя. Постепенно исчезло напряжение, которое ощущала девушка в обществе молодых людей. Она обратилась к майору по-английски, зная, что теперь все офицеры, прибывающие из академии, владеют иностранными языками.

-- О, да у вас акцент истого англичанина! -- заметила Лиля.

-- Пять лет изучал, ничего нет удивительного. Кроме того, квартировал у преподавателя английского языка.

-- Вы в Москве учились?

-- В Москве.

-- А я никогда не была в столице. Так хочется побывать!

-- Еще успеете.

-- Вы, значит, к нам прямо из академии?

-- Нет, год служил на севере.

-- Ого! Прямо из льдов -- в горячие пески! -- Лиля поглядела на него с сожалением, а может быть, ему это просто показалось.

-- Да неужели здесь так плохо?

-- Где?

-- Ну у вас, в Кизыл-Кале?

-- К сожалению, ничего привлекательного. Пустыня. Куда ни глянь -пески да пески. Лежат барханы, как застывшее, мертвое море. А жара! Порой дышать нечем.

То, о чем рассказывала девушка, подтверждала ее внешность. Миловидное лицо и красивые, словно точеные, руки покрывал ровный темно-бронзовый загар, который, быть может, лег еще с детства. Ее можно было принять за цыганку, если б не светлые, прямо льняные волосы да слегка подведенные черные брови. Одним словом, сразу было видно, что она южанка, на внешности которой, пожалуй на всю жизнь оставила свои следы знойная пустыня.

-- Тяжелый климат, -- продолжала рассказывать студентка. -- Моя мама все время болеет. Вот и сейчас еду, чтобы навестить ее. Сердце у нее слабое. А на днях получила письмо -- с температурой лежит.

Телюков тем временем снова наполнил бокалы:

-- Пожалуйста, Лиля! Прошу вас, товарищ майор!

Лиля лишь пригубила вино.

-- Боюсь, голова закружится, а ехать ведь еще порядочно.

-- Не волнуйтесь, Лиля, довезем! -- сказал Телюков, осушив свой бокал.

В девять вечера сели в поезд. Ехали в мягком вагоне. Телюков усердно ухаживал за дочерью полковника. Перед посадкой он раздобыл в киоске целый ящик минеральной воды с куском льда поверх бутылок. Вряд ли он стал бы это делать, не будь с ними Лили. Встреча эта была для него более чем приятной.

Некоторое время поезд шел вдоль берега моря, огибая залив. Легкие волны набегали на пологий берег и, отхлынув, оставляли на мокром песке кружевную пену. Вдали виднелся какой-то мрачный, черно-бурый полуостров, на котором одиноко высился маяк.

Постепенно море отступало. Поезд врезывался в бесконечные пески.

Поддубный часто выходил в тамбур покурить, побыть наедине с самим собою. Думал о том, как-то встретит его

командир полка, как вообще сложится служба на новом месте.

Лег спать поздно. Ночь была темная. Поезд остановится на минуту-две и идет дальше. Смотришь в окно добрый час и не увидишь огонька. Черно за окном.

Пустыня.

Глава вторая

Вот наконец и Кизыл-Кала.

Но где же станция?

Утро, а тут хоть глаз выколи. Песчаный буран замутил все вокруг. Тусклое, едва различимое, светит солнце, матовое, какое-то лиловое. На него можно смотреть простым глазом, не прикрываясь светофильтром.

В вагоне, еще задолго до Кизыл-Калы, Поддубный слышал от пассажиров про ветер-афганец, налетающий из Афганистана; он вздымает тучи пыли, наметает высокие барханы. Сквозь чугунный грохот вагонных колес слышно было, как шумела и завывала стоголосая пустыня. Но все это блекло перед тем, что встретило пассажиров при выходе из вагона! Будто кто-то без конца швырял горсти песку в глаза -- на тебе, человек добрый, получай! Прошли всего каких-нибудь сто метров, а песок уже отвратительно хрустел на зубах, набивался в уши, ноздри, сыпался за воротник...

-- И часто здесь такое бывает? -- спросил Поддубный, когда нашли наконец вокзал и очутились в пустом душном зале.

-- Не забывайте, мы в царстве песков! -- воскликнул Телюков с какой-то неуместной патетикой. -- Это Каракумы!

Поставив свой и Лилин чемоданы, он отправился на поиски машины.

-- А вас, Лиля, не пугает это пустынное царство?

Девушка была закутана в пыльник и в ответ только улыбнулась сквозь очки-консервы.

"Вот какую жену надо искать офицеру, который вчера наблюдал полярное сияние, а сегодня -- песчаную бурю", -- невольно подумал майор, вспомнив о своей бывшей знакомой -- Римме, которая наотрез отказалась ехать с ним из Москвы. -- Такой ничего не страшно.

Машину на станцию почему-то не выслали. Что же делать? Телюков снова ушел и вернулся минут через пятнадцать.

-- Вот что, -- сказал он, стряхивая с себя песок. -- На аэродром идет специальная машина, цистерна. Есть одно место в кабине. Либо вы, Лиля, поезжайте, либо я поеду и вышлю за вами "Победу" или что уж там дадут, коль замело дорогу.

Телюкову явно хотелось показать Лиле свою услужливость.

-- Поезжайте вы, -- решила Лиля.

-- Разрешите, товарищ майор?

-- Поезжайте, а мы здесь подождем.

Телюков уехал на попутной машине. И прогадал. Не прошло и пяти минут, как появился шофер командира полка -- рядовой Челматкин. Он был без головного убора и, увидев майора, остановился в смущении:

-- Вот беда -- забарахлил мотор; вылез я из машины, а ветер раз -- и сорвал панаму. Я вдогонку -- да куда там! Оттого и задержался. Вы уж не взыщите, товарищ майор, да и вы, Лиля. Такая неприятность! -- жаловался шофер. -- Это у меня уже вторую панаму уносит. Третьей, пожалуй, не дадут, скажут в вещевом отделе -- статьи на буран не предусмотрено...

-- А вы бы спустили подбородочный ремешок, -- заметил офицер.

-- В том-то и горе, товарищ майор! В общем, говоря правду, ворон считал...

Челматкин -- молоденький, белокурый, с нежным, как у девушки, лицом солдат, видимо, глубоко переживал свою оплошность. Это ведь не шутка -потерять панаму. Без головного убора и солдат не солдат. Да и старшина не похвалит!

-- Я узнаю у начальника вещевого отдела, если можно будет, как-нибудь добудем вам панаму, -- пообещал Поддубный.

Водитель повеселел:

-- Спасибо вам, товарищ майор. Да у меня и деньжата есть. За наличный... лишь бы согласились выписать.

Ехали с включенными фарами, чтобы не столкнуться с какой-нибудь встречной машиной. Лиля расспрашивала шофера о домашнем житье-бытье. Челматкин отвечал, не поворачивая головы:

-- Полковник провел к своему коттеджу водопровод, и теперь мы каждый вечер поливаем деревья. А они уже, ого, как выросли. Чисто в роще дом стоит!

-- Мой отец, -- пояснила Лиля, обращаясь к майору, -- большой любитель природы. Он развел вокруг коттеджа рощу и требует, чтобы каждый офицер сажал деревья и смотрел за ними.

-- И растут они здесь?

-- Еще как! Была бы вода! Говорят, что в этой земле и спичка пустит ростки, только поливай...

-- Откуда же здесь вода?

-- С гор. Она стекает по трубам, а чтобы не испарялась -- трубы проведены под землей.

-- Интересно. Но этот буран...

-- Ничего! Побесится и утихнет.

"Победа" неслась по гладкой накатанной дороге. Кое-где путь пересекали свеженанесенные гребни. Врезаясь в них, машина

петляла, резко сбавляя скорость. Несколько раз Лиля стукалась головой о плечо офицера, невероятно при этом смущаясь.

-- Ой, простите, товарищ майор, -- говорила она, покрываясь румянцем.

Вскоре въехали в улочку, вымощенную булыжником. В стороне, будто тени, выступали из песчаной мглы косяки крыш и высокие глиняные ограды. Навстречу попадались солдаты в панамах и в противогазах со спущенными за пазуху трубками. Очевидно, солдаты пользовались лишь масками, чтобы прикрыть ими лицо.

-- Это уже Кизыл-Кала, -- сообщил водитель.

Свернув вправо, машина выскочила на косогор и резко затормозила.

-- Штаб полка, -- сказал Челматкин и, протянув руку поверх спинки сиденья, распахнул заднюю дверцу.

Тут произошла сцена, которая немало удивила и Лилю и водителя. К машине подбежал дежурный по полку техник-лейтенант Максим Гречка. Присмотрелся к пассажирам и выпалил во весь голос:

-- Здравия желаю, товарищ майор! -- по произношению в нем сразу можно было узнать украинца.

-- Максим, ты?!

-- Да я ж, Иван Васильевич!

-- Каким ветром занесло тебя сюда, старина?

-- Таким, что и вас!

Офицеры схватили друг друга в объятия, и если бы на них в эту минуту поглядел кто-либо посторонний, то подумал бы -- они борются.

Гречка обернулся к водителю и, сыпя вперемежку русские и украинские слова, коверкая их на свой лад, говорил:

-- Катай ко мне на квартиру! -- А майору сказал: -- Сегодня воскресенье, в штабе никого. Поехали ко мне, Иван Васильевич! Вот так встреча!

Шофер закрыл багажник. Греча сел в машину. Взбудораженный радостной встречей, он не разглядел как следует сидящей рядом девушки и обратился к ней:

-- А мы с вашим мужем в летном училище встречались. Я механиком был там.

Лиля вспыхнула:

-- Да вы что, товарищ Гречка!..

Гречка в недоумении захлопал своими маленькими, добрыми глазками:

-- Ой, товарищ Слива... простите меня. Вот так встреча! А вы, товарищ майор, неужто все не женаты? А я давно. Уже и сынка

имею. Такой потешный хлопчик. Петрусем назвали. Ох и встреча!

Техник-лейтенант Максим Гречка, как и все его однополчане, жил в деревянном стандартном домике, который перекочевал сюда с севера в разобранном виде.

В комнатах полутемно. Окна наглухо завешены, узенькие щели с трудом пропускают свет. Пахнет сухими сосновыми досками и пылью, от которой здесь во время бурана нет никакого спасения.

Гречка жил один. Жена и сын гостили у бабушки Петруся на Житомирщине. Месяц как уехали. Но отсутствие хозяйки ничуть не отражалось на домашнем уюте этого дома. Гора подушек на кровати покрыта кружевной накидкой. На столе -- белоснежная скатерть, книги в полном порядке стоят на этажерке, посуда аккуратно сложена в буфете, флакончики и разные безделушки расставлены на маленьком столике перед зеркалом -- во всем чувствовалась заботливая рука. Здесь сказывалась профессиональная привычка авиационного техника. Он никогда не оставит самолет, не приведя его в полный порядок. Если возьмет какой-нибудь инструмент из сумки, обязательно после работы положит его на место, да еще и проверит, не осталось ли где отвертки, ключа в кабине или в каком-нибудь отсеке. Забыть в самолете инструмент -- это авария. Так и дома: ложась спать, а утром просыпаясь, Гречка, в силу привычки, тщательно проверял, чтобы все лежало на своем месте. Так и сохранялся в квартире порядок, раз навсегда заведенный хозяйкой.

Техник согрел на примусе воду и предложил гостю "хоть трошки смыть с себя проклятущий песок". И пока гость приводил себя в порядок после дальней дороги, хозяин вышел куда-то и вскоре возвратился, нагруженный свертками.

На столе появились колбаса, консервы, сыр.

-- Вот это встреча так встреча! -- повторял Гречка, хлопоча у стола и весь сияя от радости.

Стены в комнате увешаны многочисленными фотографиями и репродукциями картин. Рассматривая их, Поддубный натолкнулся на карточку, где был снят с Гречкой у самолета. Сразу же всплыли в памяти незабываемые дни, проведенные в училище.

Аэродром. Снег, мокрый дождь. Инструктор подводит курсанта Поддубного к самолету: "Вот ваш боевой конь. А это -- механик, сержант Гречка" -- и показывает на неказистого, низенького авиационного специалиста. Не успел инструктор отойти, как сержант бодро козырнул: "Товарищ курсант, самолет к вылету готов!"

Это прозвучало тогда несколько иронически. Ведь механик не

мог не знать, что курсант еще самостоятельно не вылетал ни разу.

Теперь Поддубный не помнит, что сказал тогда механику в ответ на рапорт. Но запомнилось другое: не было случая, чтобы механик своевременно не справился с подготовкой самолета. Он был очень трудолюбив, старался изо всех сил. Бывало, козырнет и улыбнется. Из глаз так и брызжет жизнерадостность и довольство: "Поглядите, какой я молодец!"

Когда Поддубный совершил первый свой самостоятельный полет на боевом самолете, Гречка тепло поздравил его.

Однажды на аэродром прибыл фотокорреспондент газеты. В каких только позах не фотографировал он Поддубного -- отличника учебы. И в кабине, и на плоскости крыла, и в фуражке, и в шлемофоне. Гречка и лестницу подставил, и трап подстелил корреспонденту. С полуслова понимал, что и где надо сделать. Но корреспондент был недогадливый. Курсанта фотографирует, а механика как бы не замечает. Гречка не вытерпел, обратился к летчику: "Пусть же и меня щелкнет хоть разок!" И дождался. Так появилась фотография, красующаяся теперь на стене в рамочке, как самая дорогая реликвия.

В школе состоялся выпуск. Летчики и механики расстались. И вот встретились снова. Да еще где -- в песках Средней Азии!

-- Вот это встреча! -- твердил свое не на шутку взволнованный Гречка. -- Как только пришло извещение, что к нам едет майор Поддубный, я сразу догадался, что это вы. Так и вышло! Садитесь, пожалуйста, к столу. Угощайтесь. А я пойду: дежурство у меня.

В который раз он уже собирался идти, но все возвращался, не доходя до порога.

-- Вот встреча, а, товарищ майор?

-- Идите, идите, Максим, вы ведь дежурите.

Вероятно, от любимой девушки ему было легче уйти. Вернулся, как только сдал дежурство. Очень обиделся, увидев непочатую бутылку вина.

-- Спасибо, Максим, но я ведь не пью, -- ответил майор на упрек.

-- Э нет, Иван Васильевич, так не годится! Впрочем, вы завсегда были какой-то странный, -- говорил Гречка. -- Иные курсанты, бывало, в субботу на танцы спешат, а вы -- за учебник тригонометрии -- как сейчас помню. Посмеивались тогда над вами! Не раз я слышал: "Академиком хочет стать Поддубный!" А вы и в самом деле готовились в академию. Так сказать -политика дальнего прицела.

-- Это правда, я еще тогда мечтал об академии. Учиться военному делу -так учиться настоящим образом надо, как говорил Ленин. И еще помните, как в летной школе инструктор любил

говорить: "Хочешь жить -- одолей врага, победи его, уничтожь. А для того, чтобы побеждать -- учись!"

Собравшись с мыслями, Поддубный продолжал:

-- И теперь наших летчиков надо учить так, чтобы они не воображали, будто врага можно закидать шапками. Военная наука -- это наука особая. Тут учись и закаляй себя.

-- Так вы же и научились по-настоящему: закончили академию. А выше академии нема ничего.

Поддубный улыбнулся:

-- Наивный вы человек, Максим!

-- А-а, понимаю! В академии вы приобрели теоретические знания, а теперь вам нужны практические. Сейчас вы помощник командира, а там и командиром полка станете. А дальше, гляди, и на дивизию посадят.

-- Тот не солдат, кто не думает быть генералом, -- сказал Поддубный.

-- Вы уж будете, -- подхватил Гречка. -- В этом я уверен. Из академии -- прямой путь в генералы.

-- Суть не в личной карьере, Гречка. Тут надо смотреть куда глубже. Осуществилось то, что много лет назад предвосхитил наш великий ученый Константин Эдуардович Циолковский. Наступила эра аэропланов реактивных. Вы поймите, Максим, вникните хорошенько. Ведь это не просто взять да заменить на самолете поршневой двигатель двигателем реактивным. Это -- переход авиации к новому высшему качеству. Ученые открыли новые законы аэродинамики. Конструкторы создали новые аэродинамические формы. Все новое.

А если это так -- не может быть места старой тактике. Наша цель, наши задачи -- находить новую тактику, полностью овладеть ею, поднять выучку летчиков на уровень современной авиационной науки и техники. Это требует от нас партия и правительство.

-- Учиться самому, учить других, идти в ногу с авиационным прогрессом -- так я понимаю вашу цель? -- заключил Гречка.

-- Вы правильно поняли меня, -- подтвердил майор. -- Надо идти в ногу, помните: отстающих бьют. А мы не хотим быть битыми. Достаточно нам сорок первого года...

Гречка прищелкнул языком:

-- Ой, сорок первый! Кто его забудет!.. Вернулся я я фронта на свою Житомирщину. Иду в село, а его нема. Где хаты белели -- землянки бурьяном позарастали. Так горько стало, будто полыни наглотался. Били... Дюже били нас... А вот же выстояли... А потом так ударили, что врагу тошно стало.

Поддубный закурил и после паузы сказал:

-- Ну, а как у вас идут дела?

-- Не очень, -- уклонился от прямого ответа Гречка.

-- А все-таки?

-- Пока что по нарядам болтаюсь. Сегодня дежурил по полку, завтра буду отдыхать, а послезавтра, возможно, дежурным по стоянке самолетов пошлют. А там -- комендантским патрулем по гарнизону. Так уже с полгода тяну лямку: главным, куда пошлют.

Майор насторожился:

-- Я не совсем понимаю. Ведь вы по меньшей мере техник звена?

-- Не дорос. Образования не хватило. Курице не петь петухом!

-- Ничего не понимаю.

-- А тут нечего и понимать, все дюже просто. Суровая авиационная действительность выбила меня из седла. Мой самолет потерпел катастрофу... -последние слова техник произнес упавшим голосом.

-- Катастрофа? Каким образом?

-- Гречка развел руками:

-- Упал в районе Аральского моря.

-- А причина? -- допытывался Поддубный?

-- Доподлинно никто не знает. Вылетел летчик на разведку погоды. Пробил облачность на высоте свыше десяти тысяч метров. Вдруг замолкло радио. Ни слуху ни духу. Словно на луну затянуло. Неделю мыкались над песками на самолетах, на вертолетах, пока наконец не обнаружили обломки.

Помолчали.

-- Это первая катастрофа или еще бывали?

-- Первая. Но после нее катапультировался заместитель командира полка по летной части. Пушку на его самолете разнесло вдребезги. Приземлился в Каракумах. Трое суток ходил в песках, счастье, что набрел на аул. Туркмены подобрали и привезли на верблюдах. Оказалось, что летчик повредил позвоночник и теперь лежит в Москве, в госпитале.

-- Так, так... А при чем здесь вы?

-- Да ведь мой самолет потерпел катастрофу.

-- Ну и что же?

-- Резонно, меня будто и не в чем обвинять. Документация в порядке, регламентные работы были выполнены полностью. Летчик расписался в полетном листе. Но больше самолета не доверяют. Так и болтаюсь по нарядам.

-- А что по этому поводу говорит командир полка?

-- Полковник Слива ничего не говорит, а его заместитель -- майор Гришин -- настаивает, чтобы меня уволили в запас.

-- Самолет знаете хорошо?

-- Да как же мне не знать его? Знаю как свои пять пальцев. Каждый винтик, прибор, трубку перещупал собственными руками.

-- Ко мне пойдете техником? Будем снова вместе.

-- Пойду, товарищ майор! -- радостно воскликнул Гречка. -- И можете быть уверены -- я свое дело знаю!

-- Поставлю вопрос перед полковником. Но учиться все равно заставлю.

-- Буду учиться, товарищ майор!

Ночью буря утихла. Воздух очистился. Только на севере все еще громоздились зловещие черно-бурые облака пыли.

Проснувшись на рассвете, майор Поддубный начал готовиться к встрече с командиром полка. Отутюжил парадные мундир, почистил орден, медали, нагрудные знаки, пуговицы. Потом побрился и отправился в столовую.

Максим Гречка ожесточенно скоблил пол. Старый друг гостит -- в доме все должно сверкать.

Авиационный городок раскинулся среди однообразной серой равнины, разрезанной крутыми берегами высохшей реки. По одну сторону -- ряды офицерских коттеджей, по другую -- каменные постройки барачного типа, где разместились казармы, штабы, учебные классы, склады и прочее. В стороне, отдельно, стоял клуб под высокой этернитовой крышей. За клубом -- спортивная площадка.

Солдаты, сержанты и офицеры ходили в панамах цвета хаки, в гимнастерках с отложными воротничками. Если б не красные звездочки, в этом наряде их легко можно было бы принять за иностранцев.

Вокруг коттеджей зеленели сады. Один коттедж -- третий от берега -особенно выделялся: весь утопал в густой зелени. Это и был дом командира полка.

Деревья... На севере на них как-то не обращаешь внимания. А здесь они удивительно бросаются в глаза. Их тут мало, и жизнь каждого деревца зависит от человека. Польет -- значит, будет расти. Не польет -- засохнет, сгорит под палящими лучами солнца.

Вокруг штаба тоже росли небольшие деревца. На каждом висела бирка с надписью: "За это дерево отвечает солдат такой-то".

На стене красной масляной краской было выведено: "Воин, зеленые насаждения -- твои друзья. Береги их и ухаживай за ними".

Полковника Сливы в штабе не оказалось: он выбыл по срочному делу в штаб дивизии. Майора Поддубного принял заместитель командира по летной части -уже известный ему по

рассказам старшего лейтенанта Телюкова и техника-лейтенанта Гречки майор Гришин. Внешне он скорее походил на штабного офицера, нежели на строевого командира: на нем был белый китель, штаны на выпуск, под мышкой папка с бумагами. Знакомясь, майор Гришин сообщил, что он временно исполняет обязанности заместителя командира, а постоянная его должность -- штурман. Человек, значит, скромный...

Они вошли в кабинет. Под фуражкой штурмана была скрыта, как оказалось, роскошная, соломенного цвета, шевелюра; широкий лоб, острый подбородок, небольшие подвижные руки и красноватые, воспаленные веки довершали портрет.

-- Прошу, товарищ майор, -- любезно указал штурман на стул.

Поддубный сел.

-- Итак, какое впечатление произвела на вас Кизыл-Кала? -- спросил он, подкладывая под локти чистый лист бумаги, чтобы не пачкать рукава.

-- Контраст ощущается, ведь я приехал сюда прямо с севера.

-- Так, так, ощущается, говорите? Да, кстати. Белого кителя, должно быть, нет? Надо приобрести, иначе у вас все косточки перепреют...

На этом закончилась вступительная беседа. Началась официальная. Штурман раскрыл журнал, проверил авторучку и начал задавать вопросы: откуда майор родом, кто его родители, какое семейное положение, где учился до академии, на какой должности, сколько времени работал, какой имеет налет на "миге" в простых и сложных метеорологических условиях, днем и ночью. Все интересовало временного заместителя, и он добросовестно записывал. На листке так и значилось: "Моя беседа с майором Поддубным Иваном Васильевичем, помощником командира полка по огневой и тактической подготовке".

Вопросы были вполне естественные. Каждый начальник, будь он постоянный или временный, должен досконально знать подчиненного. Но для чего все записывать?

Майор Гришин словно прочитал этот вопрос в мыслях Поддубного:

-- Пусть вас, товарищ майор, не удивляет то, что я записываю нашу беседу. Мы с вами, можно сказать, равны в чинах. Оба понимаем, что к чему, оба начальники. Следовательно, будем откровенны: хорошо, если все с вами обойдется благополучно. А если нет? Ну, скажем, случиться что-нибудь в полете. Тогда у командования полка обязательно спросят: "А хорошо ли вы знали нового человека?" Допустим, мы скажем "хорошо". "А беседовали вы с ним по душам?" Допустим, что мы ответим утвердительно. Вы думаете, что так и поверят на слово? Ошибаетесь! Глубоко

ошибаетесь, Иван Васильевич! В выводах запишут черным по белому: "Командование полка подчиненных не изучает и не знает, индивидуальной работы не проводит". А вот с этим документом, - штурман ткнул пальцем в журнал, -- комар носу не подточит...

"Фу, чепуха какая!" -- Поддубного всего передернуло.

-- Я действительно подумал, -- признался он, -- для чего собственно, все это записывать? Вы объяснили. Но доводы ваши неубедительны. Создается впечатление, будто вы... простите на слове, заранее умываете руки. Вообще это бумагомарание...

Штурман жестом остановил собеседника:

-- Вы хотите сказать, что в этом нет никакого смысла? Допустим, вы правы. Допустим. Но, к сожалению, находятся люди, которые больше верят бумаге, чем живому слову. -- Штурман поспешно открыл ящик стола и вынул объемистую кипу бумаг. -- Вы думаете, товарищ майор, что вот эти сведения, заметки, планы имеют какое-то значение? Вы думаете, что они хоть в какой-то мере содействуют повышению боевой готовности полка? Ничуть не бывало! И все же я сижу над этими бумагами, пишу их, сохраняю, ибо... вынужден делать это.

-- Я не знаю, -- сказал Поддубный после некоторого молчания, -- что это за сведения, нужны ли они или не нужны. Есть бумаги, без которых невозможно планомерно вести летную подготовку, это факт. Но факт и то, что полк, как мне сказали в штабе соединения, не выполняет планов боевой подготовки. Особенно отстает по ночной подготовке: если не ошибаюсь, всего на двадцать процентов выполнения? Не так ли? А такого факта не оправдаешь никакой бумажкой!

Штурман метнул на собеседника острый, настороженный взгляд.

-- Проценты вы запомнили. А известно ли вам, что в нашем полку произошла катастрофа, а вслед за ней авария? Известно ли вам, что наш уважаемый, заслуженный командир полка полковник Слива получил строгий выговор от генерала? Вы думаете, что ему, полковнику, который уже много лет командует полком, приятно получать такие взыскания?

-- Не думаю, чтобы было приятно.

-- В том-то и дело! -- Гришин назидательно поднял тонкий указательный палец. -- Так вот, слушайте: катастрофа и авария. Причина ясна -- тяжелые, невероятно тяжелые условия эксплуатации авиационной техники. Ведь мы в пустыне! Но допустим, что здесь виновато командование, в частности я, как штурман. Допустим. Но вы думаете, что комиссия учла, взвесила наши условия? Ни-ско-леч-ко! Прибыл с комиссией один штабной жук. Вы его, должно быть, видели, когда были в штабе армии,

капитан по званию, такой болтливый, крикливый, списанный летчик, пристроившийся ныне в должности офицера по учету и анализу предпосылок к летным происшествиям. Так вот этот капитан неделю подряд рылся в бумагах и все писал, писал. И каких только недостатков не выловил его наметанный глаз! Якобы у нас и предварительная подготовка к полетам проводится наспех, и тренажи оставляют желать много лучшего, и глубокий анализ предпосылок к летным происшествиям отсутствует, и всякое такое. Целую библию исписал. А потом подсунул командующему проект приказа -бац -- полковнику строгий выговор! Между тем, весь учебный процесс проводился и проводится у нас по всем правилам летной службы. К сожалению, мы этого не могли доказать по той простой причине, что не оставляли нужных следов на бумаге.

-- Вы все сводите к бумагам, -- поморщился Поддубный. -- Но помогут ли они вам, если план боевой подготовки все же не выполняется?

Гришин нахмурился и сердито захлопнул журнал:

-- После того, что произошло, мы не можем нажимать на все педали с выполнением планов. Естественно, что мы придерживаемся некоторой осторожности. -- Положив журнал в сейф, он добавил: -- Вы человек взрослый, серьезный, закончили академию и всякое такое. Давайте же будем откровенны. За невыполнение плана нас отругают. Допустим, что это неприятно, Допустим. Но за аварийность в авиации шкуру сдерут. Понятно? Шкуру сдерут! Безаварийность -- вот главнейший показатель нашей с вами работы. Летать без аварий и катастроф -- непременный долг перед государством. Нет аварий -командир хороший. Есть аварии -- командир плохой. Вон его!

-- План боевой подготовки -- тоже государственное задание, -- заметил Поддубный. -- Отставать с выполнение плана -- это значит оставлять брешь в знаниях летчиков. А где брешь -- там и авария.

Гришин не имел намерения продолжать спор:

-- У меня все. Вопросы будут?

-- Нет.

Поддубный вышел во двор, сел на скамейку под кустом инжира и подумал с досадой, что с первой же встречи поспорил... Но о разговоре не жалел. Гришин показал себя, как в зеркале. Интересно, что же представляет сейчас собой полковник Слива?

А он оказался легок на помине -- подкатил на "победе" к штабу.

Представление о человеке, которого никогда не доводилось видеть и о котором лишь слыхал, часто бывает ошибочным.

Думаешь, например, о герое, что он -- косая сажень в плечах, а встретишься -- перед тобой обыкновенный человек, а то еще и неженка какой-нибудь.

Поддубный много слыхал о полковнике Сливе, его подвигах на фронте. "Вон летчики Сливы летят!" "Слива атакует!" Все это должно было означать, что врагу порядком достанется. На команды своего командира в бою летчики отвечали по радио: "Слышу, батьку, слышу!"

Было в нем нечто от Тараса Бульбы, и думалось, что полковник Слива должен обязательно походить на легендарного казака. При встрече так и оказалось. Перед Поддубным стоял вылитый Тарас Бульба, таким, по крайней мере, он представлял его себе: коренастый, с длинными усами, с неизменной трубкой в зубах. Казалось, вот выслушает этот Слива-Бульба рапорт и скажет: "Ну, здорово, сынку, почеломкаемся! А может, давай на кулаки?"

И впрямь, полковник, попыхивая трубкой, начал внимательно оглядывать майора, как это делал Тарас Бульба при встрече с сыном Остапом.

-- Неплохо, весьма неплохо, -- пробасил полковник, рассматривая парадный мундир летчика, украшенный орденом, медалями и нагрудными знаками. -- Неплохо. И хорошо, что не прилипли где-нибудь к штабному столу с академическим "ромбом". Подлинным военным станете. Правда, я старый полковой служака, а есть такая поговорка: каждый кулик свое болото хвалит... Но, майор, поверьте, полк -- это высшая инстанция, до которой можно допустить молодого офицера, недавно закончившего академию. Если де офицер попадет в штаб -- конец: прилипнет как муха к бумагам. Может, я ошибаюсь? Что там у вас в академии по поводу этого ученые мужи говорили?

Полковник разгладил свои пышные с проседью усы и приготовился слушать.

-- Есть правительственная установка: молодых специалистов направлять на производство, -- сказал Поддубный. -- Думаю, что эта установка касается и нас, военных специалистов.

-- Весьма мудрая установка! -- воскликнул полковник. -- Ну, присаживайтесь, потолкуем. Разрешаю вам обращаться ко мне по имени и отчеству. Так оно как-то проще будет. Семеном Петровичем звать меня.

Они сели на той же скамейке под инжиром. Прямо перед ними торчала вкопанная в землю труба реактивного двигателя, в которую бросали окурки.

-- Из разбитого самолета, -- указал полковник на трубу. -- Аварийность у нас, Иван Васильевич! Беда, не повезло...

-- Слышал.

-- В штабе армии сказали? -- живо заинтересовался полковник.

-- Нет, об этом я узнал от Гришина и Гречки.

И Поддубный принялся рассказывать о себе.

Полковник слушал внимательно, не перебивая собеседника. Потом сказал:

-- Завидую вам -- вы молоды. А я уже гусь старый и порядком потрепанный. Помню, как на наш аэродром -- это случилось под Минском -набрела ночью окруженная группа фашистов. Подняли мы с командиром БАО (БАО -- батальон аэродромного обслуживания. Авт.) людей по тревоге, и завязался бой. Мне тогда впервые пришлось выступать в роли наземного командира. Бегаю из одного конца аэродрома в другой и не понимаю, что вокруг творится, кто где стреляет. В воздушном бою все ясно, четко и понятно, а здесь -- темный лес. И добегался: ранило в ногу. А все-таки мы успели поднять самолеты в воздух и перебазироваться на другой аэродром.

Рассказывая об этом эпизоде, полковник хохотал, вкусно потягивая свою трубку и пуская сквозь усы ароматный дымок "Золотого руна".

-- А потом все бои да бои. Так до самого Берлина дошли. Не все, конечно... Но я вот выжил... И состарился в полетах.

Постепенно разговор коснулся техника-лейтенанта Гречки.

-- Дайте его мне в экипаж, -- попросил полковника Поддубный. -- Мы с ним старые друзья.

-- Невозможно.

-- На демобилизацию еще не представляли?

-- Шел об этом разговор, но я не дал своего согласия. Считаю, что Гречка способный техник. Дело знает неплохо, человек честный, работящий. -Полковник поднялся. -- Я, к сожалению, должен уехать на аэродром, Иван Васильевич. Если желаете -- прошу со мной. Только надо вам переодеться. Белый китель имеете? Нет? Плохо. Приобретите. А завтра представлю вас всем офицерам полка.

Сели в машину. Полковник дружески похлопал своего нового помощника по плечу:

-- Я покажу вам, Иван Васильевич, свои владения. Мой сосед, командир полка Удальцов, прозвал меня рыцарем пустыни, а туркмены -- усатым полковником. Зайдите в любой аул, спросите, кто такой усатый полковник, и вам назовут меня...

Поддужному, однако, хотелось побольше разузнать про Гришина, и он вернулся к предыдущему разговору.

-- Вот вы, Семен Петрович, говорили -- очень, мол, хорошо,

что я не прилип к бумагам. А не кажется ли вам, что у вас здесь кое-кто действительно к ним прилип?

-- Вы имеете в виду начштаба полковника Асинова? Так у него ведь должность такая!

-- Нет, я имею в виду майора Гришина. Странно, но тем не менее факт: записал беседу, которую вел со мною. Это, по его же собственному признанию, для того, чтобы оставить на всякий случай следы на бумаге... а вдруг разобьюсь...

Полковник глухо прокашлялся, молча полез в карман за табаком. Видимо, не хотел вести разговор о Гришине.

"Победа" пронеслась мимо казармы. Двери и окна отворены настежь. Двое солдат выносили во двор кровати, а двое других, вооружившись шомполами, выколачивали из матрацев пыль. Та же картина наблюдалась у офицерских коттеджей. Подушки, ковры, простыни -- все это выбрасывали, выбивали.

-- Въелся нам в печенки этот песок, -- пожаловался полковник, так ничего и не упомянув о Гришине.

Поддубный с любопытством осматривал местность.

За авиационным городком дорого пролегла через глиняную ложбинку, называемую здесь такыром. Ледяное поле не бывает таким ровным и гладким, как такыр. Это делают дожди, выпадающие зимой. Но период дождей проходит, такыр высыхает и каменеет.

Глиняный такыр остался позади. Дорога запетляла между барханами, где после бури уже прошелся бульдозер. То там, то здесь по сторонам торчали наполовину засыпанные песком чахлые кусты саксаула.

-- Никакой топор не берет этот саксаул, -- заметил полковник. -- Не дерево, а железо. Но в то же время достаточно небольшого усилия, чтобы сломать его. Солдаты, заготовляющие топливо для кухни, легко ломают саксаул руками и ногами.

-- Да, картина скучноватая, -- заметил Поддубный.

Командир полка продолжал оживленно:

-- А посмотрели бы вы, Иван Васильевич, что здесь делается в середине апреля! Барханы покрыты зеленым бархатом трав, и куда ни кинь оком -- всюду маки, гелиотропы, тюльпаны. На Украине у нас такого не встретишь... А в травах ползают большие, с фуражку величиной, черепахи, прыгают тушканчики, бродят лисицы...

-- Куда же теперь девалась вся эта живность?

-- Жара разогнала. Уже в конце апреля солнце дотла сжигает всю растительность. Не поддается лишь саксаул, селин да еще немногие растения, -- продолжал полковник. -- А в летний зной температура песка достигает семидесяти градусов. Положишь

куриное яйцо -- испечется. Правда, животные приспосабливаются. Одни укрываются от зноя в норах, другие, чтобы не обжечь ног, все время бегают или влезают на кусты и там повисают до вечера, когда спадет зной и песок остывает.

-- Вот как? -- удивился Поддубный. -- Значит, пустыня живет?

-- Живет, Иван Васильевич! Посмотришь на эту жизнь, и не верится, что на Луне нет животных. Организмы приспосабливаются к природе.

Вскоре глазам открылась панорама аэродрома. Здесь тоже шла борьба с последствиями бури. Грохотали тракторы, шаркали бульдозеры, срезая песчаные бугры, старательно уложенные и причесанные ветром. У самолетов, выстроенных на рулежной дорожке, суетились голые по пояс авиационные специалисты. Низенького роста, черный, как муравей, солдат тащил баллон, наполненный сжатым воздухом.

-- Скорее, скорее давай! -- торопил его такой же черный, полуголый солдат, выглядывающий из-под самолета.

К баллону присоединили шланг. Отвернули вентиль и запустили сжаты воздух в фюзеляж, откуда со свистом вылетал песок.

Недалеко от домика, над которым сгибался прут антенны, стояло звено самолетов, направленное носами на взлетно-посадочную полосу. Это дежурное звено. В кабинах под зонтами сидели летчики, ежесекундно готовые подняться в воздух. Взмокли под шлемофонами чубы, прилипают к спинам комбинезоны. А какие усилия надо приложить авиационным специалистам, чтобы поддерживать во время бури боевую готовность самолетов!

-- Герои! Поглядите-ка, Иван Васильевич, как они штурмуют пустыню! -полковник вышел из машины и зашагал вдоль стоянки. Навстречу выбежал высокий, жилистый, уже немолодой офицер в желтом комбинезоне с зеленоватыми полосами и вылинявшей панаме.

-- Товарищ полковник! Личный состав первой эскадрильи проводит подготовку материальной части к очередным полетам! -- отрапортовал офицер.

Это был майор Степан Михайлович Дроздов, командир первой эскадрильи.

Полковник познакомил его со своим новым помощником по огневой и тактической подготовке. Дроздов, как клещами, сжал Поддубному руку и, не задерживаясь, последовал за полковником. Доведя его до границы своей эскадрильи, Дроздов остановился. А навстречу полковнику уже бежал командир второй эскадрильи -- капитан Марков -- прямая

противоположность Дроздову: довольно полный, несколько мешковатого вида офицер. По лицу градом катился пот. Нелегко, видимо, было капитану с его комплекцией при такой жаре!

Так Поддубный перезнакомился со всеми комэсками и с инженером полка инженер-подполковником Жбановым. Инженер сидел под самолетом у опущенного лафета; командира он заметил не сразу.

-- Так не чистят оружия, как вы! -- отчитывал он механика, который стоял, спустив голову.

-- Что у вас здесь? -- спросил полковник.

Инженер проворно поднялся, вытер паклей толстые пальцы с черневшими под ногтями полукружьями.

-- Да вот -- песок в масле. -- И снова повернулся к механику: - Вычистить оружие сызнова. Сам проверю.

-- Есть! -- пристыженный механик нагнулся к лафету.

Познакомился Поддубный и с замполитом полка капитаном Андреем Федоровичем Горбуновым. Приятно было увидеть на кителе замполита знак летчика первого класса. Такой знак придавал политработнику особый авторитет. Политработник и первоклассный летчик -- как это импонирует одно другому!

Замполит несколько задержал Поддубного, расспросил, где он остановился, какое впечатление произвела на него Кизыл-Кала. Говорил замполит мягким тенорком, улыбался уголками рта. О себе сказал, что замполитом полка работает недавно и до назначения на эту должность имел лишь незначительный опыт партийной работы. Поддубный и без того успел заметить, что капитан как-то уж очень несмело подошел к старшему по чину, словно стесняясь его.

В планшете замполита лежала брошюра, на обложке которой было написано: "Из цикла лекций, прочитанных в высшей партийной школе при ЦК КПСС".

-- Где учитесь?

-- Заочно, в военно-политической академии.

-- Замполит, летчик, да еще и заочник -- нагрузка порядочная!

-- Ничего не поделаешь! На такой должности без образования невозможно. Сейчас у нас младшие авиационные специалисты со средним образованием. Кто из десятилеток, кто из техникумов.

Постепенно разговор перешел на тему о боеготовности полка.

-- Полк у нас вполне боеспособный, -- говорил замполит. -- Но, к сожалению, не лучший даже в дивизии, хотя имеет славные боевые традиции. Наш полк, если так можно выразиться, напоминает ручного орла. Летчики сильные, но некоторым из них не дают расправить крылья.

-- Кто же не дает? -- поинтересовался Поддубный, вспомнив о

Гришине.

-- Видите ли, произошла катастрофа. После нее некоторые начали поступать по принципу "как бы чего не вышло". И мы отстали от других полков.

-- Но кто же так поступает?

-- Есть у нас такой... Штурман Гришин. Его называют Лобачевским, и это не случайно. Он -- талантливый математик. Его расчеты, особенно по перехвату целей, -- безупречны. То, что другой способен вычислить лишь с помощью карандаша и бумаги, он вычисляет в уме с молниеносной быстротой. Гришин много раз отличался в наведении самолетов на "противника". Но не каждый, даже талантливый штурман, способен возглавлять летную подготовку. К тому же Гришин со странностями, а его временно назначили заместителем командира по летной части. На мой взгляд, это была досадная ошибка. И вот он, боясь, чтобы катастрофа не повторилась, жмет, где только может.

-- Ну, а вы, как замполит, разве не могли бы поднажать со своей стороны?

-- Нажимаем, товарищ майор. Думаю, что не случайно вас назначили сюда. Я докладывал на военном совете и просил, чтобы нам прислали опытного помощника по огневой и тактической подготовке. Такого, знаете, настойчивого, волевого...

-- Так, так. Всю надежду, значит, на меня возлагаете? Глядите, не просчитайтесь! -- пошутил Поддубный.

-- Пока что ваш мундир производит неплохое впечатление, -- сказал замполит, явно намекая на нагрудные знаки майора. -- Разумеется, и партийная организация, и командир поддержат вас.

Поддубного позвал к себе полковник.

-- Идемте, я покажу вам наш дежурный домик, -- сказал он.

Дежурный домик -- это помещение, где отдыхают летчики и авиационные специалисты, которые находятся на дежурстве. Домик представляет собой капитально оборудованную полуземлянку, разделенную на несколько отдельных комнат. В первой находились летчики. Кто отдыхал, кто играл в шахматы. Окна завешены марлей -- не столько от мух, сколько от фаланг и скорпионов -- этих ядовитых обитателей пустыни. В углу стояли радиоприемник и телефоны. Увидев полковника, летчики вскочили с мест. Командир звена отдал рапорт.

Второе помещение было предназначено для авиационных специалистов. Они стояли вокруг стола, где четверо техников "забивали козла".

Полковник Слива и майор Поддубный осмотрели еще командный пункт, после чего уехали обратно в городок.

По дороге, как бы между прочим, Поддубный попросил

командира охарактеризовать старшего лейтенанта Телюкова.

-- Мы ехали вместе, -- добавил он.

Полковник задумался. Видимо, Телюков не из тех, кого можно охарактеризовать двумя-тремя словами.

-- Это правда, что за ним числится множество предпосылок к летным происшествиям? -- задал майор наводящий вопрос.

-- Множество не множество, а имеются. На обе ноги хромает у него дисциплина. А летчик способный, смелый.

-- Выпивает?

Полковник пристально поглядел на собеседника, сжал губы, от чего усы его вдруг ощетинились:

-- А что, напился в дороге?

-- Малость было.

-- Вот сучий сын. Вообще-то он не пьет. Но если попадет в компанию гуляк -- пиши пропало. Все плохое удивительно быстро прилипает к нему. Подражает этим... ну, как их, фу ты! Ну, их "Крокодил" частенько на вилы берет.

-- Стилягам?

-- Во-во! Усики отпустил, бакенбарды завел. Жалеет, пожалуй, что в армии мундир не разрешается носить по своему собственному образцу. А то вырядился бы стилягой. Молод еще, зелен... А летчик -- прекрасный. Смело можно сказать -- талантливый летчик!

-- Стреляет как?

-- Отлично.

Поддубный промолчал о бахвальстве Телюкова. Семен Петрович продолжал:

-- Да, стреляет отменно... -- И. Помолчав еще, добавил: -- Телюков -это сила. Если бы взяться за него как следует, получился бы преотличный ас.

-- Попытаюсь взяться.

Возьмитесь, Иван Васильевич, да покрепче. Для таких, как он, можно не пожалеть ни времени, ни усилий. Отличным летчиком станет. Правда, майор Дроздов тоже ему не спускает... Но вы подбавьте со своей стороны. Повторяю, летчик он стоящий.

"Победа" нырнула под открытый шлагбаум и завернула вправо, к коттеджам. Семен Петрович приехал домой. Выходя из машины, он любовно взглянул на свою рощу:

-- Вон какую роскошь я вырастил! Приходите, Иван Васильевич, вечерком, посидим на веранде, поболтаем.

-- Хорошо, Семен Петрович, приду обязательно.

За палисадником, между деревьями, майор заметил свою вчерашнюю спутницу. Она была в шароварах из синей бумажной ткани и в такой же синей коротенькой блузке. Девушка

расчищала заступом оросительные канавки. В своем простом рабочем одеянии, с платком на голове, она выглядела милой, приветливой хозяйкой.

-- Здравствуйте, Лиля! -- окликнул Поддубный.

-- Здравствуйте, Иван Васильевич, -- ответила девушка выпрямляясь.

-- Сразу за работу? А как здоровье матери?

-- Ничего, спасибо. Как будто лучше стало. Побуду еще несколько дней и поеду в институт. Экзамены ведь у меня.

-- И когда возвратитесь?

-- Да теперь уже на летние каникулы приеду.

Семен Петрович остановился на крыльце, прислушиваясь к разговору. Поддубный невольно почувствовал какую-то неловкость.

-- Да, роща у вас прекрасная, -- сказал он, думая совсем не об этом.

А думал он о Лиле: хорошая у полковника дочь.

-- Ну, не буду отрывать вас от работы. Всего хорошего!

Поддубный простился и свернул к штабу, где нужно было устроить свои дела -- стать на продовольственное, финансовое и вещевое довольствие. Возле штаба он столкнулся с Максимом Гречкой, который, очевидно, специально поджидал его.

-- Говорили про меня с полковником? Еще не послали документы на демобилизацию? -- спросил он взволнованно.

-- Не послали, Максим, не волнуйтесь. Будете у меня техником.

-- Значит, можно так и написать моей Присе? -- обрадовался Гречка.

-- Так и напишите.

-- Большое вам спасибо, товарищ майор! Вот повезло мне!.. Это встреча так встреча! -- в который уже раз воскликнул техник.

Домой Поддубный возвратился вечером. Максим Гречка дописывал письмо жене. Прочитав для себя написанное, он довольно усмехнулся и снова принялся за письмо, изредка читая вслух отдельные места.

"Так вот, Прися, отдыхай с Петрусем спокойно. Майор Поддубный берут меня к себе в экипаж. На демобилизацию документов не посылали и не пошлют".

-- Не "берут", а "берет", -- поправил майор.

-- Э, нет! -- возразил Гречка. -- Может, по правописанию и правильно будет "берет", но для вас такое слово не подходит...

-- Ну ладно, Гречка, -- махнул рукой майор. Собственно говоря, его меньше всего интересовало сейчас письмо друга. Мысли его были там, возле коттеджа полковника. Лиля... Вчера

она ему просто понравилась, а сегодня... Сегодня показалась необыкновенно привлекательной, милой, обаятельной... Неужели это любовь? Так внезапно? Нет, нет, это просто мимолетное увлечение. Но почему мимолетное? Разве не так же, с первого взгляда, полюбил он Римму? Полюбил искренне и глубоко... Он тяжело вздохнул... Не его вина, что пути из разошлись...

Подобно кадрам из кинофильма, перед мысленным взором майора промелькнули московские встречи.

...Зал консерватории. Концерт. Рядом сидит молодая, черноволосая девушка. Из ее разговора с подругами Поддубный узнает, что соседка по креслу -- студентка этой консерватории, будущая певица. Невзначай заговорили о незнакомом пианисте. Девушка охотно рассказала о нем все, что знала. Так они -- слушатель военной академии и студентка консерватории -- познакомились.

Во время антракта вместе вышли в фойе. Разговор вертелся вокруг выдающихся музыкантов и столичных театральных новостей. Потом снова слушали музыку, делясь впечатлениями. Поддубному сразу понравилась его новая знакомая.

На улице лил дождь. Офицер взял такси, и Римма позволила отвезти себя домой. Она жила недалеко -- на Тверском бульваре. Офицер проводил ее до подъезда, прощаясь, крепко пожал руку. Студентка пригласила его на следующий концерт. Он согласился. После этого они начали встречаться то на концертах, то в театрах, то в кино. Так продолжалось около года. Они признались друг другу в любви. Казалось, все было решено. Кончат учиться -- поженятся.

Но, узнав, что летчика посылают куда-то далеко на север, Римма всполошилась:

-- Разве для того я училась в консерватории, чтобы забраться куда-то в глушь, потерять лучшие годы, зарыть свой талант? Я хочу остаться здесь, в Москве.

-- Я сам, Римма, люблю Москву, но...

Тоном, не допускающим возражения, Римма прервала его:

-- Никаких "но"! -- сказала она властно. -- В глушь я не поеду. Слышишь?

-- Какая же это глушь? Областной центр. Там есть драмтеатр, филармония, Дом культуры. Ты получишь возможность работать, развивать свои вокальные способности. Меня посылают из академии в крупный промышленный и культурный центр.

-- Для воробья и лужа море!

-- К чему взаимные обиды, Римма?

-- Для тебя это крупный центр, а для меня -- провинция! -- она презрительно фыркнула и цинично добавила: -- Если хочешь,

чтобы твоя жена была актрисой, оставайся в Москве. Ты мог бы найти влиятельного генерала, который помог бы тебе. Ведь сумела же я найти выдающегося музыканта...

При этом она каким-то не свойственным ей жестом дернула плечиком и многозначительно подмигнула:

-- Вот так.

-- Не узнаю тебя, Римма.

Она заглянула ему в глаза:

-- Это я, твоя Римма. Разве ты не видишь, ну?

-- За протекцией к генералу я не пойду!

Римма вспыхнула:

-- Дурак! С таким образованием, с такими заслугами, как у тебя, -прямой путь в генералы. Но для этого нужна протекция... И отнюдь незачем для этого летать, рисковать жизнью. Ты закончил академию...

Пол закачался под ногами у Поддубного, будто он находился в кабине самолета.

-- Значит... дурак... говоришь?

В сердцах ему захотелось бросить ей в лицо что-то жгучее, оскорбительное, обозвать ее тем словом, которое она заслужила, но усилием воли он сдержал свой гнев. Только проговорил с горечью:

-- Прощай, Римма, как жестоко я ошибся.

Притворив за собой дверь, он вышел на улицу, остановил такси, заехал к себе на квартиру за вещами и отправился на вокзал, хотя в его распоряжении был еще целый месяц отпуска.

Полгода отгонял он всякую мысль о Римме, даже не писал ей ни разу, но рана не заживала. Как там она? Может, передумала и тяжело раскаивается? Долгими полярными ночами -- казалось, конца им нет -- он, возвращаясь с аэродрома, склонялся над радиоприемником, прислушивался к шумам в эфире с тайной надеждой услышать хоть ее голос. Много концертов передавали из Москвы. Много певиц выступало перед микрофоном, а голоса Риммы он не услышал.

-- Может быть, заболела, а может, что-то случилось?

В первые дни разлуки он чувствовал даже удовлетворение, что так просто и своевременно развязался узел, который не успел затянуть петлей... Но чем дальше, тем чаще минуты трезвого умиротворения сменялись непостижимым чувством, в котором сливались и раздражение, и отчаяние, и сожаление.

Бывало, летчик укорял себя за столь жестокое решение. Прав ли он был, одним махом порвав нити, связывавшие его с Риммой? Можно было ведь попытаться переубедить ее... Она молода, могла ошибиться...

И он не совладел с собой: написал ей письмо. В ответ пришла короткая записка:

"Вышла замуж. Римма".

Так он и остался одиноким до сих пор.

Поэтому тогда так грустно наблюдал он с борта теплохода за толпой провожающих, смутно завидуя тем, кого провожали, Ему казалось, что после Риммы он никогда не сможет полюбить.

И вот встреча с Лилей. Девушка запала ему в душу, растревожила навсегда угасшие, как ему казалось, чувства. Дочь летчика -- она не скажет "не летай", она поедет вслед за тобой хоть на край света, и не нужны ей генеральские погоны...

С мыслями о девушке вышел Поддубный во двор. В вечерней тишине неподалеку от солдатской казармы кто-то наигрывал на гармонике. Долетали веселые голоса. Низкорослый ишак тащил по улице двухколесный возок, нагруженный саксаулом. За ним шел солдат со сбитой на затылок панамой, насвистывая какой-то мотив. На берегу реки ишак остановился.

-- А ну, чего задумался! -- замахнулся на него солдат.

Ишак и возок скрылись с глаз и выползли уже на противоположном берегу.

-- Давай, давай! -- покрикивал солдат, подталкивая возок плечом.

Ишак карабкался вверх изо всех сил, упираясь мордой в землю. Осилив крутой берег, он бодро затрусил к кухне -- приземистой постройке с двумя высокими закопченными трубами.

Поддубный свернул к командирскому коттеджу.

Полковник Слива сидел за круглым столиком во дворе возле веранды, просматривая свежие газеты. В шелковой пижаме, с трубкой в зубах, он напоминал дачника, да и сам коттедж напоминал дачу. От политых деревьев веяло прохладой и терпким запахом листвы. Над столом, переброшенная через ветку, свисала электрическая лампочка, освещавшая седую голову полковника.

-- Разрешите, Семен Петрович?

-- А-а, пожалуйста, пожалуйста, Иван Васильевич, -- полковник отложил в сторону газету.

-- У вас здесь, как на даче.

-- Деревья, Иван Васильевич, деревья! Посадил, вырастил и тем самым рай земной сотворил... Вот это большое дерево -- карагач, а вдоль палисадника -тополя. Саженцы туркменские колхозники, спасибо им, привезли. А если у вас есть желание, можете полюбоваться нашей землячкой -- вербой. На берегу Ворсклы выкопал и привез сюда на самолете, в ведре. Боялся, как

бы не засохла. Ничего, растет! Благодатная здесь земля! Дай только воду, и Каракумы превратятся в цветущий сад.

Полковник показал гостю, где какие деревья растут, припоминал, когда они были посажены, откуда были завезены, поучал, как часто их надо поливать.

Полковник явно был влюблен в свой сад, гордился каждым деревцем. Поддубный делал вид, что внимательно осматривает деревья, а тем временем украдкой поглядывал сквозь густой шатер виноградных лоз на веранду, где заприметил Лилю. Она, полулежа, раскачивалась в плетеной качалке, разговаривая с какой-то туркменской смуглянкой с миловидным лицом. Там же находился старший лейтенант Телюков.

-- А виноград! Вы только поглядите, Иван Васильевич, какой виноград, -продолжал полковник, бережно раздвигая руками шершавую листву.

Поддубный приблизился к веранде. В этот момент Телюков присел возле Лили, и они оба склонились над книгой или над журналом.

-- Превосходный сорт, Иван Васильевич. Это тоже подарок колхозников. В Каракумах виноград, а?

Поддубный отвернулся от веранды, не желая, чтобы Лиля и Телюков увидели его.

-- Отличный виноград, Семен Петрович, великолепный виноград, -рассеянно похвалил он, вынимая папиросу...

Из коттеджа вышла полная, белолицая женщина, белолицая женщина, закутанная в теплую шаль.

-- Харитина, иди сюда! -- окликнул ее Семен Петрович. -- У меня гость. Познакомься. Оказывается, наш земляк.

Харитина Львовна, разглядывая гостя, чуть-чуть прищурилась и слабым голосом произнесла:

-- Почему же ты, Семен, не приглашаешь гостя в дом?

-- А у тебя найдется что-нибудь такое? -- Полковник хитро подмигнул.

-- Надо поискать, может, и найдется.

Поддубный отрекомендовался жене полковника.

-- Я слышал, что вам нездоровится, -- сказал он.

-- Да, у меня был грипп, кажется. Но сейчас уже лучше стало. Проходите, пожалуйста, к столу.

Поддубный вежливо отказался, поблагодарив хозяйку дома. Простившись, он отправился домой, то есть к Гречке, который все еще трудился над подробным и обстоятельным письмом жене.

-- Как же обрадуется Прися, когда прочтет мое письмо!...

-- Да, обрадуется, -- задумчиво протянул майор. -- А вот мне, Максим, не везет!..

Он хотел сказать "не везет в любви", но промолчал. К чему здесь слова? А Телюков, конечно, ухаживает за дочерью полковника. Ну что ж, пусть... И, очевидно, не случайно полковник хвалил его, Телюкова...

Занятый письмом, Максим Гречка не обратил внимания на опечаленное лицо своего друга.

Глава третья

Майор Гришин делил летчиков полка на две категории: надежных и ненадежных.

Ко второй категории, то есть к "ненадежным", кроме явно "отчаянных", таких, примерно, как Телюков, он причислял всех возомнивших себя, по его словам, покрышкиными или кожедубами; это значило, что летчик не в меру увлекается большими скоростями и высотой, что он любит энергичный пилотаж и прочие вещи. Гришин считал, что от таких летчиков можно ожидать чего угодно, только не успеха в выполнении первейшего требования -- летать без аварий и катастроф.

Майора Поддубного Гришин после того, как слетал с ним в пилотажную зону на двухместном самолете, сразу же причислил к категории "ненадежных".

Это был контрольный полет, который выполняет каждый летчик, прибывший из другой части или имеющий перерыв в полетах, независимо от должности и ранга.

Гришин сидел в задней, инструкторской кабине самолета и внимательно наблюдал за действиями летчика.

-- Разрешите выполнять? -- спросил Поддубный у инструктора, обращаясь к нему по СПУ.

-- Пилотаж разрешаю, -- ответил Гришин.

Он рассчитывал, что после виража летчик сделает "площадку", после чего пойдет на боевой разворот. Потом в таком же порядке, то есть в чередовании фигур и "площадок", летчик начнет выполнять все последующие фигуры -переворот, петлю Нестерова, бочку...

Именно такого "классического" пилотажа придерживался сам Гришин.

Поддубный не делал "площадок". Он дал каскад пилотажных фигур. На какое-то мгновение Гришин как бы раздвоился. Как летчик он с восторгом следил за незаурядным мастерством помощника командира, отдавая ему должное, а как инструктор и сторонник "классического" пилотажа недовольно поморщился, сразу сообразив, что перед ним типичный представитель "ненадежных".

"Ишь как выкручивает, -- неодобрительно думал Гришин, уставившись в доску приборов. -- Только поручи такому обучение

летчиков воздушному бою. Посыплются на землю, как груши!"

Он начал внимательно следить за пилотажем, стараясь найти в действиях летчика ошибки. Но самолет безупречно выписывал в воздухе фигуры, "замыкая" их.

"Разве что на посадке споткнется," -- таил надежду инструктор, желая во что бы то ни стало выставить майору низкую оценку.

Не споткнулся летчик и на посадке. Вообще Гришину не удалось обнаружить ни малейшего нарушения летных правил. Самолет приземлился на аэродроме в полосе отличного расчета.

-- Пилотаж -- "отлично", расчет и посадка -- "отлично".

Штурман не покривил душой: он оценил Поддубного по заслугам, но в список "ненадежных" все же занес. За Поддубным необходим тщательный надзор, решил Гришин. Тем более, что это ведь не просто летчик, не командир звена и даже не командир эскадрильи, а помощник командира полка! Если он, организуя полеты на боевое применение, будет требовать от подчиненных того, на что способен сам, -- аварий не избежать! Нет, не избежать! И тогда все то, во имя чего в течение нескольких месяцев так упорно и настойчиво боролся он, Гришин, разлетится в пух и прах.

Нового помощника надо своевременно одернуть, прибрать к рукам. Это мог сделать лишь командир полка. Поэтому после полета, выбравшись из кабины, Гришин отправился на СКП, откуда полковник руководил полетами. К сожалению, он был не один: с ним находился замполит Горбунов, дежурный метеоролог и солдат-планшетист.

В штабе после прибытия с аэродрома тоже не удалось поговорить с полковником с глазу на глаз: то начальник штаба Асинов, то инженер Жбанов, то кто-нибудь из комэсков.

У всех неотложные дела.

Аудиенцию пришлось перенести на вечер.

Гришин дождался момента, когда полковник вышел поливать деревья.

-- Добрый вечер, Семен Петрович! -- сказал он, приблизившись к палисаднику. -- Разрешите, если не помешаю?

-- Пожалуйста, Алексей Александрович!

Гришин тоже любил деревья, да и кто мог им не радоваться здесь, в пустыне? Но он любил их как-то своеобразно: возиться с ними не имел ни малейшего желания. За три года он не только не воткнул даже прутика в землю, но не сохранил и тех деревьев, которые достались ему от его предшественника -- бывшего хозяина коттеджа.

--Трудимся?

-- Наступаю на пустыню, Алексей Александрович.

Из раскрытых настежь окон доносились звуки пианино.

-- У вас здесь действительно как в раю, -- вкрадчиво сказал Гришин, став под молодым карагачем, ветви которого колыхались уже над крышей дома.

-- Никто и вам, Алексей Александрович, не запрещает завести такой же рай, -- заметил полковник. -- Немного труда, и, как говорится... в прилежном доме -- густо, а в ленивом -- пусто...

Гришин поморщился, хрустнул пальцами.

Семен Петрович с невинным видом поливал вербу.

-- Благодатная роща растет, -- продолжал он. -- Есть где лысину укрыть от этих дьявольских лучей. Жаль будет разлучаться с такой благодатью. Как подумаю, что вдруг попадет мой сад к такому, простите на слове, как вы, хладнокровному... -- не пройдет и месяца, как все засохнет...

-- А вы поселяйтесь здесь навсегда, кто ж вам мешает? Наоборот, еще в газетах похвалят: "Полковник в отставке навсегда поселился в Каракумах".

Струя воды, выбиваясь из шланга, наполняла глубокую лунку. Полковник выпрямился.

-- А что вы думаете? Остался бы, ей-богу, остался! Да вот Харитина моя все о своей Полтавщине сокрушается. Хочу, говорит, дожить свой век там, где росистым утром кукушка сизокрылая кукует. В родимую сторону тянет старуху, наездилась по белу свету. Всю жизнь таскал ее за собой. Где только не побывал! И в Уссурийской тайге, и в лесах Карелии, и в горах Забайкалья. А нынче вот в пустыню забрались.

-- Такова наша доля, жизнь военных, -- ничего не поделаешь! - сочувственно протянул Гришин, стараясь задобрить полковника.

-- Да нам, офицерам, что! Где служба, там и дом. Где полк, там и семья.

Майор Гришин думал, как повернуть разговор в нужную сторону. И наконец решился:

-- У меня дело к вам, Семен Петрович. Так сказать, наедине желательно обмозговать кое-что.

Полковник перетащил шланг в другое место.

-- Дело, говорите? -- Он положил шланг на землю, направил струю воды в оросительный ровик и удобно уселся в плетеное кресло под карагачем.

-- Слушаю вас, Алексей Александрович.

Гришин вытер платком влажные руки и приступил к разговору:

-- Дело касается вашего нового помощника. Как вам известно, у меня с ним была беседа, кроме того, я принимал зачет по

району полетов, а сегодня летал в зону. Вот кое-что и прояснилось.

-- Ну, ну, интересно!

-- Вы знаете, Семен Петрович, каких усилий стоило мне добиться, чтобы потушить в полку аварийность, чтобы нас с вами не ругали ни за полеты, ни за документацию. Беседу с Поддубным я записал. Допустим, что можно было обойтись и без этих записей. Допустим. Но он заявил мне сразу: "Не нравится, дескать, мне это ваше бумагомарание!" Прямо с вызовом каким-то заявил!

Семен Петрович недовольно поморщился.

-- Незачем было записывать, Алексей Александрович. Мне, по правде говоря, тоже не нравится эта ваша затея. Бессмысленным формализмом веет от нее. Я уже давно собирался сделать вам замечание по поводу этой нелепой писанины, плюньте вы на нее!

Штурман заерзал на стуле.

-- Но разве не за бумаги нас побили, в частности вас, Семен Петрович?

-- Разные бывают бумаги. Нужные надо оформлять как следует.

Гришин помолчал, обдумывая свой ответ.

-- Ну что ж, плюнуть так плюнуть, -- сказал он обидчиво. -- Вам виднее. Вы командир, единоначальник. Но, собственно, и не в бумагах главное. Допустим, что я не все продумал. Допустим. Но в каком тоне он разговаривал со мной! Еще не успел переступить порог полка, как уже и то ему не по душе, и это не нравится...

-- Что же именно ему не нравится?

-- Ну, например, что у нас план боевой подготовки не выполняется...

-- А вам это нравится?

-- Конечно, нет!

-- И мне тоже. Так в чем же дело? Значит, хорошо, что у офицера уже болит душа за свой полк. Значит, лучше возьмется за дело. А что касается тона, то, на мой взгляд, он все-таки умеет разговаривать. Академию закончил, офицер культурный. Я с ним беседовал, знаю.

Гришина начинало раздражать то, что полковник не соглашается с его доводами и явно тянет на сторону своего нового помощника.

-- Вы еще увидите, Семен Петрович, как он за дело возьмется! -- сказал Гришин многозначительно. -- Не утешайте себя тем, что я выставил ему по всем элементам отличные оценки. В нормативы курса боевой подготовки он уложился. Но у него

чересчур резкий пилотаж. Его действия с арматурой кабины слишком уж энергичны.

Полковник ухмыльнулся в усы:

-- Так ведь это хорошо! Таким и должен быть пилотаж летчика-истребителя. И было бы очень жаль, если бы он летал, как утюг.

-- Он так и летчиков будет учить!

-- Вот и отлично!

-- Сегодня резкий, энергичный пилотаж, а завтра -- что хочу, то и делаю в воздухе, как Телюков, так, что ли?

-- Поддубный и Телюков, -- сказал полковник строго, -- это пока небо и земля. И не следует преждевременно гадать, как он будет обучать летчиков. Поживем -- увидим.

-- Однако гонор у Поддубного налицо, Семен Петрович, и мой долг -предупредить вас об этом. А там -- как знаете. Вы командир -- не мне учить вас. Я говорю с вами, как видите, с глазу на глаз и совершенно не имею намерения подрывать авторитет вашего помощника.

-- Охотно верю, Алексей Александрович. Приму во внимание ваши замечания. Послезавтра сам слетаю с Поддубным, присмотрюсь, что он за птица в полете.

-- Присмотритесь, Семен Петрович, да повнимательнее...

Гришин собрался уходить, но командир остановил его:

-- Алексей Александрович, а почему вы не допустили к полету в составе пар лейтенантов Байрачного и Калашникова?

-- Потому, что плохо подготовились, -- сказал Гришин. -- Не ответили на ряд моих контрольных вопросов на розыгрыше полета.

-- Например, каких?

-- Байрачный не знал самой высокой точки Копет-Дага...

-- Не знал? -- переспросил полковник.

-- Не знал, -- повторил Гришин.

-- Плохо, но, на мой взгляд, все же это не могло служить помехой. Ведь этот вопрос не касается непосредственно групповой слетанности?

-- Так-то так, Семен Петрович. Но, допустим, что молодой летчик оторвался от ведущего и заблудился. Допустим. Вот вам и предпосылка к происшествию.

Полковник тяжело вздохнул:

-- С ночной подготовкой отстаем. С огневой отстаем. С обучением молодых летчиков также отстаем. В соседних полках молодые уже летают в парах, а у нас до сих пор в одиночку.

-- Успеем, Семен Петрович. Не завтра же война. Главное -- избежать аварийности.

Полковник исподлобья окинул взглядом Гришина, покряхтел, встал и принялся за свое дело, прислушиваясь к музыке.

На пианино играла Назык, девятилетняя туркменка, мать которой работала прачкой на авиационной базе. Лиля очень любила ее. Такая славная девочка! Глаза черные-черные, как два спелых терна, волосы заплетены в тонкие косички-веревочки. Лицо, шейка, руки покрыты бронзовым загаром.

Назык чувствовала себя в коттедже полковника как дома. Все ее тут ласкали, баловали. Даже Семен Петрович, далекий от чувства сентиментальности, часто брал ее к себе на колени, что было высшим проявлением благосклонности.

Три года назад Лиля впервые усадила Назык за пианино, решив учить ее музыке. Это была, безусловно, очень одаренная девочка. И вот Назык проходит уже курс по программе второго года обучения, несмотря на то, что учительница занимается с ней только во время каникул.

В этот вечер Назык, воспользовавшись приездом своей учительницы, сдавала ей зачеты. Лиля внимательно вслушивалась в ее игру и гордилась своей ученицей.

Но тут ее внимание привлек офицер, который приближался к палисаднику.

"Телюков", -- подумала Лиля и поморщилась.

Еще прошлым летом он обратил на нее внимание. Выйдет Лиля на танцы -он тук как тут. Запишется в кружок художественной самодеятельности -глядишь, и он уже в этом кружке.

-- Я, Лилечка, Шаляпин номер два, -- как-то прихвастнул Телюков. -- Вот послушайте, как я пою "Эй, ухнем". Аккомпанируйте, пожалуйста, и не обращайте внимания, если на первый раз пущу петуха...

-- У Шаляпина был бас, а у вас тенор.

-- Я ж и говорю -- Шаляпин номер два, у него, кажется, был баритональный бас...

-- "Эй, ухнем" не для вашего голоса. И не лирический и не драматический у вас тенор, как вы считаете, а самый обыкновенный...

--Обыкновенного, Лилечка, не бывает. Либо лирический, либо драматический. Скорее драматический: по внутреннему содержанию. Моя покойная мамаша обожала семейные драмы. Как только, бывало, отец после получки вернется под мухой из закусочной -- так и драма. Как домашний драматург, она славилась на весь рабочий поселок.

-- Так вам, скорее, надо выступать в роли конферансье.

-- Могу и в этом жанре. Откровенно говоря, способности у

меня разносторонние.

Как-то на концерте Телюков конферировал весь вечер и пользовался большим успехом.

Прошлым летом он застрелил дикобраза, вырвал у него колючки и принес из в подарок Лиле.

-- Вот уж никогда не думал, -- сказал он серьезно, -- что дикобраз -лютый агрессор.

-- А что?

Телюков рассказал, что в момент, когда целился из ружья в дикобраза, тот повернулся к нему задом и начал метать колючки.

-- Да это выдумки! Я уже от кого-то слыхала нечто подобное...

-- А я думал, не слыхали. Дай, думаю, напугаю Лилю, чтобы боялась без меня ходить за пределы городка.

Вначале девушка не подозревала, что летчик влюблен в нее. Он ей нравился как веселый товарищ, умеющий так хорошо развлекать ее и рассказывать всякие смешные истории. С ним всегда было легко и весело. Но вдруг оказалось, что за этими шутками и остротами кроется любовь, и вчера вечером он неожиданно признался ей в своем чувстве.

-- Я... люблю вас, Лиля! -- сказал он и взял ее за руку.

Она не знала, что ответить. Почувствовала только, что с этого мгновения дружбе конец. Телюков выжидающе молчал.

-- Вы опоздаете. Вам ведь на аэродром... -- сказала Лиля тихо.

-- Да, мне пора, -- промолвил он, словно очнувшись. -- А может быть... вы подождете меня, Лиля? Я скоро вернусь.

-- Нет, нет. Я ведь послезавтра уезжаю! Надо отдыхать.

-- В таком случае я приду провожать. Разрешите?

-- Со мной будет мама...

Просигналил шофер, и Телюков выпустил ее руку. Лиля пожелала ему удачи, и он ушел. Она действительно легла рано, но долго не могла уснуть. "Я люблю вас, Лиля", -- слышался его голос, а сердце ее оставалось спокойным. Ничего плохого она не находила в Телюкове, но любви к нему не чувствовала. Ей даже стало жаль его как друга, как товарища.

Весь день Лиля никуда не выходила, а вечером, накануне отъезда, занялась с Назык. Увидев смутно белевший среди деревьев китель и услышав приглушенный разговор, она решила, что это Телюков. Подошла к окну, прислушалась. Нет, голос не его.

-- Тетя Лиля, правильно? -- спросила Назык.

-- Правильно, но ты еще раз проиграй этот этюд.

-- Хорошо.

Напрасно старалась Назык. Лиля ничего не слышала. Она жадно ловила обрывки фраз. Штурман несколько раз упомянул

фамилию майора.

-- Однако гонор у академика налицо, Семен Петрович! -- донеслось отчетливо.

"Гонор?.. -- Лиля очень удивилась. -- Неправда! Поддубный скромный, культурный человек".

Зазвонил телефон. Лиля прошла в кабинет, сняла трубку.

-- Слушаю. Да, я. Нет, нет. Сейчас Назык сдает зачеты. Не могу. Я же сказала: Назык сдает зачеты. -- Она помолчала. -- А завтра рано утром меня провожает мама. До свидания.

-- Кто это? -- спросила Харитина Львовна, когда дочь положила трубку на рычажок.

-- Телюков. В клуб приглашает.

-- Но ведь тебе завтра в дорогу.

-- Я так и ответила.

Харитина Львовна пытливо посмотрела на Лилю. Не хотелось выдавать ее так рано, да еще за военного! Сама ведь испытала, что значит быть женой летчика! Нелегко ей пришлось! Исколесила она белый свет вдоль и поперек... Мужу что -- сядет в свой самолет и полетит. А Харитина Львовна трясется с детьми по незнакомым дорогам, кочуя с запада на восток, с юга на север. И так всю жизнь: дорога, дети, чемоданы...

Иные жены проводят мужей на службу и не беспокоятся, что там с ними. А жена летчика всегда озабочена, всегда в волнении. Тревога не покидает сердце: вернется с аэродрома или уже неживой?.. Приходит время возвращения мужа с аэродрома -- с замиранием сердца прислушивается к шагам... А если увидит, что все летчики уже прибыли, а ее мужа нет, то бегом к соседке: "А мой, где мой? Не слыхали?" Спрашивает, а дыхания нет, и только боль в груди. Да еще и не поверит соседке сразу, ибо не бывает так, чтобы прямо в глаза сказали: не жди. Что бы ни случилось, всегда стараются смягчить удар. Задержался, мол, в штабе или на соседнем аэродроме сел, прилетит! А потом ходят товарищи мужа и подготавливают вдову к страшной вести...

Ни мало ни много -- двадцать шесть лет прожила так Харитина Львовна. А сколько перестрадала за эти годы!.. И на Халхин-Голе воевал Семен Петрович, и на финской побывал, и на Отечественной войне четыре года сражался...

Немало горя хлебнула жена военного летчика. После Отечественной войны тешила себя мыслью, что хоть на склоне лет поживет спокойно, окруженная заботами сыновей и дочерей. Где там! Старший -- Григорий -- по стопам отца пошел -- учился в летной школе, а теперь водит транспортные самолеты по трассе Москва - Хабаровск. Младший -- Иван -- стал геологом и второй год странствует по Сибири, все ищет чего-то в горах... Старшая

дочь -- Елена -вышла замуж за инженера и отправилась с мужем на Сахалин. С родителями осталась одна Лиля, младшая. Но ведь и ее мать не очень часто видит.

-- Осиротели мы с тобой, старик, -- часто говорила опечаленная Харитина Львовна. -- Да и путешествия эти, сказать по правде, замучили. Просился бы в отставку, что ли... Поехали бы с тобой на родную Полтавщину, купили бы домишко, сад развели вишневый. Я бы огород посадила, а ты бы удил рыбу...

Семен Петрович на это неизменно отвечал одно и то же, сводя разговор к шутке:

-- Рано, старуха, хочешь видеть меня в роли деда Щукаря. Есть еще порох в пороховницах!

И правда, невзирая на свой возраст, он еще выполнял на реактивных самолетах фигуры высшего пилотажа без противоперегрузочного костюма. Ни один врач не мог придраться к его здоровью -- оно было безупречным, если не считать зрения, которое понемногу начинало сдавать.

Харитина Львовна таила надежду оставить Лилю при себе и там уже, где они поселятся после отставки мужа, взять в дом зятя и жить всем вместе. Но вот пристает этот летчик с бакенбардами... Все по телефону вызывает... Выйдет за него Лиля и полетит по свету -- только ее и видели!..

В этот вечер она собиралась поговорить с мужем, посоветоваться, но как-то не решалась. Да и разве он даст хоть слово сказать? "Чушь несешь, старуха", -- отмахнется. Она его хорошо знает!

Поздно вечером, когда Семен Петрович прикорнул на кушетке у себя в кабинете, она позвала Лилю в спальню, велела плотно притворить дверь.

-- Тебе нездоровится, мама?

-- Нет, ничего, Лиля! -- Она помолчала, подумал, а потом поведала дочери о своих надеждах и планах на будущее.

-- Ну что ты, мама! Я и не помышляю о замужестве. Мне ведь еще год учиться...

-- Смотри, Лиля! Не дружи ты с этим, который с бакенбардами... Увезет он тебя...

-- Нет, мама, не увезет, -- ответила Лиля и почему-то вспомнила о Поддубном. Ей стало как-то неприятно от этого неожиданного воспоминания. Она забралась к матери под одеяло, прильнула к ней. Ей, как в детстве, хотелось уснуть возле матери. Но в голову одна за другой лезли непрошеные мысли. Особенно тяжело ей было от сознания, что Телюков обязательно явится завтра провожать ее.

И он действительно явился, как только Лиля и Харитина

Львовна сели в машину, чтобы ехать на станцию.

-- Счастливого пути, Лиля! -- сказал он, поздоровавшись.

-- Спасибо, -- сухо ответила девушка.

Проводив взглядом машину, Телюков поспешил на утренние занятия по физической подготовке.

Летчики строем отправились на спортивную площадку.

Вскоре прибыл и полковник Слива. Он с молодых лет сохранил любовь к спорту и каждый раз внимательно наблюдал за тем, как его подчиненные выполняют упражнения. При этом он часто бросал насмешливые, а иногда и сердитые реплики:

-- А ну, кто там запутался в колесе, как муха в паутине? Духу не хватает разогнать качели? -- кричал он летчику, который действовал вяло.

Иногда, желая представить наглядно, а чаще дабы пристыдить какого-нибудь увальня, полковник обращался к старшему лейтенанту Телюкову, лучшему спортсмену в полку:

-- Показать класс!

Телюков чувствовал себя на спортплощадке как рыба в воде. Ловкий, сильный, смелый, он соколом взлетал на снаряд и начинал выделывать такое, что дух захватывало у тех, кто наблюдал за ним.

-- Вот это да! Это -- класс! -- Семен Петрович притоптывал от удовольствия ногой. -- Вот как надо работать, тогда и в воздухе соколами себя почувствуете. Понятно?

Летчики знали, что в такой момент с полковником можно и пошутить:

-- Товарищ полковник, покажите теперь вы класс, -- предлагал кто-нибудь из них.

Семен Петрович хмурился?

-- Это при моих-то годах и комплекции?

И все же, засучив рукава, становился в колесо и начинал раскручивать его. Летчики собирались вокруг. Тихонько смеялись, отпускали шутки. Полковник раскручивал все быстрее и быстрее.

-- А вы еще на качели, товарищ полковник, -- подзадоривали его летчики.

-- Ладно, будет! -- отмахивался тот, доставая неизменную трубку. -Года не те. Укатали Сивку... Что теперь -- поглядели бы вы на меня лет этак пятнадцать назад.

Майор Поддубный тренировался в составе первой эскадрильи. Между ним и майором Дроздовым как-то очень быстро установились дружеские взаимоотношения.

У обоих были одинаковые взгляды на современное обучение летчиков, оба были противниками упрощенчества.

Майор Дроздов давно уже, насколько позволяла субординация, "воевал" против Гришина и радовался, что в этой "войне" нашел в лице нового помощника командира надежного союзника.

Высокий, мускулистый, майор Дроздов, как акробат, прыгал на сетке. У Поддубного получалось хуже. Однажды он угодил мимо сетки и сильно ушиб колено. Зато гимнаст он был отличный.

-- Мы принимаем вас, Иван Васильевич, в физкультурный коллектив своей эскадрильи, но с условием, что на соревнованиях вы будете выступать на нашей стороне, -- сказал Дроздов.

Поддубный согласился.

После физкультурных упражнений летчиков ожидал завтрак, после которого они разошлись кто в учебный класс, кто на аэродром, кто в тир.

Полковник Слива вызвал Поддубного к себе в кабинет и, рассматривая плановую таблицу, сказал:

-- Вам запланирован контрольный полет под колпаком. Намечалось, что вы полетите с Гришиным. Я имею намерение сам полететь с вами. Вы готовы?

-- Так точно! -- ответил Поддубный, недоумевая, почему вдруг командиру вздумалось лично проверять его.

Ехали на аэродром втроем: полковник Слива, Поддубный и Гришин. Навстречу дул прохладный утренний ветерок. Вдали виднелся залитый солнечными лучами Копет-Даг. Под колесами шуршал песок. Гришин молча просматривал газету, а полковник попыхивал своей трубкой.

"Спарка" стояла на линии предварительного старта, поблескивая на солнце фонарями кабины и отсвечивая лаком. К полковнику подбежал техник:

-- Самолет к вылету готов! -- отрапортовал он.

Полковник осмотрел кабину, поднявшись по красной лестнице, проверил заправку баков и, найдя все в полном порядке, расписался в контрольном листе.

-- Потренируйтесь в кабине минут десять, -- сказал он Поддубному. -Сиденье подгоните по своему росту.

-- Есть! -- ответил Поддубный и опять подумал: "Не иначе как Гришин накапал".

Полковник пошел на СКП, отдал там необходимые распоряжения Гришину и возвратился ровно через десять минут. Он натянул на голову шлемофон, подвязал к горлу ларингофоны, сел в кабину, нацепил на колено планшет.

-- Полетели?

-- Я готов.

Полет под колпаком -- это полет в закрытой шторками кабине. Выполняется он примерно так: летчик садится в переднюю кабину, а инструктор в заднюю. Самолет взлетает, выходит за границу большого круга над аэродромом и переводится летчиком в режим горизонтального полета. В это время летчик (конечно, и инструктор) проверяет работу авиагоризонта и других пилотажно-навигационных приборов. Убедившись, что приборы работают безотказно, летчик, выдерживая заданную вертикальную скорость, набирает высоту. После команды инструктора "Закрыть шторки, беру управление" летчик закрывает кабину и одновременно устанавливает заданный режим полета.

Таким образом, летчик находится в закрытой, а инструктор в открытой кабинах.

-- Берите управление самолетом на себя, -- командует инструктор по СПУ, и летчик начинает пилотаж.

Следуют команды:

-- Курс такой-то, в зону...

Летчик ведет самолет в зону.

-- Вираж правый, крен 30 градусов...

-- Вираж левый, крен 30 градусов...

-- Снижение с вертикальной скоростью столько-то метров в секунду, до высоты такой-то...

-- Набор высоты...

-- Разворот с набором высоты...

Так все время инструктор подает команды, а летчик выполняет их, ориентируясь в полете исключительно по приборам; он не видит ни земли, ни неба. Случается, летчик допускает такие грубые ошибки, что инструктор немедленно берет управление самолетом в свои руки. Такого летчика не выпускают в самостоятельный полет ни ночью, ни днем в облаках. Ему дают дополнительные контрольно-провозные полеты под колпаком, пока он полностью не овладеет так называемыми слепыми полетами.

Майор Поддубный имел первый класс, который дает летчику право летать днем и ночью при любых метеорологических условиях. Он отлично владел полетами по приборам, имел большой налет ночью, так как служил за Полярным кругом, где ночь длится несколько месяцев. Все это знал полковник Слива и не сомневался в успехе своего помощника. Но то, что Поддубный показал в этом полете, превзошло все его ожидания.

-- Мне остается лишь гордиться таким помощником, -- признался полковник, когда они приземлились. -- Слетаете еще ночью на "спарке" и беритесь за обучение летчиков. Беритесь

энергично, а то мы плетемся в хвосте.

-- Возьмусь, товарищ полковник. Возьмусь как следует!

Семен Петрович пошел на СКП, а Поддубный уехал в городок.

В этот вечер он переселился в свою квартиру.

Техник-лейтенант Максим Гречка нехотя провожал своего друга и командира.

-- Пожили бы у меня еще маленько, товарищ майор, -- говорил он. -Прися с Петрусем вернутся только осенью. Неужели вам так плохо у меня? Тихо, спокойно, и мне радость какая...

-- Не теперь, так в четверг, когда-нибудь все равно надо переезжать в свое гнездо.

-- Плохо вам будет на новом месте, -- не унимался Гречка. -- В соседней комнате молодые летчики живут... Трынь-брынь -- только и слышно, да песни без конца... А у меня тишина, покой...

-- Я рассержусь, Максим...

-- За что?

-- Вы словно женить меня собираетесь на нелюбимой или, еще того хуже, на погост провожаете...

-- Виноват, товарищ майор...

Они поднялись на крыльцо, вошли в коридор. Их комнаты молодых летчиков доносилась песня: чей-то мягкий тенорок напевал под звуки гитары:

Я люблю подмосковные рощи

И мосты над твоею рекой...

-- Слышите? Слышите, товарищ майор? А я что говорил? Они вам и отдохнуть не дадут своей музыкой. А вам ведь заниматься нужно, к лекции подготовиться, к докладу...

-- Ничего, музыка мне не мешает.

Расставив свои вещи и выпроводив техника, майор заглянул к своим новым соседям. Двое из них -- лейтенанты Байрачный и Скиба -- были ему уже знакомы. Он знал: родом они из одного села, более трех лет назад вместе окончили десятилетку, вместе ходили в военкомать просить, чтобы их приняли учиться на летчиков и непременно истребителей, ибо истребителями были Покрышкин и Кожедуб... Закончив училище, они добивались, чтобы их обязательно командировали обоих в один полк. Куда угодно, хоть на Курилы, лишь бы вместе!

Жили земляки, как родные братья, но никто не мог бы принять их даже за дальних родственников. Петр Скиба был рослый, широкоплечий, черный, как цыган; характер у него был нелюдимый, и он слыл бирюком. Григорий Байрачный был ему прямой противоположностью: нежный, как девушка, русый, веселый, с улыбчатыми глазами; любил поговорить, а то и песню затянуть. Улыбка не сходила у него даже тогда, когда командир

"снимал стружку" за "козла" или какую-нибудь ошибку в технике пилотирования.

О третьем молодом летчике -- лейтенанте Калашникове -- Поддубный знал лишь понаслышке, что тот увлекается рисованием и пишет маслом "настоящие" картины.

На гитаре играл Скиба. Пел Байрачный. Калашников сидел за мольбертом, писал и заодно дирижировал кистью и палитрой.

Застигнутые врасплох, лейтенанты вскочили с мест.

-- Продолжайте, пожалуйста! -- сказал майор.

Да что уж там продолжать... при начальстве! Байрачный подал майору стул:

-- Присаживайтесь, товарищ майор.

-- У вас хороший голос, -- похвалил майор Байрачного.

-- Где там! -- смутился лейтенант. -- Просто затянул... с горя...

-- С горя?

Байрачный покраснел:

-- Засыпались мы сегодня с Калашниковым. Скиба проскочил, а мы застряли.

-- На чем?

-- На розыгрыше полетов. Должны были вылетать в паре, но засыпались. Особенно я... И такой пустяковый вопрос попался... Вылетело из головы название высшей точки Копет-Дага... Вот штурман -- майор Гришин -- и не допустил меня к полетам.

-- А при чем тут Копет-Даг?

-- Не знаю. Только штурман сказал, что мне положено заново сдать зачет по району полетов.

-- Раз сказал -- придется сдавать, -- заметил Поддубный и обратился к Калашникову: -- А с вами что приключилось?

-- Да тоже на одной вводной засыпался, товарищ майор, -- лейтенант поднялся с места.

-- Да вы сидите. Мы ведь не на службе. А что за вводная была?

Калашников подумал, затем сказал:

-- Спросил меня майор Гришин так: "Вы отстали от ведущего. Догоняя его, обнаружили, что налезаете на передний самолет... Ваши действия?" Я ответил, что в таком случае пойду либо с принижением, либо с превышением. А майор Гришин сказал, что такие действия будут неправильны.

-- Вопрос не сложный, -- заметил Поддубный. -- Но рассматривать его надо в конкретных условиях. Вот что, лейтенант. Приходите завтра во второй половине дня в класс тактики, мы разберем этот вопрос обстоятельно.

-- И нам можно? -- Байрачный указал на себя и Скибу.

-- Разумеется. А сейчас спойте что-нибудь. Я очень люблю

пение и музыку вообще... А у самого голоса, к сожалению, нет. Спойте какую-нибудь хорошую песню.

Байрачный подмигнул земляку: не подкачай, мол, -- и повернулся к майору:

-- Есть у нас коронный номер. Мы часто выступали с этим номером в училище. Это песня "Где ты бродишь, моя доля?!

-- Дуэт?

-- Дуэт.

-- Ну, давайте.

Байрачный, не ожидая согласия земляка, затянул:

Где-е ты бро...

Скиба подхватил густым баском:

Где ты бродишь, моя до...

Байрачный:

Моя доля...

И вместе:

Не докли-и-чусь я тебя...

Пели земляки отлично. Поддубный задумчиво вслушивался в знакомую еще с детства мелодию и одновременно рассматривал картину, стоящую на мольберте. На ней изображался караван в пустыне. Нещадно палит солнце. Среди барханов медленно шествуют верблюды, ведомые поводырем. В голубом небе плывут самолеты. Картина имела верную композицию, глубокую перспективу и выполнена была опытной кистью. Талантливые ребята, -- подумал майор о молодых летчиках.

Когда Байрачный и Скиба замолчали, он спросил их, участвуют ли они в художественной самодеятельности.

-- А у нас ее нет, -- ответил Байрачный.

-- Надо организовать.

-- Обращался к начальнику клуба товарищу Фельдману.

-- Что же он?

-- Надо, говорит, создать, да талантов не видно.

-- А вы докажите, что таланты есть. А если начклуба такой скептик, действуйте по своей комсомольской линии. Возьмите организацию самодеятельных кружков на себя, я помогу. Поговорю по этому поводу с замполитом полка, и такой концерт закатим, что держись! Жен офицеров надо привлечь. А так здесь ведь скучно, правда? Вот и художник у нас есть. Если, например, пьесу какую-нибудь поставить, то и декорации есть кому написать...

-- Я с большим удовольствием, -- отозвался Калашников.

-- А вы где учились рисовать? -- поинтересовался майор.

-- Отец у меня художник, я от него кое-что унаследовал. Да это так, от нечего делать, -- он махнул рукой на картину. -- Думаю

подарок сделать командиру эскадрильи.

В углу стояла этажерка с книгами. Майор подошел ближе. Там были преимущественно учебники по аэродинамике и штурманскому делу, несколько экземпляров "Вестника Воздушного флота", книги "Крылья истребителя" Александра Покрышкина и "Служу Родине" Ивана Кожедуба.

-- Это хорошо, что вы читаете такую литературу, -- похвалил молодых летчиков майор. -- Вообще надо следить за книгами по авиации, читать все новинки. А то в моей жизни был один весьма прискорбный случай. Я считал, что так называемый "соколиный удар", то есть атака сверху сзади, -- прием, который впервые применили немецко-фашистские летчики. Оказалось, однако, что таким приемом пользовались русские летчики еще в первую мировую войну. Они-то и являются творцами этого тактического приема. Я же об этом узнал значительно позже, будучи в академии. Случайно натолкнулся на книгу русского летчика Крутеня. Он детально описывал "соколиный удар". Вот и оказалось, что немецкие летчики читали Крутеня, а я, русский летчик, о таком и не слыхал. Прямо стыдно становится, когда вспоминаю об этом. Кстати, у меня есть кое-какая иностранная литература по авиации. Не все в ней представляет интерес для нас, советских летчиков, ибо наша отечественная наука ушла далеко вперед, но кое-что знать интересно. Отдельные бюллетени я перевел на русский язык. Могу и вам дать почитать.

-- Мы будем вам очень благодарны, товарищ майор, -- сказал Байрачный. -- Тем более, что я, например, готовлюсь в академию.

Поддубный посидел еще минут десять и вернулся к себе.

-- Всего доброго, товарищи! Завтра в два приходите в класс тактики, уточним вопрос о том, как надлежит сохранять свое место в строю. Надеюсь, вскоре вы все будете летать в паре, а затем и в составе звена.

-- До свидания, товарищ майор! -- хором ответили молодые летчики.

Глава четвертая

Прошел месяц после приезда Поддубного в Кизыл-Калу.

Беседы с офицерами полка, в частности с замполитом Горбуновым и комэском Дроздовым, знакомство с летной документацией, а главное, личные наблюдения окончательно убедили его в том, что Гришин -- перестраховщик и что это он тормозит нормальный ход летной учебы. Растерявшись после катастрофы и аварии, Гришин при планировании летной подготовки брал упражнения менее "рискованные", а более сложные откладывал на неопределенное время. Кроме того, он, где только мог и как только мог, упрощал полетные задания.

Ночные полеты большей частью планировались на лунные, светлые ночи. И если, например, в том или ином упражнении предполагалась высота полета, скажем, двенадцать-четырнадцать тысяч метров, то Гришин давал указания -двенадцать и не выше! А чтобы какой-нибудь летчик не переступил границы дозволенного, на борт самолетов ставили бароспидографы -- приборы, фиксирующие фактическую высоту полета.

Все это применялось с целью избежать аварийности и маскировалось под методическую последовательность в обучении, ставилось в зависимость от тяжелых условий пустыни.

Некоторые свои мероприятия Гришин проводил втайне от командира полка. Если же тот замечал неладное и начинал высказывать недовольство, Гришин затрагивал наиболее чувствительную сторону характера полковника. Дело в том, что Семен Петрович очень заботился о своих подчиненных и болезненно переживал гибель одного из них. Когда Гришин напоминал ему о том, что прежде всего нужно думать о жизни летчика, командир сразу сдавался. Он понимал, что подлинная забота о воине -- это учение в поте лица, такое учение, которое позволяло бы летчику уничтожить врага, а самому остаться невредимым. Но получалось так, что, вопреки здравому смыслу, он скрепя серце всегда соглашался со своим заместителем. Поэтому-то и очутился полк на последнем месте в числе остальных полков соединения.

Возглавляя огневую и тактическую подготовку, Поддубный твердо повел свою линию. Стрельбы и воздушные бои стали проводиться по всем правилам. Но штурманская подготовка и особенно подготовка летчиков-перехватчиков, а также боевого расчета КП по-прежнему страдали упрощенчеством и послаблениями.

Гришин крепко держался своих взглядов. Обдумав все хорошенько, Поддубный решил поговорить с ним начистоту.

-- Давайте, Алексей Александрович, -- сказал он, -- вместе обмозгуем, что нам дальше делать. Скажу без обиняков: не нравятся мне ваши мероприятия, касающиеся бароспидографов и лунных ночей. Получается не учение, а, извините, черт знает что. Я говорю прямо -- не взыщите -- наушничать не в моих правилах.

Гришина всего передернуло при этих словах.

-- В атаку, значит?

-- В атаку, Алексей Александрович. Авиация поднялась в стратосферу, обогнала и оставила позади скорость звука, а вы бароспидографы подсовываете летчикам, чтобы они, как воробьи, под крышей летали.

-- Кто высоко взлетает, тот низко падает...

-- Чепуха.

-- Народная мудрость говорит...

-- Мудрость эта не касается авиации.

-- Допустим, но все ж смотрите, чтобы не пришлось и вам упасть...

-- За меня можете не волноваться.

-- Ну и вам не следует беспокоиться обо мне, -- вскипел Гришин, нервно хватаясь пальцами за пуговицы кителя. -- Я не лезу в ваши стрелковые дела, хотя обязан по долгу службы. Тем более вы не должны вмешиваться в мои.

-- Я хотел поговорить, Алексей Александрович, ведь дело касается не лично нас с вами, а всего полка...

-- На то есть командир! -- отрезал Гришин.

-- Ну что ж, в таком случае -- извините. У меня были самые лучшие намерения... Я понимаю: тяжело потерять летчика. Осторожность в нашем деле ох как нужна! Но ваши мероприятия не выдерживают никакой критики. Это знает и видит каждый летчик, не говоря уже о командирах.

Разговор этот происходил наедине. Поняв бесполезность своего мероприятия, Поддубный решил и впрямь не вмешиваться не в свое дело. В конце концов, не он ведь отвечает за полк. Есть командир. А он всего-навсего помощник командира по строго определенной службе. Добился того, что Гришин не препятствует ему организовывать и проводить воздушные бои по своему усмотрению -- и то достижение. Чего ж еще надо? Зачем требовать больше положенного?

Бывает так: уступишь однажды, войдешь, так сказать, в сделку со своей совестью, а потом всю жизнь внушаешь себе, что ты, дескать, человек маленький, свое дело знаешь и выполняешь его честно, чего ж еще? Пусть другие поступают по своему разумению. Такие люди часто преуспевают по службе, потому что никого из начальства никогда и ни в чем не беспокоят и во всем с ним соглашаются беспрекословно.

Но Поддубный не принадлежал к таким людям. Он всего себя отдавал службе и терпеть не мог тех, которые работали серединка наполовинку. Он никогда не заботился о своем личном благополучии. Был в летном училище -- душой болел за успехи каждого курсанта, а стало быть, и за общий успех. Прибыл в полк -сам ни разу не струсил в полете и не менее, чем врага, презирал трусов и хитрецов. Однажды его ведомый летчик, будучи поднятый по тревоге, побоялся летать над морем на предельную дальность и передал по радио, будто бы в самолете забарахлил мотор.

-- Шкурник ты! -- воскликнул Поддубный, когда летчик

возвратился из полета, и так тряхнул его, что тот побледнел.

Таким был Поддубный прежде. Таким остался и теперь.

И вскоре, верный своей натуре, он вновь сцепился с Гришиным.

Это было во время ночных полетов.

Летали летчики-перехватчики.

Поддубный еще на старом месте службы овладел радиолокационным прицелом и участвовал в таких полетах. Но уже первый вылет вызвал в нем жгучую досаду. В самый ответственный момент, когда цель появилась на индикаторе, штурман-наводчик неожиданно отдал приказ летчику-"противнику" обозначить себя в воздухе лучом фары.

-- Для чего вы отдали такой приказ? -- накинулся на штурмана Поддубный, спустившись на командный пункт.

Штурман-наводчик, склонившись над планшетом, производил в этот момент расчеты и поэтому ответил не сразу:

-- Чтобы вы не наткнулись на "противника". Таков приказ майора Гришина.

-- Где майор?

Солдат-планшетист указал на дверь влево.

Гришин разговаривал с кем-то по телефону. Поддубный подождал, пока он положит трубку.

-- Кто и когда, -- без обиняков приступил к нему Поддубный, -- кто и когда давал указание, чтобы "противники" обозначали себя фарами?

Гришин поднял усталые глаза.

-- Допустим, я давал такие указания. Допустим. А в какой мере это вас интересует?

Поддубный едва сдерживал готовый прорваться гнев.

-- Меня это не только интересует. Меня возмущает!

-- Вот как! Мы, можно сказать, вашу жизнь оберегаем, а вы голос повышаете...

-- Это не учение! Это черт знает что! Предположим, что летит не условный, а реальный противник, вы тоже скомандуете ему: "А ну-ка, любезный мистер, блесни-ка фарой, мы увидим тебя и собьем". Так, что ли, по-вашему? На дураков рассчитываете?

-- Я посоветовал бы вам, товарищ майор, как помощнику по огневой и тактической подготовке, заниматься своими мишенями и не поднимать шум здесь, на КП. Не мешайте нам.

-- Не мешать вам заниматься упрощенчеством?

Гришин, как делал это и прежде, демонстративно отвернулся.

Поддубный вскипел:

-- Я напишу жалобу генералу Щукину!

-- Пишите, -- равнодушно ответил штурман. Но, помолчав, сообразил, что жалоба все-таки реальная вещь, и сразу переменил

тон.

-- Иван Васильевич, -- сказал он, теребя шевелюру всей пятерней, -- вы все-таки не забывайте, что в воздухе противник условный. Собственно, ведь никакого противника нет. Два летчика, выступающие с двух сторон. Два наших советских летчика. Подумайте, стоит ли рисковать? Наткнутся друг на друга в воздухе -- вот вам и конец: сразу две катастрофы. В армии узнают, до Москвы дойдет, за летчиков будем отвечать своими головами.

-- Но ведь так мы никогда не научим летчиков перехватывать ночью самолеты!

-- Как это не научим? Разве фара мешает ловить "противника" в прицел?

-- Какая уж там ловля, если "противник" обозначает себя фарой! И откуда вы взяли, что летчики могут налететь друг на друга? Ведь имеется же бортовой радиолокационный прицел. Нет, Алексей Александрович, учить летчиков и штурманов-наводчиков, как учите их вы, мы не имеем права. Так мы никогда не подготовим их к суровым испытаниям современной войны, и с вашими доводами я в корне не согласен. Дело это принципиальное, речь идет о нарушении главного принципа боевой подготовки, и я самым решительным образом буду выступать против нарушения.

-- Это дело мы как-нибудь утрясем, -- примирительно сказал штурман. -Поговорим с полковником. Возможно, придумаем что-либо иное...

-- Да, с полковником так или иначе придется поговорить, -- согласился Поддубный.

Выйдя с командного пункта, он направился к стоянке самолетов, где случайно натолкнулся на лейтенанта Байрачного.

-- А вы что здесь делаете?

-- Любуюсь, товарищ майор, как летают. Никогда не доводилось подыматься в ночное небо. Хоть бы вы провезли когда-нибудь на "спарке".

-- Придет время -- провезу. А в паре летаете?

-- Вылетал уже, и неплохо, -- похвалил комэск. -- И вам за помощь спасибо, товарищ майор.

-- Поезжайте домой.

-- Есть, ехать домой!

У одного самолета стояла группа авиационных специалистов.

Кто-то декламировал:

Нет, я не Пушки, я иной,

Еще неведомый избранник,

По штатной должности -- механик,

Но с поэтической душой...

Интересно, кто ж это там с поэтической душой?

Майор включил фонарик.

Поэт-декламатор шмыгнул в сторону и скрылся в темноте.

Полеты продолжались.

Далеко за горизонтом, обозначая взлетно-посадочную полосу, уходили два длинных ряда аэродромных огней. Искрами стожар переливалось посадочное "Т". Над аэродромом сновали красные, зеленые и белые светлячки -аэронавигационные огни самолетов.

Ляжет на взлетную полосу луч прожектора, осветит ее самолету, планирующему на посадку, и снова погаснет, как только тот закончит последний этап своего полета -- пробег.

В тускло освещенной будке СКП, на крыше которой то вспыхивали, то потухали сигнальные лампочки -- по ним ориентировались прожектористы, -маячила грузная фигура полковника Сливы. Он имел привычку руководить полетами стоя. Обращаться сейчас к нему не было никакого смысла -- он был на посту, и Поддубный отправился в дежурное помещение. Настроение у него упало: обидно было, что полеты перехватчиков столь же далеки от боевой действительности, как небо от земли.

Приехала на летние каникулы Лиля. Избегая встречи с Телюковым, она несколько дней не выходила за палисадник. Однажды Харитина Львовна послала ее в буфет при летной столовой за минеральной водой. Там она случайно увидела Поддубного. За этот месяц он загорел и заметно похудел. Густые каштановые волосы короткими кольцами спадали на широкий лоб. Здороваясь, Поддубный торопливо сунул в карман комбинезона не совсем свежий носовой платок, которым вытирал вспотевшее лицо.

-- Пожалуй, на севере лучше было? -- спросила Лиля, думая в то же время о том, как тяжело ему одному, некому даже постирать...

-- Пока что я чувствую себя здесь, как белый медведь в зоопарке. Ну, а вы как -- сдали экзамены?

-- Да, перешла на четвертый курс, -- ответила Лиля.

Она взяла две бутылки воды и вышла из столовой. Пройдя несколько шагов, безотчетно оглянулась. Поддубный стоял у окна и задумчиво смотрел ей вслед. Девушке стало как-то не по себе, она ускорила шаги и больше не оглядывалась.

Прийдя домой, Лиля откупорила бутылку, протянула стакан матери и принялась дочитывать книгу. Прочла полстраницы и задумалась.

Как белый медведь... Да, нелегко ему здесь... А покраснел, как школьник... На службе, однако, не такой -- настойчивый,

решительный. Отец говорил, что не поладил с Гришиным, что они на ножах. Лиля сама не любит этого Гришина, да его вообще мало кто уважает в полку.

Лиля вспоминала о Поддубном и там, в институте. Мысли о нем как-то сами приходили на ум... И вдруг сейчас она спросила сама себя, как бы опомнившись: а почему это я беспрестанно думаю о нем?

Лиля полагала, что она уже вышла из того возраста, когда девушка влюбляется с первой встречи, помимо воли и разума. Она считала, что, пока не окончит институт и не перейдет на свой хлеб, ей о замужестве и думать нечего.

Обладая недюжинным умом и силой воли, унаследованной от отца-летчика, Лиля твердо держалась своих убеждений.

Но, очевидно, нужно очень много прожить, чтобы разум безраздельно господствовал над чувствами. И пусть сердце принадлежит самой что ни на есть волевой, самой гордой девушке, все равно в свое время оно дрогнет, это сердце, и откроется для избранного. У Лили оно дрогнуло еще в Кара-Агаче при первой встрече с Поддубным, когда она еще о нем не знала.

Все ее благие намерения и благоразумие затуманились.

Она не могла дать себе отчета в том, что с ней произошло, но чувствовала всем сердцем, всем своим существом -- любит.

"Да, я люблю его, -- шептала она, ощущая всем телом доселе незнакомую ей опьяняющую теплоту и тревогу. -- Я люблю его..."

Чтобы отвлечь себя от мыслей о нем, она принималась читать, но совершенно не понимала написанного и до вечера так и не перевернула ни одной страницы...

До коттеджа докатились звуки духового оркестра. Мягко ухал барабан, задорную польку наигрывали трубы. Может, он там, -- мелькнула догадка.

Лиля поспешно оделась, привела себя в порядок, погасила на веранде свет и отправилась в клуб. Нагретая за день земля все еще дышала теплом. Под подошвами туфель хрустели камешки. Впереди смутно белела какая-то пара, тоже, видимо, торопилась на танцы. Парень взял девушку за руки, и они приблизились к берегу реки.

-- Ой, упаду! -- донеслось уже снизу.

-- Держись за меня!

Лилю кольнула зависть. Ей неудержимо захотелось так же, взявшись за руки, стремительно сбежать вниз... Но кто же та пара? Лиля прибавила шаг. При свете электрических ламп, освещавших танцевальную площадку, она узнала медсестру Бибиджан и лейтенанта, фамилия которого ей была неизвестна.

-- Здравствуй, Бибиджан! -- окликнула ее Лиля.

Девушка повернулась.

-- Здравствуй, Лиля!

-- А я тебя не узнала.

-- Богатая буду, -- ответила медсестра и обратилась к своему спутнику: -- Познакомься.

Байрачный -- это был он, -- вытянулся в струнку:

-- Меня зовут Григорий.

-- Лиля.

Бибиджан была родом из соседнего аула Талхан-Али, работала при гарнизонной поликлинике. Не один офицер приглядывался к этой хорошенькой, с тонкой талией, симпатичной медсестричке. Но девушка была слишком горда и недоступна, и если она уже решила гулять с этим лейтенантом, значит, между ними что-то серьезное...

Лейтенант Байрачный, став летчиком, придерживался того убеждения, что он во всех случаях жизни должен действовать решительно, ломая все преграды на своем пути. Этому убеждению молодого офицера в значительной степени способствовала услышанная им история, как один знатный летчик, решив жениться на актрисе, якобы силой забрал ее у родителей и увез к себе.

Байрачный завидовал и старался всячески подражать этому летчику.

Полюбив хорошенькую медсестру, он дал себе слово, что не выпустит ее из своих рук. Когда же недоступная девушка показала свой характер, уклоняясь от встреч, Байрачный пустился на хитрость. Выпил залпом два стакана холодной, с кусками льда, минеральной воды -- и в горле зацарапало. Повод был найден, и он явился в поликлинику.

-- Дерет что-то в горле. Будто кошка лапой царапает, -- пожаловался он врачу.

Тот осмотрел горло и прописал вдувание.

С запиской врача Байрачный помчался в процедурную, а там она... Бибиджан.

-- Разрешите?

-- Я на службе, как вы смеете?

Байрачный изобразил на лице страдальческое выражение, дрожащей рукой протянул записку, прохрипел:

-- Болею. Горло.

-- Холодную воду небось пили?

-- Пил. Специально пил...

-- Как это специально?

-- Чтобы попасть к вам.

-- Я скажу доктору.

-- Лечить так или иначе придется.

Бибиджан вдула лейтенанту в горло какой-то горьковато-сладкий порошок. У того чуть слезы не полились.

-- Все. Вы свободны.

-- Один раз? Разве от одного раза поможет?

-- Завтра еще придете.

Байрачный любовно поглядел на девушку, и та, выпроводив столь необычного пациента, серьезно призадумалась. В глубине души он очень нравился ей, этот лейтенант. Сегодня она была просто потрясена его решимостью. Ведь он не пожалел здоровья, лишь бы встретиться с ней. Но что ей делать, как быть? Дело в том, что Бибиджан с детских лет была обручена. У нее есть жених -- Кара. Да и мать никогда не согласится на разрыв. Она знает одно: туркменка должна быть женой туркмена, и дело с концом. Одна надежда -бежать с лейтенантом куда-нибудь подальше от аула, чтобы ни мать, ни Кара -никто не знал, куда она уехала.

Но разве это возможно офицеру?

На следующий день Бибиджан уже не сказала летчику "вы свободны". В третий раз вообще медлила выпроводить его. А потом... потом решилась пойти с ним на танцы. В конце концов, аул далеко, Кара вряд ли узнает...

Лиля ничего этого не знала и втайне завидовала медсестре и лейтенанту.

Оркестр заиграл вальс.

Байрачный и Бибиджан пошли на круг. Лиля осталась одна. Искала и не находила Поддубного. Вдруг перед нею как из-под земли вырос Телюков:

-- С приездом, Лилечка!

-- Здравствуйте, Филипп Кондратьевич!

Расшаркиваясь с шиком неизменного завсегдатая танцевальной площадки, он пригласил ее на вальс. Девушка с легкой гримаской согласилась. Кружилась, а сама все поглядывала по сторонам.

-- Что ж это не видно нашего бывшего спутника? -- спросила она как бы невзначай.

-- Майора Поддубного? -- сразу догадался Телюков и насмешливо, с плохо скрытой иронией добавил: -- Должно быть, ищет формулу воздушного боя для эры ракетных аэропланов...

Лиле стало неприятно -- что он хочет этим сказать? И манера Телюкова расшаркиваться, и фуражка набекрень, и усики, подобно двум жукам, прилепившиеся под носом, и "кинжальные" бакенбарды -- все это, вместе взятое, вызывало в девушке необъяснимую досаду. Она танцевала без всякого удовольствия и, как только танец окончился, попыталась выскользнуть из рук

назойливого партнера. Но это оказалось не так просто. Едва лишь заиграли краковяк, как Телюков снова потянул Лилю за собой.

-- Я вас так ждал, Лиля, -- сказал он, крепко прижимая к себе девушку.

-- Вы прежде были другой...

-- Хуже?

-- Нет, лучше.

-- Это вам так кажется, -- в такт музыке отвечал Телюков.

От следующего танца Лиля категорически отказалась:

-- Мне пора. До свидания.

-- Разрешите проводить вас?

-- Не надо. Мне еще в библиотеку...

-- Прекрасно, и мне туда же, -- не отставал Телюков.

Лиля не знала, как от него избавиться, -- ну что за человек! Пристает до неприличия... Как он сам не понимает...

Вдруг она увидела проходящую мимо Веру Иосифовну -- жену майора Дроздова. Остановила ее, и они оживленно заговорили между собой. Телюкову не оставалось ничего иного, как отойти в сторону. Но когда Лиля простилась и пошла домой, он догнал ее:

-- Убегаете?

Лиля остановилась.

-- Что вам от меня нужно? -- спросила она решительно.

Луна скрылась за облаками, стало совсем темно. Телюков закурил.

-- Я люблю вас, Лиля!

Девушка молчала.

-- Я люблю вас, -- повторил он. -- А... вы майором интересуетесь.

-- Я не желаю с вами разговаривать, -- Лиля резко повернулась и поспешила домой.

Телюков измял папиросу, выбросил ее и закурил новую.

Он давно уже питал к Поддубному чувство неприязни, потому что не верил, что "академик", как он прозвал майора, не рассказал кому-нибудь о его глупом бахвальстве тогда, на теплоходе.

Сейчас эта неприязнь, подогреваемая ревностью, усилилась еще больше. Раздраженный и злой, он зашел в бильярдную, но, увидев своего соперника, игравшего с майором Дроздовым, резко повернулся и ушел.

На следующий день майор Поддубный проводил предварительную подготовку к полетам на стрельбу. Присутствовал на этой подготовке и Телюков. Чтобы не смотреть в глаза своему сопернику, он забился в самый угол и вычерчивал на листе бумаги чертиков. Вдруг ему в голову пришла мысль:

отбить при стрельбе мишень во что бы то ни стало. Да, он нарочно отобьет ее, и пускай "академик" убедится, что Телюков -- это не кто-нибудь, а подлинный летчик-истребитель!

Почти каждый раз летчики готовятся к полетам по двум вариантам плановой таблицы. Не будет соответствовать погода или что-нибудь иное первому варианту, можно проводить полеты по второму. Летный день или летная ночь не пропадут даром.

Телюков тоже начал готовиться по двум вариантам. Одни расчеты и чертежи воздушной стрельбы сделал для отвода глаз, а другие -- для себя, предназначенные исключительно для того, чтобы отбить мишень. Последний вариант от начала до конца был построен на нарушении правил безопасности, по принципу: ловкость рук -- и никакого мошенничества! Он имел в виду почти вдвое сократить предполагаемую дальность открытия огня, целиться с большим упреждением, нежели расчетное.

Соответственно этому своему варианту он и тренировался сначала в учебном классе, а затем в поле на тренировочной площадке.

После занятий, вернувшись в свою холостяцкую квартиру, он еще раз проверил расчеты и чертежи и пришел к выводу, что маневр идеальный. Одно лишь беспокоило его: мишень будет буксировать сам "академик". Конечно, своевременно он не разгадает маневра, стрельбу не отменит, но потом...

-- Э, будь что будет! -- решил он и хлопнул кулаком по столу.

Занималась утренняя заря.

Сигарообразные "миги", выстроившиеся на линии предварительного старта, поблескивали голубоватым лаком. Управившись с подготовкой самолетов, авиационные специалисты сидели группами, курили, разговаривали. Кое-кто дремал на разостланных на земле чехлах.

Самолет майора Поддубного стоял в шеренге первым. Техник-лейтенант Гречка любовно похлопывал шершавой ладонью по фюзеляжу.

С необычайной любовью относился он к своей боевой машине. Для него она -- живое существо. За блестящей, отполированной обшивкой самолета скрыто много и сложнейших, и нежных, как пушинка, и отлитых из огнеупорной стали механизмов, приборов. Многие из этих приборов могут слышать и видеть. У самолета есть жилы, по которым течет электрический ток, проходит воздух, пульсирует масло; есть крылья, ноги, хвостовое оперение. Пустишь электрический ток, запульсирует двигатель -- сердце самолета, -- и он действительно как живой: выдохнет из реактивной трубы горячий воздух и помчит вперед, а оторвавшись от земли, подберет ноги, повиснет на крыльях,

совсем как птица.

После длительной разлуки с самолетом Гречка еще больше полюбил машину, прилагал все усилия, чтобы она была "здорова" и во всем слушалась летчика. Гречка безгранично гордился тем, что обслуживает самолет, на котором летает его друг.

Над аэродромом рассыпалась множеством искр зеленая ракета. Взвился над стартовым командным пунктом флаг Военно-Воздушных Сил Советского Союза.

Торжественный момент: летный день начался!

Майор Поддубный неторопливо полез по лестничке в кабину. Вслед за ним поднялся Гречка. Помог летчику привязаться ремнями, крикнул механику, чтобы тот приготовился к запуску двигателя.

-- Разрешите запустить двигатель? -- обратился по радио Поддубный к руководителю полетов.

-- Запуск разрешаю, -- послышался голос полковника Сливы.

Механик подсоединил к пусковой панели самолета фишку кабеля аэродромного пускового агрегата. Летчик нажал на пусковую кнопку. Зашумел стартер, раскручивая турбину. Секунда-другая -- и реактивный двигатель зарокотал: вступила в действие турбина. Из реактивной трубы, будто из кратера вулкана, ударили газы. Вырываясь наружу, они вздымали пыль, подхватывали и несли камешки, начисто подметая позади самолета землю. И горе тому, кто попадет в струю этого потока.

Аэродром не терпит зевак. Каждый должен знать свое место, быть осмотрительным, осторожным.

Проверив показания приборов, техник выдернул наземный предохранитель катапульты, показал его летчику, чтобы тот не сомневался, что предохранитель вынут, спустился на землю и принял от фюзеляжа лестницу.

Поддубный закрыл фонарь кабины, Гречка стал у левой плоскости крыла, козырнул летчику.

Самолет вырулил на линию предварительного старта и через минуту-другую взмыл в воздух, увлекая за собой планер-мишень.

Старший лейтенант Телюков должен вылететь третьим. В том случае, если он отобьет мишень, двое летчиков так и не увидят результатов своей стрельбы. Жаль товарищей, но им, возможно, засчитают стрельбы по показателям фотопулеметов.

Тут Телюков хлопнул себя по лбу: а фотопулемет? Ведь он зафиксирует на пленке и расстояние, и ракурс стрельбы. Пленка выведет махинации на чистую воду!

Летчик уже готов был отказаться от задуманного, как вдруг сообразил, что пленку после полета можно засветить. Раскроешь кассету -- и все!

Первым вылетел Поддубный. Через положенное время поднялся в зону второй летчик. Порулил свой самолет на старт и Телюков.

-- Разрешите взлет? -- спросил он по радио.

-- Взлет разрешаю, -- передал полковник Скиба.

Промелькнули за фонарем кабины аэродромные строения, проплыли под фюзеляжем коттеджи авиационного городка.

Все земное осталось внизу, позади. Впереди -- безграничный простор голубого неба.

Телюков страстно любил полеты. В воздухе, среди многочисленных приборов, тумблеров, рычагов, кнопок, среди всего того, что придает кабине вид сложной лаборатории, он чувствовал себя, как музыкант за органом. Он не просто двигал рычагами, тумблерами, не просто нажимал кнопки, а как бы играл на них, и вся душа его наполнялась какой-то ликующей музыкой. Как музыкант, не глядя на клавиши, сосредотачивает все свое внимание на нотах и оттенках звуков, так и Телюков не смотрел на арматуру кабины. Руки сами находили нужный рычаг, тумблер, кнопку. Привычным взглядом окинет летчик приборную доску, и снова взор прикован к безграничному воздушному океану.

Зона стрельбы находилась в сорока километрах от аэродрома. Для пешехода, даже для автомобиля это все-таки порядочное расстояние. Для реактивного же самолета преодолеть такое расстояние было делом одного мгновения. Телюков сожалел, что так быстро прибыл к месту назначения. Ему хотелось летать, летать без конца. И зона стрельб казалась ему клеткой без стен. Летчик не имеет права самовольно ни войти в нее, ни выйти; не имеет права подняться выше дозволенного, спуститься ниже положенного. Все это не вязалось с натурой Телюкова. Больше всего нервировало его то, что мишень буксируется на относительно малой скорости.

Самолет-буксировщик шел по прямой, волоча за собой планер-мишень на длинном стальном тросе. Издали мишень напоминала какую-то неуклюжую птицу с висящими под брюхом ногами.

Телюков запросил разрешение на стрельбу.

-- Стрелять разрешаю, -- ответил из своей кабины помощник командира по огневой и тактической подготовке.

Телюков занимает исходное положение, начинает маневр. Расстояние между самолетом и мишенью быстро уменьшается. Вон "неуклюжая птица" задрожала в сетке прицела, как муха в паутине. Летчик нажал на гашетки. Самолет вздрогнул.

Телюков выходит из атаки и с удовлетворением

обнаруживает, что "птица" исчезла. Будто кто-то проглотил ее в воздухе.

-- Мишень отбита, -- информирует Поддубный руководителя полетов.

-- Вот дьявол, -- слышится в наушниках недовольный бас полковника Сливы.

Приземлившись, Телюков подождал, пока оружейник снимет с самолета кассету, и вызвался лично отнести ее в фотолабораторию. По дороге открыл кассету, подержал пленку несколько секунд на солнце и снова закрыл.

Пусть теперь проверяют!

После разборов полетов Телюков с кислой миной на лице понуро шагал по дороге на гарнизонную гауптвахту.

-- Возьмите, -- протянул он коменданту записку на свой арест.

Комендант с удивлением поглядел на летчика:

-- Это первый случай в истории Кизыл-Калынского гарнизона, чтобы офицера под арестом держали.

-- Я попался потому, что класс показывал в воздухе! -- вызывающе сказал Телюков. -- А кое у кого мурашки по спине забегали... Вот и наказан.

Он всерьез был убежден, что пострадал за свой талант, ну и за мужество, конечно. Кто б отважился на такой маневр? Никто! А если б и отважился, то либо врезался бы в мишень, либо протаранил бы буксировщик. А он, Телюков, задумал отбить мишень и отбил. Показал высший класс пилотажа и воздушной стрельбы. Высший, слышите вы, трусы, бездарности!

Глава пятая

Первая эскадрилья готовилась к полетам на предельную дальность с посадкой на незнакомом аэродроме.

-- Полетим по этому маршруту, -- майор Дроздов поднял указку и провел ею по карте, развешенной на классной доске. Указка начертила фигуру, похожую на сплющенный многоугольник. -- А сядем здесь.

Поддубный только что вошел в класс, примостился в заднем ряду и мысленно прикинул: получалось, что до самой отдаленной от аэродрома Кизыл-Кала точки было не более 200-220 километров.

"Какой же это полет на предельную дальность? -- подумал он. -- И разве есть хоть малейшее основание считать аэродром посадки незнакомым, если летчикам десятки раз приходилось пролетать над ним и делать посадку? И как хитро построен маршрут! Только здесь, вокруг своего аэродрома, да еще как можно ближе к железной дороге".

Объявили перерыв. Поддубный подошел к Дроздову:

-- Степан Михайлович, тебя же куры засмеют за такой маршрут.

-- А какой бы тебе хотелось видеть? Не такой, часом? -- Дроздов достал из шкафа другую карту, разложил ее на столе.

-- Вот это -- маршрут! -- воскликнул Поддубный, увидев на карте линию, которая, беря свое начало от Кизыл-Калы, пересекала Каракумы и тянулась за Каспий. -- Это действительно полет на предельную дальность. И аэродром незнакомый. Так объясни, пожалуйста, в чем же тут загвоздка?

-- Все в том же.

-- Да ведь ты, Степан Михайлович, командир эскадрильи! Ты не только имеешь право, ты обязан действовать самостоятельно.

-- Действовал, вот и маршрут проложил, рассчитал. Гришин отменил, начертил взамен свой.

-- Идем сейчас же к нему.

-- Не пойду, -- заупрямился Дроздов. -- Осточертело! Кроме того, это уже не просто маршрут, а приказ эскадрилье. А вот ты, Иван Васильевич, мог бы пойти. Ты помощник командира полка.

-- И пойду! Пойду, как помощник командира, как офицер, как коммунист. И буду бороться за твой маршрут, потому что уверен: летчикам он по плечу. Ведь так?

-- Безусловно так, Иван Васильевич. У меня ведь летчики какие! Орлы!

Майор Гришин сидел в кабинете командира полка и думал, как быть, если помощник оп огневой и тактической подготовке вмешивается буквально в каждую мелочь, да еще и угрожает написать рапорт по команде. Пронюхал сразу о бароспидографах, возмутился фарами... А там, гляди, придерется к полету на предельную дальность. Он такой.

Допустим, что обо всем этом Поддубный напишет командующему. Допустим. И его, Гришина, обвинят в упрощенчестве. Безусловно, оно налицо. От факта не уйдешь. Но с какой целью он вынужден прибегать к этому упрощенчеству? Чтобы не допустить аварийности... А разве забота о безаварийности не государственное дело? Разве не факт, что мигание фарой в воздухе предотвращает катастрофу? Факт! Кто знает, быть может, он, Гришин, сохранил своими действиями жизнь не одному летчику?

Размышляя таким образом, Гришин пришел к выводу, что при современных условиях он действует правильно, по крайней мере, без ущерба для полка. И надо, чтобы это хорошо усвоил непокорный помощник командира, чтобы он уразумел: сперва пусть полк войдет в колею, а затем уже можно отпускать тормоза...

Да, Поддубному необходимо это втолковать. Но каким образом? Как воздействовать на него? Конечно, если бы командир полка всецело стал на его, Гришина, сторону, было бы совсем просто: приказ -- не лезь не в свое дело -и конец. Но, к сожалению, командир охотнее поддерживает не его, Гришина, своего заместителя, а помощника!

Замполита попросить? Он умеет разговаривать с людьми и убеждать их. И они прислушиваются к его голосу. Но капитан Горбунов уже далеко не тот юнец, которого знал Гришин. У него теперь на каждый случай свое мнение. Как видно, и он держит сторону Поддубного. В этом, пожалуй, можно не сомневаться. Разве не он говорил на партийном собрании, что майор Поддубный -- офицер передовых взглядов и принципиальный коммунист?

Нет, замполит отпадает.

Разве с начштаба посоветоваться? Этот, кажется, нейтрален: он ни за Поддубного, ни за Гришина. Правда, заранее можно предвидеть его ответ: "Я, -- скажет начштаба, -- понимаю вас, Алексей Александрович, осадить помощника не мешало бы, но это можно сделать только на основании соответствующих документов. В каждом отдельном случае мы должны все это учитывать..."

Мысли Гришина перенеслись на старшего Жбанова, и лицо майора сразу искривилось, будто что-то кислое раскусил. Неустойчивых убеждений человек, бесхарактерный какой-то... Сам в свое время подал мысль о бароспидографах, а когда Поддубный начал доказывать, что эти приборы существуют вовсе не для того, чтобы подрезывать крылья летчикамЮ стал поддакивать ему и в конце концов сдался.

Инженер отпал также.

"Вот если бы майор Дроздов... -- Но Гришин тут же отогнал от себя эту мысль. -- Где там! Дроздов с помощником на "ты", о нем нечего и думать!"

Так, перебирая в памяти руководящих офицеров полка, Гришин вдруг осознал полное свое одиночество. Нет союзников. Нет единомышленников. Нет опоры.

-- Как же это так! -- растерянно воскликнул он, привычным жестом пустив все свои пять пальцев в шевелюру.

В это мгновение отворилась дверь и на пороге встал Поддубный.

-- Разрешите, Алексей Александрович?

Штурман вскочил, словно его застали на месте преступления.

-- А-а... пожалуйста, Иван Васильевич!

Поддубному пришла в голову идея использовать небольшой

дипломатический маневр: он сделал вид, будто вовсе не знает о том, что автором маршрута полета на предельную дальность является Гришин.

-- Был только что у майора Дроздова, -- начал он издалека.

-- Да? И что же? -- Гришин беспокойно заерзал на стуле, догадываясь, о чем пойдет речь. -- Еще что-нибудь неладное заприметили?

-- Заприметил, Алексей Александрович. Вы угадали. Вместо маршрута пародию на него заприметил.

-- Пародию?

-- К сожалению.

-- Я попросил бы вас выражаться нашим, военным языком, в поэзии я, говоря правду, не силен...

"Не силен-то не силен, -- мысленно усмехнулся Поддубный, -- а про поэзию вспомнил..." -- И вслух сказал:

-- Если речь идет о полете на предельную дальность, то это означает вот что. -- Поддубный шагнул к карте, висевшей на стене, и провел по ней почти прямую линию. -- А у Дроздова она имеет такой вид. -- Поддубный обвел пальцем вокруг аэродрома. -- Вот это Алексей Александрович, и есть пародия на маршрут. А выражаясь языком военным, как вы говорите, -- упрощенчество в боевом обучении. Мне кажется, что срочно необходимо ваше вмешательство. Вы ведь штурман полка, кроме того, заместитель командира.

Гришин мигал глазами, поглядывая на карту, и после продолжительной паузы сказал:

-- Вы, Иван Васильевич, правильно понимаете полет на предельную дальность. Вы также, в чем я абсолютно не сомневаюсь, подтвердите: если планируется посадка самолетов на незнакомом аэродроме, то он действительно должен быть для летчика незнакомым.

-- Абсолютная истина, -- подтвердил Поддубный, стараясь предугадать, куда поведет Гришин, где он сделает разворот на все сто восемьдесят градусов.

-- Уверен, что так понимает дело и майор Дроздов, -- продолжал Гришин. -- Все же вы, Иван Васильевич, как мне кажется, несколько формально относитесь к вопросам летной подготовки. Вы берете из Курса боевой подготовки упражнение в его, так сказать, кристальной чистоте. Тем временем мы, авиационные командиры, должны в каждом отдельном случае учитывать те конкретные условия, в которых осуществляется полет. А условия у нас, сами видите, какие: здесь -- пустыня, там -- горы, затем -- море и, наконец, -снова горы. Климатические условия также тяжелы. Допустим, мы загоним летчиков именно

туда, куда вы показывали, -- за Каспий. Допустим. А где гарантия того, что, пока они вернутся, у нас здесь не поднимется черная буря? Что тогда? Спасайся кто как может?

-- В таком случае перенацелим самолеты на запасной аэродром, -- сказал Поддубный.

-- А запасы топлива вы учитываете?

-- Перенацелим своевременно. В нашем распоряжении радио, локаторы, наконец, система слепой посадки. Если что, то и на своем аэродроме посадим...

-- Техника -- техникой, а люди -- людьми. И я не разрешу, не позволю, чтобы рисковали людьми. Не допущу! -- Гришин повысил голос.

-- Значит, по-вашему выходит, что с Кизыл-Калынского аэродрома полет на предельную дальность невозможен?

-- В таком виде, как предлагаете вы, -- невозможен.

-- Для чего же тогда вообще планировать полет на предельное расстояние? Чтобы сделать отметку в плане-графике летной подготовки?

-- Каждый полет приносит определенную пользу.

-- Такой полет ничего не даст. Напрасная трата топлива и моторесурса.

В глазах Гришина вспыхнули недобрые огоньки.

-- Вы слишком много на себя берете! -- сказал он.

Поддубный зашагал по кабинету, стараясь унять нарастающее раздражение. Наконец он остановился, искоса поглядел на Гришина:

-- Если вспыхнет война, если в небе Отчизны появятся вражеские самолеты с атомными и водородными бомбами, партия, народ, правительство не спросят нас с вами, Алексей Александрович, готовы ли мы действовать в тех условиях, в которых находимся! Тогда некогда будет спрашивать. Тогда надо будет действовать, и нам прикажут действовать. Для того нас и поставили здесь, в пустыне, чтобы мы свыклись с суровыми условиями, закалялись в борьбе с трудностями. А мы эти трудности избегаем. Если и дальше так будет продолжаться, то в первый же день войны мы потеряем лучших наших летчиков. Вот чего вы не понимаете или не желаете понять, Алексей Александрович!

-- Зато вы понимаете! Один вы умный, остальные дураки, так что ли? -Голос у Гришина срывался, в груди клокотала злость.

Поддубный, однако, не сдавался:

-- Никто тут из себя умника не строит. Но у вас заблуждение и предвзятое мнение. Помните, как в первый день нашего знакомства вы говорили о каком-то штабном жуке, который якобы

написал целую библию, потом подсунул генералу проект приказа, и тот подписал его, не читая. А это ведь неправда, Алексей Александрович. Мне стало известно, что генерал лично расследовал причины катастрофы и аварии. Зачем же зря охаивать штабного офицера?

Гришин ничего не ответил на это. Он настолько был взволнован, что не мог уже говорить.

Поддубный круто повернулся и вышел из кабинета.

Полковник Слива был нездоров. У него болели зубы. Что делать? Неужели плюнуть на все, и пусть верховодит Гришин, как ему заблагорассудится?

Нет! Так нельзя!

Поддубный позвонил полковнику на квартиру. К телефону подошла Лиля.

-- Здравствуйте, Лиля. Это я, Поддубный. Семен Петрович лежит? А вы спросите, не может ли он принять меня дома? Дело неотложное.

В трубке послышался стук каблучков. Лиля, очевидно, пошла в спальню к отцу. Вскоре она вернулась к телефону.

-- Вы слушаете, Иван Васильевич? Приходите. Папа примет вас.

Семен Петрович сидел на диване с перевязанной, распухшей щекой, охал и кряхтел.

-- Зуб... -- простонал он. -- Ох, проклятый!

Поддубный рассказал, что именно заставило его потревожить полковника, и почти дословно передал свой разговор со штурманом.

-- Маршрут, проложенный Гришиным, безусловно, не годится, -- согласился полковник. -- Но и тот, что предлагаете вы с Дроздовым, сейчас я не могу утвердить. Надо кое-что проверить, все взвесить, согласовать. Отдайте от моего имени приказ Дроздову -- пусть готовит летчиков к стрельбе в лучах прожекторов. Во второй половине дня буду в штабе. А сейчас пойду в поликлинику рвать зуб.

-- Ясно. Разрешите идти?

-- Идите.

Поддубному не терпелось скорее сообщить Дроздову радостную весть. Перешагнув через порог, он чуть было не налетел на Лилю, которая поднималась по ступенькам с полным ведром. Девушка, желая посторониться, нечаянно расплескала воду.

-- Извините, Лиля.

Она поставила ведро, прислонилась спиной к перилам и посмотрела на него прищуренным взглядом. На верхней, чуть

вздернутой губе, покрытой еле заметным пушком, серебрились росинки пота. На ней был все тот же синий рабочий костюм, туго облегавший ее стройную фигуру; из-под косынки выбивалась пушистая прядка белокурых волос.

-- На первый раз можно простить, -- улыбнулась Лиля, показывая на мокрую туфлю.

-- Я тороплюсь...

-- Вижу. У вас так много дел, -- сказала она с нескрываемой иронией. И, видя, что он собирается уходить, спросила: -- Это правда, что Телюков сидит под арестом?

Она спросила об этом с единственной целью задержать Поддубного хоть на минуту. А тот усмотрел в этом вопросе упрек. Ему показалось, что Лиля сердится на него за то, что Телюкова упрятали на гауптвахту. Но при чем здесь он, помощник командира? Арест наложил командир полка -- разве ее об этом неизвестно?

-- Да, сидит, -- ответил Поддубный, в душе завидуя Телюкову.

Он сошел с крыльца и медленно направился к калитке, даже не сказав до свидания.

В учебном классе его позвал к себе замполит Горбунов, очевидно, чтобы потолковать наедине.

-- Так, говорите, полковник аннулировал маршрут, проложенный Гришиным? -- спросил он задумчиво.

-- Аннулировал.

-- И вы полагаете, что добились своего?

-- А разве не так?

Замполит жестом руки указал на дверь и вышел из класса первым. Так же задумчиво он достал папироску, закурил.

-- Я убежден, -- начал он, медленно шагая и увлекая за собой Поддубного, -- что по-вашему не будет. Полковник пойдет с Гришиным на компромисс. Дроздов не полетит со своей эскадрильей туда, куда он наметил -за Каспий, на Кавказ. Проложат иной маршрут, может быть, немного усложненный, -- и только.

Замполит остановился, искоса поглядел на Поддубного, очевидно, определял, как тот реагирует на его слова.

-- Разве вы, товарищ майор, не видите, что полковник Слива гнется и сюда и туда? Нажмите вы -- он поддается. Нажмет Гришин -- поддается точно так же.

-- Вижу, Андрей Федорович, но вы еще мало знаете меня!

-- Вот это уже неправда. Чтобы замполит да не знал людей! Вы, Иван Васильевич (он впервые назвал его по имени и отчеству), офицер принципиальный, настойчивый, получили хорошую закалку в академии. Но действуете не совсем правильно.

Понимаете? В одиночку действуете, забывая, что один в поле не воин. Так вам не удастся выкорчевать пень.

-- Удастся!

-- Ну, может быть, -- подумав, согласился замполит, -- но пока будете выкорчевывать -- много воды утечет. А не лучше ли взяться за этот пень гуртом? -- Замполит прижал кулаки друг к другу. -- Скажем, всей партийной организацией полка? А?

-- Вы хотите поставить вопрос о Гришине на партийном собрании?

-- Не о нем персонально, а о нашей летной подготовке. Но вы поняли меня почти правильно.

Поддубный помолчал

-- Что ж, -- сказал он после паузы, -- неплохо было бы. Однако Гришин хотя и временный, но все же заместитель командира полка. Имеет ли парторганизация право...

-- Критиковать его служебную деятельность? -- подхватил замполит.

-- Вот именно.

-- Будем критиковать недостатки в летной подготовке. Устами самих же командиров-коммунистов. Дальше такое положение терпеть нельзя, Иван Васильевич. Грош цена нам, коммунистам, если мы закроем глаза на недостатки. Вы согласны со мной?

-- Пожалуй -- да.

Разговаривая, они незаметно вышли на спортивную площадку, огороженную белыми, окрашенными известью, трубами. Остановились под перекладиной. Замполит закурил вторую папиросу -- он явно был взволнован.

-- В пятницу у нас ночные полеты, -- заговорил он. -- А в субботу утром, после отдыха, мы проведем партийное собрание с повесткой дня: "Итоги выполнения плана летной подготовки и задачи коммунистов". Так мы решили на заседании бюро.

-- Правильно решили, -- заметил Поддубный. -- И позвольте мне выступить с докладом.

Замполит покачал головой:

-- Вы, Иван Васильевич, снова все хотите взвалить на свои плечи. Доклад уже готовит начштаба подполковник Асинов.

-- Начштаба?

-- Да.

-- простите, это только между нами, но мне кажется, что он в известной мере формалист. Делает все "на основе соответствующих документов" и в цифрах любит копаться. Не суховат ли будет доклад?

-- Как раз это и учли мы на бюро. Цифра -- это факт. Цифры --

это уже картина. Пусть он на основании своих штабных документов нарисует картину и выставит ее на собрании, а мы посмотрим на нее своим партийным глазом и постараемся разобраться, почему она такая неприглядная и кто уродует ее.

-- Пожалуй, вы рассуждаете логично, -- одобрительно отозвался Поддубный.

-- Разумеется, я тоже приложу свою руку к тому, чтобы картина в докладе выглядела реальной, -- добавил замполит.

Он совсем не был так робок и застенчив, каким показался в первый день знакомства на аэродроме, и Поддубный пожалел, что до сих пор не обращался к нему и не советовался с ним. И все же такая разительная перемена была ему несколько непонятна.

-- Между прочим, Андрей Федорович, --обратился к нему Поддубный, -кажите мне, почему вы прежде так остро не ставили вопрос о летной учебе?

Не сразу ответил замполит. Почесал затылок, задумчиво уставясь в одну точку, словно собирался с мыслями.

-- Вы уж извините за столь явную неделикатность, -- смутился Поддубный.

-- Нет, почему же? Отвечу... Видите ли, меня не так давно назначили замполитом. Опыта нет. Робость была какая-то... Я здесь, в этом полку, вырос. Полковник Слива выпустил меня в самостоятельный полет... Он же назначил меня старшим летчиком. Потом ходатайствовал о назначении командиром звена. Не без его помощи выдвинулся я и в замполиты эскадрильи, а затем и полка. Он для меня как отец родной. А Гришин?.. Вы ведь не знаете... он давал мне рекомендацию в партию. Но теперь я понял: пора выходить из младенческого возраста. Вот и начинаю...

-- Батьку брать за чуб? -- рассмеялся Поддубный.

-- Выходит, так, -- улыбнулся замполит.

Горбунов лично занялся подготовкой партийного собрания, беседовал с коммунистами, выявляя их мнения, собирал факты, обобщал их, делал наброски для проект решения.

Накануне партийного собрания, в пятницу. Замполит зашел к начштаба подполковнику Асинову, ознакомился с тезисами доклада и поинтересовался, кто из коммунистов назначен на дежурство и не сможет по этой причине присутствовать на собрании. Тезисы во многом удовлетворяли его, а вот в назначении дежурных явно чувствовалась тенденциозная рука Гришина. Учуяв надвигающуюся грозу, он заранее позаботился о том, чтобы наиболее рьяные его противники -- коммунисты майор Поддубный и майор Дроздов -- сидели во время партийного собрания на аэродроме в кабинах самолетов.

"Поразительная предусмотрительность, черт побери! -- возмутился замполит. -- Вот, оказывается, как еще можно глушить критику!"

Он поставил об этом в известность командира полка. Поддубного и Дроздова от дежурства освободили.

Из штаба капитан Горбунов направился в учебный класс связи -- самый просторный класс, где обычно проходили партийные и комсомольские собрания. Секретарь партбюро капитан технической службы Донцов занимался технической подготовкой собрания. В момент, когда вошел замполит, он, взобравшись на табурет, прикладывал к стене над столом президиума лозунг: "Запрещается критиковать приказы и распоряжения командира, а также его служебную деятельность".

Замполиту казалось, что в этом лозунге, который долгие годы неизменно пестрел в зале партийных собраний, было что-то недосказанное. Конечно, критиковать, а значит, и обсуждать приказы и распоряжения военачальника нельзя. Это совершенно бесспорно. Приказ должен выполняться всеми подчиненными безоговорочно, точно и в срок. Если же каждому будет дано право оспаривать приказ своего командира, обсуждать его правильность или неправильность, обсуждать тогда, когда надо действовать без промедления, то нельзя рассчитывать на успех, тем более в бою. Но где и как найти границу между служебной и неслужебной деятельностью начальника? Ведь каждый начальник, по крайней мере не выше полкового масштаба, все время, с утра до вечера, находится среди подчиненных. Не так-то легко бывает распознать эту "неслужебную" деятельность. Да и трактуют ее многие по-своему. Был же случай в Кизыл-Кале, когда один командир дал офицерам автомобиль-вездеход, чтобы те поохотились в песках на лисиц, а когда этому командиру намекнули, что, дескать, машина используется незаконно, он заявил с апломбом: "Я разрешил и прошу не вмешиваться в мою служебную деятельность".

Деятельность -- охота на лисиц!

А взять Гришина. Явно ведь коммунист сбился с правильного пути и сбивает других. Так неужели партийная организация, членом которой он является, не вправе указать ему на это, повернуть на правильный путь, не ожидая, пока это сделают свыше? Разве партийная организация не несет ответственности за своего члена, равно как и тот перед парторганизацией? В молодом замполите пробуждалось замечательное качество коммуниста-руководителя -- партийное чутье. По мере того как, будучи заочником военно-политической академии, он все глубже и глубже вникал в суть марксистско-ленинской теории, в частности в вопросы военного строительства социалистического

государства, ему легче становилось ориентироваться в конкретной обстановке, анализировать ее. Это партийное чутье и привело его к твердому решению: поддержать Поддубного всем партийным коллективом полка и сломить упрямство перестраховщика Гришина, не боясь вторжения в его служебную деятельность. А если он, Горбунов, окажется вдруг неправ -- пусть его поправят. Пусть даже накажут, но он будет действовать, как подсказывают разум и партийная совесть.

Секретарь партбюро, повесив лозунг, соскочил с табурета и принялся убирать со стола бумаги, краски, карандаши.

-- Погодите, -- остановил его замполит и вынул из кармана небольшую книжечку с золотым тиснением на темно-вишневом переплете -- "Устав Коммунистической партии Советского Союза". Найдя нужную страницу, замполит протянул раскрытую книжечку секретарю партбюро:

-- Вот какой лозунг еще необходимо вывесить.

Донцов, сдвинув свои черные, сросшиеся на переносице брови, читал скороговоркой:

-- "Развивать самокритику и критику снизу, выявлять недостатки... так-так... Зажим критики является тяжким злом. Тот, кто глушит критику, подменяет ее парадностью и восхвалением, не может находиться в рядах партии".

-- Длинно, у меня и бумаги не хватит, -- сказал Донцов.

-- А вы поищите, пожалуйста, обязательно поищите. И еще не мешало бы вывесить такой лозунг... Берите карандаш. Есть? Так вот пишите.

И замполит начал не спеша, выразительно диктовать:

-- Обязанность партийной организации, запятая, всех коммунистов, тире, глубоко вникать в вопросы обучения воинов, дефис, авиаторов, запятая, всемерно помогать...

Донцов писал стоя, ссутулясь над столом. Его черные как вороново крыло волосы лежали на голове застывшими волнами. Крепкий затылок лоснился, отчего воротник белого кителя слегка пожелтел.

-- ...помогать командиру, -- диктовал далее замполит, -- в выполнении плана боевой подготовки. Точка. Все. А на помощь позовите нашего художника комсомольца Калашникова. Поменьше занимайтесь сами техническими делами.

Донцов выпрямился и заметно смутился.

Он не был кадровым политработником, по крайней мере не считал себя таковым. Он был специалистом по электроспецоборудованию самолетов; три года подряд его избирали членом бюро, пока наконец не стал его освобожденным секретарем. Честный и скромный офицер, он горячо взялся за

дело, но вскоре почувствовал, что политработа -- дело кропотливое и настоящего политработника из него не получится. Не хватало собственной инициативы. Когда замполит не давал ему конкретных указаний и заданий, он совершенно не знал, чем бы заняться на аэродроме во время полетов. А чтобы не слоняться без дела, оформлял и выпускал боевые листки, листки-молнии; а сделав это, зачастую шел к авиаспециалистам, надевал комбинезон и помогал им.

Живая работа с людьми, особенно с летчиками, никак не клеилась у секретаря партбюро. Он оставался техником и втайне ожидал того момента, когда наконец коммунисты изберут нового секретаря, чтобы ему скорее возвратиться к авиационным приборам.

Замполит не раз упрекал секретаря партбюро за то, что он слишком увлекается технической стороной дела, поэтому тот и смутился сейчас, почувствовав свою слабую сторону.

-- Ну, а как насчет проекта решения? -- спросил Донцов у замполита.

-- Соберем вечером всех членов бюро, выслушаем мнения и набросаем в черновике. А на собрании подредактируем. Как вы думаете?

-- Можно и так, -- согласился Донцов. -- Коллективно оно лучше.

-- Вот именно.

Гришин, следя за подготовкой партийного собрания, сожалел о своем необдуманном намерении упрятать Поддубного и Дроздова в кабины самолетов. Дело было шито белыми нитками -- как он не подумал об этом? Теперь его и впрямь могут обвинить в том, что он преднамеренно зажимал критику. Замполит не преминет заявить на собрании о злополучном дежурстве и безусловно, даст этому делу соответствующую подкладку...

В пятницу, возвратившись после обеда к себе домой, он, по обыкновению, разделся, прилег на диван, чтобы вздремнуть перед ночными полетами часок-другой под дуновением бесшумного вентилятора. Но сон не приходил. Правая рука невольно тянулась к шевелюре, теребила ее. Мысли, одна тревожнее другой, лезли в голову. Гришин до мельчайших подробностей обдумал свое предстоящее выступление в прениях, а позже, по возвращении с ночных полетов, изложил его на бумаге. Обдумывая фразы, черкая и перечеркивая написанное, он время от времени мысленно повторял услышанную как-то пословицу: "Идешь на лисицу -- готовься к встрече со львом", -- подразумевая при этом Поддубного.

И вот наступила суббота.

В класс связи Гришин прибыл за пятнадцать минут до начала собрания. Члены партийного бюро, разместившись за столом, покрытым кумачем, о чем-то совещались. Поддубный и Дроздов уже были здесь, стояли у окна, беседовали. Гришин подошел, пожал им руки и, обменявшись несколькими фразами, повернулся к инженеру Жбанову, который одиноко сидел в первом, пока еще пустом ряду, просматривая газеты.

-- Что новенького, Кондрат Кондратьевич? -- спросил он.

Инженер поднял глаза -- глубокие морщины избороздили коричневый от загара лоб; на висках обозначалась просинь жилок.

-- Что нового? Много и нового, и старого. Империалисты грозят водородными бомбами. Гитлеровские генералы переодеваются и снова занимают командные посты...

-- Да это не так уж ново на сегодняшний день, -- резюмировал Гришин, присаживаясь к инженеру. Предварительно он сдул со скамейки несуществующую пыль. Вдруг его взгляд остановился на выдержке из Устава КПСС: "Тот, кто глушит критику, подменяет ее парадностью и восхвалением, не может находиться в рядах партии".

Гришину показалось, что эти слова относятся исключительно к нему одному из всех присутствующих здесь. Как-то сразу стало неприятно на душе. "Но почему я должен считать, что эта цитата касается именно меня? -- заработала у него мысль. -- Обычная выдержка из устава... Разве я когда-нибудь глушил... Кому-то надо дежурить!"

Он оправдывал себя, но на душе по-прежнему было неспокойно. У него вдруг появилось желание подойти к замполиту и попросить извинения, признаться и раскаяться в неблаговидном и необдуманном поступке. Он даже поднялся было с места, но тут снова заработала мысль: "Почему? Почему я должен извиняться? Разве я сделал что-либо дурное? Я борюсь за безаварийность в полку, за строгую методическую последовательность. Я направляю летную подготовку с трезвым учетом реальных климатических условий. А Поддубный? Он забывает, что находится в Каракумах. До него же не доходит, что это такое -- Каракумы!"

Не отдавая себе отчета, Гришин излагал в уме то, что приготовил для выступления в прениях.

А тем временем в зале собирались коммунисты, занимали места. От белых офицерских кителей в помещении стало как будто светлее. Большой портрет Владимира Ильича Ленина, кумач на столе, лозунги на стенах -- все это создавало картину торжественного события.

Ровно в десять ноль-ноль секретарь партбюро Донцов открыл собрание. Избрали рабочий президиум, в состав которого вошел и майор Поддубный: его кандидатуру поспешил выдвинуть Дроздов. В президиуме Поддубный оказался один в звании старшего офицера, и, должно быть, поэтому ему поручили роль председательствующего. Слово для доклада предоставили коммунисту Асинову.

Начштаба славился в полку отличной воинской выправкой, подтянутостью и безупречным внешним видом. И когда бывало полковник Слива замечал за тем или иным офицером неряшливость, то частенько говорил, сердито хмуря клочковатые брови:

-- Пойдите и поглядите на начальника штаба, поучитесь у него аккуратности!

И начштаба гордился тем, что является в полку как бы законодателем офицерского этикета. Сегодня по случаю партийного собрания и в связи с тем, что он выступает с докладом, подполковник Асинов выглядел прямо-таки элегантно. Его стройную фигуру облегал отлично сшитый и безукоризненно отутюженный костюм. Как лакированные, сверкали ботинки. Добела начищены пуговицы. Редкие волосы аккуратно причесаны и разделены пробором. Гладко выбритые щеки и подбородок слегка лоснились.

Положив на трибуну папку с тезисами доклада, Асинов развесил подготовленные штабом таблицы, графики, диаграммы. Сделав это, он не торопясь раскрыл папку, отпил из стакана глоток воды, вытерся белоснежным платком и, пряча его в карман, громко произнес:

-- Товарищи коммунисты!

В зале стало тихо.

-- Партия и правительство поставили нас на один из важнейших участков защиты южных рубежей Родины. Это -- большое доверие. Близость государственной границы, а также наличие у вероятного противника скоростных самолетов-бомбардировщиков и беспилотных средств воздушного нападения обязывает нас находиться в постоянной боевой готовности, поддерживать выучку летчиков и техников на уровне современных требований. В связи с этим я позволю себе более подробно охарактеризовать воздушную обстановку, которая может сложиться на нашем участке в случае войны.

Докладчик говорил языком штабного офицера, обладающего широким тактическим кругозором. Речь его была логически стройной и лаконичной. Но в целом выступление скорее походило на лекцию, нежели на доклад. Боясь, что начштаба,

увлекшись чисто тактическими вопросами, будет продолжать все в том же духе, Поддубный бросил вопросительный взгляд в сторону замполита, который сидел рядом с полковником Сливой. В этом взгляде можно было прочесть: "Когда же докладчик возьмет быка за рога?" Замполит понял беспокойство помощника командира и поспешил успокоить его еле уловимым жестом: дескать, все будет в порядке.

-- Ясно, -- говорил докладчик, -- что столь сложная воздушная обстановка потребует от наших авиаторов большого напряжения моральных и физических сил, всесторонней боевой выучки...

"Вот именно! Вот именно!" -- нашептывал про себя Поддубный, внимательно прислушиваясь к докладчику.

-- ...Потребует умения взять от нашей замечательной техники все, что она может дать. И мы вправе с гордостью сказать, что многие наши летчики обладают этой выучкой. Однако с выполнением плана боевой подготовки у нас за последнее время, как видно из соответствующих документов, дела обстоят неблагополучно: отстаем от других полков.

Докладчик взял указку, подошел к одной из таблиц:

-- Мы плетемся в хвосте, товарищи! Притом отстаем по важнейшим видам летной подготовки. -- И тут он перешел к анализу цифр. Вырисовывалась действительно неприглядная картина. Недостаточен общий налет. Мало проведено воздушных боев на больших высотах. Некоторые летчики давно не летали под колпаком, теряя таким образом навыки полетов по приборам. Отставали от программы молодые летчики.

-- Когда же кривая поползла вниз? -- продолжал подполковник Асинов, возвратясь к трибуне и заглядывая в тезисы. -- Данные показывают, что она поползла вниз после катастрофы. У нас в полку появились перестраховщики. Да, некоторые товарищи, к сожалению...

-- Просьба называть имена! -- раздался из зала голос майора Дроздова.

Докладчик посмотрел в сторону командира полка и замполита, словно спрашивая у них разрешение. Семен Петрович пробасил:

-- Называйте, товарищ Асинов! Если нужно, то и меня критикуйте, не обижусь! Перед партией все равны.

-- Так вот, товарищи, этой болезнью -- перестраховкой -- страдает коммунист Гришин. Он отрицательно относится к планированию сложных упражнений Курса боевой подготовки, допускает упрощенчество, а замполит Горбунов и партийная организация, возглавляемая Донцовым, не обращает на эти недостатки внимания. Их партийное чутье явно притупилось.

-- Правильно! -- раздался голос замполита.

-- Да и коммунисты штаба полка ослабили свой контроль, -- продолжал Асинов.

-- Тоже правильно! -- вновь подтвердил замполит.

-- Штабу было известно, что самолеты-цели обозначали себя фарами в ночном небе. При мне подавались штурманами наведения команды, не предусмотренные соответствующим документами и вносящие упрощенчество. Тем не менее я, как начштаба и коммунист, не принимал мер, не замечал того, что Гришин тормозит нормальный ход учебы, маскируясь под методическую последовательность и ссылаясь на тяжелые климатические условия.

В докладе Поддубный не без удовлетворения улавливал направляющую линию замполита. Неплохо поработал он, подготавливая собрание. Оно многим раскроет глаза. Поймет кое-что и Семен Петрович, если даже и не назовут коммунисты его имени...

Гришин чувствовал приблизительно то же самое: докладчик читает то, что написал или продиктовал ему замполит Горбунов. Взвинченный критикой, он горько сожалел, что в свое время дал Горбунову рекомендацию в партию. Вот, оказывается, расплата за доверие! Ты перед ним открыл двери в партийный дом, а он, войдя в этот дом, избивает тебя... Где же совесть? Где уважение? Но ничего, он, Гришин, еще покажет, как подрывать его авторитет, критиковать служебную деятельность!

Далее докладчик говорил о дисциплине, критиковал Дроздова за то, что его подчиненный -- старший лейтенант Телюков -- запятнал честь офицера, попав на гауптвахту. Эта часть доклада вполне удовлетворяла Гришина, и накипь горечи постепенно спадала.

Доклад окончен. После десятиминутного перерыва развернулись прения. Первым попросил слова майор Дроздов. Широкими шагами направился он к трибуне, выпрямился во весь свой богатырский рост и без обиняков начал:

-- Да, товарищи коммунисты, мой подчиненный -- комсомолец Телюков -споткнулся. Он посадил пятно на всю эскадрилью, на весь полк. Я признаю свою вину. Вместе с партийной и комсомольской организациями нашей первой эскадрильи мы постараемся помочь человеку исправиться. Но докладчик на все сто процентов прав, подвергая критике коммуниста Гришина. Коммунист Гришин тормозит нормальный ход боевой учебы. Прошу вашего внимания, -- Дроздов развернул навигационную карту, на который был нанесен Гришиным маршрут полета эскадрильи на предельную дальность. --

Правильно майор Поддубный назвал это пародией на маршрут! Получается, как в песне: "На закате ходит парень возле дома моего..." Коммунист Гришин, очевидно, хотел, чтобы я со своими летчиками тоже крутился-вертелся возле аэродрома своего...

По залу прокатился смешок. Гришина, который до этого хоть и с трудом, но молча выслушивал выступление, вдруг прорвало:

-- Товарищи коммунисты! Товарищ командир полка! -- крикнул он. -- Да ведь это же критика моего приказа!

Поддубный застучал карандашом о графин, призывая к порядку. А когда порядок водворился, поднялся полковник Слива и попросил два слова для справки.

-- Предоставить! -- раздались дружные голоса.

Семен Петрович, обращаясь к Гришину и указывая на карту, которую Дроздов все еще держал развернутой, сказал:

-- Это не приказ. Я отменил его. Продолжайте, Дроздов, а вы, Алексей Александрович, наберитесь мужества и терпеливо слушайте.

Дроздов припомнил Гришину и о бароспидографах, и о лунных ночах... Попросил партийное бюро не либеральничать с теми, кто ставит палки в колеса...

После Дроздова выступил комэск капитан Марков. То и дело вытирая носовым платком лоснящееся от жары лицо, он тоже критиковал Гришина, главным образом за то, что самолеты-цели обозначали себя фарами.

-- Такая практика далека от боевой действительности, и я просил бы командира части запретить Гришину делать это, -- сказал он в заключение.

Больше всего Гришин боялся критики со стороны Поддубного и поэтому выжидал, намереваясь попросить слова сразу же после его выступления, чтобы ударить по горячим следам... Но Поддубный не выступал, предоставляя слово другим коммунистам. Вопреки ожиданиям, Гришина поддержал в своей речи инженер Жбанов:

-- Мне кажется, что коммунист Гришин не заслуживает столь резкой критики. Мы знаем его как способного штурмана. К тому же он, будучи заместителем командира, многое сделал для предотвращения летных происшествий...

Гришина растрогали слова инженера -- наконец-то нашелся добрый, а главное, умный человек! Он тотчас же попросил слова. Вышел на трибуну и, по привычке запустив всю пятерню в шевелюру, обвел присутствующих взглядом, словно искал сочувствующих. Внешне он казался спокойным, но это спокойствие было напускным. Сидящие ближе к трибуне видели, как у Гришина мелко дрожал острый подбородок и

перекатывались желваки на скулах побледневшего лица.

Прежде чем начать свою речь, он заглянул в блокнот, который держал в левой руке, затем снова запустил пятерню в прическу и заговорил несвойственным ему, каким-то певучим тоном, словно читая проповедь:

-- К сожалению, среди нас нет сейчас двух дорогих товарищей-коммунистов. Один из них погиб в районе Аральского моря, а второй лежит в госпитале, и неизвестно, будет ли когда-либо летать. Мы теряем людей в мирное время... Да, мы теряем людей, товарищи! -- повторил Гришин, явно намереваясь разжалобить присутствующих. -- Мы не выполнили своего государственного долга -- летать без аварий и катастроф. Наш полк стал аварийным. Правда это или, быть может, я сочиняю небылицы?

Гришин вопросительно поглядел на замполита, затем повернулся к Поддубному:

-- К сожалению, правда, товарищи! Должны мы принять меры к тому, чтобы не повторялась аварийность? Должны. Так почему же здесь мои мероприятия встречаются в штыки? Почему меня здесь называют перестраховщиком и скептиком? Почему, я вас спрашиваю, потрясают с этой трибуны моими приказами, подвергая их недозволенной критике?

Голос оратора все повышался...

-- К нам прибыл новый товарищ -- майор Поддубный... -- Гришин залпом осушил стакан воды. -- До сих пор он служил на севере. Он не имеет понятия об особенностях летной учебы в условиях пустыни, где столь часты губительные песчаные бури. А между тем куда толкает нас Поддубный? К аварийности -- вот куда! И тем досаднее, что его поддерживают такие руководящие офицеры, как замполит Горбунов, комэски Дроздов, Макаров и другие товарищи. Да и коммунист Слива, наш уважаемый, заслуженный командир, оказался у него на поводу...

-- Вы отвечайте на вопрос -- почему наш полк отстает по важнейшим видам летной подготовки? -- бросил реплику Дроздов.

Гришин пропустил эти слова мимо ушей. Он умалчивал о том, что было не в его пользу, и нажимал на своих противников, разя их, как ему казалось, неопровержимыми аргументами. В десять минут, установленные регламентом, он не уложился и попросил дополнительно еще пять минут. Ему дали три, да и то по настоянию замполита -- нельзя, мол, зажимать критику, какой бы она ни была.

Майор Поддубный, взгляды которого встретили на собрании поддержку абсолютного большинства офицеров-коммунистов, в

том числе и командира полка, не собирался выступать. Но речь Гришина обеспокоила его тем, что вызвала у некоторых коммунистов сочувствие. Даже Максим Гречка, который сердцем и душой был привязан к Поддубному, поглядывал на него с немым вопросом: "А может быть, и в самом деле Гришин прав?"

-- Нет, товарищи коммунисты, не прав Гришин! -- попросив слова, сказал Поддубный. -- Упрощая полетные задания из-за боязни, как бы чего не вышло, он рубит сук, на котором сидит весь наш полк.

-- Правильно! -- послышался дружный хор голосов.

-- Я вам приведу такой житейский пример. Допустим, кто-то из купающихся в море или в озере утонул. Достаточно ли в целях предосторожности сказать остальным: не заплывайте далеко? Вряд ли. Если не умеешь плавать, то и у берега утонешь. А как поступить, чтобы люди не тонули? Прежде всего надо научить их хорошо плавать, затем добиваться строжайшего соблюдения правил купания, как следует поставить службу спасения. Вот по какому пути, а не по тому, по какому предлагает Гришин, должны мы идти. И это тем важнее, что в случае войны нам, летчикам, придется заплывать очень далеко и глубоко нырять в воздушный океан, перехватывая скоростные самолеты и беспилотные средства. И если мы сейчас не обучим своих летчиков хорошо плавать, то это может нам дорого стоить...

-- Майор Гришин часто говорит, -- продолжал Поддубный, -- что теперь, дескать, мирное время. Но разве нам неизвестно, что американские бомбардировщики патрулируют с водородными бомбами на борту? Не на земле, в воздухе они дежурят! Приказ -- и молниеносная вспышка войны. Кто же нам, военным летчикам, позволит в такой сложной обстановке плестись в хвосте?

Поддубный говорил спокойно, не размахивая над трибуной руками, как это делал Гришин, не повышая голоса. Но каждая его фраза, каждое слово гремели как набат.

Слушая Поддубного, Гришин невольно сжимался, уходил в себя. Он понимал: правда на стороне майора. Но вместе с тем ему казалось, что Поддубный перехлестывает, ибо не в состоянии понять конкретных условий сегодняшнего дня. Его речь хороша для другого полка, но отнюдь не для Кизыл-Калынского.

Последним в прениях выступил замполит Горбунов. Разумеется, он целиком и полностью поддержал Поддубного, Дроздова, Маркова и подверг резкой критике Гришина. Упомянул замполит и о попытке Гришина "упрятать" Поддубного и Дроздова в кабины самолетов.

Это сообщение вызвало возмущение решительно всех коммунистов. А Гришин, одолеваемый чувством стыда, пришел в

неописуемую ярость.

-- Вы подрываете мой авторитет! -- горячился он. -- Нарушаете инструкцию! Я буду жаловаться генералу! Главкому!

-- Жалуйтесь! -- оборвал его замполит. -- Но помните: ни генерал, ни главком не похвалят вас и не поддержат. Они тоже коммунисты. У всех нас, больших и малых начальников, у членов партии и беспартийных, есть один самый главный главком -- это наша Коммунистическая партия. Мы здесь не делаем ничего такого, что противоречило бы указаниям партии, ее политике. Коммунисты не могут, не должны равнодушно относиться к недостаткам, от кого бы эти недостатки ни исходили!

Три с лишним часа длилось собрание. Оно всколыхнуло сердца и чувства всех коммунистов. Каждый ощущал приближение переломного момента.

После собрания майор Поддубный сразу же возвратился домой. Уборщицы, очевидно, не было. Комната оставалась неубранной. В пепельнице торчали окурки, на полу валялись скомканные листы бумаги и старые, пожелтевшие от времени газеты, по-видимому слетевшие со стола.

Он снял с себя тужурку и принялся наводить порядок. Свернул из бумаги кулек и высыпал туда содержимое пепельницы. Смахнул газетой пыль со стола. Веника не оказалось, и он стал подметать пол сапожной щеткой. Это было чертовски неудобно. Он отбросил щетку и устало опустился на диван, который пока служил ему и кроватью.

Он лежал и думал о только что закончившемся партийном собрании. Какую залежавшуюся глыбу своротило оно! По всему видно, что Гришин, конечно, не сдастся с первого раза. Он, ко всему прочему, был еще невероятно упрямым. Но сдвиги наметились, и это очень хорошо! Правильно сделал замполит, подняв коммунистов полка на борьбу с упрощенчеством и послаблением в летной учебе.

Послабление... Какими последствиями чревато оно, когда над миром нависла зловещая туча, готовая разразиться ливнем атомных ядер... Ослабишь напряжение в боевой учебе сегодня, завтра, послезавтра, а там, глядишь, уже и вовсе отстал. А отсталых бьют беспощадно, безжалостно. Враг потому и называется врагом, что он неумолим. Его можно одолеть только превосходящей силой, и силу эту надо кропотливо накапливать изо дня в день. Все это тем более важно, что враги Советского Союза и всего социалистического лагеря лихорадочно готовятся к военным мероприятиям... И не только в войсках, но и в научных лабораториях, в цехах заводов, одним словом -- везде.

Наша партия, наше правительство прилагают огромные

усилия, чтобы предотвратить войну. Они требуют разоружения, обращаются к народам всего земного шара. Но пока правящие круги капиталистических стран отвергают эту миролюбивую политику Советского правительства, нашим ученым, инженерам, рабочим тоже приходится делать бомбы, снаряды, ракеты... Иного выхода нет. Когда сумасшедший беснуется, на него надевают смирительную рубаху.

Военная техника движется вперед семимильными шагами. Самолет новой конструкции, поставленный для сборки на ленту конвейера, стареет, едва успев сойти с нее. Научная мысль врывается в заводские цехи, как воздух в вакуумный сосуд, в стенке которого просверлили отверстие, и выметает даже то, что может устареть в самое ближайшее время. И раз такова современная действительность, позволительно ли вести в авиационном полку учебный процесс черепашьими темпами? Ведь не секрет, что скоро должны прийти в полк самолеты с большими скоростями и потолком. А тут еще не используются в полной мере возможности старых. Да, -- одобрил свои действия Поддубный, -- я поступаю правильно, идя в решительную атаку против Гришина и ему подобных! Они опасны своей слепотой, трусостью, консерватизмом.

Поддубный не был на фронте. Он не видел тяжелого сорок первого года. Но однополчане с горечью рассказывали, что первые свои боевые вылеты они совершали звеньями, состоящими из трех самолетов. А немцы сразу выставили пары, которые оказались более маневренными. Ведущий атакует, ведомый прикрывает, и наоборот. А наш третий самолет вертелся, как пятое колесо в колеснице, пока летчики сами не отбросили его. Между тем и в этом полку находились люди, которые еще до войны предлагали создать пары. Почему же их не создали? Да потому, что такие вот гришины мешали. Они боялись новшества, не задумывались у себя в полку над тактическими приемами, ждали, когда Генштаб подскажет, как сподручнее действовать звеном... Сами ничего не создавали и у других опыта не перенимали. "Как? Изменить боевой порядок звена? Что вы!" -- ужасались эти трусы и перестраховщики.

Досадно, что они и теперь встречаются, хотя времена нынче уже не те!.. Это показало и сегодняшнее партийное собрание...

Глава шестая

Гауптвахта отрезвляюще повлияла на старшего лейтенанта Телюкова. В конце концов он понял, что мишень отбил случайно (кто же может точно прицелиться в трос толщиной в папиросу!), да и маневр был бессмысленный и действительно слишком рискованный. Пушечная трасса пролетела в каких-нибудь двух-

трех метрах от стабилизатора самолета-буксировщика. Достаточно было взять чуть меньший ракурс, чтобы снаряды отбили стабилизатор. Тогда -катастрофа или в лучшем случае авария. Кроме того, он, Телюков, сам мог наткнуться на отбитую мишень или, что еще опаснее, на стальной трос.

"Пора, пора тебе, Филипп Кондратьевич, браться за ум" -- мысленно отчитывал он себя, сидя после освобождения в парикмахерской.

Побрившись, он на попутной машине помчался на аэродром: уж больно стосковался по самолету и всему тому, чем живут летчики.

Конечно, командир не допустит его, Телюкова, к полетам потому, что, во-первых, он не проходил предварительной и предполетной подготовки, а во-вторых, для него вообще не планировали и не могли планировать полеты. Но ему необходимо хоть подышать аэродромным воздухом после этой гауптвахты, чтобы ее песком занесло...

День клонился к вечеру. В дальнем небе загорались звезды. Прожектористы, прибыв на свои точки, раскиданные по пустыне, проверяли прожекторы, направляя лучи в зону воздушной стрельбы. Авиационные специалисты выводили самолеты на старт, буксируя их автомобилями.

Еще издали увидел Телюков, что его самолет стоит в чехле. Ожидает хозяина, с горечью подумал он, а хозяин, будто обыкновенный воришка, под арестом...

Стыд охватил старшего лейтенанта. Но еще больший стыд -- впереди. Товарищи наверняка будут потешаться над ним: "Ну как там, Филипп Кондратьевич, на гарнизонном курорте?" Совестно будет в глаза глядеть подчиненным -- технику и механику! Требует от них, а сам что?..

По рулежной дорожке мимо самолетов промчалась зеленая "Победа". Увидев в машине полковника, Телюков отдал честь. Неожиданно из-за аэродромного домика навстречу вышел "академик". Ничего приятного эта встреча не сулила, но отступать было поздно. Телюков подготовился к исповеди.

-- Возвратился с гауптвахты, -- вяло козырнул он, понуря голову.

-- А я вас жду. Идемте, поговорим.

"Мало, значит, того, что говорил на разборе полетов", -- подумал старший лейтенант.

Они примостились на ящике с аэродромным имуществом.

-- Напрасно вы, товарищ Телюков, тратите свои способности и недюжинные силы. Не туда вы их направляете, рискуете там, где это совсем не нужно...

"Ага, значит, мои способности он все-таки признает!" -- мелькнула мысль.

-- А способности у вас большие. И любовь к своей профессии настоящая. При одном слове "полет" у вас загорается веселый блеск в глазах. Так бывает лишь у подлинных летчиков.

"Смотри пожалуйста! Уж не собирается ли он объявить мне благодарность за примерное поведение на гауптвахте? Вот было бы здорово! Благодарность за честное пребывание под арестом!" -- ехидно подумал Телюков.

-- Итак, -- продолжал Поддубный, -- учитывая ваши безусловные способности, любовь к полету, смелость и решительность, я хочу взять вас к себе в напарники. Попробуем с вами начать подготовку по особой программе. Я тут кое-что наметил новое...

Телюков недоверчиво поглядел на помощника командира. Уж не шутит ли он? Но лицо Поддубного было совершенно серьезно.

-- А согласится ли командир полка после того, что произошло? -- спросил он осторожно.

-- Произошла, Филипп Кондратьевич, большая неприятность. Над аэродромом реет флаг Военно-Воздушных Сил страны. Торжественный момент -- полеты. А вы сидите в кабине самолета и думаете, как бы это получше обмануть кого-нибудь, отбить мишень, сорвать полеты на стрельбу. Между прочим, об этом вам еще напомнят на комсомольском бюро. Я сам буду критиковать вас. Но, несмотря на это, думаю, что полковник согласится с моими доводами. Я лично поручусь за вас. Надеюсь, что вы меня не подведете.

-- Что ж это такое "новое"? -- поинтересовался Телюков, все еще не доверяя майору. -- На асов учиться будем? Тогда я вам буду крайне признателен. Ас -- это в переводе с французского -- туз. Самая старшая карта в колоде. Никакая другая карта не бьет ее.

-- При условии, если туз козырный, -- резонно заметил Поддубный. -- А если нет, его и шестерка козырная бьет. Но вы почти угадали.

Ас, мастер! Сердце Телюкова радостно забилось, и он сказал торжественно:

-- С мишенью, товарищ майор, такое никогда больше не повторится.

-- Верю вам, товарищ Телюков. Но у нас скоро будут новые мишени, настоящие.

-- Какие?

-- Потом увидите. Я написал в штаб... Мне ответили...

"Вот тебе и академик!" -- со скрытым восхищением подумал

Телюков.

Поддубный закурил и протянул Телюкову портсигар.

-- Филипп Кондратьевич... -- сказал он и запнулся.

-- Слушаю вас, товарищ майор.

-- Филипп Кондратьевич, я по-дружески советовал бы вам сбрить усы и бакенбарды. Для чего они? Ведь совсем вам не подходят...

Телюкову стало очень неловко.

-- Разрешите быть свободным?

-- Идите.

Над аэродромом неожиданно взвилась красная ракета.

-- Что случилось? Отменили полеты? -- Летчики переглянулись.

В направлении взлетно-посадочной полосы двигался верблюд со всадником. От СКП дали вторую ракету. Но, как видно, человек, который управлял верблюдом, не очень-то разбирался в авиационных порядках. Неуклюжее животное пустыни медленно продвигалось в прежнем направлении.

Выслали солдата, чтобы тот предупредил непрошеного гостя. Солдат жестами показывал, чтобы всадник повернул назад, объяснил, что здесь аэродром. Верблюд остановился, но, понукаемый хозяином, снова зашагал.

Поддубный и Телюков подбежали на помощь.

-- Стой! Куда тебя черт несет! -- замахнулся Телюков на верблюда кулаком.

Всадник -- это был старый туркмен -- начал что-то говорить, обращаясь к офицерам на своем родном языке.

-- Аэродром здесь, -- втолковывал ему Поддубный.

-- Началнык! Началник давай! -- требовал старый туркмен, ничего не желая слушать.

-- Я начальник, -- сказал Поддубный.

-- Началнык полковнык давай. Началнык полковнык.

Эге, всадник, оказывается, не такой уж профан в военном деле!

Пришлось посылать за полковником.

-- Что здесь происходит? -- сердито спросил Семен Петрович, вылезая из машины.

Старик туркмен встретил полковника таким сладко-добродушным взглядом, что тот сразу остыл.

-- По какому вы делу?

Всадник что-то крикнул верблюду. Животное подогнуло ноги и послушно опустилось на песок. Старик проворно соскочил на землю, поклонился в пояс и начал рыться в мешке, переброшенном через спину верблюда. Наконец он вытащил

моток проволоки.

Это оказался трос от планера-мишени, отбитой Телюковым.

Старик взял трос и торжественно, как драгоценный дар, преподнес полковнику. Сделав это, он остановился перед ним в согнутой позе, ожидая, вероятно, вознаграждения. Семен Петрович порылся в кармане, достал десятирублевую бумажку.

-- Большое вам спасибо, возьмите!

Старик вежливо поклонился, прижав ладонь к сердцу, но от денег отказался.

"Мало" -- решил полковник и вынул еще одну десятирублевку.

-- Нэт, нэт, нэт! -- туркмен упрямо замотал головой. Он что-то говорил, но никто не понимал его.

В полку служил старший техник лейтенант Артыков, туркмен. Пришлось послать за ним машину.

-- Ну-ка, Артыков, растолкуйте нам, чего хочет этот старик, привезший нам трос.

-- Да ведь это мой земляк! Он из аула Талхан-Али. Его знают многие здесь, -- ответил старший техник-лейтенант и обратился к приезжему на своем родном языке. Старик приободрился. Приятно было ему поговорить с офицером на родном языке. Он сел на землю, скрестив под собой ноги, и заговорил, жестикулируя руками.

А Артыков переводил:

-- Старика зовут Бояром. Ему восемьдесят лет. У него уже правнуки. Старший сын Ата -- лучший чабан в колхозе. Ата видел, как летчики уронили маленький самолетик, который тянули в небе... Старший сын долго искал его в горах. Самолетик разбился, а вот этот трос уцелел. Вещь не хитрая. Но старый Бояр много прожил на белом свете и знает: каждая вещь может пригодиться...

Так растолковал старый Бояр своим сыновьям. Он велел им пригнать верблюда, а когда они пригнали, положил в мешок найденное и отправился к усатому полковнику в Кизыл-Калу, где летчики летают, как беркуты. А денег старый не возьмет: не торговать прибыл он сюда за шестьдесят километров, а помочь летчикам.

Шестьдесят километров по знойной пустыне везти никому не нужную вещь! Об этом, однако, не сказали старому Бояру, чтобы не разочаровать его. Пусть думает старик, что сделал доброе дело...

-- Спасибо вам, Бояр, -- полковник пожал ему руку. Он знал, что старые люди Востока любят разные металлические украшения, и, прощаясь со стариком, подарил ему кокарду с фуражки. Надо было видеть, как обрадовался старый Бояр! Он покажет эту вещь сыновьям и внукам, и тогда они убедятся, что

Бояр был у людей, которые летают...

Эта неожиданная встреча с туркменом отняла добрых полчаса. Полеты пришлось начать позже.

Делать на аэродроме Телюкову было решительно нечего, и он вскоре отправился на попутной машине обратно в городок. Дома подогрел воду, сбрил усы и бакенбарды -- к черту их! Посмотрел в зеркало -- ей-богу, майор Поддубный был прав: красивее стал без усов и бакенбардов, вроде помолодел. Надел белый китель, слегка обрызгал себя духами и, потушив в комнате свет, вышел на крыльцо.

В коттедж, однако, не решился зайти, остановился под карагачем в надежде, что Лиля выйдет в сад.

А она, не замечая Телюкова, в самом деле вышла. Поставила в саду на плетеном столике переносную электрическую лампу, села в кресло, положила ногу на ногу, раскрыла книгу.

Свет серебристой пылью лег на мокрую и свежую от полива листву, весело разлился под ногами, заиграл в оросительных ровиках.

Хорошо под деревьями после дневного палящего зноя! Лиля посидит здесь до тех пор, пока за палисадником не покажется "Победа". Быть может, вместе с отцом приедет Поддубный. Он частенько возвращается с аэродрома в машине и подолгу сидит с отцом вот за этим столиком.

За палисадником послышались шаги.

-- Кто там? Ты, Лиза? Ты, Людмила? -- наугад перебирала имена подруг Лиля.

-- Какая там Людмила! Это сам Руслан!

Среди листвы мелькнул белый китель Телюкова. Лиля не узнала летчика. Он как будто помолодел, стал гораздо лучше: усики и нелепые бакенбарды не портили теперь его лица.

-- Лилечка, милая, -- нежно заговорил Телюков не то шутя, не то серьезно, -- не гоните меня! -- Он поднялся на носках и поглядел на веранду, нет ли там Харитины Львовны. -- Не гоните меня! Я только что вышел на свободу. Ваш отец, а мой командир влепил мне арест с содержанием на гауптвахте...

-- А я думаю, куда это вы запропастились? -- улыбнулась девушка.

-- Значит, все-таки вспоминали обо мне? А я так намучился, Лилечка. Сидел за решеткой, как жулик. Ждал, надеялся, что вы посетите меня...

-- Вот еще новости! Чтоб люди смеялись?

Телюков опустился в кресло, оперся подбородком на руку.

-- Эх, Лиля... Жены декабристов вслед за мужьями в Сибирь не стыдились ехать...

-- Так ведь то жены...

Телюков ближе пододвинулся к ней со своим креслом.

-- А вот невеста Поддубного не только на Крайний север, сюда не пожелала ехать.

У Лили тревожно сжалось сердце:

-- Откуда вы это взяли?

-- Он сам рассказывал кому-то. Да он и здесь умудряется за всеми девушками приударивать. К Лизе Жбановой зачастил до того...

-- Уходите, Телюков! -- прервала его Лиля. -- Я не желаю слушать сплетен!

-- Это не сплетни, а правда. Сам видел!

-- Стыдились бы! Хуже бабы. И вот что я вам скажу: все равно не будет по-вашему. Хотите -- оставайтесь моим другом. Нет -- как хотите. -- Лиля поспешно поднялась.

На веранде появилась Харитина Львовна. Телюков отступил в тень, перескочил через палисадник, скрылся в темноте.

Не успел он уйти, как у калитки появилась Лиза, дочь инженера Жбанова.

-- Ты одна? -- спросила она, оглядываясь.

-- Одна.

-- А кто сейчас был здесь? Телюков, или это мне показалось? Кажется, он.

-- Да, он.

Лиза Жбанова была школьной подругой Лили. Три года назад они вместе ездили сдавать вступительные экзамены в институт. Лиза провалилась. Не прошла она по конкурсу и на следующий год, хотя подруга занималась с ней и даже хлопотала за нее перед директором. Потеряв надежду поступить в институт, Лиза жила одной мыслью -- выйти замуж. Она стала одеваться по последней моде, не пропускала ни одного танцевального вечера, заводила знакомства с молодыми офицерами. Лизина мать, Капитолина Никифоровна, каждый год пышно отмечала день рождения дочери, устраивала вечеринки, куда преднамеренно приглашались и холостые офицеры.

Но пока что с замужеством Лизе явно не везло. То ли женихи попадались чересчур разборчивые, то ли слишком уж непривлекательная была невеста. Скорее всего причина крылась в последнем. Лиза не блистала ни умом, ни красотой. От матери она унаследовала рыжий цвет волос, обильные веснушки и чрезмерную для ее возраста полноту. Лиза почти ничего не читала и ничем, кроме нарядов и танцев, не интересовалась.

Но больше всего отталкивало офицеров, как об этом и поговаривали в гарнизоне, откровенное, ничем не прикрытое

стремление дочери инженера обзавестись мужем. Выйти за кого угодно: за летчика, техника, офицера обслуживающего подразделения. Все равно за кого, лишь бы выйти!..

-- Я к тебе собиралась было зайти днем, да ты была занята, -- сказала Лиза и, сделав брезгливую гримаску, добавила: -- И охота тебе возиться с тряпками? Неужели не могла бы помыть полы та туркменка, которая работает прачкой и дочь которой ты обучаешь музыке?

Лиза сказала это в тот момент, когда к ним подошла Назык. Девочка смутилась. Смутилась и Лиля.

-- Ведь ты даром учишь ее? -- спросила Лиза с полным отсутствием такта.

"Боже, до чего она глупа и невоспитанна", -- подумала Лиля.

-- А у меня радость. Такая радость, Лилечка, что ты не представляешь! -- Лиза сладко потянулась и кокетливо закатила глаза. -- А ну-ка, угадай, с кем я вчера встретилась? Ни за что не угадаешь! А если скажу, то, пожалуй, и не поверишь...

-- Пойди, погуляй, Назык! -- обратилась Лиля к девочке.

-- Ни за что не угадаешь! -- продолжала интриговать подругу Жбанова.

-- Ты бы, Лиза, думала, прежде чем говорить, -- укоризненно произнесла Лиля.

-- А что?

-- Ты же видела: здесь Назык, а такое мелешь...

-- А что ж особенного я сказала?

-- Назык все прекрасно понимает. И я вовсе не желаю, чтобы кто-нибудь прислуживал мне.

-- Вот чудачка! -- расхохоталась Лиза. -- А я, например, никогда ничего не делаю! К нам приходит уборщица. Ну так угадай же кто вчера был у нас?

-- Откуда же мне знать?

Лиза прильнула к подруге, прошептала на ухо:

-- Из академии он. Ромб на мундире. А отец говорил, что он, пожалуй, скоро и полком командовать будет, если твой отец в отставку уйдет.

У Лили мучительно заныло сердце.

-- За книгой к отцу приходил, -- продолжала Лиза. -- Взял книгу, а тут мать познакомила меня с ним. "Знакомьтесь, -- говорит, -- это моя дочь". И мы разговорились. А потом мама угощала его чаем с вареньем. Я завела радиолу. К сожалению, у него были какие-то неотложные дела, а то бы потанцевали. Когда он собирался уходить, то пожал мне руку и так ласково взглянул мне в глаза... -- Лиза заломила руки, -- так ласково... Даже мать обратила внимание...Она пригласила его бывать у нас, и он

обещал.

Внезапно вспыхнувшее в сознании Лили чувство ревности столь же внезапно погасло. Не может такая, как Лиза, увлечь Поддубного. Не может. Слишком он серьезный человек!

-- Да, Лиля, знаешь, почему я зашла к тебе? -- спросила Лиза. -- В клубе организуется художественная самодеятельность. Там сейчас заседает комиссия. Лейтенант Байрачный верховодит всем. Собирайся, пошли!

-- Иди сама. Я никуда не пойду.

-- Не глупи. Ведь ты хорошо играешь.

-- Пианисток в гарнизоне достаточно и без меня.

-- Пойдем, пойдем! -- Лиза подхватила под руку сопротивляющуюся Лилю. -- Ну чего ты так помрачнела? Наверное, сама неравнодушна к Поддубному? Смотри мне! А то сейчас же передам об этом Телюкову. Плохо тебе придется! -И она зашептала на ухо подруге: -- А знаешь, за что Телюкова на гауптвахту посадили? Он умышленно стрелял по самолету Поддубного. Иван Васильевич ходит к твоему отцу, вот Телюкова и заело...

-- Что ты говоришь? -- вздрогнула Лиля. -- Это неправда...

-- Утверждать не могу. За что купила, за то и продаю. А ты будь предусмотрительной: скажи своему Телюкову, пусть он не беспокоится. Можешь дать ему понять, что Поддубный ухаживает за мной. Он и успокоится. Ну пошли!

-- Пошли, -- неожиданно согласилась Лиля. Она до того была взбудоражена столь неожиданным известием, что решительно не могла владеть собой.

Конечно, Лиза могла и насплетничать, но ведь факт, что Телюков сидел на гауптвахте... И, кажется, это был первый случай в полку, когда офицер сидел под арестом. Значит, дело серьезное, думала Лиля, идя в клуб.

Поддержанный замполитом, Байрачный решительно взялся за организацию художественной самодеятельности. Прежде всего позаботился об афише. Лейтенант Калашников не пожалел красок для столь важного дела: громадная афиша на щите сразу бросалась в глаза. Когда ее прислонили к стене клуба, она достигла крыши. Слово "самодеятельность" было написано полуметровыми буквами. Байрачному посчастливилось отвоевать у начальника клуба отдельную комнату, на двери которой появилась табличка с надписью: "Руководитель художественной самодеятельностью. Запись в кружки от 7 до 9 часов вечера".

Любителей театрального искусства оказалось более чем достаточно, поэтому отбирались самые одаренные. Создали жюри, в состав которого Байрачный ввел Скибу и Калашникова --

своих лучших друзей. Перед жюри демонстрировали свои способности певцы, танцоры, музыканты, мастера художественного слова.

В этот вечер к руководителю художественной самодеятельности явились двое солдат. Один высокий и худой, другой низенький и полный.

-- Мы -- подражатели! -- отрекомендовался высокий.

-- Кому же вы подражаете? -- заинтересовался Байрачный.

-- Тарапуньке и Штепселю.

-- Интересно. А ну исполните какую-нибудь интермедию. Сможете сейчас?

-- Отчего же? Для этого и пришли.

Замполита Горбунова, который в этот момент находился среди членов жюри, неприятно поразил внешний вид "Тарапуньки". Поля панамы выгнуты, и она скорее напоминала шляпу-котелок, нежели солдатский головной убор. Голенища -- в "гармошку", гимнастерка нараспашку, взъерошенные волосы, как мокрое мочало, свисало на ухо.

-- Вы, кажется, из второй эскадрильи? -- спросил капитан.

-- Так точно! -- браво выпалил "Тарапунька".

-- Фамилия:

-- Рядовой Баклуша.

-- Комсомолец?

-- Никак нет, товарищ капитан!

-- Взыскания имеете?

Солдат смутно учуял что-то недоброе, и рука потянулась к пуговицам...

-- Взыскания имеете? -- повторил свой вопрос замполит.

-- Наряд вне очереди... Да я уже чистил картошку на кухне... Отбыл.

-- За что получили?

-- За кровать.

-- Точнее.

-- Показалось старшине, что кровать плохо заправлена.

-- Показалось, говорите? А прежде имели взыскания?

-- Имел, то есть так точно!

-- За что? Отвечайте подробно.

Баклуша выпрямился, побледнел.

-- Полез я в кабину самолета проверять приборы и нечаянно нажал на кнопку противопожарного устройства. Фюзеляж залило. Инженер -- выговор. А один раз за опоздание из отпуска гауптвахту дали. Еще выговор был за нарушение формы...

-- Такому, как вы, -- покачал головой замполит, -- мы, пожалуй, не сможем предоставить место на солдатской сцене.

Поняли?

-- Так точно! Разрешите идти? -- спросил Баклуша, сожалея, что нарвался на замполита.

-- Нет, -- возразил тот. -- Доложите своему командиру, что я сделал вам замечание по поводу внешнего вида. Чуб остричь, "гармошку" ликвидировать, панаму привести в соответствующий вид. Что вы туда напихали? Почему она у вас так раздулась? А нука, дайте сюда.

-- Картон здесь, товарищ капитан.

Замполит снял свою панаму.

-- А я вот хожу без картона, и, представьте себе, голова не болит... Чувствую себя великолепно...

-- Да у меня она, товарищ капитан, тоже не болит! Вы уж разрешите нам выступить...

-- Нет, не разрешу. Выступать перед зрителями могут лишь примерные воины.

-- Я тоже буду таким.

-- Вот тогда и в художественную самодеятельность примем. А сейчас идите в свое подразделение.

-- Есть!

Растерянный и обескураженный, солдат повернулся через правое плечо. Замполит хотел было еще поговорить с ним, но тут зашли девушки. А отчитывать молодого парня при них он счел нетактичным.

-- Мы не помешали вам? -- спросила Лиля, заметив обескураженного солдата.

-- Нет, нет, присаживайтесь, -- сказал замполит, как всегда улыбаясь одними уголками губ.

Байрачный и Скиба, здороваясь с девушками, поднялись с мест. Затем Байрачный обратился к Лиле:

-- Вы, кажется, играете на пианино?

-- Да, если нужно будет аккомпанировать, то я могу, -- ответила девушка.

-- Как же! Пианистка нам крайне необходима.

Лиза Жбанова в свою очередь выразила желание участвовать в драмкружке.

-- Тоже хорошо, -- ответил Байрачный. -- Но вам придется прийти тогда, когда мы подыщем пьесу. Так и запишем. И роль укажем потом.

Вопреки желанию подруги Лиля поспешила домой. Не выходили у нее из головы слова Лизы о поступке Телюкова. Неужели это правда? Неужели Телюков способен на такие подлости?

Услыхав в небе гул самолета, Лиля остановилась и почему-то

подумала, что это летает Поддубный.

Чутье не изменило ей. Майор гонялся за контрольной целью, которая неожиданно появилась над Кара-Кумами с юго-запада.

Наведение осуществлял тот же штурман-наводчик, который подавал команды, чтобы "противник" обозначал себя фарой. Наводить как следует он не умел. Несмотря на то, что Поддубный своевременно поднялся в воздух и четко выполнял команды, штурман до сих пор не мог свести его с целью.

У летчика начало рябить в глазах от долгого и безуспешного наблюдения за зеленовато-серым экраном бортового локатора, от многочисленных разноцветных колпачков на доске приборов.

На какое-то мгновение он вынес взгляд за борт кабины. Над головой и сбоку мерцали звезды, а под фюзеляжем тянулись пески, облитые лунным светом, отчего пустыня напоминала тундру, покрытую снегом...

В наушниках послышался голос Гришина.

-- Ваша высота?

-- Девять.

-- Держитесь ее. Курс 260. Скорость 90.

"Ого, как далеко очутился я от цели", -- подумал Поддубный, вдыхая кислород через маску.

Пять минут спустя Гришин дал команду развернуться вправо на девяносто градусов. Потом -- взять еще вправо. И как только летчик выполнил эту команду, на экране засветился крестик -- это означало, что цель и самолет на одной высоте.

"Ну, Лобачевский!" -- восхищенно покачал головой Поддубный.

Маневрируя, он начал загонять метку цели в "лузу".

Но неожиданно она исчезла.

"Да, но куда ж девалась цель?"

Проходит секунда, вторая, третья...

-- Курс 270, высота 7.

Ясно -- самолет спикировал. Поддубный взял заданный режим. Снова метка цели, но уже в виде перевернутой буквы "Т". Цель находилась чуть выше. Поддубный немного взял ручку на себя. Расстояние уменьшалось. Вот снова появился крестик. Цель в "лузе". Взгляд на прицел... Огонь!

-- Атака произведена! -- сообщил Поддубный.

Гришин передал летчику курс на аэродром. В этот момент в телефонах послышалось:

-- Я -- Урал.

"Урал" -- это позывной генерал-майора Щукина. Так вот кто летал за контрольную цель!

-- Я -- Урал. Объявляю летчику благодарность.

-- Служу Советскому Союзу! -- передал Поддубный в эфир.

Двадцать минут спустя он приземлился.

-- Спасибо вам, Иван Васильевич, что не ударили лицом в грязь, -сказал полковник Слива, когда Поддубный вошел на СКП. -- Видите, не спится хозяину. Сам летает и нашу боевую готовность проверяет.

-- Лицом в грязь не ударил, но заслуга наша не велика: еще немного -- и генерал прошел бы. А все потому, что фарами мигаем, Семен Петрович. Дежурный штурман не годится. Либо тренировать надо, либо заменить.

-- Ваша правда, что-то надо делать. А вам, Иван Васильевич, спасибо. Очень плохо, если бы пропустили генерала.

Поддубный отправился в дежурный домик, нашел свободную кровать и, не снимая спасательного жилета, лег отдохнуть. Капитан Марков включил радиоприемник. Москва передавала последние известия. Потом начался концерт. Неожиданно Поддубный услышал сквозь дремоту слова диктора:

-- ...исполняет артистка Римма Голикова.

-- Римма?

Поддубный вскочил с кровати. Летчики удивленно переглянулись -- что с майором? Никому и в голову не пришло, как много значило когда-то для их майора это имя.

Римма Голикова... Наконец-то он услышал ее по радио... Услышал среди песков далекой пустыни...

Глава седьмая

После партийного собрания полковник Слива рассмотрел оба варианта предстоящего полета на предельную дальность. Недолго думая, он перечеркнул вариант Гришина и утвердил вариант Дроздова.

Гришин безропотно встретил это решение командира и с тихой покорностью принялся за выполнение его указаний относительно предварительной подготовки.

-- Пусть будет по-вашему, -- сказал он Дроздову, прибыв к нему в эскадрилью. Здороваясь, он подал комэску руку в знак того, что, дескать, отнюдь не обижается на критику на собрании.

Да, собрание сильно подействовало на Гришина. Еще бы! Ведь никто из коммунистов не поддержал его, если не считать инженера Жбанова.

Накануне дня предварительной подготовки замполит Горбунов собрал членов партийного бюро полка и попросил вместе с ними к себе в кабинет майора Поддубного.

-- Вот что, товарищи, -- сказал замполит, обращаясь к присутствующим. -- Мы сообща, всей партийной организацией, отвоевали полет за Каспий. Теперь мы должны позаботиться о

том, чтобы он прошел, как говорится, без сучка, без задоринки. В случае какой-либо неудачи Гришин обязательно подумает, что он один был прав, а вся партийная организация ошиблась. Я веду это к тому, чтобы оказать нашу партийную помощь командиру эскадрильи майору Дроздову. Прошу по этому поводу высказаться.

-- Разрешите мне, -- поднялся Поддубный. -- Неплохо было бы найти в полку летчика, знакомого с аэродромом, на котором предстоит совершить посадку.

-- Есть такой летчик! -- отозвался капитан Марков, который был членом партийного бюро и присутствовал здесь. -- Я садился дважды на том аэродроме, один раз ночью.

-- Вот и отлично! -- обрадовался Поддубный. -- Я хоть и не член бюро, но предлагаю, чтобы капитан Марков провел беседу с летчиками первой эскадрильи, рассказал им об особенностях аэродрома посадки, о подходах к нему, о прилегающей местности, ориентирах и тому подобном...

-- Нет, нет, товарищи, -- запротестовал Марков. -- У меня ведь своя эскадрилья, свои летчики.

-- Ну и что же?

-- Да чего ради я пойду в чужую эскадрилью?

Замполит поднял руку, требуя прекратить шум.

-- Вопрос ясен: я думаю, что не будет возражений против предложения коммуниста Поддубного, -- сказал замполит, обводя взглядом членов бюро.

-- Да нет же, товарищи, право, неудобно... -- возражал Марков, вытирая мокрое лицо платком.

-- А почему неудобно? -- пожал плечами замполит. -- Выступите с беседой как коммунист, выполняя партийное поручение.

-- Правильно! -- поддержали члены бюро.

-- Ну, как хотите, -- сдался наконец капитан Марков и повернулся к Поддубному: -- Сам вызвался, выходит.

-- Ничего, ничего. За дело надо браться сообща.

Члены бюро внесли еще ряд предложений по оказанию помощи командиру эскадрильи в подготовке людей и техники к столь ответственному полету и разошлись.

А на второй день замполит Горбунов и секретарь партбюро Донцов проверяли, как выполняются решения бюро. Донцов засучив рукава лазил по самолетам, заглядывая в открытые люки, помогая механикам осматривать и проверять спецоборудование.

Майор Гришин тоже находился в первой эскадрильи и тоже осуществлял контроль за ходом предварительной подготовки. Он, казалось, из противника превратился в ревностного сторонника

проложенного маршрута. Но когда утром, уже в день вылета, поступила метеосводка, в которой сообщалось, что в районе Каспийского моря восьмибалльная облачность, верхний край которой достигает десяти тысяч метров, Гришин насторожился.

-- Рискованно все же, -- сказал он, когда полковник Слива поинтересовался его мнением. -- Сейчас облачность достигает десяти тысяч, а через полчаса, возможно, поднимется еще выше. Пересекать море под облаками опасно, ведь по ту сторону -- горы. Лететь над облаками, почти в стратосфере, -- тоже весьма рискованно. Смотрите, Семен Петрович, чтобы не пришлось кому-нибудь из летчиков нырнуть в волны.

Полковник нервно задвигал усами.

-- В нашем летном деле, Алексей Александрович, без риска не бывает. А разве не подвергал себя риску генерал Щукин, летая ночью над песками? Однако летал. Да и я вот уже четверть века летаю... Волков бояться -- в лес не ходить...

-- Если так, то почему же вас интересует мое мнение? -- Гришин нахмурил брови.

-- Вы ведь штурман! -- вспылил полковник.

-- Можете поставить вопрос, чтобы меня сняли с должности.

-- Поставлю, когда найду нужным.

-- Благодарю за откровенность. Но сейчас я официально докладываю вам, что снимаю с себя всякую ответственность за данный полет. Мое решение твердое и окончательное.

Столкнувшись с таким решительным заявлением своего заместителя, полковник еще раз лично проверил расчеты. Топлива хватало, но в обрез. Достаточно эскадрилье уклониться от маршрута -- и летчики попадут в тяжелое положение. Об этом он предупредил Дроздова.

-- Не уклонимся! -- заверил тот.

-- Я в этом тоже уверен! -- поддержал Поддубный.

Вылет эскадрильи намечался на семь утра.

В половине седьмого, когда предполетная подготовка завершалась и летчики тренировались в кабинах самолетов, на СКП передали очередную метеосводку с борта самолета-бомбардировщика, который специально высылался на разведку погоды. Эта метеосводка подтверждала прежнюю.

-- Все решено -- вылетаем, -- заключил полковник.

Дроздов и Поддубный направились к стоянке самолетов.

-- А полковник малость колеблется...

-- Что ты хочешь -- дело ответственное...

-- И Гришин нажимает.

-- Недолго ему нажимать. Я его скоро окончательно сломаю. -- Поддубный похлопал друга по упругой жилистой спине.

-- Ломай, Иван Васильевич, ломай! А мы поможем.

Увидя двух майоров, направляющихся от СКП, летчики вылезли из кабин. В красных спасательных жилетах, в черных шлемофонах и перчатках, загорелые и обветренные, они выглядели фантастически.

-- Вылет в семь, как и намечалось, -- сообщил майор Дроздов. -- В районе Каспийского моря почти сплошная облачность. Будем идти над облаками на высоте одиннадцать-двенадцать тысяч, а то и выше. На маршруте, как передают из штаба, нас будут атаковать истребители. В "бой" вступать запрещаю. Ясно?

-- Ясно! -- хором ответили летчики.

-- Вопросы будут?

-- Нет.

-- Запасные аэродромы всем известны?

-- Всем!

Майор Дроздов поглядел на ручные часы.

-- По самолетам!

Летчики бросились к своим машинам.

Поддубный пожал Дроздову руку:

-- Счастливого пути, Степан Михайлович!

-- Привет Кавказу!

-- Спасибо.

Взлетала эскадрилья парами. За какие-нибудь пятнадцать минут самолеты взмыли в небо и, огибая аэродром, вереницей понеслись в северо-западном направлении. Вскоре они превратились в черные точки, а затем и вовсе растаяли в безграничном пространстве.

Проводив эскадрилью, Поддубный поехал в авиационный городок, чтобы проверить работу по оборудованию класса тактики и воздушного боя.

Эскадрилья приняла боевой порядок "клин". Замыкающая пара правого звена, которую вел старший лейтенант Телюков, летела чуть выше остальных. А весь строй напоминал лестницу, ступени которой поднимались все выше.

Земля скрылась в дымке. Слева высился Копет-Даг. Серый, с вертикальными ущельями, опускавшимися до самого подножья, он лежал среди пустыни, словно огромный, с клочьями облезлой шерсти тигр. Дальше Копет-Даг разрывался. Промелькнули его последние остроконечные ответвления. Эскадрилья взяла вправо, и через несколько минут серую равнину сменила зеленовато-прозрачная гладь воды.

Это был залив Кара-Богаз-Гол. За ним по курсу клубились облака.

Все чаще появлялись истребители-перехватчики. Не встречая

противодействия, они вели себя довольно нагло, лезли под самые хвосты, фотографируя самолеты своими фотопулеметами. Особенно часто атаки направлялись против замыкающей пары Телюкова. Завзятый летчик-истребитель Телюков не мог терпеть "противника" в хвосте и невероятным напряжением воли сдерживал себя от попытки совершить хотя бы одну контратаку.

-- Выдержка, Телюков, выдержка! -- передавал майор Дроздов по радио, отлично зная натуру подчиненного.

Разведчик погоды дал правильную сводку: пока что облака достигали десяти тысяч метров и только кое-где были немного выше. Высоту полета пришлось увеличить.

Летя над землей на большой высоте, летчики почти не ощущали скорости. Теперь, благодаря близости облаков, напоминавших причудливое нагромождение горных кряжей, покрытых вечными снегами, это ощущение стало реальным, острым. А ощущение высоты, наоборот, уменьшилось. Только приборы, контролирующие полет, напоминали о том, что эскадрилья идет в стратосфере.

Атаки не прекращались и над морем. Стрелками пронизывали перехватчики облачную толщу и все атаковали и атаковали эскадрилью. Опытный командир майор Дроздов видел среди атакующих и бывалых воздушных воинов и таких, которые только пробовали свои силы. Но уже одно то, что они пробивали облака над морем и выполняли атаку в стратосфере, говорило само за себя. Порой Дроздов, хотя у него не было оснований сомневаться в мастерстве своих летчиков, одолевала зависть.

Пара старшего лейтенанта Телюкова начала вдруг отставать.

-- Подтянуться! Как поняли? -- кодом радировал Дроздов.

Ответа Телюков не дал.

-- 89! Подтянуться! Я -- 45.

Молчание.

"Неужели отказало радио?" -- мелькнула мысль.

-- Телюков, подтянуться! -- подал еще раз команду Дроздов, пренебрегая кодом.

Ответа не последовало.

"Что за черт! А не перевел ли он радиоаппаратуру на канал перехватчиков?"

Предположение Дроздова подтвердилось. Телюков преспокойно вел переговоры с атаковавшими его летчиками.

-- Эй вы, герои! -- дерзко кричал он. -- Молитесь аллаху, что нам не разрешено вступать в бой, а то я бы вам показал, где в Каспийском море раки зимуют.

-- Гляди, чтобы сам не побывал там, вояка! -- столь же дерзко отвечал летчик, который, видимо был под стать Телюкову.

-- Прекратить болтовню! -- резко оборвал Дроздов. -- Перейти на свой канал, 89! Чего какафонию разводите? Я -- 45!.

Телюков замолчал.

Майор Дроздов переключился на свой канал.

-- Как слышите меня, 89?

-- Я -- 89. Вас слышу отлично.

-- Будете наказаны за нарушение радиодисциплины!

-- А чего он лезет прямо под хвост самолета?

-- Замолчите!

Эскадрилья шла вперед и вперед.

Облачность постепенно снижалась и редела. Сквозь образовавшиеся "окна" начали проступать черно-зеленые куски. Это уже был западный берег Каспия. Майор Дроздов установил связь с аэродромом посадки, узнал о посадочном курсе аэродрома, о направлении круга над ним и обо всем, что необходимо для посадки самолетов на "чужом" аэродроме.

Спустя несколько минут эскадрилья приземлилась. Летчики пустыни любовались местностью, сплошь покрытой травами и лесами. Будто на иную планету попали.

-- Рай. Ей-богу, рай! -- восхищался Телюков, оглядываясь вокруг. Туго прилегающая кислородная маска отпечатала на его щеках и переносице темно-красную дугу, казалось, что он ел арбуз...

Класс тактики и воздушного боя приобретал вид довольно сложной и интересной лаборатории.

Лейтенант Калашников заканчивал диораму воздушного боя. Техник-лейтенант Гречка с помощью двух младших авиационных специалистов цепляли к проволоке, протянутой под потолком, модели бомбардировщиков и истребителей. Модели воспроизводили разнообразные варианты атак и боевых порядков.

Посреди класса стоял похожий на бильярд ящик. Это был макет района полетов с аэродромом, населенными пунктами, дорогами и другими наиболее характерными ориентирами. На стенах висели пока еще не заполненные витрины с объявлениями: "Что читать по тактике воздушного боя", "Учись метко стрелять", "Из истории авиации" и другие.

Поддубный перелистывал страницы журнала "Вестник воздушного флота", подбирая нужные статьи.

Вокруг лежала гнетущая тишина.

-- Перед бурей, что ли? -- Гречка выглянул в окно. -- Ей-богу, ураган приближается! -- крикнул он.

Поддубный насторожился -- ведь эскадрилья Дроздова недавно вылетела в обратный путь. Отложив журнал, он вышел во двор. Гречка не ошибся: с юго-востока к солнцу подползала

черная туча.

-- Закрыть окна! -- распорядился Поддубный. -- Афганец идет!

Он выбежал на дорогу, надеясь встретить попутную машину. Туча уже заслонила солнце. Из ослепительно сияющего оно сразу превратилось в тусклый, кроваво-багровый диск. На землю опустились сумерки. Словно из жарко натопленной печи, дохнуло горячим воздухом. Задымили песчаные сугробы, запахло пылью.

Ни одна машина, как назло, не показывалась. Но вот из-за коттеджа вынырнула "Победа". Поравнявшись с майором, Челматкин резко затормозил.

-- На аэродром? -- спросил он.

-- А вы где были?

-- Начальника штаба привозил.

-- Давай скорее!

"Победа" мчалась с предельной скоростью.

Движение воздуха усиливалось. Неразличимы стали очертания даже близлежащих барханов.

Казалось, пустыню подожгли и она вот-вот вспыхнет сплошным пожарищем.

-- Скорее, скорее! -- торопил майор шофера.

-- Да уже и так восемьдесят километров.

-- Давай!

На стоянках суетились авиационные специалисты, пришвартовывали самолеты и увязывали веревками чехлы, чтобы их не сорвало ветром. Проскочив мимо стоянки, Челматкин пересек рулежную дорожку и резко затормозил у СКП. Поддубный выскочил из машины и наткнулся на Гришина.

-- Видите! -- воскликнул тот, махнул рукой на будку СКП, где хлопал по ветру флаг Военно-Воздушных Сил и с бешеной скоростью кружились полушария аэрорумбометра. -- Буря! Ураган! Афганец! -- в голосе штурмана слышалось отчаяние.

Полковник Слива стоял на своем месте. В одной руке он держал трубку микрофона, в другой -- трубку телефона. Неизменная люлька лежала на столике потухшая. Невозможно было понять, по радио или по телефону отдавал он приказы:

-- Включить неоновый маяк!

-- Прожекторы на старт!

Расспросы излишни -- эскадрилья Дроздова не перенацелена на запасный аэродром, она должна сесть здесь, на своем аэродроме.

-- Товарищ полковник, разрешите выехать с запасной радиостанцией на дальний привод, -- обратился Поддубный к командиру. -- Я буду нацеливать самолеты на посадочную полосу.

-- Поезжайте.

-- Есть!

Спускаясь по ступенькам вниз, Поддубный слышал, как полковник информировал майора Дроздова по радио о том, что на дальний привод отбыл с радиостанцией его помощник.

Запасная стартовая радиостанция стояла наготове, но шофера не было в кабине -- он побежал помогать авиационным специалистам; никогда еще не случалось, чтобы запасную радиостанцию гнали за пределы аэродрома. Майор Поддубный сам сел за руль. У него была только одна мысль: не застрять в дороге! Увидя завалы песка, он давал газ, разгонял машину, и она таранила колесами свежие песчаные сугробы. Радист колотил кулаком в будку, сигналя шоферу, чтобы тот ехал тише, а то попортит аппаратуру.

Прошло несколько минут, и впереди показался маленький приземистый домик. Это и был дальний привод -- радиостанция, которая служит для привода самолетов на аэродром посадки в сложных метеорологических условиях.

-- Пробуйте радиостанцию! -- распорядился Поддубный, выскакивая из кабины.

Механик запустил двигатель.

-- Действует! -- доложил радист спустя несколько минут.

-- Связь с самолетами!

-- Есть связь!

-- 45! -- вызвал Поддубный Дроздова. -- Я -- 24 на дальнем приводе! Как слышимость?

-- Я слышу вас отлично, -- спокойно радировал Дроздов. -- Включите стартовые огни.

-- Уже включили, -- вмешался в переговоры полковник Слива.

-- Я -- 45 над вами. -- передал Дроздов.

-- Я -- 24. Вас вижу.

-- Я вижу неоновый маяк.

Поддубный пристально вглядывался в небо и неожиданно сквозь тусклую мглу обнаружил бортовые огни самолета.

-- Я -- дальний привод. Вижу огни самолета.

-- Вижу стартовые огни, -- передал Дроздов, идущий уже где-то над ближним приводом.

Полковник передал дополнительную информацию о силе и направлении ветра.

В воздухе проплывали бортовые огни очередного самолета. Следом пошел третий, четвертый... Поддубный следил за ними и корректировал:

-- Полоса правее.

-- Немного левее.

-- Вот так.

Старший лейтенант Телюков пропустил вперед своего ведомого и выполнял посадку последним.

-- За меня не беспокойтесь. Мне все видно.

-- Хватит бахвалиться, следите за огнями, -- предостерегал его Поддубный. -- Чуть левее. Вот так. Прошли дальний привод.

Так с помощью системы слепой посадки и двух радиостанций, поддерживающих связь с самолетами, а также благодаря прожекторам, освещавшим взлетно-посадочную полосу, эскадрилье удалось благополучно приземлиться.

-- Молодцы! Я вами горжусь! -- говорил растроганный полковник, обращаясь к летчикам. Он обнял майора Дроздова и расцеловал его. Расцеловал он и майора Поддубного, как только тот прибыл. Все торжествовали победу. Один майор Гришин стоял в стороне. Не то чтобы он сожалел, что все обошлось так гладко. Нет, он, конечно, не хотел неприятностей. Он искренне переживал за полк и беспокоился о людях. Просто Гришин никак не мог прийти в себя после всего, что произошло. Ему все еще казалось, что только чистая случайность помогла обойтись без жертв.

Майор Дроздов взял Поддубного под руку.

-- А здорово ты придумал с радиостанцией. Мне кажется, что вообще не мешало бы каждый раз назначать помощника руководителя полетов на дальнем приводе, особенно при ночных полетах, и иметь там постоянную радиостанцию.

-- Я и сам убедился, что это стоящая идея. Не знаю, как она в такой ответственный момент пришла на ум...

-- О, у тебя голова на плечах, Иван Васильевич! -- вырвалось у Дроздова.

-- Будет тебе!

-- Ей-богу. Ты мне верь как другу. Кстати, поехали ко мне. Вера Иосифовна приготовила нам ванну. Согласен?

-- Согласен.

Черная буря неистовствовала, стонала и завывала на все лады.

Вера Иосифовна затворила ставни и завесила окна мокрыми простынями, чтобы в комнату не проникала пыль. Включив свет и вентиляторы, она принялась дошивать Поддубному белый китель. Портного в гарнизоне не было, и она вызвалась сшить китель.

-- Ты уж, Верочка, постарайся, -- просил жену майор.

-- Попытаюсь. Что-нибудь да получится.

Жила семья Дроздовых в мире и согласии. Вера Иосифовна -- солдат периода войны, авиационный оружейник по специальности -- стала верной женой летчика, самолет которого обслуживала на фронте. На фронте они и поженились. В один из

нелетных дней отпраздновали свадьбу всем полком; Семен Петрович, тогда еще подполковник, был посаженым отцом. Свадьба прошла по всем правилам -- за столом произносились тосты, гости кричали "горько", смущенные молодожены покорно целовались.

Находились скептики, которые не верили, что создается крепкая, дружная семья. "Поживут немного, да и разойдутся", -- утверждали они. Но летчик и оружейница-солдат зажили дружно, хорошо, крепко полюбив друг друга. Правда, иной раз не обходилось и без ссор и споров -- в семье всякое бывает. Нет-нет да и теперь поругаются. Большей частью по вине Веры Иосифовны. Портил ее один недостаток: любила позлословить с соседками. Разведет сплетни, Дроздов узнает и отругает ее. Выплачется Вера Иосифовна, притихнет на время, а потом снова за свое.

Последний неприятный разговор произошел между супругами по поводу Поддубного.

-- Говорят, что Иван Васильевич повадился к Жбановой.

-- Говорят... А ты и уши развесила?

-- Что ж прикажешь -- заложить их ватой?

-- По крайней мере, язык держать за зубами.

Вера Иосифовна вела свое:

-- Чудак Иван Васильевич, не знает, что дочь полковника любит его.

-- Да ты-то откуда об этом знаешь? -- искренне удивился Дроздов.

-- Знаю!

-- Ой, Вера, когда ты перестанешь разводить сплетни?

-- А я и не думаю их разводить. Просто считаю, что Лиля как раз ему пара.

-- Не вмешивайся, Вера, не в свое дело!

Вера Иосифовна знала, что ее муж вылетел сегодня, но не сомневалась, что его посадили где-нибудь на другом аэродроме. Утихомирится буря, и летчики прилетят. Так бывало не раз.

Вовка -- семилетний сынишка Дроздовых -- такой же худощавый, как отец, с непокорным вихорком на крутом лбу, устроился на полу и оклеивал бумагой каркас самолета, который смастерил ему отец. Работа захватила мальчика. Вовка родился и рос в авиационном городке. Мальчик был твердо убежден, что каждый человек, если он так же смел, как его папа, должен летать, и он, Вовка, тоже, конечно, будет летать. Ему, собственно, не привыкать -- он уже дважды летал к бабушке в гости. Не на настоящем, не на реактивном, а на пассажирском, винтомоторном самолете, но все же летал и тучи видел близко -рукой подать. И вовсе не страшно. Некоторых пассажиров в самолете тошнило, даже маме было плохо, а Вовка -- вдвоем с папой -- держались героями.

Хлестал в ставни песок, гудели вентиляторы, мерно стучала швейная машинка. И вдруг в эти звуки вплелся еще какой-то гул. Вера Иосифовна прислушалась. Гул нарастал. Так и есть -- самолеты... Неужели Степан со своими летчиками?

Вера Иосифовна накинула на плечи плащ, надела очки-консервы и вышла на крыльцо. В лицо ударил колючий песок. Самолеты гудели над аэродромом -видимо, не могли приземлиться...

Веру Иосифовну охватил страх. Сбежав с крыльца, она помчалась к коттеджу полковника, чтобы позвонить по домашнему телефону на аэродром. Вернулась минут через десять, узнав, что самолеты благополучно приземлились.

Вовки на прежнем месте не оказалось.

-- Вовка, где ты?

Она заглянула под кровать, в ванну.

-- Где ты, Вова?

Молчание.

Вера Иосифовна выбежала на крыльцо:

-- Во-ва! Во-о-ва!

Порывистый ветер подхватывал слова и как бы глушил их.

-- Во-ва! -- в отчаянии закричала вконец испуганная женщина.

Вовка, оказывается, решил испытать свой самолет. Он вышел из дому и запустил его, а буря закрутила, завертела и понесла.

Мальчик побежал за самолетом, прикрывая глаза руками, ничего не видя, ничего не соображая. Вскоре он очутился на берегу высохшей речки. Ветер свалил с ног, покатил вниз. Мальчик с трудом поднялся и тут же упал снова.

Кто знает, чем бы окончилась эта история, если бы на ребенка случайно не наткнулся лейтенант Байрачный. Увидя мальчика, он подхватил его на руки.

-- Ты чей будешь и как сюда попал?

-- Самолет, -- хныкал Вовка.

-- Какой самолет? Домой надо, а то пропадешь...

Вовка свое:

-- Самолет, где мой самолет?

-- Ну, брат, шалишь! Я тебя уже не выпущу.

-- Где самолет? -- отчаянно заревел Вовка, яростно сопротивляясь и норовя укусить в руку непрошеного спасителя.

-- Ишь, бедовый какой! Вот я матери расскажу...

-- Где самолет? -- ревел Вовка, выплевывая песок.

Байрачный принес упиравшегося мальчишку домой. Вера Иосифовна нашлепала сына и повернула заплаканное лицо к Байрачному.

-- Спасибо вам, лейтенант, большое спасибо! Вот разбойник! Не успела отвернуться, как он выскочил во двор. Так бы и замело его песком, не будь вас... Спасибо!

Байрачный, передав матери сына, пошел своей дорогой.

Наконец приехали Дроздов и Поддубный. Вера Иосифовна в это время купала все еще хныкающего сына.

-- Упустил свой самолет и погнался за ним, -- рассказывала она мужу. -Счастье, что его обнаружил лейтенант Байрачный и принес домой. Так он, Вовка, чуть руки ему не искусал. Вот разбойник!

Майор Дроздов нежно любил сына, гордился им.

-- Если так, Вова, -- сказал он, -- значит, никогда больше я не буду мастерить тебе самолеты.

-- Я и сам смастерю, -- буркнул мальчик, косо поглядывая из ванны.

-- Не сумеешь!

-- А вот и сумею!

-- Приготовь, Вера, и для нас ванну, -- обратился Дроздов к жене. -Вся голова в песке, и в ушах полно, и на зубах трещит...

-- Я сейчас, -- ответила Вера Иосифовна и вышла из комнаты.

Пока мужчины мылись, она вшила рукава. Оставалось прострочить их, и китель готов.

-- А ну-ка, идите сюда, Иван Васильевич, примерим, посмотрим, что у нас получилось, -- окликнула его Вера

Иосифовна.

Поддубный осторожно, чтобы не разорвать швы, надел китель. Подвигал плечами, прошелся по комнате.

-- По-моему, хорошо, Вера Иосифовна. Придется, видно, покупать духи!

-- Уж я так старалась, так старалась. Вот только не знаю, к радости или к печали сшила я вам китель. Она и без того пропадает...

-- О чем вы, Вера Иосифовна?

-- Не о чем, а о ком. Да вы будто не знаете? Вот какой. А ну, застегните воротник.

-- Я не знаю.

-- Сказать?

-- Скажите.

Вера Иосифовна с опаской посмотрела на дверь в соседнюю комнату -- как бы не услышал муж. Но тот был занят сыном.

-- Про Лилю я, Иван Васильевич. Очень она хорошая девушка.

-- Ого! Оказывается, обо мне уже слушок пошел... Ну, ну, я вас слушаю.

Вера Иосифовна сделала вид, что рассердилась, нахмурила брови.

-- Не слушок, а разговоры...

-- В общем -- перемывают косточки.

-- Нет, Иван Васильевич... Я серьезно. Скажите прямо, по-дружески: до каких пор будете холостяком ходить? Я от души посоветовала бы вам приглядеться к Лиле. Ее здесь все любят. Она чудесная девушка и на поре к тому же...

-- Вы что... по ее поручению?

-- Да что вы, Иван Васильевич! -- спохватилась хозяйка дома. -- Да разве такая, как она, позволит себе?.. Что вы такое говорите... Она девушка скромная, совестливая...

-- Откуда же вы знаете, что Лиля... согласилась бы...

-- Чудак вы, как я на вас погляжу! Любовь не шило, в мешке не утаишь... Скрывай, прячь, а она в каждом слове, в каждом жесте проскальзывает...

-- Один раз я поверил... Да вот...

-- Боитесь?

-- Пожалуй.

-- Испугались, что она дочь командира полка?

-- Откажет -- сраму на весь полк не оберешься...

-- Не откажет! -- уверенно сказала Вера Иосифовна. -- Если вы согласны, я поговорю с ней, ну?

-- Нет, не согласен. Спасибо вам, но зачем это? У нее уже есть...

В дверях показался майор Дроздов. Остановился, головой подпирая косяк.

-- Что-то больно долго вы меряете китель, Иван Васильевич, а?

Вера Иосифовна поспешно переменила тему разговора:

-- Сейчас я пристрочу рукава и можете забирать. Правда хорошо, Степа? -- повернулась она к мужу.

-- Отлично, Верочка! Ты у меня молодчина!

В холодильнике была припасена Дроздовым бутылка шампанского. Он хранил ее на случай встречи с дорогим гостем. Но разве для него существует теперь кто-нибудь дороже Поддубного? Да и день-то какой! Вон куда махнули с эскадрильей -- за Каспий! А тут буран начался... Как никак, а поволноваться пришлось изрядно. Случись неприятность, Гришин снова потянул бы Семена Петровича... Тогда уж не вырваться полку из прорыва.

Дроздов достал заиндевевшую бутылку с серебряным горлышком, похлопал по ней ладонью:

-- Освежимся?

-- Можно.

Офицеры сели за стол. Дроздов достал из буфета бокалы, плитку шоколада и начал раскупоривать бутылку. Как раз в тот момент, когда вырвалась пробка и раздался хлопок, вошел замполит Горбунов. Сдвинув на лоб очки, он сказал:

-- А я стучу, стучу и удивляюсь, что мне никто не отвечает. Оказывается, обитатели дома сего заняты важным делом...

Дроздов торопливо, чтобы не пролилось шампанское, наполнил один, а затем и второй бокал.

-- Так, так, -- затоптался у порога замполит, чувствуя, что пришел не вовремя.

Дроздов протянул ему свой бокал:

-- Прошу, Андрей Федорович! Сегодня с Кавказа привез бутылочку.

-- Да ну? -- удивился замполит не веря.

-- Да... С вершины Казбека снял...

-- А может, орел в кабину подбросил? -- ответил Горбунов шуткой на шутку.

Дроздов достал третий бокал. Офицеры выпили и закусили шоколадом.

-- А я к вам, Степан Михайлович, по делу, -- сказал замполит. -- Только что звонили из редакции газеты и просили, чтобы вы подробно описали подготовку к полету и сам полет.

Дроздов поглядел на пустую бутылку:

-- Жаль, что нет другой. Маловато.

-- Хорошего понемногу, -- заметил Поддубный. -- Вы лучше

садитесь за статью, Степан Михайлович!

-- Я? За статью? Да какой из меня писатель? Нет уж, избавьте! Я лучше слетаю еще десять раз в любую пургу, чем потешать редакторов и читателей.

-- Зачем же потешать? Напишите о своем опыте, -- настаивал замполит.

Дроздов втянул голову в плечи и расхохотался.

-- В том-то и дело, что я уже этим занимался. Это было в первые годы войны. Служил я тогда в полку У-2, то есть, по теперешнему названию, По-2. На одном самолете во время бомбометания зависла бомба. Видя, что гостинец, приготовленный гитлеровцам, не сбросился, штурман вылез из кабины и, придерживаясь руками за ленты-расчалки, пошел по плоскости и сапогом сбил бомбу с держателей. Я в то время активно военкорничал, был молод, энергичен. Взял, да и написал в армейскую газету о героическом поступке штурмана. Ведь подвиг-то действительно был героический! И поместили мою заметку на самом видном месте, на первой странице. Да только вкралась досадная опечатка. Вместо ленты-расчалки появилось в газете "ленты-вращалки". Звучало это со страниц газеты примерно так: "Штурман такой-то взялся руками за ленты-вращалки..." Боже ты мой! -- схватился Дроздов обеими руками за голову. -- Как прочли об этих вращалках, так весь полк и схватился за бока от смеха. А подпись-то под заметкой моя! "Эй, Дроздов, а ну-ка покажи на самолете ленты-вращалки!" -- подтрунивали товарищи. А штурман -- тот бедняга чуть не плачет: "Эх, лучше бы ты, товарищ Дроздов, вовсе не брался не за свое дело, -- сокрушался он. -- Ну кто теперь поверит, что я действительно вылезал на плоскость, да еще над войсками противника?" Долго, очень долго потешались над моей злополучной заметкой. С тех пор мне как по рукам дали. Кроме писем домой да служебной документации, ничего не пишу.

Слушая Дроздова, замполит и Поддубный вволю насмеялись.

-- Ну ничего, -- сказал замполит, успокаивая Дроздова. -- Ошибки бывают. А вы все же напишите статью.

-- Конечно, пиши, Степан Михайлович, -- настаивал Поддубный.

После долгих уговоров Дроздов все же согласился и начал рассказывать о сегодняшнем полете.

-- Все обошлось хорошо, Телюков только дурачился. Наказать его еще, что ли? Понимаете, переключился на канал перехватчиков и кричит: "Я бы вам показал, где в Каспийском море раки зимуют!"

Замполит вздохнул:

-- Наказать подчиненного -- штука нехитрая, Степан Михайлович. Куда сложнее добиться того, чтобы некого и не за что было наказывать. Вот о чем мы, начальники, должны заботиться. Поговорите с Телюковым по душам, пристыдите его при всех летчиках на разборе полетов. Кстати, и в статье обязательно упомяните о нем, как о нарушителе дисциплины в воздухе. Дойдет, уверяю вас! Из газеты все летчики соединения узнают, кто именно болтал по радио и задирался.

-- Упомяну, обязательно упомяну. Да еще приписку сделаю для редакции, чтобы не вздумали вычеркивать его имени.

Проводив гостей, Дроздов сел за статью.

"Вот тебе и раз, -- подумал Поддубный, возвращаясь домой и вспоминая свой разговор с Верой Иосифовной. -- Никому и намеком не выразил свои чувства к Лиле, а в гарнизоне уже все известно. Эта новость может докатиться до Семена Петровича, до Телюкова... Фу, как нехорошо..."

Глава восьмая

Песчаная буря -- эта непрошеная, злая и суровая гостья пустыни, вновь принесла жителям Кизыл-Калынского гарнизона уйму забот и хлопот. В каждом коттедже семьи занялись уборкой.

Целый день трудилась Лиля -- выколачивала ковры и дорожки, протирала от пыли мебель, мыла окна и полы. А вечером взяла лопату и начала разгребать песчаный сугроб, образовавшийся у палисадника. Потом она расчистила оросительные лунки и канавки, полила деревья.

Управившись со всеми этими работами, девушка вошла в душевую, оборудованную за коттеджем, разделась, отвернула вентиль. Нагретая за день вода брызнула на голые плечи, потекла по спине, по ногам.

Выкупавшись и переодевшись, Лиля приготовила для больной матери кофе, сама выпила стакан и, ощутив усталость, сразу же отправилась на веранду, где обычно спала на раскладушке у открытого окна.

Но в этот вечер она никак не могла уснуть. Ее не оставляла тревога. Сообщение Лизы Жбановой о том, что Телюков якобы умышленно стрелял по самолету Поддубного, оставило горький осадок. В минувшую ночь, когда за окном завывала и бесновалась буря, Лиля видела во сне Поддубного, спасавшегося на парашюте. Проснувшись, она прошептала: "Да, Телюков стрелял умышленно".

Девушка не раз намеревалась спросить об этом у отца, но непонятное чувство сдерживало ее. Она приходила в отчаяние от мысли, что ее любимый может погибнуть, и она, Лиля, невольно станет виновницей его гибели. Сама ведь тогда, на танцах,

спросила у Телюкова о майоре...

Лиля хорошо понимала, что такое ревность и до чего она может довести таких отчаянных людей, как Телюков. Этот не остановится ни перед чем. И девушка искала выхода их сложного положения, в котором внезапно очутилась. Самое разумное, конечно, было бы уехать из Кизыл-Калы куда-нибудь, хотя бы к тетке на Полтавщину... Но матери все еще нездоровилось -- на кого она оставит ее? Это -- одно. Второе -- с того мгновения, как Лиля услышала о нелепом поступке Телюкова, Поддубный стал для нее еще более близким, родным, дорогим. Лиля полюбила его по-настоящему, всей душой, всем сердцем. Он не выходил у нее из головы, она мечтала о нем, с замиранием сердца ждала момента, когда он придет к отцу, сядет под карагачем и начнет беседовать о своих летных делах...

Что же делать?

Девушка давно собиралась поговорить с Телюковым, сказать ему, что она очень его уважает и ценит дружбу с ним, но быть его женой не может. Сердцу не прикажешь, он должен это понять.

Нет, не поймет!

И вообще, как сказать так прямо, в глаза: "Я тебя не люблю, и ревность твоя напрасна".

Но что же остается в таком случае? Предупредить Поддубного, чтобы тот был осторожнее? А вдруг он спросит: "Собственно, почему вас так беспокоит моя судьба?" Что она должна будет ответить? Он ведь еще, чего доброго, подумает, что дочь командира полка ищет повод для признания в любви?

После долгих и мучительных размышлений Лиля решила сказать Поддубному, чтобы тот не ходил к ним и не засиживался с отцом под карагачем, понапрасну не дразнил Телюкова. Правда, она чувствовала, что незаслуженно обидит его, но иного выхода нет. Это самое благоразумное, если только она хочет предотвратить нависшую над любимым человеком опасность. А там видно будет... Время покажет...

Итак, окончательное решение созрело. Но оно-то больше всего и волновало сейчас Лилю. Она поднялась с постели и некоторое время сидела не двигаясь. Огни в коттеджах погасли. Над карагачем, словно купол шелкового парашюта, висела луна. Ее сусальный свет проникал сквозь листву винограда, отражаясь на полу тусклым, зыбким узором. В небе тремя столбами покачивались лучи прожекторов, освещая в своем скрещении белую стрелу-самолет.

Лиля, накинув на плечи халат и сунув ноги в тапочки, тихо, чтобы не разбудить мать, вышла из дому. Прожекторы вели самолет в сторону Копет-Дага. Очевидно, самолет атаковали

истребители, только их не было видно.

Вдруг с правой стороны блеснули фары автомобиля. Два параллельных луча достигли противоположного конца переулка, выхватывая из темноты телефонные столбы, ограды, фронтоны коттеджей. "Отец!" -- подумала Лиля и спряталась за дерево.

Заскрипели тормоза -- машина остановилась. Вышел Челматкин и, открыв калитку, направился к крыльцу. Еще кто-то вышел из машины. Остановился, достал спички, щелкнул портсигаром. Вспыхнул огонек, и Лиля узнала Поддубного. Он был в кожаной куртке, в бриджах, на руке держал шлемофон.

Челматкин постучал. Дверь отварилась не сразу.

-- Полковник просил, чтобы передали ему табак, -- сказал шофер Харитине Львовне.

-- Входите, я сейчас передам, -- ответила она из прихожей.

Лиля не решалась выдать свое присутствие. Она вся дрожала, руки ее были холодны как лед.

Вскоре Челматкин уехал, а Поддубный направился к себе домой, и в тот момент, когда он проходил мимо палисадника, Лиля тихо окликнула его.

-- Вы, Лиля? -- удивился Поддубный.

-- Тише...

-- Почему вы не спите так поздно?

-- Я... просто вышла...

Лиля заранее приготовила и обдумала слова, которые, пользуясь удобным случаем, должна была сказать Поддубному. Она даже перевела их мысленно на английский язык, боясь, что кто-то подслушает их разговор. Но в последний момент, когда она приблизилась к нему вплотную, мужество оставило ее. Ее показалось, что ее так называемое "окончательное решение" глупое и фальшивое.

-- Да... я вышла... -- повторила она чуть слышно, не находя других слов.

Поддубный решил, что с девушкой что-то произошло и она поэтому так сильно взволнована и расстроена.

-- Сядьте, Лиля, -- сказал он мягко, усаживая девушку на скамейку, и сам присел рядом. -- Я читал афишу -- в субботу концерт художественной самодеятельности.

Он умышленно заговорил о концерте, чтобы отвлечь внимание девушки от того, что так встревожило ее.

-- Да, мы приготовили концерт, -- с трудом вымолвила Лиля и снова замолчала. Ей вдруг стало мучительно стыдно... Одна в такое позднее время, полуодета, что он подумает о ней?

-- Меня, Иван Васильевич, -- начала она нерешительно, -- очень волнует одна вещь... Вы ходите по вечерам к отцу...

-- Вам это неприятно? -- вырвалось у Поддубного.

-- Конечно, нет, но... я хочу, чтобы вы правильно поняли меня. -- Лиля перешла на английский язык... -- Ведь по вашему самолету умышленно стрелял Телюков...

"Она встревожена из-за меня... неужели права была Вера Иосифовна?" -подумал Поддубный, загораясь надеждой.

-- К счастью, -- продолжала Лиля, -- он промахнулся. Но ведь могло быть иначе...

-- Что вы, Лиля! -- удивился он. -- Вы ошибаетесь. Просто у Телюкова было намерение отбить мишень и он осуществил его.

-- Он стрелял по самолету, но промахнулся.

-- Вы ошибаетесь, Лиля. Кроме того, у Телюкова промахов не бывает. Он летчик особенный... Вы напрасно волнуетесь...

-- Может быть... Но все-таки...

-- Вы не хотите, чтобы я ходил к вам?

-- Да. Я просила бы вас об этом, -- вымолвила Лиля вопреки желанию, каким-то чужим голосом. Она тут же поднялась и поспешила к калитке.

Если бы Поддубный попытался удержать ее, то, пожалуй, она убежала бы, смутившись, почувствовав себя счастливой. Но он, как ей показалось, легко примирился с ее решением, да вдобавок еще расхваливал Телюкова. "Зачем это?" -- с огорчением спрашивала себя Лиля, остановившись у калитки. -- Да ведь он безразличен ко мне... А я, глупая, чуть не призналась ему в любви...

И вот награда: иди спать и ничего плохого не думай о Телюкове. Он сам толкает меня в объятия другого... Неужели он воспринял мое предупреждение, как прямой намек?"

Любовь, стыд, жаркая обида -- все это клубком сплелось в голове девушки. Она шарила рукой по доске, искала задвижку, чтобы отпереть калитку, и не находила ее в темноте...

Но еще большее волнение охватило Поддубного. Как понять ее слова? О ком же она тревожится? О Телюкове? Или о... нем самом? Лиля, его втайне любимая Лиля, да неужели же она любит его?

Он поспешил к ней.

-- Лиля...

-- Оставьте меня! -- сердясь на себя, сказала она, вздрагивая от рыданий.

-- Что с вами, милая вы моя? -- Он осторожно повернул ее к себе. -Скажите мне всю правду. Что вас мучит?

Лиля прижалась к его груди мокрым лицом, и он, оцепенев от счастья, вдыхал запах ее волос. Молча он повел ее снова к скамейке под карагачем.

Она покорно шла за ним, уже не владея собой, уже не умея дальше скрывать свои чувства...

Долго сидели они, прижавшись друг к другу. Поддубный целовал ее холодные пальцы, согревал их в своих больших теплых руках.

-- ...Подумать только, все это время ты так мучилась...

-- Я не знала, что со мной...

-- А я, Лиля, полагал... Да, я полагал, что ты любишь Телюкова и что я невольно стал вам помехой. А это нехорошо. Не к лицу мне это... Лиля! Ведь я начальник...

-- Начальник... -- Лиля усмехнулась невесело.

В небе погасли прожекторы. Умолк рокот самолетов. Потянуло ночной свежестью.

-- Пора. Скоро отец возвратится.

-- Да, пора... Но как трудно уходить от тебя.

-- Придешь на концерт?

-- Приду, родная.

-- Приходи. Я буду ждать.

Они расстались, когда между коттеджами засверкали огни возвращающихся с аэродрома автомашин. Лиля бесшумно пробралась к себе, нырнула под одеяло, а Поддубный поспешил домой, ощущая на своих губах теплоту Лилиных поцелуев.

Вряд ли перед своим первым самостоятельным полетом волновался Байрачный так, как сегодня перед началом концерта художественной самодеятельности. Правда, замполит Горбунов и начальник клуба Фельдман, присутствовавшие на генеральной репетиции, одобрили все номера программы. Но то было при пустом зале, а теперь яблоку негде упасть -- столько набилось народу. Многие из солдат не смогли протиснуться в зал и толпились у открытых окон. Играл самодеятельный духовой оркестр.

Передние ряды занимали офицеры со своими семьями. За кулисами волновались артисты. Все ждали командира полка. Но вот и он появился со своей женой, сел в середине первого ряда.

-- Внимание, товарищи, внимание! -- обратился Байрачный к участникам самодеятельности и подал знак, чтобы подняли занавес.

-- Начинаем концерт художественной самодеятельности. А чтобы наши актеры не дремали, дружно похлопаем им! -- бросил Байрачный в зал заранее приготовленную реплику, уверенный, что конферансье непременно должен смешить зрителей.

Но реплика, к сожалению, не вызвала ожидаемой реакции. Кто-то отпарировал:

-- Смотрите, чтобы зрителей сон не сморил!

-- А мы объявим тревогу, -- нашелся Байрачный, и первое неприятное ощущение оставило его -- в зале послышался смех.

Концерт начался довольно оригинально. Из-за кулис вышла маленькая девочка с длинными, туго заплетенными косичками.

-- Выступает старейшина нашего самодеятельного коллектива Назык Бабаева. Она исполнит...

Голос конферансье потонул в бурных аплодисментах -- всем понравилось такое начало.

-- ...она исполнит красноармейский марш.

Назык впервые в жизни приходилось выступать перед такой большой аудиторией. Выйдя на сцену, она было попятилась назад, оробела. Но кто-то из-за кулис легонько подтолкнул ее к роялю.

-- Начинай, Назык, не стесняйся, здесь нет чужих, все свои, полковые, -- ободрял Байрачный юную пианистку, все смелее входя в роль конферансье.

Назык взяла первые аккорды. Из-под тоненьких пальчиков полились бодрые звуки марша. Притихший зал внимательно слушал одаренную девочку.

-- Чья она? -- зашептались в рядах.

-- Ее мать -- прачка.

-- Дочь полковника учит ее.

Исполнив марш, Назык встала и поклонилась -- в точности выполняя все, чему учила ее Лиля. Затем она исполнила "Юмореску" Моцарта.

Успех был большой. Лиля целовала свою воспитанницу, взяв ее за кулисами на руки.

Пока Назык играла, Байрачный переоделся в форму младшего специалиста.

-- А теперь, уважаемые товарищи, -- обратился он к зрителям...

-- Отставить! -- подал команду лейтенант Скиба, появившись на сцене в форме инженера. Обращаясь к Байрачному-авиаспециалисту, он сказал:

-- На словах вы герой, язык у вас подвешен правильно. А вот хорошо ли вы знаете материальную часть самолета? Я буду принимать у вас зачеты. Скажите мне, например, как работает трансформатор?

-- Я... я... -- мялся авиационный специалист. -- Я готов сдавать зачеты, но только не первым...

-- Отлично. Будете вторым.

-- Вот видите: еще зачетов не сдавал, а уже "отлично" получил, -обратился Байрачный к публике. -- Слышали?

-- Слышали! -- донеслось из зала вперемешку со смехом.

На сцену выкатили макет самолета. Появился еще один авиационный специалист.

-- Ваша фамилия? -- обратился к нему инженер.

-- Рядовой Иванов.

-- Расскажите, рядовой Иванов, что вы знаете о шасси самолета.

Когда тот начал рассказывать, Байрачный спрятался за килем самолета-макета, вынул из-за пояса шпаргалку и начал читать ее. Незаметно к нему подошел офицер.

-- Вы что здесь делаете?

-- Ничего, -- спохватился Байрачный, поспешно пряча в рукав комбинезона шпаргалку.

-- В рукаве что у вас?

-- Бумажка... Козью ножку хотел скрутить.

-- Дайте-ка сюда эту козью ножку.

-- Так я еще не скрутил. Махорки не оказалось.

-- Без пререканий!

Байрачный подал шпаргалку.

Командир читал отчетливо, по слогам:

-- По ги-дро-си-те-ме са-мо-ле-та. -- Ага, значит, у вас, по-видимому, заготовлены шпаргалки на все системы? А ну, дайте мне по бустерной.

Байрачный вынул бумажку из левого кармана.

-- По системе запуска двигателя! -- требовал офицер.

Байрачный вытащил бумажку из правого кармана.

-- По электрооборудованию!

Эта шпаргалка лежала спрятанная под панамой.

-- По остальным системам! -- приказал командир, складывая шпаргалки, как складывают колоду карт.

Байрачный задвигал плечами, и бумажки полетели, как листья с дерева, которое хорошо встряхнули.

-- Вот как, значит, изучаете самолет? Ну ладно, поглядим, как вы обойдетесь без шпаргалок. Отвечайте на вопрос: как работает трансформатор?

-- Гудит. У-у-у-у-у-у-у, -- прогудел Байрачный.

-- Это известно каждому. Я спрашиваю о принципе работы трансформатора.

-- Э-э-э-этого не могу знать.

-- Отстранить его от обязанностей механика! -- обратился командир к инженеру.

Это была юмористическая сценка из жизни полка. Такой случай был. Один или два авиационных специалиста действительно пользовались на зачетах шпаргалками.

Байрачный переоделся и, переждав, пока в зале утихнет шум,

объявил очередной номер.

-- В первом номере нашей программы выступала ученица. Теперь вашему вниманию предлагается исполнение учительницы. Послушаем, кто -- кого.

У роялю подошла Лиля. Она была в белом бальном платье и в белых туфлях. В этом наряде она казалась еще более смуглой. Под полукружьями бровей сияли лучистые глаза.

-- Увертюра к опере Глинка "Руслан и Людмила".

Поддубный сидел рядом с Верой Иосифовной.

-- Вы, Иван Васильевич, просто чудак, -- зашептала она ему на ухо, когда на сцену вышла Лиля.

-- Не думаю, -- возразил тот, вспомнив минувшую ночь.

-- Чудак, чудак! -- сокрушалась Вера Иосифовна.

-- Мочите...

Поддубный слушал хорошо знакомую музыку и ругал себя в душе за слепоту: Лиля давно любила его, а он не замечал. Его охватывал ужас при одной мысли о том, что они могли никогда не встретиться. Ведь Лиля должна ехать в институт... Ну, да что толковать. Теперь все уладилось. Неизвестно только, как к этому отнесется Семен Петрович. Он ведь не только отец, но и командир полка...

Полковник сидел гордый. Да и какой отец не гордился бы такой дочерью!

Поддубный глядел на Лилин профиль, на ушко, под которым покачивалась серьга с блестящим камешком. Изредка переводил взгляд на Харитину Львовну. Лиля -- вылитая мать, но кое-какие черты взяла и у отца.

Лиля очень тонко чувствовала мысли композитора, отлично владела техникой игры. Тут способность соединялась с настойчивостью и упорством, которые проявила девушка, овладевая искусством фортепьянной игры. Она вложила в учение много труда. Будучи студенткой первого курса института, поступила в седьмой класс музыкальной средней школы. У нее не было почти ни одного свободного дня... Институт -- школа, школа -- институт. Так миновали последние годы. Девушка всю себя отдала учению.

Когда она окончила играть, ее щедро наградили громкими аплодисментами. Кланяясь слушателям, Лиля искоса поглядела на Поддубного и чуть заметно улыбнулась.

Следующим выступал Калашников со своими молниями-карикатурами. Он рисовал углем на большом листе бумаги лицо и двумя-тремя штрихами менял его в зависимости от того, какое чувство переживает человек: радость или печаль, удивление или разочарование.

Выступал солдат, игравший на балалайке, держа ее за спиной, затем группа танцоров и еще многие другие участники. Потом снова появилась Лилия -- на этот раз она аккомпанировала Байрачному и Скибе, которые исполнили свой "коронный" номер -- дуэт "Где ты бродишь, моя доля..." Концерт закончился выступлением хора. Публика повалила к дверям. Поддубный распростился с Дроздовыми и подошел к Семену Петровичу и Харитине Львовне, ожидавшим Лилю и Назык.

-- Ну как, по-вашему, Иван Васильевич? -- спросил Семен Петрович, набивая трубку табаком.

-- По-моему -- хорошо.

-- Вот только Лиле ни к чему было выступать, -- поскромничала Харитина Львовна.

-- Почему? -- удивился Поддубный. -- Она ведь прекрасно играла.

-- Да где там! -- смутилась польщенная мать.

Подошла Лиля, ведя за руку Назык.

-- Очень хорошо играла Лиля, -- сказал Семен Петрович, не замечая дочери. А та с недоумением посмотрела на отца. Семен Петрович смущенно закашлялся и направился к двери.

Выходя из клуба, Поддубный столкнулся с Телюковым, который явно поджидал Лилю. При виде майора глаза его вспыхнули недобрым огоньком. Поддубный хотел задержаться, но его окликнул полковник Слива.

-- Харитина Львовна пирогов напекла. Идемте попробуем, что это за пироги!

Поддубный собирался поблагодарить и отказаться, но Лиля опередила его крепким пожатием руки: иди, мол, когда тебя приглашают.

Вдруг она, как бы опомнившись, прошептала:

-- Нет, нет. Лучше не надо.

-- Ах, оставь, Лиля, свои опасения! Телюков не настолько глуп. Переживает, конечно, но с кем такого не бывает?

-- Прошу тебя. Лучше приходи через часок незаметно. Я выйду.

Харитина Львовна, заметив, что ее дочь отстала, позвала ее. Лиля пошла быстрее, ведя за руку Назык. Поддубный не захотел противиться Лилиной просьбе и, догнав Семена Петровича, сказал ему, что на пироги не придет, сославшись при этом на какие-то неотложные дела.

-- Ну, как знаешь, -- обиделся Семен Петрович. -- Вола к яслям на налычаге не тащат.

Лиля выслушала осторожные упреки матери, но после ужина, когда в коттедже погасили свет, вышла тайком на свидание,

заранее приоткрыв дверь, ведущую на веранду. Поддубный ожидал ее под карагачем.

-- Не встретил?

-- Кого?

-- Разве не знаешь?

-- Нет, не бойся.

-- Боюсь. За тебя боюсь, мой любимый!

Поддубного охватила тихая радость... Ему как-то не верилось, что она с ним, его Лиля, и что она сама предлагает свое сердце... Лиля, о которой он еще не так давно и мечтать не смел, стоит рядом, и он обнимает ее, целует...

Порой ему казалось, что это сон. Но нет, нет. Вот она, его дорогая, любимая Лиля!

Они сели на скамейку, и Поддубный начал рассказывать о том, что он почувствовал, встретив Лилю впервые в Кара-Агаче, и как больно было ему, когда на второй день после приезда в Кизыл-Калу пришел он к Семену Петровичу, чтобы увидеть ее, и встретил на веранде Телюкова... Признался ей, что все это время украдкой наблюдал за ней, а когда сегодня увидел ее у рояля, то готов был выйти на сцену и во всеуслышание сказать: "Это моя Лиля", -- и умчать ее с собой, в небо, к звездам.

-- Мне казалось, -- говорила Лиля, -- что я играю для тебя одного. Только для тебя.

Но напрасно полагала Лиля, что мать не слышала, как она выходила. Чутки бывают матери, когда нужно следить за дочерью! Встала Харитина Львовна, вышла на веранду, потрогала постель -- так и есть, вынырнула...

-- Семен, -- слегка толкнула мужа в плечо.

Семен Петрович перевернулся на другой бок, сонно покряхтел.

-- Семен!

-- Ну что?

-- Лили нет. По-видимому, к майору вышла.

-- К Поддубному?

-- Ну да.

-- Ну что ж, старушка, спи...

-- Ах, боже мой! У тебя жену уведут из-под носа -- и то не услышишь.

-- В молодости не увели, а теперь вряд ли найдется охотник.

-- Что ты мелешь, Семен?

-- Ложись, ложись, Харитина. Другая бы мать на икону молилась, чтобы бог послал такого зятя, а ты сокрушаешься. Будто сама не была такой...

Харитина Львовна только вздохнула. Пошаркала шлепанцами

по полу, поохала и легла в постель.

В понедельник майор Поддубный выехал с экипажем радиостанции и солдатом-наблюдателем на авиационный полигон.

Автомашина петляла между застывшими барханами, над которыми колыхалось раскаленное, ослепляющее глаза марево. На линии окоемов, в голубовато-белом, широко разливавшемся озере плавали песчаные островки разнообразных очертаний. Некоторые из них, казалось, возвышались над водой на невидимых подушках, как бы повиснув в воздухе.

На самом деле, конечно, никакого озера не было. То был мираж. Но до чего же явственно ощущалась вода!..

Любуясь этим необыкновенным явлением природы, Поддубный вспоминал о своей вчерашней встрече с Лилей. Свидание было коротким. Лиля сказала, что мать отчитала ее за долгое отсутствие накануне вечером и торопилась домой. Бедняжка! Он понимает, как ей больно выслушивать материнские упреки. Конечно, ему нужно объясниться с Харитиной Львовной, а может быть, даже и с полковником...

Тяжелая радиостанция застревала в песках. Солдаты то и дело соскакивали с грузовика:

-- Раз, два -- взяли! Еще раз -- взяли! -- раздавались возгласы, и солдаты дружно подталкивали автомашину.

Двадцать километров ехали полтора часа.

Наконец среди мертвых песков показались творения рук человеческих -деревянная вышка и небольшой глинобитный домик. Это и был полигон. Неприглядная картина. Саксаула -- и то не видно. Один песок вокруг -зыбучий, скрипящий. Ступишь -- нога увязнет по щиколотку, через сапоги чувствуешь, как он раскален.

Приезжих встретила полигонная команда. Ефрейтор, который был здесь за старшего, отдал рапорт. Отпустив руку от головного убора -- панамы, он прикрыл ладонью курносый, облупившийся нос и выслушал указания майора.

Радисты открыли термос, каждый солдат выпил по кружке горячего чая. Он чудодейственно влияет на организм человека в пустыне. Выпьешь, пропотеешь -и уже не так донимает жара, становится легче дышать, исчезает вялость.

Затем радисты принялись разворачивать радиостанцию, солдат-наблюдатель полез с биноклем на вышку, а Поддубный в сопровождении ефрейтора отправился к мишеням, чтобы осмотреть их.

Они отошли от вышки метров на четыреста, как вдруг ефрейтор остановился и насторожился:

-- Товарищ майор, поглядите! -- и показал рукой вправо.

-- Что там? -- спросил майор и тотчас же заметил варана, медленно сползавшего с бугра. Увидя людей, он повернул назад. Добравшись до вершины бугра, на мгновение остановился, потряхивая отвислым подбородком. Варан очень напоминал крокодила. Поддубный достал из кобуры пистолет, выстрелил, но, очевидно, промахнулся -- животное проворно задвигало хвостом и скрылось за барханом, оставляя на песке следы коротких лап.

-- Дайте мне пистолет, я догоню, -- попросил ефрейтор.

-- Не надо, -- майор вложил пистолет в кобуру. -- И часто они встречаются здесь, эти ящерицы?

-- Нет. Это, верно, какая-нибудь приблудная. Они в горах обитают. А вот шакалы частенько наведываются. До чего ж неприятно воют, товарищ майор. Прямо мороз по коже дерет!

-- Страшно?

-- А мы здесь редко ночуем. Больше остерегаемся фаланг и скорпионов. Один раз фаланга заползла мне за пазуху. Хорошо, что почувствовал и раздавил. А то б укусила, проклятая!

Мишени -- силуэты самолетов-бомбардировщиков лежали на песчаной равнине. Каждая мишень была высыпана шлаком и обрамлена белыми камешками для того, чтобы лучше выделялась на местности. Осмотрев мишени, майор и ефрейтор вернулись к вышке, где один из солдат полигонной команды развлекал радистов поединком фаланги и скорпиона.

Насекомые сидели в стеклянной банке, разделенной кусочком картона. В одной половине -- фаланга, в другой -- скорпион.

-- Сейчас мы увидим, кто из них сильнее, -- сказал солдат и вытащил из банки картон.

Противники, вооруженные ядом, бросились друг к другу. Скорпион, опираясь на ноги, взметнул вверх свой длинный хвост с ядовитым наконечником, очевидно целясь фаланге в голову. А фаланга -- желтый продолговатый мохнатый паук -- насторожено сжался и, улучшив момент, впился своими сильными челюстями скорпиону в хвост и перерезал его.

-- Видите, -- комментировал поединок солдат, -- теперь исход борьбы ясен.

Обезоружив своего противника, фаланга принялась пожирать его.

-- Да, интересно, только смотрите, чтобы этот паук не схватил вас за палец, -- предостерег Поддубный, заглядывая в банку.

-- Не схватит! -- с мальчишеским задором ответил солдат.

Радисты установили связь с СКП.

-- Я -- Верба-2, -- передал Поддубный в эфир. -- Как слышите меня, Верба?

-- Отлично, -- отозвался полковник Слива. -- А ты готов к работе?

-- Я готов, -- ответил Поддубный.

Вскоре над полигоном появился первый самолет, пилотируемый лейтенантом Калашниковым.

-- Я -- 79, разрешите работать? -- радировал летчик.

-- Я -- Верба-2. Работу разрешаю, -- ответил Поддубный. -- Ваша мишень номер один.

-- Вас понял -- мишень номер один.

-- Работайте.

Летчик провел самолет над своей мишенью и начал описывать над полигоном круг.

Нелегкое это дело -- попасть с самолета в мишень. Маневр должен быть исключительно точным. Высота, скорость, угол пикирования -- все это влияет на качество стрельбы. А если летчик опоздает с выводом самолета из пикирования, может и в землю врезаться. Боясь этого, майор Гришин редко планировал полеты на стрельбу по наземным целям, а молодые летчики до приезда в полк Поддубного совсем не бывали над полигоном. Поддубный лично "провозил" их на "спарке", чтобы быстрее наверстать упущенное.

Калашников правильно выполнил первый и второй развороты, но с третьим явно поторопился. Очевидно, не хватило выдержки.

-- Я -- Верба-2. Повторите заход. Третий разворот начинайте, когда мишень на два размера приблизится к балансиру. Как поняли?

-- Вас понял правильно.

В этот раз молодой летчик правильно выполнил и третий разворот, но допустил ошибку на четвертом -- не полностью убрал крен, самолет отнесло в сторону, летчик выпустил из поля зрения мишень, снаряды легли за ней.

Поддубный зло выругался в адрес Гришина и обратился к Калашникову:

-- крен! Крен надо было убрать! Я ведь учил вас! А ну, делайте очередной заход. Не волнуйтесь, выполняйте спокойно!

-- Вас понял, -- передал с борта самолета Калашников.

На третьем заходе он попал в мишень. Солдат-наблюдатель доложил:

-- Есть попадание!

В четвертом заходе летчик весь маневр также выполнил правильно, но стрелять было уже нечем. Он израсходовал все

патроны.

-- Идите на аэродром и впредь учитесь стрелять короткими очередями.

Калашникова сменил над полигоном лейтенант Скиба. У него были свои недочеты. Поддубный заносил их в журнал, чтобы затем проанализировать на разборе полетов.

Последним из молодых летчиков стрелял лейтенант Байрачный. Этот чересчур много болтал по радио.

-- Я иду, товарищ майор, -- сообщил он руководителю полетов на полигоне сразу, как только поднялся в воздух. -- Как слышно меня?

-- Слышу отлично, меньше разговоров.

-- Вас понял -- меньше разговоров. Да разве я так много говорю?

-- Замолчите!

-- Есть, замолчать!

-- Обращайтесь кодом!

-- Вас понял -- обращаться кодом.

-- Короче! -- рассердился майор и занес в журнале: "Лейтенант Байрачный -- приучить к радиодисциплине".

Байрачный, однако, попал в свою мишень с первого же захода.

-- Хорошо, так продолжайте.

-- О, за меня не беспокойтесь, товарищ майор! -- сразу начал бахвалиться молодой летчик.

-- Прогоню с полигона, если будете болтать!

-- Больше не буду!

Отстрелялся и Байрачный.

На мишени начали пикировать старослужащие летчики. Дела пошли лучше.

-- Есть попадание! -- то и дело докладывал солдат-наблюдатель.

Оно и невооруженным глазом было видно, что "есть". Снаряды, попадая в мишень, вздымали черную пыль.

В назначенное время прилетел старший лейтенант Телюков.

-- Разрешите работать? -- коротко обратился он к руководителю полетов, и уже по радиообмену ясно было, что это -- опытный воин. Действовал он проворно, точно, четко. Вот он уже ведет свой самолет на участке от третьего до четвертого разворота. На этом участке летчик за какие-то секунды выполняет целый комплекс работ -- выпускает воздушные тормоза, гасит скорость, проверяет установленную по прицелу базу, вводит минимальную дальность и в то же время следит, чтобы не пропустить момент четвертого разворота -- вывести самолет

точно в плоскость мишени.

Летчик заложил крен, выполняя первую половину разворота. Самолет, как и положено, идет без снижения. Вот оно, мастерство!

-- Хорошо! Очень хорошо!

Вдруг...

-- Ой! -- вскрикнул солдат-наблюдатель, выпустив из рук бинокль.

-- Выводите! -- теряя самообладание, закричал в микрофон Поддубный.

Самолет, казалось, врезался в землю, подняв тучу пыли.

Поддубный соскочил с вышки, подбежал к автомобилю.

-- Скорее, давайте! -- крикнул он водителю, дремавшему в кабине.

Но что это?.. Самолет Телюкова набирал высоту. Выходит, что летчик вырвал его у самой земли...

Поддубный влез на вышку, взял микрофон.

-- Я -- Верба-2. Как чувствуете себя, Телюков? Как чувствуете себя? Прием.

Летчик не ответил. Очевидно, с перепугу. В таких случаях испуг наступает после того, как опасность уже миновала. Возможно, что и радио отказало.

-- Я --Верба-2! Я -- Верба-2! Как чувствуете себя, Телюков? Прием!

-- Нормально чувствую, -- послышался ответ.

-- Что с вами произошло? Отвечайте.

-- Вы же видели -- низко вывел самолет. Вот и все.

-- Я -- Верба-2. Работу запрещаю. Приказываю идти на аэродром. Как поняли?

-- Разрешите продолжать работу.

-- Я -- Верба-2. Работу категорически запрещаю. Приказываю идти на аэродром.

-- Вас понял! -- сердито ответил Телюков.

-- Что там у вас такое? -- послышался голос полковника Сливы.

-- Телюков низко вывел самолет, -- резко ответил Поддубный. -- Я категорически запретил работу. Послал на аэродром.

-- Правильно сделали. Свертывайте радиостанцию и возвращайтесь на аэродром.

Поддубный послал в воздух красную ракету -- закрыл полигон и вместе с солдатом-наблюдателем пошел осматривать мишени и подсчитывать пробоины. Мишень, в которую стрелял Телюков, вся рябила воронками от взрывов снарядов. Если бы не ее месте стоял настоящий самолет -- его разнесло бы на куски.

Правду говорил полковник Слива -- Телюков способный летчик. Это подлинный воздушный снайпер. Но как могло случиться, что он столь низко вывел самолет? Наблюдал за результатами стрельбы? Весьма возможно. Так и он, Поддубный, когда-то стрелял по мишени, увлекся наблюдением и чуть было не врезался в землю. Самолет дал просадку на выводе из пикирования и в каких-нибудь трех-четырех метрах пролетел над землей.

То же самое, очевидно, получилось и с Телюковым. Тут сказался азарт воздушного бойца.

А на самом деле...

Поддубный ошибался. Жестоко ошибался. Он видел в Телюкове только летчика и не замечал человека с его характером, огорчениями, переживаниями. Он не знал, что после концерта художественной самодеятельности Телюков, окончательно убедившись, что Лиля безвозвратно для него потеряна, поехал на станцию и пьянствовал в буфете до утра, заливая водкой свое горе. Утром, опохмелившись, сел в поезд и отправился в город. Ресторан, кино, снова ресторан. Ночью взял такси, выехал в Кизыл-Калу. А чтобы не опоздать на утреннее построение, положил шоферу "на колесо" лишнюю десятку...

-- Нажимай, браток, а то мне на полеты надо успеть.

"Браток" постарался -- вовремя доставил летчика к месту назначения. Усталый, измученный, разбитый сел Телюков в самолет, довольный тем, что помощник командира полка по огневой и тактической подготовке, равно как и командир полка и врач, не заметил воспаленных глаз, не почувствовал запаха алкогольного перегара...

Да, не знал этого и не заметил Поддубный. Ему и в голову не могло прийти, чтобы летчик, тем более такой, как Телюков, мог напиться перед полетами. Он вообще не верил, чтобы такие невзгоды, как, скажем, неудачная любовь, могли отрицательно сказаться в полете; сам он, садясь в кабину самолета, сразу забывал решительно о всех житейских невзгодах. Упрощенно уверовав еще в ранней молодости в то, что летчик -- человек особого склада, Поддубный не пересмотрел этот взгляд с течением времени, и вот последствия -- грубейшая предпосылка к катастрофе при стрельбе по наземной цели. Да хорошо еще, что только предпосылка...

Вернувшись на аэродром, Поддубный увидел Телюкова у СКП.

Стараясь сдержать себя, он спросил:

-- Что с вами произошло, старший лейтенант? Почему вы так низко вывели самолет? Ведь вы могли погибнуть!

Телюков глубоко затянулся папиросой, попытался улыбнуться.

-- Сожалеете небось, что я не врезался в землю? -- произнес он с нескрываемой издевкой. -- Не жалейте. Я не стану на вашем пути. Можете забирать Лилю себе. Она больше мне не нужна.

Вся кровь бросилась в лицо Поддубному.

-- Как вы смеете! Если найду нужным, то заберу, вас спрашивать не стану. Понятно? Но если бы вы... да, да, если бы вы... я не стал бы пикировать в землю. Мальчишка!..

"Мальчишка... Он назвал меня мальчишкой!" -- Телюков весь дрожал, в лице его не было ни кровинки. Он стиснул зубы, скулы пошли желваками. В охватившей его ярости он не находил слов.

Поддубный вплотную приблизился к нему.

-- Я пропустил мимо ушей вашу болтовню по поводу формулы воздушного боя... Но я не потерплю, слышите вы, не потерплю, чтобы вы высказывались в таком тоне об этой девушке. Вы за кого меня принимаете, старший лейтенант?

В ярости Поддубный мог наговорить много лишнего. Но он быстро остыл. Одержал верх здравый смысл. Нельзя было забывать, что перед тобой молодой взбалмошный человек, потерявший голову от ревности.

"А ты? Разве ты сам не страдал? -- вспомнилось ему. -- Ведь страдал... Места себе не находил..."

А другой голос, заглушая голос рассудка, нашептывал: "Но когда узнал, что горько разочаровался и обманулся в Римме, одним взмахом отрезал все. Так и только так нужно поступать, когда не чувствуешь взаимности. Глубоко скрыть свои чувства, не навязывать себя другому! Легко это? Нет, нелегко. Но на то ты человек, чтобы уметь владеть собой, да и вообще, что это за летчик, который из-за женщины ничего не видит в кабине самолета? Раз сел в кабину -для тебя ничего не должно существовать, кроме самолета. Ты -- летчик. Ты -воин. Слетал, выполнил задание -- пожалуйста, отдавайся своей любви. Но опять-таки, не будь дураком, не унижай себя понапрасну. Ищи любви там, где она ждет тебя!"

Нет, не мог всего этого сказать Поддубный. Телюков превратно истолковал бы его слова.

В каком все-таки сложном положении очутился он...

Телюков не отступил, когда майор приблизился к нему вплотную, и они какое-то время стояли друг против друга, как борцы, готовящиеся к схватке.

В эту минуту подошел замполит Горбунов.

-- Майор Поддубный, прошу ко мне! А вы, старший лейтенант, поезжайте домой.

-- Чего это вы, Иван Васильевич, коршуном налетели на человека? -спросил замполит, оставшись с Поддубным наедине. -- Телюков, можно сказать, из гроба поднялся, а вы сразу, не дав человеку опомниться, мораль читаете. Не он, а мы с вами, руководители, виновны прежде всего в том, что случилось.

-- Позвольте, Андрей Федорович, я вас что-то не понимаю...

-- В т ом-то и дело, что вы не понимаете, простите за грубую откровенность. Вы готовили летчиков к стрельбе? Вы утром были на построении? Были. Почему же вы не поинтересовались, можно ли Телюкову вылетать? Почему не заглянули в душу человеку? А вам-то больше, чем кому-либо, должно быть известно, что у него на душе...

-- Вы предполагаете...

-- Да, я предполагаю.

-- Он сказал об этом?

-- Нет, он не сказал. Мне стало известно, к сожалению слишком поздно, что Телюков в субботу и в воскресенье не ночевал дома. А утром приехал на ашхабадском такси... Чуть-чуть не потеряли мы летчика и товарища из-за своей слепоты. Я, конечно, ни в какой мере не оправдываю Телюкова...

-- Андрей Федорович, -- прервал его обескураженный Поддубный и запнулся. -- Я, конечно, погорячился... Да, нехорошо. Но понимаете, Андрей Федорович, я не могу... да, не могу уйти от Лили...

-- Любовь? -- улыбнулся замполит, который все еще был строг и сердит.

-- Любовь, Андрей Федорович.

-- М-да, -- замполит почесал подбородок. -- Узелок завязывается крепкий. Да я так понимаю: если любовь взаимная, то тут и аллах бессилен.

Немного поразмыслив, он сказал:

-- Отстраним Телюкова от полетов, а там посмотрим. А вы пока не трогайте его.

Семен Петрович не позвал к себе Поддубного для доклада, видимо, ему было известно то, что сообщил замполит о Телюкове.

И так горько, так тяжело стало на душе у Поддубного, что он готов был пойти к Телюкову и извиниться перед ним. И он, возможно, сделал бы это, если бы тот не опередил его.

Прибыв с аэродрома домой, Телюков задумался над тем, что его ждет. Прежде всего, конечно, отстранят от полетов...

Полеты!

Надо быть летчиком, и только летчиком, чтобы понять, почувствовать всем своим существом, что такое полеты. Один раз слетаешь, и тебя уже неудержимо влечет ввысь, на подвиг. А он,

этот подвиг, здесь, рядом с тобой, в кабине, поднимается в стратосферу, идет навстречу солнцу, проносится над песками, над морем, над горами...

Человек, казалось бы, обыкновенный человек, а летает в пространстве, опережая скорость звука... Горы, пески, моря, города -- все остается позади. Ты мчишься, огибая планету на послушной воле человеческого разума стальной стреле.

Не пустить летчика в полет -- все равно что обрезать орлу крылья, лишить его родной стихии. А похоже на то, что не пустят. И он сам виноват во всем. Конечно, сам! Дурак и тот мог бы заметить, что Лиля не любит... А он еще наговорил дерзостей майору... И это после столь постыдного случая на полигоне! Да, надо сейчас, сию же минуту, пойти к майору и извиниться.

"Иди, иди, Филипп Кондратьевич, если ты еще не утратил офицерской чести..." -- убеждал его внутренний голос.

И поздно вечером, чтобы никто не видел, он пошел к майору.

Поддубный принялся было за подготовку к занятиям по воздушному бою, но ничего не соображал. Он отложил конспект и засмотрелся в окно. В коттедже командира полка все окна и веранда были освещены. Электрический свет золотистой пылью рассеивался в темноте, волшебной дымкой окутывал кроны деревьев, придавая им сказочную пышность и красоту.

Поддубный знал: там, под деревьями, его ждет Лиля. Она будет ждать и завтра, и послезавтра. Его неудержимо влекло туда, но он пока не пойдет... не может...

В дверь кто-то постучал.

-- Войдите.

Телюков плотно прикрыл за собой дверь, остановился посреди комнаты.

-- Товарищ майор, я пришел извиниться, -- сказал он. -- Не прощения, а извинения прошу. Заслужил ли я гауптвахту или суд офицерской чести -- не знаю: что заслужил, за то и отвечать буду. Но извиниться так или иначе должен. Погорячился. Наговорил глупостей.

Телюков держался прямо, гордо подняв голову, как бы подчеркивая свое офицерское достоинство, которым он дорожил больше всего.

Поддубный не ожидал, что дело обернется таким образом. В один миг Телюков как бы преобразился в его глазах. Он уже видел в нем не бесшабашного удальца и не кающегося юнца, а настоящего советского офицера с искренним и горячим сердцем.

-- Я, кажется, не меньше вашего погорячился, -- сказал Поддубный и встал из-за стола. -- Видите ли, я не знал, что вы... Что вы ездили... Садитесь, пожалуйста.

-- Я проявил позорное малодушие, товарищ майор. Если вы позволите, я попрошу вас вот о чем...

-- Говорите откровенно.

-- Я вас прошу, чтобы меня не отстраняли от полетов при условии, если, конечно, я не буду подвергнут аресту с содержанием на гауптвахте. Ревность больше не потревожит меня.. Ее нет уже, как нет и неприязни к вам. Вы же здесь, по сути, совершенно ни при чем. Лиля еще год назад дала мне понять... Я не видел или не хотел видеть ее равнодушия, цеплялся как репейник... А теперь... катастрофа, которую я избежал каким-то чудом, каким-то неимоверным усилием воли, отрезвила меня...

Телюков говорил с удивительным спокойствием, совершенно, казалось, не присущим ему горячей натуре.

Поддубный с глубоким волнением выслушал летчика, отлично понимая его, а когда тот умолк, сказал:

-- Я отстранять вас от полетов не буду. Что же касается ареста или предания вас суду офицерской чести, эти вопросы не входят в мою компетенцию. Я могу лишь поговорить с командиром, попросить его.

-- Очень благодарен вам. Разрешите идти?

-- Пожалуйста. И можете не сомневаться в моем искреннем уважении к вам.

Телюков вышел из комнаты. Как ни велика была его вина, но наказывать его было излишне. Майор это хорошо понимал и решил защищать его во что бы то ни стало.

Штурмана Гришина не было на аэродроме, и о случившемся с Телюковым ему стало известно перед самым разбором полетов.

-- Ох, доведет нас до греха этот Поддубный! Тогда, в бурю, чуть не наломал дров, а сейчас снова предпосылка к катастрофе, -- изливал он душу перед командиром полка.

-- Тут не только Поддубный виноват, -- возразил полковник.

-- Разве не он готовил летчиков к полетам?

-- Готовил правильно.

-- Но Телюков-то не справился... разве это не говорит о том, что предварительная подготовка, в частности тренаж, не оправдала себя?

-- Дело не в тренажах, Алексей Александрович. Вы, если не знаете, на торопитесь с выводами...

"Не иначе как Поддубный околдовал полковника. Он не желает даже слушать никаких замечаний в адрес своего помощника!" -- с глубокой обидой подумал Гришин.

На разборе полетов он подсел к замполиту Горбунову.

-- Амбиции много в Поддубном, -- шепнул он вкрадчивым голосом, -- а вот амуниции не хватает. Чуть не потерял летчика.

Окончательно распоясался человек, и некому его остановить. Но полковник вспомнит меня. Увидите! Вспомнит, да будет поздно.

-- Будет вам, товарищ майор! -- не вытерпел замполит.

У Гришина брови полезли вверх:

-- Конечно, вы, как политработник, должны поддерживать командира. Это ваш долг. Но что касается помощника, то вы вспомните мое слово...

-- Я вас прошу...

О предпосылке к катастрофе на разборе полетов упомянули, однако причину не проанализировали, виновного не наказали, как это делалось прежде.

"Ага, замазывают недочеты, лакируют действительность, -- заключил Гришин. -- Не желают, чтобы о предпосылке дозналось вышестоящее начальство. Ну нет, голубчики! Вам не спрятать концы в воду!"

Давненько чесалась у Гришина рука написать жалобу на помощника командира по огневой и тактической подготовке, да все как-то не решался. А теперь решил твердо: напишет. Больше терпеть невозможно. Заодно пожалуется и на командира полка, поскольку тот поддерживает своего любимчика. Да, да, любимчика. Это ясно!

Поздним вечером, когда из штаба ушли все, Гришин заперся в своем кабинете, раскрыл Дисциплинарный устав и внимательно перечел главу "О жалобах и заявлениях". В этой главе, в частности, говорится, что офицеры, генералы и адмиралы при выявлении фактов, которые наносят ущерб боеспособности Вооруженных Сил, имеют право одновременно с подачей заявления по команде подавать заявление вышестоящему начальнику включительно до Министра обороны Союза ССР.

Таким образом, убедившись еще раз, что он имеет право жаловаться даже на командира полка, Гришин начал писать жалобу на имя генерал-майора Щукина. Прежде всего обрисовал недопустимую посадку эскадрильи майора Дроздова во время бурана и как следствие вывел, что только случайность позволила избежать катастрофы. Затем описал случай с Телюковым, которого якобы командир полка и его помощник неподготовленным выпустили в воздух, а когда возникла предпосылка к катастрофе, сделали попытку умолчать, скрыть этот факт.

"Полку угрожает серьезная опасность, о чем и ставлю Вас в известность, товарищ генерал, -- писал Гришин. -- Меня, как временного заместителя командира полка, майор Поддубный не признает".

Шаг довольно серьезный, и прежде чем отправлять жалобу,

штурман, теребя пальцами свою шевелюру, несколько раз перечитал написанное и на следующее утро, взвешивая каждую фразу и каждое слово, внес коррективы. Фразу "Меня, как временного заместителя командира полка, майор Поддубный не признает" вычеркнул. По сути, не было случая, чтобы помощник не выполнил приказа заместителя командира.

"Тут я малость переборщил", -- признался самому себе Гришин.

На всякий случай он заглянул в журнал помощника руководителя полетов на полигоне и... обомлел. "Старший лейтенант Телюков вывел самолет из пикирования на недопустимо малой высоте, что угрожало катастрофой", -отмечал собственноручно майор Поддубный. То же самое значилось в журнале персонального учета ошибок и нарушений летных правил. Выходило, что предпосылка к катастрофе не скрывалась, раз она отмечается в документации. Но почему же на разборе полетов предпосылку не анализировали?

Чтобы разрешить эту загадочную историю, Гришин обратился к полковнику. Тот нехотя выслушал заместителя и, подписывая какие-то документы, сказал:

-- Это правда, Алексей Александрович, получается довольно странно: летчик допустил ошибку, а мы замалчиваем.

-- Вот именно. Меня это просто удивляет.

-- А меня нисколько. -- Полковник откинулся на спинку стула. -- Была у меня старшая сестра. Пряха -- на все село. Пойдет, бывало, на посиделки -больше всех напрядет. А то вдруг приносит по полпасма. Так и дома: сядет за прялку, попрядет малость и задумается. Судили-рядили про такую перемену родители -- ничего поделать не смогли. Совсем от рук отбилась, работой пренебрегать стала. Бранили, да, выходит, зря...А как вышла замуж -- все на место стало; бывало расстелит на лугу полотно -- ни у кого больше, ни у кого белоснежнее не бывало. Вот так...

Гришин счел этот разговор шуткой.

Но жалобу послать не рискнул.

Глава девятая

Дни и ночи проходили в напряженном учении. Учились авиаторы в воздухе и на земле, на аэродроме и в классах.

Сегодня день наземной подготовки. Полковник Слива ходил из класса в класс, проверяя занятия.

-- Всем понятно, как изменяются области возможной атаки с подъемом на высоту? Если кому неясно, задавайте вопросы, -- доносился из-за приоткрытой двери голос помощника.

-- Все ясно!

-- Хорошо! Теперь поговорим о воздушных боях в

стратосфере.

"Вот чертов сын, скоро до практического потолка доберется", -- подумал довольный полковник, входя в класс.

-- Товарищи офицеры! -- скомандовал Поддубный.

По классу пробежал шум -- все поднялись.

-- Продолжайте, -- махнул рукой полковник и сел за стол.

-- Товарищи офицеры! -- подал команду Поддубный. Летчики сели, и он продолжал:

-- Как известно из аэродинамики, в стратосфере легко потерять высоту, а чтобы восстановить ее, нужно много времени. Значит, необходимо следить за высотой. Потерял ее -- проиграл бой.

Поддубный прикрепил к доске чертеж.

-- Тут воспроизведен воздушный, проведенный мною со старшим лейтенантом Телюковым в стратосфере. Синяя линия -- маневр Телюкова. Красная -- моя. Вначале у Телюкова был перевес в высоте. Он, между прочим, хорошо берет динамический потолок, чему я сам еще не научился. Но вскоре Телюков потерял высоту. Это для него было началом проигрыша боя. Здесь Телюков намеревался атаковать меня снизу. Ничего не получилось, и не могло получиться. Летчик поставил свой самолет на большой угол атаки, что привело к уменьшению скорости и нарушению устойчивости самолета. Атака не дала желаемых результатов...

Семену Петровичу самому еще не приходилось вести воздушный бой на высоте, близкой боевому потолку самолета, и он с интересом слушал помощника.

После перерыва полковник зашел в класс, где занятия проводил инженер. Слушал инженера, а думал о Поддубном. Хороший помощник -- образованный, смелый, настойчивый. За что ни возьмется -- доведет до конца. И по мере того как полетные задания усложнялись, предпосылок к летным происшествиям становилось меньше. А все потому, что, во-первых, строго сохраняется методическая последовательность, во-вторых, хорошо проводится наземная подготовка, в-третьих, Поддубный отлично знает каждого летчика, все его положительные качества, недостатки. Телюков, тот самый Телюков, о котором майор Гришин говорил: "Горбатого могила исправит", -- стал шелковым. Не нарадуешься на него, и в этом заслуга Поддубного. Сумел-таки обуздать неистовый характер старшего лейтенанта!

Нелегко авиационному командиру вести учебный процесс. Перегнешь где-нибудь палку, поставишь перед летчиком непосильное задание -- угрожает авария. Чуть недогнешь, слабину

дашь -- тоже плохо, потому что остаются прорехи, а значит, опять-таки авария. Здесь надо гнуть, но не перегибать. Поддубному это отлично удается.

А взять, например, дисциплину, и в частности отдание чести. Сколько говорилось в полку, что отдание чести -- священный долг воина. Невзирая на это, некоторые солдаты забывали об этом долге. Идет солдат, засмотрелся и на видит старшего по званию. Остановишь его, спросишь, почему честь не отдал? "Виноват, не заметил". Или: "У меня руки заняты". Объективные причины находились всегда.

-- Довольно толочь воду в ступе, заниматься разговорами. Надо взыскивать с тех, кто сквозь пальцы смотрит на нарушение устава, -- заметил Поддубный.

Полковник наложил строгое взыскание на офицера лишь за то, что тот равнодушно прошел мимо солдата, не отдавшего ему чести. Это сразу принесло свои результаты. Офицеры, а по их примеру и сержанты повысили требовательность. Не стало в полку таких, которые "не видят начальников", и руки у всех сразу освободились...

А вот еще факт.

Облака в пустыне -- редкие гости. Бывает, что целый месяц не увидишь в небе тучки. Если же летчик долгое время не летает в облаках, то теряет навыки в полетах по приборам. Эти навыки в некоторой степени можно поддерживать полетами на учебно-боевом самолете, где имеются две кабины, из которых одна закрывается шторками. Но в полку мало было таких самолетов.

-- Давайте проводить полеты в закрытых кабинах на боевых самолетах, -предложил Поддубный. -- Инструктор будет подавать команды по радио, ограждая напарника от ошибок. Получится почти то же самое, что при полете на двухместном самолете.

-- То, да не то, -- возражал Семен Петрович. -- Потеряет летчик пространственную ориентировку, тогда что? За хвост самолет не поймаешь!

-- Разрешите мне попробовать с Дроздовым?

-- Ну пробуйте.

Оказалось, что так летать можно. Начали летать на боевых самолетах в закрытых кабинах командиры эскадрилий, затем командиры звеньев и, наконец, летчики, имевшие соответствующую подготовку. Эта новость дошла до дивизии. Прибыл инспектор, чтобы удостовериться на месте. А спустя некоторое время полковник получил указание: "Начать полеты под колпаком на боевых самолетах".

Семен Петрович вышел из класса покурить. Как и вчера, и позавчера, нещадно палило солнце. До чего ни дотронешься --

раскалено. Возле столовой двое солдат обливали друг друга холодной водой. Захотелось и полковнику освежиться.

-- Ану, полейте-ка на меня, -- обратился он к шоферу водовозки, снимая китель и подставляя под шланг широкую спину.

Вдруг над аэродромом показался одиночный самолет. Либо кто-то из летчиков заблудился, либо начальство прилетело.

Полковник поспешил в штаб и оттуда позвонил на аэродром.

-- Кто там летает?

-- Подполковник Удальцов запросил разрешение на посадку, -- доложил диспетчер.

-- А-а, ну так принимайте его.

Подполковник Удальцов командовал одним из полков дивизии. Между ним и полковником Сливой в течение нескольких лет продолжалось негласное соревнование. Прибудет Семен Петрович в штаб дивизии, обязательно поинтересуется, сколько часов налетал полк Удальцова, какие упражнения выполнил, какие не выполнил. То же самое делал и Удальцов. И если находил, что у него показатели лучше, говорил:

-- Гаснет, Семен Петрович, трубка, гаснет!

Если же показатели были лучше у Семена Петровича, тот в свою очередь подтрунивал над соседом:

-- В хвосте плетешься, Иннокентий Михайлович, не к лицу это Герою Советского Союза! Не с кого брать пример нам, простым смертным...

Соседи-командиры дружили между собой -- хотя Удальцов был моложе Сливы лет на пятнадцать, -- и частенько навещали друг друга. При этом не упускали случая указать на замеченные неполадки.

-- У вас, Семен Петрович, авиационные специалисты вне строя, табуном ходят на стоянку самолетов. Непорядок!

-- Разве?

-- Сам видел.

Но полковник Слива не оставался в долгу:

-- Пусть так, но и я кое-что подметил на твоем аэродроме, Иннокентий Михайлович! Автобус для летчиков обшарпан, совсем как в отстающем колхозе. Да и телефонная связь... одна порча нервов.

Расставались командиры и брались за дело. Семен Петрович читал мораль инженерам за то, что "распустили младших авиационных специалистов".

-- Сраму из-за вас набрался.

А подполковник Удальцов звонил командиру обслуживающего подразделения:

-- Соседи потешаются над автобусом, который ты подаешь для перевозки летчиков. Обрати-ка внимание! Может, найдется килограммчик краски, чтобы освежить, а? Подмажь, сделай милость! А телефоны у нас -- одна порча нервов!..

Аварийность, возникшая в Кизыл-Калынском полку, прекратила эти взаимные посещения и соревнования. Обоим командирам стало как-то неловко вести прежние разговоры. Что уж за показатели, какое может быть соревнование при аварийности! Семен Петрович и Иннокентий Михайлович встречались теперь лишь на совещаниях у командира дивизии, что бывало не так уж часто.

И вот неожиданно Удальцов прилетел.

-- С чего бы это? -- недоумевал Слива.

Отправив на аэродром "Победу", Семен Петрович похаживал по штабу, придираясь к каждой мелочи и без конца делая замечания подчиненным. Прежде всего он напал на дежурного по штабу.

-- Это что? -- указал он на окурок в углу. -- Прибрать, подмести! Быстрее!

-- Есть! -- вытянулся дежурный.

-- А у вас чего кобура обвисла, как свиное ухо? Силушки не хватает потуже пояс затянуть? -- набросился он на дежурного по полку.

-- Жарко, товарищ полковник!

-- Подтянуться!

-- Есть!

В коридор выбежал писарь в расстегнутой гимнастерке.

-- А ну, ко мне, -- поманил его полковник. -- Ты что ж это, голубчик, разбойником носишься по штабу?

-- Начштаба подполковник Асинов разрешил, больно душно, -- ответил писарь, солдатик первого года службы.

-- Разрешил? Коль разрешил -- дело иное. Но ты все-таки застегнись, голубь! -- и полковник провел рукой по колючей, стриженой голове солдата.

-- Есть, товарищ полковник! -- проговорил польщенный отцовским вниманием солдат.

Не найдя, к чему бы еще придраться, Семен Петрович зашел в кабинет и тоже начал готовиться к встрече. Убрал со стола лишние бумаги, набил табаком трубку и послал посыльного за бутылкой минеральной воды.

За окном просигналила "Победа" -- это Челматкин предупреждал командира о приезде гостя. Семен Петрович подошел к окну. Блеснув на солнце Золотой Звездой Героя, Удальцов бравым шагом вошел в штаб.

-- Здравия желаю, Семен Петрович! -- приветствовал он Сливу еще из коридора.

-- Здравствуйте, Иннокентий Михайлович! -- воскликнул Слива и бросился навстречу гостю с распростертыми объятиями.

-- Как живем-можем в царстве песков?

-- Так и живем. А ты чего тут летаешь, гудишь, варанов и тушканчиков пугаешь?

-- Дело есть, сами же затеяли, Семен Петрович!

-- Какое дело?

-- Забыли?

-- Нет, в самом деле?

Удальцов хитро прищурил глаз.

-- Не прикидывайтесь, Семен Петрович, казанской сиротой.

-- Ну садись, садись, а то еще обидишься! -- примирительно сказал Семен Петрович. -- Я вот холодной водицы для тебя припас. Не то что некоторые мои друзья...

Удальцов погрозил пальцем:

-- Грешите, Семен Петрович! Когда ж это я негостеприимно принимал вас?

-- На-ка, выпей с полета холоднячка!

Удальцов наполнил стакан.

-- Так, так, Семен Петрович, высоту, значит, набираете?

-- Да где уж нам! -- отнекивался полковник, начиная догадываться, на что намекает собеседник.

-- Так, так... По стрельбам обогнали? Обошли? По ночной подготовке вплотную приблизились к моему полку! А полеты под колпаком на боевых самолетах! А полет на предельную дальность. Вон какую шумиху поднял тот полет! Сам генерал Щукин обратил внимание: "Так нужно летать, как Слива" -сказал.

-- Правда? -- обрадовался Семен Петрович.

-- Сам слышал. Прилетал ко мне генерал Щукин, рассказывал. И я очень за вас рад, Семен Петрович. Очень рад. Теперь мы с вами еще потягаемся. Я вижу: есть порох в пороховницах! А ваше предложение относительно воздушного боя между двумя полками -- это идея! Этой идеей вы просто утерли нам нос. У меня, правда, не раз возникала такая мысль, но, к сожалению, как говорится, -- руки не дошли. Текущие дела задушили, вот и опередили вы нас.

"Какой бой?" -- чуть не вырвалось у Семена Петровича. И тут же сообразил: "Да ведь это очередное предложение помощника по огневой и тактической подготовке!"

-- Весьма ценное предложение, Семен Петрович, -- продолжал Удальцов. -Вот я и прибыл сюда с тем, чтобы договориться, когда, где, какой группой и как будем драться. А драться надо между собой так, чтобы чужие и духу боялись. Не будем драться меж

собой -- нас побьют.

-- Черта с два! -- возразил полковник. -- Мы уже не те, что были!

-- Правда ваша, Семен Петрович, но надо смотреть в оба. Это не помешает.

-- В той войне нас не побили, а ныне тем более! -- не уступал Семен Петрович.

-- Я тоже уверен, что нынче тем паче не побьют. Но в сорок первом нам намяли бока -- и здорово намяли! Вот и надо заботиться, чтобы старое не повторилось. Поэтому и нужно быть начеку. Давайте уславливаться.

Тут выяснилось, что Удальцов привез и наметки организации воздушного боя. Рассматривая их, полковник Слива размышлял вслух:

-- Так, так... Значит, локаторы будут наводить.

-- А как же? По всем правилам бой...

-- Согласен, вполне согласен.

-- По рукам, значит? -- вскочил Удальцов.

-- По рукам.

Согласовали дату и на том поставили точку.

Подполковник Удальцов принял решение возвратиться и собрался в обратный путь.

-- Так скоро?

-- Не располагаю временем. Надо готовить людей к ночным полетам. Разрешите откланяться, Семен Петрович, и надеяться, что победа будет за моими летчиками.

-- А это еще увидим, -- возразил Семен Петрович. -- У меня, брат, помощник по тактике и воздушному бою -- лучшего не сыщешь. Обведет. Ей-богу, обведет!

-- Вы о Поддубном?

-- А ты разве его знаешь?

-- Слыхал. Командир дивизии превозносит его до небес, да и старшие начальники не раз упоминали его фамилию.

-- Это правильно: помощник у меня, Иннокентий Михайлович, золото!

-- Ну, ну, не думаете ли вы, что у меня люди лыком шиты?

-- Не думаю, а знаю, что летчики у тебя -- сила! Но Поддубный все равно обведет. В этом я не сомневаюсь.

-- Это еще бабушка надвое сказала. Там будет видно!

Удальцов направился к двери, но полковник остановил его:

-- Так скоро? Хоть бы пообедал со мной. Ведь не близко лететь-то!

Удальцов поглядел на часы:

-- В Москву поспею к обеду. А за приглашение весьма

благодарствую. Только не могу -- тороплюсь.

Семен Петрович проводил гостя на аэродром, сам выпустил его в воздух. Возвратившись, он застал в своем кабинете штурмана Гришина: тот сидел, углубившись в плановую таблицу, и делал в ней какие-то пометки карандашом. Соображая и обдумывая что-то, он по привычке ерошил шевелюру.

-- Беда, товарищ полковник, -- сказал он. -- Вы только поглядите, что тут планирует ваш помощник.

-- А что?

-- Воздушный бой чуть ли не на боевом потолке самолетов. Допустим, летчики поднимутся на такую высоту. Допустим. Но где гарантия, что кто-нибудь не сорвется?

-- Вот гарантия, Алексей Александрович, -- полковник размашисто подписал плановую таблицу.

-- Вы смертный приговор подписали летчикам, а не плановую таблицу полетов, -- пробормотал штурман, покидая кабинет.

Полковник вернул его назад.

-- Как? Как вы сказали?

Гришина всего передернуло, и он стал похож на драчливого петуха.

-- Я сказал грубо, но правду.

-- Так... Значит, смертный приговор, говорите? А вам известно, на какую высоту поднимаются современные реактивные бомбардировщики? Известно? Какого же черта вы ратуете за то, чтобы наши истребители вели бои на средних высотах? Кого они будут там уничтожать -- воробьев?

-- Подобный вопрос я уже слышал от Поддубного.

-- Так извольте выслушать и от меня! -- запальчиво крикнул полковник и так стукнул кулаком по столу, что чернильница подскочила.

Обомлев, Гришин вытянулся в струнку.

Лиля не знала о случае с Телюковым и поэтому никак е могла разобраться в непонятном поведении Поддубного за последнее время. Он на приходил.

"Разлюбил? Остерегается матери?" -- терзалась она в догадках.

Ей хотелось самой пойти к нему, да как-то неудобно... Рядом, в одном коттедже, молодые летчики живут. Еще пойдет молва, до матери докатится.

Сегодня -- воскресенье. Лиля выпросила у отца машину, чтобы съездить в аул к своей школьной подруге Зейнаб. Таила надежду, что и Поддубный поедет с ней -- это была бы чудесная прогулка! Теперь, оказывается, придется ехать одной...

К двенадцати часам Челматкин подал к коттеджу "Победу". А

Лиля и не думала собираться. "Пожалуй, лучше сказаться больной, не поехать", -- думала она. Но ведь ее ждет Зейнаб -- лучшая и самая близкая ее подруга. И, поразмыслив, решила ехать. Оделась, вышла на крыльцо и остолбенела. Поддубный в белом, отлично выутюженном кителе, со свертками в руках стоял перед ней. Она давно не видела его таким веселым и жизнерадостным. Поздоровался ласково с Лилей и повернулся к родителям:

-- Здравствуйте, Харитина Львовна! Здравствуйте, Семен Петрович! Разрешите мне поехать с вашей дочерью в аул? Я поведу машину, а Челматкин пусть отдыхает. Ведь сегодня выходной.

Харитина Львовна промолчала, а Семен Петрович поддержал Поддубного:

-- И то правда, идите, Челматкин, отдыхайте. А вы, Иван Васильевич, все же не забывайте, что "Победа" не МиГ, не больно нажимайте на скорость.

-- Не беспокойтесь, Семен Петрович! -- ответил Поддубный, садясь за руль. А Лилю спросил взглядом: "Не ждали?"

-- Ради Бога, осторожнее, -- только и успела сказать Харитина Львовна.

Машина выкатила на дорогу. Поддубный притормозил, открыл дверцу.

-- Переходи, Лилечка, ко мне.

Девушка молча пересела.

-- Я не понимаю вас, Иван Васильевич. То скрывались от меня, а то не постеснялись отца... А если бы он не согласился? А если бы мать запротестовала?

-- О, ты уже сразу на "вы"!

-- Ну да, отец и мать могли бы не позволить тебе...

-- Ну, об этом я даже не подумал.

-- Ты слишком самонадеян.

-- Какой уж есть, Лиля. На лучшего не рассчитывай. Товар, так сказать, показываю лицом.

-- А как ты узнал, что я собираюсь в аул?

-- Интересовался...

-- А где пропадал?

-- Как где? На аэродроме. Дома.

-- Я сержусь на тебя.

-- А я люблю сердитых.

Поддубный снял фуражку, и Лиле захотелось отодрать его за чуб, отплатить за все. Она и сделала бы это, если б он не сидел за рулем.

За станцией машина свернула на шоссе. Поддубный повернул

зеркальце так, чтобы видно было Лилино лицо. Лиля прикрыла зеркальце рукой.

-- Не смей смотреть!

-- Если я буду все время поворачиваться к тебе, мы, пожалуй, скатимся в кювет.

-- Ты не поворачивайся. Помни, что ты для меня водитель, и только.

-- Вот это уже неправда, -- рассмеялся Поддубный, потом вдруг притих и долго молчал. -- А помнишь, Лиля, как в день нашего приезда Максим Гречка принял тебя за мою жену?

-- Ну и что?

-- Гречка не так уж ошибся.

-- Что ты хочешь этим сказать?

-- Я хочу сказать, Лиля, -- уже совсем иным, без тени веселости голосом, промолвил Поддубный, -- я хочу сказать... -- он запнулся и остановил машину. -- Я серьезно...

У Лили замерло сердце: "Говори, милый, любимый, говори!"

Но он покраснел, как мальчишка, и так и не сказал ничего...

"Глупый, -- подумала Лиля, -- неужели это так трудно сказать?.."

Шестьдесят километров, из которых лишь одна треть приходилась на шоссе, промелькнули незаметно.

Давно ли выехали из Кизыл-Калы, а уже показался вдали аул Талхан-Али. Он лежал среди зеленых полей хлопчатника у подножия Копет-Дага, окутанного дрожащей дымкой марева. Стройные тополя и развесистые карагачи скрывали строения.

Дорогу пересекали арыки, по которым стекала с гор мутная вода.

До этого майор Поддубный видел туркменские аулы лишь с воздуха. Они мелькали под самолетом зелеными заплатками, рябили небольшими, беспорядочно разбросанными строениями. Аул Талхан-Али представлял собою довольно большое селение с улицами и домами европейского типа. Это был новый, колхозный, социалистический аул. То там, то здесь, у домиков дехкан, под карагачами и шелковицами, стояли "Победы", "Москвичи", мотоциклы. Аул был зажиточный -это сразу бросалось в глаза.

-- Вон там живет Зейнаб, -- Лиля показала на хорошенький домик с этернитовой крышей и навесом на весь фасад. -- Да вот и она сама!

Из-за ограды на улицу вышла девушка в длинном, до пят, койнете, волосы ее были заплетены в четыре тугие косы, какие носят незамужние туркменки. В ней Поддубный сразу узнал ту скуластую смуглянку, которую впервые видел на веранде коттеджа. Заметив за рулем автомобиля офицера-летчика,

девушка смутилась.

-- Зейнаб! -- окликнула ее Лиля.

Зейнаб бросилась к машине.

Девушки обнялись. Лиля познакомила подругу с Поддубным.

-- Я тебя ждала, ждала, да и ждать перестала, -- сказала Зейнаб на отличном русском языке. Год назад она окончила университет и теперь преподавала в школе-десятилетке русский язык и литературу.

Все трое вошли в дом.

Зейнаб приоткрыла дверь в соседнюю комнату.

-- Эдже! -- позвала она.

На зовы вышла пожилая женщина, закутанная в белый платок. Поздоровавшись с Лилей, как со старой знакомой, она с приседанием, по-восточному, поклонилась летчику.

Поддубный огляделся. Пол в сенях заслан войлоком-кече, а в комнате -коврами. Круглый стол, стулья, шкаф с книгами и кровать завершали убранство этой опрятной и уютной комнаты.

На стенах -- фотографии, картины в рамах.

Кроме этой комнаты в доме было еще три. Очевидно, мужские и женские спальни.

Вскоре пришел хозяин дома -- пожилой плечистый человек в халате и шапке -- и его сын Байрам -- подвижный паренек лет шестнадцати-семнадцати. Сын был одет так же, как и отец, но вместо простого халата носил шелковый, и шапка у него была не черная, а серая, из каракульчи, с раструбом вверху.

Отец и сын также разговаривали по-русски. Байрам, узнав, что майор недавно служит здесь, вызвался показать ему аул. Прежде всего он повел гостя в чайхану, верне, в чайчи. Там несколько дехкан, разместившись на ковре и обливаясь потом, пили гокчай. Отдельно в углу перед недопитой пиалой сидел старый туркмен, напевая какую-то песню под аккомпанемент дутара.

Поддубному показалось, что он где-то встречался с этим стариком. Ба! На его шапке летная кокарда! Да ведь это тот самый Бояр, который привез на аэродром трос, перебитый Телюковым! Старик тоже узнал летчика и вежливо, широким гостеприимным жестом указал на место рядом с собой.

-- Садитесь, а то старый Бояр обидится, -- подсказал Байрам.

Пришлось Поддубному отведать гокчаю.

Чтобы угодить дорогому гостю, Бояр снова ударил по струнам дутара и хриплым голосом затянул песню.

-- О чем он поет? -- обратился Поддубный к Байраму, потягивающему из пиалы горячий зеленый напиток.

Тот, вслушиваясь в слова, передавал содержание песни.

-- Про летчиков, которые летают над горами, как соколы... Тем летчикам не страшны ни грозные бури, ни густые облака. Сильнее и смелее орлов те летчики. Орел в облаках не полетит -- упадет на землю и разобьется. А Летчики летают в облаках, летают по ночам и не разбиваются. Их, этих летчиков, обучает усаты полковник...

Это была песня-импровизация. Старый Бояр выступал сразу в трех ролях -музыканта, поэта и композитора.

-- Вы пригласите его к себе, -- сказал Поддубный Байраму. -- У меня есть отличное вино, угостим доброго старика.

-- О, старые люди вина не пьют. Мухаммед запретил. Молодежь вино пьет, а старики -- не пьют.

-- А все-таки пригласите.

Байрам обратился к старому Бояру, и тот в знак согласия закивал головой.

Байрам показал майору школу, где учит детей дехкан его сестра Зейнаб, библиотеку, клуб, правление колхоза, пруд.

Когда они вернулись домой, стол был уже накрыт.

Лиля принесла из машины три бутылки портвейна, привезенные Поддубным. Подали плов, конечно, в пиалах, но в каждой пиале была либо вилка, либо маленькая чайная ложка. Старый Бояр за стол не сел, устроился на ковре, скрестив под собой ноги; от вина и впрямь отказался.

Не села за стол рядом с мужчинами и мать Зейнаб -- не дозволено обычаем...

-- Глубоко засел в душе стариков бог, -- стыдливо пояснила Зейнаб.

Ели плов и запивали портвейном. Потом Байрам принес дыню, которая своим размером могла бы поспорить с самой крупной тыквой. А до чего вкусна и ароматна! И хоть хозяин видел, что гости и так в восторге от дыни, он расхваливал ее, как только мог. А разрумянившийся от вина Байрам клялся, что эта дыня едва ли не самая маленькая из тех, что лежат у них в погребе...

Поддубный не знал здешних обычаев и, боясь обидеть гостеприимных хозяев, не поднимался первым из-за стола. А хозяин, очевидно, ждал, пока поднимется гость. Обед, таким образом, затянулся надолго и, когда наконец закончили его, солнце уже клонилось к закату.

-- Я с большим удовольствием искупался бы, -- вытирая влажное лицо, сказал Поддубный. -- А ты, Лиля?

-- Иди купайся, а я побуду с Зейнаб.

-- Идем вместе.

Поддубный соскочил с балкона и протянул Лиле руку.

-- Здесь не принято, чтобы мужчины купались вместе с женщинами, -сказала Лиля.

-- Тогда прогуляемся.

Они взялись за руки. Пыль и песок набивались в босоножки. Лиля сняла их, оставила возле машины. Босая, в легком белом, с коротенькими рукавами платье, туго обтягивающем ее спортивную фигуру, она выглядела совсем девочкой.

-- Тебе так идет, Лиля, простое платье, -- заметил Поддубный.

Она не без кокетства прищурила на него глаза. Тряхнула головой, поправляя волосы, спросила:

-- Комплимент?

-- Yes, darling! -- шутливо ответил он.

Улица вывела их на тополевую аллею, которая шла к плотине. Поблескивала вода в пруду, обрамленном камышами.

В воде барахтались детишки. В предвечернем воздухе звонко раздавались их голоса. Поддубный огляделся кругом и сказал мечтательно:

-- И язык для нас непонятный, и обычаи не такие, как у нас, а люди свои, добрые, советские.

-- Очень хорошие люди, -- ответила Лиля. -- А как далеко вперед шагнула культура села! Взять хотя бы Зейнаб. Дочь простого дехканина, она закончила университет. Прежде здесь все поголовно были неграмотными, а теперь в десятилетке обучаются, на машинах да на мотоциклах разъезжают.

-- А по ту сторону совсем не то. -- Поддубный указал рукою на Копет-Даг, окутанный синей дымкой. -- В погожий день видно, как иранские крестьяне пашут буйволами свои нивы. Здесь тракторы, а там -- буйволы. Здесь дома европейского типа, а там -- хижины.

Миновав плотину, они подошли к карагачу, одиноко стоявшему в поле и бросавшему на землю лохматую тень. Вдали зеленели хлопковые нивы, разрезанные арыками. Под карагачем Поддубный остановился.

-- Мало времени осталось для нас, Лиля, -- с грустной улыбкой сказал он. -- Тебе скоро в институт...

Лиля сорвала листок и прикусила его белоснежными зубами.

-- Смотри, Ваня, какие узоры... -- После паузы спросила: -- А почему ты скрывался от меня в эти дни?

-- С Телюковым была неприятность.

-- Какая?

-- Ошибку в полете допустил... Но все обошлось благополучно.

Раскаленным шаром солнце медленно скатывалось за горизонт. Приближались сумерки. Над тополевой аллеей повисла

луна.

-- Не думал я, Лиля, что здесь, в песках Каракумов, найду свое счастье.

-- А ты уверен, что нашел?

-- Уверен, Лиля. Ты -- моя! Моя навсегда, на всю жизнь! -- Он поднял ее на руки. -- Буду просить Семена Петровича и Харитину Львовну. Ведь ты согласна, Лиля?

Она обхватила его шею руками, тихо прошептала:

-- Только не сегодня...

Закатилось солнце, и сразу на землю упала ночь. Стало очень тихо. Не шелохнется камыш, не плеснет вода... Как нарисованные, замерли на синем фоне неба стройные тополя. В ауле зажигали огни.

-- Давай искупаемся, кажется, детишки ушли.

-- Давай.

Вышли на берег озера. Поддубный разделся и нырнул в теплую воду. Вокруг него заколыхались в потревоженной глади озера мириады звезд.

-- Тепло? -- спросила Лиля, когда Поддубный вынырнул.

-- Хорошо! Иди ко мне!

Лиля стояла на берегу. В лунном свете она напоминала статую спортсменки, которую можно встретить в городских парках. Поддубный залюбовался ею. А она, чувствуя на себе его взгляд, не двигалась с места.

-- До чего ты хороша, Лиля...

Она бросилась в воду.

Пруд был неглубокий -- вода едва доходила до плеч. А дно чистое и твердое, но скользкое. Не такое, как в Каспийском море. Неожиданно Лиля попала в обрыв или в канаву. Погружаясь в воду с головой, она вскрикнула и тотчас же очутилась в руках Поддубного.

-- Не умеешь плавать? -- он встревоженною наклонился к ней.

-- Умею. Просто испугалась. Тут какая-то яма. Если хочешь, давай наперегонки. Согласен?

-- Согласен. Только тяжело тебе будет соревноваться.

-- Это еще как сказать... -- ответила Лиля. -- Поплыли? По команде: раз, два, три... Догонишь -- поцелуешь.

С этими словами она оттолкнулась от него и поплыла. Поддубный ринулся вслед вольным стилем, намереваясь догнать Лилю. Но Лиля действительно плавала очень хорошо. Он настиг ее только на противоположном берегу.

-- Ну что? -- повернулась она к нему.

-- Сдаюсь.

-- Повтори еще раз!

-- Сдаюсь.

-- То-то... "Не умеешь плавать", -- передразнила она его. -- Однако я устала. -- Лиля прильнула к нему.

-- А ты будешь ожидать, пока я кончу институт?

-- Нет, ты уедешь в институт моей женой. Пусть и диплом выписывают на мою фамилию. Поддубная Лиля -- красиво звучит?

Тем временем Байрам и Зейнаб нагружали "Победу" арбузами и дынями. Брат и сестра выбирали самые крупные.

На обратом пути майор Поддубный гнал машину на повышенной скорости -хотелось обоим приехать прежде, чем в коттедже лягут спать. И, конечно, думал о будущем. Лилю он подождет, пока она окончит институт. Да и ждать не так уж долго -- от каникул до каникул. А получит диплом, останется работать здесь, в Кизыл-Кале, в школе.

В коттедже командира полка еще не спали. На веранде сидели гости -майор Дроздов с женой, Супруги Горбуновы, инженер Жбанов. С того момента, как в гарнизоне появился Поддубный, жена инженера -- Капитолина Никифоровна -- дулась на Харитину Львовну и у нее уже не бывала.

-- О, да здесь все полковое начальство! -- сказал Поддубный, поднимаясь по ступенькам на веранду. Поздоровавшись с гостями, он спросил: -- Кто из вас любитель арбузов и дынь? Пожалуйте на разгрузку машины!

-- Привезли? -- воскликнула Вера Иосифовна.

-- Полную машину!

Все начали переносить в коттедж арбузы и дыни. Вера Иосифовна подмигнула Поддубному, дескать, молодец! Она была убеждена в том, что Иван Васильевич послушался ее совета в отношении Лили.

-- Вот растут же в этих песках, а? -- восхищался Семен Петрович, принимая и укладывая арбузы в одну сторону, а дыни -- в другую. -- Иди-ка, погляди, стара!

Харитина Львовна в это время выполняла свои материнские обязанности: потихоньку бранила дочь за то, что та замешкалась.

Семен Петрович принес из кухни нож.

-- С чего начнем? С арбуза или с дыни?

Но тут зазвонил телефон.

-- Кто это так поздно? Подойди, Лиля.

-- Тебя, отец, скорее. -- сказала дочь.

Семен Петрович побежал в кабинет и сразу же вернулся, на ходу натягивая комбинезон.

-- Тревога!

-- Тревога! -- неслось по проводам.

-- Тревога! -- сообщали звуковые сигналы у штаба, у казармы,

у гаража.

Весь гарнизон поднялся как один человек. Гремели моторы автомашин, сновали люди, мигали карманные фонари.

-- На аэродром!

-- На аэродром!

Тревога вихрем прокатилась по гарнизону, и сразу все стихло. В коттеджах остались одни женщины и дети.

-- Боевая или учебная? -- допытывалась Лиля, думая о Поддубном, который уже мчался на "Победе" к аэродрому.

-- Не тревожься, Лилечка, -- сказала Вера Иосифовна. -- Ничего плохого с твоим Иваном не случится. Идем лучше арбузы и дыни есть. Наша женская доля такая...

-- Ох, Вера Иосифовна, милая...

Это была учебная тревога.

Глава десятая

Полковник Слива получил отпуск, который давно просил у начальства, и собирался на берег Каспийского моря, отдохнуть и порыбачить. Там, неподалеку от санатория авиаторов, жил его старый приятель -- полковник в отставке; у него была своя дача, моторная лодка. Слава завзятого рыболова сопутствовала ему.

Харитина Львовна неохотно провожала мужа.

-- Лучше бы на Полтавщину съездили, -- ворчала она. -- А то, не приведи господи, еще утонешь в море!

-- А это что? -- потрясал Семен Петрович спасательным жилетом и резиновой лодкой, которые брал с собой. -- На Полтащину еще успеем. Никуда она, твоя Полтавщина, не денется. Да и рыбалка там не такая. Что в реке? Окуньки да щучки -- мелюзга всякая. А в море -- берш, сазан, кутум -- во рыбища! -- И он широко разводил руками.

Поскольку майор Гришин был хоть и временным, но все же заместителем командира полка, то должен был остаться за него. Но начальство приняло иное решение: полк поручили не заместителю, а помощнику командира -- Ивану Васильевичу Поддубному.

С одной стороны, для Гришина это было даже лучше -- меньше ответственности. С другой -- явно пахло недоверием. Получилось, что начальство ставит Поддубного выше Гришина... Значит, из начальника он, Гришин, становится подчиненным.

"Выскочка! Карьерист! Подхалим!" -- выходил он из себя.

Но приказ есть приказ. Ничего не поделаешь. Пусть только не воображает Поддубный, что Гришин хоть чем-нибудь поможет ему!

Семен Петрович знал, что Поддубному придется туго, и, находясь в отпуске, частенько звонил в полк по телефону.

-- Ты, Иван Васильевич?

-- Я, Семен Петрович.

-- Не засыпало тебя песками? А деревья? Не посохли еще деревья?

-- Зеленеют, Семен Петрович.

-- Гляди, чтоб зеленели! Приеду и, ежели увижу, что деревья высохли, выломаю дубок и дубком тебя, дубком, невзирая на то, что полком командуешь.

-- У дубинки две половинки, -- отшучивался Поддубный.

Семен Петрович возмущался:

-- Ты смеешь угрожать мне? Ты, может, меня уже и командиром не признаешь?

-- Признаю, Семен Петрович.

-- А вообще-то, как у тебя там дела? Чепе нет? Гришин не бунтует?

-- Все в порядке, отдыхайте спокойно.

Так они поговорят и пожелают друг другу всего наилучшего.

Как-то полковник позвонил ночью, и Иван Васильевич сразу догадался, о чем пойдет речь. Состоялся межполковой воздушный бой, по поводу которого в Кизыл-Калу прилетал Герой Советского Союза подполковник Удальцов.

Бой выиграли удальцовцы. Такой приговор вынесли посредники -- офицеры штаба дивизии. Семен Петрович, узнав об этом, рассердился не на шутку.

-- Не спишь, битый?! -- закричал он в трубку, даже не поздоровавшись.

-- За одного битого двух небитых дают.

-- Бабушке своей расскажи!

-- Не слишком ли строго, Семен Петрович?

В трубке послышалось чмоканье -- полковник зло тянул свою потухшую трубку.

-- Возьмите спички, Семен Петрович. Они у вас в левом кармане.

-- Ты меня не учи, битый! Сам знаю, где у меня что лежит. Разбили тебя как шведа под Полтавой, а ты еще нос дерешь, шутить изволишь. А я, старый чудак, восхвалял тебя! Полк тебе передал. А оказывается, Удальцов обвел тебя вокруг пальца, перехитрил!

Подполковник действительно перехитрил. Рано утром он организовал радиоразведку, и как только радисты донесли, что на аэродроме Кизыл-Кала подозрительная возня, туда немедленно устремилась пара истребителей-охотников. Кизыл-калынские локаторщики, как говорится, прошляпили истребителей, и те как гром среди ясного неба ударили по

аэродрому. Майор Дроздов и старший лейтенант Телюков не успели взлететь, как посредник передал, что оба истребителя "уничтожены" на старте, то есть на земле.

Телюков, услышав это, сорвал с себя шлемофон, выскочил из кабины как ошпаренный.

-- Как уничтожены?! -- закричал он. -- Неправильно! У нас и условия не было, чтобы блокировать аэродром. Пусть попробуют уничтожить в воздухе! Не родился еще на свет тот летчик, который уничтожил бы меня! Воевать -- так воевать честно, а не так, как удальцовцы, -- из-за угла, исподтишка...

-- Чего вы разбушевались? -- пытался унять напарника майор Дроздов. -Кто виноват, что мы не научились строго придерживаться радиодисциплины? Подняли в эфире какофонию, вот "противник" и проучил нас. Времена рыцарства миновали. Сегодняшний противник на выйдет и не скажет: "А ну, такой-сякой, мистер-твистер, вынимай рапиру и защищайся". Он нападает внезапно, именно так, как напал Удальцоав.

Майор Дроздов должен был возглавить группу, но, поскольку его "уничтожили" еще на земле, кизыл-калынцы на некоторое время остались без руководителя. Вместе с этим они "потеряли" двух наилучших бойцов. А удальцовцы, захватив инициативу в свои руки, так и не выпустили ее до конца. Все это вместе взятое и решило судьбу "боя".

-- Эх ты, голова! -- сокрушался обиженный Семен Петрович.

Поддубный не сердился. Поражение в воздушном "бою" не только не огорчило его, а, наоборот, окрылило. Иметь такого соседа, как Удальцов, -очень хорошо! Будет с кем соревноваться и будет чему поучиться. Сегодня Удальцов победил, а завтра торжествовать победу будут кизыл-калынцы.

Поддубный слушал Семена Петровича, а думал о своем...

...На окраине аэродрома Кизыл-Кала стояли в разодранных бурею чехлах девять Ту-2. Не случайно попали эти устаревшие винтомоторные бомбардировщики в пустыню. Предполагалось в последний раз использовать их в качестве воздушных мишеней.

Игра стоила свеч. Расстреливая в воздухе настоящие бомбардировщики, летчики-истребители могли научиться стрелять по реальным целям и воочию убедиться в величайшей разрушительной силе самолетных пушек, что содействовало бы воспитанию воздушных воинов в духе наступательного порыва. Опасности же никакой. Стреляй в пустыне на все четыре стороны -- никого не заденешь.

Упадет сбитый бомбардировщик, взорвется -- и разве что табун антилоп или шакалов напугает...

Но то ли летчика не находилось, который бы согласился "вывозить" бомбардировщики, пускать их на автопилотах, а потом прыгать с парашютом, то ли была какая-то иная причина, только Ту-2 долгое время стояли без пользы, доживая свой век в пустыне.

Майор Поддубный, посоветовавшись с руководящими офицерами полка, которые горячо поддержали его, решил претворить в жизнь задуманное. Именно об этом он и намекал старшему лейтенанту Телюкову еще тогда, когда тот вернулся с гауптвахты. Но в то время Поддубный не знал, что Телюков в прошлом закончил училище летчиков-бомбардировщиков и при желании мог бы летать на Ту-2, да и Семен Петрович мог бы сказать: "Ну их к лешему, эти Ту-2". Теперь полковник далеко... Спрашивать же Телюкова о согласии -излишне. Это такой человек, что, если его подвести к межпланетной ракете и сказать: "Не рискнете ли, товарищ Телюков, полететь на Марс?", он бы, не задумываясь, ответил: "А почему бы и нет? Лишь бы разрешили..."

Но предстояло еще много дел. Телюкову следовало тренироваться и в полетах на бомбардировщиках, и в прыжках с парашютом. Затем соответствующим образом подготовить бомбардировщики. А главное -- получить разрешение. И, наконец, нужно иметь вертолет, который подбирал бы Телюкова после катапультирования.

Многое нужно было еще сделать. Серьезное дело задумано, но Поддубный твердо решил довести его до конца. Его в этом активно поддерживал замполит Горбунов. Он собственноручно писал докладную записку, доказывая, что использование Ту-2 в качестве мишеней -- дело большой важности и вполне осуществимо. Замполит стал для Поддубного так же близок, как Дроздов. Поддубный уважал Горбунова за прямоту характера, скромность и прекрасное понимание современных задач по

обучению и воспитанию воинов-авиаторов. После отъезда Семена Петровича в отпуск они еще больше сблизились, работали, как говорится, душа в душу. Даже столы поставили в одном кабинете, потому что никогда не мешали друг другу.

-- Это идея, Иван Васильевич, аллах ее побери! -- говорил замполит, имея в виду Ту-2. -- Какая, собственно, разница -- целые самолеты мы сдадим промышленности на переплавку или обломки? Зато польза-то какая! А?

-- Вот именно!

Захватив с собой инженера, они ездили осматривать Ту-2, сами опробовали на некоторых машинах двигатели, управление, приборы.

Вот об этом, о Ту-2, и думал Поддубный, разговаривая с полковником ночью по телефону.

Подождав, пока Семен Петрович успокоится, отведет душу, он вкратце изложил ему план.

-- Ого, что тебе взбрело в голову! -- загудел голос Семена Петровича в трубке. -- Не лез бы ты, хлопче, допрежь батьки в пекло. Прыток больно!

-- Ничего не прыток! У американцев это практикуется.

-- Сомневаюсь. Они свои устаревшие самолеты и вообще всякий военный хлам продают стеллитам. На тебе, Данило, что нам не мило, а ты доллары взамен...

-- И продают, конечно, и используют как мишени.

-- Нет у нас необходимости подражать американцам, -- упирался полковник.

-- Подражать нечего, но ценное надо перенимать.

-- Нет, нет, выкинь ты это дело из головы!

-- Не выкину, Семен Петрович! Горбунов -- за. Попробуем ходатайствовать перед высшим начальством.

-- Ну, валяйте, валяйте, коль нечего вам делать. Только заранее предупреждаю: ничего не выйдет.

-- Посмотрим.

Спустя примерно неделю с того дня, как замполит опечатал пакет с докладной запиской в адрес Военного совета, на аэродроме Кизыл-Кала приземлился транспортный Ли-2, из которого высадилась группа офицеров во главе с главным инженером соединения. Увидя своего прямого начальника, инженер-подполковник Жбанов поспешил ему навстречу, чтобы отдать рапорт.

На стоянке самолетов засуетились:

-- Комиссия!

Особенно волновались те, кто чувствовал за собой какую-нибудь провинность. Несколько техников побежали в помещение,

где хранились формуляры, и начали наскоро заполнять соответствующие графы, которые должны были заполнить раньше. Механики, оружейники, прибористы рвали ветошь и начинали драить самолетам фюзеляжи, крылья, хвосты. Утром, снимая со своего самолета чехол, техник-лейтенант Гречка оторвал шнурок. Не ахти какой дефект, но и к нему тоже может придраться комиссия... Гречка замаскировался под самолетом и, вынув из панамы иглу, принялся поспешно пришивать злополучный шнурок.

Волнения, однако, оказались напрасными. Вопреки ожиданию, главный инженер в сопровождении офицеров направился в противоположную сторону аэродрома, туда, где стояли старые, никому не нужные бомбардировщики Ту-2. Авиаспециалисты, поддавшиеся переполоху, дабы сгладить свою поспешность, а главное, напрасную рачительность и растерянность, разглагольствовали.

Гречка рассуждал как бы сам с собою:

-- Ну что такое шнурок? Так себе, чепуха. А увидели бы члены комиссии, что его нет на чехле, -- сразу в блокнот. А потом: "Такой-сякой техник Гречка плохо ухаживает за своим самолетом". И пошла бы писать губерния... Как-то -- это было еще в школе, -- продолжал Гречка, обращаясь к товарищам, -- налетела комиссия, тоже из штаба. Дернуло одного инженера заглянуть в кабину моего самолета. А там, как на грех, грязь прилипла к педалям. Вот за эти-то педали и гакнуло мне... Так протирали с песочком, что в пот кинуло... А ведь, по правде говоря, отличником считался. К медали был представлен. Не довелось увидеть мне ту медаль. Даже фотографию мою выскребли с доски отличников... Так сразу слава моя и померкла... Посему с комиссиями шутки плохи...

Авиационные специалисты любили слушать Гречку, который говорил по-русски с мягким украинским акцентом. Получалось у него очень своеобразно. Говорил он всегда серьезно, без тени улыбки, с наивной простотой. А интонации были теплые, с юмором.

Прилетевшие офицеры снимали с бомбардировщиков чехлы.

Все недоумевали: что они надумали?

Туда же, к бомбардировщикам, по рулежной дорожке промчалась командирская "Победа". Рядом с майором Поддубным сидел замполит Горбунов. Вскоре к Ту-2 подкатила бензоцистерна. А приблизительно через час загудели запущенные двигатели.

Пробуют. Неужели кто-нибудь собирается летать на этих старых корытах? И какая в этом необходимость? Ведь боевая

авиация -- истребительная и бомбардировочная -- давно уже перешли на реактивные моторы.

-- Не иначе как в музей древностей собираются отправить.

-- В тех самолетах давно уже фаланги и скорпионы водятся.

-- Водятся или не водятся, а крысы благоденствуют, -- сказал Гречка. -Они, проклятые, обмотками проводов лакомятся. На одном аэродроме, как рассказывают, пришлось стоянку самолетов облить мазутом. Видимо-невидимо поналипало тех крыс. Залезет в мазут -- и ни сюды и ни туды. Подрыгает ногами, хвостом посмыкает -- и готова.

-- А не случалось, чтобы крыса поднялась на самолете в воздух? -спросил кто-то из младших авиационных специалистов.

-- Э, нет. Крысу туда и калачом не заманишь. Чует подвох, заранее сбегает...

Условно старший лейтенант Телюков был уже вторично уничтожен в учебных боях. Первый раз это случилось во время воспроизведения взрыва атомной бомбы. Вздумалось ему посмотреть на дымный гриб. Высунул из укрытия голову, а посредник с белой повязкой на рукаве тут как тут:

-- Забрать!

Санитары подхватили летчика на носилки и поволокли в санчасть. Там "пострадавшего" осмотрели, измерили уровень радиации и отсортировали к группе безнадежных, так сказать, к боевым потерям.

Но тогда его только позабавила эта строгая и, на его взгляд, несколько наивная условность. Обращаясь к таким же, как он сам, "Уничтоженным", Телюков пошутил:

-- Закурим, пока наши праведные души не дошли до рая. А то и покурить там не дадут -- святые апостолы боятся табачного дыма как черт ладана.

"Пострадавшие" покатывались со смеху.

Теперь же, при вторичном "уничтожении", эта условность выводила его из себя. Заядлый летчик-истребитель никак не мог примириться с мыслью о том, что он потерпел поражение и не где-нибудь, а в кабине самолета, да еще от кого! От удальцовцев, у которых только и славы, что командир Герой, Золотой Звездой сверкает...

Вспомнив о том, что начштаба подполковник Асинов любит все делать "на основании соответствующих документов", Телюков отправился к нему.

-- Разрешите, товарищ подполковник?

-- Что там у вас? -- начштаба оторвал взгляд от бумаг.

Телюков приблизился к столу.

-- Если уж удальцовцы такие меткие стрелки, то пусть

покажут пленки фотопулеметов. Документальное подтверждение пусть пришлют. Я больше чем уверен, что документально они не смогут подтвердить.

Телюков опоздал ровно на два часа. Пленки уже лежали в ящике стола начштаба. Глянул летчик -- глазам не поверил. Два самолета сняты на старте. Правда, трудно определить, чьи это самолеты. Удальцовцы могли и свои сфотографировать... Но нет... видно, что аэродром кизыл-калынский. Вон и рябая будка СКП стоит на месте и Ту-2 захвачены объективом.

Телюков выругался в адрес удальцовцев и швырнул пленку в корзину для бумаг.

Начштаба чуть не подпрыгнул от возмущения:

-- Как вы смеете так обращаться со штабными документами? А ну, поднимите и подайте сюда.

-- Тоже мне, документы! -- презрительно фыркнул Телюков, но все же достал пленку из карзины.

-- Дайте сюда, я вам приказываю, старший лейтенант!

-- Сожгите ее, товарищ подполковник.

Возмущенный начштаба приказал летчику выйти из кабинета.

Это произошло накануне стрелковой тренировки, которую Телюков должен был провести по плану с молодыми летчиками. Потому явился в тир взвинченным и злым.

И досталось же беднягам, особенно лейтенанту Байрачному за его привычку улыбаться где надо и не надо.

-- Чего вы, лейтенант, расцвели, как майская роза? -- придрался он к Байрачному, когда тот промахнулся. -- Мизинчиком кто-то кивает из-за мишени, что ли? Бросьте улыбаться! Хотите попасть -- зверем, зверем глядите на мишень!

Григорий Байрачный вытаращил глаза, стиснул зубы -- зверем глядел. Не помогло. Пули пролетели мимо мишени, движущейся на проволоке вдоль стены.

Майор Поддубный вложил много творческих сил, чтобы оборудовать тир соответственно современным требованиям. Тир получился на славу. Здесь все двигалось: и мишени, и кабина с пулеметом и стрелком. Мишени -- на проволоке, кабина -- на рельсах. В движение они приводились с помощью лебедки, которую вращал солдат. Не так-то просто было попасть в мишень.

Телюков сел на место Байрачного.

-- Вот как надо целиться и стрелять. Поняли свое задание?

-- Что ж тут не понять?

-- Отставить! Как надо отвечать? Устав забыли?

-- Так точно! -- выпалил Байрачный.

-- Что "так точно"? Забыли?

-- Да нет. Я говорю, что отвечать надо по уставу: "Так точно".

-- Я вас выучу, лейтенант! -- Телюков погрозил пальцем и окликнул солдата, крутившего лебедку. -- Давайте, да побыстрее!

Кабина медленно покатилась, под колесами хрустел песок. Двинулись одна за другой мишени. Телюков впился взглядом в прицел.

"Др-р-р" -- прогремела очередь.

Мишень -- фанерная модель самолета -- разлетелась на куски. Еще одна очередь -- и от второй мишени остался лишь обрывок проволоки.

-- Видели? Вот как надо целиться!

Солдат-оружейник перезарядил пулемет. В кабину сел Байрачный.

-- Не волнуйтесь, спокойно. Плавно нажимайте на гашетку, -- поучал Телюков. -- Двинули! -- махнул он солдату красным флажком.

На этот раз Байрачный попал в цель. Правда, мишень не разлетелась, но порядочный кусок от нее оторвало пулями. И то достижение.

-- Продолжайте так.

Лейтенант Калашников отстрелялся первым и пытливо наблюдал за старшим лейтенантом. Калашников писал картину, на которой изображал Телюкова в кабине самолета. Работал художник много и добросовестно, но лицо ему пока не удавалось. Чего-то не хватало в нем, какой-то черты характера. Сходство как будто и полное и в то же время не полное. Телюков и не Телюков глядел с полотна.

Припомнились слова отца, тоже художника, который с досадой говорил, что сын не пишет, а фотографирует, что он не умеет, к сожалению, видеть то, что видит подлинный художник, а именно: внутренний мир человека. Верно: туда не доходил глаз Калашникова... он и впрямь не мог себе уяснить, как можно заглянуть в душу человека, увидеть, вернее, уловить нечто скрытое от людского взора, а потом это "скрытое" отобразить на полотне. Он фотографировал своей кистью, считал, что ему не дан талант, поэтому и не рискнул учиться на художника.

Но почему же теперь его одолевало желание сделать настоящий портрет? Почему он задумался об этих внутренних чертах? Что это -- творческий рост? А что если он найдет это внутреннее "Я" Телюкова и создаст настоящее полотно? Ах, если бы найти!

Он перебирал в воображении черты характера Телюкова. Телюков смелый, отчаянно смелый. В нем много самолюбия. Одарен, влюблен в свою профессию. Без полетов не может жить. Полет для него -- романтика. И вдруг -- зверем глядеть на

мишень! Как это может ужиться рядом с романтикой? И что получится от соединения всех этих черт?

Калашников не мог дать себе ответа на эти вопросы, но понимал одно: Телюков -- натура сложная, лишенная тех бесхитростных черт, какие позволили бы сказать безошибочно: он такой-то и такой-то.

...Телюков измучился вконец, тренируя Байрачного.

-- Хватит! -- он махнул рукой и вынул портсигар. -- Разрешаю закурить.

Летчики присели на рельсы, расстегнули комбинезоны, чтобы просушить взмокшие майки!

Телюков выкручивал каблуком воронку в песке, щурился, думал о чем-то своем. Пустив колечко дыма, он сказал Байрачному спокойно:

-- Стрелять -- это вам не камешки в воду бросать развлечения ради. Это умение уничтожить врага. И если вы его не уничтожите, он уничтожит вас. В бою -- кто кого. А вы, простите, улыбаетесь, а до смеха ли тут? До шуток?

-- Натура у меня такая, -- оправдывался Байрачный.

-- Ломать надо скверную натуру, вот что!

-- Выходит, мне и улыбаться нельзя?

-- Смотря где. На танцах -- улыбайтесь, сколько влезет. Встретитесь с вашей медсестрой -- смейтесь, шутите на здоровье. А здесь? Какие здесь могут быть шутки? Вот вы дважды промахнулись. В бою это могло бы стоить вам жизни. Счастье ваше, что мишень не стреляет, а то она вас уничтожила бы. Где промах -- там проигрыш боя. Слышали, что по поводу этого рассказывал майор Поддубный?

Разговор внезапно прервался -- за Телюковым пришла с аэродрома "Победа".

-- Вас срочно вызывает командир, -- сообщил Челматкин.

Он доставил летчика к Ту-2.

Пармовцы (ПАРМ -- полевые авиаремонтные мастерские) проверяли моторы, агрегаты, приборы, срывали с самолетов фонари, а обычные сиденья в кабинах заменяли катапультными. Маляры перекрасили бомбардировщики в красный цвет, и они напоминали гигантских вареных раков.

Телюков сразу догадался, зачем его позвали.

Впереди -- интересная боевая работа. Летчики-истребители получат возможность стрелять в настоящие самолеты. Жаль только, что их невозможно поднять в стратосферу, где летают современные реактивные бомбардировщики...

Майор Поддубный представил Телюкова только что прибывшему летчику-инструктору. Когда же ремонтники во главе

с инженером подготовили двухместный Ту-2, инструктор начал "вывозить" Телюкова. И молодец же Телюков! После седьмого провозного вылетел на Ту-2 самостоятельно. Каких-нибудь три-четыре дня, и летчик все освоил. Одновременно он тренировал себя на земле, готовясь к прыжкам с парашютом.

Когда все подготовительные работы были завершены, прилетел генерал-майор авиации Щукин со своими помощниками. Они проложили маршрут, по которому будет запускаться на автопилотах Ту-2, обозначили район, где будет приземляться Телюков и где его должен подбирать вертолет.

Кизыл-Калынский аэродром стал в центре внимания всего соединения.

К стрельбе по Ту-2 готовились, однако, не только кизыл-калынцы, но и летчики других полков, в том числе полка Удальцова. Этот не зевал. Пронюхав о затее соседей, он каждый день наведывался в Кизыл-Калу, боясь, чтобы его не обошли...

И вот к полетам все уже готово.

Завтра утром первый вылет.

Старший лейтенант Телюков поставил картину на стол, прислонил ее к стене и отошел на середину комнаты, чтобы полюбоваться своим портретом на расстоянии.

-- Ты! Ей-богу, ты, Филипп Кондратьевич! -- обращался он к своему изображению. -- Смотри пожалуйста, какая важная персона развалилась в кабине! Только золотой рамы не хватает! Но будет и рама. Поеду в Ашхабад и куплю. Еще, чего доброго, в Эрмитаж или в Третьяковку попадешь, Филипп Кондратьевич, если врежешься где-нибудь в пески... Тогда напишут: "Отважный летчик-истребитель, авиатор пустыни, герой учебных будней Филипп Кондратьевич Телюков жил и работал в эру аэропланов реактивных". И будут на тебя глядеть потомки, как на Чкалова.

Польщенный своим собственным красноречием, Телюков подмигнул сам себе в зеркале, пристроился у края стола и раскрыл учебник английского языка. Он во всем, насколько это позволяла его непоседливая натура, подражал "академику" и поставил себе целью в совершенстве овладеть английским языком, который изучал в десятилетке. Он так увлекся, что частенько над учебником и словарем засиживался до полуночи, если на утро не планировались полеты.

А ведь завтра полеты, да еще какие! На Ту-2 с катапультой! Стреляющий механизм выбросит его, Телюкова, из кабины, как мину, и повиснет он с парашютом над дикими песками.

Стало как-то не по себе при одной мысли об этом. Разум человека придумал катапульту. Не одному летчику спасла она жизнь. И все же эта такая штука, которая хороша, когда о ней не

думаешь. Вот, например, с самолетом произошла в воздухе какая-то авария. Думать некогда, и летчик нажимает на спуск стреляющего механизма. Самолет камнем падает вниз, разбивается, а летчик спокойно опускается с парашютом.

А когда захочешь разобраться подробно -- как же это так -- стрелять самим собою, вылетать из кабины вместе с сиденьем, да еще вспомнишь, что мощный поток воздуха может и рот разодрать, если невзначай разинешь его... нет, лучше уж не думать...

Одним словом, катапульта -- это на крайний случай, если уж ничего другого для спасения не остается. В конце концов лучше иметь рот залатанный, чем не иметь ничего.

Телюкова никто не неволил идти на такой риск. Он согласился по доброй воле, сознательно и даже охотно, да и какой же это летчик, если боится катапульты! А он, Телюков, не просто летчик, а старший летчик. Хоть и небольшой, но все же начальник. Он должен служить образцом для остальных. И он покажет, на что способен! Пусть на его примере товарищи закаляют свои сердца для будущих боев за Родину!

Как никогда прежде, Телюков чувствовал себя счастливым. Завтра в его отваге и храбрости убедится сам генерал. Его, Телюкова, имя станет известным в соединении, а возможно, о нем узнают и в Москве. В том же, что все будет хорошо, он почти не сомневался. Все вычислено, проверено, предусмотрено.

Неожиданно в окно ворвались звуки гитары. Кто это не спит в столь позднюю ночь? Ясно -- молодые летчики. Не летают еще по ночам, не дежурят на аэродроме -- вот и гуляют.

Телюков вышел на крыльцо. Летчики, как видно, возвращались из клуба и прошли мимо, не заметив Телюкова.

Немного погодя в темноте зашуршали чьи-то шаги, упругие, легкие. Так ходит Лиля... Телюков пригляделся и увидел Лизу Жбанову -- дочь инженера. От нее веяло нежным запахом дорогих духов.

-- Лиза!

Девушка остановилась.

-- Не узнаете?

-- Узнала.

-- Проводить вас, Лиза?

Лиза стремительно повернулась и, почти касаясь локтя Телюкова полной грудью, зашептала таинственно, предостерегающе:

-- Не летите! Ту-2 -- это западня, ловушка, которую придумал для вас Поддубный... К нам приходил майор Гришин... Знаете, что он сказал папе? Нет, вы ничего не знаете... А я слышала. Гришин

говорил, что Поддубный специально придумал полеты на старых бомбардировщиках, чтобы вы разбились... Из-за Лили. Не верите? Спросите у мамы! Она тоже слышала. И мама посоветовала мне как-нибудь передать это вам, чтобы вы отказались вообще летать на бомбардировщиках. А Лиля любит вас... только чин майора, должно быть, затуманил ей глаза... Она ездила с ним на "Победе" в аул. Я все знаю...

-- Поздно, Лиза. Вопрос решен, я завтра лечу, -- ответил Телюков, не успев еще разобраться в услышанном.

-- Не летите! -- умоляюще воскликнула Лиза и еще крепче прильнула к Телюкову. -- Не летите!

"А ты? Чего так взволнована? -- подумал Телюков. -- Неужели ты... -- и у него явилось желание провести с ней вечер. -- Пригласить разве? Ведь завтра и впрямь может что-нибудь произойти... Бомбардировщики устарели... Жизнь коротка..."

Телюков мягко привлек Лизу к себе.

-- Пойдем ко мне? Ну?..

Вдруг в нем что-то словно оборвалось. С непонятным ему самому чувством он невольно отстранился. "Пустая дуреха", -- подумал он с презрением и сказал уже сухо:

-- Нет, поздно. Идите, Лиза. Я не разобьюсь. Не беспокойтесь.

Вернувшись к себе, Телюков долго шагал по комнате взад и вперед, каждый раз натыкаясь на штангу, лежащую на полу. Мысли путались в голове. Западня? Нет, не таков Поддубный, чтобы расставлять западни! Здесь что-то не то. Он хорошо знает Гришина, знает Лизу и ее мать. Сорвать полеты, расквитаться с Поддубным, выставить его, Телюкова, в неприглядном свете, сделать из него труса, посмешище перед генералом -- вот чего добивается Гришин. Но этого не будет! Не будет ни за что!

Он нагнулся к штанге, выжал раз, другой, третий. Потом разделся, окатил себя водой, вытерся и лег в постель.

Глава одиннадцатая

Медсестра Бибиджан не решалась раскрыть свою тайну и в последние дни избегала встреч с лейтенантом Байрачным. А если они и сталкивались где-либо случайно на улице, то поспешно удирала и тайком горько рыдала.

Несчастье, свалившееся на нее с детских лет, начинало сказываться на службе. Недавно Бибиджан перепутала лекарства, дала выпить больному солдату Баклуше вместо микстуры стопку спирта.

--Давненько не пробовал таких лекарств, -- крякнул солдат, запивая водой. -- Мне б еще стопочку, сестрица...

-- Сколько прописано, столько и даю.

-- Сестрица, голубушка...

"Что это ему так понравилось?" -- подумала Бибиджан. Посмотрела на флакон, из которого наливала лекарство, а на этикетке написано: "Spiritus vini rectificati".

-- Идите в палату и сейчас же ложитесь в постель, -- перепугалась сестра.

Баклуша ушел, но по дороге очутился в кабинете главного врача -- майора медицинской службы Абрама Львовича Бух. Солдат бил себя кулаком в грудь, доказывал, икая, что он совершенно здоров и не знает, "какого рожна" его здесь держат.

-- Вы где это успели напиться? -- спросил врач.

-- Сестрица дала. Это лекарство такое, со спиртом.

-- Какое лекарство? -- изумился врач. -- Позвать сюда сестру! Пусть принесет мой рецепт!

Поднялся шум. Бибиджан -- в слезы:

-- Простите, Абрам Львович, я ошиблась.

-- Потому что порядка нет в процедурной. Порядка нет! -- Абрам Львович забегал по кабинету, хватая себя за голову.

Бибиджан был объявлен выговор в приказе.

Байрачный, поскольку Бибиджан избегала его, сильно досадовал и злился и на нее и на себя. "Как это я позволяю какой-то девчонке водить себя за нос? Что ж это я за тряпка? А еще летчик-истребитель!"

Оставив Скибу и Калашникова, которые уселись с гитарой на крыльце, он отправился в поликлинику, где в эту ночь дежурила Бибиджан. Стучался в двери и в окна -- не впустила и сама не вышла.

"Ну и не надо, подумаешь! -- успокаивал сам себя. -- А я еще, дурак, золотые часы купил в подарок... Другой подарю, а ты сиди в своей процедурной. Пожалеешь, да поздно будет!"

Байрачный полагал, что и в таких случаях он должен действовать решительно -- нет так нет! Все, крышка!

Утром он вместе со всеми летчиками поехал на аэродром, чтобы посмотреть на необычные полеты.

Ровно в десять ноль-ноль Телюков сел в кабину нацеленного носом на бетонную полосу Ту-2. Непривычно чувствовал себя летчик. Над головой -отверстие, впереди -- тоже все открыто, только один защитный козырек из плексигласа, такой примерно, какой ставят на мотоциклы. Кроме пистолета, спасательного жилета, парашюта с резиновой надувной лодкой -- этих неизменных спутников летчика в полете Телюков имел при себе две брезентовые сумки, прикрепленные к поясу (одна с ракетницей и ракетами, другая с флягами, наполненными водой и спиртом); у него был запас еды, компас, санитарные пакеты, нож, спички. Все это могло пригодиться, если летчика

своевременно не подберут после катапультирования или если его ненароком занесет в море.

Телюкову присвоили позывной "Дракон". Собственно, он сам выбрал это слово, по своему вкусу. Таким образом, с того момента, как Телюков сел в кабину Ту-2, он уже был не Телюков, а "Дракон" и, гордо чеканя каждую букву, произносил по радио:

-- Я -- Др-ракон! Я -- Др-ракон!

На стартовом командном пункте пост руководителя полетов занял генерал Щукин, прилетевший в Кизыл-Калу накануне вечером. Он был "Верба" -- позывной СКП. Возле Ту-2 стояли старшие офицеры соединения. Каждый их них уже дал летчику последние указания по своей служебной линии. Ждали только команду генерала.

В стороне от взлетно-посадочной полосы, как ветряк, навзничь поваленный бурей, махал крыльями вертолет. Он то поднимался метров на пять над землей, то снова приседал на колеса -- экипаж тренировался, готовясь к выполнению задания.

Инженер, который непосредственно готовил к выпуску Ту-2, похаживал перед самолетом, держа за спиной наземный предохранитель катапульты. Инженер явно показывал начальникам, что не забыл вынуть предохранитель. И по тому, как инструктировал инженер летчика относительно непредвиденных случайностей в полете и настройки автопилота, было видно, что он очень волнуется. Очевидно, генерал как следует предупредил инженера...

Но вот прозвучала команда по радио:

-- Дракон -- запуск!

-- От винта! -- скомандовал Телюков.

Заревели моторы, вздымая позади пыль, задрожал на тормозных колодках самолет. Телюков, проверив моторы на максимальных оборотах, запросил разрешения на взлет.

-- Взлет разрешаю, -- передал генерал.

Телюков сбавил газ и условным знаком передал авиационным специалистам, чтоб из-под колес убрали тормозные колодки. Минуту спустя краснокрылый самолет начал разбег. Оторвавшись от земли, он медленно поплыл вверх. Старые моторы тянули плохо. Казалось, вот-вот откажет один, а за ним другой, и самолет "ляжет" на крыло, "клюнет" носом в землю. Телюков поспешил убрать шасси, чтобы уменьшить лобовое сопротивление. Поглядел на высотомер. Пятьдесят... сто. Сто пятьдесят... двести метров. Наконец стрелка приблизилась к тремстам. Этой высоты уже достаточно, чтобы в случае чего катапультироваться. Исчезла напряженность, летчик почувствовал себя более уверенно.

А моторы, хоть и медленно, но тянули самолет вверх. Пусть не волнуется инженер. Пусть не трясется от страха штурман Гришин, сидящий у индикатора радиолокатора. Материальная часть самолета действует исправно.

-- Я -- Дракон, -- радировал Телюков. -- Высота около двух тысяч. Иду заданным курсом.

"Верба" радировала в ответ:

-- Вас слышу. Продолжайте полет. Как поняли?

-- Дракон понял вас правильно.

В лицо Телюкову дул прохладный ветер; солнце слепило глаза. Летчик прислушивался к звукам в эфире. Офицеры-наводчики подняли пару истребителей с аэродрома Удальцова. Какая-то пара шла из-за Каспия. Чуть позже вылетели майор Поддубный и майор Дроздов. Взял старт и вертолет.

-- Дракон! Вы в заданном квадрате. Дракон, вы в заданном квадрате! -сообщил штурман Гришин.

Так подошла пора оставить самолет. Высота около четырех тысяч метров. Телюков ручками центрирования подрегулировал автопилот, чтобы самолет летел прямолинейно в горизонтальной плоскости. Сделав это, осмотрел местность, где ему предстояло приземлиться на парашюте. С высоты она казалась ровной, как пол. На самом же деле в этом районе должны быть где-то невысокие горы, к которым примыкает такыр. Вокруг в радиусе ста километров на карте не значилось ни одного населенного пункта.

"Пора так пора", -- подумал Телюков и передал в эфир:

-- Я -- Дракон. Через минуту оставляю самолет.

-- Я -- Верба. Оставляйте.

-- Вас понял. Я -- Дракон. Встречайте на земле.

-- Я -- Верба. Вертолет вышел. Оставляйте.

-- Я -- Дракон. Оставляю. Все. Все.

Телюков отсоединил шнур шлемофона и начал готовиться к катапультированию: снял ноги с педалей и поставил на подножки сиденья, левой рукой опустил вниз рычаг стопорения привязных ремней, а правой подал вперед и вниз рычаг предохранителя спуска стреляющего механизма, напряг мускулы, уперся головой в заголовник, а ногами -- в поручни сиденья. Осталось нажать на спуск стреляющего механизма, но вдруг в глаза бросились часы на доске приборов. "Для чего же им пропадать?" -- подумал летчик. Он вынул часы, сунул их себе в карман, а уже после этого, зажмурившись и крепко сжав губы, нажал на спуск стреляющего механизма.

То, что больше всего волновало летчика, осуществилось. Его выкинуло вон из кабины вместе с сиденьем. Тело сделало сальто.

Уступая инстинкту, Телюков схватил "грушу", отстегнул привязные ремни, потом ногами и руками оттолкнул от себя сиденье, так же инстинктивно вытянул руки и ласточкой устремился вниз, навстречу земле.

Раздался хлопок -- раскрылся парашют. Закачавшись под белым шелковым куполом, охваченный бьющей через край радостью, Телюков запел:

Не для тебя ли
В садах наших вишни
Рано так начали зреть?
Рано веселые звездочки вышли,
Чтоб на тебя поглядеть.

Эту свою любимую песенку он всегда напевал в полетах мысленно, остерегаясь, чтобы при включении радиопередатчика не услышал командир. А теперь не услышит никто. Он один над пустыней, один, как Демон. И кто знает, быть может, там, где он приземлится, еще не ступала нога человека.

Между тем не так уж одинок оказался Телюков на земле.

Его встретили... шакалы.

-- У-у, гады! -- летчик выхватил пистолет.

Когда звери разбежались, он начал подбирать парашют. Через несколько минут в небе замаячил вертолет. Телюков выстрелил из ракетницы раз, другой. Экипаж вертолета заметил сигналы и начал снижаться к летчику, чтобы взять его на борт.

Так Телюков "выкинул" в воздух четыре Ту-2. Четыре дня -- четыре прыжка с парашютом. Все шло нормально. Лишь врачи из авиационного госпиталя докучали. Не успеет Телюков выйти из вертолета, как они хватают его и везут в поликлинику. Один выслушивает пульс, другой ставит на весы, третий отводит на рентген, четвертый сидит в столовой и наблюдает за аппетитом.

Один подполковник медицинской службы сказал Телюкову, что его прыжки представляют с точки зрения авиационной медицины огромный интерес. Признался, что пишет диссертацию, и даже тему назвал. Из длинного перечня слов летчик запомнил лишь одно -- "рефлексы".

-- О рефлексах уже Павлов писал, -- заметил Телюков, давая ученому понять, что и в этой науке он не профан.

Ученый-медик пояснил:

-- Авиационная медицина -- новая область науки. Ее проблемы еще не вполне исследованы. Меня удивляет, как вы не понимаете...

-- Чего не понимаю? -- запальчиво прервал его Телюков. -- Вы хотите писать диссертацию? Садитесь в самолет, катапультируйтесь, вот и узнаете на собственном опыте, какие

бывают рефлексы. И диссертация пойдет как по маслу. Наука требует риска, даже жертв. Вспомните Пастера, Джордано Бруно...

На дерзость летчика врач пожаловался Поддубному. Это было как раз тогда, когда Телюков должен был вернуться после пятого полета. Но неожиданно в вертолете, который вылетел за летчиком, возникла неисправность. Вертолет приземлился где-то около железнодорожной станции. Пока выясняли причину вынужденной посадки, пока ремонтировали вертолет, налетел ураган. Налетел, как всегда, нежданно-негаданно: по ту сторону Копет-Дага иностранные государства и, естественно, нет метеорологической станции, которая бы своевременно могла предупредить авиаторов о приближении бури.

На аэродроме забили тревогу. По проводам и в эфир полетело штормовое оповещение. Авиационные специалисты пришвартовывали самолеты, ремонтники плотно закрывали в помещениях своих мастерских окна и двери.

Но как быть с Телюковым? Ведь он сидит где-то в пустыне, да еще неизвестно, как приземлился, все ли с ним благополучно? А вдруг с ним что-то случилось и он лежит раненый, ожидая помощи?

Генерала Щукина на аэродроме не было -- накануне он вылетел в штаб соединения. Полетами руководил майор Поддубный. Вызывать второй вертолет поздно. Что делать? Положение создавалось угрожающее. Поддубный позвонил командиру дивизии. Но что тот мог посоветовать?

Черная туча пыли перекатилась через Кизыл-Калу, заволокла все вокруг и двинулась дальше. Закачалась на колесах будка СКП, звякнуло вырванное ветром стекло. Песок посыпался на столы, на радиоаппаратуру, оседая тонким серым порошком.

С тех пор, как полковник Слива уехал в отпуск, штурман Гришин бывал на СКП лишь тогда, когда его присутствие было необходимо по обязанности. Он со дня на день ожидал приказа о назначении Поддубного постоянным заместителем командира полка и как временный заместитель совершенно отстранился от дел. Поддубного он по-прежнему считал выскочкой и был уверен, что тот рано или поздно свернет себе шею, скатится по служебной лестнице вниз. Аварии и катастрофы ускорят его конец...

Сегодня штурмана пригнало сюда беспокойство за Телюкова и, кроме того, желание еще раз доказать Поддубному, что тот слишком много берет на себя, что полководца из него не получится. Так прямо сказать в глаза он не мог, конечно, и начал издалека, намеками:

-- Эх, не было печали...

Поддубный не обратил на его слова внимания, и Гришин

решил быть откровенным:

-- Нужно было вам затевать эту канитель с Ту-2, чтоб они провалились!

Поддубный тяжело повернулся к штурману:

-- Представьте, нужно. Неужели вы, Алексей Александрович, не понимаете, почему нужно?

-- Мы тут своими людьми рискуем, а стреляют удальцовцы и другие. Выходит, на соседей трудимся?

-- На усиление нашей обороны, на нашу общую боеготовность -- вот почему мы рискуем людьми. А вы думали, как завоевывается будущая победа?

-- Рискуйте, рискуйте, -- заметил штурман, поглядывая из будки на аэродром, где завывала и свистела песчаная пурга.

-- Телюков приземлился в квадрате двадцать пять? -- спросил Поддубный.

-- Я уже, кажется, докладывал.

-- Кажется? А я требую от вас точного ответа на мои вопросы. Извольте отвечать так, как надлежит отвечать подчиненному!

-- В квадрате двадцать пять, -- обиженно буркнул Гришин и захлопнул за собой дверь.

Поддубный хотел вернуть его, но вошел врач, тот самый, что жаловался на Телюкова. Сплевывая с языка песок, он спросил:

-- Скажите, товарищ майор, может человек во время такой бури погибнуть в пустыне?

-- Такой, как Телюков, -- не может.

-- Но ведь человек -- только человек...

-- Разные бывают люди.

В этот раз старший лейтенант Телюков приземлился в саксаульных зарослях. Среди живой природы, пожалуй, нет ничего более неприглядного и унылого, чем эта жалкая, хотя и упрямая, растительность. Тут не найдешь, где укрыться от палящего зноя. Торчат из песка голые, скрюченные в три погибели, узловатые ветки. Словно пожар прошелся по земле. Кое-где валяются поломанные сучья, а издалека кажется, будто переплелись между собой змеи, греясь на солнце.

-- Ого-го, Филипп Кондратьевич, куда тебя занесло! -- вслух подумал летчик, оглядываясь вокруг.

Он выбросился на высоте семи тысяч метров. Спускаясь на парашюте, не пел свою любимую песенку -- рот был закрыт кислородной маской. Вообще не до развлечений было! Летчик вошел в так называемый горизонтальный штопор и, падая на землю, вертелся волчком.

Он не дождался, пока сработает автомат роспуска парашюта, дернул за кольцо.

У летчика не было зеркала, а если бы он взглянул на себя, то, вероятно, испугался бы. Веки воспалились и покраснели, глаз запорошило пылью, лопнувшие прожилки залили их кровью.

"Эге, да я что-то стал плохо видеть", -- подумал Телюков и часто заморгал, оглядываясь в то же время, не летит ли вертолет? Набрав в ладони воды, он промыл глаза. Не помогло. Теперь самому придется обращаться к врачу, с глазами что-то явно не ладно...

Прошло полчаса. Потом час. Вертолет не появлялся. Уже напрасно истрачена половина запаса ракет. Телюков наломал саксаула, сложил его на гребне бархана, развел костер. Вскоре он заметил на горизонте зловещую черную тучу, надвигавшуюся с юга-запада. Буря! Ясно: экипаж вертолета испугался бури. Придется, вероятно, заночевать в пустыне.

Не подозревая об аварии, Телюков посылал в адрес экипажа вертолета яростные проклятия: -- Жалкие трусы! Летуны, рожденные ползать! Где ваше чувство товарищества? Вам коров пасти, а не в авиации служить, молокососы!

Глас вопиющего в пустыне. Проклятия не остановили бурю, она упорно надвигалась, подкрадываясь к солнцу, чтобы заслонить его собой. От барханов падали черные тени. Тишина была такая, что звенело в ушах.

Перед лицом опасности самое страшное -- бездеятельность человека. Это было хорошо известно летчику, и он, не теряя ни минуты, начал готовиться к встрече с бурей. Прежде всего нашел ложбину. Потом разостлал на песке парашют, сложил его вдвое и, набросив на куст саксаула, закрепил концы как можно крепче, чтобы импровизированный шелковый шатер не сорвало ветром. После этого наломал палок, натыкал их с наветренной стороны шатра и завалил песком, сделав небольшой вал. Управившись, летчик залез под шатер, глотнул спирту, закусил шоколадом.

Предчувствуя бурю, где-то поблизости тоскливо завывали шакалы.

Весть о том, что старшего лейтенанта Телюкова не подобрали и что его застал в пустыне ураган, дошла до штаба соединения. Оттуда полетели по телеграфу запросы о судьбе летчика и о причине аварии вертолета.

Майор Поддубный продиктовал телеграфисту подробное донесение и к десяти часам вечера выехал в городок.

Дома у себя он неожиданно застал Лилю.

-- Ты, Лиля? Что случилось?

-- Выключи свет, -- сказала она. -- Я не хочу, чтобы меня здесь видели, особенно сегодня.

-- А что произошло?

-- Тяжело мне. Поссорилась с мамой, она меня выругала, вот я и пришла к тебе. Я уже давно жду здесь.

Поддубный сел рядом на диване, обнял ее.

-- За что же она выругала тебя?

Лиля склонила голову к нему на плечо.

-- Лиза Жбанова распускает слухи, будто ты нарочно придумал полеты на Ту-2, чтобы избавиться от соперника.

-- И Харитина Львовна поверила этому?

-- Не знаю. Ты поговорил бы с инженером, пускай уймет свою дочь, пристыдит, что ли...

-- Поговорю. Обязательно поговорю. Только мне кажется, не Лиза инициатор. Видишь ли, Гришин прилагает немало усилий, чтобы сорвать полеты на бомбардировщиках. Он повадился к Жбановым. Вот Лиза и болтает о том, что слышит от него...

-- Для чего они тебе, эти полеты, Ваня?

-- То есть как для чего?

-- Да так -- для чего? -- Она выжидающе смотрела ему в глаза.

Поддубный задумчиво улыбнулся:

-- Видишь ли, Лиля! Ведь мы, летчики, воины и должны учиться тому, что требуется знать на войне. Я еще думаю организовать прыжки с парашютами в море. Сам первым выброшусь, а за мной остальные. Не забывай, что мы военные летчики и должны быть готовыми к любым испытаниям.

-- неужели снова будет война?

-- Враг бряцает оружием, и мы должны быть наготове.

В стекла швыряло песком. Уныло свистел ветер. Порой с улицы доносилось дикое завывание бури.

-- Жаль мне Телюкова! -- тихо проговорила Лиля. -- Как-то страшно становится, когда подумаешь, что он один... в пустыне... в такую пору. Один и негде приютиться.

-- Мне тоже очень жаль его. И в то же время я завидую ему.

-- Завидуешь?

-- Отчасти -- да. Хотелось бы испробовать свои силы в поединке с ураганом...

-- Не торопись, кто знает, может, еще большая беда подстерегает тебя...

Неожиданно раздался стук в дверь.

-- Ой! -- Лиля вскочила. -- Выйди, Иван, в коридор.

Это были лейтенанты Байрачный, Скиба и Калашников.

-- Простите, товарищ майор, -- сказал Байрачный. -- Увидели вашу машину вот и позволили себе зайти. Мы по поводу Телюкова. Ничего не слышно?

-- Волнуетесь за своего товарища?

-- А как же! -- ответил за всех Скиба.

-- К сожалению, ничем не могу вас порадовать. Остался в пустыне.

-- Это мы знаем, -- заметил Байрачный. -- А как вы думаете -- выживет?

-- А вы какого мнения?

-- Выживет! -- единодушно воскликнули летчики.

-- Наши мнения сходятся.

-- Еще раз извините, товарищ майор... Спокойной ночи.

-- Всего хорошего. Не беспокойтесь, -- сказал майор, выпроваживая их, и не без удовольствия подумал: вот она, живая аттестация на будущего командира молодежного звена! Если б не любили и не уважали, вряд ли пришли бы сюда.

-- Кто это заходил? -- спросила Лиля.

-- Молодые летчики. Беспокоятся о Телюкове.

Лиля поглядела в окно:

-- Ваня, а что, если... Ведь с тебя спросят. Ты ведь остался за командира...

-- Ниже, чем до рядового летчика, не понизят, Лилечка. Главное -летчиком остаться. Я думаю, что ты и тогда не перестанешь меня любить...

-- О чем ты говоришь! Да я просто так... Телюкова жаль. Он и без того столько пережил...

-- Иди, Лиля, домой, ложись спать. Тем, что мы оба будем здесь вздыхать, делу не поможешь...

-- Гонишь? -- обиделась девушка.

-- Ну что ты! Если хочешь -- оставайся. Теперь я спокоен. Ведь между нами все решено, не так ли? Мне просто неприятно, что мать дома беспокоится. К тому же мне надо пойти к замполиту.

-- Ты прав, я пойду, -- согласилась Лиля.

Поддубный проводил ее домой. По пути собирался зайти к инженеру, но передумал. А если бы зашел, то столкнулся бы с Гришиным.

Подружились штурман и инженер. Подружились потому, что нашли общий язык. Не нравился инженеру Поддубный, как не нравился он с самого начала и штурману.

Прежде планировали один, от силы два летных дня в неделю. А теперь все полеты, полеты. И не куда-нибудь, а в стратосферу, на практический потолок.

-- Все торопит, лезет куда-то, все ему что-то надо. Совсем извел авиационных специалистов, -- ворчал инженер. -- Прежде, бывало, и в будни урвешь часок-другой, чтобы походить с ружьем, поохотиться на лисиц. А при Поддубном только и знаешь, что торчишь на аэродроме. И куда он спешит с этим учением? Будто завтра война! Одержимый какой-то!

Штурман Гришин придерживался таких же взглядов.

-- Я предвидел неприятность, Кондрат Кондратьевич, -- вторил он инженеру. -- Зачем Поддубному понадобились эти Ту-2? Не понимаю. Допустим, что Телюков спасется. Допустим, хотя шансов маловато. Но вы же понимаете сами: разве после всего перенесенного он останется боеспособным летчиком? О нет, Кондрат Кондратьевич! Надо же учитывать те невероятно тяжелые условия, в которых мы находимся. Поддубный забывает, что здесь не север, а юг. Пустыня! Каракумы! А он, невзирая ни на что, жмет на все педали.

-- И сам себя загонял, и людям не дает спокойно жить, -- вторил инженер.

-- Живешь, как на войне. Летчики рискуют жизнью ежедневно, ежечасно.

-- И работы чертова уйма! На фронте и то легче было нашему брату авиаспециалисту. Бывало, при нелетной погоде прохлаждаешься себе где-нибудь летом под кустом, а зимой отдыхаешь в теплой землянке...

Штурман наклонился к инженеру и прошептал:

-- Между нами, Кондрат Кондратьевич... Я отчасти доволен тем, что произошло. Хоть и жаль Телюкова, но все к лучшему в этом лучшем из миров. Погибнет один -- спасем десятерых... А Поддубного за жабры...

-- Хорошо бы, Алексей Александрович, если б его забрали вообще. А то прямо-таки невозможно: день и ночь, день и ночь -- все у самолетов. Возьмите вы, к примеру, этот буран. Это же беда для техника! Неделя нужна для профилактики, если придерживаться всех правил. А он разве даст неделю? И дня, скажет, достаточно.

-- Конечно, скажет!

Штурман еще ближе склонился к инженеру:

-- Я, Кондрат Кондратьевич, веду записи. Все у меня как на ладони. Придет время -- зачитаю на Военном совете округа, покажу, к чему приводит пренебрежение методическими указаниями. И уверен -- Поддубного снимут.

-- Если бы сняли...

Замполит Горбунов тоже был не один -- с Дроздовым. В комнате -- дым коромыслом. На столе разостлана карта-пятикилометровка. Квадрат "25" обведен красным карандашом. Где-то там Телюков.

-- Что нового, друзья мои? -- Поддубный подошел к карте, стараясь казаться бодрым.

-- Смотрим со Степаном Михайловичем сюда, -- замполит ткнул пальцем в кружок, -- а мысли там. Думаем и ничего не

можем придумать. Вся надежда на выносливость Телюкова.

-- Да, больше, пожалуй, ничего не остается.

Дроздов, оседлав своими длинными ногами табурет, тронул Поддубного за рукав:

-- Мне сегодня Гришин рассказал один интересный анекдот. Хочешь послушать, Иван Васильевич? Только сначала дай слово, что не обидишься. Я по-дружески.

-- Давай. Догадываюсь -- это камешек в мой огород.

-- Разумеется.

Небритое лицо Дроздова, запорошенное песчаной пылью, было серым и шершавым, как наждачная бумага. Покрасневшие веки воспалены, в уголках глаз -- черные точечки песчаной пыли.

-- И так, извольте выслушать анекдот, -- сказал Дроздов. -- В море выходит военный корабль. Капитан передает по радио: "Я снялся с якоря! Я иду заданным курсом! Я ищу неприятеля! Я приближаюсь к вражескому кораблю! Я атакую!" А через некоторое время тот же капитан передает: "Мы идем ко дну".

Поддубный, уловив смысл анекдота, усмехнулся:

-- Значит, когда успех, то "Я", а когда поражение, то "Мы"? Ну что ж, Андрей Федорович, анекдот поучителен. А как полагает Гришин, придется ему отвечать за Телюкова?

-- Отвечать ему придется так или иначе, -- серьезно заметил замполит. -- Перед партийной комиссией придется. Только не за Телюкова, а за склоки и попытку сорвать полеты на Ту-2. Пал человек до такой низости, что Лизу Жбанову подговорил: иди, мол, скажи Телюкову, что Ту-2 -- это западня, выставленная соперником...

...На рассвете буря как будто несколько утихла, но вскоре разыгралась с новой силой. Вихри шквального ветра трепали и рвали крышу клуба, швыряя на землю куски этернита; буран выбил в кухне окно, засыпав песком котлы; повреждены были телефонные и электрические провода. Все это требовало немедленного вмешательства.

Майор Поддубный вызвал в штаб капитана Горбунова, майора Дроздова и вместе с ними пробился на аэродром, где сидел со своими летчиками-перехватчиками капитан Марков.

-- Ну как здесь у вас? -- спросил Поддубный, входя в дежурный домик.

Капитан Марков, резавшийся с летчиками в "козла", подал команду "Товарищи офицеры!" и начал докладывать:

-- Особенного ничего не произошло. Ночью бурей сорвало один самолет со стоянки. Часовой своевременно обнаружил это, поднял тревогу. Самолет не поврежден. Радиостанция действует, связь существует.

Дроздов разбудил метеоролога:

-- Вставайте, а то вы и бурю проспите, и командира...

Метеоролог, молоденький, безусый техник-лейтенант, который недавно прибыл в полк, вытянулся перед майором в струнку.

-- Скорость ветра -- около сорока метров в секунду, видимость -- десять метров.

-- А на какую высоту поднимается эта песчаная "стена"? -- спросил майор.

-- Верхняя граница песка -- до двух тысяч, а пыль -- до шести тысяч метров.

-- Всего, значит, шесть тысяч?

-- Так точно!

-- А сколько времени, по-вашему, может продолжаться буря?

-- Не могу знать, товарищ майор!

Буря не унималась. На следующий день она несла песок волнами. Пройдет волна, посветлеет вокруг и как будто утихнет. А потом начинается все сначала. Воспользовавшись затишьем, майор Поддубный, рискуя жизнью, взлетел в воздух, пробил "стену" и очутился в безоблачном небе. Радиолокатор вывел его в квадрат "25", где должен был находиться Телюков. Важно, чтобы он услышал гул самолета, увидел свет фары и не делал попыток пробиваться к Кизыл-Кале пешком, ибо такая попытка может стоить жизни.

Прибыв в квадрат "25", Поддубный начал виражить, потом спикировал, нацелив на землю мощный свет фары.

Этот маневр он повторил несколько раз.

От шелковой палатки остались одни клочья, трепетавшие на колючих ветвях саксаула.

В первые минуты после того, как расшатанный бурей куст саксаула разодрал полотнище парашюта, Телюков подумал, что ему пришел конец. Куда ни глянь -- повсюду вихри песка: слепит глаза, забивает дыхание.

Вдруг он вспомнил о кислородной маске. Надел ее, сунул шланг за пазуху. Теперь рот и нос были прикрыты. При таком положении с бурей можно было еще поспорить.

В ложбине вихрился песок. Телюков выбрался из нее и вскарабкался на гребень бархана. С гребня его сразу сбросило вниз. Снова попал в углубление. Песок сыпался уже сверху. Тоже плохо. На четвереньках пополз дальше и вскоре добрался до ущелья, которое образовалось между двумя барханами. Здесь по крайней мере ветер дул в одном направлении.

В этом ущелье летчик просидел до вечера и остался на ночь. Не рассказать и не описать эту ночь! Вокруг гудело, выло,

свистело. Порой казалось, что по ущелью скачет табун каких-то диких зверей. Телюков выхватывал пистолет и целился в темноту. Всю ночь просидел он настороже. К рассвету задремал, но ненадолго. Проснулся от щемящей боли в горле. Приподнял маску и отпил глоток воды. Он не мог усидеть на месте и зашагал по ущелью, увязая по щиколотки в песке. Набрел на густые заросли саксаула. Здесь было как будто тише. Он вырыл под кустом неглубокую яму, растянул с наветренной стороны обрывок парашюта, привязал его к саксаулу стропами. Стало относительно спокойнее. Телюков съел кусок колбасы, к спирту не притронулся -- после него еще больше мучила жажда. Запасы воды иссякали - оставалось меньше половины фляги.

По всему было видно, что буря утихнет не скоро, и Телюков начал соображать, что же делать дальше. До Кизыл-Калы было более ста километров. До рудника Каменского, пожалуй, ближе. Есть часы, есть компас, есть карта. Еда тоже пока есть. Но ветер валит с ног! Да т в конце концов на рудник можно и не попасть, чего доброго, пройдешь мимо. И до Кизыл-Калы не доберешься. Еще застрянешь где-нибудь.

Так ничего и не решил.

Песчаную муть сменили такие же мутные сумерки. Все вокруг потускнело. Будто кто-то взял и замазал очки тушью.

Телюков невольно сравнивал себя с Робинзоном Крузо. Тот был удачливее. Попал на живописный остров, где была вода, зелень, где не свирепствовал песчаный буран. А главное, он был не один... Эх, Филипп Кондратьевич, ведь ты солдат, и не пристало тебе падать духом... Хоть бы кто-нибудь из писателей изобразил тебя... Ну хоть не книгу о тебе написал бы, а коротенький рассказ... поведал бы людям, как ты прыгал с парашютом, как на четвереньках ползал по барханам между кустов колючего саксаула.

Миновала еще одна ночь. Время подвигалось мучительно медленно. Постепенно, незаметно для самого себя, Телюков высосал из фляги последние капли воды. А буря все еще не унималась. Дальше оставаться здесь было невозможно. Надо идти. Но куда? В Кизыл-Калу? Конечно только туда! Он в крайнем случае выйдет на железную дорогу и ракетами остановит проходящий поезд.

Когда у летчика созрело довольно определенное решение, до его слуха докатился гул самолета. Летчик сразу узнал "миг". Он схватил ракетницу, выстрелил. Тускло мерцающие разноцветные огоньки поглотила пыльная мгла. Он стрелял еще и еще. "Миг" прогрохотал в стороне и ушел.

"Не увидел!" -- в отчаянии подумал Телюков.

Но вот самолет, развернувшись, снова приблизился к зарослям саксаула. Грохот усилился. По-видимому, летчик снижался. Вдруг мелькнул луч света: не то фара, не то ракета. Фара! Луч достиг земли, осветил серые дымящиеся гривы барханов. Телюков в ответ разрядил ракетницу.

-- Ура-а!..

Трижды прошелся над ним "миг", пикируя включенной фарой. В последний раз луч едва не задел Телюкова. Это было признаком того, что летчик заметил ракеты и определил местопребывание того, кого искал.

Телюков не видел самолета и тем паче не знал, кто из летчиков отправился на его розыски. Но он понимал, что это -- подлинный герой. Пикировать в такую муть -- для этого нужны крепчайшие нервы. Даже если это летчик из полка Удальцова, и то можно назвать его героем. Тут ничего другого не скажешь...

Но с какой целью прилетел он? Выяснить -- жив ли? Постой, постой, Филипп Кондратьевич, а не выкинул ли где-нибудь летчик бак с водой?

При мыслях о воде спазмы сжали пересохшее горло. И хотя Телюков понимал, что ни один бак, если его сбросить с борта скоростного реактивного самолета, не уцелеет и что искать этот бак -- бесплодная затея, он все же отправился на поиски. Он хотел пить. За глоток холодной воды он отдал бы все на свете...

До позднего вечера блуждал Телюков между барханами в тщетных поисках бака с водой. На старое, "обжитое" место он уже не попал. Измученный, одолеваемый безотрадными мыслями, он повалился на песок, подложил руки под голову и забылся тяжелым сном. Во сне он видел стол, накрытый белой скатертью, а на нем -- сизый от ледяной воды графин. Он наливал и пил, не отрываясь, стакан за стаканом. Холодная, необычайно вкусная вода растекалась по всему телу. Утолив жажду, он лениво прислушивался к журчанию такого же холодного ручейка, который выбивался из скалы. Потом разулся и бродил по воде, шлепая босыми ногами, мыл лицо, руки, обливался, плескал на себя.

Но каково же было разочарование летчика, когда, проснувшись, он понял, что это был лишь сладостный сон. Не было заиндевелого графина, как не было и студеного ручейка. Под локтями и коленями шуршал все тот же сухой, зыбучий песок.

Светящийся циферблат часов показывал три часа ночи. Скоро наступит утро, и с первыми лучами солнца он, Телюков, двинется в путь, ориентируясь по компасу. Больше оставаться тут нельзя, иначе неминуема гибель. А чтобы снова не задремать, он

поднимался на ноги, прохаживался, ползал, срываясь с барханов. Как-то, провалившись в песчаный сугроб и карабкаясь обратно наверх, он нащупал под собой какой-то твердый продолговатый предмет -- вроде куска отшлифованного камня. Включил карманный фонарь. Оказалось, что это лошадиный или верблюжий череп. Телюков невольно вздрогнул, когда вспомнил, что в костях умерших животных обитает еще более опасное, нежели скорпион и фаланга, насекомое пустыни -- каракут. Достаточно одного укуса этого небольшого жука, чтобы замертво пал верблюд. Летчик поспешил уползти подальше от страшного черепа и, наткнувшись на колючий куст, устроился под ним. И здесь он снова неожиданно для себя задремал.

...Розоватая, с золотистой окаемкой туча распластала свои крылья на горизонте. Не дрогнет ветка саксаула. Спят барханы, окутанные застывшей волнистой рябью песка. Вдали скачет тушканчик, разметывая песок набалдашником хвостика.

Нет, это уже не сон... Это видит Телюков наяву. Ураган затих так же неожиданно, как и разбушевался.

Светало. По барханам скользнул первый солнечный луч. В небе раздался рокот вертолета. Телюков выстрелил из ракетницы. Красным лучом промелькнула ответная ракета.

-- Сюда, сюда, летуны, рожденные ползать! -- вне себя от охватившей его радости кричал Телюков, пуская вторую, а за ней и третью ракеты.

Через несколько минут вертолет висел над головой летчика, выпуская из своего пузатого чрева веревочную лестницу -- трап. Телюков ловил ее онемевшими руками и никак не мог поймать. Какой-то офицер в фуражке с зеленым околышем спускался на землю, робко перебирая руками. Ба! Да это же врач, который решает проблемы авиационной медицины, пишет диссертацию! Молодец, ей-богу, молодец! Но где же он был раньше?

-- Воды мне! -- потребовал Телюков.

Врач, соскочив на землю, обхватил летчика руками, прижал к себе, поцеловал в спекшиеся губы.

-- Живы?

-- Кажется, да. Но вам, как врачу, виднее, -- пошутил Телюков. -- Я пить чертовски хочу.

-- Сейчас, сейчас мы дадим вам воды, -- засуетился врач. -- Полезайте.

Когда Телюков поднялся по трапу, его подхватили под руки двое солдат. Один из них подал летчику термос с холодным чаем. И тщетно пытался врач отнять у измученного жаждой человека воду, доказывая, что много пить опасно. Телюков не выпускал из рук термоса, пока не выпил все до последней капли.

-- Еще! -- прокряхтел он задыхаясь.

-- Довольно! -- решительно запротестовал не на шутку обеспокоенный врач и второй термос с водой выбросил за борт. -- Ведь это очень опасно!

Закрылись дверцы. Вертолет полез вверх, оставляя внизу сухие, колючие ветки саксаула. Телюков подключил шлемофон к сети переговорного устройства вертолета, обратился к летчикам, которые сидели впереди за остеклением кабины. Узнав о постигшей экипаж вертолета аварии, Телюков чертыхнулся и обратился к врачу:

-- А диссертация, пожалуй, получится у вас неплохая. Только позовите меня, когда будете защищать. Я выступлю в роли оппонента.

-- Позову, обязательно позову. Только вы уж, пожалуйста, не противьтесь обследованию. Это нужно для науки...

-- Готов служить ей чем могу! -- ответил Телюков.

Вернувшись на аэродром, он прежде попросил назвать ему того летчика, который летал над пустыней и пикировал в непроницаемую муть.

-- Хочу поглядеть на этого подлинного героя, спасшего меня от верной гибели. Не прилети он, я, пожалуй, отправился бы пешком и, конечно, не дошел бы.

Телюкову сказали, что это Поддубный.

-- Майор Поддубный?

А почему, собственно, это так удивляет тебя, товарищ старший лейтенант?

В это утро, прервав отпуск, покинув гостеприимную дачу старого приятеля и махнув рукой на рыбную ловлю, вернулся в Кизыл-Калу полковник Слива. Какой уж там отпуск, если в полку такие события!

-- Не послушался меня! -- распекал Семен Петрович Поддубного. -- Бой с Удальцовым проиграл. Телюкова не подобрал своевременно. Сам летаешь да еще пикируешь во время урагана. Вот и поручай такому полк. Нет, занимайся-ка лучше своей огневой, а командовать полком буду я... Уж больно ты шибко действуешь, Иван Васильевич...

-- Действовал, как долг подсказывал, -- оправдывался Поддубный.

-- Ну как же так, голубь, надо ведь меру знать!

Полеты на Ту-2 временно прекратили.

Глава двенадцатая

Произошло то, что неминуемо должно было произойти -- к Бибиджан приехал ее жених Кара. Да не один, а с верным дружком Аманом. Подкатили парни на "Москвиче" прямо к

поликлинике. Кара в новом, с иголочки, европейском костюме. Сразу видно -- прибыл к невесте.

Помутилось в голове у девушки. Заметалась бедняжка, не зная, что предпринять, куда скрыться. Присела в страхе за шкафом с медикаментами и вся дрожала как в лихорадке. Пусть здесь, на этом самом месте убьет ее Кара -она не поедет с ним, не станет его женой. Она любит Григория. И какая же она глупая, что пряталась от него, не пошла с ним в загс, когда он предлагал.

Кара вошел в приемную поликлиники, и уже санитарка вызывает:

-- Бибиджан!

Нет, не выйдет Бибиджан. Тут, за шкафом, и умрет, а за немилого не выйдет. Скорее яд выпьет... О, зачем понадобилось родителям засватать ее, маленькую, глупую девочку?

-- Бибиджан! -- звала санитарка.

"И чего она кричит на весь коридор? Услышит Абрам Львович -- опять неприятность, -- размышляла Бибиджан. -- Хотя нет, пусть слышит. Ну, конечно, пусть слышит. Он заступится за нее, не позволит Кара схватить ее и насильно увезти в машине!.

Санитарка вошла в процедурную. Не заметив сестру, заглянула в физиотерапевтический кабинет, затем отворила дверь зубопротезного кабинета. Бибиджан услышала еще чьи-то шаги и увидела старшего лейтенанта Телюкова. Она сразу вышла из своей засады.

-- Здравствуйте, Биби! -- весело приветствовал ее летчик. -- А я к вам. Закапайте еще раз в глаза, что-то режет и щиплет... а ведь завтра полет... Э-э, да вы чем-то взволнованы?!

Бибиджан уставилась на летчика испуганным взором.

-- Биби, что с вами, почему вы молчите?

Санитарка снова появилась в процедурной.

-- Куда ты девалась, Бибиджан? Там твои земляки приехали, тебя вызывают.

Девушка кинулась к Телюкову:

-- Спасите, меня увезут...

-- Кто увезет?

-- Те, что в машине. Понимаете: у нас обычай такой... Еще в детстве... И вот жених приехал, чтобы забрать меня. А я не хочу... Прошу вас.

Телюков сообразил, в чем дело.

-- Так они, говорите, за вами? Да я их... Ручаюсь, Биби, вас никто и пальцем не тронет! Я им сейчас покажу от ворот поворот.

Бибиджан зашептала умоляюще:

-- Только вы с ними по-хорошему...

-- Понятно, Биби. Я по-хорошему. -- Телюков выразительно

сжал кулак и зашагал по коридору к выходу.

Вскоре послышался его грозный голос:

-- Эй, вы, пережитки прошлого! И не совестно вам выкрадывать невест! А еще на машине разъезжаете!

Заговорил Кара, но Бибиджан не могла разобрать его слов. Да и без того нетрудно догадаться: он, конечно, доказывает Телюкову, что Бибиджан обручена с ним и он имеет на нее право...

Минут через десять Телюков возвратился в процедурную. На лице его было написано полнейшее недоумение.

-- Биби, ваши земляки, -- он многозначительно повертел пальцем у виска, -- что-то не в себе... Они поздравили меня с законным браком, приглашают в аул. Судя по их словам, вы моя законная супруга. Да, да, супруга! Их, очевидно, кто-то ввел в заблуждение. Но ребята они хорошие. Ей-богу, хорошие, и вы напрасно их боитесь. Идемте, поговорите с ними. Они просят, чтобы вы вышли.

Бибиджан колебалась.

Телюков взял ее под руку:

-- Я пойду с вами. Будьте совершенно спокойны.

-- Ну хорошо. Вы постойте у дверей, а то они меня унесут.

-- Постою. Только не волнуйтесь.

Телюков повел себя, как истый дипломат: занял Амана расспросами о "Москвиче", рассказал, что тоже собирается купить машину, но не знает, на чем остановиться: уж если, мол, покупать, то, пожалуй, "Победу" или "Волгу". А тем временем под видом осмотра машины уселся за руль -- пусть, мол, попробуют теперь что-нибудь предпринять!

Бибиджан сперва разговаривала с Кара на почтительном расстоянии, не сходя с крыльца, но затем, преодолев робость, подошла к нему поближе.

-- Что, собственно, между ними произошло? -- спросил Телюков Амана, продолжавшего с увлечением расписывать великолепные свойства "Москвича", приобретенного на деньги, полученные им на свои трудодни.

И в ответ летчик услышал целую историю о том, что Кара и Бибиджан были просватаны родителями еще с детства. Он узнал, что год назад Кара покинул свой аул и уехал на курсы. Теперь он вернулся, но не один, а с молодой женой. Он изменил своей невесте, нарушил закон, осрамил родителей. Кара не мог показаться на глаза своей бывшей нареченной, но вскоре узнал, что у нее есть какой-то летчик, и очень этому обрадовался. Вот Кара и хочет, чтобы Бибиджан приехала со своим летчиком в аул. Может быть тогда родители обрученных помирятся.

-- Интересно получается, -- резюмировал Телюков. -- А Биби думала, что вы имеете намерение выкрасть ее.

Аман в улыбке сузил свои черные глаза:

-- Когда-то давно был такой обычай -- красть невест. Теперь этого нет. Мы комсомольцы.

"Москвич" сразу перестал интересовать Телюкова. Он подошел к Кара, пожал ему руку:

-- Правильно делаешь, парень, что не следуешь законам Мухаммеда. Живи с той, которую любишь, и плюнь на пересуды. А Бибиджан приедет в аул со своим летчиком. Правда, Биби? -- повернулся он к девушке. -- Вот только не знаю, кто же этот летчик, а, Биби?

Девушка вся залилась краской, смутилась, и вдруг слезы градом полились из ее глаз. Закрыв руками лицо, она убежала.

Нет у нее никакого летчика. Был, а теперь нет... Никого нет у Бибиджан... Она сама во всем виновата...

Телюков, чувствуя свою беспомощность и понимая, что здесь он лишний, пошел домой. В пути его перехватил посыльный штаба.

-- Вас вызывает к себе майор Гришин, -- сообщил солдат.

Телюков поморщился. Он подозревал, зачем его вызывают. Вернулся из отпуска полковник Слива, и Гришин заметно оживился, снова давая каждому понять, что он не только штурман, но и заместитель командира полка. Безусловно, речь пойдет о завтрашнем полете на Ту-2, и Гришин обязательно найдет какой-нибудь повод, чтобы отменить полет. Будь его воля, он давно распорядился бы прекратить ненужную и рискованную затею.

Майор Гришин и на самом деле повел разговор о Ту-2. Да как хитро повел!

-- Читайте, кто будет стрелять завтра, -- подсунул он летчику телеграмму. -- Удальцовцы будут стрелять, те, между прочим, герои, которые раструбили везде о своей победе в воздушном бою над нашим полком. Что ж это получается, старший лейтенант? Вы рискуете, жизнью рискуете, а лавры, славу будут пожинать другие.

Гришин украдкой наблюдал, как реагирует летчик на его слова и телеграмму.

Телюков нервно покусывал нижнюю губу.

-- А из нашего? Неужели из нашего полка никто не будет стрелять? -спросил он.

-- В том-то и дело... На летчиков Удальцова работаем... Видите -- они герои! Что им мишень! Им подавай реальный бомбардировщик. А для летчиков нашего полка и мишени

сгодятся, -- подзадоривал штурман.

Расчет его оказался верным. Телюков бросил на стол телеграмму и запальчиво воскликнул:

-- Если так -- не полечу! Не полечу, и все! Любят кататься, пусть и саночки возят!

-- Вот это справедливо! -- поддержал его Гришин. -- А то опять какое-нибудь несчастье с вами...

-- Несчастья со мной никакого не случится, -- оборвал его Телюков. -- А для удальцовцев не полечу. Не желаю!

Гришин побоялся испортить так хорошо начатое дело и осторожно сманеврировал:

-- Я не имею в виду катастрофу, старший лейтенант. Вы летчик опытный. Но так, чепе какое-нибудь может возникнуть. Вот и запишут его на счет нашего полка. А удальцовцы в конце года будут охотничьи ружья да часы получать в премию за безаварийность.

Уже отпуская от себя летчика, Гришин посоветовал ему сходить в поликлинику и взять освобождение от полетов.

-- Чтобы никто из начальства не придрался. А справку вам дадут. Глаза-то у вас еще совсем больные...

Справка Телюкову не нужна. Полеты на Ту-2 -- дело добровольное. Хочешь -- лети. Не хочешь -- как знаешь. А для удальцовцев он не полетит. Спросят -- скажет: "уничтоженные" не летают. Вот и все.

Конец дня Телюков провел в клубе, играл в бильярд. Вечером в столовой он встретился с Поддубным. Тот пригласил летчика к своему столу:

-- Садитесь, Филипп Кондратьевич.

"Академик" назвал его по имени и отчеству! Что могло означать такое внимание?

-- О ваших полетах, Филипп Кондратьевич, известно в Москве.

-- Ах, вот оно что! Но мне теперь безразлично, -- с напускным равнодушием ответил летчик. -- Не нужна мне слава.

-- Это почему же? -- насторожился майор.

-- Завтра я не полечу.

-- Плохо себя чувствуете?

-- Очень плохо.

-- Коль так, то повременим денек-другой.

-- Я, товарищ майор, вообще отказываюсь от Ту-2 и от прыжков с парашютом. Довольно!

-- Вот тебе и раз! Значит, гайка ослабла?

-- У меня, товарищ майор, гайка никогда не слабеет! -- Телюков побагровел. -- Но надевать лавровые венки кому-то на

голову у меня нет ни малейшего желания.

-- Какие венки? О чем вы?

-- А вот о чем: мы здесь с вами саночки возим, а катаются удальцовцы.

-- Я не совсем вас понимаю.

-- Завтра стреляют по бомбардировщику исключительно летчики полка Удальцова. Кому-кому, а вам об этом известно.

Поддубный засмеялся.

-- Похвально, Филипп Кондратьевич, что вы патриот своего полка. Но откуда у вас такая неприязнь к соседям? От поражения в воздушном "бою"? О. Да вы, оказывается, злопамятны. Интересно, кто вам сказал, что завтра полетят исключительно удальцовцы? -- допытывался Поддубный.

-- Майор Гришин телеграмму показывал. Я сам читал.

-- Гришин? И вы серьезно решили прекратить свои полеты?

-- "Уничтоженные" не летают.

Поддубный задумался.

-- В таком случае я сообщу полковнику. Кстати, Удальцов сказал, что у него в полку есть много летчиков, которые изъявляют желание летать на Ту-2 и прыгать с парашютом. Я говорю вполне серьезно.

-- Желают -- пусть летят, -- все так же резко отвечал Телюков.

-- И то правда, -- согласился Поддубный.

Поужинав, он пожелал летчику спокойного отдыха и пошел в штаб. Да не за тем пошел, чтобы объявить, что полетов не будет. Полеты состоятся. В этом он не сомневался. Чтобы Телюков да отказался от полетов! Сейчас же одумается и прибежит. И будет извиняться... А вот история с Гришиным еще раз доказывает, что ему не место в должности заместителя командира полка.

Поддубный занялся текущими делами. Минут пять спустя послышались шаги в коридоре. Не было никакого сомнения: за дверями Телюков. Ну пусть постоит, коли поддался агитации Гришина.

Телюков в третий раз постучал в дверь.

-- Войдите. А-а, это вы, Филипп Кондратьевич? Полетите завтра, полетите! Не волнуйтесь. Идите отдыхайте. Вот что, одну минуточку. Прикройте, пожалуйста, плотнее дверь... -- И Поддубный сказал почти шепотом: -- Я должен сообщить вам под строжайшим секретом: завтра наши ученые и конструкторы будут на вашем Ту-2 испытывать новые образцы оружия. Теперь вы понимаете, какое почетное задание выпадает на вашу долю? Правительственное задание!

Телюков от волнения потерял способность говорить.

-- Правительственное? -- наконец пролепетал он. -- А вы,

товарищ майор, еще не докладывали полковнику? Не передавали, что я...

-- И не думал, -- успокоил его Поддубный. -- Я ведь вас уже немного знаю, Филипп Кондратьевич!

-- Погорячился, товарищ майор.

Телюков "выбросил" в воздух еще три Ту-2. Еще три раза пропел он в воздухе свою любимую песенку. Он в эти дни был в превосходном настроении, шутил с друзьями-товарищами.

-- Та такую, брат, высоту, -- говорил он Байрачному, -- ни Козловский, ни Лемешев -- никто из наших знаменитостей не поднимался. А вот ты, как руководитель художественной самодеятельности, не замечаешь талантов. Между прочим, такой же точно близорукостью страдал и товарищ Бывалов из кинофильма "Волга-Волга".

-- Что ж, с вашим голосом можем взять вас суфлером драмкружка, если сидячая работа не противопоказана. Мозоли небось уже набили катапультным сиденьем?

-- Ну-ну, ты! -- Телюков погрозил ему кулаком.

Он безгранично гордился тем, что выполняет правительственное задание. По Ту-2 и впрямь стреляли новыми снарядами. И теперь его уже не волновал вопрос, кто стреляет по Ту-2 -- однополчане, соседи, здешние летчики или совсем неизвестные. Все равно главную скрипку в выполнении правительственного задания ведет он, Телюков! Его фамилия известна в Москве!

День, когда должны были "выбросить" последний, девятый бомбардировщик, выдался облачным, пасмурным. Уже и сюда, на край юга страны, донеслось дыхание осени. У подножия Копет-Дага седыми полосами стлался туман.

Ночью пустыню окропил дождь.

Нижний край облачности находился на высоте семьсот-восемьсот метров. Слишком низко. Ту-2 надо было вывести выше. Там, в заоблачных просторах, катапульта выбросит летчика, и он с парашютом устремится вниз сквозь облачность. Появится над землей как привидение. До чего жаль, что такие прекрасны полеты происходят над голой пустыней и никто этого не видит...

Заревели моторы. Последний Ту-2 взял старт. Через некоторое время он, подобно своим предшественникам, превратится в груду искореженного металла, а может быть, ветер развеет последние остатки его, ибо новое оружие истребителей обладает страшной разрушительной силой.

Все ближе и ближе барханы, видневшиеся на горизонте... Моторы были мощные, они легко тянули бомбардировщик и быстро оторвали его от бетонки. Летчик убрал шасси. Самолет,

почуяв облегчение, энергичнее набирал высоту и за несколько минут приблизился к облакам.

-- Я -- Дракон. Авиагоризонт проверил. Разрешите пробивать облачность? -- радировал Телюков на стартовый командный пункт.

-- Я -- Верба, пробивайте, -- ответил полковник Слива.

Самолет нырнул в облака. В наушниках слышались позывные и кодовые сигналы, летевшие в эфир из командных пунктов и с бортов самолетов-истребителей. Штурман соседнего КП только что поднял пару истребителей с аэродрома полка Удальцова и вел их на рубеж встречи м Ту-2. Какой-то "Банан" требовал от летчика, перехватывавшего в стратосфере скоростную цель, сбросить подвесные баки с топливом, чтобы увеличить скорость.

Интересной стала авиация! Пошла в облака, поднялась в стратосферу. А операторы и штурманы спускаются в подземелье, чтобы видеть в небе самолеты... И не только видеть, но и определять направление полета, скорость, высоту.

Телюков внимательно наблюдал за приборами, особенно за авиагоризонтом. Огромное достижение человеческого разума этот прибор! Вошел летчик в облака, и уже невозможно определить, где земля, где небо -- вокруг один серый туман. А авиагоризонт неизменно показывает положение самолета относительно земли. Накренился самолет влево или вправо -- авиагоризонт тут же сигнализирует. Он же показывает, куда летит самолет -- вверх или вниз. Чудесно свойство этого прибора!

В кабину ударил ослепительно яркий луч. Облака остались внизу. Высотомер показывал пять тысяч шестьсот метров. Телюков поворачивает самолет на заданный курс, регулирует автопилот.

-- Дракон, вы приближаетесь к своему квадрату, -- передал штурман Гришин.

-- Дракон вас понял.

Отрегулировав автопилот, он выкрутил часы, положил их в карман и начал готовиться к катапультированию.

-- Я -- Дракон. Я -- Дракон. Оставляю самолет.

-- Я -- Верба. Оставляйте.

-- Оставляю. Я -- Дракон. У меня все. Все.

Телюков поглядел вниз, где клубились рваные серые облака. Между ними синели "колодцы". Какие же они глубокие! Земли не видно. "А что, если не раскроется парашют? -- мелькнула мысль. -- Эге, Филипп Кондратьевич, какая чепуха лезет тебе в голову! Стыдился бы, ведь ты летчик, черт побери!"

Так, приободряя себя, Телюков разъединил колодку переходного шнура, соединяющего радиостанцию со

шлемофоном, поставил ноги на подножки сиденья, плотно прижался к спинке, зажмурил глаза, сжал губы, напрягся весь и энергично нажал правой рукой на рычаг стреляющего механизма.

-- Пошла!

Телюкова, однако, не выбросило из кабины.

Он еще раз нажал на рычаг.

Катапульта не стреляла.

Сохраняя прежнюю позу, летчик напряженно ждал, подсчитывая секунды: одна... две... три... пять...

Не стреляет. Осечка, что ли?

Тем временем пара атакующих истребителей приближалась к Ту-2. Две-три минуты -- и истребители откроют по бомбардировщику уничтожающий огонь. Телюков растерялся. "Все, Филипп Кондратьевич, твоя песенка спета", -- будто сама смерть прошептала над его ухом эти зловещие слова. Тело обмякло, стало влажным. Но это длилось мгновение. Собрав всю свою волю, летчик молниеносно соображал, как спасти свою жизнь. Прыгать через борт? Уже не успеет выбраться, кроме того, можно зацепиться и повиснуть в воздухе. Послать ракету? Но ракетница в сумке, а сумка зашнурована.

И вдруг осенила мысль: "Радио!" Телюков хватает шнур, соединяет колодку, кричит:

-- Я -- Дракон! Я -- Дракон! Прекратите атаку! Запрещаю атаку! Я -Дракон. Я -- Дракон.

Истребители -- сперва один, затем другой, услышав голос "Дракона", отвернули в сторону.

-- Эх вы, глухари! -- крикнул им вслед Телюков, хотя истребители вовсе не оказались глухими.

-- Почему не выбросились, Дракон? -- спросил один из истребителей.

-- Катапульта отказала.

"Катапульта отказала". Эти два слова, пущенные в эфир, ошеломили всех, кто их услышал. Ошеломили они и майора Поддубного. Вот снова неприятность. Снова жизнь летчика висит на волоске. Дело в том, что катапульта могла выстрелить каждое мгновение, и тогда гибель неминуема. Выбросит летчика без ног и без головы. Что ж посоветовать, чем помочь? Что предпринять?

Штурман Гришин сорвал с себя арматуру, бросил ее своему помощнику и бледный выбежал из землянки КП, чтобы не услышать по радио предсмертный голос Телюкова, не увидеть, как на экране радиолокатора исчезнет метка Ту-2.

"Авантюра завершилась катастрофой. Да, да, катастрофа закономерна и неминуема", -- отчетливо работала мысль.

Телюков тоже осознал серьезность своего положения. Он

сидел, как на бочке с порохом, под которой тлел фитиль. Взрыв -- и жизни конец.

Направляемый автопилотом, Ту-2 летел над облаками.

Прошла минута -- катапульта не стреляла. Минуло еще пять...

-- Эх, будь что будет! -- решил Телюков. Поставив ноги на педали, он выключил автопилот и взял управление в свои руки.

-- Я -- Дракон. Дайте пеленг, решил идти на свою точку.

Оператор радиопеленгатора дал летчику курс на точку. Что же случилось с катапультой? Об этом не так уж трудно было догадаться. Произошла осечка, пиропатрон не выстрелил. Но ведь он может выстрелить в любое мгновение... Особенно опасно при посадке. Толчок колесами о землю передастся стреляющему механизму. Если разобьется капсюль, выстрел неминуем.

"Да, твоя песенка спета", -- думал Телюков. Порой его охватывало отчаяние. Руки, сжимавшие штурвал, покрылись холодным и липким потом -- это было впервые в его жизни. Стучало в висках. Голова становилась временами непонятно легкой, какой-то невесомой и неощутимой.

Но присутствие духа не покидало его. Непостижимая разуму внутренняя сила, присущее ему мужество упорно преодолевало страх.

Телюков пробил облака вниз и, выйдя на приводную станцию, пролетел над стартом. Внизу как на ладони лежал авиационный городок. Вон здание клуба с высокой этернитовой крышей, вон утопает в зелени коттедж командира полка. А вон домик, в котором живет он, Телюков...

"Неужели я вижу все это в последний раз?" -- невольно подумал летчик. Ослабели руки, дрогнули онемевшие колени. Сорвав с себя кислородную маску, Телюков подул в один, затем во второй шланг, надувая спасательный жилет, -все же не такой сильный будет удар о землю в случае катапультирования на посадке... Но ведь ноги на педалях...

"Э-э, да что ты, в самом деле, Филипп Кондратьевич, -- обратился он к себе по привычке и перевел дух. -- И не в таких переделках бывал... а ведь двум смертям не бывать... Была не была!.."

Он напряг силы, покрепче зажал в руках штурвал. Сделал первый разворот, второй. Выпустил шасси... И вот уже последний -- четвертый разворот. Впереди маячит рябая будка СКП, видна у посадочного "Т" фигура стартера-финишера. Газ убран. Самолет планирует на бетонку... Выдерживание... Толчок колес о землю тихий, плавный... Самолет катится. Телюков нажимает на тормоза, удерживая педали в нейтральном положении... Замедляет бег бетонка... Еще один плавный нажим на тормоза...

Самолет продолжает катиться, но уже совсем не быстро. Телюков выключает зажигание.

Все, самолет остановился. Телюков осторожно поднимается с сиденья, выбирается на плоскость.

-- Черт возьми!..

До прибытия санитарной машины он успел прийти в себя. Увидев перепуганного врача, сделал попытку улыбнуться.

-- Рефлексы будете проверять?.. Да, сейчас я, пожалуй, ценный экземпляр для авиационной медицины...

Солдаты-санитары помогли ему спуститься с плоскости крыла на землю. К этому времени примчалась "Победа". Из машины вышли полковник Слива, майор Поддубный и инженер, персонально несущий ответственность за подготовку Ту-2.

-- Плохо готовили материальную часть, -- обратился Телюков к инженеру. -- Меняйте катапульту.

-- Что? Что вы сказали?

-- Катапульту меняйте!

Инженер изумился:

-- Неужели вы и после этого отважитесь летать?

-- Служба, товарищ инженер, -- сказал Телюков, стараясь казаться спокойным. -- Не будем же мы звать кого-нибудь из полка Удальцова, чтобы доводить начатое дело до конца. У самих пороху хватит...

Он явно храбрился.

-- Хватит, хватит с вас этих полетов! -- возразил обескураженный полковник.

-- Пожалуй, действительно, хватит, -- согласился не менее обескураженный майор Поддубный.

Телюкова увезли в поликлинику.

Спустя несколько дней он все же добился разрешения на повторный вылет. Решено было этот последний Ту-2 "выбросить" в воздух специально для молодых летчиков полка.

-- Проверю, что вы за снайперы, -- сказал им Телюков. -- Погляжу, как вы будете защищать свою боевую честь.

-- За нас не беспокойтесь, товарищ старший лейтенант! -- лихо ответил Григорий Байрачный. -- Вот только в случае чего -- незамедлительно сообщите по радио.

-- Да вы все равно не попадете, если я и останусь в самолете, - подзадорил Телюков молодого летчика.

В этот раз катапульта не отказала -- исправно выбросила летчика из кабины. Но девятый бомбардировщик будто и впрямь не желал погибать. Произошло нечто небывалое в истории авиации. В момент, когда Байрачный, отстрелявшись, выходил из атаки, а лейтенант Калашников готовился к ней, Ту-2 неожиданно

развернулся и пошел на истребителя в контратаку. Байрачный и Калашников растерялись и обратились в бегство. Бомбардировщик -- за ними. Летчики решили, что Телюков опять не выпрыгнул и теперь, разъяренный, гонится за ними, и они дали, выражаясь языком пилотов, по газам. Позадирали хвосты и помчались по направлению Кизыл-Калы.

Пролетев несколько километров, Ту-2 спикировал чуть не до земли и на бреющем полете пошел курсом на Кара-Агач. Ох и натворил бы он бед, если бы в воздух своевременно не поднялся майор Дроздов. Он догнал Ту-2 и прикончил его в каких-нибудь двадцати километрах от города.

Очевидно, Байрачный, стреляя в Ту-2, повредил автопилот.

Только этим и можно было объяснить загадочное поведение бомбардировщика, на борту которого уже не было летчика.

А уж как потешались в полку над Байрачным и Калашниковым! У них прямо-таки уши горели от стыда. Но кто же знал, что так получится?

-- Мы за вас, товарищ старший лейтенант, боялись, -- оправдывались молодые летчики.

-- Слабодушие проявили, -- сердился Телюков. -- Разве это летчик, который боится чего бы то ни было? Есть приказ -- бей! Бей метко, крепко, а не так, как комар крылом. Но ничего, я вас научу! В копейку будете попадать!

"Эге ж, шуми!" -- мысленно соглашался Байрачный и в который уже раз принимался рассказывать однополчанам о необычном происшествии в воздухе.

-- Вы понимаете, как это получилось? Вы только представьте себе! Зашел я справа, атаковал и выхожу влево. Вдруг Ту-2 энергично разворачивается прямо на меня. Я -- вправо, а он продолжает разворачиваться и -- за мной! Я, конечно, подумал, что Телюков не выбросился, сидит в кабине и гонится за нами, -- не видишь, дескать, что я на борту!.. Ей-богу, как у Майн Рида! Там всадник без головы, а тут самолет без летчика. Ну ясно, нам уже было не до атаки. Дали мы с Калашниковым по газам -- и домой. А что оставалось делать в такой ситуации?

И все, кто слушал Байрачного, покатывались со смеху.

У Телюкова собралось девять часов, которые он снял с бомбардировщиков. Сложив их в чемодан, он отправился в техсклад.

-- Получай и приходуй государственное имущество, -- сказал он, выкладывая часы перед кладовщиком.

-- Вы имеете право взять их себе, -- ответил тот. -- Ведь они списаны вместе с самолетами.

-- Бери, бери да квитанцию выписывай, чтобы все было по

закону.

Глава тринадцатая

От поликлиники к коттеджам и дальше к центру авиационного городка вела серая, еле заметная тропинка. Сколько раз в день поглядывала Бибиджан на эту тропинку! Покажется вдалеке фигура офицера в коричневой кожаной куртке и синих бриджах -- екнет девичье сердце. Он? Нет, не он. Досада и грусть охватывают девушку. Не возвращается к ней Гриша: как ножом отрезал.

Несколько раз дежурила Бибиджан на аэродроме в санитарной машине. Видела Григория, следила из кабины за каждым его шагом, не отрывала глаз от самолета, на котором он летал. Знала и бортовой номер самолета -- "017"... А он, Гриша, перестал замечать ее. Не подойдет, не скажет, как некогда говорил ласково: "Биби, серденько мое!" Никто до него так не зазывал ее. Боже, какие теплые и нежные слова!

Она не расставалась с его фотографией. Достанет и глядит, глядит на улыбающееся лицо. Хочется и самой улыбнуться в ответ... Улыбнется, и тотчас слезы заволакивают глаза.

Как-то дежурный фельдшер, вернувшись вечером с аэродрома, сказал, что какой-то летчик, кажется из молодых, выбросился где-то над горами. Полдня искали -- не нашли.

Бибиджан охватило страшное предчувствие.

-- Какой же это летчик? Как его фамилия?

-- Брачный или Барачный, что-то вроде этого.

-- Байрачный? -- Бибиджан вся похолодела.

-- Во-во!

Фельдшер был новый, мало кого знал в полку.

Девушка закрыла рукавом халата глаза. Фельдшер что-то спрашивал -- она ничего не соображала. Все тело как-то обмякло, в висках стучало, звенело в ушах... Выбросился... Полдня искали...

Бибиджан мучительно думала, как помочь своему любимому, и вдруг ее осенило: Гришу может найти и спасти старый Бояр со своими сыновьями и внуками. Он много лет провел в горах, знает там каждую тропинку, каждое ущелье.

Девушка накинула на голову платок и побежала к коттеджам. Там живет ее земляк Артыков. У него есть мотоцикл. Не так уж много времени нужно, чтобы добраться до аула, попросить Бояра...

Старший техник-лейтенант возился со своим мотоциклом, разложив на земле сумку с инструментом. Бибиджан, подбежав к земляку, тяжело перевела дыхание.

-- Товарищ командир! Рустам! Слышишь, Рустам, у тебя мотоцикл. Поезжай в аул, скажи старому Бояру... Там в горах --

Григорий... Рустам, -- Бибиджан рыдала.

Артыков пытливо поглядел на землячку, прищурив и без того узкие глаза.

-- Рустам, я тебя умоляю, ты ведь добрый, Рустам!

Артыков вытер руки, ласково коснулся локтя Бибиджан.

-- Это твой любимый? Почему же сразу не сказала? Я сейчас же поеду в аул. Весь колхоз выйдет в горы. Будь спокойна, Бибиджан. Григория обязательно найдут.

-- Как ты добр, Рустам! Я буду любить тебя всегда...

-- О, Бибиджан, у тебя есть кого любить. Ты только успокойся.

Артыков вошел в дом, переоделся, снова вышел.

-- Я мигом, Бибиджан. -- Он нажал на педаль, мотоцикл затрещал, обволок дымом заднее колесо. Артыков вскочил на мотоцикл и помчался по улице. Свернув на дорогу, скрылся за коттеджами. Бибиджан села на скамейку, оперлась спиной о забор. Неужели не разыщут Гришу? Не может быть! Старый Бояр найдет. Он знает горы. Он привезет Гришу на верблюде, и она, Бибиджан, никогда больше не скажет своему ненаглядному ни одного резкого слова. Они поедут в аул в гости... а затем... Гриша возьмет отпуск и увезет ее, свою Бибиджан, на Украину, где течет Днепр, о котором так много чудесных песен знает Гриша. Там нет песков. Летом берега покрыты зеленым ковром, а зимою -белым...

В свежем вечернем воздухе глухо зафыркал двигатель гарнизонной электростанции. Вспыхнули окна коттеджей, отбрасывая на улицы бледные снопы света. А Бибиджан все сидела и мечтала о счастливом путешествии на далекую Украину...

В район аварии или катастрофы -- это было пока неизвестно -- полковник Слива отрядил на автомобилях две группы во главе с офицерами. Одна из них должна была осмотреть северные склоны хребта, вторая -- южные. Каждая группа располагала портативной радиостанцией. По последним сведениям, южная группа, возглавляемая техник-лейтенантом Максимом Гречкой, форсировал перевал, а северная, разбившись на подгруппы, разбрелась по ущельям.

Когда на землю упали сумерки, в район аварии вылетели на двухместном учебно-боевом самолете старший лейтенант Телюков и лейтенант Скиба. Добрых полтора часа петляли они над горами, заглядывая буквально во все ущелья, присматриваясь, не мигнет ли где-нибудь лучик электрического фонарика. Но Байрачный не подавал сигнала. Гнетущая и мрачная тьма окутывала горы. Только в аулах, расположенных далеко за пределами зоны стрельб, теплились скудные огоньки.

Через несколько минут на розыски вылетел майор Дроздов и

тоже вернулся ни с чем. Его сменил замполит Горбунов. После всех, уже почти на рассвете, в самолет сел майор Поддубный. В ущелья заползал зыбкий туман. Если бы даже и сигналил летчик, все равно с борта самолета ничего не увидишь.

Розыски не привели ни к чему.

В десять утра южная группа сообщила по радио: "Найдены обломки самолета".

Полковник Слива передал об этом по команде. Оттуда вылетела в Кизыл-Калу группа инженеров и летчиков-инспекторов для расследования причин катастрофы. Позвонил по ВЧ генерал-майор Щукин.

-- Что там у вас такое?

-- Лейтенант Байрачный либо потерпел аварию, либо это катастрофа, товарищ генерал. Найдены обломки самолета. Летчик пока не обнаружен.

-- Какие упражнения выполнял Байрачный?

-- Стрелял.

-- Какие-нибудь сведения были?

-- Абсолютно никаких. Отстрелялся, должен был возвращаться на аэродром и вдруг умолк.

-- Усилить розыски.

-- Есть, товарищ генерал!

Не успел Семен Петрович положить трубку, как радист принес очередное донесение группы розыска. Максим Гречка извещал: "На обломках самолета обнаружены следы крови".

Все ясно: Байрачный погиб.

Семен Петрович схватился за сердце...

Майор Гришин тоже схватился, но не за сердце -- на этот раз оно не дрогнуло, -- а за летную документацию. И не для того, чтобы подтасовать, подогнать ее в соответствии с "методическими указаниями" в отношении организации полетов и таким образом в какой-то мере оправдаться перед комиссией. Наоборот, он искал в этой документации что-нибудь такое, что усугубило бы виновность майора Поддубного.

И нашел.

Поддубный готовил молодых летчиков к стрельбе и проводил ее над горами на недопустимо малой высоте. Он нарушил методические указания, явно пренебрегая инструкцией по эксплуатации зоны стрельбы. Вполне допустимо, что Байрачный, очутившись в аварийной ситуации, не успел своевременно катапультироваться. Возможно, что его, уже мертвого, выбросило из кабины.

"Ну все, голубчик, лопнула твоя полководческая слава, лопнула как мыльный пузырь, -- злорадствовал Гришин. -- За

катастрофу по головке тебя не погладят. Не видать тебе должности заместителя командира как своих ушей! Гляди -- еще и звездочку майора снимут с погон. Ходить тебе в капитанах да звеном командовать! Тогда ты постоишь передо мной навытяжку! Я уж обо всем доложу комиссии: и о посадке эскадрильи Дроздова, и о предпосылке к катастрофе, которая произошла с Телюковым, и о Ту-2, который едва не врезался в город, и о романе с дочерью командира -- обо всем!"

Тяжелым камнем легло на душе Поддубного сообщение о гибели молодого летчика. Он чувствовал себя виновным, ведь он на самом деле пустил буксировщик на малой высоте. Хотелось быть ближе к реальной боевой обстановке -- не исключена ведь возможность, что противник попытается пройти над горами на малой высоте, -- а тут вот что получилось. Погиб человек...

Значит, он, Поддубный, перегнул палку, и тут, кажется, Гришин прав...

Но что же произошло в полете?

Что произошло? Этого лейтенант Байрачный и сам не мог понять. Он стрелял в мишень, которую буксировал реактивный бомбардировщик. Метко попал с первой же атаки -- поврежденная мишень перевернулась вверх колесами, завертелась на росе, как узелок на туго натянутой нитке.

Поскольку мишень оказалась сильно поврежденной, экипаж бомбардировщика запретил дальнейшие атаки, и Байрачный, развернувшись над горами, взял курс на аэродром. Вдруг "миг" резко содрогнулся, будто по нему ударили молотом, на левой плоскости вздыбилась обшивка.

"Авария", -- молниеносно промелькнуло в голове летчика. В то же мгновение, не теряя ни секунды, он сбросил аварийно фонарь кабины и катапультировался уже в тот момент, когда самолет заваливался на крыло.

Молниеносная быстрота, с которой выбросился из кабины молодой летчик, была результатом длительных тренировок, проводившихся под руководством командиров.

Летчик спускался на парашюте. Навстречу ему угрожающе поднимались черные шпили скал. Справа одиноко торчала колонноподобная гора, подножие которой было усеяно свежими обломками глыб. Это были последствия землетрясения.

Байрачный угодил в тесное ущелье, над которым с обеих сторон террасами свисали каменные глыбы. За одну из них зацепился купол парашюта. Летчика рвануло в сторону, ударило о камни. Он рассек себе правое колено, ушиб плечо и завис над бездной, покачиваясь на стропах.

Байрачный знал: командир полка немедленно вышлет

летчиков на розыски. Но вряд ли они обнаружат его здесь, под скалистым козырьком, куда не достигают даже солнечные лучи. Надо ка-то подыматься вверх. И он, превозмогая боль в колене и в плечевом суставе, стал подниматься по стропам. Срывался, зависал и снова, собравшись с силами, карабкался, хватаясь руками за шелковые скользкие стропы. Наконец выкарабкался все же на глыбу, сел, достал индивидуальный пакет, перевязал рану.

Отдохнув немного, летчик начал соображать, как подняться на вершину горы, где его могли бы заметить летчики или откуда можно было бы спуститься вниз и добраться до аэродрома пешком.

Подходящего места, однако, не оказалось. Оставалось одно: резать стропы и связывать веревку с тем, чтобы закинуть петлю за каменный выступ, висевший над головой.

Так Байрачный и сделал. Но нелегко оказалось забросить петлю. Попытка за попыткой заканчивались неудачей. Один раз летчик чуть не слетел со скалы в пропасть: каменный выступ, за который зацепилась петля, сорвался и с грохотом покатился вниз.

Байрачный еще раз осмотрел скалу, на которой сидел, и нашел небольшой карниз. Если по этому карнизу пройти немного влево, то можно обойти висящий над головой выступ и путь к вершине горы будет открыт.

"А если сорвусь?" -- спрашивал себя Байрачный, с ужасом поглядывая на глубокое дно ущелья.

И все же решил рискнуть. На всякий случай один конец веревки привязал к куполу парашюта, а другой -- к ремню. Шаг за шагом, ощущая неуемную дрожь в коленях, он передвигался по карнизу, пока наконец не очутился на естественной площадке, откуда начинался пологий, с множеством таких же площадок и каменных выступов подъем к вершине горы. Здесь летчик обрезал веревку, навсегда таким образом распрощавшись со своим верным другом -парашютом.

Гора, на которую взобрался Байрачный, имела со всех сторон почти отвесные стены. Спуститься с нее было совершенно невозможно, и летчику ничего не оставалось, как сидеть и ждать помощи.

Полчаса спустя над горами показался первый самолет. Байрачный замахал руками, дескать, сюда, сюда давай! Летчик не заметил его. "Миг" походил, покружился в стороне и улетел. То же самое повторилось и со вторым самолетом, и с третьим. Последний пронесся почти над самым ущельем, громом прогремел в горах, вызвал стоголосое это за далекими утопающими в солнечном мареве хребтами.

-- Да вот я, сюда! -- надсадно кричал Байрачный, как будто

его могли услышать.

В небе появился легкомоторный Як-12. Подобно пчеле, порхающей с цветка на цветок, опускался он в ущелья и снова взвивался над горами. Издалека и вправду Як-12 напоминал пчелу -- распростерты крылья, свисающие ноги...

-- Ну сюда! Ко мне! -- манил "пчелу" Байрачный.

День постепенно угасал. Сгущались темные, как серебро с чернью, тени в ущельях. Поблекла последняя киноварь заката. На светлом небе затеплились волшебные огоньки звезд.

Все сильнее мозжила раненая нога. Каждый шаг отдавался в плечо.

Снова над горами загрохотали самолеты, мигая разноцветными бортовыми огнями. Будь сейчас у Байрачного ракетница -- быстро разыскали бы его. К сожалению, у него не было при себе даже электрического фонарика. А сколько раз и командир полка, и командир эскадрильи, и командир звена твердили летчикам: "Берите с собой в полет фонарики". Считая, что фонарик при полетах днем совершенно не нужен, Байрачный не взял его в этот полет. Вот и выходит теперь боком его непослушание. Стой и хлопай глазами. Найти-то найдут, но уж и всыплет командир за разгильдяйство.

Байрачный, будучи уверен, что командир выслал на розыски пешие команды, изредка стрелял из пистолета, обозначая свое местонахождение.

И только наутро увидел ракету, пущенную в ответ теми, кто производил розыски.

Бибиджан осталась ночевать в поликлинике. Расчет был прост: если Гришу найдут -- обязательно привезут сюда, а она встретит его.

Она легла на диване у раскрытого окна, прислушиваясь к гулу самолетов. Только на рассвете задремала. Разбудил ее чей-то зычный голос:

-- А ну-ка, поживее, а то сейчас должен прибыть вертолет. Да не забудьте прихватить с собой все, что необходимо для первой помощи.

Медсестра узнала по голосу старшего лейтенанта Телюкова.

-- Я человек штатский. Никогда не летал, -- возражал дежурный врач-стоматолог. -- Вызывайте военных.

-- Так какого же лешего вы здесь сидите! -- возмущался Телюков.

Бибиджан поднялась. На дорожке, постеленной вдоль коридора, играли солнечные зайчики. Летчик курил, синий дымок тянулся к распахнутому окну.

-- Не полечу, -- твердил врач. -- Вызывайте военных.

-- Я полечу! -- вызвалась Бибиджан, сразу догадавшись, за кем собираются лететь.

Телюков покосился на медсестру.

-- Нужен врач, а вы...

-- Я все умею...

Медсестре повезло -- послышался гул вертолета. Времени оставалось в обрез. Телюков вынужден был согласиться:

-- Ладно, полетели!

Бибиджан накинула через плечо санитарную сумку, вышла вслед за Телюковым, села в NoПобеду".

-- Нашли Гришу? Он ранен? Тяжело? -- засыпала она вопросами летчика.

Телюков ехидно прищурил левый глаз и присвистнул:

-- Эге, сестричка! Плюньте мне в глаза, если вы по уши не влюблены в Байрачного.

-- А он жив?

-- Теперь мне понятно, -- продолжал Телюков, -- почему вы так испугались своих земляков, приезжавших на "Москвиче". -- Телюков ближе пододвинулся к медсестре. -- Биби, а ведь вы прехорошенькая, ей-богу! Я не раз приглядывался к вам... Но если вы любите другого.... Эх, Биби, а мне вот не везет! -- И уже серьезно начал перед ней изливать душу. -- Грубый я какой-то, шелопутный...

Бибиджан успокоилась. Если бы с Гришей случилось что-нибудь серьезное, летчику было бы не до шуток.

На аэродроме они пересели в вертолет, в котором находились уже лейтенанты Скиба и Калашников и двое солдат. Одного из них Бибиджан уже знала. То был Баклуша, тот самый Баклуша, которого она по ошибке угостила спиртом. Увидя медсестру, Баклуша что-то прошептал на ухо товарищу, и оба весело ухмыльнулись.

Бибиджан никогда не приходилось летать на самолете, да и в вертолет она попала впервые. И когда над головой зашумели мощные крылья и вертолет поднялся, как лифт, девушка почувствовала страх. Бледная и встревоженная, поглядывала она то на офицеров, то на солдат. Но из спокойствие благотворно повлияло на нее. Вскоре и она успокоилась, повернулась к окну, загляделась на землю. Широкий и необозримый аэродром лежал теперь среди песков маленькой полоской, по сторонам которой выстроились игрушечные самолетики. Вдали виднелась Кизыл-Кала. Коттеджи напоминали оброненные кем-то спичечные коробки...

Вкоре и аэродром, и городок затерялись среди песков, тронутых позолотой утреннего солнца. Внизу показались горы.

Сперва низкие, приплюснутые, с отлогими склонами, затем высокие и скалистые, между которыми зияли глубокие провалы. Вдали горы сливались в сплошную темно-синюю массу, из которой смутно проступали многочисленные конусы и пирамиды. Порой между ними проплывали нежные, как дымок, облака.

Вертолет поднимался все выше и выше, но горы не отступали. Казалось, и они подымались вслед за машиной, стремясь зацепить ее своими остроконечными вершинами. При одной мысли об этом у Бибиджан замирало сердце.

Телюков поглядывал то в окно, то на карту, разложенную на коленях. Бибиджан недоумевала, как он ориентируется в этом беспорядочном нагромождении гор? Должно быть, много надо знать и уметь летчикам! И каким нужно быть мужественным, чтобы не бояться летать здесь...

-- Слева ракета! -- сообщил Телюков летчикам вертолета, сидящим впереди в остекленной кабине.

-- Где? -- Бибиджан поспешно припала к окошку.

Вертолет обогнул высокую, как колонна, скалу и начал спускаться.

-- Вот он, вот он, голубчик! -- Телюков показывал куда-то вниз.

-- Да где же? -- засуетилась Бибиджан и вдруг увидела на вершине горы фигуру человека.

"Гриша... Машет руками... О, любимый мой! Но как же нам добраться до тебя?"

Из-под ног уходил пол -- вертолет снижается. Вот он совсем низко повис над горою. Бибиджан видит на Гришином лице улыбку.

Счастлив и рад, что нашли! А рад ли будет неожиданной встрече?

Распахнули дверь. Солдаты крутят лебедку, разматывают лестницу-трап. По ней спускается Телюков. Байрачный что-то кричит ему. Вот они уже обнялись. А вертолет подпрыгивает как ретивый конь.

Телюков подводит Байрачного к трапу, привязывает ремнем.

-- Давай! -- показывает жестом.

Солдаты и офицеры крутят лебедку. Туго наматывается трап на барабан.

-- Держите, -- говорит Скиба товарищам и протягивает за борт руку.

Показалась голова в шлемофоне. Григорий, как всегда, улыбается...

Солдаты снова спускают трап -- для Телюкова. Байрачный садится на скамейку и только теперь замечает Бибиджан.

Он молча глядят друг на друга. Он видит ее измученное лицо, и острая жалость заливает сердце.

-- Биби!

-- Гриша! Живой..

Она переводит взгляд на его ногу, на разорванную штанину и марлю с пятнами крови.

-- Сейчас я сделаю перевязку.

Байрачный пододвинулся к ней и нежно сжал ее маленькую руку.

Телюкова не поднимали лебедкой -- он взобрался сам.

-- Крепости не сдаются! -- бодро крикнул он, забираясь в вертолет. -- А знаешь, Григорий, кто тебя сбил? Орел. Орел врезался в самолет. Перья и когти нашли в обломках самолета.

-- Да ну? -- удивился Байрачный.

-- Честное слово! А тебя все считали погибшим. Ведь на обшивке самолета обнаружили кровь. А Бибиджан, знаешь... -- Телюков подсел к Байрачному, -сама изъявила желание лететь за тобой. Врач побоялся, а она полетела. Чертовски счастливый ты, Григорий!

-- Это правда, Биби? -- спросил летчик.

-- Правда, -- ответила смущенная девушка. -- Я и колхозникам передала, чтобы ехали искать тебя.

И в то время, как вертолет, оставив позади горы, спускался на равнину, рядовой Баклуша заметил караван верблюдов, двигавшийся к Копет-Дагу.

-- Это, вероятно, и есть земляки Бибиджан? -- заметил лейтенант Скиба.

-- Они! Конечно они! -- ответила Бибиджан и не ошиблась. Но каково же было удивление старого Бояра и его сподвижников, когда из вертолета, который приземлился возле каравана, вышла Бибиджан.

Она сказала, что летчика уже нашли, поблагодарила Бояра и попросила его повернуть обратно.

Байрачного тотчас по возвращении на аэродром отправили в поликлинику.

А когда в конце дня лейтенанты Скиба и Калашников пришли навестить друга, Абрам Львович сказал сердито:

-- Нет его здесь. В авиационный госпиталь уехал и медсестру самовольно увез.

Глава четырнадцатая

Командира полка и его помощника по огневой и тактической подготовке вызвали к генералу Щукину. Вылетели они из Кизыл-Калы на двухместном учебно-боевом самолете.

На аэродроме пересели в специально поданную им "Волгу".

-- Ого, нас встречают, как Героев Социалистического Труда, -- не без удовольствия заметил Семен Петрович.

Покачиваясь на мягком сиденье "Волги" и посасывая свою неразлучную трубку, он делал самые различные предположения относительно причины этого вызова. Для "протирки" как будто никаких оснований не было. Полк успешно наверстывал упущенное. Правда, авария все же произошла, но ведь в этом никто не повинен. Но от кого не зависящая случайность -- самолет напоролся на орла.

-- А вы какого мнения, Иван Васильевич? -- в который раз допытывался Семен Петрович. -- Похоже на то, что вас назначат моим заместителем.

-- Вряд ли, рановато еще повышать меня в должности. А с вас, конечно, должны снять взыскание.

-- Почему рановато? Я ходатайствовал за вас, Иван Васильевич, и комдив не возражал, -- признался Семен Петрович.

-- Спасибо, товарищ полковник, за заботу обо мне, но не будем гадать заранее, а то еще просчитаемся.

-- Это верно. Приедем -- узнаем.

Пропуска в штаб были заказаны и выписаны. Пройдя в гардеробную, офицеры почистили обувь, привели себя в порядок и, поднявшись на второй этаж, пошли по коридору к кабинету генерала. В приемной их встретил адъютант, стройный, подтянутый лейтенант.

-- Садитесь, пожалуйста, -- обратился он к полковнику. -- Я сейчас доложу генералу о вашем прибытии.

Долго ждать не пришлось.

-- Прошу вас, товарищ полковник, -- сказал адъютант, выйдя в приемную. А вы, товарищ майор, немного подождите.

Семен Петрович приосанился и бодро зашагал к генералу.

-- Товарищ генерал, полковник Слива по вашему приказанию прибыл!

Генерал подал руку, приподнявшись над столом, внимательно оглядел полковника и указал на кресло. Прежде чем начать разговор, он снял очки, положил их перед собой на бумаги и спросил:

-- Как чувствует себя лейтенант Байрачный после вынужденного оставления самолета?

-- Ничего, товарищ генерал. Был на проверке в авиационном госпитале. Все в порядке. Мы уже провезли его на "спарке". Летает нормально.

-- Молодец, не растерялся. Хороших летчиков воспитываете, полковник. Да вы сидите, пожалуйста. Ну, а майор Гришин как? Все воюет против Поддубного?

-- Да, они не в ладах.

-- Получили мы письмо от Гришина. Жалуется на Поддубного. Толковал я здесь по поводу этого письма. Вздор и клевета. Гришин оказался трусом и перестраховщиком, кроме того, начал еще сплетничать. Решено вызвать его на партийную комиссию. А я, по своей командной линии, решил убрать его из полка. Худую траву -- с поля вон. А вы какого мнения?

-- Гришина лучше было бы использовать как штурмана наведения. В штурманских расчетах он силен.

-- Это верно?

-- Совершенно верно, товарищ генерал. У нас в полку называют его Лобачевским.

-- Не слишком ли? Лобачевский был не только великим математиком, но и прекрасным педагогом. А Гришин, насколько мне известно, обучать не умеет. Его помощник ведь не сумел навести на меня перехватчика!

-- Вам виднее, товарищ генерал. Но в штурманских расчетах Гришин силен. Это подтвердит каждый.

Генерал задумался. На его широком лбу образовались три параллельные морщины.

-- Хорошо, посоветуюсь еще со штурманами. Возможно, что переведем Гришина на КП дивизии.

Полковнику Сливе было приятно, что генерал похвалил его за Байрачного. И не только приятно. После этой похвалы он чувствовал себя вполне уверенно. "Протирки" не будет. Ясно одно: раз Гришина снимают, заместителем станет Поддубный. За тем, очевидно, его и вызвали сюда. Но одно несколько смущало и настораживало Семена Петровича -- уж больно как-то пристально поглядывает на него генерал. Семен Петрович чувствовал, что генерал еще не коснулся самого главного.

И предчувствие не обмануло его.

-- А вам, Семен Петрович, не надоело еще в полку? Кажется, давно командуете?

-- Так точно! -- У Семена Петровича екнуло сердце.

-- Да, засиделись, очень засиделись.

"Или повышение, или отставка", -- промелькнула мысль.

-- Засиделись, -- повторил генерал, вертя в руках очки. -- А как вы, Семен Петрович, посмотрите на то, если мы переведем вас в штаб заместителем начальника отдела?

Видя, что его предложение обескуражило полковника, командующий предложил ему хорошенько подумать, поразмыслить наедине.

-- А потом заходите. В любой момент заходите, Семен Петрович!

Полковник Слива понял, что вопрос о нем решен заранее. Оставалось одно: либо соглашаться с этим решением, либо подавать в отставку.

-- Да, пожалуй, я подумаю, -- ответил полковник.

-- Вот и хорошо. Только вы, Семен Петрович, не волнуйтесь, не переживайте. Гнать мы вас не собираемся. Кстати, я вчера подписал приказ о снятии с вас взыскания.

Эти слова подбодрили полковника. Однако -- штаб... Нет, ни в коем случае! В штаб он не пойдет...

Майор Поддубный, который ожидал в приемной своей очереди, не мог не уловить на лице своего командира растерянности и озабоченности. И по тому, с какой неловкой поспешностью полковник, выйдя из кабинета генерала, шарил по карманам, ища свою трубку, он понял, что произошло что-то необычное. Он намеревался спросить полковника, но тотчас же услышал из уст генерала свою фамилию. Генерал вызвал его сам, минуя адъютанта.

С тяжелым сердцем зашагал Семен Петрович по коридору, попыхивая спасительной трубкой. Штаб, отставка -- вот слова, которые вертелись на уме. Он решительно не знал, какому из них отдать предпочтение. Оба они приносили ему боль и обиду.

Выкурив трубку, он набил ее вторично. Поддубный все еще находился там, за массивной дверью кабинета генерала. Наконец он вышел из приемной.

-- Ну что? -- поспешил к нему полковник.

-- Можете поздравить меня, Семен Петрович.

-- Заместителем назначили?

Поддубный заколебался: сказать или нет? Пожалуй, лучше сразу сказать.

-- На командира полка представляют.

-- Правда? -- искренне обрадовался полковник. -- В Кизыл-Калу?

-- Якобы да.

Полковник пожал майору руку и, оставив ему горящую трубку, поспешил в кабинет генерала.

Добрых полчаса, если не больше, ожидал Поддубный полковника. За это время он успел побывать в отделе боевой подготовки и в инженерном отделе, выяснил интересовавшие его вопросы, а полковник все еще не выходил от генерала. Наконец он появился в приемной. Лицо у него было какое-то растерянное. Он то улыбался в свои пышные, тронутые изморозью усы, то мрачнел как туча.

Всю дорогу до самого аэродрома молчал, курил не переставая трубку за трубкой.

Когда они вышли из машины и остановились возле самолета, он сказал с плохо скрытой обидой в голосе:

-- А меня все же отстранили...

Поддубному было жаль Семена Петровича. Хотелось в эту минуту сказать ему что-то теплое, успокаивающее, но не находились нужные слова.

Инженер доложил полковнику, что самолет готов к вылету, осмотрен и заправлен, но придется малость обождать, пока оформят документацию. Семен Петрович взял своего, теперь уже, можно сказать, бывшего помощника под руку, провел шагов десять.

-- Да, отстранили. -- Полковник тяжело вздохну. -- Оно-то, собственно, уже пора. Годы, Иван Васильевич, годы! Но есть и радость у меня: полк, который для меня дороже всего на свете, я передаю в надежные руки. Разве это не радость для меня, старого полкового служаки?

-- Спасибо вам, Семен Петрович, за такое доверие, -- взволнованно произнес Поддубный. -- Постараюсь быть достойным его.

Полковник пристально поглядел своему преемнику в глаза.

-- А теперь скажи мне, Иван Васильевич, всю правду, без околичностей... что там у вас с моей дочерью? Только давайте начистоту.

Поддубный, не ждавший такого вопроса, заметно растерялся:

-- Боюсь, Семен Петрович, нанести вам еще один удар.

-- Говорите, только всю правду.

-- Кривить душой, Семен Петрович, не умею. Я давно собирался... Вот и прошу вас как отца и командира. Я люблю вашу дочь. Будет ли она счастлива со мной -- это как получится, но любить ее и уважать -- обещаю вам как отцу.

Поддубный заметил, что его слова не удивили и не огорошили полковника.

-- Вот сукин сын... Кругом обскакал. Так давай же я тебя расцелую, разбойник!

Старый Слива обнял Поддубного, поцеловал крепко и смахнул непрошеную слезу.

-- Годы, Иван Васильевич, годы! Я уже свое отлетал и засиделся в полку. Но ты посоветуй, как все-таки быть? Предлагает генерал солидную штабную должность. Как видишь, не гонят старика. Так вот, идти или, может, и впрямь пора уже, как настаивает Харитина Львовна, карасей ловить в родной Ворскле?

Поддубный размышлял. Помолчав, он сказал:

-- Если предлагают, послужите еще. У вас ведь огромный

опыт, Семен Петрович! И душа у вас богата...

Совет пришелся полковнику по душе.

-- Спасибо тебе, сынок, а теперь вези меня домой.

Через несколько минут они вылетели.

Семен Петрович нет-нет да и скажет какое-нибудь слово по СПУ.

-- Ты у меня теперь второй сын-летчик! А Лиля же как, будет кончать институт?

-- Обязательно, -- ответил Поддубный, следя за приборами.

На Кизыл-Калымском аэродроме их ждал с машиной Челматкин. Из самолета -- в машину, из машины -- в коттедж.

-- А ну, жена, погляди-ка, какого зятя я привез тебе! -- воскликнул Семен Петрович, переступая порог своего дома. -- Приготовь-ка нам чего-нибудь! Да побыстрее.

-- Какого зятя, что ты мелешь, батюшка! -- недоумевающе переспросила Харитина Львовна, выходя из кухни и сталкиваясь на пороге с Поддубным. -Ой, простите, Иван Васильевич!..

-- Лиля! -- позвал полковник. -- Иди сюда!

Лиля вышла из комнаты. В лице ее не было ни кровинки. Очевидно, она слышала слова отца.

-- Любишь его? -- строго спросил Семен Петрович.

-- Люблю...

Неделю спустя все формальности с передачей и приемом полка были окончены. Полковник Слива попрощался со своими подчиненными перед строем. Но этого ему показалось мало. Ходил и прощался с каждым отдельно. И редко дело ограничивалось пожатием рук. "Прощай, дружок!" -- скажет Семен Петрович, тут же растрогается, сгребет в охапку своими сильными руками летчика или авиационного специалиста и давай целовать, щекоча его пышными усами, которые как будто еще больше за это время побелели.

В тот день, когда за ним должен был прийти транспортный Ли-2, Семен Петрович посетил стартовый командный пункт, над которым реял флаг Военно-Воздушных Сил.

Проходили полеты. Истребители взмывали парами, звеньями, группами. Эскадрилья майора Дроздова поднялась в воздух в полном составе.

Далеко в поле, среди барханов, на искусственном бугре вертелась антенна радиолокатора.

Полетами руководил майор Поддубный. Он сидел за столиком и держал в руках трубку микрофона, которую столько лет неизменно держал в своих руках Семен Петрович.

Выполнив задание, летчики возвращались на аэродром.

Только что приземлилось звено старшего лейтенанта

Телюкова. Теперь он уже не старший летчик, а командир звена. Возмужал, стал гораздо серьезнее. Отличный вырастет из него авиационный командир!

Телюков направился на СКП. Издали видно: задание выполнил успешно -лицо сияет.

-- Товарищ полковник, разрешите обратиться к майору Поддубному, -вытянулся перед Семеном Петровичем Телюков.

-- Обращайтесь.

-- Товарищ майор, задание выполнено! Бомбардировщики перехвачены и атакованы.

Поддубный пожал Телюкову руку.

-- Отлично действовали, старший лейтенант! Объявляю вам благодарность.

-- Служу Советскому Союзу!

Над аэродромом журавлиным клином промчалась эскадрилья Дроздова. Как на параде! До чего все-таки красиво! Дроздов, за ним, чуть поодаль, его ведомый, затем ведущий второй пары, и так, один за другим, самолеты заходят на посадку.

-- Посадочные щитки и шасси выпущены, -- докладывает солдат-наблюдатель.

Вскоре прибыл на СКП и майор Дроздов.

-- Товарищ полковник, разрешите...

-- Обращайтесь, обращайтесь, -- не дал закончить фразу полковник. -- Я уже здесь не хозяин.

-- Товарищ майор, задание выполнено!

Авиационные специалисты и воины обслуживающего подразделения тем временем подготавливали самолеты к повторным вылетам. Работа на аэродроме проводилась с точностью часового механизма.

Но вот над аэродромом появился транспортный самолет.

"Это за мной", -- догадался полковник Слива и позвонил по телефону на квартиру.

-- Ты, Харитина? Выезжай, -- голос его дрогнул. -- Самолет прибыл.

"Как тяжело расставаться ему с полком", -- с невольной горечью подумал Поддубный.

Сел Ли-2. А вскоре прибыл и грузовик с вещами. Харитина Львовна и Лиля приехали на "Победе". Солдаты перегружали вещи из машины в самолет.

Весть о том, что полковник Слива улетает, быстро разнеслась по аэродрому. И офицеры стекались к СКП. Каждому хотелось еще раз пожелать старому командиру счастливого пути, поглядеть на него. Кто знает, придется ли еще встретиться?

-- Хороший человек!

-- Душевный! -- то и дело слышалось в толпе.

Семен Петрович спустился по ступенькам вниз и в сопровождении Поддубного направился к Ли-2. За ним потянулись все остальные. Харитина Львовна вытирала слезы и что-то говорила, обращаясь к дочери.

Вещи погружены. Через несколько минут запустят моторы. Поддубный помог Харитине Львовне подняться по трапу в

самолет. Вслед за ними поднялась и Лиля. Приблизился к трапу и Семен Петрович. Поднялся на две ступеньки, повернулся, снял с головы фуражку и обвел взглядом всех присутствующих. Впереди стояли майор Дроздов, капитан Марков, майор Гришин, инженер-подполковник Жбанов, замполит Горбунов, старший лейтенант Телюков, техник-лейтенант Гречка. За ними, как в строю, стояли молодые летчики -Байрачный, Калашников, Скиба.

-- Ну что ж, товарищи, -- начал Семен Петрович взволнованным и слегка сдавленным голосом. -- Я убываю от вас. Уверен, что мы с вами еще встретимся. Среди вас немало таких, с которыми мне довелось вместе сражаться на фронте, а есть и молодые. Вы здесь для меня все одинаково дороги и близки. Меня радует то, что среди вас нет ни одного, кто когда-нибудь не выполнил бы моего приказа. Значит, вы хорошие воины и такими будьте впредь, честно служите нашей Родине! Помните: я буду радоваться каждому успеху вашего полка и вместе с вами переживать неудачи и неприятности. Но лучше давайте служить и выполнять свои обязанности так, чтобы не было неудач!

Чуть помолчав, полковник продолжал:

-- Мы, воины старшего поколения, с честью выполнили свои обязанности перед Родиной, перед народом. Будьте же достойны своих старших боевых товарищей, бдительно оберегайте небо Отчизны, будьте готовы к тому, чтобы до конца разбить врага, если он посмеет пойти на нашу страну войной.

Майор Дроздов захлопал в ладоши, и его примеру последовали все остальные.

Подождав, пока стихнут аплодисменты, полковник сказал:

-- Кизыл-Кала -- это красная крепость. Слышите? Красная крепость! Смотрите же, сыны мои, чтоб она оставалась и впредь неприступной, эта крепость!

Полковник решительно натянул на голову фуражку и уже собрался подняться в самолет, как вдруг вышел замполит Горбунов.

-- Разрешите заверить вас, товарищ полковник, что наш полк будет первым в соединении.

-- Будем первым!

Из самолета вышла Лиля. Прибрали трап. Ли-2 порулил на старт, развернулся неуклюже и начал разбег. К окошку припала Харитина Львовна. Лиля помахала ей на прощание.

Минута -- и самолет оторвался от земли. Набрав высоту, он описал над аэродромом прощальный круг и медленно поплыл над песками.

С тучами и дождями пришла в Каракумы зима. Холодные и набухшие влагой облака порой опускались до самой земли,

лизали шершавые гривы барханов, простирались туманами над такырами. А верхний край облачности иной раз достигал стратосферы. Но это было именно то, чего много месяцев не хватало летчикам.

На аэродроме, в клубе, в учебных классах пестрели лозунги: "Летчик-истребитель, настойчиво овладевай полетами в облаках!"

Этот лозунг, по предложению замполита Горбунова, коммунисты сделали порядком дня очередного партийного собрания, и последние два месяца учебного года летчики днем и ночью штурмовали облака, летали на перехват самолетов "противника", сдавали зачеты на классность. У кого был третий класс -- тот получил второй, кто имел второй -- добился первого. Старые первоклассные летчики летали в роли инструкторов.

Осуществилась заветная мечта Телюкова -- он украсил свой мундир знаком летчика первого класса, а вместе с тем получил и очередное воинское звание -- капитан.

-- Капитан! Это уже звучит солидно! -- говорил он друзьям.

По этому поводу Телюков устроил у себя на квартире небольшую пирушку. В свою рюмку Телюков опустил две звездочки -- "обмыл их", чтобы ржавчина не пристала. Так полагалось.

-- Ну, товарищи, -- сказал он и первым осушил рюмку. Потом вынул "обмытые" звездочки, снял мундир и обратился к Байрачному:

-- А ну, Григорий, прицепи-ка их туда, где им давно уже пора находиться.

Байрачный и Скиба исполнили свой "коронный" номер: спели "Где ты бродишь, моя доля..."

Семен Петрович, как и во время летнего отпуска, частенько позванивал в Кизыл-Калу Поддубному:

-- Ты, Иван? -- гудел его бас.

-- Я, Семен Петрович, здравствуйте!

-- Здоров, здоров, сын! Деревья там еще не засохли?

-- Нет. Но ведь зима...

-- Гляди...

Иногда трубку брала Харитина Львовна, и разговор шел о письмах от Лили, о здоровье, самочувствии, о предстоящей поездке всем семейством в отпуск на родную Полтавщину...

Кончался учебный год, и начштаба полковник Асинов все чаще и чаще садился со счетами за план-график летной подготовки и прочую летную документацию, подводил итоги, подсчитывал налет. Картина получалась довольно отрадная. Полк не только наверстал упущенное, но и перевыполнил план по главным показателям боевой подготовки. Чего доброго, еще

первенство займет. Особенно показателен был для полка декабрь. Состоялись летно-тактические учения, и кизыл-калынцы перехватили все воздушные цели, не пропустили ни одного самолета "противника". Кругом сто!

Прошли слухи, что многие из летчиков представлены к правительственным наградам. Телюков, втайне мечтавший об ордене Красного Знамени, несколько ошибся. Его наградили орденом Ленина. Это была высокая и достойная оценка самоотверженного труда летчика. Слова Указа Президиума Верховного Совета он знал назубок: "За достигнутые успехи в овладении авиационной техникой и полетами в сложных метеорологических условиях, за проявленное мужество и отвагу при испытании новых видов оружия наградить летчика-истребителя капитана Телюкова Филиппа Кондратьевича орденом Ленина".

Ордена Ленина получили также комэски майор Дроздов и капитан Марков. Девять летчиков удостоились ордена Красного Знамени, а инженер-подполковник Жбанов -- ордена Красной Звезды.

Правительственные награды вручал генерал-майор авиации Щукин.

Стоял погожий ясный день. Над строем реяло боевое Знамя полка. Сверкали на солнце трубы духового оркестра.

-- Служу Советскому Союзу! -- отвечали все, кто получал правительственные награды.

Вручив награжденным ордена, генерал поздравил весь личный состав полка с выдающимися достижениями в боевой и политической подготовке.

Церемониал закончен. Но, видимо, генерал еще что-то собирался сказать. Вот он выходит из-за покрытого кумачом стола. Весь как-то сразу нахмурившись, он пытливо оглядывает авиаторов. И вдруг, совсем не официально, а просто и искренне, даже с оттенком грусти, говорит:

-- А теперь, дорогие товарищи, позвольте мне с вами проститься и пожелать новых успехов. -- Помолчав, он продолжал: -- Получен приказ: ваш полк должен перебазироваться в другое место. Куда -- скоро узнаете.

Он приблизился к подполковнику Поддубному. Да, именно подполковнику. Он только вчера получил это звание. И замполит Горбунов уже не капитан, а майор. Генерал протянул руку Поддубному:

-- Спасибо, Иван Васильевич, за службу, желаю вам всего наилучшего!

То же самое сказал генерал замполиту, начальнику штаба,

комэскам. Со всеми, до последнего солдата простился генерал, каждому пожав руку.

Два дня спустя вылетели летчики. Через положенное время они были уже за тысячу километров от Кизыл-Калы. Но аэродром, где они приземлились, был только промежуточным. Заправятся самолеты топливом, поднимутся в воздух и пойдут дальше.

-- Куда?

-- Куда прикажут.

-- Где будут служить?

-- Там, где нужно Родине.

* ЧАСТЬ ВТОРАЯ. На далеких рубежах *

Глава первая

За синей далью -- снега и снега.

Внизу едва улавливается взглядом очертания материка. Слева по курсу стелется скованное льдом море, а справа простирается бесконечная гряда гор. Издалека она похожа на айсберг, постепенно сползающий в воду.

Солнце, поднимаясь над горизонтом, рассеивает свои холодные лучи по обветренным прибрежным торосам, и они вспыхивают ослепительными огнями; кажется, что по самолетам ведет огонь вражеская зенитная батарея.

Такая картина представилась летчикам, когда они, снявшись с последнего промежуточного аэродрома, завершили свое далекое воздушное путешествие.

-- Внимание! Приближаемся к аэродрому посадки, -- послышался в наушниках шлемофонов голос подполковника Поддубного.

Он летел в паре с замполитом майором Горбуновым, возглавляя полковую колонну. Его голос, как всегда, звучал ровно, спокойно и совсем не соответствовал тому возбужденному состоянию, в котором находились летчики на последнем этапе маршрута. Ведь какой прыжок совершили они -- от дышащих зноем Каракумов до берегов студеного моря! Летели не в одиночку и не по освоенное воздушной трассе, а от одного незнакомого аэродрома к другому. Сядут, отдохнут, пока инженеры и техники осмотрят и дозаправят самолеты, и вновь подымаются в воздух.

Вместе с опытными, закаленными в боях и в полетах воздушными воинами уверенно вели свои боевые машины молодые авиаторы лейтенанты Григорий Байрачный, Петр Скиба и Геннадий Калашников. Капитан Телюков даже не ожидал, что его гвардейцы, как в шутку называл он своих подчиненных, с честью выдержат столь серьезное испытание. Думал, наберется с ними беды во время перебазирования полка. А получилось иное.

Не плетутся ребята в строю -орлами летят! Орлами, да продлит аллах их дни!

В успехах подчиненных он видел свой командирский успех и мысленно обращался к самому себе: "А ты, Филипп Кондратьевич, не только сам умеешь летать, но и других можешь учить! Быть тебе в ближайшее время командиром эскадры". (Телюков считал, что слово "эскадра" звучит гораздо солиднее, чем слово "эскадрилья", поэтому часто употреблял этот морской термин, особенно тогда, когда дело касалось собственной персоны).

Если же кто-нибудь из лейтенантов, случалось, зазевается, нарушит заданные интервалы и дистанции и получит замечание командира эскадрильи, Телюков отчитывал виновного на земле. Насупит свои рыжеватые брови и, подражая бывшему командиру полка, полковнику Сливе, распекает недовольным тоном:

-- Что ж это вы, лейтенант, петляете в воздухе, как подстреленная ворона? Запамятовали, выходит, правило: строй, батенька, святое место летчика?

Если это касалось Петра Скибы, то командир звена добавлял с подковыркой, задевая самолюбие подчиненного:

-- А еще старший летчик, ведущий пары! Да вам бы мешок на плечи и слепых водить, а не боевую пару истребителей!

Добродушный безропотный здоровяк Скиба послушно вытягивался перед командиром, заливался румянцем от стыда и позора.

-- Простите, товарищ капитан. Учту ваши замечания. Больше со мной такого не повторится, -- говорил летчик, не замечая того, что командир звена нисколько не сердится.

Что касается Байрачного, то этот хитрец насквозь видел своего командира и безошибочно определял, когда тот в самом деле был недоволен и сердит, а когда только напускал на себя личину недовольства. И если Байрачный замечал, что брови командира ползут к переносице, чтобы сильнее воздействовать на подчиненного, то позволял себе мягкие, осторожные возражения:

-- Ну, зазевался маленько, товарищ капитан, ну, отклонился в сторону. Сознаю: плохо сделал. Но лошадь о четырех ногах и то спотыкается. А у самолета две ноги, да и те убраны... А вы, вероятно, заметили, товарищ капитан, если, конечно, сами не дремали в кабине...

-- Дремал в кабине? Да как вы смеете так разговаривать со мной!

-- Простите, товарищ капитан, я хотел сказать: вы, вероятно, заметили, как быстро и точно выполнил я требование командира эскадрильи. Чуток газку, чуток ручки -- и уже на своем месте. Поступал именно так, как вы меня учили...

Байрачный моргал зеленоватыми, красивыми, как у девушки, глазами, улыбался и в то же время внимательно наблюдал, как реагирует на его шутки командир, не начинает ли тот в самом деле распаляться? При благоприятных условиях он продолжал свои разглагольствования, а при неблагоприятных -замолкал.

Случалось, что и Телюков не прочь был пошутить и, когда Байрачный не в меру начинал расписывать свои пилотажные способности, спрашивал:

-- Может, прикажете, лейтенант, благодарность вам объявить?

-- А почему бы и нет? Ведь это и уставом предусмотрено. Если подчиненный проявляет усердие...

-- Да будет вам, Байрачный, ведь я серьезно требую от вас пристального внимания и четкости в полете. Лошадь споткнется -- поднимется, а летчик -головой в землю! Это понимать надо.

Третий летчик молодежного звена -- лейтенант Калашников -- по своему характеру стоял ближе к Скибе, чем к Байрачному. Молча выслушивал он замечания старших, краснел, когда его укоряли за допущенную в полете ошибку. Но иногда в разговоре с товарищами становился на дыбы и решительно протестовал против явных, как он считал, передержек и соленых шуток друзей, чего почти никогда не замечалось за Скибой, который обладал нравом мягким и покладистым.

У Калашникова характер только-только складывался. Отсюда и эта несколько неожиданная резкость, и желание настоять на своем. Часто вместо того, чтобы после какой-нибудь ошибки в технике пилотирования сесть в кабину тренажера, он брал свой мольберт, краски и уходил писать с натуры. За мольбертом отводил душу.

Поддаваясь минутному разочарованию, Калашников иной раз начинал роптать на свою судьбу, завидовал тем летчикам, которые служили под Москвой или под Киевом, а не "прозябали, -- по его выражению, -- у черта на куличках". Это разочарование больше всего злило Телюкова, и он начинал сомневаться: получится ли из Калашникова настоящий летчик-истребитель?

Впрочем, по летной подготовке пока что лейтенанты находились на одном уровне. Они уже летали ночью в простых метеоусловиях и днем в сложных, то есть в облаках. И если в свое время Телюков высказывался за назначение ведущим второй пары звена лейтенанта Скибы, то это, во-первых, потому, что Скиба слыл наиболее серьезным среди своих однокашников и обладал безупречной дисциплинированностью, а во-вторых, Телюков, чувствуя личную симпатию к Байрачному, не хотел, чтобы эта симпатия играла какую-то роль при решении сугубо служебных вопросов. К тому же Байрачного минувшей осенью избрали

секретарем комитета комсомола. Теперь он вожак молодежи полка, и если возьмет себя в руки, станет более серьезным, то пойдет, как говорится, по партийной линии, пожалуй, еще и замполитом будет.

Таким образом, вторую пару звена вел лейтенант Скиба, имея у себя ведомым лейтенанта Калашникова, а Байрачный летал в паре с Телюковым.

Внизу проплывали мысы и заливы. Общий вид береговой черты напоминал летчикам гигантскую пилу, которая врезалась в ледяные торосы и остановилась. Горная цепь все ближе и ближе подступала к морю, как бы отталкивая его. На горных шпилях отчетливо проступала темно-зеленая щетина хвойного леса. Местами в долинах виднелись заваленные снегами таежные села, над которыми вздымались в небо причудливо извивающиеся столбы дыма.

И где-то за этими горами и долинами, мысами и заливами отзывался аэродромная радиостанция "Тайфун", отчетливо слышался голос старшего лейтенанта Фокина -- штурмана наведения. Он вылетел сюда несколькими днями раньше на Ли-2 вместе с командой авиационных специалистов, возглавляемой инженер-подполковником Жбановым.

Впереди в искристой морозной дымке рассыпалась зеленая ракета.

-- Внимание! Выходим на точку посадки, -- предупредил экипажи командир полка подполковник Поддубный.

Но и без того уже летчики первой эскадрильи, которую вел заместитель командира полка майор Дроздов, увидели очертания аэродрома с его взлетно-посадочной полосой, рулежными дорожками и "карманами" для стоянки самолетов. Одним концом взлетно-посадочная полоса тянулась к тайге, а другим взбегала на дугообразный мыс.

На летном поле было пусто. Один лишь самолет -- вероятно, Як-12 -крестиком чернел на снегу. Рядом со стандартной, расписанной шахматными клетками будкой СКП стояло несколько спецмашин, возле которых копошились крохотные фигурки людей.

Дикие горы. Дремучая тайга. Голый мыс. Скованное льдами море. Живописно, аллах его побери! Теперь, пожалуй, и каракумская Кизыл-Кала покажется столицей...

"Тайфун" информировал летчиков о посадочном курсе аэродрома, о подступах к нему.

Лидирующая пара, круто развернувшись влево, пошла на посадку. Вслед за ней, пройдя над стартом, веером разошлась первая эскадрилья.

Принимай, родная земля, своих крылатых воинов, своих гостей из далекой Средней Азии!

Этот аэродром носил поэтическое название -- Холодный перевал. И что он был не теплый, а холодный -- в этом каждый летчик убедился, что называется, на собственной шкуре. Григорий Байрачный едва не задохнулся, когда, закончив пробег, откинул назад фонарь кабины. В лицо ударило тяжелым ледяным воздухом. Дыхание сковало, будто летчик хватил глоток спирту. Слиплись ноздри и стянуло рот, распаренный под кислородной маской.

-- Ов-ва! -- только и сказал Байрачный и поспешно захлопнул кабину. Так и порулил свой самолет к противоположному концу аэродрома, где выстраивался полк, и не вылезал из кабины до тех пор, пока к нему не поднялся по стремянке приземистый техник в белом смушковатом кожухе и в валенках.

Ба, да ведь это техник-лейтенант Максим Гречка!

-- Здорово, старина! -- Байрачный высунул голову из кабины. -- Сколько же тут у вас мороза, а? Небось градусов пятьдесят будет?

-- Что вы! -- ухмыльнулся речка. -- Всего-навсего восемнадцать. Проходит антициклон, потому и похолодало. А вчера было теплее.

-- Однако вас переобмундировали в кожухи и валенки. Значит, холодно все-таки!

-- Да уж, конечно, не то что в Каракумах.

Байрачный нехотя вылез из кабины, а Гречка, установив наземный предохранитель, поспешил встретить самолет лейтенанта Скибы.

Скиба рулил с открытой кабиной. Его черное от загара лицо было сейчас багровым, как очищенная свекла, и сияло от удовольствия. Ничего не скажешь -- здоровяк! Такому и Северный полюс нипочем.

Телюков, сняв рукавицы, натирал руки снегом, хорохорился: вот, мол, какой я герой! Задорно окликнул Байрачного:

-- Эй, молодежный руководитель! Носа не вешать! А ну-ка, по-молодецки! А ну! Эх, люблю матушку-зиму!

-- Не понимаю: зачем нас пригнали сюда? Что мы здесь будем охранять? -ежась, недовольно проворчал Байрачный.

-- Как что? Вот эту землю, -- топнул Телюков ногой о бетонку. -Далекая, но нашенская, родная земля. Да ты не горюй, чудило! А ну, давай в снежки -- кто кого? -- Он сгреб пригоршню снега и швырнул в лицо Байрачному. Тот отскочил в сторону, поднял ворот куртки, втянул голову в плечи.

--Мерзляк! Вот мерзляк! И не стыдно? -- кричал Телюков.

Посадкой полка руководил генерал-лейтенант авиации Ракитский. Никого из прибывших не удивило его присутствие на этом далеком аэродроме. Дважды Герой Советского Союза, первоклассный летчик, он не очень-то засиживался в своем московском кабинете, денно и нощно носился по аэродромам противовоздушной обороны страны.

То прилетит на истребителе, то на бомбардировщике, то вдруг нежданно-негаданно объявит тревогу, лично желая удостовериться в боеготовности и боеспособности полка; сам проведет занятия, покажет, как нужно летать, а то еще, бывало, бросит вызов:

-- А ну, орлы, поймайте меня в воздухе!

Перехватят "орлы" генерала -- благодарности удостоятся. А прозевают, не поймают -- выговор заработают виновные. На то и другое не скупился непоседливый генерал.

Многих летчиков он знал лично, безошибочно мог назвать каждого по фамилии, имени и отчеству.

Познакомился с генералом и капитан Телюков. Это было необычное знакомство, и произошло оно на аэродроме в Кизыл-Кале за месяц до перебазирования полка.

Телюков, дежуря на старте, получил извещение о том, что через несколько минут прилетит и запросит посадку МиГ-17. А о том, кто именно летит в этом самолете, штаб не сообщил. И когда незнакомый летчик приземлился, Телюков подошел к нему.

-- А вы, коллега, как я погляжу, не один пуд соли съели на посадках -прицелились аккурат в точку, --развязно сказал он, решив, что приземлился один из летчиков соседнего полка. Ему и в голову не приходило, что под обычным летным комбинезоном скрываются генеральские погоны.

-- А вы кто будете, коллега? -- спросил генерал и колюче прищурился, невольно задетый фамильярным тоном летчика.

-- Начфин, -- сострил Телюков и расплылся в улыбке: -- Наши летчики пребывают в заоблачной выси, вот я и собирался в небесную канцелярию, чтобы денежное содержание выплатить ребятам...

-- Ох и шутник же вы, коллега! Смотрите только, как бы не пришлось вам на попятную...

Генерал как бы невзначай завернул штанину комбинезона, и Телюков оторопел, увидев голубой лампас. Он вытянулся, козырнул, представился по всем уставным правилам.

-- Капитан Телюков? -- в свою очередь удивился генерал, услышав его фамилию. -- Так это вы и есть тот самый летчик, который катапультировался в Каракумах на Ту-2? Про вас, коллега, в Москве шла речь как о герое пустыни.

-- Так точно, товарищ генерал, я летал. Целую девятку Ту-2 пустил на автопилотах.

-- Приятно. Но я представлял вас иным. А вы весельчак. Ну, будем знакомы. Генерал Ракитский. Слыхали о таком?

-- Так точно!

Они пожали друг другу руки.

-- Всего доброго, коллега! -- усмехнулся генерал, усаживаясь в "Победу", присланную на аэродром командиром полка.

Таким было это знакомство. Не совсем обычным и не очень приятным. Но все же знакомство состоялось. И когда сегодня приземлился последний самолет и генерал вышел из СКП, Телюков сразу же узнал его среди других офицеров, хотя все они были одеты по-летному. Даже в кожаном костюме на меху и в мохнатых унтах -- теплой спецодежде -- генерал сохранял свойственные ему выправку и бодрый вид. Направляясь к летчикам, которых майор Дроздов выстроил в шеренгу перед самолетами, генерал чеканил шаг, как на параде.

И до чего же действовала сила личного примера начальника! Наблюдая за генералом, летчики в свою очередь старались выглядеть такими же подтянутыми и молодцеватыми. Даже Байрачный перестал зябко ежиться и, казалось, уже не чувствовал мороза, "колесом" выпячивая грудь, как учил некогда старшина...

-- Здравствуйте, товарищи! -- поздоровался генерал, остановившись со своей свитой перед строем.

-- Здравия... желаем... товарищ генерал! -- прокатилось над снежным полем.

Генерал поздравил летчиков с успешным перебазированием, объявил им благодарность, пожелал всего наилучшего в службе и личной жизни. Потом представил командира дивизии полковника Шувалова и, решив больше не задерживать летчиков на морозе, отпустил их.

О цели перебазирования и о задачах полка рассказал в подземелье дежурного домика.

...Неспокойно здесь, на далеких рубежах Отчизны. Чуть ли не каждую ночь вблизи государственной границы появляются чужие самолеты. Случалось, они пересекали границу с целью разведки. Были даже случаи высадки шпионов. Двух полков, которыми располагает дивизия, мало для надежной охраны границы. Возникла потребность в третьем.

-- И отныне здесь, -- генерал провел рукой по карте с севера на юг, -не должен пройти ни один чужой самолет. Слышите? Ни один! Либо посадить, либо сбить. Ясно? -- генерал повернулся к подполковнику Поддубному.

-- Ясно, товарищ генерал!

Вскоре генерал вместе с полковником Шумиловым и подполковником Поддубным вылетел на Як-12 в штаб дивизии, а летчики отправились в авиационный городок. Каждый из них чувствовал себя как на фронте.

Авиационный городок притаился в тайге. Внешне он походил на только что построенный санаторий. За двумя двухэтажными деревянными домами -- ДОС-ами -- тянулся ряд таких же двухэтажных коттеджей, сложенных из бревен. В стороне, среди могучих пихт, хмурых елей и желтокорых берез, выглядывало каменное сооружение казармы.

Глушь и тишина. Безлюдье. Пахнет сосной, свежесрубленным тесом, горелыми головешками и еще чем-то незнакомым для людей, прибывших с юга.

Но в то мгновение, когда автобусы, которые везли летчиков, прошли под шлагбаумом, неожиданно в медные трубы ударил духовой оркестр. Звуки эхом прокатились по тайге.

Высыпали из казарм солдаты, появились на улице ребятишки. Городок ожил, засуетился, разбуженный оркестром.

На трубах играло пятеро солдат, а шестой бил в барабан. Руководил этим творческим коллективом толстяк в шинели офицерского покроя с погонами старшины -- сверхсрочник. Он неуклюже махал большими руками, выпячивая и без того солидное брюшко.

-- Ого, как развезло маэстро на армейских харчах! -- заметил Байрачный, заинтересовавшись оркестром.

Выпрыгнув из автобуса, он подошел к старшине:

-- Любительский?

"Маэстро" уронил руки по швам, еще больше выпятил живот, напуская на себя вид бравого вояки. Ему было невдомек, что, чем сильнее он пыжился, тем смешнее выглядел. Таких "вояк" нередко можно встретить среди тыловиков, уже давно позабывших о строевой подготовке.

"Маэстро", очевидно, не расслышал или не понял вопроса и молча хлопал глазами.

-- Я спрашиваю: любительский оркестр? -- повторил Байрачный.

-- Да, да, любительский, -- закивал головой старшина.

-- О, это неплохо, если здешняя база располагает собственным оркестром. Можно танцы устраивать для молодежи, а то здесь небось скучища?

-- Так точно, скучища! -- отрубил старшина, приняв летчика за одного из полкового начальника.

Это польстило Байрачному, и он, напустив на себя солидность, продолжал допытываться и делать замечания:

-- Труб у вас маловато. Боритон один, а кларнета и вовсе нет. А что ж это за оркестр без кларнета? Нужно приобрести. Обязательно! Кларнет -- это духовая скрипка, душа каждого музыкального коллектива.

-- Разрешите доложить: инструмент имеется, кларнетиста нет. Был один, но он шофером работает, уехал куда-то. А баритонист -- поваром на кухне; тоже при службе сейчас.

Доложил и снова замер в стойке "смирно".

-- Вольно, вольно, -- снисходительно улыбнулся Байрачный, увидя на лбу маэстро проступивший от волнения пот. -- Я интересуюсь вашим оркестром потому, что сам являюсь руководителем полковой художественной самодеятельности.

-- И только? -- вырвалось у старшины. И сразу же куда только девалась его строевая выправка. -- А я -- начальник клуба старшина Бабаян. Собственно, клуба как такового еще нет, но оркестр имеется.

С выражением лица, в котором безошибочно можно было прочитать: "Ступай себе своей дорогой и не морочь мне голову", старшина повернулся к музыкантам и взмахнул руками, как заправский дирижер.

"Вот каналья, одних начальников признает", -- подумал Байрачный, входя в столовую.

Ее зал вполне мог бы соперничать с хорошим рестораном -- просторный, чистый, уютный. Столики, за которыми сидели летчики, обслуживали миловидные официантки. На каждом столике стояло по четыре бутылки с какими-то напитками, бросались в глаза яркие этикетки. Байрачный увидел обычный лимонад. Но, присмотревшись, обнаружил и наполненные стограммовые рюмки.

Майор Дроздов произнес тост за успешное перебазирование, и Байрачный поспешил к столу, где сидели его товарищи по звену. Чокнулись, выпили и принялись за маринованные грибы и соленые огурчики, поданные на закуску.

-- Неплохо встречают нас -- с музыкой и выпивкой, -- заметил Байрачный. -- И хотя, друзья мои, здесь холодно, но будет значительно лучше, чем в Каракумах. Тайга, море, свежий воздух -- как на курорте.

-- На курорте, говоришь? -- поднял потухшие глаза Калашников. -- К черту такой курорт! Это -- дыра, волчья нора!

-- Чудак человек! Да ведь здесь для тебя как для художника -- раздолье! Богатейшая натура, девственная тайга. Знай пиши!

-- Не мели языком, Гриша, -- сердился Калашников. -- Боком и тебе выйдет эта девственность. Лучше бы ты подумал, в чем будет ходить твоя Биби? Ведь ты сам говорил, что у нее нет ни зимней

одежды, ни обуви.

Байрачный растерянно повел округленными зелеными глазами. Верно, об этом он не подумал. И пальто у Биби демисезонное, и теплого платка нет, и обувь курам на смех -- лакированные туфельки да босоножки. Жила-то она на юге...

-- Товарищ капитан, что же мне делать? -- обратился он к Телюкову, как будто тот мог помочь беде. -- Почему нам заранее не сказали, куда должен перебазироваться полк? Я бы поехал в город, купил что-нибудь для жены...

-- "Поехал, купи", -- передразнил Калашников. -- А про военную тайну запамятовал? Ты бы по секрету сказал Биби, а та шепнула подруге, а подруга еще кому-нибудь. Вот и пошла бы гулять по свету военная тайна...

Телюков не вслушивался в разговор. Его не на шутку заинтересовала молодая официантка, которая как раз подавала борщ. Аллах бы окропил ее священной водой! Да ведь она словно родная сестра Лили, которую он до сих никак не может забыть. Стройная и юная, как береза весной, смуглая и гибкая. А глаза синие, задумчивые и брови черные. Только и разницы, что у Лили волосы светлые, а у этой -- потемнее, каштановые.

Обратил внимание на хорошенькую официантку и лейтенант Калашников, хотя вообще-то он не очень засматривался на девушек: у него была знакомая студентка, от которой каждую неделю приходило из Москвы письмо.

-- Эта девушка, -- кивнул он в сторону официантки, -- цены себе не знает.

-- Это как понимать? -- поднял брови Телюков.

-- Ей бы натурщицей служить в академии художеств.

Телюков поморщился.

Калашников заговорил тише:

-- Вы только посмотрите, какая стройная фигура, какие бедра! Да ведь это античная статуя! Высечь такую из мрамора -- вот вам и богиня красоты! Подлинная, настоящая красота!

-- До сих пор я полагал, что самое прекрасное в человеке -- это его душа, а у вас, значит, на первом плане -- бедра, -- вмешался в разговор лейтенант Скиба, прихлебывая борщ.

-- В человеке все должно быть прекрасным, -- горячо возразил Калашников. -- Красивая форма тела -- это величайший дар природы. И не случайно теперь уделяют такое внимание физкультуре и спорту. Человека создал труд, а условия труда меняются. Дело идет к тому, что рабочий будет сидеть за пультом и нажимать на кнопки, управляя целым производственным процессом. Представляете себе, что стало бы с человеком, если бы он не занимался физкультурой и спортом? Превратился бы в

какого-то головастика с клешней вместо руки. А гимнастика, атлетика, бокс, борьба сохраняют человеку форму, он станет еще более красивым, развитым, сильным.

Убедившись, что друзья с любопытством слушают его, Калашников продолжал:

-- Вам известно о том, что в крупных городах строятся Дворцы спорта? Таких дворцов будет в нашей стране тысячи. Люди получат всестороннее физическое развитие. Не будет горбатых и косолапых, сутулых и несмелых, потому что за их развитием с самого детства будут следить специалисты.

-- Интересно, -- заметил Телюков. -- Я бы вам посоветовал, лейтенант, выступить в полку на эту тему с лекцией.

-- А что? И выступлю! Человек красив, когда он...

В это время к столу подошла официантка, и Калашников прервал себя на полуслове.

Телюков весело подмигнул товарищам и, резко повернувшись к девушке, тихо сказал:

-- Простите, как вас зовут?

Девушка смутилась и как бы испугалась этого вопроса.

-- Нина, -- помолчав, ответила она.

Телюков подозвал ее ближе и приподнялся с места.

-- А еще по сто не дадите, Нина? -- спросил, чувствуя, как его уха коснулись крутые завитки ее волос.

Нина отрицательно покачала головой.

-- А все-таки попросите.

Она пошла в кухню, грациозно лавируя между столиками, и вскоре вернулась. Склонившись к Телюкову, прошептала что-то ему на ухо.

-- Э, нет! Передайте вашему шефу -- нам это не подходит.

-- На кухню приглашает? -- догадался Калашников.

-- Вот именно.

-- Покорно благодарим.

Смущенная официантка стала прибирать со стола. Летчики съели пирожные, запили лимонадом. Телюков подождал, пока Нина снова подойдет к столу, и сказал ей:

-- Не обижайтесь на нас, Нина. Не такие уж мы плохие, как можем показаться с первого раза.

Девушка пытливо поглядела на капитана.

Она впервые видела летчиков.

После обеда семейных офицеров развели по квартирам, а холостяков разместили в общежитии.

Капитану Телюкову, поскольку он принадлежал к руководящему составу офицеров полка и готовился в академию, досталась отдельная комната на втором этаже коттеджа,

стоявшего на самой окраине авиационного городка. Комнатка небольшая -- пять шагов в длину и столько же в ширину. Печка натоплена, и чьи-то заботливые руки тщательно заправили постель, сложив на подушке полотенце треугольником, как это делалось в казарме. В комнате кроме кровати стол, два стула, шифоньер, тумбочка -- все, что требуется холостяку.

За окном высились нарядные от сверкающего инея деревья. По самые ветви завязли в снегу красавицы ели, высоко распластали могучие свои кроны густые пихты. То там, то здесь торчали хилые березки. А дальше, насколько хватало глаз, раскинулась на солнце тайга -- дикая, суровая, величественная.

Не зная, чем заняться на первых порах, Телюков раскрыл миниатюрный русско-английский словарь -- это была единственная вещь, которую он мог взять с собой в полет. Неожиданно из книжечки выпала фотография -- давний подарок Лили с полустершейся надписью: "Искреннему моему другу -- Филиппу Кондратьевичу Телюкову на память о Кизыл-Кале. Л.Слива".

"Слива, -- подумал он. -- А теперь она -- Поддубная. Нет уже прежней Лили, девушки-студентки института иностранных языков. Есть супруга командира полка".

На фотографии Лиля сидела за пианино. Ее пальцы неподвижно лежали на клавишах, глаза мечтательно смотрели вдаль. Было в этом взгляде что-то недосягаемо пленительное. На раз собирался Телюков порвать карточку -- не подымалась рука. А теперь вдруг он сделал это запросто. Белые и черные клочки бумаги легкими мотыльками опустились на пол. Стоит ли хранить то, что только причиняет боль? Если уж так случилось, то он будет продолжать беззаботную жизнь холостяка. Как видно, появился шанс приволокнуться за Ниной, за этой, по выражению Калашникова, "Античной богиней". Вот он и поухаживает за ней, если она, конечно, не замужем.

И он тихо замурлыкал себе под нос:

И вечным стал холостяком,

Чтобы не знать тревог...

После полета летчик должен отдыхать. Это закон. Хочется тебе спать, или не хочется -- все равно ложись. И Телюков лег, подложив под ноги газету. Решил подремать немного, потому что его, конечно, скоро вызовут на аэродром для подготовки к ночному дежурству. Ведь генерал Ракитный ясно сказал, что уже сегодня на ночном старте должно находиться звено перехватчиков.

Телюков вполне серьезно считал себя в полку первым асом, поэтому не сомневался, что попадет в первую дежурную четверку.

Он даже предполагал возглавить ее. Ведь командир полка улетел в штаб дивизии, его заместитель, по всей вероятности, будет на КП: замполит занимается своим делом, а комэски -- своим. Как ни тасуй карты, а козырь в его, Телюкова, руках. И он покажет нарушителям границы, где раки зимуют...

Полтора часа отвел себе для сна -- столько и спал. Проснулся минута в минуту. Уже пора и на подготовку к дежурству, ведь много, ох как много всяких данных -- позывных, индексов, курсов нужно запомнить, прежде чем лететь на перехват цели.

Между тем нарочный почему-то не шел. Не то забыли там, на полковом КП, о первом асе, не то считают, что окосел после каких-то ста граммов... Но ничего! Он, Филипп Кондратьевич, человек не гордый, сам напомнит о себе.

Выйдя из дому, он сел на попутную машину и вскоре прибыл на аэродром. Забежал на СКП, заглянул в дежурный домик в поисках майора Дроздова. Оказалось, что он с группой летчиков только что отправился на КП. Очевидно, там проводится предварительная подготовка.

"Что это еще там за группа такая образовалась?" -- недовольно подумал задетый за живое летчик.

Он поспешил на КП и наткнулся там на старшего летенанта Фокина, исполняющего обязанности начальника штаба, поскольку подполковник Асинов остался в Кизыл-Кале, чтобы сопровождать железнодорожный эшелон с семьями офицеров.

-- Ага, тебя-то, голубчик, мне и надо! Приказ о боевом дежурстве есть?

-- Здравия желаю, товарищ капитан. Мы, кажется, с вами еще не виделись в этих краях.

-- Здорово! -- небрежно протянул руку Телюков. -- Я спрашиваю о приказе.

-- Есть.

-- А не знаешь, почему меня не вызвали?

-- Знаю. Вы будете дежурить завтра, а сегодня останетесь в резерве.

-- И график дежурства уже составлен?

-- Составлен.

-- А ну, покажи.

Фокин провел летчика к себе в комнату.

-- Вот график. Распишитесь, пожалуйста, против своей фамилии.

Телюков насупил брови, губы его нервно задергались. "Право первой ночи", вопреки предположениям, забрало начальство. Майор горбунов -замполит, майор Дроздов -- заместитель командира полка, капитан Марков -командир эскадрильи,

капитан Махарадзе -- стажер из академии. А он, Телюков, признанный ас, герой Каракумов, не вошел даже в первую четверку!

-- Кто это сочинил? -- указал Телюков на график.

Старший лейтенант Фокин был воспитанником подполковника Асинова, почтительно относился к штабным документам, и его покоробил тон Телюкова.

-- График подписал заместитель командира полка, -- как можно спокойнее промолвил он.

Телюков хлопнул дверью.

Такую вольность он, конечно, мог себе позволить только в обращении с низшим по чину. К майору Дроздову и войти не решился. Тот попросту выставил бы распоясавшегося капитана за дверь. Не бранным словом -- строгим взглядом.

Майора Дроздова Телюков побаивался больше, чем командира полка и замполита. Те были более культурные, чуткие, а Дроздов -- секира. Рубит сплеча. Железный человек, неумолимый. Он и внешне так выглядел -- будто весь соткан из стальных жил.

Одним словом, Телюкову не оставалось ничего другого, как покориться судьбе.

"НУ, ладно. Пускай дежурят начальники и академики, поглядим, каковы будут результаты..." -- с обидой подумал он, хотя в глубине души и осознавал, что каждый летчик из первой четверки -- нисколько, пожалуй, не хуже его.

Возвратившись в авиационный городок, "резервист" раздобыл лыжи и отправился на прогулку.

На тайгу наплывали синие вечерние сумерки, изгоняя угасающий день. Было тихо как во сне. Под лыжами скрипел смерзшийся снег, мороз, словно иглами, колол щеки и подбородок.

Стараясь держаться кем-то проложенной лыжни, летчик вскоре очутился на крутом берегу речки, которая извивалась между елей и берез ледяной полоской. Неподалеку торчали перила моста, от него круто вверх бежала наезженная дорога. Очевидно, эта дорога вела к так называемому Холодному Перевалу, именем которого назвали аэродром и авиационный городок. За Перевалом лежало таежное село Каменка, единственное в районе аэродрома село.

Телюков решил добраться до Перевала, осмотреть местность с высоты, и он стал карабкаться вверх, оставляя позади себя "Ёлочку". С непривычки было трудно. Лыжи то проваливались в снег, то предательски скользили назад, то становились крест-накрест. Он падал, подымался, полз на четвереньках, хватаясь за

колючие кустарники.

Неожиданно летчик заметил на противоположной стороне дороги фигуру девушки в красном лыжном костюме. Она стояла на каменной глыбе, опершись на палки, и не то любовалась красотой лиловых сумерек, не то не решалась спуститься вниз к реке.

-- Эй, красавица! -- крикнул Телюков, устремляясь к ней через дорогу. -- Тебе что, жизнь надоела?

Незнакомка горделиво тряхнула головой, оттолкнулась палками и, пригнувшись, слетела с глыбы.

"Разобьется, ей-богу, разобьется, глупая" -- с замиранием сердца подумал летчик.

Взобравшись на холм, он стал наблюдать за храброй лыжницей. Ее красный костюм мелькал между кустов, и казалось издали, что по склону горы катится подхваченный ветром красный цветок. Ловко лавируя среди деревьев, девушка то скрывалась из виду, то снова появлялась и наконец, круто описав полудугу, остановилась на берегу речки.

Любил Телюков людей смелых и отважных. Вздумалось и ему "прокатиться с ветерком", догнать девушку, познакомиться с ней да и себя показать. Правда, он давненько не ходил на лыжах, но тут стоило рискнуть. И он, не раздумывая, скользнул вниз.

Но, аллах возьми! Не то левой ногой зацепился за что-то, не то случайно палкой затормозил -- кто знает, что вдруг приключилось, -- но только Телюкова как-то резко отбросило в сторону. Пошел он юзом и еле-еле удержался на ногах.

"Держись, Филипп Кондратьевич!" -- подбадривал он себя.

Скорость неудержимо росла. Справа и слева расступались стволы огромных пихт, мелькали колючие кустарники. Холодный воздух забивал дыхание. И все же лыжник держался на ногах. Казалось, победа полная! Пускай не задирает нос гордячка в красном костюме.

Но тут вдруг его подбросило вверх и отшвырнуло вправо. Еще раз подбросило. Хлестнули по лицу мерзлые ветки, запорошило снегом глаза. Что-то сильно ударило в бок.

Потеряв равновесие, Телюков с головой зарылся в сугроб...

...Вокруг жужжали шлеми и звенели комары... Прямо перед глазами покачивался на ветру алый цветок. А вдали, на окраине леса, как живые, бегали пихты, кувыркались, плясали. И сеялся снег -- мерзлый, колючий...

-- Эх вы, а еще летчик!

-- Кто здесь?

Цветок наклонился над ним.

Телюков замигал ресницами.

-- Нина, это вы? -- спросил он.

-- Не узнаете?

-- Да, да... Мне кажется... Это в самом деле вы?

-- Батюшки, вам плохо!

-- Нет, нет, я чувствую себя превосходно.

Нина помогла незадачливому лыжнику подняться, взяла под руку.

-- Ну, можно ли так бросаться очертя голову неведомо куда? Здесь валуны...

-- Видите ли, Нина, -- оправдывался Телюков. -- Я несколько лет служил на юге и долгое время не ходил на лыжах. Меня занесло... Но почему вы здесь?

-- Ходила в Каменку.

-- Вы там живете?

-- Нет, квартирую я в городке... Да у вас кровь на лице, -- сказала она. Вынув из обшлага рукава платочек, вытерла ему щеку. -- Видите?

-- Пустяки. До свадьбы заживет.

-- А вы в состоянии сами идти домой? А то мне нужно к ужину успеть.

-- Конечно, в состоянии! Хотя, если говорить честно, меня не прельщает мысль о расставании с вами.

-- О, если вы в состоянии шутить, значит, доберетесь!

-- Серьезно, Нина!..

-- Всего хорошего!

Она встала на лыжи, помахала ему рукой и стрелой понеслась к речке.

Кололо в левом плече и отдавалось глухой болью в левом колене.

Но больше всего донимал Телюкова стыд. Аллах возьми! Так опозориться перед девушкой!

Кое-как добрался он до своего коттеджа и заперся в комнате, чтобы прийти в себя.

Глава вторая

Завтра прилетают на Ли-2 авиационные специалисты, завтра (и не позднее) весь полк должен быть в полной боевой готовности.

Таков был приказ генерала Ракитного.

После совещания в штабе дивизии, которое продолжалось допоздна, генерал отбыл на аэродром бомбардировщиков, чтобы оттуда вылететь в Москву.

А подполковнику Поддубному пришлось заночевать в дивизии. Комдив не решился выпустить Як-12 в полет через горный хребет, который к вечеру окутался морозной мглой,

слился с небом. Правда, была еще возможность выехать автомобилем, но дорога не близкая и не столбовая -- три перевала, множество долин и ущелий.

-- Чем плутать ночью в горах, лучше переночуйте у нас, -- настаивал комдив. -- Посетите КП, ознакомитесь с его работой. Кстати, там есть комната отдыха. Не гостиничный номер, разумеется, но все же...

Комдив производил на Поддубного самое приятное впечатление -- простой, откровенный, скромный. А орденских ленточек на мундире -- ладонью не прикроешь. Среди них пестрели и иностранные -- английские, французские, польские, чехословацкие -- почти вся Европа отмечала боевые заслуги советского воина-летчика, воина армии, освободившей народы Европы из-под фашистского рабства.

Над ярким ковриком орденских ленточек золотом отливала Звезда Героя -высшая награда Советского правительства.

Подполковник Поддубный с первой же беседы проникся к комдиву доверием, и, когда тот спросил, какую помощь хотел бы на первых порах получить полк от штаба дивизии, чтобы успешно выполнить приказ генерала, Поддубный чистосердечно признался:

-- Лучше всего, если бы офицеры дивизии пока что не вмешивались в дела полка.

-- И это все? -- удивился полковник.

-- Все. Руководящие указания я получил от генерала и от вас, теперь дело за тем, чтобы засучить рукава и своевременно выполнить на самолетах регламентные работы. А это мы сделаем и сами. Люди в нашем полку сознательные, работящие. В агитации не нуждаются. Будет приказ горы перевернуть -- перевернут.

-- Что ж, такими людьми можно только гордиться. Советские авиаторы -этим уже все сказано.

-- Вы правы, товарищ полковник. Скажу, например, про свой полк. У нас что ни летчик, что ни авиационный специалист, то коммунист или комсомолец. Боевые ребята, настойчивые. Разумеется, некоторые не без греха. Но таких мы подтягиваем, воспитываем, убеждаем.

-- Так, так. Это хорошо, когда командир доволен подчиненными, -заметил полковник. -- Но меня, признаться, удивляет ваш ответ на вопрос о помощи. По-вашему выходит: не мешай, и это будет лучшей помощью, не так ли? Вы, очевидно, недолюбливаете штабных офицеров, а может быть, я неправильно понял вас?

-- Я, пожалуй, неясно выразил свою мысль. С вашего

разрешения, могу пояснить. Полк, в котором я служил прежде, дважды переходил из одной дивизии в другую. И каждый раз было так: не успеет полк сесть на аэродроме, как налетают руководящие офицеры различных штабов. Одного -- скажем об инженерах -- интересует вооружение самолетов, другого -- приборы, третьего -хвостовое оперение. И каждый требует, чтобы ему показывали, и каждый все что-то записывают, а то еще роется в формулярах. И это тогда, когда работы в полку по горло. А разве недостаточно того, что доложит командир? Вот я вам доложил о состоянии полка, о его людях и технике. Завтра доложу о боеготовности. Вы должны верить мне. А если я солгал -- гоните меня из полка в три шеи. Где-где, а в армии очковтирателям не место.

Полковник хотел что-то возразить, но смолчал, заметив, что его собеседник не высказался до конца.

-- Разумеется, -- продолжал Поддубный, -- я отнюдь не против контроля и проверки -- этих испытанных методов руководства. Наоборот, я за! Но я решительно против тягучей процедуры, называемой приемом полка. Принимайте нас, проверяйте, но дайте же время привести себя в надлежащий порядок!

Подумав, полковник сказал:

-- А что, Иван Васильевич! Ваши доводы не лишены логики. Обещаю: два дня нога моего штабного офицера не ступит на ваш аэродром. Приводите себя в порядок, но потом проверим и вооружение самолетов, и приборы, и хвостовые оперения, и даже портянки у солдат и сержантов -- все! -- Добродушно улыбнувшись, комдив добавил шутливо: -- А вскроем недостатки -- не взыщите! По головке не погладим, и на прежние заслуги скидки не будет...

Оба рассмеялись.

Должно быть, и командир полка понравился комдиву. Последний любезно пригласил гостя к себе отужинать, а после ужина отвез на КП дивизии.

Недолго петляла "Победа" в горах, не более получаса, и вот Поддубный -в просторном подземном помещении, освещенном лампами дневного света. Тишина и спокойствие царили в нем; не только в данном районе -- ни в одном уголке страны не наблюдалось ничего подозрительного. Антенны радиолокаторов, эти неусыпные наэлектризованные разведчики небесных просторов, пока что не обнаруживали никаких нарушений государственной границы.

Штурманы наведения, операторы, планшетисты, радисты, телеграфисты -офицеры и солдаты ночной смены развлекались кто чем; одни играли в шахматы, другие читали книги, некоторые

листали иллюстрированные журналы. Лишь изредка слышались голоса направленцев; они сидели в отдельных застекленных кабинах, поддерживая связь с аэродромами истребителей и радиолокационными постами "Краб", "Водолаз" и "Волна".

На дверях одной из кабин висела табличка с надписью: "Тайфун". Как приятно было Поддубному увидеть эту свеженаписанную табличку. Сегодня прибыл полк на новое место базирования, и сегодня же летчики заступили на почетную вахту по охране воздушных рубежей Отчизны!

Табличку вывесили час назад, после того как майор Дроздов доложил, что звено истребителей-перехватчиков на старте.

Ответственным дежурным на КП был в эту ночь начштаба дивизии полковник Вознесенский, солидный не только по рангу, но и по внешнему виду человек. Высокий, широкоплечий, полный. На носу -- очки в золотой оправе. В штабе, где Поддубный впервые встретился и познакомился с полковником Вознесенским, тот произвел на него впечатление делового и строгого офицера, перед которым с опаской вытягивались подчиненные. Говорил он кратко, как бы стреляя словами, и в каждом его движении чувствовалась уверенность и твердость воли. Теперь же, сидя за столом боевого управления, начштаба нервно похрустывал суставами пальцев, неуверенно пробегая взглядом по вертикальным планшетам.

Ответственный дежурный заметно волновался, словно предчувствуя что-то недоброе. Он то снимал очки и протирал стекла, то шел в курилку, но, не докурив папиросу, возвращался назад. Снова без нужды протирал стекла, бросал отрывистые взгляды на планшеты, на доску характеристики воздушных целей, еще пустую, перед которой наготове стоял солдат, вооружившись наушниками и держа в руке мелок.

Иногда, словно очнувшись, полковник напускал на себя кажущуюся невозмутимость: небрежно откидывался на спинку кресла, брал в руки газету. Но шли минуты, нервы опять сдавали, он оглядывался вокруг, беспокойно ерзал на месте, то и дело проводя рукой по своему коротко подстриженному серебристому бобрику.

Все это не могло не привлечь внимания командира полка, и он подошел к начальнику штаба. Тот оказался не из разговорчивых. Поддубному пришлось приложить немало усилий и даже прибегнуть к дипломатической изобретательности, чтобы вызвать полковника на откровенность. Наконец после получасового разговора с длинными паузами начштаба как бы уронил:

-- Не везет мне на дежурстве.

-- Были нарушения границы и не удалось перехватить? -- сочувственно спросил Поддубный, ухватившись за неосторожно оброненную собеседником фразу.

-- Были.

-- А в чем причина? Ведь и мне придется здесь дежурить ответственным...

-- Разные причины. Вы разве не знаете всей этой сложной механики перехвата? -- уклонился от прямого ответа начштаба. И после долгой и многозначительной паузы продолжал, как бы размышляя вслух: -- Американцы не настолько наивны, чтобы начать против нас войну. Ведь они знают, что мы сотрем их в порошок своими ракетами. И если мы достигли Луны, если наши ракеты попадают в Тихом океане точно в назначенную заранее точку, то даже глупцу понятно, что ракеты упадут и на Нью-Йорк, и на Вашингтон... Куда пошлем, туда и попадут.

Полковник замолчал, так и не ответив на вопрос, почему ему не везло на дежурстве.

-- Я тоже не склонен думать, что американцы глупы, -- попытался Поддубный поддержать разговор. -- Но это смотря по тому, о каких именно американцах идет речь. Кроме дураков есть еще шальные головы -- с этим нельзя не считаться. Если эта шальная голова принадлежит, скажем, фермеру, то это полбеды, а если генералу?

Начштаба явно уклонялся от начатого разговора. А Поддубного так и подмывало спросить: "Выходит, значит, что мы напрасно коротаем ночи в подземелье, а летчики и ракетчики -- на аэродромах и стартовых площадках? Так, что ли?" Но, подумав, решил, что полковник обязательно уловил бы нотки иронии, и вместо этого сказал:

-- Современность представляется мне в таком виде: два лагеря застыли, как дуэлянты, наведя друг на друга оружие и пристально следя за каждым движением противника. И тут уж зевать не приходится.

-- Вероятно, историки, когда будут описывать худшие времена "холодной войны", так и напишут, -- согласился начштаба.

-- А теперь представьте такую картину: что произойдет, если одному из дуэлянтов померещится вдруг, что его противник занес руку? Может прогреметь выстрел, даже если просто от испуга дрогнет рука и невольно нажмет на спусковой крючок. Вот вам и война.

Они помолчали.

-- А ведь мерещилось, -- продолжал Поддубный. -- Был случай, когда американские радары приняли летящих гусей за

наши самолеты? Был. А так называемые "летающие блюдца"? А изображения на экранах локаторов Луны, столь испугавшие американцев? Они -- очевидно, вы тоже читали об этом -- привели уже к бою свои ракеты и бомбардировщики. К счастью, в тот момент вышла из строя связь со штабом, а не то на обоих полушариях клубились бы уже зловещие грибовидные тучи...

У Поддубного едва не сорвалось с языка: вот о чем следует помнить, сидя за столом боевого управления КП. Но полковник и без этого сообразил, куда гнет его собеседник, и спросил с плохо скрытым раздражением:

-- Вы, часом, не с политработы пришли в полк?

-- Нет. К сожалению. Потому что политработа в армии ого какое дело! Привить солдату умение обращаться с оружием -- это не бог весть как сложно. Куда сложнее привить чувство личной ответственности за судьбу Отчизны. А это чувство -- первооснова основ. Она как почва, питающая растение. Собственно говоря, я вообще не вижу существенной разницы между командиром и политработником. Каждый командир должен быть политработником и, наоборот, политработник -- командиром. Вот у меня сидит сейчас на старте замполит. Между прочим, первоклассный летчик. И секретарь комсомольского комитета летчик, хотя и молодой, малоопытный. Я считаю так: кто бы ни был по должности воин, но ему прежде всего следует уметь стрелять по врагу. Лишь тогда эта штатная полковая единица чего-то стоит. И еще -- это уже мое личное соображение -- я заменил бы в полках всех нелетающих начальников штабов летающими.

-- Ну да, это если бы вы занимали должность министра, -- начштаба бесцеремонно поднялся с места, давая понять, что аудиенция окончена.

Сам он не был ни летчиком, ни штурманом, ни инженером, ни общевойсковым командиром. Его вынесла наверх волна войны. Однако на его мундире красовалась "птица" не то летчика, не то штурмана -- трудно угадать, так как только одно крыло этой "птицы" выглядывало из-под лацкана тужурки...

С разрешения полковника Поддубный просмотрел кальки, на которые нанесены были планшетистами маршруты полетов самолетов -- нарушителей границы. Анализ показал: экипажи этих самолетов неплохо знали места базирования наших истребителей, держались на приличном отдалении от аэродромов. Последнее нарушение границы произошло в районе аэродрома Холодный Перевал. Очевидно, это была какая-то специальная разведка.

Поддубный связался по телефону с майором Дроздовым и,

убедившись в том, что на аэродроме все благополучно, пошел в комнату отдыха. Сняв с себя куртку, прилег на первую попавшую кровать и глубоко задумался.

...Начштаба дивизии -- не фигура. Это ясно. Противоречит сам себе: не верит в возможность возникновения войны и в то же время дрожит на боевом посту как осиновый лист. Не верит в успех перехвата и в то же время служит в авиации! Дрожит за собственную шкуру, боится испортить карьеру...

Поддубный мог снисходительно относиться к неучу -- его можно научить. Мог мириться с недисциплинированным -- его можно перевоспитать. Мог даже терпеть некоторое время и в определенной обстановке труса -- его тоже возможно перевоспитать, закалить -- не все же рождаются готовыми героями. А карьериста он ненавидел всеми фибрами души. Для карьериста нет ничего святого. Он печется лишь о себе, карабкается вверх, подобно жулику, черным ходом. Он трутень, тунеядец, подлец. Он только там герой, где не приходится рисковать собственной жизнью.

Карьерист -- родной брат подхалима. Не случайно ведь, когда генерал Ракитский собирался улетать, полковник Вознесенский с неуклюже скрытым лицемерием пытался уговорить его отложить свой вылет до утра. Дал понять генералу, как, дескать, он, начштаба дивизии, печется и беспокоится о своем начальстве. И вероятно, искренне был удивлен тем, что генерал, который мог бы преспокойно сидеть в кабинете, улетел ночью... Непонятен был этот риск начальнику штаба.

Да, Вознесенский не фигура. И также не случайно, должно быть, что во время его дежурства нарушители границы безнаказанно возвращались на свою базу. Что ж, он, Поддубный, приглядится к полковнику Вознесенскому, и если тот действительно уселся не в свои сани, то поможет ему пересесть в другие... Можно будет, например, выступить на партийной конференции. Критикуй и выкладывай свои соображения без оглядки на ранги. Разумное решение принял октябрьский Пленум. Что и говорить! Мудрое решение...

Долго еще размышлял Поддубный под однообразный гул вытяжного вентилятора. Не заметил, как оборвалась нить мысли, как им овладел сон.

...Стены подземелья слегка дрожали. Вибрировала кровать. Над головой что-то шумело, будто ливень разразился над тайгой. Это вращалась антенна радиолокатора и действовала вся многочисленная аппаратура, которой до отказа начинено подземелье КП.

Проснувшись, Поддубный сразу сообразил: в воздухе --

нарушитель границы, а может быть, и не один...

В коридорах пусто. Офицеры и солдаты -- на своих боевых постах. Осуществляется наведение. Напряженная тишина в комнате боевого управления. Люди работают молча, сосредоточенно.

Планшетисты прокладывают маршруты, штурманы производят расчеты, вертя в руках штурманские принадлежности.

Полковник Вознесенский стоит, опершись на стол, и не отрывает взгляда от вертикального планшета, по которому ползут из-под руки планшетиста две линии: черная -- маршрут полета цели и красная -- маршрут полета истребителя-перехватчика.

Поддубный переводит взгляд на доску характеристики воздушного противника. Цель одиночная. Высота -- 11.700. Скорость -- 900. Позывной летчика-перехватчика -- "615". Это -- майор Дроздов. "Вот уж действительно -- с корабля на бал", -- невольно подумал Поддубный.

Увидев командира полка, полковник Вознесенский нетерпеливо махнул рукой на дверь -- выйдите, мол, не мешайте.

Это обидело Поддубного. Он подумал: "Почему я должен выйти? Разве я кому-нибудь мешаю? Разве я посторонний здесь человек?"

Но таков был приказ начальника, которому в эту ночь подчинялись все солдаты и офицеры дивизии, где б они ни находились -- на земле или в воздухе, и Поддубному не оставалось ничего другого, как безоговорочно подчиниться.

На КП имелась комната-кабина дублирующего индикатора кругового обзора. Тут тренировались молодые операторы, собирались техники, механики, водители автомашин -- все, кто имел доступ на КП. Вошел в эту комнату-кабину и Поддубный. Он поднялся на цыпочки и через головы людей начал наблюдать за искристым валком развертки. Зная приблизительно, в каком секторе летел нарушитель границы, он быстро засек на экране обе белые точки -бомбардировщика и истребителя.

-- Разворот правый -- девяносто, -- передал штурман-оператор.

-- Вас понял, -- долетел из громкоговорителя голос майора Дроздова.

Прошла развертка, и одна точка перескочила на экране вправо.

-- Увеличить скорость!

-- Понял, -- снова донеслось из эфира.

И вот уже перехватчик на догоне.

-- Впереди -- тридцать! -- выдал данные штурман-оператор.

-- Понял.

Еще какое-то мгновение, и Дроздов передаст сообщение о

захвате: самолетная радиолокационная станция перейдет на режим прицеливания, и нарушитель границы наверняка будет сбит. Дроздов не промахнется! Неплохое начало для полка!

Но совершенно неожиданно послышался голос полковника Вознесенского:

-- Атаку прекратить. Разворот сто восемьдесят!

Вокруг зашумели: послышались недоумевающие голоса:

-- Почему прекратить?

-- Что произошло?

-- Эх!..

Поддубный до боли закусил губу. Он решительно ничего не понимал. Выпустить нарушителя границы почти из рук истребителя -- это преступление! Это черт знает что такое!

Майор Дроздов вышел из атаки левым разворотом и получил приказ идти курсом на свой аэродром.

Кто-то высказал предположение, что в воздухе якобы не чужой, а свой бомбардировщик, оператор, мол, обознался. Кто-то упомянул генерала Ракитского -- не он ли это летел?..

Чепуха! Самолет пришел из-за границы -- это видно на планшете. Но почему же полковник Вознесенский завернул перехватчика?

Несмотря на то, что Поддубного один раз уже выставили из комнаты боевого управления, он снова вошел туда. Посмотрел на планшет и невольно стиснул зубы.

Черная линия ползла по направлению к островам, где находилась американская военно-воздушная база.

Полковник Вознесенский, откинувшись на спинку кресла, протирал стекла очков. Поддубный попросил разрешения обратиться к нему.

-- Ну, ну? -- сказал начштаба после многозначительной паузы и оседлал свой нос очками.

-- Мне непонятно, почему вы завернули перехватчик? Я обязан знать, ведь это мой летчик.

-- Посмотрите, -- полковник лаконично указал на планшет.

-- Я вижу: нарушитель границы пошел на свою базу.

-- И только?

-- А что еще?

Полковник не спеша вышел из-за стола, повел тупым концом карандаша по планшету:

-- Дело в следующем, -- принялся объяснять он. -- Истребитель приблизился к бомбардировщику в тот момент, когда тот уже начал удирать. До границы оставалось... сколько здесь? Ну, двадцать, от силы двадцать пять километров. Таким образом, сбитый самолет определенно упал бы в нейтральные

воды. Вот и попробуйте доказать, что мы сбили его над своей территорией. Нас обвинили бы в агрессивных действиях, а это было бы отнюдь не на пользу миролюбивой политике.

-- А перед кем мы должны отчитываться в своих действиях у себя дома? -спросил Поддубный, с трудом сдерживая накипевшее возмущение. -- И что нам до того, куда упадет сбитый самолет?

-- То есть как же это?

-- Да очень просто! Есть приказ сбивать -- бей. Получат по морде, в другой раз не повадно будет...

Начштаба выпрямился и принял официальный тон:

-- Я попросил бы вас, подполковник, оставить свой жаргон при себе. Вы не на улице и не на базаре.

-- Но ведь и этот стол, -- Поддубный указал на стол боевого управления, -- поставлен здесь не для дипломата, а для солдата!

-- Вы что, учить меня пришли? -- Полковник побледнел. -- Я сегодня же доложу о вашем бестактном поведении и буду требовать, чтобы вас наказали.

-- Благодарю за откровенность и прошу прощения, товарищ полковник. Я действительно порой бываю грубым. Каюсь, но ничего не могу с собой поделать. Понимаю: в таком тоне не разговаривают. Очевидно, комдив взыщет с меня, и это будет справедливо. Но позвольте и мне сказать вам правду в глаза. Можно? Ведь вы решительно ничего не потеряете от этого. Наоборот, лучше поймете, что за птица залетела к вам в дивизию. Посторонние не слышат, -- Поддубный огляделся вокруг, -- мы одни.

Слова эти заинтриговали полковник. Подумав, он сказал:

-- Ну-ну, выкладывайте!

-- Разрешаете?

-- Давайте, давайте!

-- За время существования Советской власти на нас дважды нападали иноземцы, если не принимать во внимание мелкие инциденты. И каждый раз враг считал нас слабыми, иначе не решился бы развязать войну. Свою силу нам приходилось доказывать на полях ожесточенных битв. И вот вы снова дали повод американской военщине считать, что наша противовоздушная оборона, по крайней мере в данном районе, дырява как решето, а наши летчики-истребители ни черта не стоят вообще. А знаете ли вы, кто такой майор Дроздов? Он, простите, черта догонит и общиплет в воздухе. Я даже представить не могу лучшего летчика! А вы завернули его. Поэтому я, как командир полка, буду в свою очередь , товарищ полковник, добиваться, чтобы вам не доверяли стол боевого управления. Разрешите мне быть свободным?

Полковник весь побагровел.

-- Вы... Да как вы смеете?!

-- Я возмущен! -- почти крикнул Поддубный.

Трудно сказать, чем бы окончилась эта перепалка, если бы в подземелье КП внезапно не вошел комдив Шувалов. Он выслушал соображения и претензии обоих подчиненных, решения начштаба о прекращении атаки не одобрил, на Поддубного взыскания не наложил.

Стали сообща анализировать процесс наведения. Выяснилось, что истребитель подняли с аэродрома с опозданием, цель дважды "проваливалась" -штурман-оператор терял ее на экране радиолокатора. Поддубный свежим и опытным глазом сразу обнаружил существенный недостаток в организации радиолокационного наведения. Командные пункты дивизии и полка располагались на большом расстоянии от рубежей перехвата. Отсюда "провалы" и значительные осложнения. А между полком и дивизией лежал выдвинутый далеко в море остров Туманный.

-- Вот бы где оборудовать, скажем, пункт наведения, а?

-- У меня на него давно руки чешутся... -- заметил комдив. -- К сожалению, там засел Жук.

-- Какой жук? -- не понял Поддубный.

-- Полковник, командир бомбардировочного полка. Он оборудовал не острове для себя полигон и бросает бомбы.

-- Так согнать его, этого Жука!

-- Не так легко, -- сказал комдив. -- Пробовал выкуривать -- ничего не вышло. Как черт в грешную душу вцепился Жук в остров. Не далее как вчера беседовал я по этому вопросу с генералом Ракитским. Обещал поставить вопрос перед главнокомандующим. Посмотрим, может быть, и удастся выкурить. Но как теперь добраться до острова? Он ведь лежит по ту сторону границы замерзания. Чтобы перевезти локатор и радиостанцию, надо ждать лето или просить у моряков ледокол.

-- Да, дело сложное, -- согласился Поддубный, посмотрев на карту.

-- Вот именно.

Подполковник Поддубный вылетел к себе на аэродром, когда мутный рассвет едва забрезжил. С востока наползали густые облака, предвещая перемену погоды. Это плохо. Поднимется метель -- тяжело будет выполнять регламентные работы на самолетах в открытом поле.

Монотонно гудел мотор, навевая сладкий предутренний сон, и чуть ли не впервые за свою службу в авиации Поддубный, будучи пассажиром, задремал в кабине.

Он дремал, опустив голову на грудь, и не заметил, как самолет перевалил через горный кряж. Интуицией летчика уловил разворот. Пилот уже заходил на посадку.

На старте, возле дежурных самолетов, маячила высокая фигура майора Дроздова. Ему, по всей вероятности, не терпелось узнать, что произошло прошедшей ночью, почему ему не разрешили атаковать нарушителя границы?

И действительно, не успел Поддубный вылезти из кабины, Дроздов засыпал его вопросами.

-- Потерпите, Степан Михайлович, потом расскажу, -- ответил Поддубный. -- Телеграмма о прибытии Ли-2 пришла?

-- Так точно! Прибудут в половине десятого.

-- Отлично.

Созвав руководящих офицеров полка, Поддубный поставил задачи на день:

-- После посадки Ли-2 -- завтрак, а после завтрака всех инженеров, техников, младших авиационных специалистов -- на регламентные работы. Летчики облетают на Ли-2 район полетов, после чего тоже отправляются на регламентные работы, за исключением тех, кто дежурит днем и должен дежурить ночью. Инженер-подполковнику Жбанову явиться ко мне с рапортом об окончании регламентных работ в двадцать ноль-ноль. У меня все. Вопросы будут?

Жбанов только руками развел -- вот так новость! Один день на регламентные работы. Разве командиру полка неизвестно, что есть самолеты, на которых полагается выполнять многочасовые регламентные работы? И ТЭЧ еще не развернута как следует, и заявка на запасные части и расходные материалы не составлена и на базу не послана. Да и люди ведь не привыкли к таким морозам. "О нет, рапорта в двадцать ноль-ноль не будет".

Но это он только так подумал, а возразить не решился.

Потому что знал своего командира. Знал и то, что при правильной организации работы можно выполнить сполна и в срок.

Глава третья

Боль в плече унялась, но колено за ночь распухло и посинело. Чуть ступишь на ногу -- колет так, будто под чашечкой заноза застряла. Заметит врач или кто-нибудь из начальства, что он, Телюков, прихрамывает, -- к боевому дежурству не допустят.

И он принялся врачевать себя всеми способами, которые только приходили в голову. Растирал горевшее колено снегом, растирал и водкой, выпросив стопку у соседки, -- никакого облегчения. Тогда, примостившись возле печки, он начал прогревать опухшее колено горячим воздухом. Посидит, погреет,

пройдется по комнате и снова сядет, закатив штанину.

И понесла же его нелегкая вслед за официанткой! Вот дурак, так дурак!

Но Нина, как на грех, не выходила из головы. Красивая девушка -смелая, бедовая!

И только он подумал о ней, как в дверь постучали.

-- Войдите!

В комнату вошла Нина с кастрюлями и тарелками на подносе. Смутившись, она остановилась у порога, перевела дыхание:

-- Заведующий столовой прислал... Я рассказала ему о вчерашнем случае, вот он и прислал. А вы вчера не ужинали и сегодня не завтракали.

Телюков в свою очередь растерялся и смутился при виде девушки и, чтобы скрыть свое смущение, сказал, напустив на себя развязный тон:

-- Ваш заведующий, Ниночка, видимо, добродушный человек, но недальновидный. Посылать такую девушку к закоренелому холостяку -- это все равно что впустить цыпленка в лисью нору.

-- Вы что ж, съедите меня? -- засмеялась Нина.

-- Нет, я съем то, что вы принесли. Но знаете что? Я определенно начинаю в вас влюбляться. Скажите, между прочим, где вы научились так здорово на лыжах ходить?

-- Дома. Но, между прочим, разве влюбленные так разговаривают?

-- А как?

-- Становятся на колени, -- шутила девушка, расставляя на столе тарелки.

-- Э, нет! Во-первых, у меня синяк на колене. Во-вторых, вы неправильно поняли меня, Нина. Пока что я пребываю, так сказать, в начальной стадии. А на колени становятся уже влюбленные по уши.

-- А в-третьих? -- Девушка выжидательно улыбнулась.

-- По-моему, я сказал все.

-- Не кривите душой, капитан.

-- А что еще?

-- Сказать?

-- Скажите.

-- А то, что перед официанткой вы на колени не встанете. Ни в этой стадии, ни в какой другой. Скажете -- неправда?

Телюков покраснел, почесал за ухом -- вот так отбрила! И продолжал в прежнем тоне, высказывая совершенно не свойственные ему взгляды, лишь бы скрыть свое смущение и казаться бывалым малым:

-- Прежде всего, Ниночка, меня в человеке привлекает его внешний облик, фигура, лицо. Чем эта фигура совершеннее -- тем более привлекательна, и тем человек ближе стоит к современности и дальше от своих предков -- обезьян. Видите ли, я преклоняюсь перед гармонией человеческого тела. Вам приходилось видеть античные статуи богинь, ну, скажем, Венеры? Так знайте: их создавали разум, воображение, гений великих художников и ваятелей. Да, да, именно воображение и гений. Ведь ни один художник не видел, да и не мог видеть, никакой богини. И в этом отношении художники античного мира были мечтателями-реалистами. Они не делали копий, заглядывали далеко вперед, предвидя неустанное и постоянное усовершенствование людской фигуры в процессе труда и физкультуры. Я тоже люблю физкультуру и спорт... И часто думаю вот о чем: каждая девушка хочет выглядеть красивой, почти каждая подводит брови, красит губы, а то еще и ресницы, чтобы они трепетали, как крылышки мотылька. Это все ненужное занятие, в крайнем случае -второстепенное дело. Спортом надо заниматься -- вот в чем красота!

-- О, да вы философ! -- насмешливо заметила Нина. -- Не пойму только, куда вы гнете и куда ведете свою философию? Кого вы имеете в виду?

-- Вас, Ниночка! Посмотрите на себя! -- он протянул руку, чтобы обнять девушку за талию, и неожиданно получил такую оплеуху, что в глазах потемнело.

-- Та-ак! -- протянул он и потер щеку.

Нина прислонилась спиной к двери, готовая в любую минуту выскочить из комнаты. Пристыженный Телюков сел за стол, склонился над тарелкой. Некоторое время молча жевал, затем поднял на девушку виноватые глаза.

-- Простите, Нина, -- сказал он тихо. -- А рука у вас не очень легкая. Сразу меня на место поставили. -- Он улыбнулся и еще раз потер ладонью щеку. -- Садитесь-ка лучше к столу, выпейте стакан чаю. От чистого сердца прошу.

-- Да вы разве признаете сердце? Ведь вы только что доказывали, что прежде всего для вас -- фигура, внешний облик человека.

-- Это все чепуха. Оставим это! Садитесь, Ниночка. Запросто.

Она неуверенно подошла к столу, примостилась на краешке стула -- очень взволнованная, побледневшая. В окно ударил солнечный луч, серебром разлился по комнате. Телюков вдруг заметил в ее глазах затаенную грусть, тяжкую задумчивость. Ноздри ее прямого носика нервно вздрагивали, и казалось, она того и гляди заплачет.

-- Я вас обидел, Нина. Простите!

Она резко отвернулась, и он понял этот жест как нежелание обнаружить свои слезы.

Он допил чай, поблагодарил девушку за завтрак. Нина прибрала посуду и быстро вышла из комнаты.

-- Подлец ты, Филипп Кондратьевич! -- выругал себя Телюков и быстро зашагал по комнате, решив лечить ушибленное колено комплексом физических упражнений.

Он шагал взад и вперед и все думал о Нине. Кто она? Как очутилась здесь? Девушка серьезная, образованная -- это ясно. Одинокая -- квартирует в городке. Не пустышка. Полна достоинства и высоких чувств -- это тоже -- увы -- факт.

Он прилег, отдохнул немного и снова начал вышагивать от стены до стены. Спустя некоторое время пришел солдат-связист устанавливать на квартире телефон. Обычно связистам бывает известно все, что делается в полку. И этот солдат, как бы между прочим, рассказал о полете майора Дроздова и о том, что тот не перехватил чужой бомбардировщик, а только прогнал его.

-- Не перехватил? -- поразился капитан. -- Дроздов -- и не перехватил? -- Нет, этому никак не мог поверить Телюков. Здесь что-то не так.

Телюков заставил связиста еще раз рассказать о том, что произошло ночью на рубежах перехвата, и тотчас же, несмотря на боль в колене, решил идти в штаб. Его одолевал боевой азарт.

Но в штаб Телюков не попал. По дороге его встретил замполит.

-- Почему, капитан, вы не были на облете района полетов? Что с вами? Говорят, ногу сломали?

-- Нет, просто ушиб. Пустяки, пройдет, -- выкручивался Телюков. -- Я вот собрался на предварительную подготовку.

-- Не болтайте вздора! -- резко оборвал его замполит. -- Идите к врачу...

-- Да я здоров...

-- Идите!

И Телюков послушно заковылял в сторону медпункта.

А замполит отправился на аэродром, на стоянку самолетов. Там сегодня решалась важнейшая задача дня: выполнялись регламентные работы. Именно туда должен был переместиться центр партийно-политической работы.

Авиационные специалисты брали на себя социалистические обязательства, вызывали друг друга на соревнование, чтобы как можно скорее ввести самолеты в строй. Нужно было проверить, как освещается в наглядной агитации ход соревнования, что сделано, а что упущено.

И как же досадно стало замполиту, когда он, обойдя все стоянки, не нашел ни малейших следов хоть какой-нибудь партийно-массовой работы. Ни одного лозунга, ни одного плаката, ни боевого листка! Не говоря уже о доске показателей, о традиционных красных вымпелах. Да и самого секретаря партийного комитета он не встретил. Кого ни спросит -- никто не видел.

Майор Гришин заглянул в будку, поставленную здесь для того, чтобы авиационным специалистам было где погреться и передохнуть. Печь давно остыла, от нее несло запахом холодного пепла. Бланки боевых листков валялись на полу вместе с окурками. На стене висел кусок фанеры с надписью: "Задута еще одна домна". Вылинялые буквы почти стерлись. Пожалуй, этот лозунг висел здесь с послевоенных лет, когда восстанавливался Донбасс.

В конце концов секретарь партийного комитета капитан технической службы Донцов был обнаружен на площадке ТЭЧ. Он ползал на коленях под самолетом, сгребал ладонями снег и просеивал его между пальцев.

-- Что это вы делаете, капитан? -- удивился Горбунов.

Донцов устало поднялся, подул на озябшие руки.

-- Да вот беда... Снимали крышку коробки герметизации кабины и нечаянно уронили гайку. А она не больше горошины. И вот неизвестно, куда запропастилась: упала на землю или застряла где-нибудь за обшивкой самолета.

-- Гм... секретарь партийного комитета в поисках гайки...

-- Приходится. Ведь если она застряла где-нибудь в самолете, это может привести к аварии во время полета! -- Донцов не уловил иронии в словах замполита.

...Не повезло полку с секретарем партийного комитета. Осенью, в период отчетно-выборных собраний, политотдел рекомендовал на эту должность некоего подполковника Порожняка. Майор Горбунов обрадовался, услышав об этой кандидатуре. Подполковник -- значит, опытный политработник, да и возраста, очевидно, солидного, а раз так, то и большим авторитетом будет пользоваться. У такого секретаря и молодому замполиту будет чему поучиться.

К сожалению, Порожняк разочаровал замполита с первой же встречи.

Стало ясно: кто-то из кадровиков допустил ошибку, не раскусил человека... Приехав в полк и увидя молодого майора-замполита, Порожняк бесцеремонно развалился на мягком диване.

-- Тут, братец, дело такое, -- начал он, закурив сигарету. -- Не

хватает года до выслуги. Вот и пришлось ехать к вам в пустыню. А на шее, -он похлопал себя по затылку, -- три дочери, как три горлицы. И все обучаются балетному искусству, и каждая требует расходов. Вот такие, братец, дела! Да ты не волнуйся, майор. Жалеть не будешь. Я уже не одного волка съел на политработе. И секретарствовал, и замполитом был, правда, не в полку, а в базе, и инструктором по оргпартработе некоторое время состоял. Знаю, что и как нужно делать, чтобы начальство на тебя не смотрело косо. Выполняй три заповеди и будешь как святой. Первая -- держи в ажуре партийное хозяйство, ибо представители политотдела и прессы любят прежде всего копаться в планах, протоколах и резолюциях. Вторая заповедь -- своевременно собирай членские взносы и не запускай руку в партийную кассу. Третья -- постоянно пекись о наглядной агитации, чтобы вокруг все расцветало плакатами и, как мы в шутку говорим, "лозгунами". А вообще, -- махнул рукой Порожняк, -- качество политработы -- понятие довольно-таки неопределенное. Нет в полку чепе, аварий, выполняется план боевой учебы, -- значит, политработа на уровне. А произойдет чепе -- все летит вверх тормашками. Тут уж как кому повезет...

У майора Горбунова голова закружилась от этих слов. Ему хотелось схватить этого человека за шиворот и выгнать вон. Еле сдержал себя.

-- Не могу разделить ваших взглядов на политработу, -- сказал он только.

Порожняк снисходительно улыбнулся. Ему не о чем было тревожиться. Ведь его рекомендует политотдел. Все решено заранее, остается лишь формальная процедура -- проголосовать на собрании.

Горбунов посоветовался с командиром полка, собрал членов партийного бюро и рассказал им, что за птица Порожняк со своими "заповедями" и "лозгунами". Члены бюро оказались в тупике. С одной стороны -- рекомендация солидного и уважаемого политоргана, а с другой -- явный перерожденец.

-- Нет, за такого я голосовать не буду, -- решительно заявил майор Дроздов.

-- И я не буду, -- поддержал его капитан Марков.

-- И я, -- присоединился третий член бюро.

Так и вышли из тупика. Членов бюро поддержали рядовые коммунисты. Порожняка, как говорится, прокатили на вороных.

-- В нашем полку вам не место, -- сказал Дроздов уже на собрании, как бы подводя черту под выступлениями коммунистов.

Отца трех балерин только и видели в полку.

А капитана Донцова снова выбрали, теперь уже в состав партийного комитета, а потом и секретарем. И хотя его по-прежнему влекли к себе приборы, зато он был честным, порядочным человеком. Ему недоставало лишь умения работать с людьми. Вот и теперь Донцов вместо того, чтобы возглавить партийную работу на стоянках, ползает в снегу в поисках гайки.

-- С людьми, с людьми вам нужно работать, -- с горечью говорил замполит.

-- А чего с ними работать, если они и без того прекрасно разбираются в своих обязанностях? -- недоумевал Донцов. -- Возьмите, к примеру, техник-лейтенанта Гречку. Завершив работы на своем самолете, он помогает товарищу. А ефрейтор Баклуша взялся голой рукой снаряд и содрал кожу на ладони. Однако в медпункт не пошел, перевязал руку и продолжает работать.

-- А сколько самолетов уже введено в строй?

Об этом Донцов не знал. Он не замечал и того, что некоторые авиаспециалисты нарушали правила безопасности при работе с вооружением самолетов, что далеко не все техники следовали примеру Гречки -- многие из них слонялись без дела, закончив работы на своих самолетах. А лейтенант Калашников, вместо того, чтобы помогать авиаспециалистам, сидел за капониром и писал пейзаж. Да и некоторые другие летчики строили из себя белоручек.

Получалось так: одни работали до седьмого пота, а другие, попросту говоря, валяли дурака.

Майор Горбунов рьяно взялся за исправление создавшегося положения. Он поручил Калашникову собрать факты и выпустить сатирический листок-"молнию", а сам созвал летчиков на беседу накоротке. Такую же беседу провел с авиационными специалистами Донцов. Была создана из техников-коммунистов группа, которая подготовила переносные лампы для работы после наступления темноты. Затопили будку обогрева личного состава.

Ходом регламентных работ все время интересовался командир полка. Закончив свои дела на КП, он тоже прибыл на аэродром. Это было еще в то время, когда работы шли полным ходом, и он никого не застал без дела.

Возле СКП Поддубный увидел человека с седой козлиной бородкой и хитроватым прищуром узких глаз. На нем был добротный белый кожух, валенки и рукавицы, висевшие на шнурке, перекинутом через шею.

Поддубный не сразу опознал в этом человеке командира здешнего тылового подразделения, который вчера отрекомендовался ему подполковником Сидором Павловичем Рожновым. Встреча состоялась в присутствии генерала, и

командир полка, будучи очень занят, не уделил тогда должного внимания своему тыловому коллеге.

Поздоровавшись с козлиной бородой, Поддубный невольно подумал: как же это тебя, дедушка, до сих пор не демобилизовали?

-- Здравствуйте, здравствуйте, Иван Васильевич. Кажется, так вас величают? Память-то у меня уже того... -- С этими словами Сидор Павлович отвернул полу кожуха, порылся в кармане штанов и вынул старый засаленный кисет.

-- Махорочки не желаете? -- спросил он, явно разыгрывая из себя простачка. -- Или вы к "Казбеку" пристрастились? А я все по-фронтовому. С кисетом никак не расстанусь... Отличный кисет!

Рожнов скрутил цигарку, послюнявил ее и вставил в мундштук. Потом все так же неторопливо снова отвернул полу кожуха, достал зажигалку.

-- Вы уж не взыщите, Иван Васильевич, что дымлю махоркой. Оно, конечно, не к лицу офицеру, но я по-фронтовому.

Поддубный наливался неприязнью к старому -- уж больно он какой-то невоенный! Ему бы сторожем в колхозе служить, а не тылами заправлять.

Разговаривая, Сидор Павлович подергивал себя за бородку, ухмылялся в закоптелые от махорки усы и вдруг сказал неожиданно серьезно:

-- У нас была запланирована учебная атомная тревога. Я собирался объявить ее, но ваши люди не подготовлены. Не годится так, Иван Васильевич. Люди полка прибыли на аэродром без противогазов, без накидок.

-- Ну и что? -- спросил Поддубный.

-- Как это что? Разве вам не известно, что аэродром -- это боевая позиция? Раз уж сели -- присмотритесь, проверьте, есть ли здесь норы, куда можно укрыться. А вы -- сразу за работу. Не положено так при современных условиях. Людей потеряете, технику загубите.

-- Нам сейчас не до учебных тревог, -- возразил Поддубный. Его раздражал назидательный тон старика, и он добавил: -- И уж позвольте мне самому решать вопросы о тревогах.

Дал понять -- хозяин аэродрома он, командир полка.

-- Я понимаю, Иван Васильевич, но времена теперь такие, что действуй как на фронте, иначе вылетишь в трубу. Я вот, -- указал он на грузовик, -привез для вас и противогазы, и накидки, и чулки. Берите пожалуйста. Хватит для всех и бомбоубежищ. Мы здесь не сидели сложа руки. Зарылись в землю как кроты. А как же иначе! Давно прошли те времена, когда землю рыли только для мертвых... Да... Были времена... Сражались мечами, тогда

окопы никому и не снились. Но после того уже, как вам известно, появилось огнестрельное оружие. А за ним -- пулеметы, танки, самолеты. Куда от них скроешься, как не в землю? А от атомной и водородной бомбы? Конечно, было бы лучше, если б это оружие вообще запретили. Но тут уж ничего не поделаешь! Оно существует, и мы, воины, должны овладевать им. И главное -- без паники!

Не желая обидеть старика, Поддубный поблагодарил его за заботу и внимание.

-- Правильно, Сидор Павлович, -- сказал он. -- Паника -- страшнее любого оружия, пусть даже самого новейшего. Но если уж зашла речь о бомбоубежищах, то вам придется мне их показать. А то я могу подумать: задается здешний тыловик, а ничего такого нет.

-- О, сделайте одолжение, -- охотно согласился подполковник Рожнов. Он, казалось, только этого и ждал.

Оба командира пошли в направлении дежурного домика.

Там оказалось капитальное, добротное бомбоубежище для летчиков и авиационных специалистов дежурных экипажей.

-- Такое же бомбоубежище оборудовано у нас и на противоположном конце аэродрома, -- сообщил Сидор Павлович, довольный тем, что приятно удивил командира полка.

...Подполковник Рожнов был старым авиационным тыловиком. В годы Великой отечественной войны он провел свой батальон аэродромного обслуживания со всеми его складами, бытовыми мастерскими, канцеляриями и столовыми от Днестра до Волги и от Волги до Эльбы, обслуживая преимущественно истребительные полки, которые всегда выдвигались ближе к передовой.

Доставалось БАО не только от бомбардировочной авиации противника, но также и от его дальнобойной артиллерии. Однако за всю войну Сидор Павлович подписал лишь пять похоронных.

Пять похоронных за четыре года! И все потому, что даже официанток, санитарок и прачек приучил рыть окопы и щели, стрелять из карабинов, метать гранаты, маскировать объекты и технику.

Что касается техники, то к концу войны батальон имел, например, автомашин втрое больше, чем в начале, несмотря на то, что от государства не получил ни одной машины по наряду. Водители подбирали на фронтовых дорогах брошенные и испорченные автомобили, ремонтировали их, частенько из десяти разбитых и искореженных ЗИСов или ГАЗов собирали одну и вводили в строй.

Много было и трофейных. "Круппы", "мерседесы", "фиаты" --

вся Европа, как любил говорить Сидор Павлович, двигалась у него на колесах, возила топливо, патроны, обмундирование, консервы, картошку, капусту -- все необходимое для летного полка. Среди водителей, между прочим, был один румын -- пленный солдат Петре Чернеску. Он не только добровольно сдался в плен, но и прихватил с собой в "оппель" полковника немецко-фашистских военно-воздушных сил, связав ему руки и забив портянкой рот...

После проверки румына, как вполне надежного, Сидор Павлович оставил при батальоне. Вскоре солдат волею писарей превратился из Петре Чернеску в Петра Черненко и совсем своим человеком стал в батальоне. 23 февраля 1945 года он получил медаль "За боевые заслуги". Когда завершилась война и началась демобилизация, призадумались: как быть с пленным, получившим награду Советского правительства? Дело дошло до штаба фронта, а потом и до Москвы. А там вопрос разрешили просто: демобилизовать румынского гражданина Петре Чернеску, как воина Советской Армии, оставить ему медаль, поскольку он ее заслужил, выдать соответствующие документы, деньги и продукты на дорогу. Молодой румын, который пришел к нам вражеским солдатом, а возвращался на родину другом, прямо-таки заплакал на радостях.

Во время молниеносного наступления войск фронта, когда БАО оседал на том или ином аэродроме лишь на несколько суток, после чего снова двигался вперед, торопясь на запад, Сидор Павлович носился над фронтовыми дорогами на По-2, подгоняя свои автоколонны и присматривая за порядком. А чтобы отличить автомобили своего батальона от автомобилей других частей, распорядился нанести на кабинах эмблемы -- белые треугольники. Увидит, бывало, Сидор Павлович где-нибудь такой блуждающий треугольник -- прикажет пилоту посадить самолет возле дороги и всыплет шоферу за отставание от колонны.

Закаленный на войне, Сидор Павлович и теперь сохранял черты боевого фронтовика, хотя внешне уже выглядел стариком. Он был необычайно строгим и взыскательным начальником.

Показывая командиру полка бомбоубежище, Сидор Павлович, как бы между делом, но с определенной целью завел разговор о снабжении, о том, чем богато и чем бедно тыловое подразделение и, в конце концов, сказал без обиняков:

-- Наше подразделение -- это не дойная корова. Своего молока она не дает. Все, что у нас есть на складах, получено от государства и принадлежит государству. Поэтому давайте, Иван Васильевич, сразу так и условимся: требуйте от нас только то, что вам положено, и не больше!

-- Мне известно, что представляет собой тыл, -- заметил

Поддубный, постепенно меняя первоначальное мнение о Рожнове. -- Известно также, что у некоторых тыловиков среди зимы и снега не выпросишь...

-- О! -- Сидор Павлович нацелился указательным пальцем на своего собеседника. -- Вы, Иван Васильевич, типичный представитель летного полка. Вам только подавай! Подавай и давай. Вот именно такие, как вы, привыкли хватать со склада все, что нужно и не нужно, -- может, когда-нибудь пригодится... Нужен, скажем, один моток контровочной проволоки -- техник или механик тянет два, три, набивает карманы всякими винтиками, пружинками, лампочками, предохранителями, а потом все это портится, разбазаривается. Не так ли, а?

-- Плюшкины в полку есть, -- заметил Поддубный. -- Но имейте в виду, Сидор Павлович, для нас с вами самое главное -- это боевая готовность полка, а она во многом зависит и от контровочной проволоки, и от лампочек, и от всего прочего...

-- Так о чем же я и толкую, -- цеплялся за свое Рожнов. -- Если оно, это имущество, есть на складе, то будет и на аэродроме, а если распылится по карманам да ящикам, то там и пропадет. И прошу вас предупредить всех инженеров и начальников групп: здешний командир базы скуп как черт, сверх лимита не выдаст ничего, хоть умри!

-- Хорошо, предупрежу, -- усмехнулся Поддубный.

Они спустились еще в одно подземелье. Сидор Павлович, покряхтывая, отворил одну дверь, затем другую -- тяжелую, массивную. Неширокий коридор вел в круглой железобетонной яме. Вдоль стен стояли скамейки. Чуть слышно щелкнул выключатель, и под потолком вспыхнула крохотная лампочка.

-- Разве что прямое попадание, а так никакая бомба не причинит здесь беды, -- сказал Сидор Павлович.

-- Да, это действительно роскошь, -- Поддубный с нескрываемым восхищением осматривал добротное бомбоубежище.

-- Соорудили мы это без всякой помощи -- своими силами. Где ковш экскаватора не брал, там головые шашки закладывали. А как же! Положение такое: хочешь не хочешь, а зарывайся в землю. Уже мы биты и научены, Иван Васильевич... -- ухмыльнулся Рожнов. -- Здорово-таки досталось нам в начале войны. И нечего кивать на кого-то, обвинять только тех, кто выше сидел... Вот взять хотя бы меня. До войны я командовал аэродромной ротой. Так, вы думаете, хоть один окопчик вырыл? И за лопату не брался! Грянул гром, тогда и перекрестился. Да поздно было. Многие, в том числе и командир батальона, сложили голову при первом же налете "юнкерсов". Сыпят они

бомбы, а мы не знаем, куда деваться. Сбились, как овцы. И хоть бы ямка какая-нибудь попалась - нет. -- Он выключил лампочку и продолжал в темноте: -- А почему я лопаты в руки не брал? Вот спросите, так и не отвечу. Сказать бы, не знал, что в случае войны бомбы будут сыпаться на аэродром, -- не скажешь. Знал, потому что сыпались они на аэродромы республиканской Испании и героической Абиссинии. Все думалось: "Вот мы их, фашистов!.." А если и приходила мысль в голову об окопах и щелях, то все выжидали, что по этому поводу скажет командир батальона. А командир батальона тоже, вероятно, ждал, что скажет старший начальник. А тот старший начальник ждал указаний от кого-то еще постарше... Так и сидели. Некоторые вообще не верили в возможность возникновения войны. А чего там думать да гадать, грянет гром или не грянет? Дело ясное как день: если б не было угрозы войны, то не было б и армии. На какого черта держал бы ее народ на своих плечах? А уж если армия есть, если партия, правительство говорят нам: будьте бдительны, то не зевай! И ты, военный человек, не сиди, сложа руки, не жди, пока какой-нибудь генерал прибудет к тебе в подразделение и скажет: "Вот тут, военные ребятки, выройте окопчик для себя, а то, сохрани вас господь, еще прилетит вражеский самолетик да скинет вражескую бомбочку и перебьет вас..."

Поддубный чувствовал, что за каждым словом этого внешне флегматичного и в то же время многословного старика, за лукавыми интонациями его голоса летел камешек в огород полка и его командира. Но он не обижался на него: это, безусловно, был человек интересный, хитрющий и умный. Пожалуй, любит немного прихвастнуть, но, говоря правду, хвастать есть чем...

Большое впечатление произвели на Поддубного перекрытые и открытые траншеи, щели капониры. Все они были очищены от снега, подметены, прибраны, как перед инспекторским смотром.

-- Порядок у вас, Сидор Павлович! -- не скрывая удовольствия, признался Поддубный.

Одобренный столь лестным отзывом, видя, что он покоряет командира полка, Сидор Павлович продолжал еще более словоохотливо:

-- Потому что старались, как же! Повторяю: аэродром -- это наша боевая позиция, и она должна быть оборудована по всем требованиям современного боя. На войне всякое бывает: то ты погонишь противника, то он на тебя насядет -обороняйся тогда! А где наиболее надежная оборона? Не в чистом поле, а в окопе... А попутно давайте, Иван Васильевич, договоримся вот о чем: до сих пор мы сами смотрели за всеми укрытиями, а теперь разделим их между собой. Чья нора -- тот и хозяин. Вместе с тем хотелось бы

поделиться с вами своим опытом: что и как надлежит делать, чтобы окопы, щели, капониры не заметало снегом, а весной не заливало водой. Согласны, а?

-- Я вас слушаю.

-- Конечно, вы напишете инструкцию, побеспокоитесь, чтобы подчиненные выучили ее, -- все это понятно. Но не думайте, что так все сразу и побегут в укрытия, услышав сигнал учебной атомной тревоги и соответствующую команду. Одни будут прятаться в помещениях, где теплее и уютнее, и прятаться, конечно, не от условной атомной бомбы, а от реального начальника... Желающих укрыться в щель будет очень мало, особенно если она забита снегом. Но вы настаивайте и требуйте, чтобы прыгали обязательно. И вот представьте себе: один раз, второй, третий нырнет летчик или механик головой в снег, а уж на четвертый раз сам, без приказа возьмется за лопату, расчистит свою щель, еще и ветками сосновыми вымостит дно.

А допустим, что какой-нибудь экипаж не завел свой самолет в капонир, хотя и имел соответствующее указание. Мокрую паклю ему в руки и пускай до десятого пота дезактивирует боевую машину на морозе. Будьте уверены -второй раз не захочет. Именно так воспитывали мы шоферов, и теперь они у нас сознательные. А то еще у нас санитары и химики вылавливают "героев", пренебрегающих бомбоубежищами, и отправляют их... Нет, не в санитарную часть языки чесать с сестрами да санитарками. Есть тут у нас помещеньице -- без окон и без дверей, -- так мы их туда, этих героев.

-- Пустяки себе, опыт! -- заметил Поддубный.

-- Вы хотели сказать -- варварский? -- подхватил его мысль Сидор Павлович. -- Ну что ж... Только я думаю так: главное -- и об этом сказал даже Кутузов -- сохранить армию, людей. Ьребовательный, строгий командир -лучший друг солдата.

Каким-то неуловимым движением руки Сидор Павлович вызвал к себе водителя и, когда подкатил "газик", сказал Поддубному:

-- А теперь поедемте в городок. Если уж осматривать -- так все хозяйство. А то скажете: на язык хозяин бедовый, а как до дела -- то и поясница задубела...

Они сели в машину. Некоторое время ехали молча, думая каждый о своем. Первым нарушил молчание Рожнов.

-- Во время летних тактических учений мы, имитируя взрыв атомной бомбы, применили радиоактивные вещества. И когда разведка взяла пробу грунта и прибор показал наличие радиоактивного заражения, некоторые из солдат бросились наутек, хотя уровень радиации был, разумеется, ничтожный. А о

чем это говорит? Очень плохо, если солдат не запомнит, какой уровень радиации опасен для жизни. Вы это тоже имейте в виду, Иван Васильевич, не допускайте паники, заранее готовьте своих летчиков и техников к взлетам и посадкам на зараженном аэродроме. Так-то!

-- К этому нам не привыкать! -- ответил Поддубный.

-- Тем лучше.

Командиры осмотрели казарму, учебные классы, медицинский пункт, баню. Всюду был идеальный порядок. Рожнов -- и это на каждом шагу бросалось в глаза -- не разрешил подчиненным распоясываться. Каждый военнослужащий, встречая командира, отдавал рапорт. В ответ на его замечания только и слышалось:

-- Есть! Будет сделано!

Зашли на склад продснабжения, хотя этот объект менее всего мог интересовать командира авиационного полка.

-- Да вы проходите, проходите, Иван Васильевич! -- окликнул Поддубного Сидор Павлович, заметив, что тот задержался у порога. -- Ведь вы будете начальником гарнизона, а значит, обязаны побывать везде.

Возле стеллажей стоял сухощавый паренек в белом халате, надетом поверх кожуха. На шапке -- следы солдатской звездочки. Очевидно, паренек недавно ушел в запас и остался в подразделении служащим.

Сидор Павлович проверил весы. Они были как в аптеке. Но почему остатки рыбьей чешуи застряли в щелях прилавка? А это что такое? Мука? Просыпалась?!

Кладовщик поспешно начал вытирать прилавок, а Сидор Павлович неторопливо зашагал между стеллажей, ощупывая ящики, мешки, принюхиваясь и присматриваясь ко всякой всячине.

-- А почему бочка протекает? -- послышался его зычный голос откуда-то из-за груды ящиков. -- Сбросили небось с машины как бревно! Так и портится народное добро.

Кладовщик стремглав побежал к командиру.

-- Я уже начал опорожнять эту бочку с селедками.

-- Но я спрашиваю, почему она потекла? А? По какой причине?

Молчание.

-- Не интересует вас тара, вот что! -- заключил Сидор Павлович. -- Если еще раз замечу такое безобразие -- накажу или удержу стоимость испорченной тары.

Не найдя, к чему бы еще можно было придраться, Сидор Павлович пригласил командира полка в овощехранилище. Тут

пахло квашеной капустой, укропом, солеными огурцами. Идя впереди, командир базы вдруг исчез куда-то, словно провалился между рядами бочек. Но вот блеснул огонек, послышалось знакомое кряхтение, и Сидор Павлович вынырнул из темноты, держа на вилке огурец.

-- А ну, дегустируйте, Иван Васильевич. Это собственного соления. У нас подсобное хозяйство. Да вы не брезгуйте, никакой нечисти здесь не водится. Бочки закрыты. За антисанитарию я по три шкуры спущу и с хозяйственников, и с медиков.

Поддубный отмахнулся:

-- Я не очень разбираюсь в солениях.

-- Э-э, не говорите так! Чтоб мужчина да не разбирался в закусочке! Не поверю!

Огурец действительно был очень вкусен -- крепкий, ароматный, пропитанный запахом укропа и дубовых листьев, он приятно хрустел на зубах.

-- А теперь идемте, я покажу вам еще не такое богатство! -- с гордостью сказал Сидор Павлович. -- Вы окончательно убедитесь в том, что попали к богатой теще. Вам явно повезло, Иван Васильевич! Никто не заболеет цингой. Огурцы есть. Морковка тоже. Свекла, лук -- все витамины. И еще кое-что про запас!

Возле овощехранилища стоял бревенчатый сарайчик. И когда заведующий складом снял замок и отпер дверь, Поддубный увидел мерзлые туши, свисающие из-под потолка на железных крюках.

-- Ну что? -- хитровато прищурился Сидор Павлович, поглаживая от удовольствия козлиную бородку. -- Это дикие козы. У нас немало отличных охотников. Но для чего им столько мяса? Вот мы и решили: каждую убитую голову актовать и -- на продовольственный баланс. Вот и прикиньте, сколько мы мяса сэкономили! Эге, актуем! Оно хоть и дичина, а тоже принадлежит государству. Не где-либо охотимся, а в своих лесах... Да нет, мы не браконьеры. Все по закону!

Слушая Рожнова, Поддубный невольно сравнивал его с полковником Сливой, своим тестем. Оба офицера состарились на воинской службе. Однако Семен Петрович размяк на склоне лет, потерял былую энергию, превратился в добродушного деда.

И хотя он подстегивал себя, накручивал усы и говорил: "Есть еще порох в пороховницах", но пороховницы эти были уже насквозь дырявые. Поэтому и напомнили ему о рыбной ловле...

А Сидора Павловича годы не брали. Он еще был, так сказать, в боевой форме. Поэтому его и не демобилизовали до сих пор: разумный командир и заботливый хозяин!

Сидор Павлович еще куда-то тащил Поддубного, но тот

решительно отказался -- некогда. Приближался вечер -- морозный и неспокойный. Нужно было ехать на аэродром, еще раз проверить, как там обстоят дела с регламентными работами.

Ровно в двадцать часов по местному времени он был уже в дежурном домике. Минута в минуту прибыл с рапортом инженер-подполковник Жбанов. Вошел усталый, вымазанный маслом, вяло козырнул:

-- Регламентные работы выполнены! Все самолеты, за исключением двух, введены в строй. Но вы можете доложить комдиву, что все самолеты готовы, -добавил Жбанов. -- На одном гайку потеряли -- найдем утром. На втором возникла необходимость заменить двигатель. Завтра в десять утра работы будут завершены.

-- Нет, Кондрат Кондратьевич, так не годится, -- возразил Поддубный. -Сегодня я солку своему командиру, а завтра меня обманут мои подчиненные. Нет, нет, так не годится. Это было бы чистейшим очковтирательством.

-- Я отвечаю за свои слова! Сказал -- будет сделано, значит, будет! -настаивал инженер.

-- Вот когда сделаем, тогда и доложим: все самолеты в полной боевой готовности. А пока что готовы не все.

-- Мы сделали сегодня почти невозможное! -- с досадой воскликнул инженер.

-- Знаю, Кондрат Кондратьевич! Вы и ваши подчиненные поработали на славу. Благодарю за службу. А неправды говорить не стану и вам не рекомендую. Дело скользкое и никому не нужное. Помните, как сказано у Козьмы Пруткова? "Единожды соглавши, кто тебе поверит?"

-- Какая же это неправда? -- пожал плечами инженер. -- Ведь завтра с утра... Никто и знать не будет... Это просто формализм!

Но, увидя строгий взгляд командира, инженер замолчал.

Глава четвертая

Врач был неумолим.

Только на пятую ночь капитана Телюкова допустили к боевому дежурству.

И как раз этой ночью над аэродромом разгулялась пурга. Растревоженная ледяными ветрами тайга глухо шумела и стонала. Гудели моторы автомобилей и тракторов, что ползали по летному полю, подметая его и срезая свежие наметы снега. Вздымались в небо ослепительные лучи прожекторов -- это метеорологи определяли высоту облаков. А они все ниже и ниже опускались к земле... 250... 200... 150... и наконец 100 метров.

Подполковник Поддубный связался по телефону с КП дивизии. Оттуда сообщили: погода испортилась на всем

побережье, ни у одного аэродрома нет посадочного минимума.

-- Плохи наши дела, товарищи, -- обратился Поддубный к летчикам. -Садиться негде. Но не исключена возможность, что именно в такую погоду, идя выше облаков, к нам пожалуют непрошеные гости. Надо, следовательно, быть начеку.

Командиру не оставалось ничего другого, как напомнить подчиненным, где находится зона вынужденного катапультирования.

-- На катапульте, так на катапульте, мне не привыкать! -- спокойно согласился Телюков.

В душе он даже хотел, чтобы именно в эту ночь ему посчастливилось один на один встретиться с нарушителем. Если уж лезут провокаторы, то пускай лезут в его, Телюкова, дежурство. Он уж даст наглецам прикурить! Так даст, что неповадно будет. Второй раз не захочется рисковать...

Заручившись согласием командира полка на первый вылет по сигналу КП, Телюков пребывал в отличном настроении, шутил с товарищами, сыпал остротами.

-- Ты, Вано, -- говорил он стажеру академии капитану Махарадзе, -ложись спать. Можешь преспокойно храпеть до утра; после меня тебе все равно нечего будет делать в воздухе.

-- Знаешь, слепой сказал -- увидим! -- ответил Махарадзе, который тоже был не менее опытным и боевым летчиком-истребителем.

-- Ложись, князь, ложись! Кстати, почему это тебя князем величают? Ты что, действительно голубой крови?

-- Голубой.

-- Не болтай!

-- Серьезно.

-- А как же тебя в партию приняли?

-- Так и приняли. И в академию взяли.

-- Странно. Осколок именитого рода и вдруг -- в партию.

-- А вот так, брат, получилось...

Завязался тот досужий разговор, который, пожалуй, можно услышать только в дежурном домике, где летчики-перехватчики днюют и ночуют, иногда месяцами сидя без дела, но не имея права никуда отлучаться. Каждую минуту, каждое мгновение любого из них, а быть может, и всех вместе могут поднять в воздух. Летчикам разрешается спать, но одетыми, держа при себе шлемофон и сумку с кислородной маской; разрешается играть в шахматы, в домино, читать книги, слушать радио. Одним словом, развлекайся, но никуда не отлучайся.

Этой ночью подполковник Поддубный тоже дежурил в роли рядового летчика, и его тоже заинтересовало, почему в самом

деле Махарадзе называют князем. Шутят, что ли?

-- Да нет, есть в этом доля правды, -- смутился Махарадзе, когда командир спросил его об этом. -- Познакомился я с одной девушкой, -- начал он неторопливо, -- а вскоре и свадьбу сыграли. Месяц спустя ко мне в авиационный городок приехала теща в гости. Посмотрела, как мы живем-поживаем, а потом шепчет мне доверительно: "Ты, Вано, -- говорит, -не забывай, что ты теперь не какой-нибудь простолюдин... Ты забудь, что отец твой пастухом был. Ты теперь князь". Я подумал, что она маленько того... Нет, гляжу, вынимает теща из-за пазухи какие-то засаленные бумаги. А на тех бумагах -- черным по белому -- гербы старинные... Читаю. Оказывается, все правильно. Моя теща -- княжеская дочь, а моя, значит, жена, выходит -княжеская внучка. Так получается.

Обидно мне стало и как-то не по себе... Схватил я те бумаги и хотел в печку сунуть. Сословия, говорю, давно отменены и не позорьте, мамаша, доброго моего имени. Ох и взялась же она за меня и давай отчитывать! И негодяй я, и плебей, и простолюдин, кем только на обзывала! Слушал я, слушал да и указал теще на дверь. Заодно и жену хотел туда же спровадить. Но оказалось, она за меня. Говорит: господи, как мне осточертела эта возня с гербами!

Ну, теща ушла, а я призадумался. Что ж теперь делать? Только-только в кандидаты партии вступил, и отец у меня коммунист, а тут такая петрушка... Обратился за советом к секретарю партийного бюро. Так, мол, и так, говорю. Женился, а жена, говорю, оказалась осколком титулованного рода -- внучка князя. Секретарь выслушал и пальцем мне грозит: не крути, говорит, Вано, хвостом! Женился -- живи!

Не поверил, значит. Я -- к замполиту полка. Так и так -- и опять за свое. Жена, мол, с прошлым, внучка князя, как быть?

Поглядел на меня замполит, усмехнулся, а потом сказал с досадой: "Всяких субчиков, охотников разводиться, встречал, а с такими еще дела не имел!" Я ему твержу: серьезно, мол, докладываю.

Не поверил и замполит.

Тогда обратился я к начальнику политотдела, взял рангом выше. Выслушал он меня очень внимательно и говорит: "Ума у тебя палата, а разума маловато. Обед сама готовит? -- спрашивает. "Сама", -- говорю. "И белье сама стирает?" -- "Сама", -- говорю. "И полы моет или служанку нанимает?" -- "Моет, -отвечаю, -- сама, да еще иной раз пуговицы на мундире асидолом чистит, штаны гладит". -- "Так какая же она княжна? Трудящийся человек -- это уже наш человек. Живите себе, товарищ Махарадзе, ведь вы любите свою жену?" Я признался, что люблю. Так и

живем. И сын у нас есть.

Капитан Махарадзе рассказывал эту историю с грузинским акцентом, с добрым народным юмором. Поддубный и Телюков хохотали от души.

-- Ну, ты артист, Вано, ей-богу, артист! -- восхищался Телюков.

В определенное время к дежурному домику подкатил грузовик, за окном сверкнули фары. У Телюкова екнуло сердце. Привезли ужин.

Нина вошла не то в собачьей, не то в волчьей дохе и в таком же сером меховом капюшоне. Ее можно было принять за эскимоску.

С той поры как Телюков получил пощечину, он больше не заигрывал с девушкой. И злился на нее, и стыдно ему было. "Аллах вас всех возьми! -рассуждал он. -- Что же это получается? Какая-то девчонка залепила пощечину офицеру-летчику!"

И сейчас, увидя ее, он отвернулся, даже не поздоровался.

А сердце все же екнуло. С чего бы это?..

Девушка сгружала ящики с продуктами и посудой и переносила в комнату, где обычно ужинали дежурные экипажи. Ей никто не помогал.

Украдкой Телюков наблюдал за ней, когда отворялась дверь. Она казалась ему в своем наряде просто очаровательной. Нина, очевидно, чувствовала на себе его взгляд и заметно волновалась.

Взвалив на плечи тяжелый ящик, она неожиданно споткнулась на скользких ступеньках и съехала вниз. Послышался грохот бьющейся посуды. Телюков поспешил на помощь, помог девушке подняться.

-- Ушиблись? Сильно?

-- Спина... ой... -- простонала официантка.

Ее губы искривились, как у ребенка, готового расплакаться. И таким нежным-нежным показалось Телюкову лицо девушки. Взял бы и расцеловал...

-- Спасибо, капитан, -- она с трудом выпрямилась, замирая от боли.

Телюков отвел ее в комнату и, возвратившись к злополучному ящику, поднял его.

-- Э-э, да тут, кажется, одни черепки остались.

-- Правда? -- испуганно спросила Нина.

-- Ей-ей!

Осмотрели ящик. Из десяти тарелок уцелело только четыре.

-- Я уже имела предупреждение по поводу этой посуды. Теперь меня уволят.

-- За разбитые тарелки?

Нина чуть не плакала.

-- У меня уже не хватит зарплаты, чтобы расплатиться.

Телюков поспешно сунул руку в карман тужурки.

-- Вот, возьмите, -- протянул он девушке десять рублей.

-- Нет, нет, спасибо, не нужно! Вы-то здесь ни при чем!

-- Ну так что, что ни при чем. Возьмите, прошу вас!

Но Нина упорно не соглашалась взять деньги.

-- Ну, как хотите, -- сказал Телюков и вышел во двор. То, что он предлагал официантке деньги, кое-кто мог бы истолковать превратно, не следовало этого делать при всех.

Пурга усилилась. Помигивая карманным фонариком, техник-лейтенант Гречка ползал под фюзеляжем самолета с деревянной лопатой, выгребая из-под шасси снег. Увидев летчика, он начал чертыхаться на чем свет стоит, кляня погоду и незавидную судьбу "технаря".

-- Вот служба так служба, -- ворчал техник, орудуя лопатой. -- За ночь намаешься, как сукин сын, а утром придешь домой, а жена и говорит: "От тебя керосином несет, электропроводкой ахнет, как конским потом от цыгана..." И отворачивается, каналья, вместо того чтобы приласкать да согреть мужа!

-- Это ваша-то жена? -- усомнился Телюков. -- Такая заботливая, такая простая и добрая женщина! Не поверю!

-- Все они со стороны простыми кажутся, -- ответил Гречка. -- Впрочем, я не обвиняю свою женушку. Как-никак и чаем горячим напоит, и блинов напечет, а я страсть люблю блины, да еще маслом политые!

-- Да, а тут, брат, иной раз придешь домой -- холодно, пусто, хоть собак гоняй... Неуютно, грязно...

-- А вы женитесь.

-- На ком?

Гречка лукаво прищурился:

-- А хоть бы и на Нине. Вы не смотрите, что она официантка. Ого! Такую днем с огнем не сыщешь! У-ух, девка! Знаете, лицо у нее -- ну, чисто артистка! А загляните в глаза -- синие, чистые, как вода в кринице... Это понимать надо! У плохого человека таких глаз не бывает! Да и не избалованная, видать...

Никак не ожидал Телюков таких советов от Гречки. Он был уверен, что техник-лейтенант и в мыслях далек от девушек... В он глаза расписывает... Вишь ты, пригляделся, стало быть...

Бросив лопату, Гречка пошел ужинать, а Телюков зашагал взад и вперед между самолетом и дежурным домиком, неотвязно думая о Нине. Она, как тень, следовала за ним, не оставляя его ни на минуту. Он вспоминал каждый ее жест, улыбку, выражение глаз, излучавших столько тепла... "Вот возьму да и женюсь на ней,

-- взволнованно думал он. -- Разве это так сложно? Где здесь лучшую найдешь? Да и есть ли лучше? Вот и Гречка такого же мнения..." Он потирал руки от радости, охватившей его всего. "А что, если она не согласится? -вдруг закралось в душу сомнение. -- Как не согласилась Лиля... Что тогда, а?"

Этот вопрос раскаленным гвоздем застрял у него в голове. Страшно было даже подумать, что еще раз он получит отказ, как получил от Лили.

Дождавшись, пока все поужинали, Телюков набрался храбрости и решительно вошел в столовую.

-- Ну как, Ниночка, осталось там что-нибудь для меня? Или, может быть, вы обо мне забыли? А я, правду говоря, проголодался. Вола съел бы! Кстати, был такой обжора, только, конечно, не в нашем полку; это было еще в старое время, в царской армии. Хотите, я расскажу вам об этом случае?

Раздавая ужин, Нина сбросила с себя свое меховое убранство и осталась в своем белом халате, резко оттенявшем смуглость ее кожи и синеву глаз.

-- Ужин вас ждет. Садитесь пожалуйста.

-- Вот спасибо. Так рассказать про обжору? Это очень интересная история! (Телюков придумал ее для того, чтобы задержать Нину).

Девушка поставила перед летчиком тарелку с гуляшом.

-- Ешьте, а то остынет.

-- Садитесь возле меня, -- Телюков указал на стоящий рядом стул. -- Ну, пожалуйста!

Нина, подумав немного, примостилась возле него, сморщившись от боли.

-- Так вот, слушайте. Звали обжору Петром. Служил он денщиком у одного офицера. Этот офицер сказал однажды другому офицеру, своему приятелю:

"А мой Петр и вола съест!" -- "Врешь!" -- "Нет, говорит, не вру". Офицеры были навеселе, томились от безделья и обрадовались случаю заключить интересное пари. "Съест Петр вола!" -- "Не съест!" Ударили по рукам. Офицер подозвал к себе денщика, строго спросил: "Съешь, Петр, вола?" -- "Так точно, ваше благородие! Съем". -- "Ну, -- говорит офицер, -- смотри, каналья! А то я все имение на кон поставил. Не съешь -- с сумой пустишь меня по миру. Но перед тем три шкуры с тебя сдеру!" -- "Да чего ж это я не съем!" -- даже обиделся денщик. "Ну, гляди, каналья!"

Купили и зарезали вола. Собрались со всего полка куховары и давай бифштексы жарить да к столу подавать. Принесут порцию -- Петр съест, принесут вторую -- съест. И так все ест да ест. Вот уже от вола осталось только одно бедро. Петр подходит к своему

барину...

-- Ой, жаль! -- сочувственно воскликнула Нина. -- Так и не съел?..

-- Минуточку, Нина, слушайте дальше. Подходит Петр к своему барину и шепчет ему на ухо: "Ваше благородие, а когда ж они мне целого вола подадут? А то все дразнят и дразнят этими бифштексами, или как их там называют..."

Нина расхохоталась:

-- Это -- анекдот!

Телюков рассказал еще пару смешных историй, а о чувствах своих и намерениях не промолвил и слова. Даже не заикнулся. Не хватило смелости. Да и серьезны ли эти намерения?.. Об этом следует еще подумать.

Он помог девушке сложить в ящик посуду и отнести их в машину.

-- Спасибо вам, капитан, за смешные истории.

Нина явно не торопилась в кабину, хотя шофер уже завел двигатель. Телюков поймал ее за руку, слегка пожал... Нина не отняла руки. Какое-то время они стояли молча.

-- А как вы сядете, если придется подняться в небо? Ведь темно, да и буран... можно заблудиться.

-- О, нет! Локаторы приведут на аэродром. Как-нибудь да сяду, а не то на парашюте выброшусь.

-- Не боитесь?

-- Нет. Самолет -- это ведь не лыжи, -- многозначительно сказал он.

-- Ну, счастливо вам!

Телюков почувствовал на своем лице ее дыхание -- горячее, взволнованное.

-- Счастливо вам! -- повторила Нина, стремительно повернулась и побежала к машине...

В дежурном домике продолжалась обычная ночная жизнь. Подполковник Поддубный и капитан Махарадзе сражались за шахматной доской. В соседней комнате техники и механики играли в домино -- слышались азартные удары костяшек о стол. Под завывание бури за окном дремал за своим столом радист-телефонист -- смуглый, скуластый солдат-казах, по фамилии Исимбаев. Но это только казалось, что он дремал. Третий год дежурит солдат за этим столиком, и не было случая, чтобы пропустил какой-нибудь сигнал.

Телюков примостился к приемнику "Балтика". Часами мог он просиживать за приемником, вылавливая в эфире "интересные передачи". А интересовала его преимущественно легкая музыка. Иногда она настолько заражала его, что, когда не было

начальства, он вскакивал с места и начинал изгибаться в танце с воображаемой партнершей.

Надрывались скрипки, ритмично ухал контрабас. И сквозь эти невесть откуда доносившиеся звуки Телюков слышал только одно -- слова Нины, звенящие в его ушах: "Счастливо вам".

Обыкновенные слова, а как согревают они душу! И до чего приятно сознавать, что тебя любят! А что он не безразличен Нине, Телюков уже не сомневался, безошибочно угадывая охватившее Нину чувство. Ему хотелось поделиться с кем-нибудь своей радостью, и он окликнул капитана Махарадзе, как только тот вышел из-за шахматного столика, проиграв очередную партию командиру.

-- Послушай, Вано, тебе нравится Нина?

-- Официантка?

-- Да, только ты потише.

-- Влюбился?

-- Ну, ты прямо в лоб. Я просто... спрашиваю.

-- О, бедный мальчик! Ты определенно влюблен!

-- Допустим. Только -- молчок. Иначе я тебе ребра переломаю.

-- Вай-вай, это не так-то просто, друг мой!

-- Однако имей это в виду. Впрочем, я считаю тебя порядочным человеком.

-- Между прочим, моя жена обо мне такого же мнения.

-- Брось шутки. Я спрашиваю серьезно. Не будут надо мной подтрунивать? Ведь она -- официантка...

-- Так ты серьезно увлечен?

-- Кажется, да.

-- Ну, молодец! Ей-богу, молодец! Очаровательная девушка. А ты -пребольшая дрянь. Официантка! Ну и что с того?

-- Вано, дай я тебя поцелую!

-- Пожалуйста, если это доставит тебе удовольствие. -- Вано выпятил губы, ощетинив колючие усики.

Телюков крепко сжал друга в объятиях. Он был счастлив.

Ночь миновала спокойно, без тревоги.

С восходом солнца на аэродром прибыли летчики дневной смены. Среди них -- лейтенанты Байрачный и Скиба. Им повезло: вьюга под утро улеглась, облачность поднялась. В небе появились голубые просветы.

Пожелав товарищам успешного дежурства, Телюков направился к своему самолету, чтобы помочь технику загнать его на стоянку. Злой, колючий утренний мороз неприятно стягивал кожу на лице. Телюков снял рукавицы, чтобы натереть щеки снегом, как вдруг услышал за спиной чьи-то торопливые шаги. Оглянувшись, он увидел командира полка.

-- За мной, в полет! -- крикнул он на ходу.

-- Пара, в воздух! -- послышалось из громкоговорителя.

Техники и механики срывали с самолетов заглушки, чехлы и чехольчики, открывали кабины.

Скорее, скорее! В воздухе нарушитель границы!

И вот пара перехватчиков с бешеным ревом и шумом снялась со старта, понеслась по бетонке, взметая позади себя тучи снежной пыли, в которой потонули и дежурный домик, и автомобили, и люди.

Такова она, служба истребителя-перехватчика. Только что был на земле -и уже в воздухе! Только что Телюков мечтал о встрече с Ниной, а теперь летит на встречу с вражеским самолетом. Не знаешь, когда взлетишь, куда заведет тебя штурман наведения, где сядешь и что вообще случится с тобой через несколько минут...

Вырвавшись в заоблачные дали, Поддубный и Телюков в паре пошли дальше, набирая высоту. Летели молча, чтобы не обнаружить себя. Окрашенные солнцем пурпурные облака простирались над морем ярко-розовой дымкой. Прямо по курсу висел холодный хрустальный полумесяц -- на нем только и можно было остановить свой взгляд в безграничной и однообразной лазури небесного свода.

Наведение осуществлял майор Гришин. Он бросал в эфир кодом: высота нарушителя границы -- 11.200 метров, скорость -- 900 километров, цель одиночная.

Ничего особенного. Обыкновенный самолет-нарушитель. Очередной разведчик, а то и просто тренировка экипажа.

Цель не маневрирует, идет по прямой. Очевидно, какой-нибудь штаб проинформировал экипаж самолета о том, что на морском побережье всю ночь бесновалась пурга, а если так, то незачем остерегаться советских истребителей, которые преспокойно стоят на заметенных снегом аэродромах.

Наивное представление о боевой готовности советской авиации!

Первым заметил нарушителя границы капитан Телюков -- далеко видел он в воздухе! Но то, что он обнаружил, не было еще самолетом. Еле уловимая глазом точечка. Конечно, никто, кроме летчика-перехватчика, не обратил бы на нее внимания. А в Телюкове уже закипала кровь. Он выдел в небе своей Родины чужой самолет, который должен был быть посажен или сбит.

Точечка постепенно превращалась в стрелу, а стрела -- в двухмоторный реактивный бомбардировщик.

Опознавательных знаков на нем не было. Чей самолет? Кто послал его сюда? Об этом можно было только догадываться...

Когда-то, в пору далекого средневековья, просторы морей бороздили пиратские корабли. На их палубах тоже не было опознавательных знаков -- ни названий, ни флагов. Разбойники не выдавали себя. То были грабители и головорезы. И вот в двадцатом веке появились потомки этих разбойников -воздушные пираты. Только это не просто грабители, которых интересует золото, драгоценности. Это разбойники, действующие по указаниям своего правительства, заинтересованного в развязывании войны. Не сундуки в трюмах, а целые страны и народы интересуют этих новоявленных пиратов.

Лжет, нагло лжет то правительство, которое заявляет, будто оно не желает войны, а вместе с тем засылает в воздушное пространство чужого государства свои самолеты.

Давно уже служит в авиации капитан Телюков, но не помнит случая, чтобы советский самолет пересек границу какого-либо сопредельного государства, тем более преднамеренно. Кто по-настоящему не хочет войны, тот доказывает это на деле.

Уничтожение пирата всегда считалось благородным поступком. Вот и он, Телюков, идет сейчас на святое задание. Идет во имя своей Родины, во имя всего человечества. Не сдастся воздушный пират, откажется сесть на аэродром -- рухнет в море, пойдет туда, где покоятся кости его предков, которых побеждали в море люди сильные и мужественные, верные защитники родной земли.

Перехватчики приближались к бомбардировщику со стороны опускающегося солнца, прячась в его лучах. Телюков следовал за командиром на определенной дистанции, сохраняя выдержку и хладнокровие. Это было его первое боевое крещение, и он старался не ударить лицом в грязь. Он ясно представлял себе схему перехвата: истребители заходят в заднюю полусферу, берут бомбардировщик в "клещи" и ведут на свой аэродром.

Да, замысел командира был именно таков. Однако эта схема вскоре нарушилась.

В момент, когда подполковник Поддубный начал описывать дугу, бомбардировщик неожиданно развернулся вправо и, не реагируя на предупредительные сигналы, открыл огонь. Трассирующие пунктиры прошли над кабиной МиГа, и Поддубный невольно пригнулся, повинуясь инстинкту самосохранения. Одновременно он бросил свой самолет в пике и, выходя боевым разворотом, скомандовал Телюкову:

-- Бей его!

И добавил такое слово, которого Телюков никогда прежде не слышал от командира полка, хотя тот не всегда был сдержан.

Поддубный, все время наблюдая за бомбардировщиком, не

видел Телюкова. Наконец он заметил его истребитель над бомбардировщиком. МиГ как-то необычно вел себя, будто падал на левое крыло. Но вот блеснул огонь, МиГ резко взмыл вверх, а над бомбардировщиком заклубился черный дым.

Вскоре бомбардировщик начал разваливаться на отдельные части. Похоже было на то, что снаряды Телюкова угодили в перекрестье лонжеронов.

-- Как чувствуете себя, 777? -- вызывал Поддубный Телюкова, самолет которого, выйдя из атаки, описывал в небе дугу.

-- Как бог! -- долетело в ответ.

-- Самолет не поврежден?

-- Нет, все в порядке!

Так полк Поддубного открыл свой боевой счет.

Телюкова, как только он вернулся на аэродром и вылез из кабины, однополчане встретили оглушительным "ура" и на руках принесли к дежурному домику.

Зная, что в подобных случаях победителю следует держать себя скромно, Телюков пытался возражать:

-- Да что вы, товарищи! Каждый ведь на моем месте ... что вы, право... -- Но вскоре, однако, он забыл о скромности и заговорил другим языком: -- А кому не известно, что я никогда не давал промаха? Чего ж вы в самом деле! Коль уж прицелюсь -- значит, все. Как же иначе!

На розыски обломков сбитого самолета и его экипажа были посланы вертолеты. До позднего вечера кружились они над морем, чайками припадая к волнам, -- все было напрасно.

Морская пучина надежно хранила тайну воздушной схватки.

На фронте существовала традиция: летчику, сбившему вражеский самолет, пекли в столовой БАО пирог и торжественно преподносили его летчику.

Придерживаясь этой традиции, Сидор Павлович приказал кондитерам испечь торт, на котором было выложено кремом: "Герою-перехватчику".

Во время ужина Нина внесла торт. Подойдя к столу, за которым сидел Телюков, она, по старинному русскому обычаю, отвесила ему поясной поклон и произнесла заранее приготовленную фразу: "Наше вам уважение, капитан! Пусть это будет не последний ваш героический подвиг во имя славы, свободы и независимости Отчизны!"

-- Спасибо! -- взволнованно ответил летчик, принимая "хлеб-соль".

-- Э, нет, не так! -- возразил майор Дроздов. -- Сразу видно, что человек не был на фронте. Вы должны поцеловать девушку -- таков обычай, и так именно водилось на фронте.

-- Поцеловать! Поцеловать! -- донеслись со всех сторон веселые возгласы.

Телюков посмотрел на Нину, словно спрашивая ее согласия, и не то ему показалось, не то и в самом деле Нина одобряюще улыбнулась ему. Он наклонился к девушке и коснулся губами ее горячей щеки.

-- Не так, не так целуешь! Ай-ай-ай! Вай-вай! -- громче всех кричал Вано Махарадзе.

-- А ну покажи ему, Вано, как надо! -- предложил кто-то.

Вспыхнув, Нина убежала на кухню и не появлялась до конца ужина. Торт съели, и Телюков пошел домой, ощущая на губах тепло поцелуя. Возле коттеджа его догнал Вано.

-- Ну что ты Филипп, право! Рогом -- козел, а родом -- осел! Дурной какой-то... Вай-вай! Такая девушка, а ты поцеловать и то не смог! Гляди, перехватят ее у тебя! Это, брат, тебе не в воздухе, а на земле!

-- Не перехватят! -- убежденно сказал Телюков.

-- О, глупец ты! Осел, настоящий осел...

-- Иди ты к черту, Вано! -- Телюков оттолкнул от себя не в меру расходившегося друга.

-- Ах, так? Защищайся же, каналья!

Они схватились. Вано был намного сильнее Телюкова, но зато уступал ему в ловкости. Летчики попадали в снег. В пылу борьбы они не заметили, как подошел майор горбунов и осветил их карманным фонариком.

-- С ума посходили, что ли? -- искренне удивился замполит.

-- Да это мы так, -- смутился Телюков.

-- Вечерняя разминка, -- отшучивался Махарадзе.

-- С февралем в мозгах! -- замполит покачал головой и пошел к себе.

-- шутки шутками, -- отряхиваясь от снега, сказал Махарадзе, -- но я тебе говорю серьезно -- не зевай. Нина -- вай-вай! И не век же тебе бобылем ходить. Я уже написал домой письмо с просьбой выслать лимоны и мандарины к свадебному столу.

-- Иди к аллаху!

Но все же совет друга сыграл большую роль в последующем поведении Телюкова. Поразмыслив хорошенько, он решил возвратиться к Нине и поговорить с ней.

Когда он вошел в столовую, там уже никого не было. Нина одевалась, собираясь домой. Чтобы скрыть охватившее его волнение, Телюков начал все в том же шутливом тоне:

-- Только что Вано чуть не сломал мне ребра. И все из-за вас, Ниночка. Говорит, что я осел, и заладил одно: "Иди к ней". Вот я и пришел.

-- Мило, -- улыбнулась девушка. -- А если б не Вано, то не пришли бы?

-- Все равно пришел бы, Нина... Ведь я ваш должник. Поцелуй остался за мною...

Нина без тени кокетства сказала спокойно и серьезно:

-- А ведь вы совсем не такой, каким прикидываетесь. Я думала... думала, что вы...

-- Нахал? -- договорил Телюков.

-- Ну да. А вы... смущаетесь...

Он тихонько привлек ее к себе.

-- Нина, помните, я говорил вам, что нахожусь в стадии влюбленности. Тогда, конечно, это была шутка... А вот теперь... Ну как вам сказать, не умею я красиво говорить... Я люблю вас, Нина. Я полюбил тебя, вероятно, в первый же день, в первую встречу. И сегодня такой радостный вечер для меня. Мне так хочется, чтобы ты пришла ко мне...

-- Куда?

-- Ко мне. Навсегда.

-- Это невозможно.

-- Почему?

-- не нужно так спешить... Ведь вы меня совсем не знаете...

-- Я люблю тебя, Нина! Хочешь -- завтра и распишемся...

-- Ох, как быстро!

-- А что же в этом плохого? И разве так не бывает в жизни?

-- Нет, нет... Уходите. Я должна запереть столовую.

-- Нина! -- взмолился Телюков.

-- Нет, нет! -- упрямо повторяла девушка.

На крыльце она неожиданно повернулась к Телюкову, припала к нему и поцеловала его. Потом быстро убежала и скрылась в темноте.

Над городком проплывали тучи, заслоняя луну. По запорошенным снегом кровлям проносились густые тени.

"Нет, не умею я обращаться с девушками, -- с досадой и горечью думал Телюков, -- "Пойдем распишемся!" Разве так говорят?"

Он готов был провалиться сквозь землю от охватившего его стыда.

Глава пятая

Майор Гришин давно уже, еще с той поры, как потерпел полное поражение в борьбе с Поддубным и получил два взыскания -- одно по партийной линии и другое по служебной, -- вынашивал мечту о работе на КП.

Летная служба явно была не по нем. Не так это просто пробивать облака, особенно вниз, вести скоростной самолет на посадку, когда не видно земли и приходится вверять свою жизнь стрелкам приборов. Для этого надо иметь холодную голову, железные нервы и стальное сердце!

Между тем, не овладев слепыми полетами, не сдав зачеты на первый класс, невозможно оставаться даже в должности штурмана полка, тем более такого полка, где рядовые летчики носят на груди "единицы". Рано или поздно кто-нибудь из начальства скажет: "Либо сдавайте зачеты на первый класс, либо уступайте место другому". И крыть тут нечем. Что это за учитель, если его опередили ученики? А что могут означать слова "уступайте место"? Только одно: "Иди-ка ты, человек добрый, в запас, снимай погоны". Но ведь ему, Гришину, не хватает еще более двух лет выслуги для пенсии...

Иногда Гришин просто недоумевал, как это подполковник Поддубный, его недруг, до сих пор не поставил вопрос об его увольнении в запас. Но ведь поставит! И Гришин втайне проклинал Поддубного, который вихрем ворвался в тихую жизнь полка, разбудил его, растормошил, выжил бывшего командира полковника Сливу --добродушного, податливого старика...

По мнению Гришина, только благодаря Поддубному, только благодаря его "козням" загнали полк на край света! А здесь, на Холодном Перевале, условия куда хуже, чем даже в Каракумах.

Там хоть подходы к аэродрому более или менее открыты, по обе стороны бетонки лежала степь. А тут горная гряда, море, тайга. Дальняя приводная радиостанция ютится на прибрежной скале, как орлиное гнездо. Достаточно во время захода на посадку допустить малейшую ошибку -- и поминай, летчик, как тебя звали!

А рубежи перехвата? Они дугой выпирают над открытым морем. Подстрелит тебя какой-нибудь нарушитель границы, и тогда -- пиши пропало...

Таким образом, подземелье КП было единственным местом, где Гришин мог чувствовать себя офицером авиации, продолжать свою службу. Но он понимал, что в полковом КП много не высидишь. Здесь о погонах подполковника можно только мечтать. Вот если бы перемахнуть на КП дивизии, а еще лучше -повыше.

Для этого нужна была рекомендация. Нужно было как-то отличиться. И вот совсем неожиданно он отличился на боевом посту. Телюков сбил нарушителя границы. А кто навел перехватчиков на реальную цель? Он, Гришин! Пусть днем, но все же навел...

И еще один огонек надежды затеплился: это услышанная Гришиным фамилия полковника Вознесенского. Очень знакомая фамилия. В свое время капитан Вознесенский возглавлял в летной школе строевую подготовку. И если начштаба дивизии тот самый "строевик", то ведь это готовая протекция!

Гришин знал, что подполковник Поддубный успел уже "вцепиться Вознесенскому в петельки" и теперь довольно потирал руки: пускай грызутся. Пускай! А он еще подольет масла в огонь. И полетит Поддубный, аж дым пойдет. Полководец! Видал он, Гришин, таких полководцев!

Чувство неприязни, которое до сих пор отравляло душу Гришина, перерастало в жажду мести. Безусловно, полковник Вознесенский уже точит зубы на Поддубного, и главное теперь заключается в том, чтобы их столкнуть. И конечно же, не командир полка, а начштаба дивизии одержит верх. Только бы этот Вознесенский оказался именно тем самым бывшим строевиком Вознесенским, а не просто однофамильцем.

Чтобы не испортить дела, Гришин не решился напомнить о себе по телефону, терпеливо ожидая, пока его вызовут в штаб дивизии, -- гораздо лучше, когда поговоришь с глазу на глаз...

Ждать пришлось недолго.

Однажды серым, пасмурным утром Як-12 высадил майора Гришина на посадочной площадке штаба дивизии. Нужно было получить для полка навигационные карты. Не дожидаясь попутной машины, Гришин отправился в штаб пешком. Узенькая,

глубоко протоптанная в снегу тропинка вывела его на грейдерную дорогу. Скрипел под ногами свежий сухой снежок, гудели туго натянутые февральским морозом провода.

Точно так же были натянуты у Гришина нервы. Что встретит он в кабинете начштаба? Узнает ли тот бывшего курсанта? Имеется ли на КП дивизии какая-нибудь подходящая вакансия?

Неожиданно позади просигналил автомобиль. Гришин посторонился. Мимо, позванивая цепью на задних колесах, промчалась "Победа". Рядом с шапкой солдата-водителя торчала сивая папаха. "Генерал поехал, либо полковник..." -- подумал Гришин, и ему стало очень обидно -- разве эта папаха не видела офицера, направляющегося с посадочной площадки в штаб дивизии? Ведь элементарная вежливость требует подвезти человека...

"Победа" с папахой на какое-то мгновение скрылась в ложбине, затем, одолев бугор, повернула к дощатому бараку, крыша которого ощетинилась мачтами антенн.

Это и был штаб дивизии.

У настежь отворенных ворот маячила фигура часового в кожухе и валенках. Приблизившись к часовому, Гришин спросил:

-- Кто это только что проехал на "Победе"?

Солдат пытливо поглядел на незнакомого офицера в летной форме, молча нажал рукавицей на кнопку сигнализации. В ту же секунду на крыльцо выскочил офицер с красной повязкой на рукаве. Увидев летчика, распорядился пропустить его.

Дежурный офицер проверил документы прибывшего, спросил, к кому у него дело.

-- К штурману и к начштаба. Он у себя?

-- Начштаба? Да вот приехал давеча.

-- На "Победе"? -- Гришина бросило в жар.

-- На ней.

-- А... скажите, пожалуйста, полковник Вознесенский не служил прежде в летной школе?

-- Кажется, служил, -- неуверенно ответил офицер. -- Вы его знали?

-- Да, немного...

Помещение штаба разделялось на две половины длинным коридором. На дверях пестрели таблички с фамилиями офицеров. За стеной стучала пишущая машинка. Увидя на двери, обитой дерматином, табличку с фамилией "Вознесенский", Гришин ускорил шаги, как бы боясь встречи с начальником, и остановился у окна на противоположной стороне коридора. Нужно было собраться с мыслями, в одиночестве оценить и взвесить новую ситуацию.

Совершенно ясно, что начштаба тот самый "строевик", который в свое время надрывал горло на школьном плацу: "Шире шаг!", "Раз-зговорчики в строю!" Но, как видно, он уже далеко не тот, каким был прежде. Сегодняшний Вознесенский не встанет навстречу, не пожмет руку младшему по званию, не скажет, как доброму старому знакомому: "Здоров, здоров, друг, сколько лет, сколько зим!" Чего доброго, еще скомандует "Кругом"...

За окном, у которого остановился Гришин со своими невеселыми мыслями, росло чахлое деревцо. На его ветках пушистыми комочками громоздились воробьи, пугливо поглядывая на землю, где лежала поклеванная корочка хлеба. А в стороне, скрытый кустами, притаился большой пушистый кот.

Охота с приманкой. Кто же кого?

Кот лежал неподвижно, навострив уши, готовый в любую секунду броситься на свою жертву. Глаза его были устремлены в одну точку, усы плотоядно вздрагивали. До чего же вкусным представлялся ему воробышек!

В конце концов решив, что засада его обнаружена птицами, кот поднялся и подчеркнуто небрежно поплелся вдоль забора. Охота явно не удалась. Но это был лишь хитрый маневр. Вскоре четвероногий охотник появился снова, только уже с другой стороны, где замаскировался тщательнее прежнего.

Но и этот маневр не помог. Воробьи забеспокоились, зачирикали, потом вспорхнули и были таковы.

"Хочешь жить -- будь осторожным", -- сделал вывод Гришин и мысленно похвалил себя за то, что не ввалился сразу в кабинет начштаба. Надо все хорошенько обдумать, взвесить, осмотреть со всех сторон. А прежде всего найти убедительную мотивировку для своего намерения -- перейти на КП дивизии. Намерение это связано с нежеланием летать. Такое нежелание возникает обычно у трусов... Но разве Гришин трус? Просто-напросто не ужился с командиром полка. Да, да, именно не ужился. Ведь и начальник штаба уже имел случай убедиться, что за птица Поддубный. Строит из себя полководца, а на самом деле карьерист, выскочка! И любимчиками себя окружил, и замполита водит за собой на поводу, как цыган медведя.

"Так все ему и выложу!" -- решил Гришин и смело зашагал к обитой дерматином двери.

Начштаба разговаривал с кем-то по телефону. На вопрос майора, можно ли войти, небрежно махнул рукой. Жест этот можно было истолковать двояко: либо заходите, либо закройте дверь с той стороны. Гришин понял так, как ему желательно было понять: вошел в кабинет, осторожно притворив за собой дверь.

Да, это был тот самый Вознесенский -- "строевик", бывший

капитан. Только тот, что гоголем красовался на плацу, был подтянут и строен, а этот, сидящий в кресле, обрюзг, ожирел. Водянистые глаза брюзгливо щурились под стеклами очков.

Не отрываясь от трубки, полковник сделал новый жест рукой, при желании означающий -- садитесь.

Гришин примостился на первом от двери стуле и начал осматривать кабинет. За спиной у начштаба во всю стену развернулась карта-пятикилометровка, разлинованная на квадраты. В правом углу поблескивал лаком радиоприемник "Балтика"; в противоположном углу стоял сейф с дощечкой на шнурке -- для печати. Рядом -- шкаф с книгами и брошюрами. Столы покрыты зеленым сукном. Над чернильным прибором застыл в пикировании отлитый из дюралюминия МиГ-17.

Чисто, тепло, уютно.

А в полковых штабах совсем не то. В кабинетах командира и начштаба кое-какой уют еще соблюдается: и столы накрыты, и диваны стоят. А в остальных комнатах -- как в захудалых канцеляриях. Зимой всегда холодно. Зайдешь, скажем, к инженеру -- сидит над формулярами или над какими-нибудь другими бумагами в куртке и шапке. Заглянешь в комнату парткомитета -- тоже все одеты.

Там, в полках, офицеры большую часть своего служебного времени проводят на аэродромах и в учебных классах. Смотришь, тот же инженер, который полчаса назад держал в непослушных от холода пальцах карандаш или авторучку, уже шагает по бетону, заглядывает в открытые люки самолетов, ощупывает трубопроводы или же сидит, скорчившись, возле спущенного лафета, проверяет оружие.

Полковник изредка бросал отрывистые слова в трубку, больше слушал, и казалось, что он дремал. Наконец сказал:

-- Вы меня не убедили. Поступайте так, как я сказал.

И бросил трубку на рычажок.

Гришин энергично поднялся с места, отрекомендовался.

-- Ну-с? -- начштаба прищурился сквозь стекла и выжидательно посмотрел на офицера.

-- Да вот, товарищ полковник, зашел к вам, как к нынешнему и бывшему своему начальнику. Вы, должно быть, помните курсанта Гришина?

Нет, не помнил Гришина полковник. По крайней мере, живого интереса к гостю не высказал. Слушал как-то нехотя, перебирая на столе бумаги. И напрасно Гришин припоминал кое-какие подробности школьной жизни. Они явно не интересовали начштаба.

-- Так вы, собственно, по какому делу ко мне, майор? --

официальным тоном произнес Вознесенский.

-- Простите, товарищ полковник, -- смущенно пробормотал Гришин, вытягиваясь. -- Я просто так... узнал, что вы здесь...

Майор никак не ожидал столь холодной встречи. "Сановник, - неприязненно думал он. -- Недаром Поддубный сцепился с ним, -- сделал он неожиданный для себя вывод. -- О, тот сразу видит человека насквозь!"

-- Ну, спасибо, что наведались, -- несколько мягче произнес начштаба, не скрывая, однако, своего желания поскорее избавиться от непрошеного посетителя.

Да, для него это был не только непрошеный, но и нежелательный посетитель. Полковник Вознесенский принадлежал к тем начальникам, которые терпеть не могли, когда им напоминали, что некогда и они были простыми смертными. Особенно не любит он встреч с людьми, которые знали, что он никогда не летал и не был даже штурманом, а все-таки носил на мундире "птицу" с мечами.

Так, несолоно хлебавши, майор Гришин повернулся, чтобы выйти из кабинета, но неожиданно передумал, вспомнив маневр кота, и решил попробовать с другой стороны:

-- Не ужился я, товарищ полковник, с командиром полка Поддубным, -выпалил он. -- Тяжелый человек. Очень уж много на себя берет...

Услышав фамилию Поддубного, начштаба живо повернулся к посетителю:

-- Не ужились? С Поддубным, говорите?

-- А кто с ним уживется? Разве что подхалимы, -- Гришин осмелел, чувствуя, что начштаба наконец "клюнул". -- Прибыл к нам в Каракумы и сразу же выжил полковника Сливу, заслуженного боевого летчика и командира. В довершение всего на дочери его женился, с целью, конечно. На мое место назначил своего любимчика майора Дроздова. Пьянствовали вдвоем: жена Дроздова сшила ему год назад белый китель... Я говорю о том Дроздове, который не перехватил нарушителя границы, помните? А теперь на вас ссылается, вы, мол, не навели своевременно, сидели на КП в роли дипломата. Не могу я больше оставаться в полку и просил бы вас... Да, да, я просил бы вас, товарищ полковник, оградить меня от издевательств и взять меня, ну, допустим, штурманом КП дивизии. Конечно, если есть вакансия... Я уже доказал, что наводить умею... Ведь только благодаря тому, что я сидел за индикатором радиолокатора...

-- Постойте, постойте, -- перебил его начштаба. Он не спеша снял очки и стал их протирать. -- Вам должно быть известно, что я не ведаю кадрами. А вот о том, что Поддубный безобразничает,

окружил себя подхалимами и пьянствует с ними, непременно напишите жалобу согласно уставу. Письменную жалобу подайте, а мы уж тут разберемся. Итак, на этих днях жалоба должна лежать у меня на столе, ясно? -- уже не советовал, а требовал начштаба. -Кстати, а как на это смотрит ваш замполит?

-- Такой же подхалим, как и Дроздов! -- вырвалось у Гришина. -Замполиту абсолютно безразлично, что командир злоупотребляет принципом единоначалия.

-- Во-во! Обо всем этом и напишите. А пока всего доброго, майор, -- и полковник протянул Гришину руку.

-- А насчет перевода меня как же?..

-- Это уже вопрос иного порядка, майор. Об этом мы потолкуем, когда разберемся, что там у вас в полку творится. А жалоба чтобы лежала у меня вот здесь, -- повторил начштаба и положил свою широкую ладонь на стол.

"Вот дьявол побери! -- раздраженно подумал Гришин, выйдя в коридор. -Каких глупостей наговорил сгоряча... Допустим, я напишу требуемую жалобу, допустим... Ну и что же получится? Поклеп возведу на командира и замполита, поклеп, за который придется отвечать, и не перед кем иным, как перед партийной комиссией... Допустим также, -- размышлял он далее, -- я не напишу жалобу, допустим... Начштаба вызовет, будет добиваться своего, ведь и у него появились свои счеты с командиром полка. Так или иначе, а за поклеп придется держать ответ".

Гришина охватило лихорадочное волнение, и он чуть не забыл получить карты, за которыми, собственно, и прилетел. А получив их, поспешил к посадочной площадке, чтобы больше и на глаза не попадаться начальству.

Как на грех, все самолеты звена управления дивизии куда-то поразлетались, и Гришину пришлось долго ждать их.

Только под вечер вылетел он в Холодный Перевал.

В полк пришло указание -- усилить ночное боевое дежурство. Чем вызывалась эта необходимость, не объяснялось. Но и без того все было понятно: прошлой ночью в районе аэродрома радисты запеленговали неизвестный радиопередатчик.

Шпион, очевидно, передавал какие-то важные сведения, ибо трижды вызывал приемный центр, каждый раз меняя свое место в горах и каждый раз повторяя шифр.

-- Атакуют нас и с воздуха, и с земли, -- сказал подполковник Поддубный, разъясняя летчикам и боевому расчету КП сложившуюся обстановку.

На ночном старте село два звена отборных асов, возглавляемых майором Дроздовым. Замполит Горбунов занял на СКП место руководителя полетов, а Поддубный поехал на КП

полка и оттуда давал указания, касающиеся усиления наземной охраны аэродрома и складов с горючим, а также приводных радиостанций и пеленгаторов.

Поддубного немало удивило поведение майора Гришина. Вернувшись из штаба дивизии, он, ничего никому не говоря, уехал в городок и заперся у себя в квартире. В ответ на предложение занять место за индикатором радиолокатора заявил, что ему нездоровится и он не сможет выполнять обязанности наведенца.

Это значительно ухудшало дело. Старший лейтенант Фокин и его напарник вряд ли справятся с наведением, если придется поднять в воздух всех или большую часть перехватчиков.

Ночь стояла безоблачная, морозная и на диво тихая. Глубоко в подземелье ушел КП, но и сквозь многометровую толщу насыпи глухо отдавались шаги часового. Замерли на своих постах операторы, радисты, планшетисты, готовые в любую минуту приступить к работе. Время от времени тишину КП нарушали телефонные звонки. Это КП дивизии проверял связь и передавал информацию о погоде.

Приблизительно около часу ночи подал голос замполит Горбунов. Он советовал Поддубному ехать домой и отдохнуть. По его предположению, вряд ли какой-нибудь нарушитель границы осмелится появиться в безоблачную ночь, а если и произойдет что-либо, то и без командира справятся дежурные.

Чтобы не будить базовского шофера, который, вероятно, сладко спал в казарме, Поддубный решил пройтись пешком.

Он шел тайгою напрямик, освещая тропинку карманным фонариком. Пучок бледно-желтого света подпрыгивал по сугробам, путался в заснеженных кустах, упирался в стволы деревьев.

На редколесье под горой луч фонарика выхватил из тьмы деревянный забор. Это был гараж автороты. Здесь, как и везде в эту ночь, были погашены наружные огни, чтобы не демаскировать объекты, и царила полнейшая тишина. Вдруг зарычал двигатель автомобиля и заработал на малых оборотах. Вскоре к нему присоединился еще один, и наконец гараж оглушил тайгу ревом десятков моторов. Ревели мощные МАЗы, гудели ГАЗы и "Москвичи".

"Не тревога ли?" -- подумал Поддубный.

Несколько минут спустя внезапно поднятый гул прекратился столь же неожиданно, как возник. Но почему среди ночи? Ведь автотранспорт, обслуживающий дежурные звенья перехватчиков, находился на аэродроме?

Ускорив шаг, Поддубный вышел на дорогу, ведущую с

аэродрома в городок. Расчищенная бульдозерами и хорошо укатанная дорога звенела под ногами, как деревянные мостики. Изредка хрустнет промерзшая ветка, и снова немая тишина вокруг, и только четко слышатся собственные шаги.

Неожиданно что-то зашуршало в кустах. Отчетливо щелкнул затвор автомата. Поддубный выхватил из кобуры пистолет. В это мгновение в глаза ему ударил луч фонарика.

-- Кто там?

Фонарик погас. Послышались шаги. Вблизи дороги колыхнулись две фигуры.

-- Это мы, товарищ подполковник, патруль.

Говоривший осветил себя фонариком. В неровном свете обрисовалось худощавое лицо солдата, одетого в белый маскировочный халат.

-- Мы увидели, что кто-то идет, вот и залегли, -- пояснил солдат.

-- Молодцы! Только действовать надо бесшумно и более осторожно, а то враг услышит вас и скроется.

-- Не скроется! -- убежденно сказал солдат. Помолчав, он спросил: -Может быть, вас проводить, товарищ подполковник?

-- Спасибо. Пойду один.

-- Разрешите выполнять задание?

-- Выполняйте.

Патрульные свернули в сторону аэродрома. Поддубный увидел между деревьев синие квадраты окон казармы. Будто в деревне, залаяли собаки. Их здесь, в городке, собралось десятка с полтора, если не больше. И все приблудные. Днем они вертелись возле кухонь и офицерских домов в поисках пищи, а ночью гоняли по городку, охраняя его. И верховодил этими непрошеными четвероногими сторожами здоровенный кудлатый пес, по кличке Рыцарь. Эту кличку дал ему капитан Телюков, и она весьма ему подходила. Не иначе как Рыцарь побывал в неравном поединке с волком, а то и медведем, о чем красноречиво говорило отсутствие у собаки левого глаза и правого уха. Да и нос был разорван пополам.

Телюков с уважением относился к старому псу-вояке, угощал его остатками пищи, и тот охотно посещал его квартиру, ложился у дверей, нежась в непривычном тепле.

Собаки быстро привыкли к военным и решительно не признавали штатских. Однажды Рыцарь набросился на прачку, которая шла из села Каменка, и разорвал на ней юбку. Подполковник Поддубный, как начальник гарнизона, распорядился перестрелять собак, чтобы они не бросались на людей и не разносили по городку кости и всякие отбросы. Но

приказ этот встретил решительный отпор со стороны жен офицеров. Они незамедлительно послали к начальнику гарнизона свою делегацию, и в кабинете поднялся невообразимый шум.

-- Живем тут, в тайге, как дикари. И медведи, и волки бродят, а вы собак хотите перестрелять, чтобы наши дети и носа не могли высунуть из дому!

И Поддубный уступил. Собаки остались в городке, их стая постепенно пополнялась новыми приблудными собратьями. И вот сейчас, услышав шаги неизвестного, они неслись навстречу с лаем и визгом. Впереди летел Рыцарь, сверкая единственным глазом, свирепым и налитым кровью, как у волка.

-- Рыцарь, свои! -- окликнул собаку Поддубный.

Вожак, узнав голос главного хозяина, виновато завилял хвостом, и вся свора, как по команде, остановилась и рассыпалась кругом.

Часто возвращался Поддубный с аэродрома в городок после двенадцати. По пути заглянет, бывало, в казарму, проверит, хорошо ли вытоплены печи, в порядке ли сушилка, на своих ли местах дежурный и дневальный. И в этот раз не прошел мимо казармы. Дежурного -- это был ефрейтор Баклуша -- он встретил у входа в помещение.

-- Ну, как у вас, не холодно? -- спросил, не дав дежурному доложить по всем правилам устава, подполковник.

-- Порядок, товарищ подполковник!

Поддубный вошел в помещение и остолбенел. В казарме, кроме дневального, не было ни души.

-- А где же люди?

Баклуша вытянулся:

-- Они, товарищ подполковник... Они попрятались.

-- То есть как попрятались? От кого?

-- От вас, -- с наивной откровенностью чистосердечно ответил ефрейтор. -- Кто -- в комнате бытового обслуживания, а кто -- в умывальной комнате.

Командир полка ничего не понимал. Что за чертовщина! В автороте не спят, здесь тоже не спят...

-- А разве не будет тревоги? -- спросил Баклуша. -- Тут слух прошел о боевой тревоге, вот и не спят люди. Сидят наготове, чтобы скорее добежать до аэродрома, к самолетам. И я тут ни при чем...

Как же это он, дежурный, и "ни при чем"? Поддубный собрался было дать Баклуше наряда два вне очереди, а заодно и дежурному по полку наказать, но сразу же остыл. Не спят солдаты -- значит, не безразлично относятся к боеготовности полка. Каждый готов променять казарменное тепло и уют на место у

боевого самолета. Разве это не священное чувство личной ответственности солдата за судьбу своей Родины? И разве не это же чувство водит его, Поддубного, по гарнизону в эту морозную ночь?

Однако командиру положено в таких случаях быть строгим, непримиримым к нарушению воинских порядков, и он сказал:

-- Вызовите всех сюда.

Баклуша подал команду.

Распахнулись двери ленинской комнаты, комнаты бытового обслуживания, умывальника, и оттуда повалили авиационные специалисты в куртках и в шапках. Смотрел на них командир полка, и душу его распирала глубокая радость. По зову сердца и совести поднялись эти люди, воины славной Советской Армии. Скомандуй, и они пойдут за своими командирами в огонь и в воду, будут дни и ночи без передышки, без отдыха работать у своих боевых машин. И нечего их подгонять, они -- славные ребята, знают, где находятся и какое ответственное задание возложено на них народом, строящим коммунизм.

Баклуша подал команду строиться, и две шеренги вытянулись между кроватей.

-- Не спите, значит? -- спросил Поддубный, на зная, с чего начать. -Вроде и не существует в полку распорядка дня. Сию минуту чтобы все были в постелях и отдыхали. Те, кто на аэродроме, справятся и без вас. А если нужно будет, то и вас подымем, дадим команду. -- Подполковник Поддубный взглянул на часы. -- Чтобы через десять минут все легли. Командуйте, -- обратился он к дежурному.

-- Разойдись! -- крикнул Баклуша.

Шумно, но без суматохи авиационные специалисты бросились к вешалкам и начали раздеваться.

Не спали и некоторые офицеры; то там, то здесь в ДОСах горел свет. Поддубный на минуту остановился под окнами майора Гришина, который жил на первом этаже. Окна были небрежно завешены газетами, и сквозь них отчетливо виднелась фигура хозяина дома. Он как маятник ходил взад и вперед по комнате, ероша шевелюру и перебирая на тужурке пуговицы. Так всегда делал Гришин, когда его одолевали какие-то невеселые или тревожные мысли.

Как все офицеры полка, Гришин пока жил один (третий, то есть железнодорожный, эшелон полка находился в пути), и Поддубный решил зайти к нему, узнать, в чем дело, почему майор не спит, а заодно поговорить об острове Туманном, с которого, в конце концов, удалось убрать цепкого и неподатливого полковника Жука.

-- Это я, Алексей Александрович, -- отозвался Поддубный на голос Гришина. -- Смотрю, вы не спите, вот и зашел на огонек. Вы не возражаете?

Гришин напоминал драчливого петуха -- волосы взъерошены, глаза красные, острый подбородок, казалось, заострился еще больше, лицо бледное до синевы.

-- Вам действительно нездоровится, Алексей Александрович?

На вопрос Гришин ответил вопросом:

-- Вы желаете, чтобы я шел на КП? Так знайте: я уже свое отходил. Хватит! Кто я? Летчик? Нет, я не летчик. Наведенец? Нет! -- Я пятое колесо в телеге, вот кто я! И это еще не все! -- Гришин нацелил указательный палец на командира. -- Я -- мерзавец! Да, да, мерзавец! Я поклеп на вас возвел. На вас, на замполита, на Дроздова, на всех! Сказал полковнику Вознесенскому, что вы убрали из полка полковника Сливу, с намерением женились не его дочери, злоупотребляете единоначалием, окружили себя подхалимами, а замполита водите на поводу, как цыган медведя. Я утопить вас хотел, слышите? На дно! Туда!..

Не владея собой, Гришин мелкими шажками забегал по комнате.

Поддубный подошел к столу, налил из графина стакан воды.

-- Выпейте и прежде всего успокойтесь.

Дрожащей рукой Гришин взял стакан, поднес к губам, но не выпил, поставил на стол.

-- Однако не думайте, что я пропаду. Я поеду в колхоз, сяду на самолет и буду травить саранчу и долгоносиков. Только вот за поклеп мне больно. Дурак я, негодяй!.. О, если б вы только знали! -- Он сжал пальцами виски и снова, как одержимый, забегал по комнате.

-- Да, глупостей вы, Алексей Александрович, натворили, видимо, немало, -- хладнокровно заметил Поддубный. -- Доля правды, может быть, и есть в том, что я злоупотребляю единоначалием, тут надо мне оглянуться и пристальнее посмотреть на себя. А вот что касается замполита, то это сущая бессмыслица. И Дроздова вы напрасно зацепили. Правда, я должен признаться, люблю его. Да ведь летчик-то какой, а?

Поддубный замолчал. Молчал и Гришин. Каждый думал о своем.

Первым нарушил паузу Поддубный.

-- Алексей Александрович, ни вам, ни полковнику Вознесенскому меня не утопить. Вот мы сбили одного нарушителя границы, собьем и второго, и третьего. Сколько будет их -- столько и собьем. Вы осознали свою ошибку, каетесь -- это

уже хорошо. И благодарю вас за откровенность. Камень за пазуху я не положу. А зашел к вам вот по какому поводу: нам с комдивом удалось отвоевать у полковника Жука остров Туманный. Помните? Тот самый остров, что лежит вдали от берега. Оборудуем там пункт наведения. Пожелаете -- пошлем вас туда начальником. На днях ледокол поведет к острову баржу с радиолокатором, радиостанцией и прочим оборудованием. Вы станете как бы "губернатором" острова, -- заставил себя улыбнуться Поддубный. -- А о саранче и долгоносике нам с вами думать рановато. Есть у нас похлеще саранча, та, которая летит через границу. А когда согласятся американцы на всеобщее и полное разоружение, вот тогда и мы -- кто куда: одни -- на саранчу, другие -- в космос. Работа летчику всегда найдется. А пока мы нужны здесь. И вы тоже. Ответ жду утром.

-- Как это понимать? Как ссылку? Ссылку на остров?

-- Как доверие, Алексей Александрович.

-- После всего вы еще мне доверяете?

-- Вы способный штурман-оператор, -- коротко сказал Поддубный и вышел.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, он сам удивился своему хладнокровию и выдержке. И только когда отпирал ключом дверь, заметил, что руки у него дрожат от чрезмерного волнения.

"Убрал полковника Сливу... Намеренно женился... Злоупотребляю единоначалием... Окружил себя подхалимами... Фу, чертовщина какая..."

В комнате было холодно. Воздух пропитался запахом табака, всюду валялись газеты и журналы. Плохо, когда в доме нет хозяйки...

Поддубный снял трубку и попросил телефонистку соединить его с СКП.

-- Вы, Андрей Федорович? Как там у вас?.. Спокойно? Прошу зайти ко мне утром. Дело есть.

"Окружил себя подхалимами... -- не выходило у него из головы. -- Вот чертовщина!"

Поддубный опустил на рычаг трубку, разделся и быстро забрался под одеяло.

Над тайгой взошел месяц. В начале горные вершины, а затем и равнина мыса покрылись как бы застывшим на морозе молоком. Переливалась и мерцала в лунном свете взлетно-посадочная полоса, покрытая алмазной изморозью. Вызвездило. Большая Медведица висела ковшом вниз -- близился рассвет. Мороз крепчал, градусник показывал двадцать ниже нуля.

Пожалуй, столько же было и в будке СКП; она не

отапливалась, чтобы не замерзали окна. Замполит Горбунов все сильнее и острее ощущал, как за ворот куртки проникает пронзительный холод, электрическим током пробегая по телу. Слипались веки -- нестерпимо хотелось спать.

Он с грустью думал о том, что в двенадцать дня ему уже нужно проводить семинар агитаторов. А тут еще по какому-то делу вызывает к себе командир полка. Сколько же остается времени на отдых? А там опять подготовка к боевому дежурству, а может быть, придется и на старте сидеть, ведь в полку каждый летчик на учете.

Размышляя над своими неотложными делами, замполит вспомнил вдруг о том, что два механика из технико-эксплуатационной части лежат в лазарете с обмороженными руками. Надо и к ним наведаться, узнать, как здоровье. И чем дольше он думал, тем больше возникало всяких неотложных дел. Хоть разорвись.

И он, склонившись к настольной лампе, начал набрасывать план на день. Времени явно не хватало. Многие вопросы пришлось из плана вычеркнуть, перенести на следующий день или же перепоручить Донцову и Байрачному.

Сменившись утром с дежурства, майор Горбунов прямо с аэродрома поехал в лазарет. Солдат с обмороженными руками он застал в столовой. Хлопцы -- это были рядовые русский Терехин и узбек Мухтаров -- завтракали. С Терехина повязки уже были сняты, и он поил чаем своего друга, руки которого были еще забинтованы.

-- Да пей же, пей, Мухтарчик! -- ласково приговаривал Терехин, поглаживая друга по черному ершику. -- Экой ты непослушный.

Мухтарова смешили эти слова, он хохотал, обливая чаем рубашку. Завидев замполита, оба солдата смущенно поднялись с мест.

-- Сидите, сидите, -- сказал замполит и обратился к Мухтарову:

-- Ну, что у вас? Как самочувствие?

-- Отличное, товарищ майор. Еще немного, и кожа заживет.

-- А у вас? -- повернулся замполит к Терехину.

-- У меня уже все в порядке, -- показал солдат на руки в красных пятнах свежей кожи.

-- Как же это вас, друзья, угораздило?

-- Да пушку сняли с самолета и несли в мастерские. Руки в масле были -рукавиц не надели, -- пояснил Терехин. -- Вот оно и прихватило морозцем. Меня-то еще не так сильно, а вот Мухтарова дюже.

-- И не дюже, зачем говоришь так майору? -- обиделся Мухтаров. -- Врач сказал, что с меня тоже повязки снимут сегодня.

Пожелав солдатам быстрейшего выздоровления, майор Горбунов пошел к выходу. У двери он задержался на минутку, наблюдая, как нежно ухаживает за своим больным товарищем Терехин. Кажется, и не ахти какое событие, а ведь Мухтаров определенно на всю жизнь запомнит своего русского однополчанина, поившего его чаем в лазарете. Вот оно, проявление искренней дружбы народов нашей страны!

Из лазарета майор Горбунов направился к командиру полка. Тот собирался вылетать по какому-то срочному вызову в штаб дивизии. Разговор был коротким, но весьма щекотливым и неприятным. Речь шла о поклепе Гришина, который назвал его, замполита, медведем, слепо идущим на поводу у командира.

-- Чепуха какая! -- брезгливо заметил замполит.

-- Конечно, глупости.

Но это был яд, а каждый яд действует. Неприятно, обидно как-то стало замполиту. Не разберутся в политотделе дивизии -- вот тебе и подмоченная репутация. И призадумался он, придя домой, над своим положением в полку, о своих взаимоотношениях с командиром. Все думал и думал, вместо того чтобы спокойно отдыхать после ночного дежурства на аэродроме.

Лежал и перебирал в памяти свои дела и поступки, как бы со стороны вглядываясь в полк, в его людей. Все как будто хорошо. Полк боевой. Летчики готовы драться с врагом как львы. Это без всякого преувеличения и сомнения. Авиационные специалисты проявляют подлинный трудовой героизм. Чего ж еще желать? Почему Гришин бросает тень на командование?.. Поддубный... Нет, для него все равны в полку. И сам он -- боевой, энергичный, строгий и справедливый. Иногда, правда, горяч чрезмерно... А Гришин? Это человек с затхлым душком. Но все идет к тому, что Поддубный выветрит из него этот душок. Освежит. И все будет хорошо.

Подремав с часок, замполит направился в казарму, где должен был состояться семинар руководителей политических занятий.

Во дворе на него неожиданно налетела Капитолина Никифоровна Жбанова -жена инженера. Свалилась буквально как снег на голову!

-- Так я и знала! Так я и знала! Как летчикам -- так все, а как инженеру -- то наше дело сторона!

Горбунов смотрел на расшумевшуюся женщину, ничего не

понимая. Откуда она вдруг появилась и о чем кричит? Ведь о прибытии железнодорожного эшелона не было известно.

-- Но я вам покажу! Не будет по-вашему! Не будет! Я до самого министра доберусь! Я в Москву... Я не стану ютиться в коридоре. Нет, нет и еще раз нет! -- истерически кричала Жбанова, размахивая руками. В полосатой шубе, со сбитым на затылок мохнатым рыжим платком, она смахивала на разъяренную тигрицу.

-- Вы меня еще не знаете! Если вы летчик, то думаете, что только летчики люди, а остальные -- это так себе... Вы.. Вы...

Майор Горбунов терпеливо ожидал, пока инженерша выдохнется и умолкнет. Кое-что уже прояснилось. У штаба стояла полковая "Победа". Вероятно, на станцию прибыл эшелон, машину сняли с платформы, и шофер, очевидно, привез ее, взяв с собой Капитолину Никифоровну.

Но почему начальник эшелона подполковник Асинов не сообщил о своем прибытии телеграммой, Горбунов не понимал.

Капитолина Никифоровна, нахватавшись холодного воздуха, зашлась кашлем.

-- А теперь расскажите толком, что случилось? -- спокойно спросил замполит.

-- Квартиру... -- кашель душил ее. -- Какую вы нам... дали квартиру?

-- Понятно: вам не понравилась квартира. А эшелон давно прибыл? И почему не дали телеграммы?

-- У меня... У меня взрослая дочь... Вы подумали об этом? Нет, не подумали!..

Убедившись, что от этой женщины толку не добьешься, майор Горбунов поспешил в штаб, где увидел у машины шофера Челматкина. Тот рассказал, что эшелон прибыл на станцию назначения три часа назад. Собственно, это даже не станция, а глухой полустанок. Телефонная связь с авиагородком испортилась. Подполковник Асинов отстучал телеграмму, а где она ходит, эта телеграмма, никто не знает. Чтобы напрасно не терять времени, он и прибыл сюда своим ходом. А жена старшего инженера села в машину самочинно, боясь, чтобы ее не обошли квартирой.

-- Больных в эшелоне нет?

-- Не слыхать будто.

-- В вагонах тепло?

-- Уж ушам жарко.

Майор Гришин пошел в штаб, чтобы связаться по телефону с Рожновым, но там на него снова насела Капитолина Никифоровна.

-- Я в такую квартиру не пойду! Слышите? Не пойду!

-- А какую бы вы хотели?

-- Хотя бы такую, как у вас.

-- Да ведь и у меня тоже две комнаты.

-- Зато отдельные, мне же дали проходные. А у меня дочь взрослая.

-- Когда же вы успели посмотреть?

-- Что ж, по-вашему, я слепая? Да ведь и вы не слепой!

-- Ладно. Меняюсь с вами. Согласны? У меня, кажется, и площадь чуть больше. Правда, и семья больше, но я согласен на обмен.

Капитолина Никифоровна никак не рассчитывала на такой поворот дела и недоверчиво спросила:

-- А где ваша квартира? Покажите, я посмотрю, -- она явно боялась прогадать.

-- Второй ДОС, второй этаж, квартира шесть. Вот вам ключ. Смотрите, пожалуйста.

Схватив ключи, Капитолина Никифоровна хлопнула дверью и помчалась осматривать новую квартиру. Минут через десять она вернулась.

-- Э, нет, не хитрите! У вас несолнечная сторона, да и коридорчик узковат. А вот командир полка -- вон какие хоромы отхватил! Ничего удивительного... своя рубашка...

Горбунов прервал ее с нарочитой сокрушенностью:

-- Хоромами командира не ведаю. Скажу только: у него точно такие же хоромы, как у меня. Одно лишь преимущество, что окна выходят на солнечную сторону.

Капитолина Никифоровна завертелась, не зная, что делать, что предпринять.

-- Не пойду! -- упрямо повторила она. -- Сказала, не пойду -- и все!

Она устало опустилась на диван и всхлипнула, прижимая к глазам платок.

-- У меня взрослая дочь. Ей нужна отдельная комната. Не век же ее прятаться за ширмами от отца... Ванны нет. Ничего нет. И так всю жизнь... Вот у меня сестра... И муж у нее не инженер вовсе, а простой рабочий. Приедешь к ним -- любо-дорого посмотреть: ванна, все удобства. Живут, как люди!.. А тут шатаешься по белу свету как неприкаянная...

Замполит хорошо знал, что собой представляет жена инженера. Однако, вслушиваясь в ее слова, невольно проникался к ней сочувствием. Ведь это правда -- не сладко живется военным, особенно тем, кто странствует, часто переезжает с места на место. Хотелось как-то утешить Жбанову.

-- Не огорчайтесь, Капитолина Никифоровна, вот придет весна, мы заживем здесь, как на даче. Тайга, можно сказать, просто повезло. А что касается вашей Лизы, то я сказал бы: не век ее возле родителей сидеть. Пора уже горлицу в свет выпускать, к какой-нибудь работе пристраивать.

-- К работе? -- Капитолина Никифоровна подняла на Горбунова заплаканные глаза. -- К какой работе? Уж не коров ли доить?

-- Хотя бы и так...

-- Вот подрастет ваша дочь -- вы ее и посылайте. А моя дояркой не будет!

Замполит промолчал. Он знал: легче пуд соли съесть, чем переубедить жену инженера.

Весть о прибытии эшелона с быстротой молнии облетела гарнизон, всколыхнула людей. Все с нетерпением ожидали распоряжений. Ведь полк занимал боевую позицию в системе ПВО страны, и даже на короткое время никто не имел права отлучаться, оставить свой пост, ослабить эту позицию.

Замполит обратился в штаб дивизии. В конце концов пришло распоряжение: ограничиться двумя дежурными парами -- дневной и ночной; дежурят преимущественно несемейные летчики и техники, остальные имею право ехать встречать свои семьи.

-- Разумное решение! -- комментировал приказ лейтенант Байрачный. Его уже нисколько не волновал вопрос, как Биби в босоножках и демисезонном пальто доберется до Холодного Перевала. Этот вопрос был разрешен.

Подмазавшись к кладовщику вещевого склада, он раздобыл у него на временное пользование кожух, валенки и солдатскую шапку-ушанку. Уложив все это имущество в мешок, взвалил его себе на плечи и поспешил к автоколонне, которая выстраивалась на дороге за шлагбаумом.

По примеру Байрачного и другие офицеры бросились к вещевому складу, но оказалось, что Рожнов их опередил. По его распоряжению снарядили грузовик с кожухами и валенками для семей офицеров.

Колонну возглавлял майор Дроздов. Замполит Горбунов остался в гарнизоне и просил Дроздова присмотреть в дороге за его семьей.

Наконец колонна тронулась в путь. Не близко было до станции -- сто двадцать пять километров по тайге и горам.

Офицеры ехали в двух автобусах. Это было прекрасное путешествие. Пели песни, шутили, сыпали остротами. Особенно доставалось от остряков предприимчивому Байрачному. В пути он вдруг обратил внимание на то, что в мешке что-то шевелится.

-- Товарищи! -- воскликнул он, похлопывая по мешку. -- Тут какая-то чертовщина!

-- Ой, и вправду шевелится, -- заметил Максим Гречка, ощупывая мешок.

Кто-то весьма кстати вспомнил кузнеца Вакулу, который таскал на спине черта, и пошло, и пошло...

-- А ну-ка, развязывай!

-- Ой, ребята, рожки торчат, ей-богу!

-- Слышите? Пищит!

Мешок поволокли по автобусу, развязали и не успели вытряхнуть его, как из вещей выскочила мышь и скрылась где-то под сиденьями.

-- Обыщите карманы, лейтенант. А вдруг там еще крыса, -- озабоченным тоном посоветовал капитан Марков.

-- И то верно! -- не уловил иронии Григорий. Он начал шарить по карманам и наткнулся на смятый клочок бумаги, на котором было что-то написано. Поднявшись к фонарю, прочитал вслух: "Любимая моя! Сегодня нечистая сила приносит жену, прийти к тебе не смогу..."

В автобусе поднялся неимоверный хохот.

Нетрудно было догадаться, что эту записку кто-то незаметно подсунул в карман Байрачному. Но шутка явно ему не понравилась -- мало ли что могла подумать Биби, попадись ей в руки эта записка. Он внимательно осмотрел кожух, валенки и шапку, снова запихал их в мешок и сел на него.

-- Шутники доморощенные! -- обиделся он.

Дорога была хорошая, колонна двигалась быстро, но в одном месте наткнулась на снежный обвал и застряла. Битых два часа расчищали путь и на станцию добрались уже в сумерках. Эшелон стоял на запасном пути. Неподалеку пыхал паром паровоз. У вагонов -- ни души. Мороз и холод. Тем не менее начштаба подполковник Асинов, соблюдая свой офицерский этикет, вышел навстречу Дроздову в шинели и хромовых сапожках. Даже шапку не спустил на уши.

Отдав Дроздову рапорт, начштаба распорядился немедленно приступить к разгрузке эшелона. Офицеры бросились по вагонам, каждый разыскивал свою семью.

-- Мы здесь!

-- Сюда! Сюда! -- раздавались женские и детские голоса.

Среди этого многоголосного шума Дроздов услышал голос своего Вовки. Мальчик стоял в тамбуре и, как только отец приблизился, бросился к нему на шею, вцепился ручонками в воротник куртки.

-- А я слушался маму в дороге. И ел все, что она давала. И в

тамбур не выбегал. И чай не разливал, -- скороговоркой сыпал мальчик.

Чтобы Вовка ничего не натворил в дороге -- этому, конечно, отец не мог поверить, но тем приятнее было слушать любимого сынка.

-- И холодной воды не пил, чтобы не простудиться, и... -- вдруг Вовка осекся, увидя рядом мать.

-- Может быть, соврешь папе, что и чулки мои не порезал ножом для обшивки самолета, и одеколон не вылил в молоко? -- ехидно спросила Вера Иосифовна.

Вовка смутился.

-- Не ябедничай, Вера, -- Дроздов подмигнул жене. -- Вы собирайтесь, а я разыщу семью замполита. Они здесь? Тем лучше.

Григорий Байрачный бегал со своим мешком вдоль эшелона, разыскивая Биби. Кого ни спросит, никто не знает, в каком она вагоне. И наконец услышал знакомый голос:

-- Я здесь, Гришенька!

Он не узнал свою жену. Черная под котик шуба, теплая красная шапочка, валенки.

-- Где ж это ты так принарядилась? -- спросил он.

-- Еще на старом месте.

-- Вот молодчина! А я для тебя кожух привез, -- он сбросил с плеч мешок. -- Видишь, какой заботливый у тебя муж?

-- Вижу, Гришенька! -- сияла Биби.

Ей хотелось прильнуть к нему, еще раз поцеловать, но она стеснялась людей.

Не у всех, однако, встреча была радостной. Максима Гречку жена встретила сообщением, что Петрусь заболел. Врач признал ангину. У мальчика высокая температура.

-- Вот беда! -- сокрушался Гречка. -- Как же быть?

Об этом побеспокоился врач: семью техник-лейтенанта поместили в командирскую "Победу".

Начали грузить вещи на машины. Офицерам помогали солдаты. Чемоданы, ящики, узлы -- все это переносилось из вагонов на грузовики, крытые и некрытые. А мебели - никакой. Одни семьи распродали свой скарб, другие бросили, чтобы не возиться.

Вот она, жизнь военных людей! Чемодан -- и в нем все твое добро. В городке дадут пару кроватей, стол да тумбочку -- и готов домашний уют. О мало-мальски приличной мебели и мечтать не приходится.

Исключением оказалась семья инженера -- подполковника Жбанова. Капитолина Никифоровна забрала все, что у нее было, вплоть до последней табуретки. Даже с холодильником не

рассталась, хотя такую дефицитную вещь каждый охотно купил бы в Средней Азии.

-- И на какого черта приволокла ты холодильник, если здесь и без того холодно? -- ворчал Жбанов, надрываясь над грузом.

-- Тебе не нужно -- мне пригодится, -- огрызалась жена, внимательно наблюдая за тем, чтобы кто-нибудь не оцарапал дорогую мебель.

-- Осторожнее, слышите! -- покрикивала она на мужа и солдат. -Поаккуратнее давайте!

-- Людей бы постыдилась, -- урезонивал ее инженер.

-- А ты не учи меня, я уже ученая!

Капитолина Никифоровна нераздельно господствовала в семье, держа мужа под башмаком. Она была непоколебимо убеждена, что только благодаря ей муж дослужился до старшего инженера полка, и будь он чуточку ловчее, давно б уже заправлял где-нибудь в штабе дивизии.

Дружбу она водила лишь с теми женщинами, мужья которых занимали солидное служебное положение, мелких чинов не признавала, относилась к ним с явным пренебрежением. А своей единственной дочери еще с детства вбивала в голову, что ее мужем должен стать не кто-нибудь, а только генерал. И Лиза по примеру матери тоже водила дружбу только с дочерьми "обеспеченных" родителей.

Когда же Лиза подросла и познала вкус высоких каблуков и модной прически, мать начала следить, чтобы дочь, упаси бог, не свихнулась, встретившись с каким-нибудь офицеришкой без высшего образования или, как она выражалась, без академического ромба.

-- Ромба нет -- в голове пусто и на погонах не густо, -- поучала она дочь.

Лиза, искренне уверенная в своем превосходстве над подругами, жеманилась, напускала на себя чванливую спесь, сторонилась молодых офицеров.

Закончив с грехом пополам десять классов, она отправилась в институт сдавать экзамен, наполнив по совету матери свой чемодан дорогими и модными платьями. Не помогло. Не попала Лиза в храм науки; на первом же экзамене по русскому языку она срезалась, получив двойку.

Вернувшись домой, Лиза пуще прежнего увлеклась нарядами и танцами. На предостережения матери махнула рукой и начала водить компанию с молодыми офицерами, не обращая внимания на ромбы. Мать, опасаясь, чтобы "глупый ребенок" не сошел с пути истинного, бегала за дочерью по пятам. Как-то летом, отправляясь на Черноморское побережье, она взяла с собой дочь,

чтобы не спускать с нее глаз. Но именно там, на курорте, в одной из укромных аллей парка, случилось такое, что бедная мать чуть ли не впервые в жизни схватилась за сердце и по-настоящему познала вкус валерьяновых капель. Она порвала на "лысом черте", как она окрестила учителя бальных танцев, галстук и плюнула ему в лицо. А "дочь-поганку" поволокла на вокзал, чтобы более никогда сюда не возвращаться...

Теперь Капитолине Никифоровне было не до ромбов. Она готова была выдать дочь за первого попавшегося офицера, хоть за вдовца, даже за "алиментщика". К сожалению, женихам словно черная кошка дорогу перебежала. Не идут и не идут! А приглашались на именины или еще по какому-нибудь поводу -- закусят, выпьют -- и с глаз долой! Только и видели проклятых!

Капитолина Никифоровна бесновалась. Начались семейные дрязги и раздоры. Иногда она доходила до того, что с кулаками набрасывалась на дочь, предварительно закрыв комнату на ключ. А еще чаще перепадало отцу: "Засел на периферии, как пень в болоте... Кроме своих самолетов, ничего не видишь. Что тебе семья!.. Другие отцы -- об этом даже в газетах пишут -- денег не щадят, только бы устроить сына или дочь в институт... Знакомства водят с ректорами и деканами, а тут, прости господи, такой отец, что и совета путного единственному ребенку не даст".

Кондрат Кондратьевич, почесывал затылок и помалкивал. Убедить в чем-нибудь жену было для него так же невозможно, как наполнить водой бочку без дна.

За Лизой Капитолина Никифоровна уже не шпионила -- беречь, собственно говоря, было уже нечего, -- но и надежд не теряла. Ведь и сама замуж шла не святой... Решила так: не всяк берет красотой, но зато все берут мошной... Вот везла дочери приданое -- и холодильник и сервант, и шкафы. Пускай знают все в полку, какая богатая невеста у Жбановых!

-- Поаккуратнее! Осторожнее! -- то и дело раздавался ее зычный голос. Она бесцеремонно покрикивала на мужа и солдат, загружавших домашним скарбом уже второй грузовик.

Грузили медленно. Дважды уже посылал подполковник Асинов узнавать, скоро ли они управятся. Пора было сдавать эшелон и ехать домой.

-- Скоро, скоро, -- отмахивалась Капитолина Никифоровна и продолжала командовать разгрузкой.

Только спустя четыре часа колонна тронулась наконец в обратный путь.

В автобусах ехали семьи, у которых были дети. Григорий Байрачный и Биби получили место в крытом грузовике.

Им и здесь было хорошо. Расстелили кожух, сели рядышком,

прижавшись друг к другу.

-- Ой, Гришенька, куда ж это ты меня завез?

-- Туда, куда ты клялась ехать со мной, когда я к тебе сватался: на край света. Помнишь свое обещание?

-- Помню, Гриша, но я не предполагала, что этот край такой холодный.

-- Сожалеешь?

-- Нет, Гришенька. Просто страшновато немного. Я еще никогда не была на таком морозе.

-- Не бойся. В комнате у нас тепло. А красота какая! Поглядишь в окно -- тайга, а деревья -- блестят, посыпанные сверкающим инеем, переливаются в солнечных лучах, будто хрустальные. Я научу тебя топить печь дровами. Еще научу ходить на лыжах. Ты видела лыжи?

-- На фотографиях и в кино. А так -- нет.

-- И на коньках научу кататься. Мы знаешь что задумали? Оборудовать в городке каток. Площадку такую ледяную. Название даже придумали -- "ледяная Венеция". На столбах будут электрические лампочки. Музыка будет играть. Я уже заказал для тебя и для себя коньки. Скоро их привезет из города здешний начальник клуба старшина Бабаян.

-- А сумею ли я? -- робко спрашивала Биби.

-- Научишься!

-- А если упаду и голову разобью?

-- Не упадешь. У нас на Украине коровы и те катаются.

-- Ну, Гришенька...

-- Не сердись. Я сам не раз видел корову на льду...

-- Будет тебе, Гришенька.

Биби прильнула к мужу и опустила голову ему на грудь.

-- Гришенька, мне стыдно тебе признаться... но я очень хочу, чтобы у нас был сын... Такой же, как у Дроздовых Вовка. Вера Иосифовна говорит, что он до того шкодливый и вредный... Я и хочу такого шкодливого. А ты, Гришенька?

Байрачный молча обнял ее.

-- Только я боюсь... что отец твой на это скажет? Ведь он называет меня в письмах туркеней... Все спрашивает, что у тебя там за туркеня завелась?

-- Не беспокойся, Биби. Отец у нас чудесный. Да и не с отцом тебе жить, а со мной.

-- А ты осторожно летаешь, Гришенька? И ночью тоже летаешь?

-- Летаю.

-- А я боюсь за тебя. Вот когда ты выбросился с парашютом в горах... помнишь, в Каракумах?.. Я ведь чуть с ума не сошла. И

еще говорят, что здесь чужие самолеты летают. И что Телюков будто бы сбил одного. Это правда?

-- Правда, Биби.

-- Но ведь те, чужие самолеты, тоже стреляют?

-- Бывает.

-- Так ведь они могут тебя сбить, Гришенька?

-- Меня не собьют! -- уверенно сказал Байрачный, успокаивая жену. -Наш истребитель маленький, врагу в него не попасть. А я тем временем врага сам собью. Бомбардировщик -- вон какой большой. Тут уж не промахнешься.

Какую-то секунду Биби думает, потом опять поднимает к мужу лицо.

-- Говорят, Телюков научился так стрелять, что на большом расстоянии попадает. А ты, Гришенька?

-- И я тоже.

-- Ты не подпускай близко к себе вражеские самолеты, -- советует Биби мужу, а тот счастливо улыбается в темноте.

-- Эх, Биби, Биби, голубка моя сизокрылая!

На столе лежали два конверта, оставленные Челматкиным. На одном Поддубный узнал почерк Лили, а на другом -- руку Семена Петровича.

Оба письма писались еще тогда, когда ни полковник Слива, ни его дочь не знали о перебазировании полка. Лиля обещала приехать на каникулы, а Семен Петрович все читал зятю наставления по поводу рощицы и особенно наказывал ухаживать за вербой, которую привез в Каракумы из далекой Украины.

"Если засохнет вербочка, -- угрожал в письме Семен Петрович, -- то я тебе, щучий сын, уши оторву. Дерево -- это украшение земли, за ним надо ухаживать, как за ребенком".

Поддубный умилялся, читая эти наставления человеку, живущему в тайге.

Лиля половину письма написала по-английски, чтобы скрыть от посторонних глаз свое намерение. А намерение было таково -- написать о капитане Телюкове документальную повесть. "Знаешь, Ваня, меня увлекает его жизнь, его подвиги, -- писала она. -- Мне кажется, что Телюков, несмотря на все свои недостатки, подлинный герой нашего времени. Так бы я и назвала свою будущую повесть, но, к сожалению, меня опередил Лермонтов...

Придется придумать другое название. А повесть я напишу непременно. И не ухмыляйся, пожалуйста. Я знаю, вы, мужчины, думаете о своих женах, что они ни на что не способны, что их удел -- возиться на кухне и ухаживать за детьми. Но это не так. Я уже показывала здесь одному литератору свои заметки, он похвалил. Я окрылена и прошу тебя: собирай для меня все

интересное, что касается Телюкова и его сослуживцев".

Читая письмо, Поддубный действительно посмеивался.

Лиля хочет стать писательницей! Милая... Ей и невдомек, что это, скорее всего, заманчивое увлечение молодости. Ведь и он некогда мечтал о Парнасе, наводняя своими стихами редакции. Их иногда даже печатали, эти корявые стихи. Но вскоре он понял, что хороших не напишет, а плохих произведений и так достаточно.

Но Лиля мечтает не о поэзии, а о прозе, о документальной повести. Пожалуй, она напишет. Письма ее всегда интересны, язык образный. Взгляды на жизнь, правда, несколько романтичны... Но разве это так уж плохо?.. Определенно напишет...

И задумался Поддубный над этим письмом. Мало он знает свою жену. Прожили они вместе, что называется, без году неделю. И если она увлечена образом Телюкова, то, верно, что-нибудь думает о своем благоверном. "Интересно, какой же я в ее воображении?" -- подумал Поддубный и вздохнул. Ему так хотелось, чтобы Лиля была с ним сейчас... Он бы рассказал ей о своем полете в паре с Телюковым, рассказал бы, как Телюков сбил нарушителя и как распался в небе самолет над морем. Выстрел Телюкова -- это удар молнии. Это что-то страшное! Горе врагу, если он встретится с ним в небе!

В штабе соединения, откуда Поддубный только что возвратился, он услышал о космонавтах -- людях, которые первыми подымутся в просторы Вселенной, полетят вокруг Земли, а потом поведут свои корабли к далеким планетам. Об этом Телюков еще не знает. А когда узнает -- обязательно подаст рапорт. Такой ничего не убоится, смело будет путешествовать по сухим морям Луны, поплывет по безбрежным океанам Венеры, по каналам Марса...

Удаль... Но ведь это лишь внешний признак летчика... А загляни поглубже, и ты увидишь в Телюкове революционную романтику нашего народа, угадаешь в нем достойного потомка Павки Корчагина.

Правда, бывает, что споткнется он (и не столь уж редко), оступится, сваляет дурака... Не избежал в свое время Телюков и гауптвахты... Но нельзя за всем этим не видеть в человеке хорошее, тем более в молодом. А если видишь это хорошее, легче наставить и вывести его на правильный путь.

Невольно Поддубный подумал о Телюкове так, будто сам собирался писать о нем повесть. Он любил его любовью командира, старшего товарища, боевого друга.

Вложив письмо в конверт, Поддубный подошел к замерзшему

окну. К стеклам приник мрак. Стояла темная и холодная ночь.

Вдруг у подъезда кто-то посветил фонариком, хлопнула входная дверь, раздались неторопливые шаги. Вошел Рожнов.

-- Хоть бы вы, Иван Васильевич, как следует отругали меня, старого дурака, -- закивал бородой Сидор Павлович.

-- Скажите, за что, может быть, и отругаю.

-- Нам бы послать с колонной радиостанцию, так мы теперь знали бы, где плутает эта колонна. Говорят, в горах произошел снежный обвал, завалило дорогу. Так мы женщин и детей обморозим...

-- Обвал? Где именно? Далеко отсюда?

-- Приблизительно на полпути.

-- Это плохо! -- Поддубный зашагал по комнате. -- Пошлите немедленно бульдозер или что-нибудь...

-- Бульдозер послал, как только услышал про обвал. Но до сих пор ни слуху ни духу. По моим расчетам колонна уже должна прибыть. А ее нет как нет.

Поспешно одевшись, Поддубный с Рожновым вышли во двор.

Залаяли собаки и мгновенно устремились туда, где находились склады.

-- Волка учуяли, -- предположил Сидор Павлович. -- Частенько, разбойник, наведывается... Медведи залегли, а волки бродят, мясо чуют. Вот Рыцарь и повел свою четвероногую братию.

Оба командира поспешили к штабу, где стоял "газик". И внезапно остановились: ночную тишину распорол грохот самолета. Затарахтело и засвистело над тайгой, загремело в горах, будто гром ударил. Постепенно грохот начал затихать, и уже совсем издалека, со стороны моря, доносился только тяжелый металлический гул.

Самолет-перехватчик набирал высоту.

-- Встречайте колонну, а я узнаю, что там такое, -- сказал Поддубный Сидору Павловичу и вошел в штаб.

С КП доложили: вблизи государственной границы "Краб" засек чужой самолет. На рубеж перехвата пошел 777-й -- капитан Телюков.

Несколько минут спустя КП дивизии поднял в воздух капитана Махарадзе.

Поддубный сел в дежурную машину, помчался на аэродром. Там уже сидела вторая пара истребителей в готовности номер один.

И вдруг -- отбой. Телюков и Махарадзе получили распоряжение возвращаться на аэродром. Чужой самолет, пройдя вблизи границы, повернул назад. Обычное явление. Одно лишь

было необычным: в горах снова подавал сигналы неведомый радиопередатчик. По данным последнего пеленгования, он находился на расстоянии шестидесяти километров от аэродрома. На таком расстоянии радист-шпион мог и не слышать взлетающего перехватчика и, таким образом, не предупредил, очевидно, экипаж чужого самолета.

Было во всем этом что-то загадочное. Тем более что в районе, где действовал радиопередатчик, на карте не значилось ни одного населенного пункта.

Тем временем в городок прибыла колонна.

Расторопный и ловкий Челматкин "организовал" шоферов и с их помощью тащил Лилино пианино на второй этаж. Всю дорогу от Кизыл-Калы до Холодного Перевала он наблюдал за вещами командира полка, сам ведал их погрузкой и разгрузкой. Эта работа нисколько не утруждала солдата. Он считал себя своим человеком в семье командира полка, а на Лилю смотрел как на старшую сестру. Он мог когда угодно зайти в квартиру командира и чувствовал себя там как дома. И Поддубный знал: Челматкин -- честнейший человек; не полезет туда, куда не следует, не возьмет того, чего нельзя брать.

Одно лишь не нравилось Поддубному в Челматкине -- это его стремление угодить начальнику. Боясь, что ему привьются дурные навыки, командир полка часто заводил с ним разговор о человеческом достоинстве, о взаимоотношениях в армии между начальником и подчиненным. И если он и возложил на шофера заботы о своих вещах, то лишь потому, что иного выхода не было. Командир авиационного полка -- это прежде всего летчик. Даже зубную щетку не разрешается летчику брать с собой в кабину. Следовательно, если у командира нет жены, то кто-нибудь же должен присматривать за его хозяйством во время перебазирования! Тут уж ничего не поделаешь!

Убедившись в том, что Челматкин действует по-хозяйски и в указаниях не нуждается, Поддубный решил проведать семейных офицеров, посмотреть, как они устраиваются, и узнать, все ли довольны жильем. Посещение квартир офицеров он считал своим служебным долгом. Ведь летчик живет в семье, и от того, какие у него отношения с семьей, во многом зависит успех по службе. И не одну офицерскую семью сохранил он от распада своим вмешательством.

Прежде всего командир полка решил зайти к капитану Маркову -- отцу четырех малолетних дочерей и мужу больной жены.

Капитан Марков занимал квартиру на втором этаже первого подъезда. В тот момент, когда Поддубный поднимался по

лестнице, его неожиданно перехватила Вера Иосифовна.

-- Обходите нас, командир? -- в шутливом тоне, но с ноткой обиды в голосе спросила она. На лестнице было темно. Вера Иосифовна неожиданно обняла Поддубного за шею, прижалась к нему и осыпала горячими поцелуями.

-- Ох, соскучилась! -- трепетно вздохнула она.

-- Вы что, Вера Иосифовна, не ошиблись часом? -- пробормотал он.

-- Чш-ш...

-- А где Степан Михайлович?

-- С Вовкой возится. Сын для него -- это все. Да зайдите же к нам хоть на минутку! -- Она крепко схватила его за руку и потащила к себе в квартиру.

"Вот сумасшедшая!" -- Поддубному вся кровь бросилась к голову, так ему было неловко и неприятно.

Вера Иосифовна тем временем окликнула мужа:

-- Погляди, Степа, кого я поймала на лестнице. Чурается нас, ни за что идти не хотел. Приглашаю на новоселье, а он упирается, как некое животное...

Дроздов, играя с сыном, ползал по полу, подбрасывая на спине Вовку и изображая из себя лошадь. Увидев командира, поднялся, извинился.

-- Кто это там дразнит наших? -- спросил он, имея в виду вылет двух перехватчиков.

-- Известно кто. Тот, кого вы из рук выпустили.

-- Было нарушение границы?

-- Нет, до этого не дошло.

Поддубный, разговаривая с Дроздовым, старался не смотреть на Веру Иосифовну. А той хоть бы что! Юлой крутилась перед ним, пышная ее прическа так и мелькала... "Ой, Степан Михайлович, не зевай, а то наставит тебе женушка рога..." -- подумал Поддубный.

-- Вы, Иван Васильевич, как будто помолодели и посвежели здесь, -- не унималась Вера Иосифовна, бросая на Поддубного кокетливые дразнящие взгляды. -- Да, похорошели и помолодели. Видно, на пользу вам холостяцкое житье!

-- Да и ты, мамочка, не того... -- заметил Дроздов и повернулся к Поддубному. -- Посмотрите только, что делают чудеса химии...

Только сейчас командир обратил внимание на то, что Вера Иосифовна уже не светловолосая блондинка, какой была раньше, а самая настоящая Кармен.

-- О, да вы обновились! Прямо как чудотворная икона... А я и не заметил, -- сказал он насмешливо, скрывая свое смущение, и

провел ладонью по щеке -- не осталось ли на ней следов помады...

-- Прическа "фантазия"! -- с артистическим жестом воскликнул Дроздов. -- Последний крик моды. А ля Париж.

-- Смейтесь, черти языкатые! -- Вера Иосифовна схватила швабру и ринулась в атаку на мужчин. -- Не для себя же мы, женщины, стараемся красоту наводить, а для вас, черти полосатые! А ну спасайтесь!

Вовка сперва не разобрал, в чем дело, а потом, сообразив, рассыпался звонким смехом.

-- Чудотворная икона! Ха-ха! Чудотворная икона!

-- А тебе чего, сорванец ты этакий! -- напустилась на мальчика Вера Иосифовна. -- Если бы вы знали, Иван Васильевич, до чего он вредный, этот мальчишка! Что он вытворял в дороге -- трудно себе даже вообразить! Ох, намучилась я с ним, не приведи бог! -- и Вера Иосифовна, жеманясь, закатила глаза и глубоко вздохнула.

Дроздовы были простые, веселые люди. С ними шути сколько угодно, никто не обидится. И Поддубный любил проводить свой досуг в этой семье. Но сегодня он никак не мог отделаться от неприятного ощущения, вызванного нелепыми поцелуями Веры Иосифовны и этим ее "ох, соскучилась!", сказанным столь недвусмысленным шепотом. Он очень неловко чувствовал себя перед Дроздовым, будто виноват был в чем-то, и поспешил ретироваться:

-- Простите, добрые люди, но мне еще нужно кое к кому зайти.

-- Убегаете? -- съязвила Вера Иосифовна.

-- Приходится, -- многозначительно ответил командир, затворяя за собой дверь.

-- Ну, раз вы уходите, -- крикнула ему вдогонку Вера Иосифовна, -- то можете и не возвращаться. Я обиделась. Понятно?

Поддубный ничего не ответил.

Капитан Марков все еще возился с багажом, проталкивая в дверь какой-то тяжелый, обшитый мешковиной ящик. Поддубный подсобил ему, затем помог внести швейную машину.

-- Ну, как будто все, -- капитан провел рукавом тужурки по взмокшему лбу. -- Спасибо за помощь, товарищ подполковник.

Его маленькие дочери уже спали. Жена была в спальне. Но, услышав в передней голоса, выглянула из-за двери, прикрывая полами халата округлый живот.

-- С приездом, Лина Трофимовна! -- поздоровался Поддубный. -- Как вы себя чувствуете? Как дочери?

-- Ничего, спасибо, -- ответила женщина. -- Но объясните мне,

за какие грехи привезли нас сюда? Мало мы наглотались в пустыне песка, что нас сюда на трескучий мороз...

Она напряженно смотрела на Поддубного сквозь очки, одно из стекол которого пересекала трещина. Казалось, вот-вот женщина заплачет.

-- Успокойтесь, Лина Трофимовна. Не так уж тут плохо, как вы думаете, а если уж нас послали сюда, то, значит, мы здесь нужны.

Лина Трофимовна была миловидная женщина, но характером нервная и злая.

-- Лучше бы отправили сюда тех, кто вдоволь насладился театрами, концертами, телевизорами. А то -- нет! Из песчаной пустыни да в снежную! Хорошо?!

-- Лина, перестань, -- прервал ее Марков.

-- А ты молчи! -- напустилась она на мужа. -- Тебе что? Сел на свой самолет и полетел. Тебя и накормят, и оденут, и спать уложат. А я?.. Ну где, скажи пожалуйста, я возьму молоко для детей? Опять сухим или сгущенным пусть питаются?

-- Будет молоко, Лина Трофимовна, -- сказал Поддубный. -- Здесь есть свое хозяйство, коровы. Все семьи, у которых маленькие дети, будут получать молоко. Овощи тоже есть. Поднажмем на военторг -- все будет.

Эти слова заметно успокоили женщину, и она немного остыла.

-- Ну, если так, тогда еще ничего.

-- Так, Лина Трофимовна. Не беспокойтесь. Все будет в порядке. А пока будьте здоровы. Отдыхайте с дороги и не расстраивайтесь.

-- Спасибо, что наведали.

Командиру полка сделалось как-то хорошо и легко. Вот ведь ничего особенного не сделал он, просто наведался по-дружески, а все же успокоил одну семью. Уже не нужно будет летчику что-то доказывать жене, убеждать ее и оправдываться перед ней.

Напротив, через площадку, была квартира начштаба полка. У этого офицера дети взрослые: сын учится в институте, а дочь -- в техникуме. И командир полка прошел мимо этой квартиры. А если б вошел, то увидел бы довольно любопытную картину: подполковник Асинов сидел на стуле, закатав до колен штаны, а жена его -- пожилая, элегантная дама -- натирала снегом ноги своего мужа. Боком выходили хромовые сапожки...

Обходя квартиры, Поддубный вдруг услышал за одной из дверей шум, возгласы, смех. Чей-то тенорок силился вытянуть басом:

-- П-о-стой, выпьем, ей-богу, еще...

А другой мужской голос подтягивал невпопад:

Без-е-здель-ник, кто с на-ми не пьет!

Очевидно, справляли новоселье. Поддубный вынул из кармана фонарик. Снопик света выхватил из тьмы цифру "29" на двери. Это была квартира лейтенанта Байрачного. Все ясно: собрались молодые летчики, они всегда держатся вместе. "Видать, уже набрались как следует! -- зло подумал Поддубный. -- А ведь завтра у них дневные учебные полеты... И где пьют! В квартире секретаря комсомольского комитета!"

Командир полка решительно постучал. На стук вышла Биби.

-- О-о, товарищ подполковник! Входите, входите, пожалуйста! -пригласила она гостеприимно.

На столе стояли две бутылки вина и сковородка с поджаренным салом. Одна бутылка уже опорожнена, а во второй осталась половина. Застигнутые врасплох Байрачный захлопал глазами, как бы не узнавая командира. Скиба, смутившись, покраснел как рак. А Калашников, которому все было нипочем в этой "вонючей дыре", как он выражался, лениво ковырял вилкой в сковородке.

-- Здравия желаю, товарищи офицеры! -- отчеканил командир. -- Это вы так к полетам готовитесь?

-- Майор Дроздов отменил полеты по случаю того, что мы не прошли предварительной подготовки. -- Байрачный поднялся со стула и стоял, мигая осоловевшими глазами.

-- Так вы на радостях решили напиться до риз?

-- Да нет... просто... просто маленькое новоселье. Друзья пришли проведать...

Метнувшись мотыльком, Биби пододвинула к столу стул, поставила рюмку и прибор.

-- Товарищ подполковник, пожалуйста! -- Биби добродушно улыбалась, искренне недоумевая, почему это ее Гришенька так вытянулся, стоя за столом, ведь он не в строю, а дома.

-- Спасибо, Биби, -- сказал Поддубный и пожалел, что зашел. Негоже читать офицеру мораль в присутствии его жены, негоже и отказываться от приглашения -- хозяйка обидится.

-- Так вы говорите, полетов не будет? -- спросил командир Байрачного.

-- Не будет.

-- Садитесь.

-- А вы?.. -- Биби взглянула на командира жалобными глазами. -- А вы... товарищ подполковник, не накажете за это Гришу? Я ведь говорила ребятам: пейте, только не шумите... так разве ж они соображают? -- Она готова была заплакать.

Как ни был возмущен Поддубный, все же ему пришлось сесть

за стол. Он отложил до завтрашнего дня разговор с этими легкомысленными юнцами...

Байрачный наполнил рюмку командира.

-- Против обычая как пойдешь? -- сказал он. -- Новоселье -- это новоселье. Никуда не денешься. А я, кроме того, промерз в дороге. Сам бог, как говорится, велел душу согреть. И товарищи мои... А как же иначе...

"Мели, мели, завтра я тебя согрею!" -- мысленно посулил ему Поддубный. Выпив полрюмки, он закусил, посидел еще немного и, пожелав компании спокойной ночи, ушел.

Закрывая за собой дверь, он услышал обнадеживающий голосок Биби:

-- Ну, ребята, если и командир выпил, то вам нечего бояться.

"Ишь ты! Наивная, наивная, а соображает, что к чему", -- невольно усмехнувшись, подумал Поддубный.

На дворе все уже управились со своими грузами. Только Жбановы еще суетились возле грузовика. То и дело гремело зычное контральто Капитолины Никифоровны:

-- Осторожнее, осторожнее, идолы!

Возле грузовика, подсвечивая фонариком, стояла толстая, неповоротливая Лиза.

Было поздно, и Поддубный пошел домой. Челматкин дремал возле печки на разостланном на полу кожухе. В казарме для него не оказалось свободной кровати.

-- Вы б легли на диване, -- сказал подполковник.

-- Ничего. Я по-фронтовому приучаюсь.

Поддубный развязал узел, достал солдату подушку, простыню, одеяло.

-- Ложитесь, Челматкин, на диване. И раздевайтесь без стеснения. Женщин тут нет.

-- Спасибо, товарищ подполковник.

Совершив напрасную прогулку в воздухе, капитан Телюков приказал авиационным специалистам немедленно дозаправить самолет горючим, воздухом и кислородом и, попыхивая папиросой, отправился к дежурному домику. Там, на ступеньках, ведущих в подземелье, его дожидался капитан Махарадзе, приземлившийся несколькими минутами раньше.

-- Ну, Филипп Кондратьевич, когда будем свадьбу справлять? -неожиданно спросил Махарадзе.

-- Ты что? Сдурел?

-- Давно. Четыре года как сдурел. А ты куда собираешься? Ведь она только что уехала. Понимаешь? Вылез я из кабины самолета, а она ко мне, взволнованная, взбудораженная. "Вернулся?" -- спрашивает нежно. "Вернулся", -- отвечаю. Тут

только она поняла, что это не ты, а я, быстро убежала, села в машину и уехала. Ну, что ты теперь скажешь? Любит она тебя или не любит?

-- Иди ты к черту, Вано!

-- Нет, ты скажи, когда будет свадьба? Неужели ты действительно решил только приволокнуться? Так я тебе скажу, не голова у тебя, а котел. Такая девушка... Эх, Филипп, ничего ты не понимаешь...

-- А ты не шутишь, Вано? -- помолчав, серьезно спросил Телюков.

-- И не думаю. Сегодня опять напишу своей жене, пускай готовит скорее посылку. И "Букет Абхазии" чтоб на забыла положить...

-- Да погоди, я же серьезно...

-- Эх ты, бестия! Такая девушка, а он еще спрашивает, он еще думает! Вай-вай! Была бы эта Нина моей сестрой, я, не думая, пересчитал бы тебе ребра!..

Телюков вошел в дежурный домик, дружески положил руку на плечо радисту-телефонисту Исимбаеву.

-- Ну, что там слышно?

-- Ничего, товарищ капитан. Чужой самолет ушел, в воздухе спокойно.

-- Значит, и вздремнуть не возбраняется?

-- Не возбраняется, товарищ капитан.

-- Ну, если так... -- Телюков навзничь повалился на кровать и закрыл глаза газетой. Услышав, что рядом на кровать лег Махарадзе, сказал ему:

-- Пиши, Вано, жене. Пусть не забудет прислать "Букет Абхазии".

-- Правда? Дай руку, друг!

Телюков молча протянул ему руку.

Глава шестая

Лейтенант Байрачный вертелся как белка в колесе. Бедняга даже осунулся за последнее время: щеки ввалились, а вздернутый нос заострился. Что говорить, нелегко быть летчиком, и секретарем комсомольской организации одновременно. В течение недели приходилось два дня дежурить и две ночи летать, овладевая слепыми полетами. Заседания комитета, собрания, совещания -- все это большей частью падало на вечер. Даже собрать членов комитета и то было не так просто в условиях авиационного полка. Один дежурит днем, другой ночью, третий обслуживает полеты, четвертый летает, если не сидит где-нибудь на запасном аэродроме в плену у непогоды.

Много хлопот доставляла Байрачному затея с "Ледяной

Венецией". Начальник клуба старшина Бабаян оказался человеком неповоротливым и безынициативным. Скажешь -- сделает, а не скажешь -- и так сойдет. Да и командование, к сожалению, равнодушно отнеслось к идее создания "Ледяной Венеции". Тыловики, старый скопидон, пожалел крайне необходимый для расчистки площадки бульдозер. Пришлось расчищать вручную.

Часто Байрачный, вернувшись с аэродрома или из учебного класса, бросал на лету клич: "А ну, комсомольцы, за лопаты!" -- и сам первый выбегал на площадку. Таким путем работа хотя и медленно, но все же подвигалась вперед.

Официальное открытие "Ледяной Венеции" намечалось на 23 февраля -- День Советской Армии. В этот праздничный день каток и открылся. Собралось очень много людей, главным образом молодежи.

К вечеру, после торжественного собрания, на площадке, освещенной догорающей вечерней зарей, вспыхнули вдруг разноцветные огни, загремели звуки духового оркестра, приглашая на каток жителей авиационного городка. И по свежему, блестящему как зеркало льду заскользили первые конькобежцы.

Байрачный был просто счастлив.

-- Вот что такое комсомольская инициатива! -- восклицал он радостно, обращаясь к товарищам. -- Это же великое дело, друзья!

Нина обещала прийти сразу после ужина, и Телюков с волнением ждал ее, скользя по гладкому льду катка. Его душа была полна какого-то непостижимого ощущения -- слияния радости с робостью, предчувствия чего-то очень важного, что обязательно должно произойти в этот неповторимо прекрасный вечер. Нина любила его, он чувствовал это душой. Любовь сломила и унесла ее гордость. Так весенний разлив сокрушает, ломает и уносит льдины. После некоторого колебания она согласилась взять от него подарок -- ботинки с коньками. "Большое спасибо", -- сказала она смущенно, завернула подарок в газету и прижала -- это хорошо видел Телюков -- сверток к сердцу.

Ему приятно было сознавать, что Нина избрала именно его, хотя в полку многие молодые офицеры засматривались на эту красивую, обаятельную девушку. Он уже не сомневался в том, что Нина рано или поздно станет его женой. И в то же время его радость омрачалась какой-то тайной, окружавшей эту таежную девушку. Кто она и откуда? Что привело ее в этот военный городок и заставило стать официанткой? Она упорно об этом не говорила ни слова.

Они встречались теперь не только в столовой и в дежурном домике, но и в других местах, большей частью в тайге, совершая

дальние и короткие, смотря по обстоятельствам, лыжные прогулки. На лыжах Нина чувствовала себя как рыба в воде. Случалось, они забирались в такие дебри, куда, казалось, не ступала нога человека.

Во время этих прогулок Нина умела шутить и смеяться, позволяла обнять себя, но стоило Телюкову заикнуться о своем чувстве или что-либо спросить о ее житье-бытье или о семье, как она настораживалась, уходила в себя, становилась печальной и раздраженной. Боясь окончательно испортить девушке настроение, он умолкал и переводил разговор на другую тему.

Однажды они возвращались с прогулки поздно ночью. Над вершинами гор ярко сияла луна, было очень тихо, лес стоял сказочно-красивый. Телюков, грея Нине руки в своих руках, спросил:

-- Ты веришь мне?

-- Верю, -- ответила Нина не раздумывая.

-- Почему же ты не хочешь услышать от меня слово "люблю"? Разве это плохое слово? И разве парни не говорят его девушкам?

-- Ты причиняешь мне этим словом ужасную боль.

-- Но почему же, скажи?

Нина задумалась, помрачнела.

-- Потому, -- сказала она с трудом, -- что пройдет очень мало времени и ты... уйдешь от меня.

Телюков остановился в искреннем недоумении.

-- Я? -- протянул он непонимающе.

-- Да, ты. Ты уйдешь от меня, -- повторила Нина упрямо.

-- Это более чем странно.

-- Бросишь, как только узнаешь обо мне все.

-- Ты в этом так уверена...

-- Безусловно.

-- Но почему? Я... конечно, иногда бываю несдержан, груб... Вот и тогда ни с того ни с сего брякнул: "Идем ко мне". Вышло как-то оскорбительно для тебя. Я то все понимаю. Но и ты должна меня понять...

Нина неожиданно разрыдалась.

-- Успокойся, перестань, -- старался успокоить девушку Телюков.

Справившись с собой, она сказала:

-- Ты повремени немного. Я подумаю. При следующей встрече обо всем расскажу.

-- А ты успокойся и говори сейчас. Ну зачем так мучить себя и меня?

-- Нет, нет, я потом...

Это "потом" должно было произойти сегодня. Вот почему с

таким душевным трепетом и непостижимым внутренним волнением ждал Телюков встречи с иной.

Все более людей становилось на катке. Один вальс сменялся другим. Кружились пары -- кто на коньках, а кто просто так. Посыпался снег, и вокруг стало как в сказке. Освещенные огнями деревья казались пышными и нарядными.

В стороне, неуклюже переставляя ноги, прошла на коньках Лиза Жбанова. Во избежание нежелательной встречи Телюков спрятался в тени густой пихты.

Оркестр замолчал. Из громкоговорителей, развешанных на деревьях, донесся голос лейтенанта Байрачного:

-- Начинается аттракцион. Желающие могут выиграть духи, одеколон, губную помаду, лак для ногтей, крем и прочее, прикрывающее природные дефекты, если они, конечно, имеются.

На льду установили из двух кольев ворота, натянули между ними шнурок, а к шнурку привесили на нитках кульки с призами. Напротив "ворот" выстроились желающие участвовать в аттракционе. Предлагалось на определенном расстоянии въехать в ворота с завязанными глазами и сразу же срезать ножницами кулек.

-- Ну, кто первый?

Вызвалась Лиза Жбанова. После нескольких поворотов на месте она потеряла ориентировку и заскользила в противоположную от ворот сторону.

-- Не туда! -- послышались голоса.

-- Заворачивай вправо.

-- Давай на сто восемьдесят!

Лиза, окончательно запутавшись, сорвала с глаз повязку под дружный хохот присутствующих.

-- Номер не прошел. Кто следующий? -- объявил Байрачный.

В этот момент к Телюкову подлетел Вовка Дроздов.

-- Папа дежурит на аэродроме, -- сказал он, подозрительно озираясь. -Вы, дяденька, спрячьте меня.

-- От кого?

-- Мама...

За мальчиком бежала Вера Иосифовна.

-- Ну погоди, сорванец, вот я тебе задам...

О Вовкиных проказах по городку ходили легенды. Не было дня, чтобы он чего-нибудь не выкинул. Уже два раза чуть ли не всем полком искали его в тайге -- ушел ловить белку.

-- Ну, говори. Что ты напроказничал? -- спросил Телюков как можно строже и взял мальчика на руки.

-- Ничего. Прогоните маму.

-- И тебе не совестно так говорить? -- спросила подоспевшая

Вера Иосифовна.

-- А чего ты не пускаешь меня в Венецию?

-- Спать пора, а не по каткам разгуливать. Марш!

-- Да пускай мальчик погуляет, -- попробовал заступиться Телюков.

-- Поздно уже. Домой пора. -- Вера Иосифовна схватила Вову за руку и потащила домой.

Игра продолжалась. А Нины все не было. Телюков собрался было идти на розыски, как вдруг -- это было уже в одиннадцатом часу вечера -- за деревьями мелькнул ее красный костюм. Она прошлась на коньках, стройная и гибкая. На какое-то мгновение затерялась в толпе, потом снова показалась уже в другом конце катка. Телюков подкатил к ней, поймал за руку.

-- Добрый вечер, Нина.

Она повернулась к нему, ласково улыбаясь.

-- Где ты так задержалась?

-- А как ты думаешь?

Он почувствовал сквозь перчатку тепло ее руки, и это тепло волнами растекалось по всему телу.

-- Ну а как там на аэродроме? -- спросил Телюков, не находя других слов.

-- Как всегда. Сидят в землянке. Дроздов и Махарадзе играют в шахматы, а командир полка письмо все читает да перечитывает... Жена прислала. Говорят, очень красивая у него жена, молодая, студентка...

Упоминание о Лиле неприятно отозвалось в сердце Телюкова.

-- Говорят, что на вербе груши растут, -- произнес он, стараясь скрыть невольное раздражение.

-- Нет, нет, она действительно хороша. -- Нина, словно нарочно, дразнила его. -- Я видела ее фотографию. У подполковника. Сидит, ужинает, а сам на фото все посматривает. Очень, наверное, любит ее. Боже, а как я мечтала об институте, -- вздохнула она. -- Геологом хотела стать. А теперь, видишь, посуду мою...

-- Пойдем, Нина, -- прервал ее Телюков.

-- Куда?

-- Не бойся, не ко мне. Покатаемся.

Они взялись за руки, прошлись по площадке и, не сговариваясь, остановились под пихтой, где Телюков прятался от Лизы. В ветвях висела синяя лампочка, и в этом призрачном свете Нина выглядела очень бледной, резко обозначились черные тени под глазами.

-- Плохое настроение, Ниночка?

Нина смахнула снежинку с ресницы.

-- Да, неважное... Иногда думаешь... накинуть бы петлю на шею. Легкая смерть, говорят...

-- Нина, опомнись, ну что ты говоришь, Нина...

-- Ах, милый, если бы ты знал! -- Она внезапно упала ему на грудь и заплакала.

-- Ну вот, Ниночка... Ну что ты, успокойся...

Девушка подняла полные слез глаза и тоскливо посмотрела на Телюкова. Слезы и этот застывший взгляд Телюков понял по-своему.

-- Успокойся, Ниночка... Я никогда ни одним словом не упрекну тебя... Никогда не коснусь твоего прошлого, слышишь? -- Он поцеловал ее, почувствовав на губах солоноватый привкус слез.

Она печально улыбнулась:

-- Ты добрый. Я тебе верю... Но это совсем не то, что ты думаешь...

-- А что же, Нина?

Она промолчала.

Над городком ярко вспыхнуло небо. Рассыпаясь разноцветными огоньками, с шипением взвилась ракета. Это лейтенант Байрачный "делал световой эффект".

-- Ой! До чего ж красиво! -- с детским восхищением воскликнула Нина. -Сколько живу в тайге, а такого еще не видела. Чудесные вы люди, летчики!

-- Ну, вот видишь, конечно же, чудесные! А ты почему-то боишься сказать мне... Но сегодня ты должна это сделать. Мне нужно знать о тебе все. Ты помни одно, твердо помни: разделенное горе -- половина горя.

-- Ого, ты уже заговорил тоном приказа... Я даже побаиваюсь тебя... Нет, нет... Ты не оставишь меня? Ну, говори, говори же! -- Она снова всхлипнула и задрожала как в лихорадке.

"Ее гложет какая-то страшная тайна, которая заставляет ее страдать!" -подумал Телюков, чувствуя себя беспомощным и растерянным. Он что-то говорил, должно быть, наивное и глупое, в нем как бы смешались мысли и чувства. Но вот в голове начало проясняться. Он понял одно: перед ним девушка, мимо которой он уже не может пройти равнодушно. Она прочно вошла в его жизнь, с ним связаны ее надежды, ее будущее.

-- Пойдем, Ниночка, домой, -- сказал он просто. -- Все равно это неизбежно.

-- Ну что ж, пойдем, -- неожиданно согласилась она.

Они пошли к коттеджу напрямик. Медленно поднялись по лестнице на второй этаж. Вошли в комнату, сняли ботинки с коньками. Телюков протянул Нине свои домашние туфли, а сам

сунул ноги в унты.

-- Ну, вот я и у тебя, -- как-то болезненно улыбнулась Нина. -Пришла... Странно все это. Ты ведь, по сути, чужой мне человек. А я -дурочка... Нет, я сейчас уйду. Я не хочу причинять тебе боль... Прощай. -Она говорила отрывисто, возбужденно и, как была в туфлях, так и устремилась к двери.

-- Нина! -- Телюков обнял ее за плечи, повернул к себе лицом. -- Нина, голубка моя, что с тобой? Я просто боюсь за тебя. Ты еще что-нибудь выкинешь... Не пущу я тебя никуда!

Она смотрела на него глазами, полными печали. По бледным щекам катились чистые как роса слезы.

-- Пусти, -- словно выдохнула она, не сводя с него глаз.

-- Не пущу. Не пущу, потому, что... люблю. Люблю тебя, Нина, ты слышишь?

-- А это для меня? -- она перевела взгляд на стол, где приготовлена была бутылка шампанского.

-- Да, для тебя.

-- Значит, ты знал, что я приду?

-- Знал.

-- Спрячь. Я не хочу.

-- А ты не убежишь?

-- Нет.

-- Это правда?

-- Разве что сам прогонишь.

-- Зачем ты так говоришь, Нина?

-- Не прогонишь? Никогда?

-- Глупая, -- он привлек ее к себе. -- Ты теперь моя. Навсегда, слышишь? А бутылку я спрячу. Я не думал, что она огорчит тебя. Мне казалось, так будет торжественнее. К тому же сегодня праздник. Я хочу, чтобы тебе было сегодня очень весело.

Телюков хотел убрать шампанское, но Нина остановила его.

-- Пусть будет, как ты хотел. Оно хорошее, это шампанское? Я никогда не пробовала... А ну-ка, налей.

-- Ну вот, давно бы так, -- обрадовался Телюков, откупорил бутылку, наполнил бокалы.

-- Ну, Нина!..

Дрожащей рукой она взяла бокал, подняла, потом снова поставила. Потом опять взяла, вздрогнула и, не чокнувшись, начала поспешно и неумело глотать шампанское.

-- Ну, вот и все! -- как-то неестественно улыбнулась Нина.

Телюков протянул ей плитку шоколада.

Щеки девушки слегка порозовели.

Утром Телюкова разбудил телефонный звонок. Он вскочил с постели, думая, что его срочно вызывают на аэродром. Но это

звонил телефонист станции -проверял связь.

Нина не проснулась, только повернулась на другой бок. Густые волосы рассыпались по голым плечам.

В комнате было прохладно, и Телюков, поправив на Нине одеяло, начал растапливать печь, бесшумно ступая по холодному полу.

Он то и дело поглядывал на Нину, и какое-то удивительное чувство захлестывало его. Еще вчера он был один, а сегодня... Нина, Ниночка, вот кто оказался его суженой. Она будет провожать его на полеты и встречать после приземления, как делают другие жены летчиков. А если ему, Телюкову, посчастливится поступить в академию и они переедут в Москву, Нина тоже пойдет учиться. Лучше всего было бы для нее стать метеорологом. Такая специальность дала бы им возможность работать вместе.

Но это в будущем, а пока что он первым делом должен обязательно позаботиться о ее внешнем виде. Старя потертая волчья доха, стоптанные боты, в которых ежевечерне выезжала на аэродром, -- все это надо немедленно выбросить!

Внезапно ему показалось, что он жестоко обидел ее, поступив по отношению к ней, как грубое животное, воспользовавшись тем тяжелым положением, в котором оказалась эта прелестная девушка. И быть может, вовсе не любовь, а трудные обстоятельства привели Нину в объятия летчика, у которого, конечно, карманы не пусты. Как же он не подумал об этом вчера, когда Нина плакала, вела себя так странно и непонятно? Почему он не выпытал у нее признания и объяснения столь странного ее поведения? А может быть, все девушки так...

Нина шевельнулась, подняла голову. Телюков подошел к кровати:

-- Ты не спишь?

-- Кажется, я опоздала на работу.

-- Не беспокойся. Я скажу заведующему, чтобы он поискал кого-нибудь на твое место.

-- Это правда? Ты, значит, твердо решил?..

-- А как же иначе, Нина! Неужели ты не понимаешь, что с такими вещами не шутят?

Нина положила ему на плечи теплые руки.

-- Боже мой! Но ведь ты еще ничего не знаешь, дорогой. Мне еще вчера следовало признаться тебе во всем... Не хватило силы воли. Но теперь я буду мужественной. Ты все должен узнать.

Сердце Телюкова сжалось в каком-то тягостном предчувствии.

-- Дай мне воды, -- попросила Нина. -- Меня что-то жжет...

Она отпила глоток и попыталась взять себя в руки. Тяжело вздохнув, она сложила руки и повела свой рассказ спокойно, как будто рассказывала не о себе, припоминая подробнейшие детали, старалась говорить последовательно.

-- ...Родилась я в семье бакенщика. Каждый вечер мой отец садился в лодку и уплывал зажигать огни. Часто он брал меня с собой. Еще маленькой я научилась плавать и, бывало, на середине реки прыгала в воду и плыла вслед за лодкой.

Я очень любила своего отца, бывшего моряка. Это был мужественный, честный и отважный человек. Он один ходил в тайгу с ружьем и никогда не возвращался без добычи. А однажды ушел и не вернулся. Неделю спустя нашли его растерзанное тело. Говорили -- напоролся на медведя.

Из маленькой избушки, одиноко стоявшей на берегу реки, мы перебрались в село. Там мать вторично вышла замуж за немолодого уже вдовца. Я ходила в школу. Отчим пьянствовал, часто бросался на меня с кулаками. Бил меня, бил мать. Тяжелой и беспросветной была наша жизнь. В конце концов, мать умерла. Вот тут бы мне бросить отчима и найти пристанище в каком-нибудь детском доме, как советовали мне добрые люди. Но я уже перешла в восьмой класс и носилась с одной упорной мечтой: как можно скорее закончить десятилетку и попасть в институт. Да и отчим, который очень постарел к тому времени, снисходительнее и добрее стал относиться ко мне. А если иногда и пытался поднять на меня руку, то я уже умела урезонивать его...

Так судьба, может быть, и улыбнулась бы мне, не приглянись я одному вдовцу. Его звали Антоном. Это было мерзкое и распутное подобие человека. Подонок. Он преследовал меня, ходил за мной по пятам. То упадет на колени передо мной, то неожиданно выскочит из-за кустов и схватит меня, как зверь... Я отбивалась от него, а чаще спасалась бегством: ходила я в школу на лыжах, а на лыжах меня и ветер не догонит...

Убедившись в том, что меня не возьмешь ни добром, ни силой, Антон изменил тактику -- начал подмазываться к отчиму, чтобы с его помощью сломить мое упорство. Он спаивал его, сулил заботиться и кормить до конца дней. Это было для отчима очень заманчиво, и он стал просить меня выйти за Антона замуж. Я, конечно, и слушать его не хотела... Но не подозревала, что он давно уже пропил меня Антону...

Однажды -- это было в начале нынешней зимы, я училась уже в десятом классе -- отчим предложил пойти с ним на охоту. "Пойдем, дочка, в тайгу, -сказал он. -- Авось посчастливится дикую козу убить. Одному мне уже не под силу, хворь одолела... А ты поможешь мне добыть мяса".

Я согласилась. Ведь отчим все-таки кормил меня.

И вот мы, прихватив ружья и капканы, тронулись в путь. Далеко за горами, покрытыми хвойными лесами, стояла охотничья хижина; мы должны были переночевать в ней, а наутро отправиться дальше через непролазные чащобы. Там, по словам отчима, водились козы. По крайней мере, прежде он часто охотился в тех местах и всегда возвращался с добычей.

Шли мы целый день. Я -- впереди, прокладывая лыжню, а отчим -- за мной. Когда сгустились сумерки, повалил снег -- густой, лапчатый. Небо, тайга, горы -- все смешалось в сплошную белесоватую кашицу. Отчим, однако, уверенно направлял меня. В пути и ночь застала нас. Пробираясь меж деревьев, я вдруг уловила запах дыма.

Меня охватило смутное беспокойство. Дым в тайге -- это признак присутствия человека. Кто же этот человек? Правда, там мог находиться и совсем посторонний. Но я почему-то подумала об Антоне. И хижина, которую мы вскоре увидели, показалась мне западней.

В маленьком оконце тускло теплился огонек. "Кто там? -- спросила я отчима. -- Не Антон ли?" -- "Не бойся, доченька, не бойся", -- спокойно сказал он. Переступив порог, я сразу увидела Антона. Первая же мысль, которая мелькнула в голове, была: бежать. Но метель, ночной мрак остановили меня. К тому же я невероятно устала.

Антон был пьян. Он остановился передо мной, качнулся на нетвердых ногах, дохнул перегаром настоянной на табаке самогонки, ухмыльнулся. Потом принялся угощать отчима. Они пили прямо из бутылки, закусывая салом и луком. Меня пока что не трогали. Я сидела в углу на поленнице, не выпуская из рук ружья. Меня душила обида. Я с трудом сдерживала слезы. Пусть не родную, но все же дочь продает отец за стакан самогонки...

Я хорошо знала, каков он, Антон, и твердо решила, если что, умереть.

Опорожнив бутылку, Антон достал из мешка вторую, откупорил и протянул мне. "Выпей, легче будет", -- сказал он. Я резко оттолкнула его руку. "Чего кобенишься?" -- нахмурился отчим. Я сказала, что отныне он мне не отец, и предупредила, что из того, что они задумали, ничего не выйдет. Антон громко расхохотался. "Ты что, бежать надумала? Далеченько, не убежишь! Ты лучше отца послушайся. На, выпей с дороги! Вот сало. Хочешь -- поджарю на огне. Все для тебя сделаю. Ты у меня вон где сидишь, -- он ударил себя кулаком в грудь. -- Одна ты у меня. Королева! По медвежьим коврам ходить будешь! На пуховиках спать..."

Он поднялся, чтобы подойти ко мне. Я вскинула ружье, взвела курок. "Не лезь, гадина, застрелю", -- предупредила я.

Как я тогда не нажала на спусковой крючок -- сама не знаю. Только вижу: хоть и пьян он, но понял, что со мной шутки плохи. Уселся на свое место у огня и больше уже ко мне не приставал.

Молчал он, молчал и отчим. А я сидела, держа палец на спусковом крючке. И что бы в этот момент выскочить из хижины, встать на лыжи и помчаться куда глаза глядят... Так нет, струсила, испугалась ночи, подумала, что как-нибудь да выкручусь. Просижу до рассвета, а там -- уйду...

Дым ел глаза. Хлопьями пушило оконце хижины, шумела тайга. Собрав в мешок свои пожитки, Антон отодвинулся от огня, расстелил кожух и улегся. Рядом примостился отчим. Я подождала немного, решила, что они заснули, и тихонько достала из своего мешка сухари -- голод мучил меня. Сидела, грызла сухарь. Постепенно одолевала усталость. Веки мои начали смыкаться и, как я ни прогоняла сон, он все же сковал меня. Вдруг слышу, кто-то подбирается ко мне. В нос ударил запах самогонки и табака, отвратительный, нестерпимый. Я пыталась закричать, но потная ладонь зажала мне рот.

Смрад, рычание. Будто не человек, а дикий зверь напал на меня. Вырвавшись, шарю по полу и не могу найти ружье. Ползу к отчиму. "Отец!" -кричу. Не слышит или притворяется, что не слышит. Неожиданно натыкаюсь во тьме на его ружье. Взвожу курок.

В это мгновение в печурке вспыхнула сухая листва, и я увидела Антона. В руке у него был нож. "Моя или ничья", -- прошипел он, приближаясь. Вот-вот ударит... "Ну?" -- спрашивает. Не помню, как я нажала на спусковой крючок. Антон как стоял, так и рухнул навзничь. По лицу потекла кровь.

Я выскочила из хижины, встала на лыжи и понеслась, сама не зная куда. К счастью или к несчастью, я миновала горы, где, вероятно, так бы и погибла. Выбралась на равнину. Шла день, ночь, не встретив ни одного селения. Неожиданно вышла на дорогу. Присела отдохнуть. Показался грузовик. Попросилась в машину, и шофер привез меня в село Каменку. Там продала ружье -- я ведь была без копейки денег. Вскоре я узнала, что за Холодным Перевалом есть аэродром, где можно устроиться на работу. Так я очутилась в авиационном городке. -- Нина помолчала, потом подняла на Телюкова глаза: -- Теперь ты знаешь все: я убила человека... Рано или поздно меня разыщут и арестуют. -И, не выдержав, она горько разрыдалась.

Нина плакала, уткнувшись головой в подушку, а Телюков, который в полете в самой сложной ситуации мог в любое

мгновение найти правильное решение, теперь не находил его. Он успокаивал Нину, но не знал, что сказать, что посоветовать и как вообще отнестись ко всей этой истории. Конечно, Нина не могла не обороняться. Этот мерзкий тип, безусловно, ударил бы ее ножом. Но факт остается фактом: на ее совести смерть человека, каким бы подлым он ни был.

Невозможной и невероятной казалась ему мысль о том, что Нину будут допрашивать, вызывать в суд. Нину, которая стала для него родной, сберегла для него самое святое, чем владеет девушка, -- свое достоинство и честь. А как бы он повел себя на ее месте? Вероятно, так же. Да и как может быть иначе?

-- Успокойся, Нина, -- наконец сказал Телюков. -- Вдвоем мы что-нибудь придумаем. Твоя судьба -- это теперь и моя судьба.

-- Нет, нет, я не допущу, чтобы ты страдал из-за меня, не спал ночами, прислушиваясь к каждому шагу не лестнице... Я уйду.

-- Куда? Ну куда ты уйдешь? Я не пущу тебя. Я буду за тебя бороться! Сегодня же, а если сегодня меня не отпустят, то завтра мы распишемся. У тебя будет моя фамилия, и пусть тогда ищут...

Он считал, что это наилучшее решение, которое только может прийти в голову здравомыслящему человеку. Ему и невдомек было, что Нина не имеет ни паспорта, ни метрики, что она устроилась на работу как местная жительница, представив прошлогоднюю справку из школы.

Кое-как успокоив Нину, он попросил ее остаться дома до его возвращения, собираясь вернуться к обеду.

-- Мы это дело еще раз обмозгуем, обдумаем как следует. Не падай духом. Я уверен, что все будет хорошо.

Но Телюков был летчик. И не просто летчик-истребитель. Он был перехватчик. Неожиданно его подняли по тревоге в воздух, и штурман-оператор повел его вдоль границы на север. Далеко позади остался Холодны Перевал. Телюкова посадили на запасном аэродроме, где он должен был дозаправить самолет горючим, воздухом, кислородом.

Самолет дозаправили, но назад не выпустили. В районе аэродрома поднялась бешеная пурга. Закрутила, завертела, закрыла белый свет. Мело сверху, мело снизу. Самолет поставили на прикол, а летчика отправили в гарнизонную гостиницу.

Это был небольшой финский коттедж, один из тех домиков, которые можно встретить в каждом авиационном гарнизоне. Они и поставлены главным образом для летчиков-перехватчиков, чтобы те имели возможность отдохнуть после полета, а то и пересидеть непогоду. Гостиницами эти домики назывались, конечно, условно. Там от летчика не требовали платы, там не было номеров. Однако каждая такая гостиница имела свое

название. В одном гарнизоне это был "Люкс" (считай, гостиница заброшенная и грязная), в другом -- "Золотой рог" (не иначе кому-то попалась бутылка с этикеткой такого названия), а в третьем -- еще как-нибудь в этом роде. Названия давали сами летчики, большей частью весельчаки, жизнерадостные, не лишенные чувства юмора люди.

Гостиница, в которой очутился Телюков, носила название "Белка". Летом, по рассказам летчиков, здесь жил этот хорошенький зверек. Ухаживала за ним заведующая -- тетушка Прасковья. Белка была совсем ручной, садилась летчикам на плечи, брала из рук лакомства и любила спать в теплом шлемофоне... Однажды летчик-офицер купил ее для своего сына и взял с собой в самолет. На маршруте грозовая облачность загнала летчика в стратосферу, и бедное животное задохнулось от недостатка кислорода.

В честь этой белки, первой поднявшейся в стратосферу и ставшей жертвой техники двадцатого века, летчики и назвали гостиницу ее именем. Так она и значилась во всех списках квартирно-эксплуатационной части -- "Белка".

Пурга свирепствовала несколько дней. Напрасно Телюков бунтовал, убеждая местное начальство, что он и не такие бури видел в Каракумах. Его не выпускали. Лишь спустя пять суток возвратился он домой.

Нина, как и прежде, работала в столовой -- ничего страшного с ней за это время не произошло. Телюкова она встретила хотя и сдержанно, но с искренней радостью. Обещала сразу же после работы прийти. Казалось, за эти дни после своей исповеди она немного успокоилась, горькая складка возле губ исчезла, девушка похорошела, посвежела.

Поужинав, Телюков направился домой.

В городке ярко переливались вечерние огоньки. Неподвижно стояли запорошенные снегом деревья и строения. Из ДОСа долетала музыка. Звуки рояля среди дикой тайги -- до чего ж они казались нежными и волнующими! Какие-то смутные воспоминания прошедшей юности так и брали за сердце. Кто ж это мог играть?

Вслушиваясь, Телюков вдруг понял, что музыка доносится из квартиры командира полка. Сердце его екнуло. "Полонез" Огинского... Тот самый полонез, который очаровал его в Каракумах в незабываемы дни, проведенные в уютном коттедже полковника Сливы...

Лиля... Ну, конечно, это она! Приехала к мужу на побывку...

Мелодия лилась широко и привольно, как морской прибой, бурлила, вздымалась к облакам, рассыпалась брызгами. И

казалось, вся тайга, все вокруг замерло и вслушивается в эту мелодию, боясь шевельнуться, чтобы не нарушить ее волнующего звучания.

Перед ДОСом росла ель, простирая свои лохматые, отягощенные снегом ветви к балкону, где за окнами горел свет и откуда доносилась музыка. Телюкову вдруг непреодолимо захотелось взглянуть на Лилю, и он, осмотревшись вокруг и никого не обнаружив, уцепился руками за холодную и скользкую ветвь. Серпантином посыпался за воротник игольчатый, льдистый снежок, запорошил глаза. Еще одно усилие -- и он на уровне балкона. Колотится сердце.

Ничего не замечая, Лиля продолжала играть. Та же горделивая осанка, тот же задумчивый взгляд, тот же нежный профиль. Золотистые волосы спадают на пестрый халатик. Пальцы энергично перебирают клавиши.

Она одна. Подполковник Поддубный на аэродроме. Дежурит. Осознав, что это нехорошо -- заглядывать в чужие окна, -- Телюков, хватаясь за ветки, как за ступеньки лестницы, спустился на землю. Нагнувшись, начал искать под елью свои рукавицы.

И вдруг словно гром среди ясного неба:

-- А-а, голубчик сизокрылый! Скажите, пожалуйста! Ка-аков Ромео, а? Но что-то я не вижу Джульетты! Как же это не спустила она с балкона шелковую лестницу, а? А-а, у нее ведь свой Ромео... Как жаль, что канули в вечность те времена, когда подобных повес пронзали шпагами!

Эту тираду произнесла Лиза Жбанова.

-- И та ваша официантка видела, -- добавила она, злорадно хихикнув. -Такого стрекача дала, ого! Домой понеслась!..

Оторопев, Телюков стоял некоторое время не двигаясь. "Ваша официантка", "Ромео", "шелковая лестница" -- звенело и путалось у него в ушах. Наконец он опомнился. В крайней досаде, негодуя на себя и проклиная Лизу, он пошел к коттеджу, в котором квартировала Нина. На его стук никто не ответил. За дверью было тихо.

Он долго и безрезультатно стучал. Постояв еще некоторое время на площадке, он спустился вниз и пошел домой, сгорая со стыда.

На улице к нему присоединился Рыцарь.

-- Пошли дружок, -- печально сказал Телюков, потрепав собаку по голове. -- Вот уж как не повезет, так не повезет. Натворил глупостей, теперь оправдывайся как хочешь...

Лиля увидела, как за ведущей на балкон стеклянной дверью качнулись ветки и посыпался снег. Она знала о возвращении Телюкова, слышала гул самолета и сразу сообразила, кто

заглянул к ней.

Ей стало как-то не по себе. Она захлопнула крышку пианино, забралась с ногами на диван, закуталась в одеяло.

...Что могло толкнуть Телюкова на столь нелепый, легкомысленный поступок? Безусловно, только одно: не остывшая в нем любовь. Если это так, то Лиле не следовало, пожалуй, показываться ему на глаза, не следовало бы приезжать сюда... Но, с другой стороны, ведь здесь ее муж, которого она любит и о встрече с которым столько мечтала. Телюкову невдомек, что ради него, Поддубного, она рассталась с родителями, оставила надолго, быть может навсегда, шумную и привлекательную городскую жизнь. И сейчас ей кажется, что вот эту глухую таежную даль, куда служба забросила ее Ивана, не променяет ни на какой город. Пускай там, в городах, кипит жизнь, пускай сверкают неоновые рекламы театров и кино, пусть манят нарядные витрины магазинов и ресторанов, зато здесь на каждом шагу -- дыхание живой, девственно-чистой природы. Ее великолепие ни с чем не сравнимо. Это надо понимать и чувствовать. Чувствовать сердцем.

Вчера она ходила с Иваном в тайгу. Ни на картинке, какой бы крупный художник ее ни писал, ни в кино -- нигде не увидишь того, что увидела она. Стоит ель, разлапистые ее ветви распластались на земле, пригнутые тяжестью искрящего снега. И под ней, под этой елью, -- огромный, созданный природой снежный грот. Не успела Лиля залезть туда, как мимо нее прошмыгнула белка. Мгновение -- и юркий зверек исчез в густых смолистых ветках.

И еще много чудесного видела Лиля. Словно в гостях у сказочной снежной королевы побывала. Видела причудливые ледяные дворцы под крутыми навесами берегов. Разбивались волны о мощные скалы, стекали назад ручейками, что тут же коченели и замерзали, громоздясь друг на друга, исподволь превращаясь в ледяные колонны. И когда Лиля вышла на берег и взгляду ее открылась сверкающая на солнце гряда торосов, то ей показалось, что она попала со своим милым на край белого света...

Лиля ходила на прогулку в солдатском кожухе и в валенках, взятых для этой цели на вещевом складе. Она выглядела в зеркале просто смешной. Но, очевидно, есть что-то неописуемо пленительное в простом наряде женщины, и Поддубный то и дело говорил: "Какая ты очаровательная у меня, Лилечка!" А как он был внимателен! Все время следил, чтобы его жена щеки себе на обморозила, натирал ей лицо снегом, заставлял бегать, целовал... Постороннему и в голову бы не пришло, что этот веселый,

заботливый муж -командир полка, строгий и взыскательный подполковник Поддубный.

Домой вернулись они под вечер. Пили чай, любовались морозными узорами на окнах, а потом засели за перевод с английского.

Приятно было Лиле от этих воспоминаний о вчерашнем вечере, о прогулке по тайге.

В дверь кто-то постучал. "Уж не Телюков ли?" -- насторожилась Лиля.

За дверью послышался голос Веры Иосифовны. Вчера она тоже забегала к Лиле с уймой всяких "новостей". Любит посплетничать... Ни капельки не изменилась за это время...

-- Не спишь, Лилечка?

-- Нет, нет, сейчас открою, -- спохватилась Лиля.

Влетев со свойственным ее темпераментом в комнату, Вера Иосифовна сняла с головы платок и завертелась перед зеркалом, хвастаясь новой прической.

-- Ох, Лилечка! -- всплеснула она руками. -- Сидишь здесь одна и ничего, верно, не знаешь. Всех летчиков и техников вызвали на аэродром. Мой Степан тоже помчался. Что случилось? Иван Васильевич не звонил? Я спрашивала своего, так он разве объяснит толком? "Служба!", "При-иказ!" -- передразнила она мужа.

-- Нет, не звонил, -- обеспокоилась Лиля.

-- И тревоги не было, а вызвали всех. Говорят, солдаты тоже уехали на аэродром, да не с пустыми руками, а с автоматами. Неужели война, а? Я постель на всякий случай собрала... Здесь есть бомбоубежище. И тебе советую, идем, пока не поздно.

-- Да что вы, Вера Иосифовна, так уж и война! -- с сомнением ответила Лиля.

Вера Иосифовна таинственно наклонилась к ее уху.

-- Какой-то шпион все сигналы подает в горах. Ищут его, ищут и не находят. Словно невидимка. А наверное, о нашем аэродроме сообщает... Ну, я побежала, а то Вовка один дома. Зх, не будь Вовки, никакая война для меня не была бы страшна. Пошла бы к мужу на аэродром и помогала обслуживать самолет... Это мне не в новинку... Ну, я пойду.

Не дойдя до двери, Вера Иосифовна повернулась к Лиле, пойманила ее к себе и тоном заговорщика спросила:

-- Ты ничего не заметила?

-- Нет, а что? -- спросила Лиля, и сердце ее учащенно забилось.

-- Была у меня Лиза Жбанова, и знаешь, что она говорит? Будто бы своими глазами видела, как к тебе на балкон лез

Телюков. А ведь он, говорят, связался тут с одной... официанта она... Из местных, таежная... И представь себе -- прехорошенькая! Так ты, Лилечка, смотри, она еще глаза тебе выцарапает. Ну, пока! А если тревогу и для нас объявят -- беги в бомбоубежище. Оно неподалеку -- за нашим ДОСом.

И ее каблуки застучали по ступенькам.

Лиля с трудом сдерживала себя. Ей хотелось крикнуть Вере Иосифовне вдогонку, чтобы она больше не ходила к ней со своими дурацкими новостями.

Подойдя к телефону, Лиля позвонила мужу. Но на вопрос жены, скоро ли он приедет домой, он ответил: "Подожди, мне сейчас некогда..."

Это верно. Поддубному было не до семейных дел. Обычная жизнь дежурного домика в эту ночь нарушилась. Летчики не играли в шахматы, не стучали костяшками домино авиационные специалисты. Все находились у самолетов, боевую готовность объявили не для отдельных экипажей, как не раз случалось до этого, а для всего полка. На аэродром выехали химики, дозиметристы и санитары.

Около одиннадцати вечера приземлились сперва один, а затем еще три летчика соседнего, северного полка. Перехватчиков подняли по команде "Воздух" и вели вдоль границы. По одному этому можно было предположить, что по ту сторону границы шли чужие самолеты.

Находясь на СКП, Поддубный имел лишь смутное представление о том, что происходит в воздухе. Только значительно позднее комдив Шувалов коротко объяснил обстановку. Радиолокационный пост "Краб" засек две группы чужих самолетов. Приблизительно в двухстах километрах от государственной границы группы разделились -- каждая на три подгруппы. Вплотную подойдя к границе и, очевидно, обнаружив бортовыми радиолокаторами наших перехватчиков, самолеты повернули и пошли обратным курсом.

Это походило на тренировочные полеты американцев. Шла опасная игра с огнем.

Поддубный созвал летчиков, проинформировал их о событиях в районе полетов, дал указания относительно дальнейшего пребывания на аэродроме. Всем находиться у самолетов нет необходимости. Летчики-перехватчики дневной смены должны занять в дежурном домике кровати и нары для отдыха. Летчики-ночники пребывают в состоянии готовности номер два, и только пара из них -- к готовности номер один. Пока эта пара взлетит, времени хватит на то, чтобы поднять остальных.

А приземлившихся четырех летчиков соседнего полка

Поддубный оставил при себе как резерв.

На КП, за индикатором радиолокатора, находился майор Гришин. После своего неудавшегося визита к начштаба Вознесенскому он уже не занимался даже тренировочными, то есть учебными, полетами и всецело посвятил себя работе наведенца. Требуемого Вознесенским рапорта он не написал и, чувствуя себя виноватым за поклеп, старался загладить свою вину отличной работой.

Так, собрав полк в единый кулак, сидел Поддубный на аэродроме, готовый в любое мгновение, по первому сигналу с КП дивизии обрушиться на врага.

Чтобы не демаскировать аэродром, все наружные огни были выключены. Только изредка то в одном, то в другом месте сверкнет лучик карманного фонаря. И даже с близкого расстояния нельзя было определить, что здесь, на окраине тайги, находится аэродром. Заснеженное поле, залитое тусклым лунным светом луны, да и только...

Руководящие офицеры полка собрались в будке СКП. Вскоре сюда, охая и покряхтывая, поднялся с противогазом через плечо подполковник Рожнов. Старик, видимо, немало набегался по аэродрому да накричался на подчиненных; он охрип, на его усах и бородке налипли сосульки.

-- Порядок, Иван Васильевич, порядок, -- сказал Сидор Павлович, протискиваясь в будку. -- Сразу видно -- не сорок первый год! Значит, правду говорят, что за одного битого двух небитых дают...

-- Дался же вам этот сорок первый! Чуть ли не каждый день поминаете о нем, -- заметил майор Дроздов, который сидел за планшетным столиком и курил.

Сидор Павлович вынул кисет.

-- Полезно вспоминать, молодой человек. Будешь помнить начальный период Отечественной войны, тогда и нос задирать не станешь. А где, кстати, ваш противогаз, товарищ майор?

-- У техника. А что?

-- А то, что при вас ему быть надлежит. Инструкцию читали. Летчик должен носить противогаз при себе, а вылетая, передавать технику самолета. Иван Васильевич, -- Рожнов повернулся к командиру полка, -- да ведь это чистое безобразие! Сам заместитель командира полка нарушает вами же установленное правило. Что же нам тогда требовать от рядовых летчиков, тем более от солдат?

-- Не волнуйтесь, Сидор Павлович, вот он! -- Дроздов достал из-под стола сумку с противогазом. Ему просто вздумалось подразнить дотошного старика.

Через несколько минут послышался голос направленца КП дивизии:

-- "Тайфун", приготовиться!

Командиры-летчики опрометью бросились к самолетам -- только шаги зашуршали по снегу.

Поддубный отдавал распоряжения:

-- Включить локатор!

-- Включить стартовые огни!

-- Ночная смена -- на старт!

И началось. Один за другим, получая команды, в ночное небо взлетели перехватчики. Они уносились к рубежам перехвата. В кабины сели летчики дневной смены и резерва.

Прислушиваясь к эфиру, Поддубный старался разобраться в том, что творилось в ночном небе. Штурманы наведения вели перехватчиков четырьмя направлениями на разных высотах. Скорее всего, можно было предположить, что к границе приближались четыре группы чужих самолетов.

Майор Гришин получил распоряжение взять на себя последнюю пару перехватчиков и держать их в квадрате Н. на высоте десяти тысяч метров. Эта пара состояла из замполита майора Горбунова и командира эскадрильи капитана Маркова. Капитана Махарадзе и лейтенанта Скибу (Поддубный определял их по позывным номерам) КП дивизии передал в распоряжение КП соседнего, южного полка. Это немного обеспокоило Поддубного, ведь Скиба ни разу еще не садился ночью на южном аэродроме, и, конечно, ему придется туго, если именно этот аэродром укажут для посадки.

Зная наизусть позывные каждого своего летчика, а также позывные командных пунктов, Поддубный, прислушиваясь к командам, которые подавали штурманы наведения, вскоре до малейших подробностей смог представить обстановку. В воздухе было не четыре, а три группы чужих самолетов, идущих одна от другой приблизительно с интервалом в 75--100 километров.

.Для разгрома этих групп поднятых в воздух истребителей было недостаточно, и Поддубный посадил в кабины летчиков дневной смены и летчиков резерва. Но это оказалось излишним: произошло то же, что и в первом случае, -- за несколько километров до границы группы развернулись и пошли назад.

-- Прицеливаются, сволочи, тренируются, -- выругался Сидор Павлович, который все это время сидел на СКП.

-- Пожалуй, что так, -- согласился Поддубный.

Перехватчики получили приказ возвращаться на свои базы, и КП полка перешел на так называемый радиолокационный контроль посадки.

Над морем лежала незначительная облачность, и майор Гришин, сидя за индикатором радиолокатора, отчетливо наблюдал все "свои" восемь точек, постепенно двигающихся в направлении материка. Летчики, настроившись на приводную радиостанцию, летели к аэродрому прямыми курсами. Справа тянулась пара Махарадзе -- Скиба. Самолеты шли на расстоянии приблизительно около двадцати километров друг от друга, и подполковник Асинов, возглавивший работу КП, разрешил летчикам включить аэронавигационные огни, дабы избежать возможного столкновения при приближении к аэродрому. Как-никак, а Скиба все еще считался молодым летчиком.

Итак, перехватчики возвращались обратно. Но вот у экрана радиолокатора заметно засуетился майор Гришин. Он еще никому ничего не сказал, но сержанты-операторы и подполковник Асинов увидели, что штурман чем-то явно встревожен.

Да, он был встревожен, ибо его глаз, острый глаз наведенца, уловил на экране девятую точку. Она как бы каплей скатилась с "местников", которые освещали материковую полусферу экрана, и четко вырисовывалась над морем. Прокатился искристый валок развертки, и пятнышко поплыло дальше.

Не верилось, чтобы это был какой-нибудь чужой самолет: откуда бы он мог так близко появиться?

-- Запрос! -- бросил Гришин одному из своих помощников.

-- Не отвечает, -- доложил оператор, немного погодя.

Это могло значить одно из двух: либо летчик забыл включить бортовой ответчик, либо действительно летел чужой самолет, код которого экипажу был неизвестен.

О девятой точке на экране Гришин доложил начальнику штаба, а тот в свою очередь -- командиру полка. Так перед Поддубным встал вопрос, который необходимо было разрешить немедленно, сию же секунду, иначе будет поздно. Вопрос стоял остро. Самолет мог принадлежать какому-нибудь соседнему полку; могло случиться, что летчик забыл включить бортовой ответчик, мог он, этот ответчик, и испортиться. Отказать могло и радио. Всякое могло случиться, и если Поддубный собьет свой самолет, то будет за это отвечать. Его также не помилуют, если это чужой самолет и он безнаказанно уйдет.

Как тут поступить?

Был еще один выход: обратиться к старшему -- комдиву. Пусть он решает. Но это означало бы попытку свалить ответственность за порученное дело на старшего начальника.

Подполковник знал: майор Гришин вряд ли ошибется, находясь у экрана локатора, и скомандовал:

-- Атаковать и сбить!

Приняв такое решение, он все внимание сосредоточил на действиях штурмана-оператора, внимательно вникая в его команды. Из восьми перехватчиков Гришин выбрал замполита Горбунова и повел его в атаку. Этот выбор был продиктован тактическими соображениями: самолет замполита в данное мгновение находился ближе всего к неопознанному самолету.

-- Вас понял, -- передал по радио Горбунов в ответ на выданные Гришиным данные.

Началось преследование.

Еще одного перехватчика завернул майор Гришин -- в помощь замполиту.

-- Что там у вас происходит? -- обратился по радио комдив к Поддубному.

Тот коротко проинформировал его об обстановке и о своем решении.

-- Правильное решение! -- одобрил комдив.

У Поддубного отлегло от сердца. К сожалению, он не имел больше возможности следить за перехватом. Один за другим приближались самолеты, и надо было принимать их на аэродром.

Ни летчик, ни штурман-оператор -- никто не мог сказать определенно, сбили этой ночью нарушителя границы или только спугнули его. После того как замполит Горбунов атаковал и открыл огонь, самолет -- это был бомбардировщик -- спикировал. Он мог упасть в море, но мог и скрыться на бреющем полете за горизонтом.

В официальном донесении командир с замполитом написали: "После открытия истребителем ответного огня самолет-нарушитель ушел в сторону моря".

"...Самолет ушел в сторону моря" -- кто б мог предположить, что эти слова войдут в официальный дипломатический документ и станут известны всему миру? А именно так и случилось.

Позже выяснилось, что замполит Горбунов сбил американский военный самолет. Об этом стало известно из ноты американского правительства Советскому правительству.

В ней говорилось, что якобы самолет заблудился...

Капитана Телюков, который только накануне возвратился с запасного аэродрома, не поднимали в воздух. Но и для него эта ночь была достаточно напряженной. Трижды пулей вылетал он из дежурного домика к самолету и в общей сложности просидел в кабине более двух часов.

А ведь это нелегкое дело -- сидеть в самолете, когда у тебя ноги на педалях, горло перехвачено ларингофонами, а плечи стянуты ремнями. Сидишь как на привязи, с минуты на минуту ожидая сигнала на взлет. К тому же каждый раз приходится

осматривать кабину, проверять наличие горючего в баках, многочисленные приборы, связь, двигатель.

А разве можно быть спокойным, когда твои товарищи взмыли в ночное небо и пошли навстречу противнику? Даже учебный полет и то связан с определенным риском, а ведь здесь реальный противник, который может открыть по тебе огонь.

Не выходила из головы и Нина. Сколько дней и ночей ждала она его, и вот... Понесла же его нелегкая на эту злополучную ель! Как мог он поступить столь опрометчиво и глупо! И как огорчится Лиля, если узнает о его донжуанских выходках...

"Да возьми же ты себя в руки, Филипп Кондратьевич!" -- корил себя и горько сокрушался Телюков.

Он надеялся встретить Нину в столовой во время завтрака, но на работу она не вышла. Стол обслуживала другая официантка. У Телюкова в тревоге екнуло сердце и сразу же пропал аппетит. Выпил чашку кофе и поспешил домой. У ДОСа ему повстречался лейтенант Байрачный, закутанный в теплый женский платок -- Григорий часто болел ангиной, и несколько дней назад ему удалили гланды.

-- Здорово! -- на ходу бросил ему Телюков.

Байрачный откашлялся и сказал хриплым голосом:

-- Товарищ капитан, вы разве ничего не знаете?

-- Ты о чем?

-- Нина в лазарете. Мне сообщила об этом по телефону Биби. Оказывается, выпила что-то... ну, одним словом, отравилась.

Телюков оцепенел от неожиданности:

-- Вы... вы... шутите, лейтенант...

-- Такими вещами не шутят, товарищ капитан. Вы же знаете, что Биби теперь работает медсестрой в медпункте. Она и передала.

-- Да не может этого быть! -- Телюков стал бледен как мел.

-- Это правда, к сожалению.

Телюков побежал, увязая по колено в снегу, в медпункт. Опасаясь, как бы он чего-либо не натворил сгоряча, Байрачный поспешил вслед за ним. Войдя в палату, он увидел Телюкова возле койки, на которой лежала Нина. Байрачного поразило ее лицо: ни кровинки, ни малейшего признака жизни. Даже странно, как это живой человек -- а Нина, несомненно, была жива -- может так побледнеть! Посиневшие губы перекосила судорога, глаза полузакрыты, чуть поблескивают закатившиеся белки.

Неслышно подойдя к Телюкову сзади, Байрачный осторожно расстегнул кобуру и вынул пистолет.

-- Оставь, Гриша, -- обернулся Телюков. По щекам его текли слезы.

-- Нет, нет, оружие я все же заберу, -- сказал Байрачный и положил пистолет в свой карман.

Нина, вероятно, услышала его слова, сделала попытку пошевельнуться, губы ее дрогнули.

Тут же в палате стояли врач и Биби. Биби плакала, закрывая глаза рукавом халата. Врач молча смотрел на летчика, и в его взгляде можно было прочесть осуждение.

-- Ну, достаточно, товарищи! Пора по домам! -- распорядился он.

Телюков молча подчинился. Как пьяный, пошел он к двери, опираясь на Байрачного. В коридоре спросил доктора:

-- Она будет жить?

Тот пожал плечами:

-- Делаем все, что можно.

-- Умоляю вас...

-- Только без драм, -- рассердился доктор. -- Будет она жить или не будет, а я бы советовал вам, капитан, впредь с девушками не шутить...

-- Я не шутил!

-- Оно и видно! -- все так же сердито сказал доктор и затворил за собой дверь.

-- Вы гадкий человек! Вы... -- накинулась на Телюкова Биби. -- Нина такая хорошая, такая милая, а вы...

Байрачный схватил жену за руку.

-- Ну, ты не очень...

Биби вырвалась из его рук.

-- Тоже небось хорош... Ступайте отсюда!

-- Биби...

-- Ступайте, ступайте! -- и своими маленькими ручками она вытолкнула обоих летчиков за дверь.

-- Вот бессовестная! -- сконфужено, заикаясь, пробормотал Байрачный, неудобно чувствуя себя перед командиром.

-- Оставь, Гриша. -- Телюков тяжело вздохнул. -- Биби права. Относительно меня, конечно... Видишь, как получилось... Застрял я в этой "Белке". Вырвался только на пятые сутки. Прилетел, а тут... понимаешь, черт попутал... Понесло меня на эту ель, болвана! Эка невидаль -- Лиля играла... А Нина как раз шла и увидела... Ну, конечно... Такое хоть кого бы заело... У Нины-то, у бедняжки, жизнь-то как сложилась, если б ты знал! Эх, да что говорить... -- Телюков махнул рукой.

Байрачный еще не слышал об этой глупой истории и не мог решительно ничего понять, о чем он говорит. Знал только одно: допытываться сейчас бесполезно. Главное для него -- успокоить друга. И, желая отвлечь капитана от мрачных мыслей, ободрить

его, перевел беседу на то, что всегда было мило сердцу Телюкова:

-- Я слышал, будто замполит атаковал этой ночью чужой бомбардировщик, правда ли это? Вот интересно было бы узнать: сбил или не сбил? Я думаю, что сбил, если уж атаковал. А вы какого мнения?

Телюков сел на скамейку и молча закурил. Не дождавшись ответа и видя, что на уме у командира отнюдь не полеты, Байрачный решил подойти с другой стороны.

-- Сегодня утром, открывая форточку, я впервые ощутил весну, -- сказал он, преодолевая хрипоту. -- Вроде бы и мороз, а полное ощущение весны. Воробьи чирикают совсем по-весеннему. И ветром вроде соленым повеяло. А это -- дыхание муссона. Первое дыхание, и я его уловил.

Сообразив, что несет чушь, Байрачный смущенно замолчал.

-- Как вы думаете, поправится Нина? -- спросил Телюков, словно размышляя вслух. (Беседуя с подчиненными, он часто переходил то на "ты", то на "вы".)

-- Конечно поправится! -- с уверенностью ответил Григорий. -- В нашем селе тоже такой случай был. Представьте себе, одна девушка глотнула какого-то зелья. Ну, мертва и все! А тут случись бабка одна, посмотрела она на девушку, да и говорит: "Яд -- дело такое: коль уж помирает человек, так сразу, а ежели она еще жива, значит, жить будет. И ничего с ней не станется". Не поверили старухе, а она, выходит, правду сказала. Давненько это было, а та девушка до сих пор жива. Бабка уже померла давно, а девушка живет и поныне.

-- Живет?

Байрачный уловил в голосе Телюкова иронию, но был доволен хотя бы тем, что его командир улыбнулся.

-- Живет, товарищ капитан. Как это в сказках говорится: "Живет, поживает и деточек наживает..."

-- Вот и ты мне сказки рассказываешь.

-- Да что вы! Я ни капельки не вру! А вам пора домой, надо отдохнуть. Ночью, пожалуй, опять разыграется завируха не рубежах.

-- Да, ночью опять на аэродром, -- механически повторил Телюков.

Наведавшись еще раз в медпункт и расспросив о состоянии Нины, Телюков побрел домой. Но спать не лег. Какой там сон! Сел и тяжело задумался.

Выживет Нина или не выживет? Положение создалось прямо-таки убийственное!.. Сколько сплетен пойдет теперь по городку! Заденут эти сплетни и командира, и его жену... Страшно неприятная история. В такой ситуации лучше всего было бы поскорее перевестись куда-нибудь в другой полк, а то и вовсе перемахнуть в другое соединение, забрав с собой Нину... если, конечно, она выживет... Подальше от позора и стыда. Все сгладит время, понемногу забудется эта история, и начнется новая жизнь, где каждый шаг будет заранее обдуман и взвешен им, Телюковым.

На том пока и порешил. Вырвал из тетради листок бумаги, достал авторучку, пододвинулся к столу и начал писать рапорт о переводе.

Пишет, а на сердце -- камень. Полк... До чего ж тяжко представить себе разлуку с ним! Уйти из полка -- все равно что бросить родную семью, братьев -- старших и младших. Иное дело, когда офицера повышают в должности или он, скажем, уезжает в академию. Это явление понятное, естественное. А бежать, скомпрометировав себя, бежать из-за того, что наделал столько ошибок -- это, аллах забери, последнее дело.

А что скажет он командиру, вручая рапорт? А замполиту? А начальнику штаба? Ни от командира, ни от замполита Телюков никогда слова плохого не слышал. Даже тогда, когда он явно этого заслуживал. Они не ругали его, они терпеливо переубеждали. На правильный путь наставляли. Перевоспитывали.

Несколько иначе обстояло дело с начштаба, воплощавшим в себе офицерский этикет. Случалось иногда, что он попросту выгонял Телюкова из кабинета. Но какой начштаба поступил бы иначе, если летчик врывается в кабинет, кричит, размахивает руками... Потакай сумасброду, он живо на голову сядет!

Нет, не чувствовал Телюков неприязни и к начштаба. А взять

майора Дроздова. Пусть строг, предельно строг и прямолинеен по характеру, иной раз у него даже крепкое, соленое словцо может вырваться. Ну и что? Среди своих же! Полк ведь не институт благородных девиц... Да и Дроздов зря не накричит, не обидится без причины. А летчик, летчик-то какой! Воздушный волк! А кто не хочет быть таким волком, чтоб уметь перегрызть врагу горло? Многое почерпнул для себя Телюков из опыта Дроздова, многому научился у него.

А Байрачный! Скиба! Калашников! Эта "гвардейская тройка" начала летать ночью, овладела уже радиолокационным прицелом. Телюков отдал им часть своего сердца, своего разума. Это он вывел их за облака, он впервые поднял в ночное небо.

Как-то во время ночного маршрутного полета Телюков спросил Байрачного: "А ну-ка, определите, где мы сейчас находимся?" Летчик долго водил глазами по земным световым ориентирам, а потом покачал головой: "Хоть убейте -- не скажу". Запутался, одним словом. А в другой раз в зоне пилотажа он перевернул самолет вверх ногами и уверял инструктора, что летит правильно, а что ошибается именно он Телюков. То же самое бывало и с Калашниковым, и со Скибой. Телюков до десятого пота вправлял, как он выражался, подчиненным "мозги" в кабинах тренажера и самолета. И добился своего. У летчиков окрепли крылья.

Тяжело, очень тяжело расставаться с боевыми друзьями-товарищами!

И все же летчик продолжал писать рапорт. Помимо воли. Так нужно. Придет время -- он распрощается с товарищами, встанет на колени перед Боевым Знаменем полка, прижмет к губам багряное полотнище и -- прощайте, друзья, не поминайте лихом! Хоть и извилистая была дорожка у летчика Филиппа Кондратьевича Телюкова, а все же не последним был он в полку. Вот и нарушителя границы утопил в море, а это большая честь всему коллективу крылатых воинов...

Сунув рапорт в карман, Телюков накинул на плечи куртку и опять отправился в лазарет. Однако доктор не впустил его в палату. "Пока что состояние больной плохое", -- сказал он.

Постояв у крыльца, летчик побрел по тропинке, ведущей в штаб.

Сыпал легкий снежок. У дровяного склада визжала пила. В городке пахло сосной и дымом. Этот запах и визжание пилы напомнили Телюкову рабочий поселок, где прошло его детство. Он часто вспоминает родные места, а вот отныне столь же часто будет вспоминать этот городок.

Возле ДОСа Телюков встретил капитана Махарадзе. Тот стоял

голый по пояс, натирая снегом свою могучую волосатую грудь.

-- Чего это ты, Филипп, повесил голову, как ишак? -- задорно воскликнул Вано.

-- Сам ты ишак!

-- Вай-вай, нехорошо. -- Вано слепил снежок.

-- Отвяжись, князь. Не до шуток мне.

-- Сокрушаешься, что не подняли прошлой ночью? Но ведь надо совесть иметь. Ты же сбил одного, чего тебе еще надо?

-- Не в том дело, Вано... С Ниной плохо. Выпила... одним словом, отравилась. Понятно?

-- Брось! -- Вано вытаращил свои добрые глаза. -- Но она жива?

-- Пока жива. Иду вот из лазарета. Жива, но врач не допустил меня к ней.

-- Так, может быть, ее надо как можно скорее отправить в госпиталь? Чего же ты плетешься, словно ишак? Скорее беги к командиру! Эх ты, друг! Беги! Командир только что пошел в штаб. Рубай с плеча. Скажи, что Нина твоя жена, и пускай даст самолет. Ну, чего стоишь? Беги, говорю!

"В самом деле, -- подумал Телюков. -- Почему бы мне не обратиться к командиру?" И сказал растроганно:

-- Спасибо тебе, Вано, за добрый совет. Бегу!

В кабинете командира полка кроме подполковника Поддубного находились замполит и Рожнов. "Не иначе, -- подумал Телюков, -- как козлиная борода предъявляет полку свои претензии... Еще бы! Повеса-летчик довел работницу столовой до такого состояния, что она отравилась... Так сказать, вышла из строя штатная единица..."

Не теряя времени, Телюков попросил разрешения войти, а войдя, некоторое время стоял молча под взглядами троих начальников. В горле пересохло, в ушах звенело от охватившего его волнения.

-- Садитесь, пожалуйста, -- сказал замполит, догадываясь, что привело сюда летчика.

-- Спасибо. Мне хотелось бы обратиться к вам без посторонних, -Телюков метнул взгляд на Рожнова, ясно давая понять, что тот является посторонним.

Сидор Павлович молча сгреб со стола свою шапку и тотчас вышел из кабинета.

-- Ну, прошу. Так что у вас произошло с официанткой? -- спросил замполит.

-- Ее зовут Нина, товарищ майор. Она моя жена.

Замполит смутился:

-- Простите, капитан. Слышу об этом впервые. У нее нашли

записку. Девушка никого не обвиняет, о вас и словом не упоминает. Но уже шумит весь городок... Прошлой ночью она была у вас дома?

-- Точно не знаю. Во всяком случае, ключ у нее был.

-- Вы, значит, не виделись с ней после возвращения с запасного аэродрома?

-- Нет.

-- Почему же?

Телюков перенес взгляд на командира полка. Тот сидел, низко опустив над столом голову, чувствуя себя довольно-таки неловко. Ведь он уже знал, что Телюкова, как перепела на дудку, понесло на звуки пианино... Как бы там ни было, считал Поддубный, а между ним и Телюковым все еще стояло имя Лили...

-- Так почему? -- повторил замполит свой вопрос.

-- Оставьте, Андрей Федорович! -- вздохнул Поддубный. -- Это старая история.

-- К сожалению, есть и новая, -- угрюмо сказал Телюков и без обиняков начал рассказывать о том, что произошло в охотничьей хижине. Он подробно пересказал признание Нины и в заключение сказал, что любит ее, имеет по отношению к ней самые искренние и твердые намерения. Он извинился перед командиром за свой дурацкий, необдуманный поступок, объясняя его ничем не мотивированным желанием заглянуть в окно, и просил помочь Нине.

-- Ее необходимо срочно отправить в госпиталь, -- заключил он.

Поддубный снял телефонную трубку, попросил телефонистку соединить его с лазаретом.

-- Лазарет? -- сказал он в трубку. -- Позовите врача. Это врач? Говорит командир полка. Как состояние больной Нины? Что? Почему же вы не докладываете... Вам разве неизвестно, что в гарнизоне имеется начальник?

Поддубный взял трубку прямого телефона полк -- дивизия.

-- Хозяина попросите. Товарищ полковник? Здравия желаю. Докладывает подполковник Поддубный. Мне срочно необходим санитарный самолет... Нету? Тогда вертолет. Что? При смерти жена летчика... Телюкова. Да. Того самого... В военный госпиталь. Сердечно благодарю, товарищ полковник. Есть!

Положив трубку, Поддубный сказал Телюкову:

-- Вертолет вылетает. Немедленно. Можете лично сопровождать Нину. Даю вам краткосрочный отпуск на десять дней.

В том, что командир даст самолет, Телюков не сомневался. А

вот на отпуск не рассчитывал. Даже не думал о нем. И столь заботливое отношение командира до глубины души тронуло летчика. Он забыл о своем рапорте и, душевно поблагодарив подполковника, поспешно вышел из кабинета и помчался в лазарет.

-- Ну, что вы скажете на это Андрей Федорович? -- спросил Поддубный, оставшись с замполитом наедине.

Майор Горбунов промолчал.

Еще год назад, когда Поддубный и Лиля поженились, он как-то высказал мысль о целесообразности перевода Телюкова в другой полк. Считал, что так было бы лучше. Капитана не терзала бы ревность при встрече с девушкой, которая не разделила его чувств. К сожалению, не настоял на своем, и вот теперь все эти любовные передряги вылезают боком. Да к тому же неизвестно, выживет ли Нина. Предположим, что выживет. Пускай даже Телюков искренне полюбил ее, и намерения у него вполне серьезные. Но получится ли у них семейная жизнь, если бедной девушке грозит тюремная решетка?

-- Да, лучше было тогда перевести Телюкова куда-нибудь, -- продолжал замполит вслух свою мысль.

Слова эти прозвучали для Поддубного горьким укором.

-- Не мог я, Андрей Федорович, убрать из полка летчика только потому, что он любит мою жену! -- сокрушенно воскликнул он. -- И не в чужую я семью залез, поймите же меня наконец!

-- Я отлично вас понимаю, -- все в той же задумчивости ответил замполит. -- Вполне понимаю. -- И после некоторого молчания спросил: -- А как вы полагаете, будут судить Нину?

Поддубный только руками развел.

-- Не знаю, -- сказал он. -- Но за Телюкова я буду бороться! Обязательно. Я ему верю, понимаете? Верю этому человеку.

Замполит вздохнул:

-- Все-таки очень сложная ситуация.

-- А жизнь -- это вам не ковровая дорожка, по которой идешь легким шагом. Всякое случается. И не всегда в жизни солнышко светит. Бывает, ни с того ни с сего ударит гром, налетит шквал... Корежит, валит тебя, а ты стой непоколебимо. Стой, как дуб... И выстоишь, ежели нутро у тебя не трухлявое. А если трухлявое -- то и без шквала рухнешь.

-- Вот об этом я и думаю: за последнее время мы слишком редко заглядываем в души людей. Трухлявости не замечаем.

-- Какой трухлявости? В ком? В Телюкове? Да у него душа здоровая и чистая, как вода в роднике! Эх, Андрей Федорович, почему это вы, друг мой, так раскисли?

-- Раскис? -- невесело улыбнулся замполит. -- Спасибо за откровенность. Может быть, я вообще плохой замполит? Почему вы, Иван Васильевич, никогда не скажете мне об этом? Почему упорно не хотите замечать моих недостатков? Я ведь простой смертный. Могу ошибаться. Могу испортиться, зазнайством заболеть...

-- Замечаю, что вы маленько раскисли, об этом я и сказал. Вам кажется, что Телюков натворил бог знает что, спутался бог знает с кем. Ничего подобного! Он просто споткнулся. А коли так, мы обязаны поддержать его. История с Ниной весьма неприятная. Я с вами согласен. Но влюбленные в анкеты не заглядывают. Имел Телюков право полюбить девушку, которая работает в воинском подразделении, а не бог весть откуда появилась? Имел. Кстати, она весьма неглупа и очень красива. Вы согласны? А что касается истории в таежной избушке... Тут, знаете, надо все хорошенько взвесить. Представьте себя, Андрей Федорович, на минуту девушкой и возьмите этого негодяя... как его... Антона этого. Так вот он посягнул на ее честь... Как бы вы поступили, дорогой Андрей Федорович! Непротивлением злу ответили бы? Нет, это не наша мораль! И будь я судьей, обязательно оправдал бы девушку. Да и как может быть иначе! Ведь она защищалась от бандита с ножом, от подонка. Честь свою, душу защищала чистую. Я уверен -- Телюков все отлично понял и оценил... Случись это не в глухомани, а где-нибудь в городе, девушка спаслась бы криком. А в тайге кого ей было звать на помощь? Подлеца отчима? Конечно, все это надо выяснить, проверить. Но так же, как Телюкову, я верю и в правдивость этой девушки. Я убедил вас, Андрей Федорович?

-- Почти, -- слегка улыбнулся замполит. -- Я, конечно, понимаю ее отчаяние. Но все же...

Приближалось время обеда. Зная, что Лиля приготовила обед, Поддубный пригласил к себе Горбунова. Но тот вежливо отказался.

"Дуется на меня", -- решил Поддубный и счел нужным начатый разговор довести до конца.

-- Может быть, вы, Андрей Федорович, имеете что-нибудь против меня? Давайте, выкладывайте все начистоту, я не обижусь. Прямо давайте, по-партийному. Я считаю так: командир и замполит -- это, простите за несколько примитивное сравнение, пара волов, которые тянут плуг. А плуг этот -- полк. Дружно тянут -- работа спорится; никуда не годится, если один вол дуется на другого, если подручный тянет вправо, а бороздинный -- влево. Мой дед, бывало, в таких случаях распаровывал несогласную чету волов. За налычаг -- и обоих на ярмарку!

Замполит от души рассмеялся.

-- Нет, Иван Васильевич, -- возразил он. -- Я еще не хочу на ярмарку. И мне кажется, что оба мы тянем дружно...

-- А что? -- Поддубный оживился. -- Ей-богу, тянем! Подсыпали перцу нарушителям границы? Подсыпали! И еще подсыплем. Вот только бы скорее оседлать злополучный остров. Нива наша пашется неплохо. Аварий нет, гауптвахта пустует... Хорошо, право же, хорошо! И напрасно Вознесенский намеревается свернуть мне шею. Не выйдет!

-- Вы оптимист, Иван Васильевич!

-- Это совсем не плохо, если в норме. Ну, ладно. Идемте обедать. Лиля там, наверное, постаралась. Она сегодня сдает экзамен на звание домашней хозяйки. Ей приятно будет принять гостя.

-- Вы в этом уверены?

-- Можете не сомневаться.

-- Ну, если так -- пошли, -- сказал Горбунов, поднимаясь с места.

Бедняжка Лиля только руками всплеснула, когда увидела, что муж ведет гостя. Ее в этот день преследовали неудачи: борщ был пересолен; котлеты подгорели; дрова попались сырые -- до сих пор дым не выветрился из комнаты.

Она еле уловимым знаком вызвала мужа на кухню:

-- Ваня, пойди в столовую и принеси обед.

-- Но почему?..

-- Пойми. Не получилось у меня... Борщ пересолила...

-- Тс... -- Поддубный приложил палец к губам.

-- А что же делать?

-- Давай что есть.

-- Так ведь стыдно!

-- Глупости! -- Поддубный вошел в комнату: -- Андрей Федорович, моя жена пересолила борщ, она в отчаянии. Но мы все-таки съедим его, а?

-- Конечно, я даже люблю пересоленное.

-- Слышала, Лиля? Андрей Федорович любит все пересоленное.

-- Да станете ли вы есть? -- покраснев, спросила Лиля с сомнением.

-- Станем! -- в один голос ответили мужчины, перемигнувшись.

Лиля наполнила тарелки и встала у стола.

Некоторое время мужчины ели молча. Затем начали наперебой восхвалять хозяйку. Это уже совсем вывело Лилю из себя.

-- Ах вы, черти! Да ведь вы водой обопьетесь! А ну, давайте-ка сюда тарелки!

Она забрала у мужчин тарелки с борщом, отнесла на кухню, и, наскоро одевшись, побежала за обедом в столовую.

Глава седьмая

Тем же вертолетом, которым Телюков отправил Нину в госпиталь, только на неделю позже, майор Гришин вылетел на остров Туманный. Там, как сообщили из штаба дивизии, инженеры установили и уже испытали радиолокатор и радиостанцию, а хозяйственники оборудовали жилье.

Гришин пока числился штурманом полка, но сознавал, что его летная карьера оборвалась окончательно. От этого сознания на душе было печально. Пройдет какое-то время, бывшего штурмана вычеркнут из списков полка и занесут в списки радиотехнического подразделения. И неизвестно еще, какой назначат оклад и как долго просидит майор на этом острове, оторванный от семьи, от всего мира.

Неохотно летел он на новое место службы, но деваться было некуда..

Утешался надеждой, что на острове он покажет себя, завоюет славу, а с нею, как на крыльях, перелетит на КП дивизии, а то и выше.

Собираясь к новому месту службы, он захватил с собой ружье и запасы патронов, чтобы коротать на охоте часы досуга. Новый пункт наведения получил позывной "Робинзон", и Гришину представлялось, что это такой же живописный остров, как тот, на котором много лет прожил знаменитый герой романа Даниэля Дефо...

День стоял пасмурный, серый. За линией прибрежных торосов открывалась снежная равнина, которой, казалось, не было ни конца ни края. Навстречу из-за горизонта клубились тяжелые свинцовые тучи, волоча за собой серые свинцовые гривы снегопада. И чем дальше от материка отходил вертолет, тем больше суживался горизонт, сгущалась мгла.

В пассажирской кабине вместе с Гришиным находился солдат-радист, паренек лет двадцати, живой и непоседливый. Он то и дело припадал к окошечкам, разглядывая однообразную ледяную поверхность моря. Его, видимо, захватила романтика полета на далекий безлюдный остров, затерянный в безбрежности моря.

-- А посмотрите-ка, товарищ майор, что под нами! -- вдруг воскликнул радист.

Гришин равнодушно поглядел вниз. Вертолет пересекал границу замерзания. Колыхались разорванные волнами обломки

льдин, толкались, терлись, наползая одна на другую. Вода выглядела на диво черной, растекалась рукавами, образуя озерца причудливых очертаний. Вся эта картина напоминала большую реку во время весеннего ледохода.

И вот среди этого беспорядочного нагромождения льдов, среди всего, что шевелилось, качалось, покрывалось мелким снегом и утопало во мгле, вертолет вдруг остановился и начал постепенно приседать, словно прощупывая колесами прочность почвы. За окнами промелькнули темно-зеленые квадратики автофургонов и казавшихся хаотическими сплетения антенн.

-- Ур-р-а! Земля-я! -- с буйным восторгом воскликнул солдат. Не иначе как этому юноше в военной форме мерещилось его перевоплощение в сына капитана Гранта или в какого-нибудь героя приключенческого романа...

Но вскоре, выйдя не землю, оба пассажира -- и офицер и солдат -испытали досадное разочарование. Остров, вдоль и поперек исклеванный бомбами, можно было проскакать на одной ноге. И нигде и намека на лес. Голо, как на пустой тарелке.

"Богом проклятая земля", -- заключил Гришин, глубже пряча в вещевой мешок свое ружье, чтобы людей не смешить.

Высадив пассажиров, экипаж вертолета снялся и, не теряя ни минуты, ушел назад, так как близился вечер, а погода с каждой минутой ухудшалась.

Прибывших обступили с десяток солдат в белых полушубках и серых валенках. Это были операторы, планшетисты, радисты, дизелисты. Гарнизон острова возглавлял начальник радиолокационной станции, краснощекий, пышущий здоровьем старший техник-лейтенант Левада. Отдав майору рапорт, он застыл в стойке "смирно", как бы подчеркивая этим, что и здесь люди знают и уважают военные порядки.

-- Вольно, вольно, -- равнодушно махнул рукой Гришин, назвав себя по фамилии.

-- Слыхали -- командиром к нам? -- сказал техник. -- Прошу в казарму.

-- А где ж она? -- не понял майор.

-- Вон там, -- техник махнул рукой на баржу, покачивающуюся под обрывистым высоким берегом.

-- Как, на барже?

-- Ага. Там. Пока, товарищ майор, комфорта, конечно, маловато, прямо сказать, никакого. С непривычки, пожалуй, и не заснешь. Качает, будто в люльке. Волна бьет о борт, баржа хлюпает, скрипит. Но это на первых порах. А дальше -- приобвыкните. А лето настанет -- выроем землянку. Тогда нас отсюда и атомной бомбой не выкуришь.

-- Вы, однако, весельчак, техник.

Левада сконфузился.

Солдаты молча поглядывали на майора. Их, вероятно, немало удивляло то, что он был в летном -- в унтах и шлемофоне.

-- Ну что ж, ведите меня в вашу казарму, -- распорядился Гришин, обращаясь к технику и беря в руки свои вещи.

Баржа -- неуклюжее старое корыто, обитое железом и со всех сторон покрытое ледяной коркой, -- стояло, наглухо пришвартованная стальными тросами к скалистому берегу.

На палубу вел деревянный трап с поручнями. Пробегая по нему, солдаты спускались крутыми ступеньками в люк, словно ныряя в прорубь.

Спустился в люк Гришин. Узкий темный коридорчик вывел его в помещение, освещенное двумя маленькими лампочками, питающимися от аккумуляторов. Посредине стоял длинный стол с разбросанными на нем костяшками домино и газетами. В железной печурке догорал уголь. Пахло дымом, водорослями и еще чем-то весьма неприятным. Вместо кроватей -- деревянные нары, покрытые тощими матрацами.

-- Это и есть казарма, -- сказал техник. -- В кормовой части баржи -за перегородкой -- склад топлива и продуктов. Комфорта, конечно, маловато, -- повторил он, -- но жить можно.

-- Гм... -- невыразительно гмыкнул Гришин, недобрым словом помянувши Поддубного. -- А у вас семья есть?

-- Как вам сказать, товарищ майор, -- замялся техник. -- Я почитай, что соломенный вдовец: несознательная попалась жена. Не пожелала кочевать со мной, уехала к родителям. Может, она и права, не знаю... Поскольку я локаторщик, так и кочую по безлюдным местам. До сих пор служил в так называемом заоблачном гарнизоне -- в горах стояла наша радиотехническая рота. Глухо, дико, вот она, жена-то, и взбунтовалась. К цивилизации, так сказать, потянуло. Да я, собственно говоря, и не сожалею. Туда ей дорога, коль уж такая несознательная она. Хоть бы развод скорее получить...

-- Дети есть?

-- В том-то и штука, что нет. Будь у нас дети -- сидела бы как миленькая, не рыпалась. Боюсь, чтобы не нагуляла дома да не записала на меня...

-- Так, так, -- невесело усмехнулся Гришин. -- Такое бывает, молодой человек, да вы не вешайте нос!

-- А чего б я его вешал? -- приосанился техник. -- Найду себе и такую, что сюда приедет. Мне уже пишет одна из родных мест... Давнишняя знакомая... Да я решил так: пока не закончится эта проклятая "холодная война", пока мы не завоюем мира, ну ее к

лешему, всякую женитьбу!

-- Что ж, по-вашему, выходит и ЗАГСы следует закрыть?

-- По мне -- хоть и так, -- ответил техник.

-- Ну нет, ошибаетесь, молодой человек! Жизнь, она идет своим чередом. Вот мы строим и защищаем коммунизм. Делаем это не только для себя, а и для будущих поколений.

-- Все это я понимаю, товарищ майор, но достаточно того, что я уже однажды обжегся. Повременить не грех. Не качаться же мне с семьей в той старой галоше? А качаться нужно. И вероятно, чья-то смекалистая голова угнала нас на этот остров -- вон куда достигает наш локатор!

-- Да, голова смекалистая! -- задумчиво согласился Гришин, снова вспомнив Поддубного.

Два солдата выволокли из чулана мешок и принялись чистить картофель, а третий принес кастрюлю со снегом и поставил на горячую плиту. Приближалось время ужина.

Офицеры поднялись на палубу, сошли по трапу на берег и остановились над каменным обрывом. Серое, неприветливое небо хлестало в лицо колючей крупой. Ветры гнали к острову каскады тяжелых волн, и при каждом ударе волны о берег содрогалась земля.

-- Ночью здесь и ходить опасно, -- заметил Гришин. -- Поскользнешься, и поминай как звали! Так что здесь надо быть осторожным.

-- Правильно, -- подтвердил техник. -- Но я строго предупредил солдат.

-- Этого мало. Нужно от баржи ко всем объектам натянуть веревки. Видали, как это делают на севере, где гуляют снежные бураны?

-- Видал. В кино.

-- Ну, вот. Объявят тревогу -- хватайся рукой за веревку и беги.

-- Веревки у нас нет, а кабель имеется. Завтра протянем.

-- Обязательно. А сейчас запускай двигатель. Я испытаю локатор, ознакомлюсь с "местниками" и проверю связь по радио.

-- Есть, запустить двигатель! -- козырнул техник и побежал выполнять приказание.

А Гришин все стоял и стоял, хмуро глядя в мутную морскую даль. Словно в ссылке, чувствовал он себя. "И все же, -- думал он, -- лучше с земли созерцать это море, чем с воздуха..."

Из гнетущего оцепенения его вывел характерный шум антенны радиолокатора, стоявшей на бугорке неподалеку от берега.

Антенна крутилась, оглядывая простор, и сразу у Гришина

стало как-то легче и спокойнее на душе. И не таким уже забытым людьми и богом показался ему этот крошечный островок.

Прежде чем сесть к экрану, Гришин вошел в будку радиостанции. Радисты проверяли связь.

-- "Водолаз", я "Робинзон", как слышите меня? Прием.

И чуть повременив:

-- "Краб", я "Робинзон", как слышите меня?

Наконец радист связался с "Тайфуном". Гришин потянулся было к микрофону. Ведь "Тайфун" -- это аэродром Холодный Перевал. Но передумал. Его остановила неожиданно уколовшая неприязнь к Поддубному. Ведь это из-за него очутился Гришин на этом жалком островке.

И не Поддубному, а комдиву доложил Гришин о своем прибытии на точку "Робинзон".

Даже в эфире не пожелал он встретиться с Поддубным. Но встреча все равно не состоялась бы. В это самое время подполковник Поддубный сидел за рулем "Победы" -- отвозил Лилю на станцию. Машина то ныряла с разгону в глубокие долины, то, будто на крыльях, взлетала на крутые перевалы. От быстрой езды и резких поворотов у Лили слегка кружилась голова. Молодую женщину тошнило, и она знала, что это значит. Когда ей становилось невмоготу, она доставала из банки соленые огурцы...

Вскоре ей стало совсем плохо, машину пришлось остановить.

-- Боже, чего только не натерпится мать! Начинаются мои муки.

Она стояла бледная и расстроенная. Поддубный платком вытер ей рот, поцеловал в холодные губы.

-- Ну, давай вернемся.

-- А институт?

-- Потом закончишь.

-- О нет, дорогой. Как-нибудь я уже дотяну. Осталось немного. А вернусь -- буду преподавать офицерам английский язык и заодно писать. И полку польза, и хлеб свой...

-- Дался тебе этот хлеб!..

-- А как же? Разве это специальность -- быть женой офицера? -- слабо улыбнулась Лиля. -- Ты вот мечтаешь о должности командира дивизии. Ведь правда? А с какой стати я должна останавливаться? Недаром говорят, что мужья эгоисты. Ты тоже эгоист.

-- Но я еще мечтаю о сыне, Лиля.

-- А о дочери?

-- Ну, и о дочери. А командиром дивизии мне стать просто необходимо. Покомандую некоторое время, а там снова в

академию -- Генерального штаба. Ох, как хочется учиться!

-- А мне -- нет. Надоело уже. Ты смеешься, а я тебе заявляю серьезно: буду писательницей. Или в крайнем случае -- журналисткой. Пойду в газету или журнал. Хоть переводчицей, а пойду. Конечно, мечты осуществляются не сразу. Может быть, не один год придется поработать. Что, не нравятся тебе мои планы? -- спросила Лиля, уловив в глазах мужа тень недовольства.

-- Мне хочется сына, Лиля, -- повторил Поддубный. -- Без детей скучно. Пора уже иметь в семье босячка!

-- Будет у нас сын, теперь уже никуда не денешься, -- сказала Лиля и ласково улыбнулась мужу. Посмотрев на часы, сказала озабоченно: -- Поедем скорее, а то опоздаем!

-- Тебе лучше?

-- Мне совсем хорошо, милый!

Они приехали на станцию за полчаса до прихода поезда. Купив билет, Поддубный повел жену в буфет выпить стакан чаю. Вдруг Лиля остановилась, слегка тронув мужа за рукав куртки.

-- Боже, он здесь! -- шепнула она.

-- Кто?

-- Телюков.

Летчик разрезал на тарелке жареную курицу и, поглощенный своим занятием, не замечал вошедших. А заметив, сразу же вскочил с места.

-- Здравия желаю, товарищ подполковник. Мое почтение, Лиля Семеновна! -- Он слегка наклонил голову и заметно покраснел.

-- Здравствуйте, -- подошел к нему Поддубный. -- Возвращаетесь? А Нина? Все, надеюсь, благополучно с ней?

В глазах Телюкова заиграли искорки душевной радости.

-- Поправляется, выздоравливает. Спасибо вам, товарищ подполковник, за вертолет. Сколько жить буду... Да вы присаживайтесь к моему столу. И вы, Лиля Семеновна. Что вам принести из буфета?

Поддубный не успел ответить, как Телюков уже был у стойки, взял бутылку портвейна.

-- Не нужно, Филипп Кондратьевич, -- сказал Поддубный. -- Нам только два стакана чаю.

-- Есть, два стакана чаю.

А принес и портвейн, и печенье, и конфет, и яблок, и колбасу. На столе появились рюмки, ножи, вилки...

-- Пожалуйста, прошу вас! Это я, так сказать, заглаживаю вину свою перед Лилией Семеновной. Вы уж простите меня великодушно, товарищ подполковник. Нелегкая попутала... Сам не знаю, как это понесло меня на эту злополучную ель! Иду, вдруг

слышу -- музыка! "Кто же это там играет?" -была первая мысль. Я ведь не видел, когда Лиля Семеновна приехала. А тут любопытство одолело. Вот и влез на дерево. Такого дурака свалял, что до сих пор в жар от стыда бросает, как только вспомню. Я даже толком объяснить не могу, как это случилось...

-- А я, заметив, как закачалась ель, сразу угадала, чьих это рук дело, -- лукаво сказала Лиля. Ей было очень приятно видеть Телюкова веселым и счастливым.

-- Боюсь, что я испортил вам отпуск, Лиля Семеновна, -- грустно заметил Телюков, вновь заливаясь краской. -- Но на этом я ставлю точку. Нет больше беззаботного холостяка, а есть вполне добропорядочный семьянин. Ведь вы, надеюсь, разрешите, товарищ подполковник, расписаться с Ниной? -- И, не ожидая ответа, продолжал: -- А то плохо получается. Привез я Нину в авиационный госпиталь, а там сразу: "Кем эта гражданка приходится вам?" -"Женой", -- отвечаю. Требуют документы. Сверяют мое удостоверение личности с предписанием медпункта -- фамилии разные. "Нет, -- говорят, -- везите в городскую больницу". Я -- на дыбы. "Так и так, -- говорю, -- бездушные вы формалисты! Человек при смерти, а вам бумажки подавай!" Помогло -- приняли. День миновал -- не пускают к больной. Второй на исходе -- не пускают. А на третий -- пустили. Воскресенье как раз. Вхожу в палату -- Нина улыбнулась мне. Первый раз улыбнулась... Эх, Лиля Семеновна, как жаль, что не пришлось вам познакомиться с Ниной! Она -- ваша копия, ведь правда, товарищ подполковник? Вот только не знаю, как дальше будет. Неужели ее станут судить? Почему-то думается, что до суда дело не дойдет. Ведь она защищалась...

Разговаривая, он раскупорил бутылку, наполнил две рюмки. Одну протянул Лиле, другую -- командиру. Себе же не налил ни капли.

-- Запретили, -- сказал с каким-то подчеркнутым чувством гордости.

-- Кто?

Телюков предусмотрительно оглянулся вокруг, не подслушивает ли его кто-нибудь из посторонних.

-- Врачи. Видите, дело какое... Нет, только не здесь... Вот поедем, тогда я вам расскажу, товарищ подполковник. И курить бросил... Но поскольку мы пьем за здоровье Нины, то капельку, я думаю, можно пропустить. -- Он налил себе граммов пятьдесят. -- только ради Нины, -- сказал он и с сияющей улыбкой поднял рюмку.

Лиля отпила немного, а командир и не притронулся к своей стопке. Ведь ему за руль садиться.

Телюков, обрадованный столь неожиданной и приятной встречей, почти ничего не ел. Только когда за окнами зафыркал паровоз и прошумел прибывший поезд, он взялся за курицу, умышленно оставаясь за столом, чтобы не мешать Поддубному проститься с Лилей. В таких случаях и самые близкие друзья бывают лишними...

Поезд стоял всего минуту и тронулся дальше, увозя с собой тусклые огоньки фонарей. Сразу стало тихо, опустел перрон.

Вершины гор сизым крылом окутал вечер.

...Когда Телюков подошел к "Победе", командир сидел уже в кабине, прогревая мотор. Сразу же и поехали.

-- Проводили, значит, -- сказал Телюков, лишь бы нарушить молчание.

-- Проводил.

-- А я, товарищ подполковник, побывал в штабе. Там я узнал, что майор Горбунов все-таки сбил нарушителя границы. Положительные отзывы слышал в штабе о нашем полку, особенно о вас. И еще одна новость: я дал согласие пойти в школу космонавтов. Завтра подам рапорт по команде. Ведь я уже прошел медицинский осмотр. Врачи признали меня вполне годным, только потребовали, чтобы я бросил курить. Я и бросил. Да и пить -- не приведи бог! Конечно, будет еще немало медицинских комиссий, учтут служебные характеристики и всякое такое прочее, но я твердо решил пойти в космонавты. Полечу, куда пошлют, -- то ли на орбиту Земли, то ли на Луну, а может быть, и на Марс. Дело, кажется, вполне надежное...

-- На Марс, говорите? -- перебил его Поддубный, для которого набор в космонавты не был новостью, -- Но вам, товарищ капитан, прежде чем уходить в космос, надо как-то устроить ваши земные дела.

-- Какие именно? -- насторожился летчик, прикидываясь недогадливым.

-- Я имею в виду семейные.

Телюков повел рыжеватыми бровями:

-- Вот вернется Нина -- распишусь... Ведь вы разрешите...

-- Ну что ж... если вы решили окончательно... Смотрите, а то вас по головке не погладят. И вообще... Ну, вот взять хотя бы этот последний случай... Какой позор! Где ваше чувство офицерского достоинства? Да как вы решились заглянуть в окно замужней женщине? Не миновать бы вам суда офицерской чести, если бы вы к кому-нибудь другому полезли!.. А то еще, чего доброго, взбредет вам в голову, что командир мстит за личную обиду... Уж не думаете ли вы, что раз вы отличный летчик, то на все ваши грехи будут смотреть сквозь пальцы? Нет, дорогой, ошибаетесь! И

вот что: расписаться с Ниной мы вам пока не разрешим. Выяснится дело, признают ее невиновной -тогда пожалуйста... А пока...

-- Если даже Нину посадят в тюрьму, она и в таком случае будет моей женой, -- упрямо возразил Телюков. -- Но я уверен, что до суда дело не дойдет. Я обращусь к Председателю Президиума Верховного Совета...

-- Не забегайте вперед. Перед законом у нас все равны. Юристы разберутся на месте...

-- Пусть даже на десять лет осудят Нину -- так или иначе, я буду ждать ее. Я ее не оставлю. Это мое последнее слово!

Поддубный пристально посмотрел на Телюкова. Его решительность пришлась командиру по душе, и он проникся к летчику чувством теплой благожелательности, сразу подобрел и смягчился.

-- Понимаю вас, Филипп Кондратьевич, и сочувствую вам. Только не порите горячку. Если Нина окажется действительно достойной этого, мы сделаем все для того, чтобы облегчить ее судьбу.

-- Достойна, товарищ подполковник! Ведь она защищала свою честь, свою жизнь, разве так трудно понять? И разве это человек, который бросается на девушку с ножом? Это просто скот. Да, да, скот, пренебрегающий элементарными законами людей. Такому нет и не может быть места в обществе! И достойна презрения была бы девушка, если б она уступила ему. А Нина боролась. Вы только представьте себе, какой это подвиг! Какой благородный подвиг! Одна против двух мерзавцев! Она храбро защищала себя и вышла победительницей! За что же ее карать? Нет, нет, в это надо как следует вникнуть, и тогда вы убедитесь, что я прав.

Телюков говорил с горячностью и азартом адвоката, глубоко убежденного в правоте того дела, которое он защищает.

-- Если вы так выступите на суде, то, пожалуй, все будет хорошо, -- не то серьезно, не то шутя сказал Поддубный, не отрываясь от руля.

-- Выступлю. Конечно выступлю!

Некоторое время они ехали молча. Дорога змейкой вползала в горы. Лучи фар двумя желтоватыми кругами отсвечивали на придорожных сугробах, а на перевалах горизонтальными лучами уходили вдаль, выхватывали из темноты зубцы хвойного леса, росшего в долинах. В окно секла редкая снежная крупа.

-- Так вы, товарищ подполковник, может быть, против того, чтобы я стал космонавтом? -- осторожно спросил Телюков.

-- Нет, не против. Как только утрясем ваши земные дела, можете заниматься космосом. Ведите свой корабль хоть на Марс,

хоть на Венеру. Буду даже сам вас рекомендовать, так как уверен -- гайка у вас подвинчена туго, в космосе не раскрутится. Но ведь вы, кажется, собирались поступать в академию?

-- И собираюсь. Но уже после того, как слетаю.

-- А если не вернетесь? Об этом подумали?

-- Собаки ведь возвращаются, чем я хуже? -- засмеялся Телюков и продолжал в веселом, шутливом тоне: -- А слетаешь в космос, слава тебе на веки вечные. Пройдет лет сто, а то и тысяча, спросит учитель ученика: "Кто был первым в мире космонавтом?" И ученик ответит: "Офицер Советской Армии Филипп Кондратьевич Телюков". Я то есть. Ну, пускай и не я буду. Но первым космонавтом обязательно должен быть наш соотечественник. Откровенно говоря, я был бы очень опечален, если бы в космос первым слетал кто-нибудь из капиталистического мира, тем паче из Америки. Тут, знаете, у меня свои соображения. Разрешите высказать?

-- Высказывайте, только покороче, -- согласился Поддубный, которого Телюков не раз развлекал на досуге своими веселыми "соображениями".

-- Мир на нашей планете разделился на два лагеря -- капиталистический и социалистический.

-- Это уже известно.

-- Нет, товарищ подполковник, поскольку вы уже дали мне слово, так теперь выслушайте до конца, -- сказал Телюков. -- Итак, значит, два лагеря. А который из них самый новый, самый передовой? Наш, социалистический! Так разве было бы справедливо посылать, скажем, на Марс представителя старого, обреченного историей, лагеря? Известно ведь, что на Марсе жизнь возникла куда раньше, чем на Земле. А вдруг там люди живут уже в коммунизме. И вот представьте себе, что к ним прилетает какой-то капиталистический тип. Да марсиане определенно возмутились бы: "Смотрите, какой пережиток прошлого прибыл к нам с Земли!" И позор тогда всему земному человечеству! Нет уж, если посылать человека на Марс, то такого, чтобы этот космический гость был достоин тамошних жителей.

-- Это одно соображение, -- продолжал Телюков. -- Но следует ведь подумать и о судьбе марсиан. Они, быть может, внешне и не похожи на людей, но все-таки люди. Для них, как для нас, дорога свобода, независимость... Они, быть может, еще больше нашего ненавидят войну. Ведь на Марсе немало крови пролилось. Не случайно ведь эта планета красного цвета. Возможно, что во время капиталистического строя не такие еще войны обрушивались на марсиан. И вот представьте себе, что на Марсе приземлился, вернее, примарсианился тип, вооруженный

бесшумными пистолетами и ядовитыми булавками. Он сразу же начинает действовать, как заправский бандит... А что, если на этой планете появятся десятки таких бандитов? Начнут устанавливать там свои, капиталистические, порядки, начнут внедрять американский образ жизни, строить военные базы, ковать атомное и водородное оружие, душить налогами, линчевать марсиан. А то еще, подражая далеким своим предкам, построят пиратские корабли и будут возить марсианскими каналами невольников и продавать их, как продавали негров. Подумайте, какая это была бы величайшая трагедия для целой планеты. Колониализм в масштабе Солнечной системы!

Фантазии Телюкова не было предела. С Марса он неожиданно переключился на Венеру, склоняясь к гипотезе, что Венера -- это сплошной океан. И по его представлению, люди там живут на огромных плотах, едят рыбу и раков и гонят из водорослей самогон. Что касается женщин, то они плавают, как русалки, и украшают себя бриллиантами, которые тамошние мужчины добывают со дна морского.

И пусть это была шутливая болтовня, но Поддубный понял: летчик всерьез увлекся романтикой космических полетов. Подведи его сейчас, сию минуту, к ракете, готовой взмыть в небо, -- он без раздумья сядет и полетит.

Ну что ж, он, Поддубный, не станет возражать. Пусть Телюков будет космонавтом. Полеты -- его стихия. Кто-кто, а такой, как Телюков, не растеряется в полете и, не раздумывая, ступит ногой на какую угодно планету.

Глава восьмая

В конце марта на материк обрушился циклон и разразился снежным шквалом. Пурга не прекращалась несколько дней. Позаметало дороги и рулежные дорожки, в снежные сугробы превратились капониры, в которых стояли самолеты. Бетонная взлетно-посадочная полоса, по которой дни и ночи ползали бульдозеры и скреперы, бурлила поземкой и походила на взбаламученную речку. Ночью, когда загорались стартовые огни, эта снежная река дымилась, сверкала и переливалась всеми цветами радуги.

Без устали носился Сидор Павлович Рожнов по аэродрому, всеми имеющимися в его распоряжении средствами стараясь поддерживать боевую готовность полка. То на СКП замаячит его козлиная бородка, то вынырнет за углом какого-нибудь строения.

Расчисткой аэродрома занимались не только солдаты тыла и авиационные специалисты, но и все летчики, свободные от дежурства. И все же Сидору Павловичу казалось, что работают они из рук вон плохо. Он без конца перекался с летчиками,

называя их безнадежными лодырями и барчуками. Особенно доставалось тем из них, которых старик заставал за шахматами или играющими в домино. Тут он не скупился на самые соленые словечки. Ухитрившись, он выкрал шахматные фигуры, и летчики, узнав об этом, грозились оборвать старику полы кожуха и в свою очередь запрятали его рукавицы.

-- Сколько лет служу в авиации, а таких белоручек сроду не видывал, -сокрушался Сидор Павлович, ища сочувствия и поддержки у командира полка. Он просил наказать капитана Телюкова, глубоко уверенный, что именно он похитил рукавицы.

Поддубный не мог не заметить, что Рожнов напрасно упрекает летчиков в безделье, и относился к воркотне своего тылового коллеги без должного внимания. Только и сделал, что приказал летчикам возвратить рукавицы. Они немедленно оказались в кабине его "газика".

В эти дни и ночи капитан Телюков дневал и ночевал на аэродроме. Ему, как будущему космонавту, пурга была нипочем. Он соответственно и к полетам подготовился: носил при себе, как некогда в Каракумах во время полетов на Ту-2, баклажку со спиртом, сумку с ракетницей и ракетами; в этой же сумке лежали сухари и сало. При нем был также компас, карта-двухкилометровка и все то, что может пригодиться перехватчику при вынужденном катапультировании. Он придерживался правила: "Идешь на лисицу -- готовься к встрече с тигром".

И однажды ночью -- это случилось на третьи сутки бушевавшей метели -его подняли по сигналу с КП дивизии.

Самолет выпускал в воздух техник-лейтенант Максим Гречка. Сняв с сопла фанерный куржок-заглушку, он не устоял против ветра, повалился на землю.

-- Вот это дует, дьявол его забери! Ну, куда вас несет нечистая сила? -- ворчал он, снаряжая летчика в полет.

У Телюкова не было времени на лишние разговоры.

-- Заглушки и чехлы сняли?

-- А как же.

-- Проверьте подогрев трубки...

-- Проверю, проверю, -- ворчал техник, помогая летчику привязываться ремнями. -- Ну, а если придется спускаться на парашюте в такой пурге? Занесет кто знает куда, а не то об землю ударит.

-- Не каркайте! -- рассердился Телюков.

-- Я и не каркаю, -- не унимался Гречка. -- Только на душе у меня неспокойно.

-- К запуску!

-- Есть, к запуску!

Запуская двигатель, Телюков услышал характерное урчание. Это возник так называемый помпаж. Двигатель не набрал нужного числа оборотов. Но летчик знал, как бороться с этим злом. Быстрым движением перевел он рычаг управления стоп-крана в положение пускового упора -- сделал отсечку. Урчание прекратилось. Тогда летчик плавно перевел рычаг в положение полного открытия. Двигатель заработал нормально.

-- Отключить аэродромное питание! -- подал сигнал капитан и проверил генератор. Работает -- красная лампочка тут же погасла. Включил авиагоризонт, подождал две-три минуты и, как только линия горизонта сферической шкалы установилась в горизонтальное положение, передал на СКП:

-- 777 к вылету готов!

Через минуту самолет, освободившись от цепких объятий тормозов, тронулся с места.

Работяга и труженик, Максим Гречка отличался одним существенным недостатком: он был немного суеверен. Внезапно возникший помпаж (да еще в такую ночь!) показался ему недобрым предзнаменованием, и он, бедняга, не без тревоги в душе наблюдал за самолетом, едва мерцавшим вдали аэронавигационными огнями.

Самолет нырнул в облачность, уже и грохота не доносилось, а Гречка все стоял у заглушки и на чем свет стоит проклинал тех, кто придумал "эту дурацкую "холодную войну".

А Телюков тем временем преспокойно набирал высоту, не спуская глаз с многочисленных приборов и лампочек сигнализации. Он сидел в кабине, словно читая раскрытую книгу: "Шасси убраны", "Обороты двигателя -- нормальны", "Скороподъемность -- заданная". Достигнув определенной высоты, включил радиолокационный прицел. Отрегулировал на экране яркость. Потом потянулся к рукоятке "Фокус". "Достаточно -- изображение линий электронного авиагоризонта четкое".

Он готовился к бою спокойно, методично, последовательно. Это была работа летчика -- необычная, своеобразная. Она поглощает человека всего без остатка. Ноги у него заняты педалями, руки -- ручками управления, рычагами и тумблерами, уши прислушиваются к эфиру, глаза следят за приборами и лампочками сигнализации.

Летчик как бы срастается с машиной, превращаясь в ее мозг и нерв.

Тяжела его работа, ни с чем не сравнишь!

Самолет пробил облачность -- над кабиной горохом рассыпались мерцающие звезды. И в то мгновение, как Телюков увидел звезды, самолет неожиданно вздрогнул, подпрыгнул,

будто попал в безвоздушное пространство.

"Что это значит?" -- недоумевал летчик. Он бросил беглый взгляд на вариометр -- скороподъемность как будто увеличилась, хотя обороты двигателя оставались прежними. И тут его осенило: баки... Баки с горючим сорвались... Отсутствие подвесных баков подтвердили и лампочки сигнализации... Сорвался, собственно говоря, один бак, другой слетел автоматически...

Облегченный самолет стрелой понесся к созвездиям. Неудержимо подвигалась вперед стрелка барометрического высотомера. Наконец прибор показал десять тысяч метров. Это уже была заданная штурманом наведения высота.

Об аварии с подвесными баками Телюкову надлежало доложить на КП. И он уже нажал было на кнопку радиопередатчика, но неожиданно передумал и решил промолчать. "Еще завернут назад и подымут кого-нибудь другого, -- подумал он. -- Хватит и того горючего, которое находится в основных баках".

До сих пор он шел взлетным курсом, выполняя команды штурмана-оператора "Валуна", то есть КП дивизии. Потом "Вулкан" передал перехватчик "Робинзону". Сквозь шум и трескотню в наушниках Телюков услышал голос майора Гришина:

-- Я -- "Робинзон". Слушай мою команду, 777!

-- Вас понял, -- ответил Телюков. Он уже перезарядил пушки и был готов к атаке.

-- Я -- "Робинзон". Цель одиночная, реальная.

-- Ясно.

-- Разворот вправо, девяносто.

-- Понял.

Минуты через три:

-- Разворот влево, девяносто.

-- Понял.

И не только команду, но и схему наведения понял Телюков. Было ясно: нарушитель границы держит курс на материк. Еще один разворот влево, и перехватчик очутится в задней полусфере самолета-нарушителя, то есть на догоне.

Однако схема наведения, что так четко отложилась в представлении летчика, вскоре спуталась. "Робинзон" начал "крутить" летчика то в одну, то в другую сторону, требовал увеличить высоту, затем уменьшить. Два раза он надрывал горло: "Цель впереди!" -- но на экране ничего не появлялось, хотя Телюков шарил носом самолета во все стороны.

Цель маневрировала по курсу и высоте. Это означало: вражеский экипаж, располагая мощным бортовым локатором, засек перехватчика и сейчас стремится во что бы то ни стало

оторваться от него, уйти в пределы нейтральных вод.

На какое-то мгновение Гришин утратил веру в успех наведения. Он не знал, что делать, как поступить. Если он отведет перехватчик в сторону километров на 40-50, нарушитель, который уже развернулся, определенно успеет уйти. Не было также смысла держать перехватчик в радиусе действия бортового локатора, ибо фактор внезапности потерян.

Что же остается делать? Кто ответит на этот вопрос?

Но вот Гришин заметил на экране, как метка от нарушителя границы начала перемещаться "змейкой" с разворотами, равными приблизительно десяти градусам. Прикинув мысленно, в какой именно точке очутится бомбардировщик через пять минут, он направил в избранную точку перехватчик.

И не ошибся! Точно через пять минут обе отметки -- от бомбардировщика и перехватчика -- очутились в десяти километрах друг от друга по прямой.

-- Я -- "Робинзон"! Цель впереди!

И вдруг в ответ:

-- Вижу! -- Это означало, что Телюков взял бомбардировщик на экран своего локатора.

-- Бей! Бей! Бей! -- исступленно шептал Гришин, вглядываясь в экран до боли в глазах.

Прокатилась по экрану искристая развертка. Метки слились воедино. Оба самолета как бы застыли в смертельной схватке. Теперь все зависело от того, кто первым откроет огонь и кто лучше прицелится. Возможно также, что один из самолетов в это мгновение уже объят пламенем и идет вниз.

"Так что же там?" -- Гришин страшно нервничал, ломал пальцы, хрустел суставами. Ему захотелось крикнуть во всю мощь своих легких: "Бей, Телюков!" Но после того как штурман свел самолеты, он не имеет права вмешиваться в бой.

Прошла очередная развертка, и Гришин недоуменно развел руками. Метка до сих пор не раздвоилась. Либо радиолокационная станция перехватчика все еще пребывала в режиме прицеливания, либо Телюков пошел на таран и теперь истребитель-перехватчик и бомбардировщик стремительно падают в море.

-- Высоту! -- Гришин повернулся к оператору индикатора высоты.

-- Есть, высоту!

В это мгновение послышался голос Телюкова:

-- "Робинзон", я -- 777, атаку выполнил, что там наблюдается?

Гришин уставился в зеркало индикатора. Метка раздвоилась. Одна светлая точечка отскочила в сторону, а другая стояла на

месте.

-- Бомбардировщик падает! -- сообщил оператор индикатора высоты.

-- Наблюдайте!

-- Есть, наблюдать!

Метка, стоявшая на месте, исчезла. И снова встало это злополучное "либо". Либо бомбардировщик упал в море, либо ушел на малой высоте и скрылся за горизонтом, то есть за кривизной земного шара.

Так ничего определенного и не смог штурман сообщить летчику.

А Телюков, выходя из атаки, заметил в небе огненный шар, который перемещался неподалеку от него. Ему показалось, что это недобитый им самолет, и, войдя в азарт, он погнался за ним, включив форсаж

Он гнался минут пять. Шар катился с бешеной скоростью, оставляя позади себя сверкающие созвездия. И тут только летчик сообразил, что в небе перед ним -- искусственный спутник Земли. Однажды, в такую же точно звездную ночь, за ним уже гонялся майор Дроздов.

Стало обидно за столь досадную оплошность.

Гришин же, ничего не понимая, яростно бранился:

-- 777, куда вас черт несет?! Поворачивайте назад! Ваш курс...

Если бы тотчас после атаки Телюков настроился на приводную радиостанцию аэродрома, то горючего хватило бы для возвращения домой. К сожалению, он погнался за спутником, включив форсаж, и теперь сознавал, что до своего аэродрома не дотянет. А тут еще в кабине зажглась вдруг лампочка сигнализации. Горючего оставалось лишь для немедленной посадки, а до аэродрома было добрых сто километров, если не больше.

-- "Робинзон", я -- 777, нет горючего, горит лампочка сигнализации. Давайте самый краткий путь к материку. Прием.

За полетом перехватчика все время следил КП дивизии, в данном случае полковник Шумилов. Не зная об аварии с подвесными баками, комдив решил: перехватчик подбит в бою, горючее вытекло. Придя к такому выводу, комдив сам начал командовать летчиком, повел его в направлении зоны вынужденного катапультирования.

В таких случаях важно не только дать летчику ценный совет, но и поддержать его морально.

-- Не волнуйтесь, 777, -- передавал в эфир полковник. -- У вас есть запас высоты и скорости. Не теряйте их. Когда остановится двигатель, идите со снижением. Главное -- следите за скоростью.

Я сообщу, когда настанет момент катапультироваться.

Телюков невольно усмехнулся, когда услышал в наушниках приказ полковника сбросить пустые подвесные баки, чтобы уменьшить лобовое сопротивление самолета. А вообще ему было не до шуток. Жизнь, можно сказать, висела на волоске. Более всего Телюков боялся оказаться в море: очень было бы неприятно, с досадой думал он, если бы крабы или какие-нибудь морские гады ощупывали его тело своими страшными клешнями...

Высосав последнюю каплю горючего, двигатель остановился. Сразу поползла назад стрелка тахометра. Вскоре заметно начал сдавать и указатель скорости. Телюков перевел самолет в режим снижения.

-- 777, вы прошли над "Робинзоном", -- сообщил Гришин.

-- Вас понял, двигатель остановился.

Несколько минут спустя послышался голос полковника Шумилова:

-- 777, вы над материком. Приготовиться к катапультированию.

Высота быстро падала. Самолет врезался в гущу облаков.

Телюков перевел самолет в горизонтальный полет, подождал немного, пока уменьшится скорость, затем сбросил фонарь и плотно прижался к стенке сиденья, застопорил привязные ремни.

-- "Валун", я -- 777, катапультируюсь. Засекайте место. Жду. До встречи.

-- До встречи, -- донеслось с земли.

Летчик бросил последний взгляд на доску приборов, как бы прощаясь с самолетом. Снял ноги с педалей. И поставил их на подножки сиденья.

-- Пошел, Филипп Кондратьевич! -- сказал он, и катапульта выбросила его в зияющую пустоту ночного неба.

Ни жив ни мертв подымался техник-лейтенант Гречка по ступенькам СКП. Сейчас командир полка и инженер спросят, куда девалось горючее. А разве он знает? Все баки были наполнены.

Но о горючем не спросил ни командир, ни инженер. Они, также как командир дивизии, пришли к выводу, что Телюкова обстреляли, горючее вытекло. Иной причины быть не могло. Ведь если бы подвесные баки сорвало, то метку от них легко мог бы засечь на экране локатора оператор, и во всяком случае сам летчик сообщил бы об отрыве баков.

-- Вот что, товарищ Гречка, -- Поддубный подвел его к карте. -- Телюков выбросился где-то в этом районе. Берите с собой радиста, десять автоматчиков и отправляйтесь на розыски.

-- Есть, отправиться на розыски.

-- Погодите. Возьмите спальные мешки, лыжи и продукты на

десять дней. Подробный инструктаж получите у Рожнова. Помните: мы возлагаем на вас все надежды. Розыски с воздуха сможем начать не раньше чем через двое-трое суток, когда утихнет пурга. Действуйте.

-- Есть, действовать!

Едва лишь забрезжил рассвет, как экспедиция, возглавляемая Гречкой, тронулась в путь.

Участники экспедиции взяли с собой Рыцаря.

Оторвавшись от сиденья, Телюков перевернулся через спину и пошел головой вниз. Парашют раскрылся автоматически.

Подхваченный ветром, он потянул летчика вверх, раскачал и понес над невидимой землей.

По старой привычке, а больше для того, чтобы развеять "всякие глупые мысли", как называл он мрачные предчувствия, Телюков запел свою любимую песню:

Смотри, пилот, какое небо хмурое,

Огнем сверкает черной тучи край...

Он храбрился. Но есть предел человеческой храбрости. Ему казалось, что он попал самому черту в зубы. Парашют то тянуло вверх, то швыряло вниз и в стороны с неимоверной силой. Стропы то натягивались, то ослабевали, как будто их кто-то перерезал. Вот-вот, казалось, ветер свернет купол, погасит его, и тогда он, Телюков, ударившись о мерзлую землю, превратится в мешок мяса и костей.

Тщетно пытался летчик хоть что-нибудь разглядеть в ночной мути, заметить хоть подобие огонька. Проваливаясь в бездну, он летел, охваченный тревогой. Ему стало вдруг жарко, и он готов был сорвать с себя одежду.

Неожиданно по ногам хлестнули ветки -- летчик почувствовал это отчетливо. "Тайга", -- мелькнула радостная догадка; он все еще боялся упасть в море. Деревья вдруг будто провалились куда-то, летчика закрутило, завертело с бешеной силой. Он заболтал ногами, нащупывая кроны деревьев, и вдруг уже не на ногах, а на спине и на руках ощутил колючие ветки. Они хлестали его. Вокруг все трещало, ломалось, гнулось. Что-то острое, вероятно сук, больно ударило в спину, и тут Телюков почувствовал, что висит на стропах.

Отдышавшись чуточку, попытался подтянуться на стропах и сполз вниз.

Земля.

Да, это была земля!

Легко и радостно стало на душе. Будто вновь на свет народился. И уже в который раз за свою нелегкую службу в авиации он с чувством глубокой благодарности вспомнил об

изобретателе катапульты. Какой это был, должно быть, умный, талантливый и благородный человек!

Над головой шумели хвойные деревья -- то тяжело и сочно, то сухо и звонко, даже нежно, будто откуда-то издалека долетали звуки флейты и арфы. Как сквозь сито, просеивался снег, шарудела мерзлая листва.

Лежа на животе меж кустов, летчик прислушивался к ночной симфонии тайги, и все то, что произошло сейчас с ним, казалось ему страшным сном. Он пошарил рукой по груди, где должен был висеть фонарик, -- его не оказалось, очевидно, ветками сорвало. Отвернув рукав, посмотрел на место, где должны находиться часы, -- есть! Циферблат привычно светился. Прищурил один глаз -видит. Прищурил другой -- тоже видит. Поднялся -- ноги целы, только неуемная дрожь в коленях.

"Итак, Филипп Кондратьевич, ты оказался при полном комплектовании", -пошутил Телюков, окончательно убедившись в благополучном приземлении.

Потом ощупал кобуру и сумку -- все было на своем месте. Только фонарика не оказалось. Видно, не место ему на груди, лучше было бы спрятать в карман...

До рассвета оставалось еще битых четыре часа. Первая радость, вызванная ощущением того, что он остался жив, сменилась тяжелым раздумьем обо всем происшедшем. Он не был уверен в том, что сбил нарушителя границы; пожара, во всяком случае, не видел. А свой самолет погубил. Потом это ночное катапультирование. Можно было не рисковать жизнью, если бы он сообщил об аварии с подвесными баками. Штурман определенно завернул бы его вовремя. И уже совсем совестно было вспоминать о погоне за искусственным спутником Земли.

Тяжелые мысли навеяли усталость.

Неудержимо хотелось спать -- вот так лег бы и забыл обо всем...

Освободившись от парашюта, он нащупал вытянутой рукой ствол дерева и прислонился к нему, чтобы подремать стоя. Простоял неподвижно час, а то и больше. Вдруг не то померещилось ему, не то и вправду кто-то прошел мимо. Он отчетливо услышал, как чья-то нога провалилась в снег и глухо треснула ветка. Он едва не крикнул "кто там?", но воздержался, стремясь оставаться незамеченным. Стало как-то жутко. Достал из кобуры и зажал в руке пистолет.

Нет, не видно, это ему показалось. И стало стыдно за свой мимолетный испуг. Ведь он, Телюков, собирается на Марс и вдруг теряет самообладание у себя, на обжитой людьми Земле...

Сунув пистолет за пазуху, он достал из сумки флягу, глотнул

спирту и закусил сухарем, предварительно размочив его в снегу.

"А может быть, это прошел медведь?" -- не оставляла его мысль о явственно услышанном шорохе. Но разве медведи бродят в такую ночь? Простой вопрос, а вот он, будущий летчик-космонавт, не знает. Прежде он никогда не интересовался жизнью зверей. Давно, когда еще учился в десятом классе, ему дали почитать один из томов Брема. "О зверях? Да ну их! Лучше дайте мне что-нибудь об авиации", -- сказал он тогда библиотекарю. А выходит, любые знания могут пригодиться человеку независимо от профессии.

Медленно, невыносимо медленно текло время. Казалось, ночи не будет конца. От длительного стояния отекали ноги, появилась ломота в коленях. Не в состоянии был Телюков больше держаться на ногах; он присел прямо на снег и снова вздремнул. А когда очнулся, наступило уже долгожданное утро.

Вокруг посветлело. Мутными полосами вставала над тайгой заря. Ветер раскачивал кроны деревьев, осыпая все вокруг снегом.

Телюков оказался под пихтой. За ее верхушку он, падая, вероятно, и зацепился. Парашют накрыл старую развесистую березу, и клочья купола трепетали на ветру. Грустно было смотреть на то, что осталось от верного друга, постоянного спутника летчика в полете.

Телюков попробовал снять парашют, но это оказалось невозможным. Тогда он срезал стропы, опоясался ими и пошел в северо-западном направлении, туда, где, как ему казалось, лежала зона вынужденного катапультирования. Пройдя несколько метров, он возвратился к месту приземления и перочинным ножом вырезал на коре березы: "Ф.К.Телюков. Иду курсом 300".

Шел осторожно, внимательно оглядываясь вокруг и держа пистолет за пазухой, откуда его легче и быстрее выхватить, нежели из кобуры. Ведь места были глухие, дикие, вполне вероятна встреча с хищниками. Ноги увязали в снегу по колени, а порой и того глубже. Кое-где на прогалинах торчали острия каменных глыб, похожие на могильные надгробия. Это навело летчика на мысль, что он попал в горный кряж. Вскоре в этом пришлось Телюкову окончательно убедиться. Тайга круто обрывалась, спадала в долину, черной бездной зияющую впереди, а справа по отлогой равнине разливалась чернота хвойных лесов.

Долина была засыпана глубоким снегом, и Телюков начал обходить ее, держась подножия горы. Где шел, а где карабкался на четвереньках, преодолевая крутые подъемы и отвесные спуски. Унты отсырели, рубаха прилипала к спине. Но зато идти было веселее, чем сидеть на месте. По крайней мере, была какая-то надежда.

В двенадцать часов, немного подкрепившись -- съел несколько сухарей и кусом сала, -- отправился дальше. Вскоре летчик вышел к неизвестной речушке, за обрывистыми берегами которой выглядывали светло-зеленые залысины льда. О лучшей дороге в тайге и мечтать нечего! Однако речушка оказалась предательской. В одном месте Телюков провалился и набрал в унты воды. Пришлось развести костер и сушить их.

Пока он просушивал обувь и носки, прошло добрых два часа. Метель не утихала. Как-то неожиданно стало темнеть -- рано в горах наступает вечер. Безусловно, до ночи из тайги ему не выбраться, а значит надо заблаговременно позаботиться о ночлеге. Ложиться прямо на снег под открытым небом -- опасно. Остается одно -- привязать себя к дереву.

Продвигаясь вдоль речки, Телюков искал наиболее пригодное для устройства ночлега дерева. Его внимание привлекли ели; их кроны густы, а ветви торчат, как распростертые руки. Свяжешь их -- вот и получится нечто вроде висячего ложа.

После недолгих поисков он облюбовал одну ель -- высокую, пышную, густую. Но, подойдя к ней поближе, он вдруг заметил на снегу отпечатки ног какого-то зверя. И если следы еще не замело снегом, значит, зверь только-только прошел. Возможно, он уже выжидает, готовясь напасть на человека.

Телюков не замедлил свернуть к речке. Пусть уж лучше промокнут ноги, нежели тут, под деревьями, нежданно оказаться в лапах хищника.

И снова ему стало стыдно за свою трусость. Утешив себя мыслью, что в нем просто-напросто проявился инстинкт самосохранения, свойственный каждому, даже отчаянно храброму человеку, он подумал, что еще рано укладываться спать. Вынув из сумки заряженную ракетницу и сунув ее за голенище, он пошел, держась подальше от густых кустарников.

За выступом горы русло реки сворачивало влево, описывая полудугу. Берег на этом участке пути был завален буреломом, и Телюков с трудом перебрался на противоположную сторону. Через некоторое время перед ним открылась глубокая долина. Очевидно, летом река разливалась здесь отдельными широкими рукавами: под снегом отчетливо проступали отмели, и всюду валялись камни, принесенные водою с гор.

Можно было предположить, что здесь горы и тайга уже кончаются и впереди лежит снежная равнина. Именно такой равниной значилась на карте зона вынужденного катапультирования. Но нет! Снова проступили смутные очертания горы, покрытые тайгой. Грозным чудищем надвигалась она на долину, сжимала ее, суживала, направляя реку в тесное

ущелье.

Опасаясь провалиться глубоко в снег, Телюков, добравшись до подножия горы, стал карабкаться между каменных глыб, хватаясь руками за колючие кустарники. Тут он окончательно выбился из сил и сказал себе: "Хватит".

Прежде чем связать веревку и взобраться на какое-нибудь дерево, надо было снова подкрепиться. Он сел на каменную глыбу, глотнул спирту и закусил сухарем с салом. Спирт придал ему бодрости, и летчик готов был снова отправиться в путь в поисках более удобного места для ночлега, как вдруг он уловил запах дыма. Да, сомнений не было: что-то горело. Пахло тлеющей хвоей. Еще раз потянул носом воздух -- значит поблизости либо село, либо охотничья хижина.

-- Ну и везет же тебе, Филипп Кондратьевич! -- обрадовался Телюков. -Этак, пожалуй, и на Марсе встретишь человека!

Запах дыма вывел его на берег реки. На противоположной ее стороне, между деревьев, теплился огонек: светилось окошко величиной с индикатор радиолокационного прицела. В густых, почти непроницаемых сумерках едва улавливались очертания избушки, сложенной из бревен.

За время пребывания на аэродроме Холодный Перевал летчик наслушался множества рассказов и поверий о здешних охотниках, о неписаных законах тайги. Каждый, кто попадет в хижину, -- гласил этот закон, -- найдет в ней оставленные предыдущими постояльцами спички, соль, а то и запасы продовольствия. Все -- для человека! И ни разу никто из летчиков не слышал, чтобы один охотник убил или ограбил другого. Такое в тайге вообще не случается.

Вот и сейчас, увидев охотничью хижину, Телюков смело, без всяких опасений направился к ней, рассчитывая встретить там гостеприимство и уют, о котором только можно мечтать в столь глухих и отдаленных местах. Подойдя к хижине, он заметил, что снег возле двери утоптан. Тут же валялись заготовленные сухие еловые дрова. Прислоненные к стене стояли две пары широких самодельных лыж.

Телюков уже занес было руку, чтобы постучать в дверь, как вдруг вспомнил о таинственном радиопередатчике в горах. Ведь мог же радист укрываться в этой хижине! И сразу встал вопрос: кто он, этот человек? На самом ли деле охотник?

Эта внезапно пришедшая в голову мысль вынудила летчика действовать очень осторожно. Отойдя от двери, он приблизился к окошку, смахнул с него рукавом снег и заглянул в хижину. Двое мужчин, орудуя ножами, свежевали козу, подвешенную к потолку за задние ноги. Один из них, с черной повязкой на глазу, ловко

орудовал ножом. Другой -- старик с широкой курчавой бородой, косая сажень в плечах -- помогал ему. Посади таких на старинную шхуну -- и можешь снимать кинофильм о пиратах. Посреди хижины горел огонек и на таганке висело закопченное ведро. У стены стояли ружья, а на полу валялись свертки и какие-то железные прутья, должно быть капканы.

Телюков знал, что охота на коз уже была запрещена. "Браконьеры", -подумал он. Но в своем положении рад был и браконьерам.

-- Эй, люди добрые, отворите! -- постучал он в дверь.

В хижине тотчас же погас свет. За дверью что-то звякнуло. Долетел приглушенный говор.

"Вот так нагнал на браконьеров страху", -- усмехнулся Телюков. Подождав, он снова стукнул ногой в дверь:

-- Отворите, храбрецы, я не инспектор, не бойтесь.

Молчание.

-- Да что ж это такое? Не для вас, что ли, писаны законы тайги? -возмутился Телюков.

-- А ты кто такой будешь, человек? -- послышалось наконец из хижины.

-- Свой!

-- Свои и коней уводят. Говори толком, откуда?

-- С неба. Летчик я.

Загремели запоры. Дверь отворилась. Из хижины потянуло теплым духом.

-- Входи.

Переступив порог, Телюков заметил в руке одноглазого нож.

-- Брось-ка ты эту игрушку, добрый человек, а то как бы мне не испугаться да не выбить тебе невзначай второй глаз...

Браконьер, увидя в руках незнакомого пистолет, отступил и отбросил нож куда-то в угол.

-- И каганец заодно присветите, поглядим друг на друга, познакомимся!

Одноглазый покорно поднес к огню консервную банку с жидким смальцем, маленький фитилек слабо осветил дымную хижину.

-- Ну, теперь здравствуйте, добрые люди! -- сказал Телюков и сунул пистолет за пазуху. Летчик уже успел окинуть зорким взглядом руки незнакомцев. Грубые, грязные, шершавые. Вряд ли такие руки имели касательство к радиотелеграфному ключу... Несомненно, перед ним стояли обычные браконьеры, к тому же трусливые, как зайцы. Только теперь он заметил, что козу и ведро они куда-то запрятали.

-- Постреливаем, значит, козочек?

-- А тебе что за печаль? -- буркнул браконьер, сверкнув единственным глазом.

-- Да ничего, конечно, ты не сердись, человек добрый. Я ведь не инспектор. Летчик я, разве не видишь? Выбросился на парашюте, вот и блуждаю... С помощью аллаха набрел на вашу хижину. Грешными делами занимаетесь, а оконце не занавесили. Поглядел -- светится. Ну и залетел на огонек.

-- Тогда будь гостем, -- уже доброжелательно произнес одноглазый.

-- Спасибо. -- И Телюков протянул руку.

Поздоровавшись с одноглазым, он повернулся к старику, который, насупившись, сидел в углу, по-казахски скрестив перед собой ноги.

-- Здравствуйте!

Старик не пошевельнулся.

-- Глуховат он, -- пояснил одноглазый и громко крикнул: -- Вставай, Самсоныч, приготовь гостю поесть.

Старик, привыкший, очевидно, к беспрекословному повиновению, разгреб под собой сухую листву, поднял деревянную крышку и, склонившись над ямой, достал оттуда сперва ведро, а затем и козу.

-- Наивные вы люди, как я погляжу, -- заметил Телюков. -- Ну и тайник у вас! Есть такая птица -- страус: голову зарыл в песок, а спина сверху. И вы так же! Да если бы в самом деле наскочили на вас инспектора, то они все углы обшарили б...

-- Про погреб никому невдомек. Мы его недавно вырыли.

-- Невдо-о-мек! -- насмешливо протянул Телюков. -- А скажите, разве так уж часто наведываются сюда инспектора?

-- Бывает, что и часто.

-- А сколько отсюда до ближайшего села?

-- До Коряковки-то?

-- Пусть до Коряковки.

-- Верстов пятьдесят, коли напрямик.

-- Ого!

Телюков вынул из-за пазухи карту-двухкилометровку и подошел поближе к свету. Одноглазый подбросил в костер дров, а бородач подвесил на таганок ведро. Потом браконьеры взялись за козу. Дрова дымили, в хижине стояли чад и смрад, нечем было дышать. Телюков немного приотворил дверь.

-- Не могу! -- он закашлялся, вытирая рукавом глаза. -- Слезу вышибает...

Браконьеры молча возились возле козы. Им, как видно, едкий дым не мешал, привыкли. Все больше и больше напоминали они Телюкову пиратов из приключенческих повестей девятнадцатого

века.

Ободрав наконец козу, одноглазый вынес ее из хижины и, вернувшись, попробовал ножом мясо, варившееся в ведре.

-- Готово, давай, -- кивнул он старику. -- Присаживайся, летчик. -- И, помолчав, спросил: -- Так говоришь, с самолета выпрыгнул?

-- Выпрыгнул.

-- Мотор отказал?

-- Да, -- уклончиво ответил Телюков.

Бородач тут же, у огня, слил из ведра жижу и тем же ножом, которым только что потрошил козу, начал вынимать и разрезать куски мяса. Суровый внешне, он, видимо, был добродушным, старался угодить обоим -- и одноглазому, и гостю. Покопавшись где-то в углу, он достал мешочек с солью и полбуханки черного хлеба. В его небольших глубоко сидящих под клокастыми бровями глазах таилась какая-то безысходная тоска.

При каждом окрике одноглазого старик поглядывал на него с преданностью верного пса, который, однако, держится настороже, боясь, чтобы ненароком не получить от хозяина пинка.

Странным было и то, что бородач за все это время не проронил и слова. Молчал, как молчит слуга в присутствии своего барина.

Они не были равными -- это сразу же бросалось в глаза. Всем, очевидно, заправлял одноглазый -- человек вида наглого и жуликоватого. Телюков с первых же минут знакомства проникся к нему чувством неприязни. Видимо, не зря этот браконьер лишился одного глаза.

Однако эти люди пригласили его разделить с ним трапезу и тепло таежной хижины, и он не хотел остаться неблагодарным -- достал свою флягу со спиртом, протянул ее одноглазому:

-- Тут у меня кое-что к закуске.

-- Водка? -- одноглазый весь встрепенулся.

-- Спирт. Прихватил на всякий случай. Чтобы не замерзнуть.

Одноглазый, не спуская взгляда с фляги, порылся в мешке, достал алюминиевую кружку.

-- Налей, голубчик. Как тебя звать-то?

-- Николаем, -- назвал Телюков первое пришедшее ему в голову имя.

-- Налей, Николаша!

Телюков налил немного, но, заметив, что одноглазый недовольно поморщился, добавил еще.

-- За твое здоровье, Николаша! -- Он выпил и даже не поморщился, аппетитно крякнул и понюхал корочку хлеба.

Телюков поднес кружку старику. Тот, прежде чем взять ее,

вытер жирные пальцы о лоснящуюся фуфайку и вопросительно поглядел на одноглазого, как бы испрашивая разрешения.

-- Пейте, пейте, дедушка! -- предлагал старику Телюков.

Старик огладил бороду, выпил, причмокнул и тоже крякнул от удовольствия.

Сам Телюков пить не стал. Но как только он собрался спрятать флягу, одноглазый поймал его за руку и умоляюще протянул:

-- Не руш... Дай еще глотнуть. Не скупись! Ух, вкусен! Хочешь, я тебе за него целую козу отвалю?

-- Простите... как вас величать?

-- Антоном зови меня.

Услышав это имя, Телюков невольно вздрогнул и едва не выронил флягу. Только теперь он обратил внимание на то, что лицо у одноглазого было как бы поклевано -- все в оранжево-синих пятнах. Это, несомненно, следы дроби. Неужели?.. У него прямо дыхание остановилось...

-- Так вы... Ага, Антоном вас звать? -- Телюков не сразу овладел собою. -- Я, видите ли... спирт этот мне еще нужен... Но если вы... Ну, ладно, берите. Да берите всю флягу. Там уже немного и осталось.

Не то от жадности, не то боясь, что летчик вдруг передумает, одноглазый тут же опорожнил ее одним духом. Он хотел что-то сказать, но только хлопал глазом не в силах передохнуть.

-- Закусите.

Антон отрицательно замахал рукой:

-- Нет, нет! Закусишь -- выпивки как не бывало... То ли пил, то ли не пил -- не разберешь.

-- Трезвый у вас рассудок, -- пошутил Телюков и, чтобы окончательно убедиться, что передним тот самый Антон, в которого Нина пальнула из ружья, спросил: -- Что это у вас с лицом? Медведь лапу приложил, что ли?

-- Нет.

-- Рысь?

-- Баба.

-- Баба? Это как же?

-- Девка.

-- Да ну? -- наигранно удивился Телюков.

-- Из ружья, каналья... А девка!.. Эх, девка! Слушай, летчик, ты еще таких не видывал. Его дочь, -- он указал на старика.

-- Ну, ну, интересно!

-- Ох, девка! -- продолжал Антон, ударив себя в грудь. -- Вот она у меня где, окаянная! В руках держал, да недодержал. Убегла. Но я найду ее! Из-под земли достану! Либо моей будет, либо

укорот ей дам! Вздерну на суку. И его, -- он опять махнул рукой в сторону старика, -- его тоже вздерну, как собаку. О, ты, брат, меня не знаешь! Повешу!

У пьяного постепенно развязывался язык.

С трудом сдерживаясь, Телюков внимательно слушал.

-- Ей-богу, повешу! Эй, Самсоныч, слышишь? -- И он гадко выругался. -Говори! Приведешь ее сюда? А не приведешь -- болтаться тебе на суку... Слышишь?

Старик сидел, скрестив ноги, и, казалось, совершенно не реагировал на угрозы. Он, видимо, привык к ним, а может, все уже было ему безразлично.

Одноглазый поднялся пошатываясь на нетвердых ногах.

-- Где Нина? -- гаркнул он. -- Куда ты ее упрятал?

Он был страшен, этот одноглазый, хмельной человек, и Телюков пожалел, что напоил его. Вскочив с места, он твердо и решительно сказал:

-- Прошу не оскорблять старого человека.

-- Все равно повешу...

-- Успокойтесь, слышите?!

-- Ты!.. -- единственный глаз Антона постепенно наливался кровью. -Эх, ты... девка... Люблю... Ей-богу, люблю больше жизни... Королева!

Он метался по хижине в бессильной ярости, потом неожиданно упал, зарылся в листву, как дикий кабан, и вскоре захрапел.

А Нинин отчим сидел у огня все так же неподвижно, лениво пожевывая беззубыми челюстями полусырое мясо. Подбросит в огонь дров, сметет рукавом листья у костра и снова жует.

Телюков, подкрепившись козлятиной, начал присматриваться, где бы поудобнее устроиться. Он наскреб листьев и сухих прутьев, вымостил себе ложе в противоположном углу и, ослабив ремень, лег, повернувшись лицом к одноглазому.

-- Ложитесь и вы, папаша! -- окликнул он старика.

Тот поднял голову и отрицательно покачал головой.

Ясно: спать старику не разрешалось.

Интересно, узнает ли когда-нибудь этот бородач, что он ночевал в таежной хижине со своим зятем? Пожалуй, не узнает. Конечно, если бы старик не был глуховат и если бы не его рабская покорность одноглазому, Телюков рискнул бы -- поведал ему о Нине. Но в данном случае лучше было молчать. Начнешь рассказывать, одноглазый услышит, и тогда могут возникнуть крупные неприятности. Пускай лучше все остается в тайне.

В течение дня экспедиция техник-лейтенанта Гречки, разбившись на три группы, обошла всю зону вынужденного

катапультирования, выпустила в воздух не менее тридцати ракет и, не добившись никаких результатов, направилась в ближайшее село Коряковку на ночлег.

Солдаты возвращались уставшие и голодные. Да и сам Гречка едва держался на ногах. Собирались в помещении сельсовета. Поужинали и легли спать, забравшись в спальные мешки.

Дальнейший план был таков: поднять утром жителей села, прочесать еще раз зону и, если не удастся найти Телюкова, живого или мертвого, идти в горы, в тайгу и там продолжать поиски. Гречка склонялся к мысли, что летчик не попал в обозначенную зону, перелетел ее, пока готовился к катапультированию.

Примостившись на столе у окна, Гречка прислушивался к завыванию бури. Тоскливо и тревожно было на душе. Не везет ему! Не первый раз уже разыскивает он летчиков. Дважды приходилось бродить так же в Каракумах. Правда, хоронить еще никого не хоронил, но, очевидно, на сей раз придется... Что-то не припоминает он случая, чтобы кто-нибудь когда-нибудь катапультировался ночью в такую пургу...

Одним словом, долетался Телюков. А еще на Марс собирался... И дался же ему этот Марс! Пускай бы себе мигал там, в космосе.

Гречка вспомнил родное село, тихое, спокойное, с плакучими ивами в балке, с белыми, как лебеди, хатками, которые едва виднелись в сплошной зелени вишневых садов. Спят там люди спокойно, не зная тревог, а он, Гречка, каждый день и чуть ли не каждую ночь на аэродроме возле самолетов. И неизвестно еще, какая уготована ему судьба: кому-то ведь придется отвечать за гибель летчика...

Гречка неожиданно для себя застонал и сразу же почувствовал на себе лапы Рыцаря, до того мирно лежащего под столом.

-- Ну, чего тебе? -- растроганно шепнул Гречка и погладил собаку по голове. -- Спи.

Рыцарь тихонько заскулил, и Гречка подумал невольно, что собака тоже тоскует.

-- Спи, Рыцарь, спи! А завтра снова в путь-дорогу...

Долго лежал Гречка, терзаемый тревожными мыслями.

Ветер громыхал снаружи чем-то железным. Густыми хлопьями снега запушило окна. Над потолком что-то скреблось, должно быть мыши. В печи завывал на все лады вьюга.

Среди ночи Гречку разбудил радист:

-- Товарищ техник-лейтенант, вставайте.

-- Что случилось?

-- Я принял радиограмму от командира полка. Вам предлагается немедленно выйти в район высоты двести восемнадцать. Получены данные, что где-то там упал самолет.

-- Немедленно?

-- Так точно!

Гречка выбрался из теплого мешка и пошел вслед за радистом в смежную комнату. Прочитав радиограмму, он расстелил на столе карту, отыскал обозначенную высоту. Батюшки мои! Это и в самом деле в горах, в тайге. Отсчитали расстояние -- не менее семидесяти километров!

-- Нет, немедленно выйти не можем.

-- Так прикажете и передать? -- спросил радист.

Гречка заколебался.

-- Погоди-ка, я сбегаю к председателю колхоза.

Вернулся он уже под утро.

-- Подъем! -- скомандовал солдатам. -- Быстро по саням!

Возле сельсовета стояло восемь конных упряжек -- целый санный поезд. Ржали кони, суетились люди, заливались лаем собаки. Солдаты, выбегая из сельсовета, волокли к саням свои котомки и лыжи, расспрашивая друг друга, что произошло.

-- Скорее, скорее! -- подгонял их Гречка.

И вот санный поезд вылетел за околицу села, помчался по снежной равнине.

Ветер как будто отпустил немного. Мело, но уже не с прежней силой. Брезжил рассвет. Слева чернели отвесные берега реки, глухо шумел густой лозняк. Кое-где из серой мути выплывали купы деревьев. По сторонам дороги стояли заснеженные стога сена.

Гречка ехал на передних розвальнях. Рядом, попыхивая трубкой, лежал местный охотник, пожилой человек с густой окладистой бородой. Он вызвался быть проводником, заявив, что ему знакома каждая зверина тропа, а только тропой и может пройти человек в тайге.

Небольшая гнедая кобыла живо тянула сани; она будто понимала, что терять времени никак нельзя, что где-то в горах затерялась человеческая жизнь... В ложбинах, увязая по колена, а то и по брюхо в снег, лошадка все так же живо гребла всеми четырьмя ногами, карабкалась, как жук. А вслед за ней карабкались еще семеро таких же жуков -- гнедых, черных, серых. При взгляде на них у Гречки что-то теплое разливалось по сердцу. Он просил у председателя колхоза две подводы, а тот пригнал целых восемь. Когда по избам разнеслась весть о летчике, который ждет в тайге помощи, колхозники без всяких уговоров бросали теплые избы и бежали к конюшне, чтобы как можно

скорее снарядить лошадей на розыски летчика.

"До чего ж они благородны, эти простые люди, сидящие на розвальнях вместе с солдатами!" -- благодарно думал Гречка.

Ехали все время вдоль реки, той самой реки, по которой, только с другого берега, шел на лыжах капитан Телюков. Он оставил хижину еще до рассвета, чтобы успеть к вечеру добраться до Коряковки. У одноглазого не дрогнула рука содрать с летчика за ночлег и за лыжи кругленькую сумму... Но Телюков не жалел денег. На лыжах идти было значительно легче. Теперь он чувствовал себя в полной безопасности, пел песни, мечтал о встрече с Ниной. Как счастлива будет она, узнав, что этот негодяй Антон жив, что ее теперь уже не за что судить, что ей уже ничто не угрожает.

Телюков спускался в балку, по склонам которой чернел кустарник, как вдруг в утренней мгле показалась первая подвода. За ней еще одна и еще... Целый обоз! Он повернул навстречу, чтобы спросить, далеко ли еще до Коряковки, и обомлел от неожиданности. В небо взлетела зеленая ракета. Кто-то спрыгнул с передних розвальней и побежал навстречу. Ба! Да ведь это Максим Гречка!

-- Максим, друже!

-- Товарищ капитан!

Они обнялись.

-- Чертяка, дай я тебя поцелую.

-- Вы живы... А мы за вами...

Их окружили со всех сторон солдаты и колхозники. Неожиданно Телюков очутился в объятиях пышной розовощекой женщины в черном кожушке с ярким узором на узком вороте. Она, как видно, тоже не против была поцеловать летчика.

-- Да ты не стесняйся, соколик, поцелуй и вдовицу.

В толпе расхохотались.

-- Целуй, целуй его, Марфа! -- крикнул кто-то из мужчин.

-- Помалкивай, дурак, я впервые вижу живого летчика. Тебе этого не понять!

-- Тащи его к себе в сани!

Женщина и вправду не выпускала летчика из своих цепких объятий.

-- Ну, что ж теперь делать? -- шутили колхозники. -- Может, и свадьбу справим, а? Вот бы здорово!

Только сейчас Телюков увидел Рыцаря, который бешено вертелся у ног. Он поднял его, прижал к себе. Потом достал из сумки кусок козлятины.

-- На, получай за верную службу!

Рыцарь на лету поймал кусок мяса.

Гречка разыскал радиста и приказал ему немедленно связаться с "Тайфуном". Вскоре он диктовал радиограмму: "Телюков найден. Жив, здоров. Находимся в селе Коряковка. Техник-лейтенант Гречка".

С песнями и шутками обоз повернул назад.

Глава девятая

Начальник штаба дивизии полковник Вознесенский -- человек солидный. Мелкие интриги -- не по его части. На сплетни Гришина -- а в том, что это были сплетни, он не сомневался -- махнул рукой. Паутина. Дунул -- она разорвалась. И не таков Поддубный, чтобы не выпутаться из этой паутины. Скрутить его в бараний рог можно лишь веревкой, и вот конец этой веревки теперь в его руках: потеря самолета. А причина потери? Недисциплинированность летчика Телюкова. А кто обучает и воспитывает летчиков в полку, кто отвечает за дисциплину в первую голову? Командир полка!

Теперь он, Вознесенский, имеет полную возможность сполна посчитаться с обидчиком, ответить ему на вопрос: для кого в комнате боевого управления КП поставлен стол -- для дипломата или солдата?

И Вознесенский начал действовать. Главное для него состояло теперь в том, чтобы собрать факты, на основании которых командиру полка подполковнику Поддубному можно было бы объявить в приказе служебное несоответствие. Эти факты мог дать летчик. Выгораживая себя, он вольно или невольно впутает командира. Ведь каждому своя рубашка ближе...

Таким образом, не случайно Телюков, подобранный вертолетом в селе Коряковка, первым делом очутился в кабинете начальника штаба дивизии.

-- Ну, докладывайте, что случилось с вами в полете, капитан, -- сказал начштаба после того, как летчик представился ему.

Поправив очки на переносице, начштаба потянулся рукой к чернильному прибору, раскрыл блокнот.

Телюков говорил правду, ничего не утаивая, ничего не добавляя.

-- Гм... Выходит, что во всем происшедшем виноваты вы один? -разочарованно протянул начштаба. -- Плохо, капитан, очень плохо. Вам придется держать ответ, возможно, даже в судебном порядке. За вами уже целый ряд нарушений летных правил. Во-первых, вы обязаны были доложить о подвесных баках, а вы этого не сделали. Во--вторых, какое право вы имели гнаться даже а явным самолетом-нарушителем без разрешения, без команды с КП? И вот результат налицо: загублена боевая машина. А может, вы все-таки докладывали про аварию с подвесными

баками? -- допытывался полковник. -- А ну, подумайте.

-- Нет, товарищ полковник, не докладывал.

-- Командир полка был на СКП, когда вы вылетали?

-- Так точно!

-- А вы и словом не заикнулись о баках?

-- Нет, товарищ полковник. Не хотел, чтобы меня завернули.

-- И про помпаж не докладывали?

-- Не докладывал. В этом не было нужды.

-- А подготовку к боевому дежурству проходили?

-- Так точно!

-- Кто конкретно проводил с вами подготовку?

-- Сам командир полка.

-- Он напоминал вам о том, что необходимо сообщать об отрыве подвесных баков?

-- Не помню. Кажется, нет, но при каждой аварийной ситуации... Да ведь это известно любому летчику.

-- Ага, значит, о подвесных баках речи не было? -- уцепился за эту фразу начштаба.

Телюкова начинали раздражать эти наивные наводящие вопросы.

-- А чего бы мы о них говорили? Сколько служу в полку, не знаю случая, чтобы подвесные баки сорвало.

-- Вот так оно и получается: давно гром не гремел, забыли, когда перекреститься надо.

-- Ничего мы не забыли, товарищ полковник! И если искать виновника, то это именно я. Заслуживаю -- судите. Только я почти уверен, что сбил нарушителя границы.

-- Почти! -- съязвил начальник штаба. -- В военном деле слово "почти" -- пустоцвет.

-- Я точно взял самолет в прицел, вот так, -- Телюков показал на пальцах.

-- Да, но кто докажет, что вы сбили бомбардировщик? Спикировал? Да ведь неизвестно, упал он или попросту ушел. А вот свой самолет погубили -- это уже факт. И терять свои самолеты для того лишь, чтобы прогнать нарушителя границы, -- это, знаете, далеко не подвиг. Вам определенно придется отвечать. Перед трибуналом. Понимаете?

Телюков промолчал.

-- У меня складывается такое впечатление, -- сказал после паузы Вознесенский, -- будто вы боитесь сказать что-либо против командира полка. Например, о недостатках в подготовке дежурных экипажей. Прошу говорить открыто и честно. Замалчивание не облегчит ваше положение.

-- Я, товарищ полковник, сказал все честно. Ну, кто же, кроме

меня, виноват в том, что я не доложил о баках? Никто. Я без разрешения погнался за искусственным спутником -- тоже факт! Ошибся, но поступил так, как подсказывала мне совесть. А что бы вы сейчас мне сказали, если б я, заметив чужой самолет, не атаковал его?

Полковнику явно не нравились ответы летчика.

-- А скажите, капитан, это правда, что командир полка перехватил у вас любимую девушку?

Телюкову кровь бросилась в лицо, и он жгуче покраснел.

-- Это ложь, товарищ полковник.

-- А я слыхал, что...

-- Подполковник Поддубный женился на девушке, которую я любил. Это правда. Но при чем тут "перехватил"? Она сама этого пожелала.

-- Так, так... Ну ладно, -- начштаба поднялся, явно неудовлетворенный беседой. -- Можете быть свободны, капитан. Возможно, с вами пожелает побеседовать начальник политотдела, зайдите к нему.

-- Есть, зайти!

-- А ко мне пришлите техника Гречку.

-- Есть, прислать.

У начальника политотдела полковника Горяева происходило какое-то совещание, и он попросил Телюкова подождать некоторое время.

"Начинается мое хождение по начальству", -- с горечью подумал Телюков, притворив за собой дверь кабинета.

По коридору, постукивая тоненькими каблучками, неслась худощавая дамочка с лисицей, накинутой на плечи, и сигаретой во рту. Поравнявшись с Телюковым, она вдруг остановилась, вскинула на лоб шнурочки бровей и с любопытством спросила:

-- Простите, так это вы будете Телюков?

-- Я. А что?

-- Ничего. Просто так. Интересно.

-- А-а...

Дробно стуча каблучками, дамочка скрылась за дверью, обитой жестью. "Машинистка или секретарша", -- подумал Телюков. Через минуту она снова появилась в коридоре.

-- Простите, -- остановил ее Телюков. -- А вы откуда меня знаете?

-- Слышала, что прибыли. А несколько дней назад документы на вас оформляла в Москву. Вы действительно собираетесь в космос? И не страшно в ракете?

-- Может быть, вы полетите со мной?

-- О, что вы! -- ужаснулась дамочка.

-- Будем космонавтиков разводить где-нибудь там, на Луне или на Марсе.

-- Да будет вам, шутник вы этакий! -- она погрозила ему пальчиком и понеслась дальше.

Прошло минут пять, и совещание у начальника политотдела окончилось.

Выпроводив всех присутствующих, полковник Горяев пригласил к себе Телюкова.

-- Живы-здоровы, капитан?

-- Как видите, товарищ полковник!

-- Хорошо, это очень хорошо! -- полковник пожал летчику руку.

Телюков всего лишь два раза встречался с полковником Горяевым, не знал, что это ха человек, и до сих пор уважал его за то, что тот носил на груди летный знак с единицей. Теперь, кроме этого, он еще почувствовал в начальнике человека приветливого и душевного, с которым можно говорить вполне откровенно.

-- Скажите, капитан, вы сбросили подвесные баки?

-- Нет, они сами сорвались. Только я не доложил об этом, как надлежало сделать: боялся, что меня вернут.

-- Я, между прочим, так и подумал. Расчеты показали, что вы либо сбросили подвесные баки, либо их сорвало. И вот еще что. Анализ наблюдений оператора дает основания считать, что бомбардировщик упал в море. Я слежу за газетами: вот-вот должно быть американское либо еще чье-нибудь сообщение, что, мол, такого-то числа, в таком-то часу, при таких-то координатах заблудился... и так далее.

-- Я тоже думаю, что сбил, -- повеселел Телюков. -- Прицел был точным, огонь залповым... К сожалению, пока это лишь догадки. А тем временем полковник Вознесенский угрожает мне трибуналом. Судить, говорит, будем.

-- Судить? За что?

-- Нарушил правила. Не доложил о баках и, кроме того, погнался за искусственным спутником Земли.

-- За искусственным?

-- Ну да. Принял его за недобитый мною самолет.

Полковник Горяев громко расхохотался. Его густые черные брови забавно подергивались на широком, открытом лбу.

-- Узнаю подлинного летчика-перехватчика! За спутником, значит?.. Уморили, батенька! Здорово! Да вы просто герой! Нет, судить мы вас не дадим! -- он хлопнул рукой по столу. -- Не позволим! Горой встану за вас. Даже если подтверждения не будет. -- Он вздохнул. -- А вот за нарушение летных правил... Тут уж, пожалуй, придется наложить на вас взыскание. Нельзя же так,

капитан! И в дальнейшем прошу вас хорошенько помнить: правило есть правило. Нарушили его -- накажут, а иначе, помилуйте, что ж это получается? Конечно, я понимаю: вас и без того покарала буря. Да и подняли-то вас -- ого при какой погоде! Нет, судить не будем, а предупредить -- предупредим, хотя вы имеете одного сбитого на счету. Вы отличный летчик, и тем паче не к лицу вам нарушать летные правила.

-- Я старался действовать как лучше.

-- Все равно, -- повторил начальник политотдела, -- нарушения летных правил не оправдаешь ничем.

-- Понимаю, -- опустил глаза Телюков. -- А документы на космонавта отослали, товарищ полковник?

-- Отослали, хотя, говоря откровенно, отпускать из дивизии такого летчика, как вы, не хотелось бы. Но если вам придет в голову нарушать правила космонавтики...

-- Что вы, товарищ полковник! -- не дал ему договорить Телюков.

-- Ну, смотрите. А теперь летите домой отдыхать. Комдив вас не примет -- его нет. Кстати, как чувствует себя ваша жена, или кем она вам доводится?

-- Женой, -- несколько неуверенно ответил Телюков.

-- Мне рассказывал ваш командир о случившемся. Сложное дело...

-- Дело это уже распуталось, товарищ полковник. Тот негодяй, оказывается, жив. Только глаза лишился. Я встретил его в таежной хижине, совсем случайно. -- И Телюков рассказал полковнику Горяеву все, что с ним произошло в тайге. -- Теперь Нине уже ничего не угрожает, -- заключил он.

-- Это правда?

-- Слово офицерской чести.

-- В таком случае зовите на свадьбу.

-- Если пожелаете.

-- Конечно пожелаю! А почему бы мне не пожелать?

-- Обязательно позову, товарищ полковник!

Долго, пожалуй с полчаса, пробыл Гречка в кабинете начальника штаба. Наконец он вышел, мокрый и распаренный -- как из бани.

-- Ну, что? -- подошел к нему Телюков.

-- Ой, ой, ой! Дал же он мне прикурить, -- покачал головой техник, вытирая взмокшее лицо. -- На всю жизнь запомню.

-- Ругал?

-- Еще как!

-- За что?

Гречка пожал плечами:

-- Хотел превратить карася в порося.

-- То есть? -- допытывался Телюков, выходя с Гречкой из штаба.

-- Полковник, -- шепотом заговорил Гречка, -- все норовил, чтобы я против нашего командира полка и инженера показал. А что я против них покажу? Сам-то он, начштаба, в технике ни бум-бум. Ей-богу! Кричит: "Как вы посмели выпустить самолет с помпажем!" А ведь это все равно, что сказать: ведро компрессии. Да я уж промолчал, чтобы не накликать на себя лишней беды. А то еще спрашивает: "Хорошо ли были привинчены подвесные баки?" Ей-богу! Но тут я уж не сдержался и говорю: "А там, товарищ полковник, никаких болтов нет". Так он как гаркнет: "Молчать!" Я и притих. А вот командиру нашему надо сказать, что зубы точит на него начштаба. Это факт.

-- Я тоже так понял, что между командиром полка и начальником штаба отношения... -- Телюков выразительно сжал кулак. -- Но что вдруг произошло?

Ни Телюков, ни тем более Гречка ничего не знали о "столе дипломата".

Выйдя за ворота, они повернули к посадочной площадке, где их ждал вертолет с солдатами. На полдороге офицеров догнал Рыцарь, который, очевидно, успел побывать во многих дворах: со всех сторон доносился неистовый собачий лай.

Телюков поймал собаку за ухо:

-- Ах ты ж, бродяга! Кто это позволил тебе отлучаться из вертолета?

Рыцарь виновато заскулил.

...Полчаса спустя вертолет снялся с площадки и лег курсом на Холодный Перевал.

В то время, когда вертолет, в котором летели капитан Телюков, техник-лейтенант Гречка и все участники экспедиции, махал крыльями над горным кряжем, начальник политотдела разговаривал по телефону с Поддубным.

-- Вы, Иван Васильевич, не больно нажимайте на капитана. Прошу вас встретить его без упреков и шума. Он очень возбужден. Вы сами отлично понимаете, что такое -- лететь над морем ночью без капли горючего в баках, а потом прыгать с самолета черт знает куда, да еще в этакий буран! Конечно, жаль самолет, что и говорить. Но что с воза упало, то пропало. Человек, в конце концов, дороже всего. Поэтому и прошу вас... Почему предупреждаю? Да видите ли, тут ему угрожали трибуналом... Вознесенский... Одним словом, вы меня поняли?

-- Понимаю вас, товарищ полковник.

-- Вот и хорошо. Пускай Телюков отдохнет несколько дней

под наблюдением врача... Да нет, ничего такого не замечалось, но ведь человек побывал на краю гибели... С этим нельзя не считаться. Ну, будьте здоровы! Что говорите? Да, как мы и предполагали, сорвало. Кроме того, летчик погнался за искусственным спутником. Ну, будьте здоровы!

Поддубный, разумеется, и не собирался ругать летчика, тем более наказывать его, не разобравшись во всех подробностях полета. К тому же полагал, что самолет-нарушитель сбит, ибо Телюков вряд ли мог промахнуться, ведя огонь. Но после разговора с начальником политотдела он счел необходимым в свою очередь предупредить майора Дроздова и подполковника Асинова, чтобы они не вздумали преждевременно снимать допрос, а тем более упрекать летчика в нарушении летных правил. Во всех подобных случаях нужно соблюдать такт.

И Телюкова встретили в полку, как и подобает встретить боевого друга, товарища. С аэродрома привезли в городок на "Победе". Майор Дроздов сердечно поздравил летчика с благополучным возвращением, а подполковник Асинов, несмотря на свою пунктуальность, согласился заполнить документацию завтра, а сегодня, мол, пускай летчик сходит в баню, отдохнет и выспится как следует.

Что касается Байрачного, то ликованию его не было предела. Он готов был открыть митинг по поводу благополучного возвращения своего любимого командира и сделал бы это, если б его не остановил замполит.

Никто не обидел Телюкова, никто не сказал ему плохого слова, и он чувствовал себя как в родной семье. Одно лишь тревожило его -- Нина все еще не вернулась из госпиталя. Подождав ее до вечера, он продиктовал телеграфисту телеграмму в адрес госпиталя, в которой сообщил Нине, что Антон жив, здоров, находится в данное время в таежной хижине, охотится на коз и что он, Телюков, ждет свою любимую.

Выходя из штаба полка, он скользнул беглым взглядом по тумбочке, где обычно почтальон оставлял почту, и вдруг заметил конверт со знакомым почерком. Так и есть: письмо от Нины. Вскрыл конверт и тут же, стоя, прочел письмо:

"Любимый мой!

Сегодня меня выписывают из госпиталя. Я так благодарна тебе за все, что ты сделал для меня. До конца жизни не забуду тебя. Но пойми меня правильно. Не могу я вернуться к тебе. Не только потому, что мне стыдно перед людьми, хотя мне действительно очень стыдно.

Другое здесь играет роль. Рано или поздно, мне предстоит ответить за то, что произошло... Я хорошо представляю себе

положение, в котором ты очутишься, дорогой мой, если я приеду к тебе...

Нет, лучше мне совсем не возвращаться... Забудь меня. Пускай светлыми звездами стелется тебе твоя дорога, а я пойду своей тропинкой. Куда? Не спрашивай -- сама не знаю. Пока мне вполне хватит тех денег, которые ты мне оставил, а потом я найду какую-нибудь работу. Буду честно работать, может быть, это учтут, если вдруг мое преступление откроется.

Через пятнадцать минут отходит поезд... Прощай, любимый! Когда ты получишь это письмо, я буду уже далеко... Не печалься. Я знаю -- ты мужественный и найдешь в себе силы, чтобы преодолеть отчаяние, если, конечно, оно тебя охватит... Прощай. Целую тебя в последний раз.

Нина".

У Телюкова помутилось в глазах. Этот страшный удар чуть не свалил его с ног. Он весь скорчился от пронизывающей боли, механически сунул письмо в карман и выскочил на улицу, чтобы не позорить себя перед сослуживцами непрошеными слезами.

Почти механически добрался он до коттеджа, заперся в комнате, включил свет. Попытался еще раз прочитать письмо -- и не смог. Строчки прыгали перед глазами, в ушах звенело.

Он без сил опустился на стул, склонил тяжелую голову на крепко сжатые кулаки. "Эх, Нина, Нина... Какие бессмысленные вещи случаются в жизни... Что же ты наделала, Нина?" -- сокрушался он.

Поздно вечером, увидя в квартире свет, к нему постучался Григорий Байрачный.

-- Тебе чего? -- не очень дружелюбно спросил Телюков, но дверь все же отпер. -- Ну, что ты хочешь? Утешать пришел, комсомольский вождь? Но я не нуждаюсь в утешении. Ты думаешь, что я вот так и раскисну, как сухарь в воде? Нет, я еще не такие виды видывал. Меня сам черт не сломит.

Байрачный не на шутку испугался, увидев своего командира в столь странном и подавленном состоянии. Он сразу заподозрил, что это последствия ночного катапультирования.

-- Да я... Видите ли... -- попятился было назад лейтенант.

-- Что? Что "видите ли"? -- повысил голос Телюков. Но осекся, увидя лицо своего верного товарища. Перед ним стоял верный друг, а с кем же, как не с другом, поделиться своей печалью?

-- Гриша, аллах бы окропил тебя святой водою, -- заговорил Телюков доверительно, обняв Байрачного. -- Ну и не везет же мне. Понимаешь, Нина... Да ты лучше сам прочитай. -- И он протянул письмо. -- Только не вслух, про себя читай.

Байрачный быстро пробежал глазами по строчкам письма.

-- Да-а... -- сочувственно протянул он, соображая, как и чем утешить друга. И вскоре нашелся: -- Но вы не думайте, что все потеряно! Мы отыщем ее. Да, да! Напишем во все концы страны -- и разыщем! Обязательно разыщем!

-- Напишем, говоришь? -- невесело усмехнулся Телюков. -- Но куда? На деревню дедушке?

-- Почему? -- горячо возразил Байрачный. -- В справочные бюро, в милицию, например. Э-э, не такие еще дела распутываются!

Его предложение после недолгого размышления показалось Телюкову достойным внимания.

-- А в самом деле? -- загорелся он надеждой.

-- Вот я ж и говорю..

-- Ты, Гриша, голова!

-- А то как же!

Утром Телюков сходил в магазин военторга, где закупил целую пачку конвертов.

Глава десятая

Наступал апрель, но суровая зима все еще бесновалась, мела снегом, то мокрым и разлапистым, то сухим и шершавым, как древесные опилки. По ночам, когда городок засыпал и затихал аэродром, она стоголосой совой завывала в чащобах, ткала сизые туманы, которыми застилала тайгу, горы и все вокруг.

Но это были последние потуги. С каждым днем все выше и выше в небо поднималось солнце. Под его щедрыми лучами, под теплыми южными ветрами темнели, жухли и оседали снега. В ложбинах и оврагах набрякали скрытые под снегом озерца. И вот в середине апреля засверкали, зашумели вешние воды и веселыми ручьями понеслись к морю.

Как-то во время длительного ливня протекла палуба баржи как раз в том месте, где стояла кровать Гришина. Постель намокла. Одеяло и простыни старшина заменил, а матраца лишнего не оказалось. Гришин поднялся на палубу по какому-то делу, и в это время кто-то из солдат заменил ему матрац -- себе взял мокрый, а майору подложил сухой.

Оказалось, сделал это радист, тот самый, что летел с ним в вертолете, -- рядовой Кошелев. "Товарищ майор, -- сказал он, -- я моложе вас, ко мне не так легко привяжется ревматизм, как к вам. Кроме того, я отслужу свое -- и домой. А вам всю жизнь служить..."

Гришин полюбил солдат какой-то непонятной для него до сих пор любовью. Часто он выступал в роли руководителя политзанятий, заменяя техника Леваду. А когда стало известно, что большинство солдат гарнизона острова готовятся поступать

после демобилизации в высшие учебные заведения, Гришин начал проводить с ними занятия по алгебре, геометрии, физике и химии, то есть по тем предметам, в которых сам был силен. Баржа превратилась в своеобразную учебную аудиторию.

Одним словом, майор Гришин уже не чувствовал себя на острове одиноким, забытым. Только иногда, когда с материка прибывал вертолет с продуктами, пресной водой и газетами, он вспоминал о семье, и ему становилось немного грустно. Вот тогда и влекло его на берег поразмышлять и помечтать в одиночестве.

Однажды вечером, любуясь удивительно красивой лунной дорожкой, которая тянулась по водной пустыне до самого горизонта, он неожиданно уловил глазом какой-то неопределенный предмет, подбрасываемый волнами. Издали его можно было принять за деревянный щит небольших размеров или даже за перевернутую вверх дном лодку. Иногда казалось, что это голова кита. Гришину даже почудился было фонтан, ударивший у морского животного над головой. Неизвестный предмет то скрывался в морской пучине, то снова выплывал, переваливаясь через гребни относительно спокойны волн.

Гришин распорядился принести ему бинокль и, вглядываясь в морскую даль, распознал резиновую лодку. Волны подталкивали ее все ближе и ближе к острову и наконец швырнули на прибрежные скалы.

Лодка в море... Интересно и весьма загадочно.

Пробуждались после зимнего сна деревья, наливались ароматными соками, пьянели, тяжелели, распухали почки. И уже не звенела, как зимой, мерзлой хваткой тайга, а шумела тяжело, сочно -- по-весеннему. Вечерами, собираясь возле казармы, солдаты пели песни. Откуда только взялись птичьи стаи! У берегов, черкая крылом воду, носились быстрокрылые чайки. Уже и к морю докатились первые вздохи весны.

Это -- на материке.

А на остров Туманной, лежащий за полосой замерзания, весна обрушилась свирепыми вьюгами, часто переходящими в ливни. Снег не таял, его смывало, и весь остров несколько дней лоснился, похожий на сплошной ледяной бугор. Приходилось солдатам кирками и лопатами прокладывать дорожки, чтобы не поскользнуться и не съехать с крутого берега в море.

Но вот и в районе острова установились тихие и по-весеннему теплые вечера. В такие вечера, накинув на плечи летную куртку, майор Гришин, пользуясь свободным от дежурства временем, выходил на берег, останавливался на скале, которая едва заметно вздрагивала под ударами волн, и мечтательно любовался необъятным водным простором. Больше

здесь, собственно говоря, и любоваться было нечем. Крохотный остров, казалось, все время находился в движении, словно дрейфующая льдина. Эту иллюзию создавали бесконечно катившиеся к берегу волны.

Иногда вокруг Гришина собирались солдаты, и он рассказывал им о тайнах морей и океанов, о приливах и отливах, об охотниках за жемчугом, о подвигах морских путешественников и о многом другом, что оставили в его памяти прочитанные еще в детстве книги Виктора Гюго, Жюля Верна, Даниэля Дефо.

До сих пор Гришин, бывая преимущественно в обществе офицеров, не очень присматривался и прислушивался к солдатам. Для него они были просто обслуживающим персоналом аэродрома. Совместная жизнь на острове сблизила его с солдатами, и он понял, что это чудесные молодые парни. Большей частью начитанные и уж, во всяком случае, пытливые и любознательные, юношески отважные и смелые. А сколько в них уважения к старшему, к офицеру! И на рабского чувства уважения, а благородного, сознательного.

-- А ну-ка, товарищи, все ко мне! -- обратился офицер к солдатам, которые попыхивали папиросами под будкой, где помещался выносной индикатор радиолокатора.

Кто-то посветил фонариком. Да, это была одноместная надувная лодка, точь-в-точь такая, какую берут летчики в полет. На ее борту виднелась какая-то надпись, но издали прочесть было невозможно.

Набежавшая волна сняла лодку со скал и отбросила в море. Потом ее снова прибило к берегу. Кто-то из солдат подбежал к барже и приволок пожарный багор; попытался зацепить крючком, но не дотянулся.

-- Осторожно, не проколите, а то утонет, -- предупредил Гришин.

За дело взялся радист Кошелев. Он лег на живот, свесился над обрывом и попросил багор.

-- Осторожнее, смотри!

-- Не бойся, давай!

-- Придерживайте Кошелева за ноги, -- распорядился Гришин.

Багор заскрежетал по камням.

-- Есть! -- крикнул Кошелев. -- Тяните меня!

-- Зацепил:

-- Зацепил...

И вот солдаты общими усилиями выволокли лодку на берег. С кормовой части свисали обрезанные концы тонко ссученной веревки, очевидно, из капрона, а на борту чернели буквы "Made in USA".

-- Ого, да ведь это американская! -- воскликнул Кошелев. -- Смотрите, откуда приплыла!

-- Не приплыла, а прилетела, -- резонно заметил майор. Летчик, он сразу сообразил, в чем тут дело. Один из членов экипажа бомбардировщика, сбитого Телюковым, очевидно выбросился из самолета и благополучно приводнился, но через некоторое время, а может быть и сразу, его смыло волной, и он пошел на дно. А лодку прибило к берегу.

К такому выводу позднее пришли и эксперты.

Майору Гришину засчитали третье боевое наведение, а капитану Телюкову -- второй сбитый нарушитель границы. Ему передали в виде трофея и лодку. Телюков осмотрел ее и пренебрежительно заметил:

-- Нет, этого "маде" мне не нужно.

Он распорол лодку и швырнул ее в море.

Таким образом, боевые дела шли совсем неплохо. В районе, где действовал полк, случилось только одно безнаказанное нарушение границы, да и то не по вине летчиков, а по вине КП дивизии, в данном случае полковника Вознесенского.

Капитана Телюкова и замполита Горбунова, особо отличившихся при защите воздушных рубежей Родины, представили к правительственной награде, а с майора Гришина сняли оба ранее наложенных взыскания. Каждый получил то, что заслужил.

Казалось бы, у подполковника Поддубного не было никаких оснований быть недовольным собой. Между тем за последнее время он часто появлялся на аэродроме, КП, в учебных классах мрачным и раздраженным. На подчиненных, правда, голоса не повышал, но за малейшую ошибку в учебных полетах взыскивал беспощадно. И все гнал летчиков на высоту, в стратосферу, или же придумывал такие упражнения, которые и Курсом боевой подготовки не предусматривались: например, стрельбу чуть ли не на бреющем полете и атаки на практическом потолке МиГ-17.

И сам иногда подымался на практический потолок и стрелял с кабрирования. Результаты этих стрельб были, очевидно, никудышные. Однажды он сорвался в штопор и падал с высоты пятнадцать тысяч метров до пяти тысяч. Вылез из кабины с взмокшим чубом и бледным лицом.

Загадочное поведение командира полка не на шутку встревожило замполита тем более что свои упражнения Поддубный на заносил в плановую таблицу. Иначе говоря, планировал одно, а делал другое.

-- Не понимаю вас, Иван Васильевич, и прошу объяснить, -- сказал как-то замполит. -- Что вам, жизнь надоела? Или вы, быть

может, полагаете, что для командира полка летные правила не писаны?

-- Это небольшой эксперимент, -- уклончиво ответил Поддубный.

-- Но почему же вы держите его в тайне? Почему не заносите в плановую таблицу полета? Ведь вы сами каждый день подчеркиваете, что плановая таблица -- незыблемый закон. Выходит, закон для летчиков, но не для вас.

-- Берете меня за жабры, Андрей Федорович?

-- Беру, -- решительно наступал замполит.

-- Не хотите, значит, чтобы я разбился?

-- Странные вещи вы говорите...

Поддубный покосился на замполита.

-- А не приходило ли вам в голову, Андрей Федорович, -- сказал он, -что нам с вами скоро придется локти себе кусать?

-- То есть?

-- Да очень просто. Будем стоять на аэродроме и кусать локти, -повторил Поддубный. -- Я -- первый, затем -- вы, за вами -- Дроздов. И остальные -- все подряд.

Разговор этот завязался на СКП во время полетов, и, чтобы продолжить его, Поддубный попросил замполита зайти к нему вечерком.

-- Я вам покажу одну штуковину. Есть у меня прелюбопытнейший журнал, верее, статья из этого журнала. Приходите обязательно, Андрей Федорович.

...Это была статья из зарубежного военного журнала. В ней шла речь об авиационной новинке того времени -- английском бомбардировщике, который американские инженеры модернизировали, попросту говоря -- выпотрошили: сняли вооружение и все прочее, что сочли излишним, и, облегчив самолет, подняли его практический потолок до двадцати километров.

Понятно, никаких бомб, в том числе атомных и водородных, бомбардировщик нести не мог. Таким образом, этот выпотрошенный бомбардировщик мог быть использован для разведки, в частности, для фотографирования, а то и просто с целью провокационных полетов, чтобы показать: вот, дескать, какова она, американская техника! И объявить на весь мир: "Русские отстали в развитии авиации!"

-- Типичная новинка "холодной войны", -- заметил замполит, внимательно прочитав статью.

Пока он читал, Поддубный разжигал печку, засовывая под дрова куски сухой березовой коры.

-- Пусть будет так, -- бросил он, не отрываясь от своего дела.

-- Но что есть, то есть. Т знаете, некоторые зарубежные военные теоретики уже выдвигают идею создания бомбардировщиков без стрелково-пушечного вооружения. Дескать, зачем оно, это вооружение, ежели истребитель не достанет бомбардировщика?

-- Логично, -- согласился замполит, -- но они, эти зарубежные теоретики, еще не видели наших ракет и, очевидно, ни черта не знают о наших новых сверхзвуковых и сверхвысотных самолетах-истребителях. А может быть, они выпотрошили бомбардировщик для того, чтобы прощупать нас?

-- Может быть и так, -- согласился Поддубный. -- Еще американцы хвалятся каким-то У-2. По их словам, этот самолет не признает ни границ, ни государств. А редактор авиационного отдела газеты "Нью-Йорк джорнел Америкен" окрестил У-2 "примадонной научного шпионажа". Вы слышите -научного! -- Поддубный зло плюнул на дрова, сложенные под печкой. -"Примадонна"! "Не признает ни границ, ни государств"! Хотел бы я увидеть эту "примадонну" после встречи с Телюковым! Он бы показал этой проститутке где раки зимуют... Но МиГом ее не достанешь, и меня волнует то, что нам до сих пор не дали новых самолетов. А между прочим, многие из полков ПВО страны уже получили их на вооружение. А нам почему-то не дают. Вот что тревожит меня, Андрей Федорович! Полковник Вознесенский заладил одно и то же: "Овладевайте как следует той техникой, которую имеете". Ну что за человек! Ничего не видит дальше своего носа. А еще в генералы метит! Я ему покажу генерала! Я его разнесу -- дым пойдет!

Замполит, сидевший до того на стуле, встал и заходил по комнате.

-- Вы, Иван Васильевич, -- сказал он после некоторого раздумья, -учтите одно: разнесете Вознесенского или не разнесете, а вам не поздоровится, если в дивизии станет известно о ваших экспериментах.

Поддубный в свою очередь зашагал по комнате, потом остановился, прищурился, смахнул спадавшую на лоб прядь волос:

-- А что же, по-вашему, делать? Сидеть сложа руки? Да, я испытывал возможности МиГа, бросал его на динамический потолок. Бросал, потому что уверен: вряд ли теперь сунутся к нам нарушители границ на средних высотах.

-- Не то нужно делать, -- возразил замполит.

-- А что? Ну-ка, посоветуйте.

-- Первым делом ставить вопрос о новых самолетах.

-- Как это -- ставить? -- Поддубный развел руками. -- Речь об этом была в штабе дивизии. А там знаете что мне сказали?

"Москве виднее, кому чего давать в первую очередь". И опять за свое: "Овладевайте, мол, тем, что имеете". Оно, конечно, верно, есть еще такие летчики, которые и от МиГа не взяли всего. Есть, Андрей Федорович, и у нас такие. Но это -- единицы, и мы не можем на них ориентироваться...

Поддубный хотел что-то добавить, но замполит опередил его:

-- Москве виднее -- это несомненно. Сверху всегда виднее -- шире горизонт. Но плохи те местные руководители, которые сидят молча, словно воды в рот набрав, боясь лишнее слово молвить. А таких у нас немало. Это, знаете ли, еще от культа личности, когда многие боялись рот раскрыть. Но времена теперь иные. В Москве прислушиваются к голосам снизу. Почему бы нам в самом деле не снять телефонную трубку и не напомнить о себе министру? Так, мол, и так, скажем, дела у нас на сегодняшний день таковы, что можно ожидать в кавычках высокого гостя; дайте же и нам что-нибудь такое, чтобы на соответствующей высоте было чем достойно встретить "примадонну"... Как вы смотрите на это, Иван Васильевич?

-- Вы предлагаете через голову начальства?

-- Почему через голову? Можно с разрешения, а то и рапортом по команде. Гляди -- министр кого-нибудь там и расшевелит, заставит живее поворачиваться. Еще и спасибо скажет нам.

-- А что вы думаете? -- помолчав, заметил Поддубный. -- Пишите, Андрей Федорович, рапорт, а я подпишу. Пишите сейчас же. Ковать железо хорошо, пока оно не остыло!

И он принялся диктовать Горбунову рапорт.

За окном лил теплый весенний дождь. Падали крупные, тяжелые, как спелая земляника, капли. Омытая дождем и согретая солнцем тайга благоухала пряным духом свежей молодой листвы и сырых корневищ. Даже во рту ощущались эти густые и стойкие весенние ароматы.

Телюков затворил окно и подошел к столу, за которым сидел лейтенант Байрачный, просматривая очередную почту. Из различных концов страны пришло уже более двадцати ответов на запрос о местонахождении Нины.

-- Ну что?

-- Все то же. "Таковая гражданка у нас не проживает", -- ответил Байрачный.

Он понимал душевное состояние командира и старался хоть чем-нибудь помочь ему, если не делом, то словом. Однажды он даже посоветовал ему забыть о Нине.

-- Не говорите глупостей, Гриша! -- резко оборвал его Телюков. -- Пусть даже не моя будет Нина, но мы должны ей помочь. Это наш долг. Мы должны вывести ее из нелепого тупика,

в котором она очутилась.

Байрачный сложил письма и вынул сигарету, но, вспомнив, что Телюков, как будущий космонавт, бросил курить, положил сигарету назад в пачку.

-- Вы серьезно собираетесь в космонавты? -- спросил он.

-- А зачем бы я напрасно воду мутил?

-- Да ведь рискованно это.

-- А вы, лейтенант, не думайте о том, что касается страшным.

-- Как это -- не думать?

-- Очень просто. -- Телюков сел на стул, лицом к спинке. -- Герои тем и отличаются от трусов -- этих презренных существ, -- что они умеют заставить себя не думать о страхе. Вспомните Колумба, Нансена, челюскинцев, папанинцев... Нет, это не отчаянные головы! Это люди величайшей силы воли и мужества. Идя на великие дела, они заставляли себя не думать о страхе. Они думали о подвиге во имя науки. Конечно, такие мысли не возьмут верх над трусостью, если человек не чувствует себя сыном своего народа. Ведь герой -это вместе с тем и патриот. А вспомните о Ленине. Мог бы он стать вождем пролетариата, революции, если бы думал о том, что ему угрожает? Нет! Ленин сознательно отбрасывал мысль о страхе и смело шел вперед к светлой и прекрасной цели. Ум, величайший ум, помноженный на необычайную силу воли, сделал его гением, героем, вождем. Ради революции, ради великого дела пролетариата он готов был пожертвовать жизнью...

Щеки летчика раскраснелись, глаза сверкали.

-- Настоящего советского человека на пути к великой цели ничто не остановит, -- продолжал он горячо. -- Если хотите знать, ради слов, переданных по радио: "Я, гражданин Советского Союза, член ленинского союза молодежи, капитан Советской Армии Филипп Кондратьевич Телюков, нахожусь на Марсе", -- ради этих слов я, не задумываясь, готов отдать свою жизнь. И если б я умирал на Марсе, или на Луне, или еще на какой-нибудь планете, где не ступала нога человека, то умирал бы с песней, и называлась бы эта песня "Победа". А вы говорите -- страшновато! Значит, у вас пока что мозги повернуты не в ту сторону, в какую надо, и душа ваша свила себе гнездо в одной из ваших пяток. Одним словом, если вы будете думать о страхе, то летчика из вас никогда не получится.

-- А я уже летчик...

-- Нет... Пока что вы -- пилот... Ну, может быть, чуточку выше пилота, потому что стреляете.

-- Вы меня обижаете, товарищ капитан. Но если вы действительно такого плохого обо мне мнения, то вот увидите, я

тоже подам рапорт, чтоб и меня взяли в космонавты.

-- Не возьмут! -- уверенно возразил Телюков.

-- Почему?

-- Душа не на том месте, где ей быть надлежит.

-- Где ж она по-вашему? -- начинал злиться Байрачный.

-- Я уже сказал: там, -- и Телюков кивнул на его ноги.

-- Неправда! Вот она где! -- Байрачный с мальчишеским задором ударил себя в грудь.

Телюков любил иногда острым словом встряхнуть кое-кого из молодых летчиков, чтобы те не зазнавались, не почивали на лаврах, а больше думали об учении. Но, увидев, что лейтенант уже закипает гневом, сказал примирительно:

-- Ну ладно, будет. Я пошутил. Оставайтесь в полку. Я вам поручаю вскрывать все письма, которые будут приходить в мой адрес. Нападете на след Нины -- с меня будет причитаться... А я буду ждать исполнения заветной своей мечты -- полета в космос!

Это было сказано не ради красного словца. Телюков действительно со дня на день ждал вызова в школу космонавтов. Не имея никакого представления об этой школе, не зная, чему и как там учат, он тем не менее настойчиво изучал планеты Солнечной системы, забрал всю литературу по астрономии, которая имелась в библиотеке, и часто, заложив руки за голову, мысленно блуждал вдоль берегов марсианских каналов или спускался в лунные кратеры... А иной раз фантазия переносила его на Венеру, где он плыл в какой-то диковинной гондоле по безбрежному океану...

Он все больше и больше проникался мечтой о полете в космос, не пренебрегая, однако, и своими занятиями на Земле, отлично понимая, что только с самолета можно пересесть на космическую ракету. И когда в полк пришло приказание об откомандировании группы летчиков, инженеров и техников для овладения новейшими самолетами-перехватчиками, Телюков первым дал свое согласие ехать на переучивание.

И однажды утром он распрощался с МиГом. Так прощается хозяин со старым своим верным конем, предпочтя ему молодого: с жалостью, но в то же время и с сознанием жизненной необходимости.

Глава одиннадцатая

Прошло более трех месяцев.

Миновал период дождей, досаждавший летчикам и авиационным специалистам не меньше, чем метели и морозы. Голубым куполом раскрылось над аэродромом лето. Летай да летай в такую погоду, когда, как говорят летчики, миллион высоты. Только изредка наползали черные тучи, отбрасывая на

землю зловещие тени, и тогда над горами ослепительно белыми зигзагами сверкали молнии и грохотали раскаты грома.

За все это время ни один чужой самолет не нарушил границу, и в полку шутили:

-- Нагнал Телюков страху на охотников прогулок по чужому небу.

Шутки шутками, а так оно и было.

Сосредоточивая, как и прежде, главное внимание на боевом дежурстве, подполковник Поддубный последовательно и методически проводил летное обучение. Днем и ночью, над сушей и над морем не умолкал грохот моторов. Не было реального противника -- летчики-перехватчики гонялись за условным, прошивая пушечными очередями воздушные и наземные мишени; прыгали с парашютами на землю и в море; взлетали и садились на аэродром, зараженный радиоактивными веществами; отсиживались в бомбоубежищах и занимались разминкой на спортивных снарядах.

И так день за днем, ночь за ночью.

В свое время великий французский писатель Виктор Гюго написал роман о тружениках моря. Будь он жив, и, если бы довелось ему побывать на Холодном Перевале, он, пожалуй, написал бы роман о тружениках воздуха -- летчиках.

Подходил к концу срок переучивания на новых самолетах.

Первыми в полк возвратились на пассажирском военном самолете инженеры и техники. Среди них находился и техник-лейтенант Максим Гречка. На просьбу младших авиационных специалистов рассказать о новой технике он только руками разводил:

-- Прилетят -- увидите. Это такое, что не приведи господь! Как даст летчик газу, так сразу от земли -- в стратосферу. Мгновение, и уже не видишь самолета. И жди, когда дойдет до твоего уха грохот! И уже на из пушек стреляет летчик, а выпускает ракеты, и те ракеты сами находят цель. Скажем, атакованный самолет -- удирать, а ракета -- за ним. Бах -- и только металлические брызги в воздухе. Вот что такое эти самолеты!

Многих интересовала новинка. Поэтому не удивительно, что встречать возвращающихся летчиков собрались на аэродроме не только служащие полка, но и тыла. Прибыли офицеры дивизии. С острова Туманного прилетел на вертолете майор Гришин. И каждый гость, будь он даже рангом выше Поддубного, шел в будку СКП и пожимал ему руку. Ведь это он воспитал летчиков, которые оказались способны овладеть новейшей, лучшей во всем мире техникой.

-- Внимание! Самолеты приближаются и через пять минут

будут над нами, -- передавал из СКП Поддубный.

На аэродроме стало тихо-тихо. Слышно было даже, как далеко за летным полем в густых травах перекликались куропатки. Все присутствующие на аэродроме устремили свои взоры на горный хребет, над которым белоснежными лебедями плавали одинокие облачка. Между ними вот-вот должны были показаться сказочные самолеты.

-- Идут! -- раздался чей-то восторженный возглас.

-- Идут! Идут!

Пять самолетов вынырнули из-за горного хребта. Летели они ключом, в правом пеленге.

Возглавлявший группу майор Дроздов запросил разрешения на посадку.

-- Я -- "Тайфун", посадку разрешаю, -- передал по радио подполковник Поддубный.

Заранее было оговорено, что капитан Телюков покажет "класс пилотажа", и летчик повел свой самолет в сторону от посадочного круга.

-- Наблюдайте с северо-западного направления, -- передал он по радио, когда майор Дроздов, замполит Горбунов, капитан Макаров и лейтенант Скиба приземлились на аэродроме.

Приближался самый интересный момент. Максим гречка, который стоял в окружении младших авиационных специалистов, объяснял им:

-- Если бы сейчас Телюков прошелся над нами на бреющем, то нас, как мякину, сдуло бы с аэродрома. Посему он пойдет стороной. Да вы, пожалуй, ничего и не заметите. Это будет подобно молнии. Пойдемте-ка поближе к динамику.

Механики-эксплуатационники, оружейники, прибористы, кислородчики, радисты столпились возле СКП. Вскоре над горными вершинами мелькнуло нечто подобное узкой пике, затем эта пика перевернулась носом вверх и стрелой понеслась в небо.

-- Пять тысяч... десять тысяч... семнадцать... и еще... и еще... и еще... -- отсчитывал летчик высоту по прибору.

И просто поразительно: ни звука, ни шума.

Но вот, уже когда самолет скрылся из виду, внезапно ударил гром, дружным эхом откликнулись горы и тайга. Только теперь долетел звук. Самолета давно уже не видно, а грохот гремит по-прежнему, воем отдается в горах.

-- Вот єто -- машина!

-- Вот она, авиационная мощь нашей страны! -- то там, то тут раздавались взволнованные возгласы.

Далеко, вероятно, занесло Телюкова на развороте. Вернулся он минут через десять. Тем временем все толпились вокруг прибывших летчиков. В скафандрах и компенсационных

костюмах, они и на летчиков не были похожи, скорее напоминали водолазов. Спустись такие "водолазы" на землю лет пять назад, люди несомненно приняли бы их за посланцев какого-нибудь иного мира.

Но это были наши, советские летчики, которых ученые, конструкторы, инженеры, рабочие подняли на недосягаемую высоту, на новую ступень боевой готовности.

-- Как полагаете, Андрей Федорович, -- Поддубный подмигнул замполиту, здороваясь с ним, -- теперь нам "примадонна", надеюсь, не страшна?

-- Да, теперь мы встретим ее, как надлежит порядочным кавалерам встречать высокопоставленных дам...

Пятерка новых самолетов выстроилась в ряд на краю летного поля. В сравнении с ними МиГи казались уже старыми тихоходами.

-- Есть какие-нибудь сведения о Нине? А что слышно о школе космонавтов? Не вызывали? -- спрашивал у Байрачного Телюков, снимая скафандр.

Тот отрицательно покачал головой.

-- И о Нине пока не слыхать, и школа молчит.

Байрачный был невесел. Парня брала зависть. Еще бы! Его однокашник Скиба уже летает на новой машине, а он -- на МиГе. Телюкову понравилась эта зависть, и он сказал одобряюще:

-- Не вешай носа, Гриша! Полтора, от силы два месяца -- и ты тоже будешь летать на этом самолете. Обещаю тебе это. Машина -- чудо, проста и легка в управлении.

-- Отец ко мне собирается в гости... А вы не знаете моего отца! Как услышал, что Скиба -- а ведь он мой земляк -- летает на новом самолете, а я -- все еще на старом, бог знает что с ним сделается! Он такой... А кроме этого, все допытывается в письмах, кто она да что она -- жена моя. Туркеней все называет... Слишком уж большое любопытство проявляет.

-- Не унывайте, Гриша! -- Телюков дружески похлопал товарища по плечу. -- Не найдется человека, которому Биби могла бы не понравиться...

-- Да, она у меня... Это верно... -- обрадовался лейтенант и начал восхвалять жену, но, вспомнив, что это нескромно, замолчал.

Вскоре они уехали в городок. Порученные Телюковым дела по розыску Нины Байрачный вел солидно. На столе лежала объемистая пачка распечатанных конвертов. Каждый город, откуда приходили ответы, Григорий обводил на карте кружками, и кружки эти вытягивались все дальше и дальше вдоль железнодорожной магистрали.

-- Весьма возможно, что Нина изменила фамилию, -- предложил Телюков. -Боится тюрьмы.

Тут же на столе он обнаружил нераспечатанный конверт. Это было письмо от Вано Махарадзе, который уехал в академию "догрызать науку", как он писал. Вано тоже интересовался Ниной, спрашивал, удалось ли напасть на ее след.

-- Плохи дела с Ниной, -- грустно заметил Телюков. -- А я, брат, купил "Волгу". Думал, буду в свободное время кататься с женой...

-- "Волгу"? А где же она? -- заинтересовался Байрачный, который тоже мечтал если не о "Волге", то о "Москвиче".

-- Отправил по железной дороге. Скоро прибудет. Можно на рыбалку ездить на озеро. Говорят, там огромные сомы водятся. Вот такие! -- Телюков развел руками. -- И на аэродром, конечно, будем ездить. Машина, она ого как нужна летчику-перехватчику. Чуть что -- и ты на аэродроме, у самолета...

"Волга" прибыла неделю спустя после того разговора. А еще неделю спустя из-за этой "частной собственности на колесах" Телюкова вызвали на заседание комсомольского комитета.

А случилось вот что.

Начальник клуба старшина Бабаян по совету Байрачного пригласил из местной филармонии концертную бригаду. Выехало восемь артистов. Как раз на две легковые машины. Подполковник Поддубный попросил Телюкова съездить на станцию в паре с Челматкиным.

-- Можно, -- согласился Телюков.

-- Не забывайте только, что "Волга" -- не самолет, а пассажиры -- не дрова.

-- Ясно.

В кабине рядом с Телюковым уселась молодая актриса, исполнительница, как потом выяснилось, жанровых песен Вероника Турчевская. Она, казалось, сошла с модного журнала и вот сидит живая, грациозная, избалованная славой и, чего греха таить, довольно-таки привлекательная.

Дорога долгая, молодые люди познакомились, и Вероника тут же в машине исполнила "очаровательному" владельцу "Волги" песенку про веселую девушку и стыдливого паренька. Песенка была чересчур, как говорил Телюков, разухабистая и исполнялась с явной целью подзадорить "летчика-провинциала".

Если не такой же песенкой, так соленым анекдотом ответил бы певице Телюков, не будь он стеснен: позади сидели пожилые люди -- муж и жена. Откровенно говоря, Телюкова удивляло, как Вероника их не стыдится.

На привале Турчевская попросила летчика нарвать ей лесных

цветов и, когда молодые люди остались вдвоем, спросила, не согласится ли он покатать ее после концерта? Съездить куда-нибудь в горы, например, за перевал.

-- С удовольствием, -- согласился Телюков. -- Я как раз на рыбалку собирался вечером, на озеро. Уху варить умеете?

-- Умею.

-- Вот и прекрасно. Договорились.

Вероника многообещающе улыбнулась.

Концерт состоялся на дворе, на той самой площадке, где зимой была "Ледяная Венеция". Со сцены Вероника Турчевская выглядела просто очаровательной и окончательно вскружила парню голову. Разумеется, никаких серьезных намерений у него не было, просто не прочь был приволокнуться, пользуясь удобным случаем. Коль уж так случилось с Ниной, значит, ему на роду написано оставаться "вечным холостяком".

Он слушал концерт, но все его помыслы были заняты предстоящей поездкой на озеро с очаровательной певицей. Лейтенанту Скибе, который тоже собирался ехать на озеро, он сказал как мужчина мужчине:

-- Вы, Петр, оставайтесь сегодня дома... Я решил приволокнуться за артисткой...

-- Как приволокнуться? -- удивился Скиба, который пока еще ни за одной девушкой не ухаживал. -- А Нина?

Телюков пожал плечами:

-- Нина... Она покинула меня. А я ведь не монах, в самом деле!..

Артисты на ночь остановились в гарнизонной гостинице. Не дождавшись, пока Вероника переоденется и соберется, Телюков сам пошел к ней. Он поднялся на крыльцо коттеджа и вдруг услышал за неплотно притворенной дверью голос певицы:

-- Поедем, Мишель! Я этому рыжему капитанчику улыбнулась в дороге, он и растаял, как воск на солнце... Хоть бери и лепи чертиков... Да ты не ревнуй.

Мишель, артист "оригинального жанра", плюгавенький и щуплый, прыснул со смеху.

-- Прогуляемся вдоль озера, -- продолжала уговаривать его Вероника. -Он еще нам и рыбы наловит...

"Ах ты!.." -- вскипел Телюков. Он круто повернулся, добежал до машины, сел в кабину и сидел несколько минут, не зная, что предпринять -- позвать ли Скибу или вообще отменить рыбную ловлю? Саднило покарябанное самолюбие.

Но вот к нему в вечерних сумерках приблизились двое.

-- Вы уже здесь? -- Вероника заглянула в открытую дверцу машины. -Простите, мы немного задержались. Познакомтесь,

пожалуйста, мой друг и коллега, артист оригинального жанра.

-- Мишель Горохалинский! -- театрально отрекомендовался артист.

-- Подхалимский? -- переспросил Телюков, сделав вид, что не расслышал.

Мишель застыл в позе обиженного.

-- Я, кажется, обидел вас? -- спросил Телюков, прикидываясь наивным простачком. -- Но я туговат на ухо. Оглох от реактивного двигателя. Садитесь, пожалуйста, и считайте меня своим покорным слугой.

-- Филипп, вы -- прелесть! -- обрадовалась Вероника.

-- Всегда был таким. Вот только дефект со слухом...

Когда Вероника и Мишель (им и в голову не пришло, что глуховатых летчиков не бывает и быть не может) умостились на заднем сиденье, Телюков с любезной улыбкой сказал, что артистам не мешало бы взять с собой плащи или что-нибудь в этом роде. Возле озера, дескать, сыро, прохладно. А он пока заведет мотор.

-- Правильно, -- сказала Вероника. -- Так ты сбегай, Мишель.

Тот поспешил за плащами, А Телюков завел мотор и, круто развернувшись, вылетел на дорогу.

-- Куда же вы? -- Вероника привстала, чувствуя что-то неладное.

-- Не волнуйтесь. Надо бензином подзаправиться.

Сигнал. Узнав офицера, солдат поднял шлагбаум. Свернув влево, "Волга" проскочила через мост и с бешеной скоростью помчалась под гору, едва не задевая боками каменные глыбы.

-- Вы с ума сошли! Куда вы! Остановитесь! -- закричала Вероника, толкая капитана маленькими острыми кулачками в плечи.

-- Спокойно, душенька, а то, не приведи аллах, растаявший как воск рыжий капитанчик не справится с рулем, врежется в каменную глыбу и тогда не из чего будет лепить чертиков.

-- Ой, боже! -- ахнула певица. -- Вы слышали... Вы подслушали...

-- Представьте себе -- да. Но совершенно случайно.

Когда машина вынесла их на перевал, Телюков свернул влево на узкую дорогу. Под колесами зашуршала мелкая галька. Машина запетляла среди деревьев. Здесь было темно, как в неосвещенном туннеле.

Вероника всхлипнула:

-- Куда же вы везете меня?

-- Туда, где волков смолят, -- с невозмутимым спокойствием и даже мягкостью в голосе ответил Телюков. -- Вам приходилось

когда-либо видеть опаленного волка? Не приходилось? Ну, так увидите.

-- Как вы жестоки! Я буду кричать.

-- Сделайте одолжение. Но, во-первых, вы можете надорвать горло, во-вторых, кричать в тайге -- бесполезное занятие. Ну, положим, спугнете медведя -- и только. Людей здесь не водится.

-- Я буду жаловаться вашему командиру!

-- Это можно. Но ведь мы с вами, если я не ошибаюсь, условились совершить прогулку вдвоем, не так ли? Без посторонних.

-- Вы нахал!

-- Возможно, -- так же невозмутимо согласился Телюков.

-- Идиот!

-- Все может быть, но врачи пока ничего такого не замечали.

Вероника притихла, соображая, вероятно, как быть дальше. Неожиданно она зарыдала:

-- Простите меня, капитан! Простите, прошу вас!

Телюков остановил машину.

-- Так вот, моя милочка, -- сказал он. -- Никогда не думайте, что вы бог весть что... И если бы вы хоть немного представляли себе, что такое служба летчика, ночного перехватчика к тому же, то, вероятно, смотрели бы на него, как на святого. Кто-кто, а летчик видел и опаленного волка, и еще кое-что, чего вам не доведется видеть никогда. А теперь успокойтесь: я разверну машину при первой возможности и отвезу вас к вашему Мишелю. Он что, француз? Или это его театральный псевдоним?

-- Михаил он.

-- Так, значит, и вы не Вероника?

-- Верой меня зовут.

-- Такие чудесные русские имена -- Вера и Михаил, а вы ими пренебрегаете. Ну как же! Михаил... Не звучит со сцены...Тьфу! Какие же вы слуги своего народа, если чураетесь родительских имен? А небось ни одного иностранного языка не знаете? -- Телюков сказал несколько фраз по-английски. -- Не понимаете? Ну, ладно. Успокойтесь. Я отвезу вас назад. Надо только найти место для разворота. Дорога больно узкая.

Вернись они сразу в городок, об этом инциденте никто б и не узнал, кроме Мишеля. Побесился бы он немного -- и дело с концом. А они взяли да и поехали на озеро. Этого захотела сама Вероника, которая вдруг поняла, что "рыжий капитанчик" не такой уж простачок периферийный, как показалось ей с первого взгляда, да и вообще, как видно, человек порядочный.

Она пересела к нему, доверчиво протянула руку:

-- Еще раз прошу простить меня, капитан. Я очень глупо

поступила. Мне стыдно, поверьте. Давайте будем друзьями.

-- Давайте, -- согласился Телюков, но прежний его интерес к этой женщине уже пропал. На казалась ему пустой, недалекой, к тому же дурно воспитанной.

А ночь стояла прелестная, тихая. В небе переливались звезды. За осокой и камышами переливался при лунном свете плес. И отовсюду долетали таинственные шорохи не то зверей, не то каких-то, должно быть, крупных ночных птиц.

-- Боже мой, как здесь чудесно! -- воскликнула Вероника, потрясенная красотой ночи. "Она еще способна восхищаться!" -- пренебрежительно подумал Телюков; он никак не мог простить этой легкомысленной девице оскорбления и теперь жалел, что не повернул назад и не отвез ее к Мишелю.

Не уделяя своей спутнице ровно никакого внимания, он молча вылез из машины, надул лодку и поплыл на ней сквозь густые камыши на середину плеса. В заранее облюбованном месте поставил перемет и поплыл обратно.

Пригорюнившись, сидела в машине Вероника. Она чувствовала -- летчик не простил ей обиды. Видела, что перед ней был гордый и сильный человек. К тому же отчаянный, если не побоялся один, в кромешной тьме пробиваться сквозь камышовые заросли... Он и нравился ей, и вызывал какое-то чувство страха. Единственное, что ее успокаивало, это сознание того, что он -- офицер, а офицер вряд ли позволит себе какой-либо грубый поступок по отношению к женщине.

В ночной тишине гулко доносился каждый звук. Всполохнется, ударит крыльями по воде дикая утка, а кажется, будто в камышах возится какое-то чудовище. И невольно вздрогнешь и оглянешься вокруг.

-- Мне страшно здесь одной, -- сказала Вероника, когда Телюков возвратился к машине.

-- В машине страшно? Или вы меня испугались? Не бойтесь. Рыжий капитанчик смирный, как ручной медведь, -- не тронет, не укусит.

-- Но ведь я просила у вас прощения! -- взмолилась Вероника, и в голосе ее послышались слезы. -- Я дурно поступила... не знала... не думала... Никогда еще с летчиком не встречалась...

-- А при чем здесь летчик?

-- Отвезите меня назад. Ну, пожалуйста! Я вас очень прошу!

-- Хорошо, -- подумав, ответил Телюков. Открыв заднюю дверцу, он начал одеваться. -- А я-то надеялся, -- сказал он шутливо, -- что мы уху сварим... Ну, как хотите. Домой так домой.

Он сел за руль, включил освещение. Лицо у Вероники было бледное, под глазами темнели круги, она вся дрожала. Но не

успел Телюков нажать на стартер, как из тайги двумя полосами сверкнули автомобильные фары. Очевидно, ехали еще какие-то рыбаки из полка.

-- Кто б это мог быть? -- спросила Вероника.

-- Скорее всего, наши.

Телюков не ошибся. На "газике" прикатил Байрачный. Соскочив на землю, он крикнул:

-- Товарищ капитан, вам приказано немедленно вернуться.

-- Боевая тревога?

-- Хуже! -- Байрачный засмеялся. -- Там один артист поднял такой шум, что не приведи господи! Разбудил замполита и уверяет, будто вы его невесту увезли. Вот меня и послали на розыски.

-- Что? Как вы сказали? -- Вероника вышла из машины. -- Ах, какой подлец! Передайте Мишелю, -- повернулась она к Байрачному, -- что мы не вернемся. Тоже нашелся "жених". -- Она презрительно фыркнула. -- У него жена и... Одним словом, мы не поедем.

-- Э, нет, -- возразил Телюков. -- У нас, военных, приказ -- закон, и никаких разговоров. Поехали.

-- А уха?

Но Телюкову было не до ухи.

В штабе полка светилось лишь одно окно -- в кабинете замполита. Окно было расположено низко и позволяло видеть, что делается в кабинете. Замполит похаживал из угла в угол, а на диване, втянув голову в плечи, сидел артист.

Поднимаясь на крыльцо, Телюков услышал, что и Вероника следует за ним, хотя он просил ее подождать в машине и не вмешиваться в его дела.

-- Вам сюда незачем, -- сказал он.

-- Я должна обязательно поговорить с вашим начальником, -- решительно запротестовала певица. Ее не смог остановить даже строгий вид вооруженного часового.

На шум вышел замполит. Узнав, что здесь происходит, он приказал дежурному пропустить актрису.

И вот их четверо в кабинете. Телюков не смог сдержать улыбки, когда увидел, каким козырем подошла к замполиту Вероника.

-- Я не вещь, которую можно увезти! -- сказала она с апломбом. -- Мы с капитаном условились прогуляться и поехали. Что ж тут такого? Я знаю: капитан не женат. А у него, -- девушка презрительно поглядела в сторону артиста, -- у него жена...

Майор Горбунов опешил.

-- Что касается капитана, -- продолжала Вероника, -- то он вел

себя со мной корректно, как и подобает офицеру... А ты, -- она повернулась к Мишелю, -- я даже не понимаю, как ты осмелился?.. -- Тут она опять вошла в свою роль.

-- Но ведь ты пригласила и меня, -- Мишель метнул на нее злобный взгляд.

-- Приглашала, потому что не знала капитана... А потом... Потом я сама захотела проехаться к озеру. Понимаешь -- сама.

-- Они подло удрали от меня, -- настаивал на своем Мишель.

-- Ну, молодой человек, -- замполит пожал плечами, -- я здесь уже ни при чем. И помочь вам не могу. Вы уж как-нибудь сами разберитесь. Можете быть свободны.

-- Что? -- не понял Мишель.

-- Вам сказано: можете идти, -- язвительно уточнил Телюков.

Мишель попятился к двери.

Вероника с благодарностью посмотрела в глаза замполиту.

-- Прошу вас не быть строгим к капитану...

-- Он что, просил вас заступиться?

-- Ну, что вы! Он и без того на меня сердит!

Вероника хотела что-то добавить, но Телюков остановил ее:

-- Я ведь просил вас не вмешиваться...

-- Да нет, я не об этом. Ведь вы поедете опять на озеро? Возьмите меня и майора. Втроем и поедем...

-- Что вы, что вы, -- отмахнулся смущенный замполит. -- У меня жена. Куда же мне с актрисами разъезжать!

-- О!..

-- Я, конечно, шучу, но и вам не советую ехать. Идите отдыхайте. Утром после завтрака подадут автобус.

Певица и летчик вышли. Замполит подошел к окну. Они сели в машину и скрылись за коттеджем. "Вот черти!" -- невольно подумал Горбунов, и ему стало как-то не по себе. "Они подло удрали от меня", -- вспомнил он слова артиста. Нет... тут дело нечистое. "А что, если с этого начинается моральное падение летчика?" -- пронзила его внезапная мысль. Артистка показалась ему несколько вульгарной и даже дерзкой. И это не на шутку взволновало его.

Горбунов выключил свет, собираясь домой, и некоторое время стоял в темной комнате наедине со своими мыслями. Ему казалось, что он поступил совсем не так, как следовало бы поступить замполиту. Не лучше ли было приказать летчику идти домой? Но разве он имеет на это право? Ведь Телюков не мальчишка. И нетактично при девушке читать офицеру мораль. А с другой стороны, эти ночные прогулки ни к чему хорошему не приведут. Кроме того, есть еще одно немаловажное обстоятельство: Телюков летает на новейшей машине. Правда, он

не из тех, которые распускают язык, но все же...

-- Одним словом, придется поговорить с ним на заседании комсомольского комитета, -- сказал вслух замполит.

Так возникло персональное дело комсомольца Телюкова.

Заседание комитета комсомола происходило на аэродроме под навесом, служившим летчикам дежурных экипажей укрытием от дождя. Члены комитета сидели молчаливые, надутые как сычи. Похоже было на то, что все они только что перессорились, и теперь им стыдно смотреть друг другу в глаза.

Им и вправду было как-то не по себе. Телюков, преотличнейший летчик, и вдруг решился на такой неблаговидный поступок -- увез певицу. И не просто увез -- а вроде бы "уволок", что ли?

Едва ли не больше всех присутствующих переживал Байрачный. Для него Телюков был не просто комсомолец, а учитель, наставник, командир. Ведь это он, Телюков, сделал из него настоящего летчика, поднял до уровня второго класса, а теперь собирается обучать полетам на новом самолете.

А разве не Телюков спас однажды жизнь Байрачному? Он никогда не забудет этого! А было это так. Возвращаясь ночью из маршрутного полета, Байрачный не заметил, когда прошел приводную радиостанцию и потерял аэродром. Ночь стояла темная, в районе полетов лежала густая мгла. Растерявшись, молодой летчик не знал, что предпринять, как сесть. Не мешкая ни секунды, в воздух поднялся Телюков, отыскал в небе "слабака" и по аэронавигационным огням своего самолета завел товарища на посадку.

И вот теперь он, Байрачный, должен требовать от членов комитета какого-то наказания для Телюкова, стоять и докладывать о его аморальном поступке.

Замполит задерживался, и Байрачный, пользуясь случаем, старался скорее закончить дело, избавить Телюкова от разноса и строгого наказания.

-- Итак, товарищи, все ясно, -- заключает он, галопом перескакивая от информации по сути дела к обсуждению. -- Комсомолец Телюков... как бы это сказать?.. Ну, допустим, споткнулся. Так зачем же нам топить его? Нет, товарищи! Мы должны протянуть руку помощи. Я уверен, что он отлично осознал свою ошибку, и предлагаю ограничиться вызовом его на заседание комитета.

-- Только и всего? -- спросил неожиданно подошедший замполит.

Байрачный невольно втянул голову в плечи, шмыгнул носом, повел хитроватыми глазами в надежде найти среди членов

комитета поддержку.

-- Я... я... -- начал он, запинаясь. -- Конечно, я, товарищи, высказал десь свою точку зрения. Будут, безусловно, и другие предложения. Мы, разумеется, должны поставить вопрос ребром, ведь речь идет о моральных принципах...

-- Вот, вот, -- заметил замполит, -- в том-то и дело.

-- Выходит, значит, что я правильно говорю, -- старался выкрутиться Григорий. -- Мы должны, я полагаю, выслушать еще самого Телюкова. Пусть объяснит, как все произошло. И дело здесь вовсе не в том, какое решение мы примем. Часто бывает достаточно того... Ну, словом, достаточно поговорить с товарищем по душам...

-- И погладить его по головке, -- едко вставил замполит.

-- Нет, зачем же по головке? Я ставлю вопрос принципиально: споткнулся -- отвечай. Ведь правильно? -- Он вынул из кармана платок и вытер взмокшее лицо. -- Но, чтобы так ставить вопрос, нужно вспомнить, кто этот товарищ, что он собой представляет, как...

-- Хватит, Байрачный! -- наконец оборвал замполит. -- Предлагаю заслушать Телюкова. Пожалуйста, капитан, расскажите, что и как это у вас получилось прошлой ночью, где вы были, что делали, кого оскорбили -- все подробно. Как сами оцениваете свое, на мой взгляд, недостойное поведение, что слышно о Нине?

Телюков поднялся, резко застегнул замок "молнии" на комбинезоне, вытянулся и, прежде чем начать, обвел взглядом небо, словно любуясь его безграничной голубой далью. А на самом деле ему просто стыдно было глядеть на своих товарищей. Они ведь не маленькие -- все понимают. Досаднее всего, что это, аллах побери, не первое его, если так можно выразиться, любовное приключение. Пуще всего он чувствовал угрызение совести перед Ниной, его любимой Ниной, хотя ее здесь нет, и, вероятно, он никогда больше не увидит ее. Ему противна была эта "частная собственность на четырех колесах" -"Волга". "Не будь ее, -- думал он совсем по-детски, -- никакого скандала, пожалуй, и не возникло бы".

В то же время он находил для себя и оправдание -- какое им, в конце концов, дело до его личной жизни? И разве он такой уж морально падший человек? Просто ему не везет! Но не всегда же так будет! Разве он, Телюков, не хотел бы быть хорошим семьянином, как другие? И был бы, если б Нина вдруг не уехала неизвестно куда.

Заметив, что все ждут, что он скажет, Телюков, как перед прыжком в воду, набрал в легкие воздуха, вздохнул и начал,

обращаясь к замполиту:

-- Я уже докладывал секретарю и членам комитета, но, если вы требуете, могу еще раз доложить, -- он снова поднял глаза вверх. -- Певица оскорбила меня. Рассердившись, я решил отплатить ей. Проучить, одним словом. Завез ее в тайгу... Она давай плакать. Я прочел ей нотацию и уже собирался повернуть назад, как вдруг она сама попросила, чтобы я повез ее к озеру... Женская логика... Ну, мы и поехали.

Телюков помолчал и еще раз вздохнул:

-- Что касается Нины, о ней нет пока никаких сведений.

-- Вы, капитан, употребили здесь слово "отплатить". Как это понимать? -- спросил замполит.

-- Ну, просто... Хотел высадить ее из машины в тайге и уехать.

-- И что же вам помешало это сделать?

-- Ее слезы... А потом, потом я увидел, что она, эта самая Вероника, не такая уж распущенная, какой показалась мне вначале. Просто легкомысленная бабенка, избалованная к тому же, да и не знала, с кем шутит.

-- Так, так, ну, того артиста вы все-таки обвели вокруг пальца? Обманули?

-- Просто не взял его в машину.

-- Теперь ясно, -- сухо сказал замполит. -- Артистка вас обидела, и вы увезли ее силой, чтобы оставить в тайге одну. Я утверждаю, что это поступок аморальный, хулиганский, недостойный высокого звания ни комсомольца, ни офицера... И как только это могло прийти вам в голову -- бросить девушку в глухой тайге? Да еще ночью. Что это такое, я вас спрашиваю, капитан Телюков?

-- Но ведь я не бросил.

-- Вы довели девушку до слез, разве этого мало? А что другие из бригады артистов подумают о нашем полку? Скажите, вы долго будете выделывать такие фокусы?

Телюков опустил глаза.

Замполит повернулся к Байрачному:

-- Давайте послушаем, что скажут члены комитета.

Байрачный поднялся с места:

-- Кто хочет слова?

Все молчали.

-- Кто хочет слова: -- повторил Байрачный. -- Ты, Петр? -- Он многозначительно посмотрел на лейтенанта Скибу.

Лейтенант тряхнул своими красивыми черными волосами, расправил богатырские плечи:

-- Что я могу сказать? -- Скиба с трудом выдавливал из себя слова. -Майор Горбунов говорил правильно. Но ведь и та девица

хороша! Хоть она и певица, но подметки не стоит...

-- Что? Что? -- возмутился замполит. -- Прежде всего мы обсуждаем здесь поведение не певицы, а нашего товарища, комсомольца. Это вам ясно?

Скиба смутился, лицо его бурачно побагровело.

-- Вы давайте свою принципиальную оценку поведения товарища, -требовал замполит, -- а не читайте мораль певице, которой здесь нет т быть не может.

Скиба переступил с ноги на ногу, как медведь, но упрямо вел свою линию:

-- Я знаю, товарищ майор, бывают такие дурехи... -- Все невольно заулыбались при этих словах. -- Вот, к примеру, была у одного летчика жена, тоже певица... Ну, и заскучала она и сказала как-то: "Что это у меня за муж? Извозчик воздушный!" Узнал об этом генерал и пригласил однажды жену летчика в кабину бомбардировщика...

Замполит нетерпеливо махнул рукой.

-- Нет, нет, товарищ майор, -- продолжал Скиба, -- вы послушайте... "Так вот, -- говорит генерал, -- посмотрите-ка хорошенько, где работает и чем занимается ваш муж. Видите, сколько здесь кнопок, рычагов, тумблеров? Это вам, -- говорит генерал, -- не рояль. На рояле возьмешь фальшивую ноту, ударишь не по тому клавишу -- ничего не произойдет. А здесь, в кабине самолета, достаточно нажать не на ту кнопку -- и прощайся с жизнью!" Поглядела жена на все эти приборы и с той поры перестала охать и сетовать на мужа. Проучил ее генерал, глаза, что называется, открыл.

Члены комитета -- а это были преимущественно летчики -- заметно оживились.

-- Интересно получается. Из ваших слов выходит, что вы одобряете поведение Телюкова? -- возмутился замполит. -- Так надо понимать?

-- Нисколько. Скажу лишь одно: не следует связываться с подобными особами. У них ветер в голове. Вот я, например, таких случайных встреч избегаю...

Скиба, увидя неодобрительный взгляд командира, сел, так и не внеся каких-либо конкретных предложений.

-- А вы что скажете? -- Байрачный кивнул ефрейтору Баклуше.

Это был тот самый Баклуша, которого замполит отчитывал в Каракумах за "гармошку" на сапогах и модернизированную под шляпу панаму. Первый год службы солдат не расставался с гауптвахтой, писал всякие пасквили в стихотворной форме и под дружный хохот сверстников читал их на стоянке самолетов. Его считали в полку неисправимым, командиры только и думали о

том, как бы избавиться от него, перевести в какое-нибудь другое подразделение. Но после нескольких бесед с командиром полка солдата как подменили. Он сдал зачеты на техника и вот уже год, как самостоятельно обслуживает боевой самолет, занимая должность офицера. Его не случайно избрали в комсомольский комитет -- Баклушей гордились в полку и летчики, и инженеры.

"Интересно, что скажет этот комсомолец?" -- подумал замполит, который несколько дней тому назад рекомендовал его в кандидаты партии.

-- Поступок комсомольца Телюкова некрасивый, -- начал свою речь Баклуша. -- Очень некрасивый. И нечего тут винить певицу. Она согласилась на прогулку с ним, потому что он офицер, а советский офицер умеет вести себя достойно. Но я, как член комитета, не могу голосовать за взыскание, которое было бы занесено в учетную карточку. Вы знаете: я служу третий год, этой осенью ухожу в запас. Все эти годы, во всяком случае, два последних, когда меня вывели на правильный путь, я гордился и горжусь подвигами капитана Телюкова. Кто он? Герой нашего полка -- вот кто! Кто сбил двух нарушителей границы? Он, Телюков! Вот как офицер защищает свой народ, свою страну! Отлично защищает! Делает все, чтобы мой отец, мои братья, земляки спокойно работали на колхозных полях...

Баклуша окинул взглядом присутствующих и, убедившись, что его слушают внимательно, продолжал горячо и страстно:

-- Три года прослужил я в армии и никогда не слыхал от офицера Телюкова плохого слова. До армии я работал в РТС. И директор этой РТС жил в нашем селе. Так он, бывало, едет на машине, а наш брат пешком идет. И ни разу не остановил директор машины и не подвез кого-нибудь из нас. Своих людей будто и не замечал. А Телюков? У него своя машина, и всегда, если только есть свободное место, подзовет солдата и подвезет его. Человека и друга он видит в солдате -- вот что меня и всех наших младших авиационных специалистов подкупает в Телюкове. И этой своей человечностью он напоминает нашего командира полка и вас, товарищ замполит, и многих еще... Так как же подымится у меня рука голосовать против капитана Телюкова? Правда, он споткнулся, и мы должны осудить его поступок -- это верно. Но если мы запишем выговор в учетную карточку, то найдется формалист и не пропустит его в академию или в космонавты. Поэтому я поддерживаю предложение лейтенанта Байрачного -- ограничиться вызовом комсомольца на заседание комитета. Может быть, это и незрелое предложение, но оно исходит от чистого сердца.

"Ишь как научился высказываться, щучий сын!" --

одобрительно хмыкнул замполит.

И снова, как тогда, в кабинете, им овладело такое ощущение, будто он чего-то недодумал, что-то сделал не так. Правда, он и сам не настаивал на строгом взыскании, но желательно было бы, чтобы члены комитета более принципиально подошли к "грехопадению" комсомольца, заставили его как следует попотеть.

-- Спасибо, товарищи, за добрые слова, -- сказал Телюков в заключительном слове. -- Они произвели на меня гораздо большее впечатление, чем любой разнос. Позвольте заверить вас, что больше никогда вам не придется вызывать меня на комитет. Никогда! Это я вам говорю от чистого сердца.

И он почувствовал себя с той поры чище и богаче душой...

Глава двенадцатая

Днем и ночью крутились антенны радиолокационных постов "Краб", "Водолаз" и "Волна", обозревая небесные просторы. Крутились также антенны КП и ПН, но уже не столь часто, как прежде. На рубежах перехвата наступило длительное затишье. Полк переключился на учебные полеты. Одни летчики овладевали новыми самолетами, другие, летая на МиГах, подтягивались до уровня первого класса или поддерживали достигнутый уровень.

Приближалась осень -- в червоно-теплом великолепии прозрачная, звонкая от тишины.

Сбив на затылок шлемофон, подполковник Поддубный стоял на аэродроме и наблюдал за парой истребителей, которые, словно осы, нападали на шмеля-бомбардировщика, отскакивали в сторону и снова нападали. Вслед за самолетами тянулись три белые борозды -- одна ровная и широкая, а две узкие, извилистые. Скрещиваясь, они создавали причудливый узор, хоть бери да вышивай на полотне.

Все это было красиво, но с точки зрения тактики ничего не стоило. В небе не бомбардировщик, а утюг, и Поддубный был вне себя от охватившей его досады. В конце концов он пришел на СКП и приказал майору Дроздову, руководившему полетами, прекратить эту комедию в воздухе, как он выразился.

-- Черт знает что такое! -- возмущался он. -- Мы посылаем заявки на бомбардировщики, которые летали бы на бреющем или на большой высоте, а полковник Жук посылает на средних высотах -- ни тебе маневра, ни скорости! Да имеет ли этот Жук хоть малейшее представление о тактических приемах американской бомбардировочной авиации? Может быть, он думает, что мы здесь готовимся к параду? Но ведь и на параде сейчас уже не то...

Давно собирался Поддубный посетить аэродром

бомбардировщиков, поглядеть, что это там за Жук сидит, но все как-то не находилось времени. А теперь решил твердо: завтра, как только получит разрешение, обязательно слетает и поставит перед Жуком вопрос ребром: или -- или. Утюги истребителям не нужны, и если и впредь полковник Жук таким образом будет удовлетворять заявки полка, то будет послана старшему начальнику соответствующая жалоба.

Вылетел Поддубный на МиГе рано утром. Побережья, ущелья гор и долины были скрыты густым туманом.

На высоте трех тысяч метров в кабину ударил солнечный луч. Небо было чистое, только над горизонтом лежали жемчужно-розовые полосы облаков, срезая вершины далеких гор.

Аэродром бомбардировщиков находился на расстоянии шестисот километров от Холодного Перевала и лежал за крутым изгибом широкой и полноводной реки. По данным метеослужбы, в районе аэродрома тоже стоял туман, и Поддубный, настроившись на приводную радиостанцию, попросил на всякий случай включить систему слепой посадки.

Когда он приземлился и вывел МиГ в указанное дежурным офицером место, первое, что бросилось ему в глаза, был идеальный порядок. Бомбардировщики-великаны были выровнены в одну линию. Рулежные дорожки подметены и вымыты. Швы между бетонными плитами старательно залиты гудроном. Нигде ни кусочка проволоки, ни палки, ни соринки вообще.

Вокруг аэродрома виднелись бугорки капониров.

Аэродром был старый, довоенный, обжитой, с капитальными сооружениями, с новейшим оборудованием. От ангаров, в которых, очевидно, размещались ремонтные мастерские, к городку вела березовая аллея, как в помещичьей усадьбе. Из-за деревьев выглядывал красивый каменный дом с фонтаном и колоннами. Для полного эффекта не хватало лишь пары вороных, запряженных в карету с гербами...

"Знал, где окопаться, чертов Жук!" -- с завистью подумал Поддубный, сравнивая этот аэродром со своим крохотным "хозяйством", которое, несмотря на все старания подполковника Рожнова, выглядело временным.

Дом с колоннами оказался гарнизонным Домом офицеров. За ним, создавая улицу городского типа, тянулись ряды ДОСов, столовых, магазинов, бытовых мастерских. Особняком, почти на самом берегу реки, стоял штаб полка. Вход в него, кроме часового, охраняли два гипсовых льва с оскаленными пастями.

Офицер, сопровождавший гостя, попросил его минутку обождать, пока вызовут командира полка.

Полковник не заставил себя долго ждать. Через несколько минут он прибыл -- полный и грузный, среднего роста и средних лет человек, с черными, коротко подстриженными усиками и такими же черными, вразлет, бровями. На его одутловатых щеках играл здоровый румянец, в небольших карих глазах светилась лукавая хитринка. На полковнике ладно сидел мундир с двумя академическими "ромбами" и многочисленными орденскими ленточками.

Полковник встретил Поддубного взглядом, не сулившим особой любезности. Он сел за стол и только после этого протянул руку, здороваясь.

-- Весьма рад познакомиться с вами, товарищ подполковник, -- сказал Жук с певучим украинским акцентом. -- Весьма рад, хотя, говоря откровенно, до сих пор точит меня червь, -- он ударил себя в грудь, -- за остров, который вы у меня отобрали. Это агрессия, и вы -- агрессор! Да, да, не возражайте! Вы -- агрессор! Так и подмывает поднять всю свою армаду и прогнать вас с острова.

-- Поднять то можно, а вот сумеют ли ваши летчики добраться до Туманного -- это еще вопрос, -- делая вид, что не понимает шутки, отпарировал Поддубный.

-- Вы намекаете, что перехватите и собьете нас?

-- Именно это я и хотел сказать, -- усмехнулся Поддубный.

-- Сказала Настя, как удастся. Мы ведь сами с усами, и вы не очень задирайте нос, перехватчики!

-- Собственно говоря, не перед кем и задирать.

-- Это как же? -- насторожился уязвленный полковник.

-- А так. На бреющем летать боитесь, на практический потолок тоже поднимаетесь весьма неохотно. Что же вы за волки, спрашивается? Создается впечатление, будто ваши экипажи не имеют ни малейшего представления о тактических приемах американской бомбардировочной авиации. Летают, как на параде. Да и на параде, собственно говоря, уже так не летают...

-- Позвольте, позвольте, -- заерзал Жук. -- Вы серьезно или шутите, подполковник?

-- Совершенно серьезно, товарищ полковник. Стал бы я за шестьсот километров прилетать к вам шуток ради! Мы просим у вас тигров, а вы подсовываете нам кроликов... Мне нужно учить летчиков перехвату целей на малых и больших высотах, а вы посылаете на средних. Но нам такой, как бы вам это получше объяснить, такой, ну, ручной, что ли, противник не годится. Мы частенько зря тратим горючее и моторесурс. Так вот вчера я взял и попросту завернул своих перехватчиков домой.

-- Так, -- забарабанил полковник по столу короткими

толстыми пальцами. -- Следовательно, вас не удовлетворяют наши полеты?

-- Вы правильно поняли меня.

-- Вероятно, шумели уже и перед генералом? -- полковник поднял на собеседника колючие глаза.

-- Пока не шумел, но собираюсь.

-- Так-так. Режете, значит, правду-матку в глаза? Люблю таких. И не люблю тех, что... -- полковник потер себя указательным пальцем за подбородок, -- что вот так исподтишка тебя... Но я убеждаюсь, что вы привыкли смотреть со своей колокольни, а если бы поглядели с моей, то, может быть, иначе запели бы... Как вы думаете, есть у меня молодые экипажи, которых нужно тренировать в первую очередь?

-- Вероятно, есть, -- согласился Поддубный, сразу догадавшись, о чем собирается говорить полковник.

-- То-то оно! А какой дурак пошлет молодого на бреющем, да еще над горами, а? Да еще ночью?

-- А вы и не посылайте. Тренируйте его здесь, у себя.

-- Тренируйте! Легко сказать. А лимит на горючее? Хорошо вам, перехватчикам: сколько нужно, столько и берете горючего. А если не сходятся концы с концами, списываете за счет реальной цели. А мне на чей счет прикажете списывать? Вот и приходится, товарищ подполковник, совмещать одно с другим. Сами учимся и вас обслуживаем. Да и не один вы у меня, еще два полка сидят здесь, -- полковник похлопал себя по широкому красному затылку. -- Вот так, дорогой товарищ! Но поскольку вы прилетели и мы познакомились, я постараюсь подбросить вам что-нибудь посолиднее. Есть у меня хлопцы, которые могут сыграть в воздухе роль не только американца, англичанина или турка, но и всего НАТО, вместе взятого. -- Жук улыбнулся собственному остроумию.

-- Простите, товарищ полковник, -- возразил Поддубный. -- Вы меня несколько неправильно поняли. Я прилетел к вам не за подачкой, а для того, чтобы выяснить, в состоянии ли вы удовлетворить наши заявки на воздушные цели каждого летного дня и летной ночи. Если нет, то так и скажите, тогда я направлю свои стопы к генералу. Вам известно, что мы получили новейшие самолеты? Известно. Тем лучше. А значит, нам и противник соответствующий нужен. Предупреждаю вас: ни одного истребителя я не подниму в воздух, если вы будете посылать мне своих практикантов и неучей. Какое мне дело до ваших внутренних дел и лимитов? Мне давайте противника настоящего, солидного!

Полковник кое-что слышал о Поддубном, знал что это за

человек, но такой дерзости с его стороны никак не ожидал. Экий ершистый!

-- Вы ставите мне прямо-таки ультиматум, забывая о том, что мы противники условные, -- полковник решил несколько смягчить разговор.

-- Слишком уж условные, -- не сдавал своих позиций Поддубный. -- Вам что -- вы не несете боевое дежурство, а мы днем и ночью сидим на старте. Пропустим нарушителя границы -- с меня взыщут. И поделом.

-- Что правда, то правда: мы теперь боевого дежурства не несем. Ракетчики дежурят за нас. Пожалуй, и вас скоро посадят на прикол.

-- Ракеты ракетами, а перехватчики тоже нужны. Вот я и прошу вас дать мне ясный ответ: будете вы удовлетворять наши заявки или не будете?

Полковник развел руками:

-- Вот опять ультиматум. Конечно будем. Как же иначе? -- Полковник немного подумал и решительно поднялся: -- Хорошо, -- сказал он. -- Дадим все, что вам нужно. Мне по душе ваши упорство и настойчивость. Люблю таких командиров, ей-богу, люблю! Не случайно, выходит, хвалят вас там, в верхах. Только и слышишь -- Поддубный то, Поддубный это... Сколько вы уже сбили нарушителей? Три?

-- Как будто.

-- А полком давно командуете?

-- Скоро год.

-- И вас уже на заместителя командира дивизии прочат?

Об этом Поддубный ничего не знал.

-- Вот видите, какую приятную новость я вам сообщил, а вы еще на меня в обиде. Быть вам генералом -- факт! А я... -- полковник нахмурился, потупив взор. -- Застрял в полку. Межконтинентальные баллистические ракеты выбили нас из колеи. Оно, конечно, ракета не самолет. Это понятно каждому...

Полковник встал из-за стола, зашагал по кабинету. Потом остановился перед гостем:

-- А что там у вас за нелады с полковником Вознесенским?

-- И об этом уже ходят слухи? -- живо заинтересовался Поддубный.

-- Краем уха слыхал, якобы начштаба факты какие-то против вас собирал. Клевал да не заклевал. Но, кажется, доклевался до того, что поставлен вопрос о его увольнении в запас. Чудак человек! Да разве ж такого, как вы, заклюешь? У вас ведь вон какой козырь в руках -- три сбитых нарушителя границы!

-- Было бы четыре, если б Вознесенский не подкачал.

-- Пропустил?

-- В том-то и дело. Завернул летчика из-под самого хвоста бомбардировщика.

-- По каким соображениям?

-- Побоялся, чтобы тот не упал в нейтральные воды. После того случая я напомнил ему, что стол боевого управления на КП поставлен не для дипломата, а для солдата. Вот он и взбеленился.

-- Ясно.

Поддубный натянул на голову шлемофон, собираясь уходить.

-- Значит, договорились, товарищ полковник?

-- Договорились.

-- В таком случае позвольте пожелать вам всего наилучшего.

-- Всего хорошего! -- полковник пожал гостю руку, но провожать не стал. Уже у двери Поддубный попросил полковника, чтобы тот позвонил на аэродром и передал разрешение на вылет.

-- Хорошо, передам.

Своей миссией Поддубный остался доволен: здорово растревожил Жука!

За авиационным городком, у шлагбаума, появился старик с двумя узлами, переброшенными через плечо. На нем были соломенная шляпа, полотняная с манишкой рубаха и широкие, как у запорожского казака, шаровары, заправленные в добротные сапоги с голенищами выше колен.

Подобных шляп и вышитых рубах в здешних местах не носят, -- значит, человек приезжий. К такому заключению пришел солдат, охранявший у шлагбаума вход в городок.

На требование солдата остановиться старик почему-то даже не оглянулся, как бы не слыша и не видя часового. Кряхтя и охая, приезжий пролез под шлагбаумом. Но когда солдат предостерегающе щелкнул затвором карабина, старик сразу же остановился.

-- Молодец! Вот это молодчина, сладко было б твоей матери! - добродушно ухмыляясь в усы, сказал незнакомец. -- А я чуть было не подумал: не ворона ли какая стоит на посту? Теперь вижу, брат, неплохо ты знаешь солдатскую службу!

-- А те какое дело? -- возмутился солдат. -- Ишь генерал нашелся, службу проверять! Тут без тебя хватает кому проверять!

-- То вы сами себя проверяете, а мы тоже хотим знать, как вы нас охраняете, -- спокойно заметил старик. -- И ты, парень, матери твоей ковинька, не тыкай старому человеку, а то могу тебе и ребра пересчитать вот этой палкой. Когда я Советскую власть завоевывал, ты еще и света божьего не зрел... Может, еще и отец твой, и мать в пеленках лежали...

-- Да кто ты будешь, дед, говори! -- взвинтился солдат. -- А ну давай-ка сюда документики!

Старик сбросил узлы на землю, запустил руку в карман своих допотопных штанов.

-- Не веришь, стало быть на слово? Хорошо, что не веришь. На лбу-то у человека не написано, что он за птица да каким ветром занесло в военную часть. И то сказать: многовато этих шпионов развелось! И на самолетах, и так просто -- засылают их американцы. Лезут и лезут через границу. Ну чисто саранча!.. Еще, трасця их матери, своих спутников с фотоаппаратами пущают в небеса... Да куда он девался, паспорт этот? Вроде бы сюда клал, -- старик неторопливо выворачивал карманы.

-- А может, у вас его и не было? -- ядовито спросил солдат, все же перейдя на "вы".

Старик нагнулся над узелком, развязал его, вынул смятый пиджачок и начал шарить по карманам.

-- Ага, вот он где, окаянный. На, читай. Да только не потешайся над старым человеком. А то вот пойду да пожалуюсь твоему командиру. И пукалку эту свою прибери, -- указал старик на карабин.

Солдат раскрыл паспорт, взглянул на фотографию, затем на лицо старика, прочитал вслух: "Байрачный Гордей Захарович".

-- Так вы к кому?

-- Так к сыну же! Или, может, ты и не слышал про такого? Про лейтенанта Байрачного, а? Летчиком тут он у вас.

Солдат служил в тыловом подразделении, мало кого знал из полковых офицеров. Служил честно, как подобает настоящему солдату.

-- Окромя этого сын мой еще тут вроде бы за комсомольского комиссара, -- пояснил Гордей Захарович, глубоко уязвленный тем, что солдат не знает его сына.

-- А-а, -- солдат наконец добродушно улыбнулся. -- Вспомнил. Да вы б так сразу и сказали: секретарь, мол, комсомольского комитета. Это ж он здесь вместе со старшиной Бабаяном зимой "Ледяную Венецию" открывал...

-- Какую такую еще Венецию?

-- Каток. На коньках мы катались. Под музыку.

-- А-а...

Солдат подошел к "грибку" и покрутил телефонную трубку. Поговорив с кем-то, взял под козырек:

-- Проходите, пожалуйста, Гордей Захарович! -- и помог старику взвалить на плечи узлы.

-- Оставайся здоров, солдатик, -- прокряхтел Гордей Захарович. -Службу знаешь -- это хорошо, а вот что тыкаешь

старому человеку -- это, матери твоей ковинька, негоже. Ну, пошел я.

-- Простите, Гордей Захарович, -- бросил ему вдогонку пристыженный солдат.

Лейтенант Байрачный и ждал и боялся встречи с отцом. Крутой был у старика нрав, ох, крутой! Не дай бог, не понравится ему невестка -- пиши пропало! Дойдет дело и до чуба и палку в ход может пустить. Бывают же такого крутого замеса родители!

А что папаша ехал не с добрыми намерениями, доказывалось хотя бы отсутствием телеграммы.

Прежде чем отправиться его встречать, Григорий забежал к замполиту.

-- Товарищ майор... Как снег на голову... отец... Зайдите, сделайте одолжение, хотя бы на полчасика. Перед вами он сдержит себя.

Замполит в это время проводил семинар руководителей групп политзанятий.

-- Хорошо, зайду. Да вы не сдавайтесь!

-- Понимаю, товарищ майор, но вы обязательно... очень прошу.

Гордей Захарович, обвешенный узлами, шел мимо коттеджей, отбиваясь от своры собак, предводительствуемых Рыцарем.

Старик останавливался, рассматривая постройки и брел дальше в поисках ДОСа.

-- Здравствуйте, отец! -- крикнул подбежавший к нему Байрачный.

-- Здорово, сын!

Они обнялись, поцеловались.

-- Что ж это вы телеграмму не дали? Я б машину прислал за вами на станцию... Давайте ваши узлы, ого, какие тяжелые! Попутной небось ехали?

-- Не стрекочи как сорока, -- сердито оборвал сына Гордей Захарович. -Неужто приличествует офицеру узлами этими погоны мять? Я уж сам понесу. А насчет телеграммы не беспокойся: велишь -- я и возле дома обожду, покаместь твоя краля губы накрасит да брови горелой спичкой насурмит...

-- Что вы говорите, отец!

-- А что слышите, то и говорю, ваше благородие. Трех сынов женил -- все родительского благословения испросили. А тебе, выходит, чихать на батьку. Ну как же! Офицер! А это видал? -- погрозил он палкой. -- Пожалуй, и отцом меня не признаешь? Погоди, дай только погляжу на твою туркеню...

-- Не туркеня, а туркменка, отец. Сколько раз в письмах я вам растолковывал, а вы все свое. И прошу вас не оскорблять мою

жену!

-- А то что? -- Гордей Захарович остановился и сердито задвигал выгорелыми на солнце бровями.

-- Ничего. Ведь не вам, а мне с нею жить. Мне по сердцу она. Впрочем, я уверен, что и вам она понравится.

-- Ну, ну, ишь, надулся, как кулик на ветру, раз так -- показывай.

Биби прибирала на балконе, когда муж и тесть вошли в дом. Гордей Захарович поставил у порога узлы, оглянулся вокруг. Чисто кругом, матери его ковинька! Дорожка на диване, скатерть -- все прямо сверкает! Накрахмалено, выутюжено! Стекла в окнах так и сияют, а пол -- как зеркало отсвечивает. Из всего этого старик вывел первое заключение: невестка не какая-нибудь там интеллигентная белоручка, а работящая, хозяйственная труженица.

А вот и она собственной персоной. Влетела в комнату на Гришин зов, как птичка, -- легкая, хорошенькая, чистенькая. И не крашена, и не общипана, как городские нынешние модницы. Проста и привлекательна. Лицо смуглое, сама чернявая, глаза чуть раскосые, но не так, чтоб уж очень...

-- Это наш отец, Биди, -- сказал Байрачный.

-- Ой! -- Она вся встрепенулась. Покраснела, смутилась и вконец растерялась.

-- Здравствуйте, батечка... -- и опустила глаза под строгим взглядом тестя.

А тот все приглядывался да присматривался к невестке.

Грише казалось, вот-вот бедняжка Биби не выдержит этих смотрин, зальется слезами. Она ведь знала, как отец относился к их браку.

Но вот Григорий уловил на губах отца легкую улыбку и облегченно вздохнул -- понравилась!

-- Здравствуй, дочка, -- сказал наконец Гордей Захарович. - Здравствуй, девонька моя. Красивенькая ты и хозяйственная, как погляжу. Вот-то обрадуется старуха, когда я ворочусь домой и расскажу, какая у нас невестка. А то только и слышишь: "Что это там за туркеня у нашего Гришуни?" Поглядит на карточку и опять за свое...

-- Не туркеня, а туркменка, -- снова поправил отца Байрачный, готовый пуститься в пляс на радостях. -- И вообще, при чем тут национальность?

-- Винюсь тебе, дочка, что так назвал. Стар больно. Все путаю. Гриць у меня младший, а вот женился... А мать совсем сдает. То, бывало, с весны, как пригреет солнышко, так ее с огорода не докличешься, все копается. А этим летом что-то прихварывать

стала. Силушки нет, яблока и того сорвать не может. Собрались бы к нам проведать старуху, а то помрет, невестку так и не увидит. А, Грицько? А ты что скажешь, дочка?

-- Мне давно хочется поехать на Полтавщину. Гриша говорит, что там чудесно -- Ворскла течет, луга цветут. Только не пускают его. Все некогда. Днем и ночью полеты, полеты..

-- Попрошу отпуск у командира, батя. Может, вместе и поедем. Я уже думал об этом, да боялся, а вдруг жена моя вам не понравится? Этого я очень боялся. Потому и думал долго.

-- Гм, -- ухмыльнулся старик. -- Глупый ты, Грицько! Думаешь, как я уже стар, так ничего и на разумею?

Биби смутилась. Помогла отцу снять сапоги и подала домашние шлепанцы. Потом, достав чистое полотенце, повела тестя на кухню умываться. Умывшись, Гордей Захарович причесался перед зеркалом, разгладил усы и наклонился над узлами. Вытащил окорок домашнего копчения, колбасу, залитую смальцем, и четыре бутылки, заткнутые кукурузными початками и залепленные воском.

-- Самогонка?

-- Свой первачок.

-- Запрещается ведь гнать.

-- А я так, чтоб никто не знал. За хатой в вишняке, и ни синь пороху.

-- Давайте спрячем, а то обещал зайти к нам замполит.

-- А он что, участковый у вас? Акт составит?

-- Совестно, батя! Отец офицера, секретаря комсомольского комитета -- и вдруг самогонщик.

-- А это не вашего ума дело. Из своего сахара гнал, два мешка заработал в колхозе.

-- Ну вот: сахар переводите!

-- Говорю, не твоего ума дело! -- сердито повторил Гордей Захарович. -И не ворованный сахар. Ступай и кличь в гости своего командира. Аль, может, он у вас такой, что нос задирает?

-- Нет, он не такой. Но водки, а тем более самогонки не пьет.

-- Болтай!

-- Правду говорю.

-- Печенка больная?

-- Нет. Просто не пьет. У нас так: либо летай, либо пей. Одно с другим не сочетается.

-- И ты не пьешь?

-- Нет.

-- Это хорошо, сынок, что не пьете, -- переменил тон старик. -- Пьяный силе своей не хозяин. Правильно поступаешь. Запомни: пьяного речи -трезвого мысли. Выпьешь на копейку, а наболтаешь

на рубль... А при твоей работе... молчок! Это я понимаю. Да, горилка до добра не доведет. Помнишь дядю своего Марка? Ну, того, что служил на заводе на винокуренном? Так вот, было дело -- дорвался до бочки, как вол до воды, -- и уже не поднялся. Так и сгорел, горемычный. Люди бают, видели, как дымок сизый вылетал со рта.

-- А для чего ж вы гнали, да еще сюда привезли?

-- Как это для чего? -- искренне удивился Горедй Захарович. -- Свадьбу справим, как водится среди добрых людей. Покличешь еще Скибу Петра. Письмо ему передал старый Скиба. Вместе думали ехать, да он комбайнером в колхозе... Не ослобонил председатель.

Опорожнив узлы, Гордей захарович кликнул невестку, велел ее все убрать на кухню, а сам сел на стул и посадил рядом сына.

-- Ну, сказывай, сынок, что оно тут и как. На реактивном летаешь?

-- Теперь все самолеты-истребители реактивные.

-- И у американцев тоже?

-- Тоже.

Гордей Захарович ближе пододвинулся со своим стулом к сыну, спросил шепотом:

-- А скажи, Грицько, начистоту: у кого лучше самолеты -- у нас или у американцев? Про ракеты -- известно, наши лучше; наши взлетают, а ихние в море падают. А вот как с самолетами, а?

-- У американцев тоже авиация сильная, но таких самолетов, как наши, у них еще нет.

-- Ага, стало быть, и по самолетам мы их обскакали?

-- Обязательно.

-- Это хорошо, матери его ковинька! -- бравым жестом подкрутил усы Гордей Захарович и снова понизил голос: -- А вот, это недавно, перед тем, как весне быть, газеты писали -- я, правда, сам не читал, -- что наши обстреляли самолет американов, -- тот залетел на нашу территорию. Скажи, это как же прикажешь понимать? Мы с кумом думали-гадали, да и решение вынесли такое: коль американ тот домой не воротился, стало быть, наши его и порешили.

-- Правильно. Было такое дело. Замполит одного сбил, а двух -- командир звена капитан Телюков.

-- И они таки вправду заблудили, американы, или, может, случилось так, как с нашим соседом когда-то: пустил он своих овец на наш выгон, а когда мы загнали их к себе в кошару, сосед взмолился: "Так и так, бедные овечки заблудились, верните!"

Байрачный рассмеялся:

-- Конечно же дело не вэтом. Враки это все. Ведь мы же ни разу не заблудились.

-- Я тоже думаю -- враки. Ну, а ты, Грицько, никого еще не сбил?

-- Пока нет.

Биби тем временем хлопотала на кухне -- готовила обед. Пошептавшись с женой, Грицько пошел к Телюкову, попросил у него "Волгу" и съездил в Каменку. Вернувшись с покупками, он застал отца в обществе замполита и односельчанина Петра Скибы. Все втроем сидели за накрытым столом.

Замполит, впрочем, вскоре поднялся. Прислушавшись к гулу самолета, он заметил:

-- Кажется, командир летит от полковника Жука. Надо пойти встретить. -Простился и ушел.

Следующей ночью полковник Жук пустил трех бомбардировщиков: двух -почти на практическом потолке, а одного -- на бреющем. Экипажи сыпали в воздухе противолокационную фольгу.

Это было то, чего так настойчиво добивался подполковник Поддубный.

Ну что ж, видно не зря побывал он у полковника Жука.

Глава тринадцатая

Над горным кряжем серебром рассыпался Млечный Путь. Небо усеяли звезды -- крупные, небольшие и совсем маленькие, едва заметные. Приглушенно доносится шум морского прибоя. Капитан Телюков лежит навзничь возле своего самолета и не просто любуется бархатным ночным небом, а старательно изучает и запоминает конфигурацию и взаиморасположение созвездий. Многие из них, особенно те, которые ближе к Полярной звезде, он свободно мог бы показать на немой карте звездного неба, а то и начертить на листе бумаги, как чертят летчики район полетов.

Телюков лежит на земле, зашнурованный в компенсационный костюм, а мысли его далеко -- в беспредельных просторах Вселенной. Его настолько захватила перспектива полета в космос, что он даже отказался от мысли поступить в академию -- не поехал сдавать экзамены, хотя не сомневался, что сдаст их успешно. Академия от него никуда не уйдет, можно поступить и в следующем году. А вот слетать в космос -- это невероятно заманчиво.

Как летчик, он понимал, что если ученым и конструкторам удалось уже разрешить проблему возвращения корабля на Землю, то на очереди полет человека. И с тем большим нетерпением ждал он вызова в школу космонавтов. Ждал каждый день, докучая своими вопросами начальнику штаба подполковнику Асинову, и

возмущался, когда тот отвечал:

-- Там и без вас есть кому летать.

"Там" -- это в Москве, и Телюков завидовал летчикам, которые служили неподалеку от Москвы.

Шел второй час ночи. Из-за моря выплыл ущербный месяц. Большая Медведица, незаметно оборачиваясь вокруг Полярной звезды, уперлась лапой в горную гряду. Увидя возле соседнего самолета неподвижно застывшую фигуру лейтенанта Скибы, Телюков подозвал его к себе:

-- Ну, как дежурится, лейтенант? Вздремнули?

-- Да нет. Никак не приучу себя к отдыху во время ночного дежурства. Сплю больно крепко, боюсь проспать сигнал боевой тревоги.

-- Это без привычки.

-- А вы тоже не спали?

-- Комары не дают. И водится же этакая нечисть на нашей планете!

-- О, нечисти на нашей планете хоть отбавляй, -- многозначительно заметил Скиба, присаживаясь рядом на брезент. -- Я вот частенько думаю: до чего подлы и бессовестны империалисты. Наш народ строит коммунизм, кладет кирпич за кирпичом, а проклятые империалисты лезут, мешают. Не разбойники, а? И в то же самое время кричат, будто мы им угрожаем. Иной раз такая досада возьмет... Так бы и задушил этих крикунов собственными руками...

-- Вы, лейтенант, как я погляжу, становитесь истым воином, -- заметил Телюков. -- И вот что я вам скажу. Это еще не воин, который умеет обращаться со своим оружием. А вот если жжет у него сердце, если он исходит гневом к тем, кто угрожает мирной жизни его народа, -- это подлинный солдат. У такого и рука не дрогнет в бою, потому что он всем существом своим осознал, что борется за святое дело. Вот я скажу о себе. Сбил я двух нарушителей границы. Один из них явно -- американец. А другой -- черт его знает чей он и откуда залетел. Так вот, когда я шел в атаку, то почти ничего не чувствовал, кроме жгучей ненависти. Понимаете? Пламени в сердце... И больше ничего. "Ну, чего ты, вражья сила, -- думаю, -- лезешь к нам, непрошеный, незваный? Сгоришь ведь или утонешь! Съедят тебя крабы и раки или акула подхватит -- ну и черт с тобой! Не лезь!" Так-то, брат! Все идет от сердца. Конечно, вы еще в бою не были и не ощущали этого. Но будете ощущать то же самое, обязательно будете!

Меня, -- продолжал Телюков, как бы размышляя вслух, -- полковник Вознесенский стращал трибуналом за то, что я не сообщил своевременно об отрыве подвесных баков, и за то, что

самовольно погнался за спутником. Слов нет -- поступил я плохо. Никуда не годится так поступать. Понимаю. Особенно в истории с баками. А вот то, что я погнался за спутником, приняв его за самолет, -- тут уж я на согласен! Пусть я ошибся. Но ведь у меня было непреодолимое желание сбить врага, во что бы то ни стало сбить! Разве это плохо? Полковник Вознесенский не понял этого. А наш командир вник и разобрался. Потому что сам летчик, сам подлинный воин. Вот и встал за меня горой.

Телюков помолчал, раздумывая над сказанным, затем добавил:

-- Не поймите меня превратно, лейтенант: я не восхваляю себя. Не в этом дело. Я хотел только подчеркнуть, как хорошо, когда у летчика появляется вот это боевое настроение, что ли. Это уже не просто летчик, это воин. Уметь летать, даже хорошо летать -- это еще не все. Нужно, чтобы душа кипела, клокотала от гнева и вообще -- помните: трудностей бояться -- жизнь прозевать!

Скиба слушал молча, вникая в каждое слово. Он не был еще в бою, и для него чрезвычайно важно было знать, что чувствует летчик во время атаки. Возможно, скоро, возможно, даже сию минуту прозвучит команда, и он тоже ринется в бой.

Телюков поднялся, потянулся. Обошел вокруг самолета, осветил фонариком колеса, чтобы проверить, не спускают ли скаты, и снова подошел к Скибе.

-- А не было страха от мысли, что и враг может сбить вас? -- спросил Скиба.

Телюков ответил не сразу.

-- Как вам сказать? Когда самолетная радиолокационная станция перешла на режим прицеливания, я уже думал только об одном: как бы не промахнуться. А вот после стрельбы старался не зависать в хвосте бомбардировщика. Вышел энергичным разворотом. И конечно же, если вы, приблизившись к вражескому самолету, будете висеть, то противник срежет вас... Впрочем, теперь нам легче: выпустил ракету и пускай идет...

Поучая так молодого летчика, Телюков и не подозревал, что его слушает замполит Горбунов, который, направляясь от СКП в дежурный домик, задержался возле АПА-7 (аэродромный пусковой агрегат).

-- Доброе дело делаете, капитан, беседуя с молодыми, -- сказал замполит, приблизившись к летчикам. Он взял Телюкова под руку и повел за собой. -- Очень хорошее дело, партийное. И я вот подумал, а не пора ли вам в партию?

Для Телюкова это оказалось полной неожиданностью.

-- В партию? -- переспросил он взволнованно.

-- Да, в партию.

-- Признаться, это была моя сокровенная мечта, но... ведь в партию!

-- Ну, да.

Телюков помолчал некоторое время.

-- А рекомендацию кто мне даст?

-- Я, например.

-- Вы? Шутите, товарищ майор...

-- Нет, Телюков. Шутки здесь неуместны. Вот услышал я, как вы наставляете молодого летчика, и так мне радостно стало. Теперь я еще лучше понял, почему наши молодые летчики так выросли за последнее время. Многим из них вы помогли, а за вами и другие: кто словом, кто делом. Это уже по-партийному... Вот я и подумал: народ доверил вам боевой самолет и вы оправдываете это доверие. Так почему же мне не дать вам рекомендацию?

-- А случай с певицей?

-- Случай неприятный, что и говорить. Здорово он меня возмутил и взволновал. Поэтому вас и на комитет вытащил. Но ведь мы вас не сразу в партию.. в кандидатах побудете... И я уверен, вы станете прекрасным коммунистом. Верно ведь? Неправильно представлять нашу партию, ну, как вам сказать? Как хозяйку какую-то, что ли, которая ходит по огороду и срывает для себя все, что уже окончательно созрело. Важно видеть в перспективе. А из вас выйдет верный сын партии, стойкий и честный коммунист. Вот и будем выращивать. Между прочим, я беседовал о вас с командиром. Он тоже согласен дать рекомендацию. Даст, конечно, и комсомольская организация.

-- А если меня примут в школу космонавтов?

-- Тем лучше. Подымитесь в космос коммунистом. Итак, подумайте.

-- Что ж тут думать? -- взволнованно ответил Телюков. -- Завтра же напишу заявление.

-- Вот и хорошо.

Замполит спустился в подземелье дежурного домика, а Телюков вернулся к самолету. Ему вдруг неудержимо захотелось сейчас же, сию минуту, при свете электрического фонарика написать заявление. Непременно сейчас, ведь он ночной летчик-перехватчик, и не к лицу ему писать жизненно важный документ где-нибудь в канцелярии...

Не оказалось при себе авторучки, не берет ее летчик в полет: разгерметизируется кабина -- чернила выльются. И все же он не отступил от своего желания, попросил ручку и Максима Гречки и, вырвав из его рабочей тетради лист, написал заявление при свете карманного фонаря.

С моря потянуло свежим ветерком, предвестником утра. На бетонку и траву упала обильная роса. Тишину раннего утра в тайге разорвал неистовый птичий гомон.

И вот из-за моря выкатилось солнце -- громадное, багровое, как стяг. Оно светит и для тех, кто на новостройках коммунизма, на колхозных полях самоотверженно трудится во имя великого грядущего, во имя мира, во имя счастья на земле.

Во имя этих светлых идеалов человечество и он, Телюков, еще одну бессонную ночь провел на старте, на боевом посту.

В это утро было объявлено о предстоящих летно-тактических учениях.

Летчики и авиационные специалисты включались в социалистическое соревнование, брали на себя обязательства работать без летных происшествий, добиваться стопроцентного перехвата целей. Выпускались стенные газеты, выходили экстренные номера боевых листков, проводились собрания и всякого рода совещания.

-- беру на себя обязательство, -- сказал на общем собрании полка Телюков, -- сдать зачеты на техника третьего класса, чтобы во время тактических учений без помощи техника обслуживать свой самолет на запасном аэродроме, если там придется сесть.

Почин Телюкова обсудили на партийном комитете, одобрили, и в полку началось массовое движение под лозунгом: "Летчик -- он же и техник!"

Лейтенант Байрачный был в восторге, что этот почин исходит именно от комсомольца.

Еще весной всем перехватчикам выдали рыболовные снасти -- лески, крючки, мормышки. Делалось это для того, чтобы при вынужденном катапультировании летчик, если его не удалось бы своевременно подобрать в море, не мучился бы от голода, ловил рыбу и питался ею. И вот Телюков решил организовать тренировочные занятия по рыбной ловле.

Каждое тренировочное занятие лишь тогда чего-нибудь стоит, когда оно максимально приближено к реальной действительности. Неизменно придерживаясь этого правила, Телюков посоветовал Байрачному, Скибе и Калашникову в воскресенье утром, выходя на рыбалку, ничего съестного с собой не брать.

-- Если вы, -- поучал он молодых летчиков, -- понабиваете свои желудки пищей, то не только сырую, но и жареную селедку в рот не возьмете. Насытившись сметаной и бифштексами, вы к тому же начнете клевать носом в своих лодках, как жирные тюлени на плавучих льдинах, и, чего доброго, занесет кого-нибудь из вас в открытое море, потом и с вертолетом не сыщешь.

Давайте так: если уж тренироваться -- так по всем правилам, а нет -- и времени терять не стоит.

Лейтенанты согласились тренироваться по всем правилам.

Одетые в комбинезоны, в красные спасательные жилеты, с панамами на голове, рыбаки вышли к морю в восемь утра. Шли вдоль реки, вытянувшись цепочкой. Впереди Телюков, за ним Байрачный, затем Скиба и наконец Калашников. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, но в тайге стояла утренняя прохлада. Пахло папоротником, трухлявым буреломом, хвоей. Шумели и плескались под крутыми берегами река. Местами на отмелях вода рассыпалась ослепительным бисером, играла в солнечном свете, шуршала галькой.

Байрачный и Телюков вели беседу о целесообразности намеченной рыбной ловли.

-- Ну ее к чертям, эту сырую рыбу! -- отмахивался Байрачный. -- Я и пробовать ее не стану!

-- Попробуете, если приспичит. Голод -- не тетка. Читали про четверку в океане? Про Зиганшина, Поплавского, Федотова и Крючковского? А поймай они, предположим, акулу, не пришлось бы варить похлебку из сапог и гармошки. Слыхали, на Каспии один рыбак, которого отнесло на льдине в открытое море, двадцать дней продержался, питаясь сырой рыбой? То-то и оно! А вы говорите -- бессмысленная затея. Нет, Григорий, нужно быть готовым к любым испытаниям.

-- И вы собираетесь есть сырую рыбу?

-- Если поймаю, конечно, попробую.

-- Хотелось бы мне посмотреть, как это будет выглядеть. Рыба трепещет, бьется в ваших руках, а вы разрываете ее на части, как зверь... Ха!

-- Вот вам и "ха"! -- передразнил его Телюков. -- А вам приходилось слышать об американских так называемых школах выживания? -- спросил он. -- О них писалось в одном журнале. Такие школы имеются почти на всех базах стратегической авиации Соединенных Штатов Америки -- в Западной Германии, Японии, и в Гренландии, на Аляске. В этих школах американские летчики проходят специальную подготовку, приобретают знания и опыт на случай, если вдруг окажутся сбитыми над территорией противника, то бишь над нашей территорией. В программе этих школ центральное место занимают разного рода испытания. Летчиков приучают добывать еду с помощью ножа и пистолета, учат печь картошку, варить кукурузу, высасывать из цветов мед, маскироваться, спать привязанным на дереве и всяким прочим фортелям.

-- А вы откуда знаете об этом? -- полюбопытствовал Скиба.

-- Я ж говорю, в журнале читал. А в Южной Корее -- не знаю, как теперь, а прежде был специально оборудованный лагерь военнопленных. И для кого вы думаете? Для американских летчиков. Лагерь как лагерь, с колючей проволокой и всеми прочими атрибутами. Каждому летчику, которого помещали в этот лагерь, в течение шести давали небольшую порцию риса и изредка -- рыбью голову. В лагере имелись так называемые инструкторы, которые выступали в роли большевистских комиссаров. Они допрашивали пленных, загоняли их в камеры, ругали, угрожали, давали волю рукам. Словом, доводили летчика до того, что он вынужден был бежать из лагеря. Бегство -- заключительная фаза обучения. Сбежал незаметно -- получай "отлично".

-- Комедия, и только! -- заметил Байрачный.

-- Я не против, Пускай у американцев будет побольше таких лагерей, -сказал Калашников, который с интересом слушал рассказ Телюкова.

-- Комедия, но тем не менее факт! -- продолжал Телюков. -- Такой экзекуцией американские генералы стараются убить двух зайцев. Во-первых, дать практическую подготовку своим солдатам и офицерам, которым может не посчастливиться в бою, и психически подготовить их к резкому переходу от обычного образа жизни к жизни военнопленного; во-вторых, -- и в этом главное, -- вызвать с помощью своих коварных действий как можно большую ненависть к коммунизму. Создавая школы выживания и лагеря военнопленных, они пытаются показать: вот, дескать, что вас ждет, если вы попадете коммунистам в руки. А посему, мол, воюйте стойко, боритесь до последней капли крови. Ведь у них, у американских заправил, только одно на уме: вдалбливать в головы людей, что смерть лучше "коммунистического рабства".

-- Значит, по-ихнему, по-американски, мы -- это рабы коммунизма? -расхохотался Байрачный. -- Ну что ж, "раб" Петро, дай мне закурить, -обратился он к Скибе.

-- Сделайте одолжение, "раб" Грицько!

Телюков, который до сих пор говорил в серьезном тоне, тоже рассмеялся.

-- Словом, -- заключил он, -- американцы серьезно готовятся к войне, меду тем как вы, лейтенант, -- он потянул Байрачного за рукав комбинезона, -- пренебрегаете даже сырой рыбой... А вот попробуете и убедитесь, что с сырой рыбой не пропадешь; смелее будете летать над морем...

Постояв, летчики отправились дальше и вскоре вышли на голый берег. Их взорам открылся зеленовато-серый морской

простор, над которым носились изголодавшиеся за ночь чайки, припадая к волне. Река здесь текла медленнее, рябила белыми шапками пены. У самого моря ее пересекал живописный островок. Тут река разделялась на два узких рукава, а за островком снова сливалась в один сплошной поток, острым клином врезавшись в море.

Телюков подал рукой знак остановиться.

-- Есть идея, -- сказал он. -- Давайте, товарищи, здесь спустим лодки на воду, и река сама вынесет нас в море.

-- Правильно! -- согласился Байрачный. -- Всегда надо с умом использовать силы природы. А как по-вашему, ребята, почему так четко выделяется в море речная вода? Вы думаете потому, что она мутная? Набегает с некоторой скоростью? Ошибаетесь. Двойка вам в зачет. Дело в том, что речная вода значительно легче морской...

-- Погодите, Байрачный, со своими теориями, -- остановил его Телюков и скомандовал надуть лодки. Подхваченные течением, они быстро поплыли вниз одна за другой.

-- Смотрите, не наскочите на скалы! -- кричал Телюков Байрачному, ловко орудуя веслами-лопатками, напоминающими ракетки настольного тенниса.

-- Не наскочим! -- кричал в ответ Байрачный.

Резиновая флотилия прошла мимо острова и, выйдя из устья реки, рассыпалась по морскому простору, закачалась на волнах. Байрачный расстегнул кожаный кошель, в котором лежали снасти, размотал леску и закинул в воду.

-- Ловись, рыбка, маленькая и большая!..

То же самое сделал и Скиба. Закинув снасти, он спустил комбинезон до пояса -- решил загореть, -- хоть было еще довольно прохладно. Телюков, проворно орудуя веслами, отплыл на своей лодке дальше всех; конец лески он держал в зубах. У Калашникова леска, должно быть, спуталась; он возился над ней и тихонько поругивался.

-- Не клюет, Геннадий?

Тот в ответ только рукой махнул.

И правда, не клевала рыба ни большая, ни маленькая.

Байрачный подождал минут десять. Нет, не клюет. Либо рыба ушла от берега, либо она не так уж глупа, чтоб не распознать насадку...

Низко над водой носились неугомонные чайки. Одна из них пролетела так близко, что Байрачный невольно схватился за панаму, чего доброго, унесет в клюве головной убор!

Лодка покачивалась на волнах, и ее упорно относило к берегу. Григорию приходилось отгонять ее назад. Раз отогнал,

второй, третий, прямо досадно стало. А рыбу словно заколдовали -- не клюет и не клюет!

Между тем начало пригревать солнце. Байрачный разделся и расстегнул ворот комбинезона. Убаюкиваемый волной, он вскоре задремал и уже сквозь сон услышал, как что-то дернуло за леску.

-- Есть! -- воскликнул он и быстро, как учил Телюков, начал выбирать леску из воды. -- Попалась, каналья! -- входил он в азарт.

Вдруг зашипел воздух, забулькала вода, и лодка, катастрофически худея, начала морщиться и переламываться. Очевидно, крючок проколол резину.

-- Тону! -- не на шутку испугался Григорий.

Поглядел на берег -- далеко. Тогда он схватил в рот шланг и стал поспешно надувать спасательный жилет.

Ближе всех к месту аварии находился Калашников. Он первый заметил, как лодка Байрачного начала медленно погружаться в воду.

Байрачный мелькнул в воздухе голыми пятками и бултыхнулся в воду. Через секунду он закачался на волнах в надувном жилете. А ботинки, панама и все, что было в лодке, пошло на дно.

-- Лови! -- поспешил Калашников на выручку другу, бросая ему конец шнура.

К месту аварии подоспели Телюков и Скиба. Общими усилиями они отбуксировали Байрачного к берегу.

-- Слабак! -- сердился Телюков. -- Умом надо брать, а не глоткой! Болтаете много!

Байрачный стоял с несчастным видом, промокший до нитки.

-- Ей богу... мне показалось, что взялась какая-то крупная рыба. Потом слышу -- шипит воздух, и лодка подо мной все мягче и мягче становится. Тут я и сообразил, в чем дело. Но не растерялся. Нисколечко.

-- Герой, ну прямо герой! -- с подковыркой заметил Телюков. -- Не хватало только еще проколоть жилет, и тогда -- не трать, кум, силы, опускайся прямехонько на дно...

-- Ну ее к свиньям, эту рыбалку! -- разочарованно заметил Байрачный. -Все равно я б и в рот не взял сырой рыбы. Еще в детстве я, когда учился плавать, нечаянно проглотил головастика. С той поры даже к жареной рыбе не больно тянет. А как вспомню, так и сидит у меня в горле этот головастик! Брр!

Телюков не рискнул вторично выходить в море и скомандовал собираться по домам.

Байрачный шел босиком, в трусах и майке, неся мокрый комбинезон на плече.

Проходя мимо острова, летчики решили перебраться на него и порыбачить с берега.

Они вырезали из лозы короткие удилища, оборудовали донки, накопали червей. Байрачный, поскольку он потерял свои снасти, занимался тем временем своим комбинезоном -- еще раз хорошенько отжал его и развесил на кустах -пусть просыхает на солнце.

Неожиданно среди хвороста, валежника и всякого мусора, принесенного рекой из тайги и сбившегося у берега, Байрачный заметил торчавший из воды подошвой кверху сапог. Раскачиваемый набегавшими волнами, сапог то погружался в воду, то снова всплывал.

-- Эй, хлопцы! -- окрикнул Байрачный товарищей. -- Сюда! Похоже, что здесь утопленник.

-- Пуганая ворона куста боится! -- недоверчиво бросил Телюков.

-- Да что вы, товарищ капитан, -- возразил летчик, -- идите сюда! Скорее!

Летчики оставили свои удочки и поспешили на зов. Убедившись, что из воды действительно торчит сапог, они сняли с лодок веревки, связали их, сделали петлю. После нескольких неудачных попыток Телюкову удалось заарканить сапог. Потянули -- тяжело. Еще раз поднажали вместе и ахнули от неожиданности. Из воды показалась сперва одна нога, затем другая, и наконец на поверхности появилось тело человека с портативной радиостанцией на спине.

На утопленника было страшно смотреть. От головы остался один череп, кисти рук отсутствовали. Кожа и мясо, очевидно, стерлись о камень, когда утопленника несло течением.

Не прикасаясь к трупу, летчики оставили его на острове и отправились домой. Вскоре на остров прибыла группа врачей и следователей. У утопленника были обнаружены документы -- паспорт, размокшие до основания бумаги, прочитать которые не удалось. Никаких надписей, кроме цифр, не было обнаружено ни на радиостанции, ни на пистолете. Сошлись на одном: это, вероятно, и был тот самый таинственный радист, который подавал в горах сигналы и найти которого, несмотря на самые тщательные и длительные поиски, не удавалось.

Как он попал в реку, так и осталось загадкой. Шли летчики ловить рыбу, а поймали мертвого шпиона. В своем рапорте на имя командира полка капитан Телюков, учтя горький опыт потерпевшего аварию Байрачного, писал:

"Крючки на резиновой лодке -- штука небезопасная, особенно для таких рыболовов, как лейтенант Байрачный. Предлагаю: либо

вовсе их изъять, либо иметь на леске не более одного крючка. На искусственную насадку рыба не идет, нам, по крайней мере, поймать не удалось ничего".

Понедельник. Вторник. Среда. Третий день слоняются по аэродрому офицеры-посредники с белыми повязками на рукавах, а тактические учения все не начинаются.

Надоело подполковнику Поддубному отвечать на вопросы подчиненных: "Когда?" Разве он знает! Не знают этого, вероятно, и посредники. Никто не знает, когда именно прозвучит сигнал тревоги. Он прозвучит неожиданно -днем или ночью, утром или вечером, а когда точно -- неизвестно. Скорее всего, утром. Так думают все, по крайней мере, до последнего времени войны начинались на рассвете... А тактические учения -- это та же война, только без крови и жертв.

Учебная тревога незримо поселилась в солдатской казарме, проникла в квартиры офицеров и сверхсрочников, притаилась за темными шторами... И весь авиационный полк напоминал сжатую пружину, готовую при первом слове "тревога" расправиться и привести в действие мельчайшие детали сложного механизма.

С самого утра и до позднего вечера не гаснул свет в квартире командира полка. Многие, видя этот свет, думали, что командир тоже не спит, ожидая сигнала тревоги. Но не спала одна лишь Лиля. Она взяла в штабе пишущую машинку и перепечатывала свои очерки о Телюкове. Да, это были очерки -- жанр окончательно определился, и если их примут в редакции и напечатают, то она, Лиля, найдет свое призвание в журналистике.

Она поведает читателям о романтике летной службы, исполненной героизма и творческих дерзаний, о славных делах летчиков-перехватчиков.

Долгое время Поддубный скептически относился к литературным, как он называл, упражнениям жены, хотя смотрел на это сквозь пальцы: чем бы мол дитя ни тешилось... Но после того как прочитал первые несколько очерков, мнение его резко изменилось. Очерки не на шутку взволновали его. Он начал помогать жене, всячески поощрять ее, и Лиля работала с большим подъемом, настойчиво и тщательно отшлифовывая буквально каждую фразу, перечитывая по нескольку раз одно и то же.

Лиля, выросшая в авиационных городках, тоже считала, что тревога будет объявлена утром. Просыпаясь еще в предрассветных сумерках, она, прежде чем садиться за машинку, варила мужу его любимый черный кофе.

Но случилось так, что тревогу объявили в четверг к концу дня, когда ее меньше всего ожидали. Одних она застала в дороге -- возвращались с аэродрома, других -- в учебных классах,

некоторых -- в столовой, а иных -- в гарнизонной бане. Легко себе представить, какая поднялась суматоха.

"Авиаторов на аэродром!" -- надсадно взывали сигналы. И люди мчались на аэродром к боевым машинам.

"Волга" Телюкова стучала по ухабам предрессорниками -- в ней каким-то образом разместились шестеро пассажиров. Скорее, скорее, потому что офицеры-посредники стоят с часами в руках. На учете каждая секунда!

Подполковник Поддубный принимает рапорты от командиров эскадрилий. Вторая -- в боевой готовности. Третья -- тоже. А первая? Что ж такое с первой? Почему так долго возятся летчики с новых самолетов? Готово! Ах, черт вас побери!

-- Полк в боевой готовности! -- докладывает Поддубный комдиву и с опаской обращается к посреднику: -- Ну, что там? Уложились? -- Ему некогда даже было засечь время.

-- Не волнуйтесь: раньше срока.

У Поддубного отлегло от сердца. И все же ему досадно: первая эскадрилья, а собралась по тревоге последней. Он раскрывает блокнот и делает для себя пометку: "Ракетчики долго шнуруются. Подогнать, тренировать".

Это первое замечание, касающееся тактических учений. А их будет много, больших и небольших, значительных и незначительных, о которых затем пойдет речь на разборах полетов.

Поднятые по тревоге летчики -- в боевой готовности. Что ж будет дальше? Об этом знают лишь генералы и штабные офицеры, которые планировали эту войну без крови, потерь и увечий.

Как сообщил майор Гришин, в районе полетов появился самолет, пилотируемый генералом Ракитским. Значит, будет нечто значительное, ибо там, где генерал Ракитский, легких учений не бывает.

Близится ночь. Из-за моря подымается облачность, постепенно обволакивая безбрежную ширь небес. Гаснут созвездия. Синоптики предсказывают развитие грозовой деятельности.

Чашечки аэрорумбометра, днем стоявшие почти неподвижно, набирают скорость. Наплывают тучи -- их гонит ветер.

Из будки СКП видно, как далеко-далеко в поле мигают огоньки. Это медики и санитары оборудуют пункт медицинской обработки личного состава. Но почему в поле? Испокон веков госпитали и лазареты размещались в лесах. Ну да, все правильно. Если поблизости упадет атомная бомба, то загорится тайга. Верное решение принял командир тыла -- этого старого воробья на мякине не проведешь!

Подполковник прислушивается к эфиру; его не перестают волновать вопросы: когда пойдут цели, откуда, на какой высоте? Но не слышно никаких команд, никаких позывных. Штаб и КП притаились, молчат. Тишина.

На аэродром прибыла солдатская кухня. Еду развозят по капонирам, и авиационные специалисты ужинают, не отлучаясь от самолетов. Порядок! А вот о том, чтобы накормить летчиков и техников, не позаботились. Поддубный снимает трубку, вызывает начпрода:

-- Еду для офицеров тоже развести по стоянкам... Что? Мобилизуйте всех подчиненных. Все! Действуйте!

В двенадцать ночи с полка неожиданно сняли боевую готовность. Люди устраивались кто где, большей частью укладывались группами на брезентах. Но вскоре с воем, шумом и треском налетела гроза. Летчики закрывались в кабинах самолетов, а техники и младшие авиационные специалисты прятались от дождя в перекрытых блиндажах, в кабинах автомобилей, в клубной и санитарной машинах.

Полтора часа бушевала гроза. Дождь лил как из ведра. Но вот облачность переместилась к северо-западу, и над аэродромом вновь затеплились звезды, серой прозрачной дымкой подернулось небо.

В буду СКП, где сидели руководящие офицеры полка, зашел подполковник Рожнов, мокрый, измазанный с ног до головы грязью.

-- Что с вами? Где это вы пропадали? Сидор Павлович? -- невольно рассмеялся Поддубный.

-- Медики... Вот народ! -- недовольно бормотал Сидор Павлович. -- Им бы только в кабинетах отсиживаться.

-- Грозы испугались и разбежались? -- спросил Дроздов.

Сидор Павлович, кряхтя, стал шарить по карманам в поисках заветного кисета.

-- Не разбежались, -- ответил он, скручивая цигарку. -- Но как вы считаете: для чего мы обмываем солдат? Конечно, для того, чтобы смыть радиоактивные вещества, правда? Так где, по-вашему, лучшее место для машины-душевой, ну, как вы считаете? -- Видя, что на его вопрос никто и не думает отвечать, Сидор Павлович ответил сам: -- То-то. А я, ей-богу, срывал бы погоны с тех вояк, которые ни черта не смыслят в противоатомной подготовке, не умеют ворошить куцыми своими мозгами. Конечно же, лучшее место для душевой под горой. Обмывает человека вода и стекает вниз. А мои ученые-медики ни с того и с сего давай оборудовать пункт в ложбине. И стояли бы солдаты по колено в радиоактивном озере, если б это была настоящая война.

Сидор Павлович сердито задымил самокруткой, постоял немного и молча вышел из будки.

-- А козлиная борода -- не плошает, -- заметил Поддубный одобрительно. -- Здорово разбирается, что к чему.

-- Да, башковитый старик, -- согласился Дроздов.

На рассвете полку снова объявили боевую готовность.

Вот тут-то и началось...

Сперва пришло распоряжение поднять в воздух новые самолеты, а затем все остальные машины. Аэродром, еще минуту назад казавшийся пустынным, мгновенно преобразился. Поднялся невообразимый грохот. И как только от бетонки оторвалась последняя пара истребителей, завыл сигнал атомной тревоги.

-- Надеть средства индивидуальной защиты! Всем -- в бомбоубежище! -передал Поддубный по селектору.

Через несколько минут над мысом загрохотал взрыв, и в небо взвилась зловещая туча дыма и пыли. Бросив микрофонную трубку, Поддубный прыгнул в щель, вырытую рядом с СКП. И хорошо, что прыгнул своевременно, иначе полк остался бы без командира...

Пункты управления и буквально все, что находилось на открытой местности, смела условная атомная бомба.

По аэродрому бегали с носилками санитары, подбирая всякого, на кого указывали посредники. Выглянув из щели, Поддубный увидел картину, которая заставила его горько усмехнуться. Санитары волокли техника-лейтенанта Гречку, а тот упирался как козел и всячески противился, когда его укладывали на носилки:

-- Да вы что, хлопцы, совсем одурели? Ведь у меня самолет. Кто ж будет встречать летчика? Да еще и не простой самолет...

Санитары, однако, не обращали ни малейшего внимания на протесты и увещевания, делали свое дело, твердо памятуя, что, во-первых, приказ есть приказ, во-вторых, им ведь тоже нужно тренироваться и действовать, как в настоящем бою.

Не иначе как неутомимый труженик аэродрома Гречка замешкался на стоянке со своим имуществом и не заметил, как к нему подоспели санитары.

Такая же участь постигла инженер-подполковника Жбанова: досиделся, выходит, в своем ИКП! Но что более всего поразило Поддубного, так это то, что на санитарных носилках возлежал собственной персоной сам Сидор Павлович -- столь ревностный поборник атомной подготовки. Как потом выяснилось, он впопыхах где-то оставил свой противогаз...

Крепкая и неумолимая рука управляла тактическими учениями. Никто не занимался попустительством. Поступай, как

на войне, а не то -- прочь с дороги, не путайся под ногами, кто бы ты ни был: атомное оружие не признает ни должностей, ни рангов...

Атомная бомба нанесла значительный ущерб и отобрала у Поддубного пятьдесят процентов личного состава полка.

-- Ваше решение, подполковник? -- с превосходством победителя обратился к Поддубному старший посредник, полковник, представитель Москвы. В его голосе сквозили явно иронические нотки. -- Что думаете делать?

-- А что же мне делать, если вы отняли у меня все? -- ответил Поддубный, снимая противогаз, что разрешалось при обращении посредника.

-- Значит, подымаете руки?

-- Сдаюсь на милость победителя... Нет, нет, товарищ полковник, вы повремените записывать: учите, что всадник еще в седле. Прошу вашего внимания. Посмотрите.

По другую сторону взлетно-посадочной полосы поднимались в небо антенны запасной радиостанции, закопанной в землю и тщательно замаскированной. Четверо солдат, выскочив из подземелья, стремглав бежали в разных направлениях с кабельными катушками за плечами и с телефонными аппаратами в руках. Аэродром действовал.

-- Вот как? -- посредник был приятно удивлен. -- Так чего же вы прикидываетесь казанской сиротой, подполковник?

-- Простите великодушно. Уловил в ваших словах иронию, вот и решил подыграть вам. А теперь разрешите выполнять свои обязанности?

-- Что ж вы будете делать?

-- Определю уровень радиации, прикажу осмотреть летное поле, развернем восстановительные работы...

-- Действуйте, -- не дал ему договорить полковник.

Работы по ликвидации последствий атомного взрыва были выполнены наполовину раньше срока. А все потому, что Сидор Павлович заранее заготовил все, что нужно для ремонта бетонки: камень, кирпичи, гудрон. Все это было погружено на мощные МАЗы, стоявшие в окопах.

Сидор Павлович считался погибшим, но дело его жило. Недаром говорят, что инициативный, боевой командир остается в строю и после смерти...

Наладив связь, Поддубный выяснил обстановку. Все летчики полка, выполнив полетные задания, благополучно приземлились на запасных аэродромах.

Учения шли своим чередом.

Группами, звеньями, парами и в одиночку возвращались

летчики на свой аэродром. Самолеты заправлялись горючим, воздухом, кислородом и снова взлетали, устремляясь на рубежи перехвата.

Встала в строй клубная машина, и через местный радиоузел передавались скупые сообщения об успехах летчиков и авиационных специалистов. Прозвучали над аэродромом фамилии майора Дроздова, капитана Маркова, лейтенантов Байрачного и Скибы. Все они заслужили благодарность генерала.

О Телюкове пока что не было слышно. Только под вечер запросил он разрешения на посадку. Оказалось, его долгое время держал в своем резерве командир дивизии. И вероятно, летчика не очень радушно угощали на запасном аэродроме -- не успел он снять с себя маску-скафандр, как скомандовал:

-- Дайте что-нибудь поесть, аллах вас забери!

Ему подвезли кастрюлю с гуляшем и литровый термос с кофе. Гуляш он съел, а кофе не успел выпить. Пришел персональный вызов с КП дивизии.

-- 777, воздух!

Поддубный схватился за голову, когда услышал данные штурмана наведения: высота -- 25 километров, скорость -- 2200 километров в час. Чтобы достать цель, летчик должен был лететь в два раза быстрее звука.

Наводил перехватчика майор Гришин. В эфире слышались его короткие отрывистые команды:

-- Я -- "Робинзон". 777, ваш курс... Как поняли?

-- Вас понял правильно, я -- 777.

И снова:

-- Я -- "Робинзон". Вправо тридцать.

-- Понял -- вправо тридцать.

Не только подполковник Поддубный -- все, кто находился в это мгновение -- именно мгновение! -- на СКП и КП, прислушивались к эфиру или же следили за полетом перехватчика и цели по экранам радиолокаторов.

Шел последний, заключительный этап учений, и судьбу его решали двое: капитан Телюков и майор Гришин. В данном случае речь шла об оценке не только полка, но и дивизии.

На земле уже сгустились вечерние сумерки. А на высоте 25 километров еще вовсю светило солнце. Нигде ни облачка, ничего, на чем можно было остановить взгляд.

Казалось, отсюда рукой подать до космоса...

-- Я -- "Робинзон". Смотрите вперед, 777!

-- Смотрю -- не вижу...

-- Скорость!

-- Иду на максимальной.

-- Немного ручку от себя. -- Я -- "Робинзон". У вас есть резерв высоты. Скорость нужна!

-- Даю скорость.

-- Наблюдаете?

-- Пока нет.

"Неужели на такой высоте видимость значительно хуже, чем на средней?" -- в волнении подумал Поддубный. И вдруг его как бы кольнуло в сердце.

-- Я -- 777. Цель наблюдаю. Атакую!

У Поддубного мелькнула мысль, что это ему почудилось. Но нет! Он четко слышал голос Телюкова: "Атакую!"

-- Телюков перехватил высотную цель! -- донеслось из всех висевших на аэродроме динамиков.

Гоняясь за целью, Телюков потерял всякое представление о своем местонахождении. Выйдя из атаки, он запросил курс на аэродром. На свой ему не дали -- далеко.

-- Ваша точка -- 38.

Это был позывной Северного аэродрома, того самого аэродрома, гостиница которого носила название "Белка".

Идя по заданному курсу и постепенно снижаясь, Телюков внезапно врезался в дождевую полосу, которую издали принял за обыкновенную тучу, и на некоторое время растерялся. Дождевые капли, ударяясь о фонарь кабины, вспыхивали яркими огоньками. Казалось, самолет вот-вот загорится и взорвется. К счастью, полоса дождя быстро миновала, и самолет вышел в чистое небо, где непонятное явление сразу прекратилось.

"Аллах меня забери, что ж это такое было?" -- терялся в догадках Телюков, поеживаясь от охватившего его неприятного холодка.

Садился он с перелетом и, чтобы сократить пробег, выпустил посадочный парашют, которым почти никогда до этого не пользовался.

С Северного аэродрома его уже не выпустили: на побережье разыгрывалась, как в предыдущую ночь, грозовая деятельность. Волей-неволей летчик отправился на ночлег в гостиницу "Белка".

Там было как на заезжем дворе во время ярмарки. Откуда только не послетались летчики! Кроватей не хватало, и офицеры устраивались где придется. Заведующая -- тетя Параска -- стелила на голый пол матрацы и ворчала:

-- И откуда только принесла вас нелегкая? Все падаете и падаете с неба на мою голову, словно других аэродромов нету!

Была при "Белке", так же как при всех других гарнизонных гостиницах, генеральская комната. Телюков заглянул туда -- пусто.

-- Впустите, тетушка Параска!

-- Куда?

-- В генеральскую.

-- Ишь чего захотел! Не дорос, соколик! Да, говорят, московский генерал где-то здесь летает.

-- Верно. Я давеча гонялся за ним. Он сел в другом месте.

-- А ты, милок, не обманюешь меня, старуху? -- недоверчиво спросила заведующая.

-- Никогда ни одной женщины не обманул...

-- Ишь охальник! Ну ладно уж, ложись в генеральской, коль не обманюешь. Только не на кровать, а на диван ложись. Слышишь? А ежели постучу -- беги без оглядки!

-- Слушаюсь, тетушка Параска!

Раздевшись, Телюков подумал-подумал да и нырнул в генеральские перины, предусмотрительно накинув на дверь крючок. И не успел он как следует разнежиться, как кто-то настойчиво постучался.

-- Кто там?

-- Генерал прилетел! -- послышался испуганный голос тетушки Параски.

-- А где он, этот генерал? -- неохотно летчик поднялся с постели.

-- Я здесь! -- послышался мужской голос.

Телюков опомнился, в мгновение ока натянул на себя комбинезон: мужской голос принадлежал генералу Ракитскому. Телюков открыл дверь.

-- Простите, товарищ генерал!

-- А-а, это вы, коллега! -- Генерал загородил руками дверь, задерживая летчика. -- Куда же вы? Я могу и на диване прилечь. Мы ведь с вами старые знакомые. Помните, как вы собирались в Кизыл-Кале в "небесную канцелярию"?

Телюков не мог разобрать, шутит генерал или попросту возмущен его поведением.

-- Так точно, помню! -- отрубил он по-уставному.

-- А три семерки -- ваш позывной?

-- Так точно!

-- Эге, так это вы перехватили меня?

-- Я, товарищ генерал!

-- Молодец! -- похвалил его генерал и повернулся к заведующей: -- Этого капитана всегда пускайте в генеральскую.

Так Телюков очутился в одной комнате с генералом.

-- А кто этот "Робинзон", который наводил вас? -- спросил генерал, раздеваясь и укладываясь на диван.

-- Майор Гришин.

-- Гришин? -- генерал помедлил. -- Не тот ли это Гришин, у которого подтяжки ослабели? Да разве его еще не демобилизовали?

-- Нет. Ведь он -- профессор наведения. Мы его Лобачевским прозвали. У него не голова, а электронно-вычислительная машина.

-- Ишь ты!

-- Сущая правда, товарищ генерал! Это как раз и учел командир нашего полка. Зачем такого демобилизовывать?

Некоторое время генерал лежал молча, потом спросил:

-- А какого вы мнения, капитан, о своем командире?

-- О подполковнике Поддубном?

-- Да.

-- Не положено подчиненному характеризовать своего начальника, -уклонился Телюков от ответа.

-- Просто интересно знать ваше мнение.

-- Что касается меня, то я бы его на дивизию посадил, -- выпалил Телюков, облокачиваясь на подушку.

-- Ого!

Телюков заговорил еще более оживленно:

-- А что, товарищ генерал? Нарушителей границы проучили? Проучили. Аварий нет? Нет. Дисциплина у нас -- гранит. Летчики -- волки, палец в рот не клади. Если уж вам, товарищ генерал, действительно интересно знать мое мнение, то скажу: начштаба дивизии полковник Вознесенский сцепился было с нашим командиром, а что вышло? Шутил волк с жеребцом, да зубы в горсти унес. Эге, наш подполковник -- всем командирам командир!

-- Значит, вам не хотелось бы расставаться с вашим командиром?

-- Расставаться? Нет. А что?

-- А то, что Поддубный таки пойдет на дивизию. Это дело решенное. А вы... куда бы вы хотели?

-- В космонавты, товарищ генерал!

-- Не изменили, значит, своего решения?

-- Что вы, товарищ генерал! Это моя заветная, давнишняя мечта. Вот только не знаю, примут ли.

-- Приняли вас в школу космонавтов.

-- Правда? Вы не шутите, товарищ генерал?

-- А генералы разве шутят?

Телюков замялся, взволнованный, не зная, что сказать.

-- Когда же меня вызовут в Москву?

-- Думаю, на этих днях и вызовут.

Генерал замолчал и вскоре заснул. А Телюков не спал. Долго

не спал. Все думал.

Наутро генерал разбудил его и сказал:

-- Ну, космонавт, пора вставать!

Телюков радостно улыбнулся:

-- Космонавт -- это звучит гордо!

Торжественно провожали однополчане Телюкова в школу космонавтов. В честь этого события в столовой стихийно возник вечер художественной самодеятельности с "космической" программой. Принесли магнитофон, и раздалась мелодичная музыка "Лунного вальса". Байрачный и Скиба под гитару спели песню "Прощайте, голуби":

Наступай, наше завтра, скорей,
Распахнись, небосвод.
Мы гоняли вчера голубей,
Завтра спутников пустим в полет.
Пусть летят они, летят
И нигде не встречают преград.

Самые тонкие, самые сокровенные нити души летчика затронули эти слова. Телюкову казалось, что это именно к нему обращаются летчики, хотя им тяжело расставаться с бывшим командиром, другом, товарищем.

Взволнованный и растроганный сидел он среди друзей. А тут еще как на беду, налетели мучительные воспоминания о Нине. Здесь он увидел ее впервые, за этим самым столиком, за которым сидит сейчас... Как властно вошло это имя в его душу! И каким нестерпимо коротким было его счастье! Где она теперь? Встретятся ли они когда-нибудь? Куда занесла ее судьба? Чуть ли не все города уже обведены на карте кружками...

...С короткой речью выступил замполит. Потом взял слово командир. Желали Телюкову успехов, счастья, здоровья, жали руки, обнимали, целовали.

Надо было что-то сказать в ответ. Но что? Как найти сразу нужные и простые слова? Они все у него в душе, но высказать их он не может. Никогда не думал, что так тяжела будет эта разлука! Матери, бывало, скажешь: "Ну, прощай, мама!" -- и уехал. А вот товарищам нужно сказать что-то совсем другое...

Телюков поднялся.

-- Друзья мои! -- сказал он тихо, и голос его дрогнул: -- Друзья мои! -- медленно повторил он, стараясь овладеть собой. -- Вы знаете, были у меня грехи... Были. Спотыкался, и не раз. Но вы поддерживали меня, и за это огромное вам спасибо! Я люблю вас всех и никогда, никогда не забуду ни вас, мои дорогие, ни свой родной полк. -- Он перевел дыхание, помолчал.

-- Что мне сказать вам на прощание: Пока в моей груди бьется

сердце, оно не перестанет служить нашему народу, нашей Родине. Считаю величайшей для себя честью, огромным счастьем прокладывать дорогу в космос и глубоко благодарен всем вам за то, что по этой дороге я пойду коммунистом...

Раздались горячие и долгие аплодисменты.

Телюков простился с каждым в отдельности. Затем сказал Байрачному:

-- Бери, Гриша, мою "Волгу". Стоимость тебе известна. Минус десять процентов за амортизацию. Деньги будешь вносить на мой текущий счет в сберегательную кассу. А теперь давай сюда твою лукавую мордаху! Поцелуемся, Гриша, друг ты мой! Будь здоров! Будь счастлив!

Байрачный был совсем растроган и огорчен разлукой.

-- Счастливого пути. Впрочем, мы еще увидимся... Я вас отвезу утречком на аэродром. Спокойной ночи!.. -- сказал он, подавляя волнение.

-- Спокойной ночи...

...Вылетел Телюков в десять утра на Ли-2. Самолет сделал над аэродромом прощальный круг и, набирая высоту, пошел над горным кряжем.

За бортом плыла тайга -- величественная и прекрасная, еще зеленая, но уже украшенная золотисто-багряной прожелтью осени.

Справа отчетливо виднелись очертания берегов, за которыми в мерцающей дымке раскинулось спокойное, по-осеннему притихшее, зеленовато-серебряное море...

Унылая пора! Очей очарованье!

Приятна мне твоя прощальная краса -

Люблю я пышное природы увяданье,

В багрец и в золото одетые леса...-

произнес Телюков давно забытые и воскресшие с удивительной силой слова. Ему стало жаль этой тайги, вековых сосен и красавиц пихт, диких гор, высокого неба...

В этот же день он пересел на Ту-104.

Эпилог

Отцвела в тайге золотая осень, отшелестела буйным листопадом, усыпав жухлою листвою чуть приметные тропинки.

Много перемен принесла эта осень в полк. Сбылась мечта майора Гриниша: он перебрался с острова на материк, на КП дивизии. Подполковник Поддубный, получив новое назначение по службе, передал полк майору Дроздову и уехал с Лилей на запад. Демобилизовались ефрейтор Баклуша и рядовой Челматкин -- оба уехали в целинный край. Максим Гречка получил звание старшего техник-лейтенанта и занял должность

техника звена. На высшую служебную ступень поднялся подполковник Асинов -- занял в дивизии место уволенного в запас полковника Вознесенского.

А о Нине по-прежнему ничего не было известно.

После октябрьских праздников Григорий Байрачный наконец получил долгожданный отпуск и уехал с Биби к родителям на Полтавщину. Он торопился. Его жена готовилась стать матерью. Но молодые супруги просчитались, а может быть, далекая дорога нарушила сроки природы. Пришлось в Харькове сойти с поезда. Это случилось ночью, а наутро медсестра родильного дома поздравила лейтенанта с сыном.

Молодой отец, радостный и счастливый, в сотый раз перечитывал записку жены, бегал по магазинам, покупая все, что необходимо новорожденному и его матери. Он рассылал радостные телеграммы родным и знакомым, буквально каждый час наведывался в родильный дом.

Байрачный снял номер в гостинице и на следующее утро помчался по магазинам искать сыну коляску. Ему хотелось приобрести точно такую, как у капитана Маркова, -- голубую, с козырьком и обитую внутри белой мягкой юфтью. К сожалению, таких колясок в магазинах не оказалось, и он продолжал поиски, без устали мотаясь с одного конца города в другой.

Однажды -- миновал уже седьмой день -- Байрачный пришел на вокзал, чтобы узнать расписание поездов, идущих на Полтаву. Было холодно, выпал первый снег, залы были битком набиты пассажирами. Проходя мимо буфета, он вдруг увидел девушку. Она стояла к нему спиной и выделялась среди других своим внешним видом. На ней была волчья доха с мохнатым капюшоном. За плечами висел старый брезентовый рюкзак. Эта необычная одежда и привлекла внимание Байрачного. Взяв стакан чаю, девушка примостилась в углу за столиком, сбила на затылок капюшон и вынула хлеб, завернутый в газету.

Байрачный обомлел: это была Нина.

Больно было смотреть на ее вид, на скудный ужин. Прихлебывая горячий чай, она осторожно ела хлеб, подставляя ладонь, чтобы не крошить зря... И вся она была такая удрученная, обездоленная... Глаза, прежде яркие, блестящие, потускнели.

Страшно взволнованный неожиданной встречей, Байрачный подошел к столику и тихо, чтобы не ошеломить девушку, сказал:

-- Нина... Здравствуйте!

Нина вздрогнула, резко подняла голову. Страх, удивление, радость отразились в ее глазах. На губах застыла болезненная улыбка.

-- Не узнаете?

Нина поспешно завернула остаток хлеба в газету и прикрыла пакетик рукавом.

-- А капитан все время искал вас... Сотни писем...

-- Прошу вас... -- она остановила его движением руки, -- выйдем отсюда! Я прошу...

"Хочет скрыться", -- мелькнула мысль. Байрачный наклонился к Нине:

-- Я вас не отпущу. Выслушайте меня... Антон, этот байбак, жив, поняли? Жив и здоров, черт бы его побрал! Телюков столкнулся с ним в тайге, -- я расскажу вам, при каких обстоятельствах, -- разговаривал с ним. Вы напрасно терзаете себя, напрасно скрываетесь... Идемте со мной, я вам расскажу обо всем подробно. Телюков в Москве. Я дам ему телеграмму. Завтра, а может быть, даже сегодня, если будет самолет, он прилетит сюда...

-- Жив?.. Антон жив? -- скорее простонала, чем спросила Нина.

-- Жив.

Она смотрела на летчика широко открытыми глазами и верила и не верила ему, и вдруг упала головой на руки и горько заплакала.

-- Идемте скорее. А то на нас уже поглядывают с любопытством.

-- Идите. Я потом... мне стыдно рядом с вами... -- всхлипывала девушка.

Но Байрачный был непреклонен.

-- Идемте вместе. Если я вас выпущу, Телюков никогда не простит мне этого, вы понимаете или нет? -- Он снова взял ее под руку. -- Пошли!

Над городом сверкали вечерние огни. Сеялся, искрясь в электрическом свете, мелкий, реденький снежок. Сновали автомобили, торопились куда-то пешеходы, и среди этого городского водоворота Нина выглядела в своем наряде жалкой и беспомощной. Она чувствовала это и не раз пыталась выпростать свою руку, но Байрачный крепко держал ее. Увидя проезжавшее такси, он остановил его.

-- Нет, нет! -- запротестовала Нина. -- Не нужно. Я ни за что не сяду...

-- Что значит -- не сяду? -- напуская на себя строгость, сказал Байрачный. -- А ну-ка, не будем спорить! Вы должны делать все, что я скажу... Нет, нет, не бойтесь, -- заметив ее испуганный взгляд, улыбнулся Григорий. -- Я ведь не Антон. Вы для меня священны, как жена моего командира, друга, учителя. Если уж мне выпало такое счастье найти вас... сами понимаете -- могу ли я

отпустить вас...

Нина, видя, что противиться бесполезно, сбросила рюкзак и покорно села в машину.

-- Давно бы так. А теперь рассказывайте, где вы пропадали?

-- Везде понемногу, -- ответила Нина. -- Без документов я ведь и на работу не могла устроиться.

Они приехали в гостиницу и поднялись в номер.

-- Вам нужно помыться, привести себя в порядок, -- сказал Байрачный, когда Нина сбросила свою доху. -- Белье чистое есть? Да вы не стесняйтесь, говорите прямо. Я ведь не такой уж чужой вам человек.

-- Есть, -- сказала Нина и заплакала.

-- Успокойтесь, Ниночка, лучше скажите, есть ли у вас туфли? Пока что вместо туфлей у вас на ногах, как любил говорить Телюков, одному аллаху известно что...

-- Туфель нет. Были -- продала. На билет. Хотела ехать домой. В родные края. Думала-думала и решила так: будь что будет. От судьбы все равно не уйдешь. Невмоготу жить под вечным страхом, прятаться, кочевать с места на место...

-- Ну теперь вам уже нечего бояться. Нужно первым делом привести себя в приличный вид. Какой номер обуви носите?

-- Тридцать седьмой. А что?

-- Не будет мал? Разувайтесь... Я обведу карандашом ступню.

-- Да нет, что вы!

-- Нина...

-- У меня денег не хватит.

-- Деньги найдутся.

Нина сбросила свои истоптанные резиновые боты.

-- Пока не закрылся магазин, я пойду куплю вам что-нибудь приличное. Сидите и ждите меня. Уж не взыщите -- я запру вас на ключ.

-- Ой, не нужно...

-- Что -- не нужно? Покупать туфли или запирать на ключ? Я все-таки сделаю и то и другое.

Байрачный ушел и через час вернулся с коробкой, в которой лежали красивые черные замшевые полуботинки, подбитые белым мехом.

-- Примеряйте. Вот и чулки. Не удивляйтесь, что маленькие. Они безразмерные. Ну как, по ноге? Вот и хорошо! А теперь -- в ванну! Я уже заказал.

-- Спасибо вам, Гриша...

-- Ну, ну, -- прервал ее Байрачный. -- Не стоит благодарностей. Я очень счастлив, что встретил вас...

Пока Нина мылась в ванне, Байрачный дал Телюкову

телеграмму, в которой сообщал о вынужденной остановке в Харькове и о том, что встретил Нину. Просил немедленно прилететь. Потом позвонил в родильный дом, поговорил с Биби и вернулся в номер.

Нина вошла после ванны свежая, помолодевшая. Байрачный невольно вспомнил, какой увидел ее в первый раз в столовой он и Телюков. Тогда она тоже поразила их своей свежестью, стройностью, горделивой осанкой. Но узкая юбка уже не облегала, как прежде, крутых бедер -- она висела на Нине как на вешалке. И руки огрубели... Бедняжка... Немало испытаний, видно, выпало на ее долю!

-- Ниночка! Вы же просто очаровательны! -- воскликнул Байрачный. -Какая жалость, что я женат... Кстати, почему вы не спрашиваете меня о Биби? Ведь она здесь, в Харькове... В родильном доме. Вы можете поздравить меня с сыном. В дороге застало нас...

-- С сыном? -- спросила Нина и впервые после встречи улыбнулась тепло и счастливо. -- Поздравляю. Я обязательно навещу Биби. Она была так добра ко мне, так сердечно отнеслась тогда...

-- А я уже имя дал сыну -- Филипп. Имя это для меня очень дорого... Итак, у меня сын, сын! Понятно, Ниночка? А сейчас давайте поужинаем вместе. Биби просила поднять бокалы за здоровье новорожденного.

Нина встала и подошла к зеркалу.

В ресторане гремел джаз. Несколько пар танцевало. Все столики были заняты, и Байрачный с Ниной остановились в стороне, возле колонны, в ожидании, пока освободится место.

И вдруг она пошатнулась:

-- Мне плохо... ой, я упаду! Голова...

-- Что с вами, Нина?

-- Нет, нет, уйдем отсюда. Я не могу... Прошу вас!

Байрачный взял Нину под руку, отвел в номер, помог ей лечь.

-- Вызвать врача? -- спросил он озабоченно и приложил ладонь к ее влажному холодному лбу.

-- Не нужно, -- ответила Нина тихо. -- Уже лучше... Ах, как было бы хорошо, если б я умерла тогда... Вы дали телеграмму Филиппу?

-- Дал.

-- Он прилетит?

-- Конечно.

Она отрицательно покачала головой и неожиданно резко поднялась.

-- нет! -- голос ее звучал жестко и сухо. -- Он не любит и

никогда не любил меня... А я, дурочка, вообразила... Просто он флиртовал с официанткой... Но я не игрушка...

Она приподнялась на кровати, сбросила туфли.

-- Возьмите. Я... я... вернусь на рудники. Там девушки работают. И я буду работать. Пойду учиться... Теперь мне уже не страшно. Вместе со всеми... наравне...

Она стала натягивать боты.

-- Не глупите, Нина! -- сказал Байрачный как можно строже. - Успокойтесь, возьмите себя в руки. Я все равно не выпущу вас, пока не прилетит Телюков.

-- А вы уверены в том, что он прилетит?

-- Абсолютно.

-- Нет. -- сказала Нина, села на диван и задумалась тяжело. -- Он не прилетит. Да и зачем я ему?.. Он на постоянное жительство в Москву переехал?

-- Вероятно, да.

-- Учится в академии?

-- Да, учится.

-- Он тогда все обещал меня устроить в школу... Какой он был милый... потом я пошла бы в институт... -- она говорила мечтательно, беспорядочно размышляя вслух.

-- Все будет так, как он сказал. Нина.

Нина покачала головой, сняла с вешалки свою доху, оделась, натянула капюшон, поправила на плечах лямки рюкзака.

-- Пустите меня. Я не хочу, я не имею права становиться на его пути...

-- Я никуда вас не пущу... Какую чепуху вы говорите!

-- Пустите...

Они долго стояли, споря. Неизвестно, чем бы это все окончилось, но в дверь неожиданно постучали, и дежурный администратор вручил Байрачному телеграмму.

Нина читала и перечитывала телеграмму, и слезы градом катились по ее щекам. Скупые строчки телеграммы мелькали перед глазами. "Прилетаю утром. Ждите гостинице. Целую. Телюков".

-- Ну вот и хорошо, -- сказал Байрачный. -- Ложитесь спокойно спать, а я пойду к приятелю. Есть здесь у меня один друг. У него и переночую.

Не было у Байрачного никаких знакомых в Харькове. Всю ночь напролет он просидел в вестибюле, ожидая приезда Телюкова и карауля Нину. Наконец входные двери распахнулись, и на пороге появился капитан Телюков в парадной форме, со счастливой, радостной улыбкой на чисто выбритом свежем лице.

-- Филипп Кондратьевич! -- воскликнул Байрачный.

-- Гриша, друг мой!

Они крепко обнялись.

-- Где она?

-- В номере. А ключ у меня. Чтоб не сбежала. Уж больно переживает. Жаль ее до слез. Смотрите, вы уж тихонько. Нервы у нее в ужасном состоянии... Обидеть ничего не стоит. Что касается меня, то прошу поздравить с сыном Филиппом.

Телюков широко улыбнулся:

-- Поздравляю, Гриша, от всего сердца поздравляю!

-- Ну так как, Филипп Кондратьевич, скоро в космос?

-- В космос? -- рассеянно повторил Телюков.

-- Ну да, в космос.

-- Да кто его знает... Я там не один. Пока что -- учимся. Вряд ли я буду первым и даже вторым. А все же полечу! Полечу, Гриша! Но об этом после. Сейчас я думаю только об одном... Веди меня к Нине.

Байрачный постучал. Дверь сразу отворилась. Нина уже не спала, да и спала ли она вообще этой ночью? Увидя Телюкова, она вздохнула легко и медленно пошла ему навстречу...